

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил
Желтов, Е. И. Кислова,
Р. Н. Кривко, М. М. Макарец,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович
(*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 8

Nº 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

R. N. Krivko, University of Vienna
R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. M. Makartsev,
R. Marti, D. G. Polonski, A. E. Soboleva,
A. Yu. Vinogradov

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, E. A. Pasternak,
A. A. Preobrazhenskaya, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, L. Sh. Davletshina, E. I. Kislova,
K. V. Sarycheva, M. S. Yakovleva

Bulgarian Language Copy Editor, Proofreader

M. M. Makartsev

English Language Copy Editor, Proofreader

M. A. Borun

Layout Editor

M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Р. Н. Кривко, Венский университет
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, А. Ю. Виноградов, Е. И. Кислова,
М. М. Макартцев, Р. Марти, Д. Г. Полонский,
А. Е. Соболева

Технические редакторы

А. О. Бурцева, Е. А. Пастернак,
А. А. Преображенская, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры (рус-

ский язык) А. О. Бурцева, Л. Ш. Давлетшина,
Е. И. Кислова, К. В. Сарычева, М. С. Яковлева

Литературный редактор, корректор
(болгарский язык) М. М. Макартцев

Литературный редактор, корректор
(английский язык) М. А. Борун

Верстка

М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slovēne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 8. № 1. — Москва: Институт славяноведения Российской академии наук, 2019. — 564 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ "Современное Естествознание".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a
Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2019

© Authors, 2019

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

8 Памяти Елены Викторовны Падучевой (26 сентября 1935 — 16 июля 2019)

Статьи / Articles

- 12 Я. Милтенов (София). *Три пласта на лексикално редактиране в Зографското евангелие*
Y. Miltenov (Sofia). *Three Layers of Lexical Editing in Codex Zographensis*
- 25 А. Э. Кулик (Иерусалим). *Дихотомия господь / господинъ и кирилло-мелфодиевская лингво-теологическая инновация*
A. E. Kulik (Jerusalem). *The господь-господинъ Dichotomy and Cyrillo-Methodian Linguo-Theological Innovation*
- 55 П. В. Петрухин (Москва). *Где и когда собирал дань новгородец Савва?*
P. V. Petrukhin (Moscow). *Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?*
- 109 Т. И. Афанасьева (С.-Петербург). *Donatio Constantini в славянских переводах XIV–XV вв.: к проблеме их датировки и локализации*
T. I. Afanasyeva (St. Petersburg). *Donatio Constantini in Slavic Translations of the 14th and 15th cent.: On the Problem of Dating and Localization*
- 133 А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва). *Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв.*
A. F. Litvina, F. B. Uspenskij (Moscow). *Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries)*
- 162 Daniel C. Waugh (Seattle). *The Great Turkes Defiance Revisited*
Д. К. Уо (Сиэтл). *Еще раз о «Вызове великого турка»*
- 188 О. Чадаева (Оломоуц). *Потерянный рай протопопа Аввакума: сочинение «Снискание и собрание о Божестве и о твари» как переосмысление библейской истории*
O. Chadaeva (Olomouc). *Archpriest Avvakum's Paradise Lost: The Sniskanie i Sobranie o Bozhestve i o Tvari Treatise as Interpretation of Biblical History*
- 223 Д. В. Руднев, Х. Фу (С.-Петербург). *«Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка*
D. V. Rudnev, H. Fu (St. Petersburg). *“Letter of a Sicilian to One of His Friends” in Translation by Antiochus Cantemir (1726): History of the Text and Features of its Language*
- 254 Д. А. Кондаков (Полоцк). *Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции*
D. A. Kandakov (Polotsk). *Eighteenth-Century Russian Writers through the Eyes of the Parisian Police*
- 269 И. В. Семененко-Басин (Москва). *Между пересыльной тюрьмой и дворянской гостиной: книгоиздательские проекты доктора Гааза 40-х гг. XIX в.*
I. V. Semenenko-Basin (Moscow). *Between the Transit Prison and the Nobleman's Drawing-Room: Doctor Haas's Publishing Projects in the 1840s*

- 284 И. Ю. Виницкий (Принстон). *Первая сербская писательница: Из истории женской литературы начала XIX века*
I. Yu. Vinitsky (Princeton). *The First Serbian Female Writer: From the History of the Nineteenth-Century Women's Literature*
- 328 М. Лявинец-Угрин (Будапешт). *К вопросу изучения истории русского языка в Венгрии в XIX веке: Неразгаданный К. А. Сабов*
M. Lyavinecz-Ugrin (Budapest). *History of the Russian Language in Hungary in the 19th Century. Discovering Kirill Szabov*
- 352 И. Пиотровска (Варшава). *Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.)*
J. Piotrowska (Warsaw). *The Specifics of the Polish Reception of Leo Tolstoy in the Light of the "Russia vs. Europe" Dichotomy (Based on Articles Published on the Occasion of the 1908 Anniversary)*

Публикации / Publications

- 368 М. А. Пузина (Москва). *Новонайденные греческие параллели к славянским переводным стихирам*
M. A. Puzina (Moscow). *Newly Found Greek Sources of Slavic Translated Stichera*
- 405 А. Е. Жуков (С.-Петербург). *Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г.*
A. Ye. Zhukov (St. Petersburg). *Rank Office Records from the RASL Manuscript 16.17.34 as a Source on the History of the Kazan Campaign of 1552*
- 429 А. Д. Паскаль (Москва). *Об источниках «Похвального слова Иоанну Новому»*
A. D. Pascal (Moscow). *On the Sources of "The Eulogy of John the New"*

Заметки / Notes

- 467 М. О. Новак (Казань). *Исследование календаря в славянских Апостолах: лингвистические комментарии*
M. O. Novak (Kazan). *Study of the Slavonic Apostolos Calendar: Linguistic Comments*

Полемика / Discussions

- 477 А. Ю. Виноградов (Москва). *О хронологии русских митрополитов XI в. (по поводу новой гипотезы А. П. Толочко)*
A. Yu. Vinogradov (Moscow). *On the Chronology of the 11th-century Russian Metropolitans. An Answer to A. P. Tolochko*

Обзоры / Overviews

- 486 Е. Л. Березович (Екатеринбург), С. М. Толстая (Москва). *Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения*
E. L. Berezovich (Ekaterinburg), S. M. Tolstaya (Moscow). *Lexis of the Russian North: State and Prospects of Study*

Рецензии / Reviews

- 526 О. С. Сапожникова (С.-Петербург). «По тем вестям, которые приходят из...»: о новом томе *Вестей-Курантов*
[Рец.: Вести-Куранты: 1671–1672 гг. / Подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. М., 2017. — 806 с., илл.; 27 см]
O. S. Sapozhnikova (St. Petersburg). «According to the News that Come from...»: About the New Volume of *Vesti-Kuranty*
[Rev. of: *Vesti-Kuranty: 1671–1672*, preparation, research, commentary by I. Maier, S. M. Shamin, A. V. Kuznetsova, I. A. Kornilaeva, V. B. Krysko with contribution of E. V. Amanova, ed. by V. B. Krysko, I. Maier, Moscow, 2017, 806 pp., illustr., 27 cm]
- 543 Г. П. Пилипенко (Москва). *Многоязычие в Европе эпохи Просвещения*
[Рец.: V. Rjéoutski, W. Frijhoff, eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam University Press, 2018, 233 pp.]
G. P. Pilipenko (Moscow). *Multilingualism in Enlightenment Europe*
[Rev. of: V. Rjéoutski, W. Frijhoff, eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam University Press, 2018, 233 pp.]
- 554 Е. Ю. Иванова (С.-Петербург). *Контрастивный анализ особенностей болгарского и русского синтаксиса*
[Рец.: Градинарова А. А. Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков. София: Изток-Запад, 2017, 488 с.]
E. Yu. Ivanova (St. Petersburg). *Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Syntax Peculiarities*
[Rev. of: Gradinarova Alla A., *Essays on Comparative Syntax of Bulgarian and Russian Languages*, Sofia: Iztok-Zapad, 2017, 500 pp.]

Памяти
Елены Викторовны Падучевой
(26 сентября 1935 — 16 июля 2019)

Не стало Елены Викторовны Падучевой.

Удивление, восторг и благодарность чувствуешь, глядя на ее шестидесятилетний научный путь — от первых работ и рецензий, где она на равных дискутировала с Якобсоном и только что появившимся тогда Хомским, до вышедших в последние годы двух больших книг — об отрицании и эгоцентрических элементах языка. Самая талантливая из учеников Вячеслава Иванова и Владимира Успенского, которые были всего на пять-шесть лет ее старше и ушли почти одновременно с ней, она очень рано заставила о себе говорить как о замечательном лингвисте и теоретике языка поколения советского «оттепельного» структурализма. Это при том, что она всегда была больше и глубже структурализма как такового.

В эпоху, когда математизация языкознания была в моде, Падучева восприняла и применила аппарат математической логики именно так, как того требовал языковой материал, — и в этом она намного опередила мировые тенденции в области формальной семантики. Всю жизнь она умела следить за всем, что происходит в лингвистическом мире, принадлежать не истории науки, а сегодняшнему дню, и при этом быть ни на кого не похожей.

Ее умели ценить: знаменитый Роман Якобсон в один из первых приездов в Москву вызвал 23-летнюю Падучеву на персональный диспут о падежах, а позже написал в одной из своих статей: «Елена Викторовна Падучева, один из наиболее наблюдательных исследователей неявных и иррациональных форм естественного языка». Эпохой позже Мартин Хаспельмат скажет, что его типологии местоимений без книги Падучевой «Высказывание и его соотносительность с действительностью» не было бы. Она была избрана членом Американской и Европейской академий. Революция в славянской аспектологии — поворот в сторону дискурсивного анализа вида — началась именно с Падучевой.

Для этих «неявных и иррациональных форм» она придумывала ясные и запоминающиеся метафоры. Для нее высказывание было целым миром, игрой и кинокартиной, в которой важным самостоятельным персонажем выступал Наблюдатель, а участники ситуации уходили за кадр (За Кадр, с больших букв) или прятались там. Вслед за Якобсоном она любила поэтическую ткань текста, которая соединяет высказывания и осмысливает глагольный вид и анафору, актуальное членение и логическую структуру. Художественное слово сопрягает все разнородные предметы падучевских работ в единый сюжет. Языковые явления она виртуозно раскрывала на материале работ «великих мастеров аномалий» — Льюиса Кэрролла, Набокова, Платонова; когда писатель-экспериментатор нарушает закономерности, сами

эти закономерности видны четче. А «Шинель» Гоголя помогла понять Елене Викторовне эгоцентрический характер неопределенности в языке. Одна из самых частотных фамилий в ее научных работах — Пастернак; восторг перед ним — одновременно чувство современницы, человека 50-х годов, и ученого, который заметил, что Пастернак «впадает в нарратив», переходит из речевого режима, свойственного лирике, в повествовательный. В первом своем учебном курсе она посвятила целое занятие разбору «Марбурга», принципиально важного для Пастернака стихотворения — и в аудитории звучал голос самого автора на принесенной студентами магнитофонной записи.

У Елены Викторовны был не только талант великого ученого — самостоятельно выбирать и разрабатывать подходящие сюжеты, но и дар обыкновенного счастливого человека — проявлять искренний интерес к жизни и к новому, заниматься именно тем, чего хочется. Она никогда никакими подразделениями не руководила, а до 64 лет и ничего нигде не преподавала, пока Александр Евгеньевич Кибрик ее не уговорил (и благодаря этому с ней познакомился автор этих строк). При этом она регулярно ходила на ведущие лингвистические семинары, активнее всех участвовала в обсуждениях — и в компании молодых участников грамматического семинара в ИРЯ казалась столь же юной, как и в те годы, когда потрясла Якобсона талантом и характером. Она соблюдала все дедлайны и была необычайно ответственной. До высоких стандартов, которые она задавала на восьмом и девятом десятке, мы все так или иначе не дотягивали. У нее было много друзей и хороших знакомых из разных поколений, и ей хотелось знать все про всех. «Ну, рассказывайте!» — и она могла долго слушать, смеяться (ее смех, как сказала одна коллега, был не «заразительным», а божественным, неподражаемым), вспоминать случаи из своей жизни. Она сама была замечательной рассказчицей, но прежде всего ей хотелось именно слушать.

Аристократичная осанка, независимость, внутренняя свобода, достоинство — все это бросалось в глаза с первого взгляда. Еще невероятнее они с Андреем Анатольевичем Зализняком смотрелись вместе. Двух научных гениев и двух счастливых и свободных людей судьба свела еще в студенчестве, и они прожили рядом без малого шестьдесят лет. В соавторстве они написали немного, но эти работы (например, «О типологии относительного предложения») очень важны, а взаимные советы, влияния, поддержка никакой формализации не поддаются. После внезапной смерти Андрея Анатольевича, несмотря на всю усталость и невыносимую боль, Елена Викторовна довела до издания свою последнюю книгу и посвятила ее: «Моему мужу — Андрею Зализняку».

Зализняк и Падучева были для отечественных лингвистов (и далеко не только для них) недостижимыми авторитетами и одновременно очень близкими и дорогими людьми. Теперь начинается новая, другая эпоха: не будем думать, что будет дальше, а поблагодарим судьбу за это необычайное сочетание.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Фото Натальи Сергеевны Матвеевой

Три пласта на лексикално редактиране в Зографското евангелие*

Явор Милтенов

Институт за български език
Българска академия на науките
София, България

Три слоя лексического редактирования в Зографском евангелии

Явор Милтенов

Институт болгарского языка
Болгарская академия наук
София, Болгария

Резюме

В статията се изследват кирилските и глаголическите глоси в полетата на Зографското евангелие, които са оставени от преписвача на ръкописа. Те са едно от най-ранните свидетелства за начина, по който през X–XI в. се е извършвало лексикалното редактиране на текстовете и за същността на този процес. Проучването на глосите е поставено в контекста на предходни проучвания върху други два пласта: лексикалните варианти, с които текстът на Зографското евангелие се противопоставя на този в Мариинското евангелие, Асеманиевото евангелие и Савината книга, и синонимните замени, които в научната литература се третират като източнобългарски. Направеният анализ води към заключението, че ежедневното писмо на преписвача е кирилицата, а стремежът му е да замени или обясни определени чужди, неславянски думи. Повечето синоними и тълкувания, които той предлага в

---

* Изследването е извършено по проект The Origin of the Glagolitic-Old Church Slavonic manuscripts, финансиран от Австрийския фонд за наука (№ P29892).

Цитирование: Милтенов Я. Три пласта на лексикално редактиране в Зографското евангелие // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 12–24.

Citation: Miltenov Y. (2019) Three Layers of Lexical Editing in Codex Zographensis. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 12–24.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.1

полетата, не са повлияни от традицията и най-вероятно са негова собствена инициатива, която се вписва типологически във вече установени процеси на лексикална редакция през българския Х в.

Ключови думи

Зографско евангелие, глаголица, кирилица, глоси, вторични четения

Резюме

Целью статьи является изучение кириллических и глаголических глосс на полях Зографского евангелия, которые добавлены писцом рукописи и представляют собой одно из древнейших свидетельств лексического редактирования X–XI в. Глоссы рассматриваются в контексте 1) лексических разночтений, в которых текст Зографского евангелия противопоставляется Мариинскому и Ассеманиевому евангелию и Саввиной книге и 2) синонимичных замен, которые в научной литературе считаются восточноболгарскими. Анализ показывает, что основной азбукой писца Зографского евангелия была кириллица, а его цель заключалась в замене или объяснении некоторых неславянских слов. Большинство синонимов и толкований он включил, как кажется, не под влиянием традиции, а, скорее всего, по собственной инициативе. Типологические характеристики его работы сходны с уже известными особенностями лексического редактирования в Болгарии десятого века.

Ключевые слова

Зографское евангелие, глаголица, кириллица, глоссы, вторичные чтения

Abstract

The article aims to examine Cyrillic and Glagolitic glosses in the OCS Codex Zographensis, inserted by the scribe himself. These notes in the margins are among the earliest examples of editorial work in a Slavonic written monument ever, hence they are an important evidence about the way the lexical editing in the 9th–10th century was applied and about its essence. The study on the glosses is put in the context of previous research on 1) the lexical variants with which the text of Codex Zographensis is opposed to that of Codex Marianus, Assemanianus and Liber Sabbae, and 2) the lexical alterations which in scholarly literature are treated as East Bulgarian. The analysis leads to the conclusion that Cyrillic was the copyist's usual script, that his daily writing routine might have been in Cyrillic, and that his intention was to replace or explain certain foreign, non-Slavic words. Most synonyms and interpretations he offers are not influenced by the tradition and are probably due to his own initiative, which typologically corresponds to already established processes of lexical editing in 10th century Bulgaria.

Keywords

Codex Zographensis, Glagolitic, Cyrillic, glossae, secondary variant readings

1.1. Зографското евангелие, глаголически ръкопис от X–XI в., е открито за науката от А. Миханович през 1843 г. През септември 1860 г. то е предадено от братството на Зографския манастир на П. И. Севастиянов

като дар за руския император и е пренесено в Русия. Започва активното му изучаване, публикуват се части от текста, през 1879 г. е извършено цялостно издание от В. Ягич [Jagić 1879]. С това се създава основата за разностранни следващи проучвания, които, най-общо, определят Зографското евангелие като пазещо най-много архаични езикови, правописни, палеографски характеристики в сравнение с останалите старобългарски ръкописи.

1.2. Лексиката на паметника винаги е била във фокуса на научното внимание. Многобройните изследвания, и частни, и обобщаващи, почти неизменно се опират на съпоставка с други ранни в текстологическо отношение евангелски преписи, с гръцкия текст, с лексикографските данни за определени лексеми. Макар невинаги това да е предварително дефинирана цел, в тях обикновено се достига до изводи относно първичността или вторичността на определени четения. Екскерпирането на подобен материал и неговото осмисляне могат да доведат до различни групирания на примерите и до опит за интерпретиране на процесите, които те отразяват. Най-малко два такива пласта са известни и добре документирани, а на трети, не толкова добре проучен, бих искал да обърна по-съществено внимание в настоящата работа.

2. От една страна, въз основа на редица проучвания са идентифицирани известен брой разночетения, с които текстът на Зографското евангелие се противопоставя на този в Мариинското евангелие (Мар), Асеманиевото евангелие (Ас) и Савината книга (Сав) (вж. напр. [Mozzyński 1968a, 1968b] и цитираната литература). Макар тези паметници да са различни като тип и история, такива лексикални варианти могат да се приемат като белег за езиковите предпочитания на писача и/или за характеристиките на текстологическата традиция, на която той се опира. Става дума например за употребата¹ на **клддлзъ** вместо **стоудньць** (Мар, Сав, Ас) в Лк 14:5 (*φρέαρ*), **масло** вместо **олѣи** (Мар, Сав, Ас) в Лк 7:46 (*ἔλαιον*), **мъздонмьць** вместо **мъитарь** (Мар, Сав, Ас) в Мт 9:10, 9:11 (*τελώνης*), **мъздъница** вместо **мътница** (Мар, Сав, Ас) в Мт 9:9 (*τελώνιον*), **настоиашт[ааго дъне]** вместо **наставъшааго дъне** (Мар, Сав) и **насхштънъ** (Ас) в Мт 6:11 (*ἐπιούσιος*), **пѣнлзъ** вместо **асъсарии** (Мар, Ас) в Мт 10:29 (*ἄσσοριον*), **поуштеница** вместо **поуштенаи** (Мар, Ас) в Лк 16:18 (*ἀπολελυμένη*, срв. и **потъпѣга** в Мар, Ас в Мт 19:9), **часъ** вместо **година** (Мар, често и Ас, Сав) в Лк 12:46, Йо 4:6, 4:21, 4:52, 4:53, 5:25, 5:28, 5:35, 11:9, 12:23, 12:27, 17:1 (*ώρα*) и др. Според критическите издания [Алексеев et al. 1998, 2005] някои от посочените варианти от Зографското евангелие остават изолирани и нямат продължение в следващи препи-

¹ Примерите прилагам в кирилска транслитерация и в нормализирана основна форма. На първо място стои лексемата, употребена в Зографското евангелие.

си, напр. **мъздоимѣць**, **мъздѣница**, **настоѣашѣ**[аго дѣне]. Същото се отнася и за употребата на **островѣ** вместо **отокѣ** в Йо 18:1, която е особено любопитна, тъй като **отокѣ** (напр. в Сав) е наложило се в най-ранната традиция погрешно прочитане на изконното **потокѣ** (напр. в Мар, Ас), отговарящо на гръцкия еквивалент *χεῖμαρος*.

3.1. Друга група диференциращи четения се състои от предпочетени синоними, които се откриват на същите места в евангелски преписи със следи от източнобългарска редакция на Евангелието [Славова 1989а] и са типични като употреба за възникнали също в Източна България преводни и оригинални текстове. В свое специално изследване Т. Славова [Eadem 1989б] извежда на преден план следните примери²: употреба в Зографското евангелие на **акѣ** и **ѣкѣ** вместо откриващо се в други ръкописи първично **іакѣ** съответно в Мт 10:16, Мк 1:22, 12:25, Лк 22:31 и в Мк 3:5, 12:31, Лк 6:10, **великѣ** вместо **велии** в Мт 14:15, **жидѣ** вместо **иудѣи** в Йо 18:35, 19:12, **кладѣзь** вместо **стоуденьць** в Лк 14:5, **лоуѣити сѧ** вместо **ключити сѧ** в Мк 14:31, **лѣвѣ** вместо **шоуи** в Мт 25:33, Мк 10:37, 10:40, Лк 23:33, **масло** вместо **олѣи** в Лк 7:46, 10:34, **оставление** вместо **отѣпоушѣніе** и **отѣдание** в Лк 1:77, **пастоуѣхѣ** вместо **пастѣрь** в Мт 9:36, Мк 6:34 и в съдържанието на Евангелието от Лука, **понѧвица** вместо **плаштаница** в Мт 27:59, Мк 14:51, 15:46 **сѣворѣ** вместо **сѣньмѣ** в Лк 22:66, Йо 11:47, **цѣѣтѣ** вместо **кринѣ** в Мт 6:28, Лк 12:27. В случаите с **кладѣзь**, **понѧвица** и **цѣѣтѣ** в Зографското евангелие, отбелязва Славова [Ibid.: 37], техните „дублети“ **стоуденьць**, **плаштаница** и **кринѣ** не са засвидетелствани другаде в текста на ръкописа, докато по отношение на останалите в него се употребяват и двата синонимни варианта. Наличието на тези замени в текста, макар и не системно и изчерпателно въведени, е един от основните аргументи на изследователката (заедно с други, фонетични и морфологични) в полза на хипотезата, че Зографското евангелие може да е възникнало в Източна България, за разлика от утвърденото в науката мнение за югозападнобългарския/македонския/охридския му произход [Ibid.: 37–38]. А. С. Львов предлага няколко десетилетия преди работата на Славова още по-разширен списък от източнобългарски, според него, лексикални предпочитания, отразени в Зографското евангелие [Львов 1966: 297–300]. Той включва сред тях освен част от цитирания по-горе материал също спорадичното използване на³ **ничѣтоже** вместо **ничѣсоже**, **скоро** вместо **ѣдро**, **подроуѣтѣ** вместо

² Примерите за лексикална вариативност са извлечени в станалото класическо изследване на Т. Славова въз основа на съпоставка с над 35 тетра- и апракос-евангелия [Славова 1989а: 23–24]. На първо място посочвам използваната лексема в Зографското евангелие, а на второ — вероятното ѝ по-архаично съответствие от използваните от авторката ръкописи.

³ На първо място стои вариантът от Зографското евангелие, а на второ — по-

искрънни, хоуленниѣ вместо власфимниа, ѣдиночадѣ вместо иночадѣ и др., към тази група прибавя и гореспоменатите замени на мѣздоницьѣ вместо мытарѣ и на часѣ вместо година.

3.2. Като допълнение към тези наблюдения може да се изтъкне присъствието в Зографското евангелие на протобългаризмите дохѣторѣ (Мк 4:38, *προσχεφάλαιον*, за етимологията вж. [Фасмер 1986: 533, Dybo 2010: 23], срв. [ESJS 1992: 138]) и крѣчагѣ (Мк 7:4, *ξέστης*), вместо които в славянската евангелска традиция обичайно се предпочитат различни други лексеми. Освен в Евангелието от Марко, рядката дума дохѣторѣ се среща в превода на Книга на пророк Иезекиил с тълкувания (Иез 13:18, 20), където е употребена неколкократно и в библейския текст, и в разясненията на неговия смисъл [Тасева, Йовчева 2003: 187–189], и в преславската обработка на Скитския патерик [Федер 2007].

4.1. В полетата на цялата основна, най-стара част от Зографското евангелие се откриват спорадично добавки на пропуснати фрази и глоси към отделни думи. Мнозинството от тях са очевидно по-късни, но някои са написани със същото мастило като основния текст (веднѣж, на л. 70v, с оранжевото мастило, ползвано за малките инициали, апарата в полетата и украсата на големите инициали)⁴. Идентичен е и почеркът — интересувашите ни лексикални варианти са почти неизменно на кирилица⁵, но има и такива на глаголица (л. 189v, 190r, 192v), а те са изписани със същия дуктус и форма на буквите. Както изглежда, следните глоси са дело на самия преписвач⁶: на л. 6v думата трѣхѣ в полето е алтернатива

архаичния синоним според Лвов. Авторът [Лвов 1966: 297–300] не във всички случаи посочва кои точно паметници използва за съставка и невинаги указва конкретното място в текста, откъдето са взети примерите.

⁴ От няколко години насам отлично дигитално копие на целия ръкопис е на разположение за свободно ползване на сайта на *Руската национална библиотека* (http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Zograph_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo; последно влизане 14.07.2019). То дава възможност да се проверят и допълнят някои предходни наблюдения, да се разгледат отново паратекстовете, които не са влезли в изданието на В. Ягич, да се изследва по-детайлно украсата и други елементи, които са много по-достъпни благодарение на високата резолюция на изображенията.

⁵ Това, че за писача на Зографското евангелие именно кирилицата е ежедневното делово писмо, личи също така и от неточности при цифровите обозначения, състоящи се в объркване на отделни графем и придаване на погрешна цифрова стойност под влияние на кирилската традиция, вж. [Moszyński 1967]. Глосите, за които става дума по-долу, свидетелстват за придържане към кирилски правопис с шѣ вместо ѿ, ѣи вместо ѣ, з вместо з, с употреба на Ѧ след съгласни (кѣѦазѣ, начѦльнѣи), т. е. сходен с този в Супрасълския сборник например.

⁶ За улеснение тук, както и по-горе, използвам кирилска транслитерация и за глосите на глаголица на л. 189v, 190r и 192v. Запазвам правописните особености на примерите и съответните форми. За съжаление, някои от бележките в полетата са били накърнени при обрязването и преподвързването на ръкописа в Зографския манастир преди да бъде подарен на руския император. Липсващите

на конѣдратѣ в текста, на л. 70v **воеводѣ** стои срещу **іѣмономѣ**, на л. 82v (olim 76v) [.]оуѣжъ: [.]ѣнѣиѣл срещу собственото име **ѣвиафарѣ**, на л. 89v **кѣназѣ** **сѣнѣишѣ**та срещу **архисинагога**, на л. 100r **противѣнѣ** срещу **сотоно**, на л. 108v [.]лѣпѣца **слѣпѣ** срещу **вартимеи** **слѣпѣ**, на л. 128r **кориѣж** и **в[.]сѣкѣж** **вони[.]** е бележка към **ароматѣ**, на л. 131r **началѣнѣи** і **дрѣ]жавѣнѣи**[.] може би е пояснение към **славѣнѣи** **теофилѣ**, на л. 131v **перѣми[.]** **авиана** стои срещу **дѣнѣвѣнѣиѣл** **чрѣдѣ** **авиана**, на л. 132r **есикѣра** срещу **к(ва)са**, на л. 189v [т]ри **ча[с]ти** **скѣ[л]ѣза** се предлага срещу **драгѣма**, на л. 190r **дрѣ[.]** **на[.]** **пл[.]** обяснява **роѣѣѣѣ**, на л. 192v [.]ти[.]ѣ стои срещу **мамонѣнѣи**, на л. 269v [к]оѣѣ е контекстово тълкуване на **пѣтѣж**, на л. 283r **сѣдишѣ** **преѣѣѣ** **притѣорѣ**.

4.2. Като става ясно от този материал, Зографското евангелие ни предоставя един от най-рано засвидетелстваните примери за технологията на редакторска работа в историята на славянската писмена култура. Глосирането е добре познато в руската книжовна практика от XI–XII и XV–XVI вв.⁷ Лексиката, която се снабдява с т.нар. „произволници“ и влиза в малките речници, наречени азбуковници, е преди всичко източнобългарска или неславянска по произход. Обаче на въпроси като как точно е била въвеждана лексикалната редакция в южнославянските ръкописи през X в. и на какво се дължи сложната традиция на определени произведения и сборници от този период често учените отговарят, съдейки по косвени доказателства и чрез синтез на текстологически данни от по-късни ръкописни източници. Ранната южнославянска традиция не е съхранила преки свидетелства за подхода на редакторите, може би единствени изключения се откриват в двата най-ранни синайски Псалтира [Macrobert 2014]. Тъкмо затова нагледността на примерите от Зографското евангелие е изключително важна. Те потвърждават догадката, че един от основните способности за редактиране е именно глосирането на определени думи, а също и мнението, че средновековните преписвачи имат идеята за сакрален текст, но това не е пречка за тези, които имат достатъчно самочувствие и подготовка, да включат от себе си пояснения и да го „подобряват“ със свои езикови предложения в полетата. На следващи етапи от трансмисията те са се инкорпорирали в текста, а други писачи — по своя инициатива или по преценка на свой наставник — отново са прилагали същия метод, включвайки нови глоси (и/или директни замени).

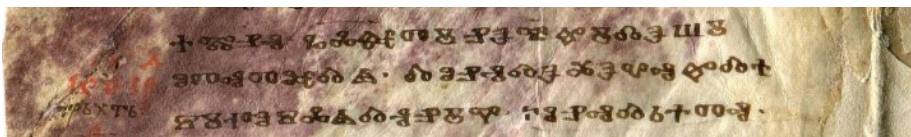
букви ограждам в квадратни скоби, а в обикновени – буквите над реда. Изображенията, използвани за илюстративен материал тук, заемам от сайта на Руската национална библиотека.

⁷ По въпроса за глосирането вж. например работите на [Баранкова 1982, 2001; Милтенов 2008; Ралева 2015; Пентковская 2016] и цитираните в тях проучвания на предходни изследователи.

4.3. Предложените от писача на Зографското евангелие варианти свидетелстват за определен стремеж да се заменят чужди думи с домашни. Синоним или уточняващ еквивалент е предложен за парични единици (драгѣмѣ, конѣдратѣ), длъжности и титли (ѿѿемонѣ, архисѣнагоѣ), други заемки (ароматѣ, приторѣ, дори сотона), за собствени имена или прилагателни от тях (ѿвѣиѿѿѣ, вартимѣ, теѿѿилѣ, авѣианѣ, мамонинѣ). В случая с *перемѣи* и *сикѣра*, известни в една или друга форма от ранни преписи като Мариинското евангелие, изглежда, че славянският преводен вариант вече е влязъл в текста, а гръцката дума е останала в полето⁸.

4.4. Възможно ли е писачът да е извършил сверка (пряка или по памет) с гръцки или друг славянски препис и на тази база да е въвел техните варианти като глоси? Наличието на първи по рода си опити в славистиката за съставяне на критически издания на Евангелието от Матей [Алексеев et al. 2005], на Евангелието от Йоан [Eidem 1998], а също така и съдържащите се данни в специални студии и в лексикографските наръчници, позволява да се провери какво е съотношението между глосите и славянската традиция на евангелския текст.

Вариантът на л. 6v *трѣхѣ* към *конѣдратѣ* (κοδράντης) се отнася към Мт 5:26. Според апарата в критическото издание на Евангелието от Матей в използваните от авторите преписи на това място се откриват синонимите *цѣта* и *мѣдѣница*, но не и думата *трѣхѣ*. В Зографското евангелие и в други свидетели, включително в Мариинското евангелие, *трѣхѣ* се среща обичайно в Лк 12:59 със съответствие λεπτόν, срв. [Срезневский 1912: 1014; СРЯ 2015: 184]. Може би писачът се е повлиял тъкмо от този стих, защото става дума за идентичен епизод и пасаж за двете евангелия. Освен тези примери, думата *трѣхѣ* е отбелязана според речниците още само в Огласителните поучения на Кирил Йерусалимски срещу гр. ὀβολός.

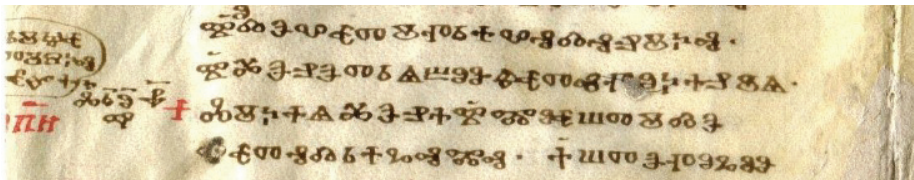

Скѣ[л]ѣза, пояснение на л. 189v към формата *драгѣмѣ* в Лк 15:8, не е регистрирана в други евангелски преписи на това място. Обичайно думата *скѣлѣзѣ* е превод на νόμισμα в Мт 22:19 (в различен от Лк 15:8 контекст!). Не са известни други употреби в този облик с начално

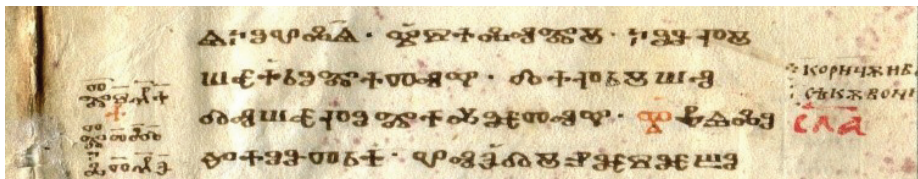
⁸ Сходен преходен етап, характеризиращ се с инкорпориране на глосите в текста и оставяне на оригиналните четения в полетата, е известен от руски ръкописи от XV–XVI вв., вж. [Милтенов 2008].

ск- другаде в писмените паметници извън този библейски стих, срв. [Miklosich 1862–1865: 846, 1137; Срезневский 1912: 376, 586, 1615, СРЯ 2000: 212, 2008: 226]. В лексикографските справочници фигурират вариантите **СТЪЛАЗЪ** и **ШТЪЛАГЪ**, част от които са извлечени от кратката редакция на Закона за съдене на хората [Максимович 2004: 97]. Поради трикратната ѝ поява в този текст от повечето учени се приема, че лексемата е моравизъм⁹. Глосата в Зографското евангелие, както изглежда, фиксира активната ѝ употреба в южнославянска среда, поне според нашия преписвач, който заменя с нея гръцко наименование на парична единица. Да се предлага заместване или обяснение на една чужда дума с друга изглежда твърде нелогично предвид контекста и очевидните цели на редактора. За разлика от примерите, засвидетелствани в речниците, в които думата отговаря като стойност на **νόμισμα**, тук еквивалент на вероятното съчетание **[т]ри чл[с]ти скъ[л]аза** е **δραχμή**.

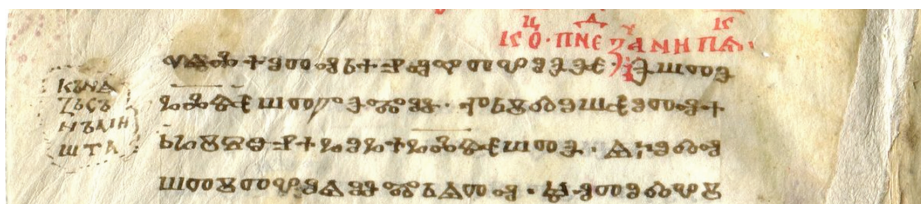
И корицъ (Мк 16:1, л. 128r) не се среща в други евангелски преписи. **Корица** е рядка дума, която се употребява като превод на **κινναμώμων** ‘канела’ в Петокнижието, Изх 30:23 [Вилкул 2015: 228] и в архаичния превод на Слово за намиране на главата на Йоан Кръстител [BHG: 839; Срезневский 1893: 1287].

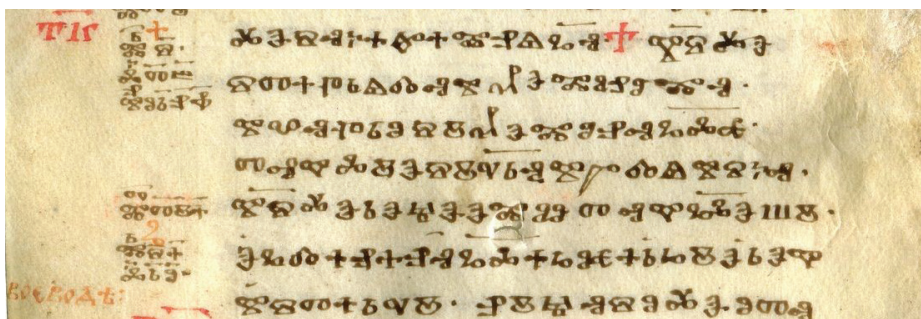
Къназъ съгнъмишта на л. 89v се отнася към **архисънагога** (Мк 5:35). Според проучването на Т. Славова замяната на гръцизми с първи корен **архи-** е източнобългарска черта, но точно такова съответствие в Мк 5:35 не се открива в ползваните от нея източници [Славова 1989а: 31–32]. Възможно е копистът да е сверил с идентичния епизод в своя ръкопис

⁹ Вж. [Максимович 2004: 97] и посочената литература. Към друго мнение се придържа [Станков 2016: 115]. За етимологията на тази германска заемка и мнение, че не би могла да е късна заемка, вж. [Pronk-Tiethoff 2013: 161–162].

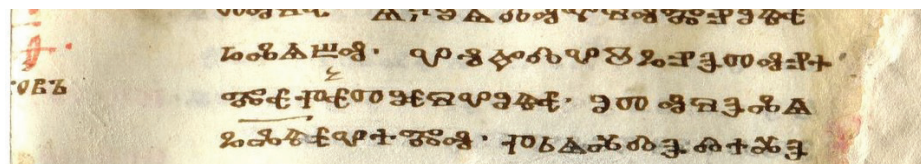
от Евангелието от Лука, защото там (но само в Лк 8:41) словосъчетанието е внесено в текста. Но по-вероятно е да става въпрос за две независими замени на чуждата дума, защото *архисинагогъ* и *архисинагоговъ* се срещат шест пъти в същия епизод в двете евангелия, без да са заместени от синоним.

В други случаи предлаганите от преписвача на Зографското евангелие глоси не са уникални четения, но са засвидетелствани в славянската традиция по-късно и много рядко. Вариантът на л. 70v *въводѣ* (към *ѿѣмоноуѣ*, Мт 27:11) например се съгласува само с два привлечени в критическото издание на Евангелието от Матей преписа, Мирославовото и Карпинското евангелие.

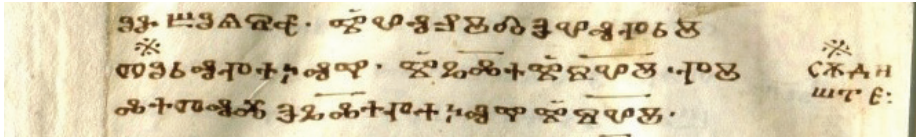

Съпоставката с критическото издание на Евангелието от Йоан показва, че пояснението *ковъ* на л. 269v срещу изконното *патѣ* (*въздвиженѣ* на *ма патѣ* *своѣ*, τὴν πτέρναν, Йо 13:18) е внесено в текста на Добромировото евангелие и в тълкуванията на Теофилакт Охридски.

Вариантът *сѣдиште* вместо *приторѣ* (л. 283r, Йо 19:9) пък е отразен едва в Лондонското евангелие на цар Йоан Александър.

5.1. Общото впечатление от разгледаните различни вариантни четения в Зографското евангелие е, че в текста на паметника е прокарана частична лексикална редакция с цел а) подновяване на някои славянски лексеми и б) отстраняване или тълкуване на отделни чужди и неясни думи. Теоретично, изследваните три пласта могат да се дължат на протографа, на антиграфа или на преписвача на ръкописа и съответно могат да са въведени поетапно или едновременно. Съдейки по естеството на третата група примери — глосите в полето, оставени от ръката на кописта — можем да предполагаме, че този пласт е внесен от него, а не се дължи на неговия образец. Освен синоними, неповлияни от традицията, писачът предлага и собствени тълкувателни глоси, включително и към лични имена. Фактът, че е бил достатъчно внимателен да глосира текста, навярно означава, че той не е автор и на онези синоними, които са включени в самия текст. Тях трябва да отдадем на друг редактор, работил по антиграфа или протографа на Зографското евангелие. Следователно, материалът говори в полза на поетапно, неколkokратно натрупване на лексикалните замени, отразени в изследвания глаголически паметник.

5.2. Това, което обединява разгледаните три пласта на лексикално редактиране в Зографското евангелие, е, от една страна, типологическото сходство и, от друга страна, липсата на системност — няма основания да се твърди, че редактирането е прокарано целенасочено в целия обем на ръкописа. Именно липсата на системност и малкото на брой иновации спрямо преобладаващите архаични езикови, правописни, палеографски характеристики води изследователите до толкова противоречиви предположения относно мястото и времето на създаване на един от най-ранните глаголически ръкописи, достигнали до нас.

Библиография

ВНГ

Bibliotheca Hagiographica Graeca, 1–3, F. Halkin, ed. (Subsidia Hagiographica 8a), Bruxelles, 1957; *Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae*, F. Halkin, ed., (Subsidia Hagiographica 47), Bruxelles, 1969; *Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae*, F. Halkin, ed. (Subsidia Hagiographica 65), Bruxelles, 1984.

Dybo 2010

Dybo A., Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords, *Studies on the Turkic World, Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski*, E. Mańczak-Wohlfeld, B. Podolak, eds., Kraków, 2010, 21–40.

ESJS 1992

Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 3, dělo–gospod', E. Havlová, ed., Praha, 1992.

Jagić 1879

Jagić V., *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*, Berolinum, 1879 [reprint: Graz, 1954].

Macrobert 2014

Macrobert C. M., On the Headings and Marginal Notes in the two Glagolitic Psalter Manuscripts in S. Catherine's Monastery on Mount Sinai, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace Gray Lunt*, M. S. Flier, D. J. Birnbaum, C. M. Vakareliyska, eds., Bloomington, IN, 2014, 175–185.

Miklosich 1862–1865

Miklosich F., *Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum*, Vindobona, 1862–1865.

Moszyński 1967

Moszyński L., Kanony Euzebiusza w głągolskim rękopisie kodeksu Zografskiego, *Słowo*, 25–26, 1976, 77–119.

——— 1968a

Moszyński L., Pokrewieństwo najstarszych staro-cerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych w świetle statystyki słownikowej, *Slavia Occidentalis*, 27, 1968, 153–158.

——— 1968b

Moszyński L., Zróżnicowanie leksykalne najstarszych staro-cerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych, *Z polskich studiów slawistycznych. 3. Językoznawstwo. Prace na VI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Pradze 1968*, Warszawa, 1968, 195–204.

Pronk-Tiethoff 2013

Pronk-Tiethoff S., *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic* [Leiden Studies in Indo-European], Amsterdam – New York, NY, 2013.

Алексеев et al. 1998

Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б., изд., подг., *Евангелие от Иоанна в славянской традиции*, С.-Петербург, 1998.

——— 2005

Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б., изд., подг., *Евангелие от Матфея в славянской традиции*, С.-Петербург, 2005.

Баранкова 1982

Баранкова Г. С., Глоссирование как прием редактирования в списках поздней русской редакции Шестоднева, *История русского языка. Памятники XI–XVIII в.*, Москва, 1982, 30–56.

——— 2001

Баранкова Г. С., О лексической правке в списках Богословия Иоанна Дамаскина, *Русский язык в научном освещении*, 2001, 2, 168–190.

Вилкул 2015

Вилкул Т. Л., *Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков*, Москва, 2015.

Львов 1966

Львов А. С., *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*, Москва, 1966.

Максимович 2004

Максимович К. А., *Законъ соудьныи людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*, Москва, 2004.

Милтенов 2008

Милтенов Я., Лексиката на Диалозите на Псевдо-Кесарий в контекста на литературната им история през XV–XVI в. в Русия, *Преславска книжовна школа*, 10, 2008, 372–382.

Пентковская 2016

Пентковская Т. В., Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 1, 2016, 26–45.

Ралева 2015

Ралева Ц. Х., Глоссирование в древнейших русских рукописях как лингво-текстологическое явление, *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Т. 7. Направление 6. Современная русская лексикография: теория и практика*, С.-Петербург, 2015, 158–163.

Славова 1989a

Славова Т., Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод, *Кирило-Методиевски студии*, 6, София, 1989, 15–129.

——— 1989b

Славова Т., Към локализацията на Зографското евангелие — старобългарски паметник от X–XI в., *Palaeobulgarica*, 13, 1989, 1, 33–38.

Срезневский 1893–1912

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

СРЯ, 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII в., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Станков 2016

Станков Р., *Древнеболгарские переводные тексты и проблема лексических моравизмов*, София, 2016.

Тасева, Йовчева 2003

Тасева Л., Йовчева М., *Книга на пророк Иезекиил с тълкования. Подбор на гръцкия текст: Т. Илиева (Старобългарският превод на Стария Завет, 2.)*, София, 2003.

Фасмер 1986

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, Москва, 1986–1987.

Федер 2007

Федер У., Методиевият превод на Скитския патерик (Методиевата зла хиена), *Кирило-Методиевски студии*, 17, 2007, 783–793.

References

Alekseev A. A., Pichkhadze A. A., Babitskaya M. B., eds., *Evangelie ot Ioanna v slavianskoi traditsii*, St. Petersburg, 1998.

Alekseev A. A., Pichkhadze A. A., Babitskaia M. B., eds., *Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii*, St. Petersburg, 2005.

Barankova G. S., Glossirovanie kak priem v spis-kakh pozdnei russkoi redaktsii Shestodnava, *Istoriia russkogo iazyka. Pamiatniki XI–XVIII vv.*, Moscow, 1982, 30–56.

Barankova G. S., O leksicheskoi pravke v spis-kakh Bogosloviia Ioanna Damaskina, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2001, 2, 168–190.

Dybo A., Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords, *Studies on the Turkic World, Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski*, E. Mańczak-Wohlfeld, B. Podolak, eds., Kraków, 2010, 21–40.

Fasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–4, Moscow, 1986–1987.

Feder U., Metodieviat prevod na Skitskii paterek (Metodievata zla khiena), *Kirilo-Metodievski studii*, 17, 2007, 783–793.

Halkin F., ed., *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, 1–3 (Subsidia Hagiographica 8a), Bruxelles, 1957.

Halkin F., ed., *Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* (Subsidia Hagiographica 47), Bruxelles, 1969.

Halkin F., ed., *Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* (Subsidia Hagiographica 65), Bruxelles, 1984.

Havlová E., ed., *Etymologický slovník jazyka staroslověnského, Seš. 3, dělo – hospod'*, Praha, 1992.

Lvov A. S., *Očerki po leksike pamiatnikov staroslavianskoi pis'mennosti*, Moscow, 1966.

Macrobert C. M., On the Headings and Marginal Notes in the two Glagolitic Psalter Manuscripts in S. Catherine's Monastery on Mount Sinai, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace Gray Lunt*, M. S. Flier, D. J. Birnbaum, C. M. Vakareliyska, eds., Bloomington, IN, 2014, 175–185.

Maksimovich K. A., *Istochnikovedcheskie i lingvističeskie aspekty issledovaniia slavianskogo iuridičeskogo pamiatnika*, Moscow, 2004.

Miltenov Ya., Lexis of the Pseudo-Kaisarios *Erotapokriseis* in the Context of its Literary History in Russia (15th – 16th c.), *Preslav Literary School*, 10, 2008, 372–382.

Moszyński L., Pokrewieństwo najstarszych staro-cerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych w świetle statystyki słownikowej, *Slavia Occidentalis*, 27, 1968, 153–158.

Moszyński L., Różnicowanie leksykalne najstarszych staro-cerkiewno-słowiańskich tekstów ewangelijnych, *Z polskich studiów slawistycznych. 3. Językoznawstwo. Prace na VI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Pradze 1968*, Warszawa, 1968, 195–204.

Moszyński L., Kanony Euzebiusza w głągolskim rękopisie kodeksu Zografskiego, *Slovo*, 25–26, 1976, 77–119.

Pentkovskaya T. V., Adapting Glosses in the Late Church Slavonic Translations from Greek, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 1, 2016, 26–45.

Pronk-Tiethoff S., *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic* [Leiden Studies in Indo-European], Amsterdam, New York, NY, 2013.

Raleva Tz. Ch., Glossing in the Oldest Russian Manuscripts as a Linguistic and Textual Phenomenon, *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury. Materialy XIII Kongressa MAPRIAL: v 15 tomakh. Tom 7. Napravlenie 6. Sovremennaja russkaja leksikografiia: teoriia i praktika*, St.-Petersburg, 2015, 158–163.

Slavova T., Küm lokalizatsiia na Zografskoto evangelie — starobŭlgarski pametnik ot X–XI v., *Palaebulgarica*, 13, 1989, 1, 33–38.

Slavova T., Preslavska redaktsiia na Kirilo-Metodievia starobŭlgarski evangelski prevod, *Kirilo-Metodievski studii*, 6, Sofia, 1989, 15–129.

Stankov R., *Drevnebolgarskie perevodcheskie teksty i problema leksicheskikh moravizmov*, Sofia, 2016.

Taseva L., Iovcheva M., *Kniga na prorok Iezekiil s tŭlkovaniia. Podbor na grŭtskiiia tekst: T. Iliieva* (Starobŭlgarskiiat prevod na Stariia Zavet, 2), Sofia, 2003.

Vilkul T. L., *Kniga Iskhod. Drevneslavianskii polnyi (chetii) tekst po spiskam XIV–XVI vekov*, Moscow, 2015.

Явор Милтенов, доц. д-р

Институт за български език, Българска академия на науките

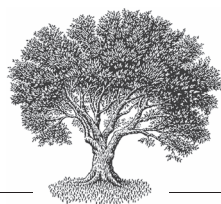
бул. „Шипченски проход“, № 52, бл. 17, ет. 6, каб. 611

1113 София

България / Bulgaria

yavor.miltenov@gmail.com

Received October 12, 2018

Дихотомия *господь* / *господинъ* и кирилло-мефодиевская лингво-теологическая инновация*

The *господь*—*господинъ* Dichotomy and the Cyrillo-Methodian Linguo-Theological Innovation

**Александр Эдуардович
Кулик**

Еврейский университет в Иерусалиме

Alexander Kulik

The Hebrew University of Jerusalem

Резюме

В статье рассматривается ранняя славянская экзегеза и ее влияние на славянские языки (и шире — модели перенесения иудео-христианского мышления на славянскую почву) на примере уникального феномена профанно-сакральной омонимии терминологии, определяющей Бога монотеистических религий, которая из всех языков христианской цивилизации снимается только в языках, принадлежащих к *Slavia Orthodoxa*. Развитие дихотомии форм *господь* и *господинъ* связано с переводческой экзегезой, неизвестной другим ранним церковным традициям и являющейся уникальной — и во всяком случае, самостоятельной — славянской инновацией в интерпретации библейского

* Я благодарю А. А. Алексева, К. Асланова, Е. М. Верещагина, Р. Н. Кривко, Р. Марти, Й. Петровского-Штерна, М. Таубе, С. Ю. Темчина и Б. А. Успенского за их ценнейшие замечания к рукописи этой статьи. Работа написана при поддержке German-Israeli Foundation (грант "Visitors from Heaven, Visitors to Heaven: Judaeo-Christian Encounters and the Last Lingua Sacra of Europe") и Israel Science Foundation ("The Bible in Russian Modernism," грант №856/15).

Цитирование: Кулик А. Дихотомия *господь* / *господинъ* и кирилло-мефодиевская лингво-теологическая инновация // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 25–54.

Citation: Kulik A. (2019) The *господь*—*господинъ* Dichotomy and the Cyrillo-Methodian Linguo-Theological Innovation. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 25–54.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

текста. Новая славянская дихотомия компенсировала многозначность стоящего за ней греческого термина *κύριος* и восстанавливала различие значений оригинального еврейского текста Библии. Это один из не вполне выявленных и осмысленных случаев самостоятельной славянской экзегетической мысли, на этом раннем этапе проявлявшейся не столько в сочинении библейских комментариев и богословских трудов, сколько в переводческом и редакторском выборе. Важно также, что некоторые процессы в распределении значений в зависимости от грамматической формы, зафиксированные в ранних славянских библейских текстах, сходны с аналогичными процессами в современных славянских языках. Кроме того, такое семантическое различие родственных и очень сходных форм обогатило и причастные к этой традиции современные славянские языки, создав средства художественного выражения, невозможные в большинстве других языков христианской цивилизации.

Ключевые слова

nomina divina, nomina sacra, Господь, Бог, монотеизм, кирилло-мефодиевский, лингво-теологический, Библия, перевод, экзегеза, Slavia Orthodoxa

Abstract

This article investigates early Slavic exegesis and its influence on Slavic languages (and, more broadly, models for transferring Judeo-Christian thought onto the Slavic soil). The investigation is based on an example of a unique phenomenon related to the sacro-secular homonymy in the terminology defining the God of monotheistic religions. Out of all the languages of Christian civilization, only the languages belonging to *Slavia Orthodoxa* depart from this general pattern. The development of a dichotomy between the forms *gospod'* ("lord") and *gospodin'* ("master") is connected with a particular translational exegesis unknown in other early ecclesiastical traditions. This therefore stands as a unique and, at any rate, independent Slavic innovation in the interpretation of the biblical text. This new Slavic dichotomy compensated for the ambiguous polysemy of the underlying Greek term, *κύριος* (*kyrios*), and restored a semantic distinction present in the original Biblical Hebrew text. This phenomenon represents one of the not yet completely elucidated and comprehended cases of independent Slavic exegetical thought, which at this early stage manifested itself not so much in the composition of biblical commentaries and theological works as in translational and editorial choices. It is also significant that certain processes in the allocation of meanings depending on the grammatical form, attested already in early Slavic biblical texts, are cognate with analogous processes in contemporary Slavic languages. Moreover, such semantic distinction between related and highly cognate forms has even enriched the modern Slavic languages connected to this tradition, thus creating means of artistic expression that remain impossible in most other languages of Christian civilization.

Keywords

nomina divina, nomina sacra, Lord, God, monotheism, Cyrillo-Methodian, linguo-theological, Bible, translation, exegesis, Slavia Orthodoxa

*«Господи!» — сказала по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

О. Мандельштам

Господь для солидных господ.

В. Пелевин

Данная работа представляет собой заявку на методологию исследования ранней славянской экзегезы и ее влияния на славянские языки (и шире — перенесения иудео-христианского мышления на славянскую почву). Эта методология будет опробована здесь в применении к одному примеру.

Исследование концепций или категорий культуры с опорой на лексическую семантику было в значительной степени дискредитировано во второй половине XX в. как в лингвистике, так одновременно в библеистике и религиоведении, в основном благодаря работам Барра и его критике проекта Киттеля [Kittel 1933–1978], направленной на различение понятий концепции и слова, семантических интерпретаций этимологий и т. п. [Barr 1961] (см. также: [Barr 1962a; Barr 1962b; Barr 1979]). В результате бурно развивавшееся в конце XIX в. — начале XX в. направление, активно занимавшееся судьбой библейского словаря на пересечении языков и культур — правда, ограниченное в основном материалом еврейского, арамейского и греческого и с сильным креном в сторону Нового Завета (от Кремера и Хатча до Дайссмана, Додда и монументального проекта Киттеля; напр., [Cremer 1895; Hatch 1889; Deissmann 1908; Deissmann 1909; Deissmann 1927; Dodd 1935]) — пришло к некоторой стагнации. Критика Барра была отчасти учтена, отчасти оспорена в работах Хилла, Тернера, Силвы, Лау и Найды (напр., [Hill 1967; Turner 1980; Silva 1983; Louw 1982; Louw, Nida 1989; Louw, Nida 1992]), но библеисты и религиоведы так и не оправились от гиперкритицизма Барра, объяснившего им, что их односторонняя профессиональная подготовка просто не позволяет им правильно понимать природу отношений между языком и мышлением.

Вместе с тем определенное методологическое подспорье для традиционных филологических подходов пришло, с одной стороны, из лингвистики — с работами Анны Вежицкой (опирающихся отчасти на старые идеи Сепира и Уорфа о связи когнитивных и лингвистических категорий, восходящие, в свою очередь, к Вильгельму Гумбольту — см., напр., [Wierzbicka, Goddard 2014; Wierzbicka 2001]), а с другой стороны — из социальной истории и политологии, с понятием *Begriffsgeschichte* Райнхарта Козелека [Koselleck 2006]; а в собственно библейской области —

из бурно развивающихся интернет-проектов по библейской семантике (например, [SAHD; SDBH; КТБН]). Все это отчасти реабилитировало работу с ключевыми словами как базовыми единицами для понимания культурных процессов.

В этом смысле религиозная традиция иудео-христианской цивилизации с ее общим багажом библейских и иудео-эллинистических понятий представляет собой удобный объект исследования, благодаря, во-первых, ярко выраженной межкультурности, а во-вторых, хорошей документированности межкультурных процессов (благодаря репрезентативному корпусу переводной литературы).

Если рассматривать религию (религиозное мышление и практику) или любую систематически оформленную мировоззренческую систему как часть той или иной культуры, то, с одной стороны, религия (или подобные ей явления, такие как массовые идеологические движения и т. п.) должна рассматриваться как интегральная часть культурной системы в связи со всеми ее элементами, в особенности с самым базовым из них — языком. С другой стороны, большинство современных мировых религий поликультурны. Как поликультурным религиям удастся сохранить один и тот же набор понятий на разных языках? Каким способом они пересекают то, что Виттгенштейн назвал «концептуальными границами мира», совпадающими с границами того или иного языка? Или же, напротив, существуют национальные «варианты» каждой конфессии, «этнорелигии» или национальные (этнолингвистические) типы религиозности, иногда даже преодолевающие конфессиональные барьеры? Или же поликультурные религиозные системы не «сохраняют» и не «переводят», а «создают» новые понятия и делают их межкультурными? Все ответы отчасти верны, что делает ситуацию особенно сложной.

Если мы сравним культурно-языковые различия с конфессиональными, то в ряде ситуаций первые могут преобладать и даже быть более принципиальными, чем вторые. Так, можно поставить вопрос, возможны ли, например, «романо-» или «славяноязычные» типы религиозности, которые определяются через повседневный узус, а не через догматические формулы?

Таким образом, семантика религиозных понятий в ее конкретной реализации может быть в ряде случаев более релевантной, чем сформулированная теология. И эти языковые данные могут быть особенно важны для молодых религиозных традиций — подобных ранней кирилло-мефодиевской — с еще не развитым теоретическим аппаратом.

Важность языковых средств для надлежащей религиозной практики была хорошо известна во все времена¹. Чувствительность церкви,

¹ См., напр., материалы, собранные в [Sawyer, Simpson 2001].

еврейских и исламских религиозных институтов к этому вопросу хорошо документирована. Однако наиболее значительный для истории цивилизации случай языкового и культурного «экспорта» религии произошел, когда эллинизированные евреи начали переводить свой повседневный религиозный лексикон, Священное Писание и молитвы с еврейского и арамейского языков на греческий. Любая культурная «трансплантация» приводит к революционным изменениям смыслов. Но данная интеллектуальная революция была особенно новаторской и влиятельной. Новаторской, поскольку как религиозные идеи, так и языковые средства евреев и греков были принципиально различны. Влиятельной, потому что она создала концептуальную основу для христианства, а также в известной степени для раввинистического иудаизма и ислама. Кроме того, в связи с ролью, которые данные религии играли в формировании современной цивилизации, многие религиозные термины и понятия, уходящие корнями в иудео-греческое лингвистическое и богословское творчество, прижились в светских языке и мышлении.

Важной задачей представляется сбор и анализ данных по теологическим и шире — мировоззренческим инновациям, привнесенным в процессе перевода библейских понятий на языки христианских церквей. То есть речь идет о том, чтобы осуществить интегративный анализ новых смыслов, привнесенных иудео-греческой лингво-теологической революцией, и там, где это возможно, проследить их значение для последующих культурных слоев, в том числе для кирилло-мефодиевской лингво-теологической инновации².

Господь и господинъ — case study

Здесь я предлагаю проверить применимость такого подхода на одном примере, связанном с самой базовой и центральной терминологией религиозной практики — *nomina divina* (именами и эпитетами Бога). Структурно состав *nomina divina* в церковнославянском языке отличается от его греческих источников. Как всегда при переводе, нет полной последовательности в использовании регулярных греко-славянских «эквивалентов» (по терминологии, введенной Иммануэлем Товом [Tov 1997: 20–23, 60–70]). И этот факт создает новые значения и соотношения значений. Например, ц.-сл. *богъ* передает не только столь же многозначное греч. *θεός* (относящееся как к единому Богу, так и к языческим богам, и к *θεός* философов), но и еще более многозначное *δεσπότης*, а также вполне однозначное греч. *ἐῷδων* — и даже *χριστός*, т. е. в последнем случае

² Важным заделом для исследования в этом направлении являются работы по переводческой технике в ранней славянской письменности: от работ Ф. К. Миклошича и И. В. Ягича до А. А. Алексеева, Е. М. Верещагина, Ф. Томсона и мн. др. (см., например, особенно: [Miklosich 1875; Верещагин 1997]).

догма воплощения вчитывается в текст, в котором она прямо не сформулирована. Другой пример — снятие различия между *δεσπότης* и *κύριος*, поскольку оба термина передаются парой *господь* или *господинъ*. Не менее интересны и другие термины и явления, например, славянская судьба греческих памятников, избегавших использования эквивалентов тетраграмматона — четырехбуквенного имени Бога (как, например, в *Откровении Авраама*). Мы, однако, разберем здесь подробнее только один пример и проверим одну гипотезу, связанную с поиском источников и датировкой дихотомии форм *gospodъ/gospodinъ* (или *gospodъ/gospodarъ*) в некоторых славянских языках — дихотомии, неизвестной другим базовым языкам христианской культуры.

Эта дихотомия секулярного и сакрального значений при передаче греч. *κύριος* засвидетельствована в болгарском, македонском, сербском и восточнославянских языках. Состав языков совпадает с составом традиций, принадлежащих к *Slavia Orthodoxa*. Обе эти формы могут быть представлены и в языках славян-католиков, но никогда в той же оппозиции сакрального и профанного значений. Так, например, ст.-пол. *gospodzin* синонимично диалектному *gospód*, а также форме *gospodarz* в секулярном значении, а в ст.-чеш. *hospodin* и *hospod* оба, наоборот, относятся к Богу [Gebauer 1970, 1: 469, 471]. Невозможно установить, в какой степени могло иметь место вторичное распространение этих форм праславянского происхождения (или одной из них) из церковнославянского в другие славянские языки. Трубачев считает это «крайне невероятным» [Трубачев 1963–2018–, 7: 62]. Совпадение состава языков с конфессиональной традицией заставляет предположить, что источник дихотомии в части славянских языков может быть в общей текстуальной традиции этих языков, а не в их самостоятельном развитии. Я хотел бы проверить, не заложено ли это различие, хотя бы имплицитно, уже в самых ранних славянских переводах?

Греческие источники

Но сначала несколько слов о ситуации в греческих источниках славянских текстов³. «Постоянным эквивалентом» еврейского тетраграмматона стала греческая субстантивированная форма *κύριος*, сочетавшая

³ Материал немногочисленных ранних славянских источников, переведенных с латыни и древневерхненемецкого, по своей скудости не дает сколько-нибудь представительной картины. Хотя можно заметить, что во Фрейзингенских отрывках и в молитве св. Эммерама формы *господинъ* нет, но этого наблюдения недостаточно для вывода о до-кирилло-мефодиевском происхождении славянской дихотомии *господь/господинъ*. Др.-в.-нем. эквивалент формы *господь* *trohtin, truhtin* был так же профанно-сакрально омонимичен, как греч. *κύριος* и лат. *dominus* и, таким образом, не может указывать на германские корни этого противопоставления.

разнообразные значения — от «хозяин, господин» до «Господь Бог» (многозначность, частично унаследованная большинством европейских языков в таких формах, как *Dominus, Signor, Herr, Lord* и т. д.). Ситуация осложняется тем, что в эллинистический период устное использование тетраграмматона было крайне ограничено, и поэтому две его функциональные формы сосуществовали одновременно: исходная, письменная и табуированная форма, и параллельно различные замещающие ее еврейские и арамейские термины. Как было сформулировано позднее в Вавилонском Талмуде: «Меня произносят не так, как пишут» (*Kiddushin* 71a). Таким образом, греческий эквивалент передает не сам тетраграмматон, а эти замещающие термины: евр. *adny* (אֲדֹנָי), арам. *mr(n)*, *mr'* (מֶרַא, מֶרַא', מֶרַא'ן) и т. д.

Если еврейское Имя было не только именем собственным, но и уникальным, то греческое *xúrios*, хотя и подверглось терминологизации в библейско-литургических контекстах, было отнюдь не уникальным и имело множество других религиозных и светских значений: оно могло относиться к языческим божествам и демонам, земным правителям, а также употребляться в значении «хозяин, господин» в самом широком спектре — в отношениях, связанных с собственностью, рабами, учениками. К тому же слово использовалось и как вежливое обращение.

Поэтому при переводе термин не мог не приобрести новые смыслы, отсутствующие в оригинале. Судьба этого термина в раннем еврейско-греческом и христианском использовании основана на множественности его значений в греческом, особенно в Новом Завете, и особенно в применении к Иисусу. Так, в новозаветных контекстах *xúrios* может означать «хозяин», «сударь» (обращение), «учитель» (видимо, только в греко-еврейском использовании), «(обожествленный) монарх» (а значит, и еврейский царь-мессия), «бог, демон, ангельское существо» (но скорее в сочетаниях, нежели отдельно) — и вместе с тем единый Бог Израиля. Единственным, но непоследовательно применявшимся способом дифференциации сакрального и профанного употреблений термина было опущение артикля, что придавало термину сходство с именем собственным.

Но даже уникальные библейские сочетания божественных титулов не всегда дают возможность отличить в греческих текстах Бога от его созданий, и «имя, которое выше всякого имени» (Флп 2:9) оказывается в них идентичным самым профанным употреблениям. В качестве крайнего примера такого вольного употребления можно привести использование наиболее сакрального титула *δέσποτα xúrie* (соответствующего в других текстах евр. אֲדֹנָי; см., напр., Ис 10:33; Иона 4:3; Дан 9:15) по отношению к Олоферну (Иф 5:20; 11:10).

Такая ситуация не могла не привести к последствиям, и весьма значительным, для религиозной мысли. Результатом стала новая теологизация греческой формы божественного имени. Во-первых, форма *χύριος* представляла функциональное описание вместо Имени: т. е. это уже теология вместо мифологии. Однако (или, скорее, таким образом) перевод привел и к потере широких полисемантических перспектив в экзегетике — т. е. к сужению опций богословской мысли. Во-вторых, произошла потеря формы множественного числа еврейских субститутов тетраграмматона (то же и в арамейских Таргумах). В-третьих, в применении к Иисусу многозначность вызвала смешение приведенных выше профанных и сакральных смыслов («господин», «учитель», «царь-мессия», «ангел», «Бог») и легла в основу очевидных и далеко идущих последствий для дальнейшего развития христологии, обожествления Иисуса и появления бинитарной и тринитарной теологий.

Тем не менее, как и в случае с потерей при переводе аспекта значения имени собственного, существовала структурная необходимость и в уникальной форме обозначения тетраграмматона. Хотя бы постольку, поскольку эта уникальность, особые значения и силы Имени Бога упоминаются в самих библейских текстах. Так «знание Имени» имеет религиозную значимость (Пс 9:11; 91[90]:14). Имя Бога возлежит «на» его посланце (Исх 23:21), Имя может быть возлюбленным (Пс 5:12), хвалимым (Пс 7:17[18]; 9:2[3]), ему может быть оказано доверие (Пс 20:7(8)), оно может защитить человека (Пс 20:1[2]). Имя Бога означает его присутствие (Втор 12:5; 3 Цар 8:16 и др.). Таким образом, целые сферы мифологии и мистики, связанные с божественным Именем, были потеряны в результате замены уникального имени собственного описательным — и при этом многозначным — титулом, имеющим в том числе профанные значения.

Это упущение греческой традиции было отчасти исправлено в ее кирилло-мефодиевском ответвлении, когда в некоторых славянских языках форма *gospodъ* стала уникальной для обозначения Бога монотеизма⁴. В ранних славянских переводах Библии одной греческой форме (*χύριος*) в большинстве случаев соответствуют две славянских — *господь*

⁴ То, что эта проблема осознавалась с самых ранних времен, подтверждается использованием тетраграмматона в еврейской графике в ряде ранних рукописей Септуагинты (см. также гипотезу о возможной первичности такого употребления даже в НЗ [Howard 1977]) и уже упомянутым непоследовательным употреблением *χύριος* без артикля. В западной традиции, насколько мне известно, в дополнение к использованию формы *Jehovah* в некоторых ранних протестантских переводах первой последовательной попыткой внедрения уникального имени Бога, хотя и осуществленной графическими средствами, стала капитализация (изображение заглавными буквами) эквивалентов слова «Господь» — как, например, в Библии Лютера (изд. 1545 г.), повлиявшей и на западнославянские традиции.

и господинъ⁵. При этом если господинъ никогда прямо не относится к Богу⁶, то господь — амбивалентен, т. е. противопоставление двух форм существует уже в классических старославянских памятниках узкого канона, но семантическое различие этих слов не совсем такое, как в русском и других современных славянских языках. В церковнославянских памятниках дело обстоит так: значение «Господь Бог» имеет только господь, в то время как значение «господин, хозяин» имеют в равной степени оба слова. Так, во всяком случае, считают лексикографы, и такое понимание отражено во всех старославянских и древнерусских словарях.

Так ли это на самом деле? Рассмотрим случаи использования формы господь в профанном смысле (как «господин, хозяин») в славянских библейских текстах.

Методологические проблемы славянского материала

Но прежде всего несколько методологических замечаний (разной степени тривиальности), актуальных как для нашего частного случая, так и для других попыток осмыслить общие тенденции в перенесении иудео-христианского мышления на славянскую почву.

Во-первых, установление общих закономерностей в использовании славянских соответствий греческому тексту затрудняется чрезвычайным богатством и неоднородностью церковнославянской традиции как в диалектно-географическом, так и в хронологическом отношениях. Более того, попытка связать то или иное явление с текстуальным корпусом или даже отдельным памятником часто оказывается проблематичной из-за компилятивной природы многих памятников, различные слои которых могут относиться к разным эпохам и регионам. По тем же причинам редко удается отличить исходную инновацию перевода от позднейшей редакции.

⁵ Реже встречаются и другие соответствия: богъ, владыка, вышьнь (которые могут быть связаны также с разночтениями в греческих *Vorlagen*) или контекстуальные и экзегетические варианты, такие как ангелъ, искусь, христосъ, спасъ и т. п. (см. об этом ниже). См., напр., [Люсен 1995; Аргировски 2003].

⁶ Пражский *Slovník* отмечает «*garo de deo (praecipue in Bes)*» и приводит два примера. Один (на вечерю ѿверъѣ гѣиъ призываетъ — *ad coenam quosdam Dominus invitat*) — из «Бесед на Евангелие Папы Григория Великого» (XIII в., беседа 36), где обсуждается притча из Лк 14:16–24 о «господине», позвавшем гостей на вечернюю трапезу, и слово господинъ использовано здесь по отношению к Богу метафорически (кроме того, эта девиация от общей тенденции появляется в памятнике старочешского происхождения и, таким образом, может указывать на локальную традицию вполне в согласии с употреблением ст.-чеш. *hospodin*, идентичного в этом отношении с *hospod*). Другой — *взыжши гнѣ молитвъ моѣхъ* из Евгениевской псалтыри (XI в., Пс 86[85]:6), в котором, однако, имеет место исправление *гн* [Kurz, Hauptová 1958–1997, s.v.].

Во-вторых, источниковедческая база для данной задачи на настоящем этапе издания библейских текстов неизбежно фрагментарна (см., напр., [Николова et al. 2003]). Тексты проверялись либо по критическим изданиям той или иной степени совершенства и полноты (напр., Мф и Ин по изданиям Алексеева et al. [2005; 1998], другие же евангелия по изданию Ягича [1883]) или, при отсутствии таковых, по самым ранним из доступных мне версий (напр., Деян — по Христинопольскому апостолу, поскольку ранние апостолы-апракосы не содержат необходимых стихов). Но в ряде случаев приходилось удовлетворяться положением, документированным в поздних текстах Острожской и Елизаветинской библий (далее — ОБ и ЕБ; приводятся по изданиям [ОБ 1581; ЕБ 1751]). Следует отметить, что в интересующем нас здесь аспекте разночтения между версиями незначительны, хотя их сравнение иногда проясняет причины употребления той или иной формы (см. особенно последний пример в конце статьи). Проблема греческой *Vorlage*⁷ для данного случая стоит еще менее остро, поскольку разночтения в использовании слова *xúrios*, особенно в профанном значении, очень редки⁸.

Мы не рассматриваем последовательно также внебиблейские корпусы — литургические и другие (такие, например, как новгородские берестяные грамоты, в которых, впрочем, уже полностью выдержана дихотомия двух рассматриваемых форм, что, возможно, указывает на относительную ускоренность этого процесса в деловой письменности).

Таким образом, наша работа может продемонстрировать лишь более или менее убедительно выявленные тенденции, рассмотренные на неполном, но представительном материале. Нам приходится смириться с неизбежной предварительностью выводов, ожидающих корректировок на уточненной источниковедческой базе.

Форма господь с профанным значением

Итак, рассмотрим случаи использования в славянских библейских текстах формы *господь* с профанным значением «господин, хозяин».

В ранних церковнославянских памятниках наблюдается очевидная диспропорция в употреблении различных грамматических форм слова

⁷ См.: [Скупский 1977; Алексеев 1984]. Далее цитаты из греческого текста Нового Завета приводятся по изданию [Robinson, Pierpont 2005], из греческого текста Септуагинты — по изданию [Rahlfs 1935].

⁸ Кроме того, отдельную проблему в нашем случае представляют собой некоторые сокращения. Например, такие сокращения, как *гѧ*, *гѡу*, *гѣмь*, могут относиться к обеим формам, хотя сокращения *гѧ* и *гѡу* и подобные им встречаются чаще. Им. ед. (*гѣ* / *гѡ*) может представлять проблему в случаях южнославянской одноеровой орфографии или немотивированной мены *ъ* и *ь*, однако *господинъ* чаще сокращается как *гѣъ* или *гѣ(ъ)нъ*. Эта форма, в свою очередь, в случае таких же замен *ь* на *ъ* может быть омонимична притяж. прил. *господень* — впрочем, их легко различить по контексту.

господь с профанным значением. Так, в новозаветных книгах изобилуют формы мн. ч. и формы зв. падежа слова господь, но крайне редки и, как мы увидим ниже, функционально ограничены все остальные грамматические формы с этим значением.

Множественное число

В таких случаях, как, например, трапезы господи своихъ (τῆς τραπέζης τῶν κυρίων αὐτῶν; Мф 15:27), господи его [жрѣвѣте] (κύριοι αὐτοῦ [τοῦ πάλου]; Лк 19:33) и многих других форма мн. ч. господи употребляется в основном в отношении хозяев рабов, животных, другого имущества. При этом в ряде случаев мы имеем дело с множественным эмфатическим — в значении единственного числа. В греческом и, соответственно, в славянском это, по-видимому, калька еврейской формы мн. ч. *b'lym* (בְּלִיַם), переводимой, как правило, ед. ч.; см., напр., еврейский текст в Ис 1:3; Притч 1:19; 16, 22; 17, 8; Иов 31:39 (ср. также мн. ч. наиболее частотных форм еврейских *nomina divina* [*adny* и *l'hyt* — אֲדֹנָי и אֱלֹהִים, тоже передающихся ед. ч.], при том, что «господа» в вышеприведенных контекстах часто употребляются в притчах, подразумевающих Бога). Ср. русск. мн. эмфатическое «перед господами, при господах» в значении ед. ч.; (ср. [Buth 1986]).

Форма мн. ч. употребляется без каких-либо ограничений — по той простой причине, что во мн. ч. снимается проблема полисемии «Бог» и «хозяин» — сакрального и профанного значений, проблема, существующая в монотеистическом контексте только в ед. ч.⁹

Различие в употреблении форм ед. и мн. ч. формы господь (которое мы продемонстрируем ниже) позволяет предположить, что господи служило формой мн. ч. как для господь, так и для господиъ. Сходным образом в современном русском языке мн. ч. от формы *господин* образовано от другой основы — также от собирательной формы ед. ч., но только ж. р. — *господа* (ср. также собирательную форму, сохранившуюся в сербском и словенском)¹⁰.

Звательная форма

В ед. ч. в профанном значении мы также часто находим форму зв. п., например, в обращении сына к отцу (Мф 21:30), десяти дев к жениху (Мф 25:11), Марии к предполагаемому садовнику (Ин 20:15), Корнелия к ангелу (Деян 10:4). Правда, все эти случаи неоднозначны: под отцом и женихом в притчах имеется в виду Бог или мессия, садовник оказывается

⁹ Единственный известный мне случай использования мн. ч. *κύριοι* и, соответственно, *господи* для языческих богов — в 1 Кор 8:5.

¹⁰ Эта собирательная форма в ц.-сл., как правило, соответствует мн. ч. в греческом *Vorlage*.

Иисусом, Корнелий обращается к ангелу. Эта форма появляется во многих обращениях учеников к Иисусу.

Однако есть и совершенно однозначные ситуации: например, в обращении первосвященников и фарисеев к Понтию Пилату также используется *господи* (κύριε; формы здесь и ниже выделены мной):

въ оутрѣнни же день иже есть по параскевъѣни. събраша сѧ архiereи и фарисеи. къ пилатѹ гл҃ѣхше г҃и помѣни хомѣ ѡко льстецѣ онѣ рече. еште сы живѣ. по трехъ днѣхъ възстанѣ.

τῇ δὲ ἐπαύριον, ἥτις ἐστὶν μετὰ τὴν παρασκευὴν, συνήχθησαν οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι πρὸς Πιλάτον λέγοντες, Κύριε, ἐμνήσθημεν ὅτι ἐκεῖνος ὁ πλάνος εἶπεν ἔτι ζῶν, Μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἐγείρομαι. (Мф 27:62–63)¹¹

Но как только в аналогичном контексте меняется падеж, римского императора называют уже в дат. *господиноу* (τῷ κυρίῳ). Так, например, в Острожской библии (ОБ):

самомоу же семоу нарицаещоу севаста соудихъ послати его. о немже извѣстнѣ е чѣто писати господиноу не имамъ.

αὐτοῦ δὲ τούτου ἐπικαλεσαμένου τὸν Σεβαστὸν ἔκρινα πέμπειν. περὶ οὗ ἀσφαλές τι γράφαι τῷ κυρίῳ οὐκ ἔχω. (Деян 25:25–26)

Но если *господи* в обращении к Пилату прослеживается от ранних глаголических евангелий до позднейших библейских сводов, то здесь версии ранних апостолов еще могут иметь неоднозначное *гѡу*, которое заменяется на *господиноу* в более поздней традиции:

самомоу же семоу нарекишо севаста соудихъ послати и. о немже чѣто извѣстно наψати гѡу моемоу не имамъ. (Христинопольский апостол, XII в.; цит. по [Kałużniacki 1896])

Особенно наглядно это различие двух форм в таких примерах, как Мф 13:27, где *во всех версиях*¹² форма *господь* в зв. п. (*господи*) стоит рядом с род. п. *господина*, относящимся к тому же лицу:

пришедъше же раби г҃ина рѣша емоу г҃и.

Προσελθόντες δὲ οἱ δοῦλοι τοῦ οἰχοδεσπότου εἶπον αὐτῷ, Κύριε.

То же в притчах в Мф 18:25–27, Мф 25:14–30 (и др., см. ниже). Примечательно, что, в то время как формы *господь* и *господинъ* в других падежах варьируются в разных версиях, форма зв. п. закреплена в этих текстах исключительно как *господи*.

¹¹ Ср. также в обращении к Филиппу (Ин 12:21) и мн. др.

¹² В изд. [Алексеев et al. 2005: 74].

То есть ц.-сл. *господь* относится к обращению *господи* или *мн. господие* как русск. *государь* к обращениям *милостивый государь* или *мн. государи мои*¹³. Налицо тот же процесс функционального развития при семантическом сужении. В обоих случаях слово сохраняет свое устаревшее значение только в более консервативных формах вежливого обращения.

В евангельских притчах

Все остальные случаи употребления формы *господь* не в *мн. ч.* или *зв. п.* встречаются почти исключительно в притчах или сравнениях, где «господин, хозяин, царь» подразумевает Бога или Иисуса (я пишу «почти» на всякий случай, хотя я не нашел пока в новозаветных текстах ни одного примера за пределами этих трех категорий).

При этом подобное употребление крайне непоследовательно в таком двусмысленном контексте уже в самых ранних переводах. То есть *господь* и *господинъ* в этой категории в рамках одного нарратива взаимозаменяемы. Так, например, в притче о неправедном домостроителе в Лк 16 (Мар. и Зогр.) в ст. 3 и 8 — *господь* (им. п.), а в стихе 5 — *господинъ* (в род. п.).

Высока и вариативность и между памятниками. Так, например, в притче о должниках в Мф 18:23–35 *κύριος* появляется шесть раз:

23 Сего ради оуподобило сѧ естъ цѣрѣвѣнѣ нѣбское ѿлвкоу цѣрю. іже възхотѣ сътазати сѧ о словеси. съ рабы своими. 24 наѹченъшю же емоу сътазати сѧ о словеси. привѣса емоу длѧзѣнникъ единъ. тѣмоиѣ тѧланътѣ. 25 не имѧшю же емоу въздати. повелѣ ѿ него да продадатъ і и женѧ его и ѹада. і все елико имѣаше. і отъдати и. 26 падъ оубо рабо-тѣ. кланѣше сѧ емоу глѧ. гнѣ потрѣпи на мнѣ и все въздамъ ти. 27 милосѣрдѣавъ же ѿ него раба того. поустѣ и и длѧзъ отъпусти емоу. 28 ишѣдъ же рабо-тѣ. обрѣте единого отъ клеврѣтѣ своихъ. іже бѣ длѧженъ емоу сътомъ пѣнасъ. і имъ давалѣше и глѧ. даждь ми имъже еси длѧженъ. 29 падъ же клеврѣтѣ молѣше и глѧ. потрѣпи на мнѣ и все въздамъ ти. 30 онъ же не хотѣше. нъ ведъ възадѣ и въ темнищѣ. донѣдеже въздастъ емоу весь длѧзъ. 31 видѣвъше же оубо клеврѣти бывѣша съжалиша сѧ сѣло. і пришедъше съказаша гноу своемуу все бывѣша. 32 тѣгда призвавъ і ѿ него глѧ емоу. раба лѧжавы. всеъ длѧзъ твои отъпустихъ тебѣ. понеже оумоли ма. 33 не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего. тѣко и азъ тѧ помиловахъ. 34 і прогнѣвавъ сѧ ѿ него. прѣдастъ і мѹчителемъ. донѣдеже въздастъ всеъ длѧзъ свои. 35 Тако и отецъ мои нѣскъ сътворитъ вамъ. аще не отъпоуцаате кождо братроу своемуу отъ сѣдѣцъ вашихъ.

¹³ О происхождении обращения см. в частности [Золтан 2014]. Рассматриваемая в этой работе параллельная дихотомия *господь/господин* и *господарь* в профанных (деловых) текстах позволяет поставить вопрос и о возможном западнорусском влиянии в этом процессе — в связи с этикетным словоупотреблением в памятниках деловой письменности.

23 Διὰ τοῦτο ὁμοιωθή ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ βασιλεῖ, ὃς ἠθέλησεν συναῖρειν, προσηνέχθη αὐτῷ εἰς ὀφειλέτης μυρίων ταλάντων. 24 Ἀρξαμένου δὲ αὐτοῦ συναίρειν, προσηνέχθη αὐτῷ εἰς ὀφειλέτης μυρίων ταλάντων. 25 Μὴ ἔχοντος δὲ αὐτοῦ ἀποδοῦναι ἐκέλευσεν αὐτὸν ὁ κύριος αὐτοῦ πρᾶθῆναι, καὶ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ τὰ τέκνα, καὶ πάντα ὅσα εἶχεν, καὶ ἀποδοθῆναι. 26 Πесῶν οὖν ὁ δοῦλος προσεκύνει αὐτῷ, λέγων, Κύριε, Μακροθύμησον ἐπ' ἐμοί, καὶ πάντα σοι ἀποδώσω. 27 Σπλαγχνισθεὶς δὲ ὁ κύριος τοῦ δούλου ἐκείνου ἀπέλυσεν αὐτόν, καὶ τὸ δάνειον ἀφῆκεν αὐτῷ. 28 Ἐξελθὼν δὲ ὁ δοῦλος ἐκεῖνος εὗρεν ἕνα τῶν συνδούλων αὐτοῦ, ὃς ὤφειλεν αὐτῷ ἑκατὸν δηνάρια, καὶ κρατήσας αὐτόν ἐπινιγεν, λέγων, Ἀπόδος μοι εἰ τι ὀφείλεις. 29 Πесῶν οὖν ὁ σύνδουλος αὐτοῦ εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ παρεκάλει αὐτόν, λέγων, Μακροθύμησον ἐπ' ἐμοί, καὶ ἀποδώσω σοι. 30 Ὁ δὲ οὐκ ᾔθελεν, ἀλλὰ ἀπελθὼν ἔβαλεν αὐτόν εἰς φυλακὴν, ἕως οὗ ἀποδῶ τὸ ὀφειλόμενον. 31 Ἰδόντες δὲ οἱ σύνδουλοι αὐτοῦ τὰ γενόμενα ἐλυπήθησαν σφόδρα· καὶ ἐλθόντες διεσάφησαν τῷ κυρίῳ ἐαυτῶν πάντα τὰ γενόμενα. 32 Τότε προσκαλεσάμενος αὐτόν ὁ κύριος αὐτοῦ λέγει αὐτῷ, Δοῦλε πονηρέ, πᾶσαν τὴν ὀφειλὴν ἐκείνην ἀφῆκά σοι, ἐπεὶ παρεκάλεσάς με· 33 οὐκ ἔδει καὶ σὲ ἐλεῆσαι τὸν σύνδουλόν σου, ὥς καὶ ἐγὼ σε ἠλέησα; 34 Καὶ ὀργισθεὶς ὁ κύριος αὐτοῦ παρέδωκεν αὐτόν τοῖς βασανισταῖς, ἕως οὗ ἀποδῶ πᾶν τὸ ὀφειλόμενον αὐτῷ. 35 Οὕτως καὶ ὁ πατήρ μου ὁ ἐπουράνιος ποιήσει ὑμῖν, ἐὰν μὴ ἀφῆτε ἕκαστος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ ἀπὸ τῶν καρδιῶν ὑμῶν τὰ παραπτώματα αὐτῶν.

В ст. 25 только Саввина книга (XI в.) и Острожская Библия (1581 г.) называют человека-царя (ἀνθρώπῳ βασιλεῖ) притчи *гѣ*, а все остальные памятники — *гѣ* или *гѣнѣ*. В ст. 26 в зв. п. — *гѣ*. В ст. 27 — *гѣ* / *гѣнѣ* во всех текстах. В ст. 31 — формы *гѣу* и *гѣи* вместо *гѣюу* находятся в четырех рукописях XI–XIV вв. В ст. 32 — *гѣ* только в Волоколамском апокофе (XIII в.). В ст. 34 — формы *гѣ* и *гѣнѣ* распределены между различными версиями с явным преимуществом *гѣ* в старейших текстах [Алексеев et al. 2005: 99–101]. В Мф 24:45 *гѣ* — только в Остромировом (1056/57) и Мирославовом Евангелиях (кон. XII в.), тогда как в ст. 46 и 50 — в большинстве древних рукописей. При этом нужно учитывать и возможность одноеровой орфографии, а также немотивированной мены *ѣ* и *ѥ*.

Та же ситуация, казалось бы, бессистемного разнообразия наблюдается¹⁴ в притче о талантах Мф 25:14–30 (ст. 18, 19, 20 [зв.], 21, 22 [зв.], 23, 24 [зв.], 26). Ср. также Мф 9:38; 21:40; Мк 12:9; Лк 20:13; Лк 12:37 и др. То же и в притчах, где может иметься в виду сам Иисус (напр., Мф 10:25; Ин 15:15, 20).

То есть непоследовательность употребления двух терминов свойственна именно притчам с их имманентной двусмысленностью.

¹⁴ С некоторым (насколько можно судить по выборочному материалу) статистическим преимуществом для формы *господинъ*.

Случаи кардинальной экзегезы

При этом за пределами притч (и это самое интересное и также пока не отмеченное исследователями) во всех хорошо известных библеистам двусмысленных местах, где неясно значение греч. *κύριος*, относящегося к Иисусу («господин» или «учитель»), как семитизм от כִּי или רַבִּי, иногда транслитерированного в НЗ как ραββι, или в значении «царь-мессия» или «Господь Бог»), используется только *господь* и никогда *господинъ*: в Мф 12:8 (ср. Мк 2:28); 21:2–3 (ср. Мк 11:3; Лк 19:31, 34); Ин 20:28 (ср. также Мк 5:19–20; Лк 1:43):

Г҃ъ бо естъ соботѣ ѿнѣ ѡлоубѣскы.

κύριος γάρ ἐστιν τοῦ σαββάτου ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου. (Мф 12:8)

і г҃ла има идѣта въ весь ѣже естъ прѣмо вама. і абѣе обрѣштета осьла приваzano и жрѣба съ нимъ. і отрѣшѣша приведѣта ми є. і аще речеѣтъ кто вама что. речеѣта ѣко Г҃ъ трѣбоуеѣтъ єю. і абѣе же посълетѣ ѣ.

λέγων αὐτοῖς, Πορεύθητε εἰς τὴν κώμην τὴν ἀπέναντι ὑμῶν, καὶ εὐθέως εὐρήσετε ὄνον δεδεμένον, καὶ πῶλον μετ' αὐτῆς· λύσαντες ἀγάγετέ μοι. Καὶ ἐάν τις ὑμῖν εἴπῃ τι, ἐρεῖτε ὅτι Ὁ κύριος αὐτῶν χρεῖαν ἔχει· εὐθέως δὲ ἀποστέλλει αὐτούς. (Мф 21:2–3)

і отъвѣшта тома и рече ємоу. Г҃ъ мои бѣ мои.

Καὶ ἀπεκρίθη Θωμᾶς, καὶ εἶπεν αὐτῷ, Ὁ κύριός μου καὶ ὁ θεός μου. (Ин 20:28)

Относительно полная проверка, которую можно осуществить по критическим изданиям только евангелий от Матфея и от Иоанна, показывает полное отсутствие вариативности между *господь* и *господинъ* во всех этих случаях¹⁵.

То же и в случае с намеренной игрой на значениях «учитель» и «царь-мессия», примененных к Иисусу (Ин 13:13–14):

въ(і) г҃лаште ма оучителѣ и г҃а. і добръ г҃лѣте ємѣъ бо. аште оубо азъ оумыхъ ваши носѣ Г҃ъ и оучитель. і вы длѣжны єсте дроугъ дроугу оумывати носѣ.

Ἑμεῖς φωνεῖτέ με, Ὁ διδάσκαλος, καὶ Ὁ κύριος· καὶ καλῶς λέγετε, εἰμὶ γάρ. Εἰ οὖν ἐγὼ ἐνῖψα ὑμῶν τοὺς πόδας, ὁ κύριος καὶ ὁ διδάσκαλος, καὶ ὑμεῖς ὀφείλετε ἀλλήλων νίπτειν τοὺς πόδας.

Более того, в ряде примеров мы имеем дело с очевидным экзегетическим переводом, вчитывающим в текст концепцию божественной природы Иисуса.

¹⁵ С возможной поправкой на потенциальную двусмысленность некоторых сокращений; см. об этом выше.

Так, в Мф 22:43–45 (ср. Мк 12:36; Деян 2:34 [цит. Пс 110(109):1]) появляется только *господь* — и разночтения отсутствуют:

ГЛА ИМЪ КАКО ОУБО ДАВЫДЪ. ДХМЪ НАРИЦААТЪ І ГЛА ГЛА. РЕЧЕ ГЪ ГВИ МОЕМОУ. САДИ О
ДЕСНѢМЪ МЕНЕ. ДОНДЕЖЕ ПОЛОЖѢ ВРАГЫ ТВОЯ. ПОДЪНОЖІЕ НОГАМА ТВОИМА. АЩЕ ОУБО ДБДЪ
ДХОМЪ ГЛА НАРИЦАЕТЪ І КАКО ЕМОУ ЕСТЬ СНЪ.

Λέγει αὐτοῖς, Πῶς οὖν Δαυὶδ ἐν πνεύματι κύριον αὐτὸν καλεῖ, λέγων, Εἶπεν
ὁ κύριος τῷ κυρίῳ μου, Κάθου ἐκ δεξιῶν μου, ἕως ἂν θῶ τοὺς ἐχθρούς σου
ὑποπόδιον τῶν ποδῶν σου; Εἰ οὖν Δαυὶδ καλεῖ αὐτὸν κύριον, πῶς υἱὸς αὐτοῦ ἐστίν.
(Мф 22:43–45)

Но в отдельных версиях амбивалентность формы *господь* полностью снимается ее заменой на *бъ* (Мф 22:44 в Юрьевском (1119–28, Новгород) и Добриловом евангелии (1164, Галиция)) или даже на *хъ* (Мф 28:6 в Мариинском евангелии; ср. *бъ* в Вукановом евангелии (XIII в., Сербия)); но почти во всех остальных текстах — *гъ*¹⁶:

НБСТЪ СЪДЕ ВЪСТА БО ТЪКОЖЕ РЕЧЕ. ПРИДЪТА ВИДИТА МБСТО. ІДЕЖЕ ЛЕЖА ХЪ.

Οὐκ ἔστιν ὥδε· ἡγέρθη γάρ, καθὼς εἶπεν. Δεῦτε, ἴδετε τὸν τόπον ὅπου ἔκειτο ὁ
κύριος. (Мф 28:6)

В греческой *Vorlage*, по крайней мере по данным издания фон Зодена [Soden 1902–1913], а также Нестле и Аланда [Nestle, Aland 1995], в Мф 22:44 такие разночтения не обнаружены, но в Мф 28:6 есть варианты *ὁ Ἰησοῦς* или пропуск слова. Так что в ряде случаев это тоже может быть славянской инновацией, как и различие форм *господь* и *господинъ*.

В переводах на современные языки в этих случаях, как правило, в качестве средства толкования используется заглавная буква.

Особые случаи в ветхозаветных текстах

Отсутствие критических изданий большинства библейских книг затрудняет полноценную проверку словоупотребления, однако даже выборочная проверка указывает на явную тенденцию. Список профанного употребления греч. *κύριος*, созданный с помощью конкорданса к Септуагинте [Hatch, Redpath 1998], был проверен по существующим критическим изданиям, а при отсутствии таковых — по Острожской и Елизаветинской библиям [ОБ 1581; ЕБ 1751].

В очевидно сакральных контекстах используется только *господь*. Так, например, в Псалтири (которая, благодаря своему положению в

¹⁶ См. также другие случаи исповедания Иисуса в качестве *κύριος* в значении царя, божественного существа или Бога (Деян 2:36; 10:36 [ср. Прем 6:7; 12:8]; 11:20; Рим 10:9; Флп 2:11, а также 2 Кор 4:5; Кол 2:6; 3:24 и др.).

2019 №1 Slovĕne

и бл҃говѣлиѣвъ семь поклонихѣа ѿоу, и бл҃внѣхъ г҃а б҃а, г҃ѣна моего авраама. (ОБ)
и благоволиѣвъ поклонихѣа г҃ѣоу: и благословихъ г҃ѣа б҃га господина моего авраама.
(ЕБ)

καὶ εὐδοκήσας προσεκύνησα κυρίῳ καὶ εὐλόγησα κύριον τὸν θεὸν τοῦ κυρίου μου
 Αβρααμ. (Быт 24:48)

НЕ ДРЪЖИТЕ МЕНЕ, БЪ ВО ОУСТРОИ ПОУТЬ. ПРОВОДИТЕ МА ДА ИДОУ КЪ ГНОУ МОЕМОУ.
НЕ ДРЪЖИТЕ МА, БЪ БО ОУСТРОИ ПОУТЬ МНѢ ѿПРАУСТИТЕ МА, ДА ИДОУ КЪ ГЕДНОУ МОЕМОУ.
(ОБ)

НЕ ДЕРЖИТЕ МА, ГДА ВО БЛГОУСТРОИ ПОУТЬ МОИ ВО МНѢ: ВПОУСТИТЕ МА, ДА ИДОУ КЪ ГОСПОДИНОУ МОЕМОУ. (ЕБ)

Μὴ κατέχετε με, καὶ κύριος εὐλόωσεν τὴν ὁδόν μου· ἐκπέμψατέ με, ἵνα ἀπέλθω πρὸς τὸν κύριόν μου. (Быт 24:56)

То же с различием Бога и Пентефрия:

ВѢДАШЕ БО ГНЪ ЕГО ЯКО ГЪ С НИМЪ ЕСТЬ.

ВѢДАШЕ БО ГДНЗ ЕГО ТАКО ГЪ С НИ^М ЕСТЬ. (ОБ)

ВѢДАШЕ ЖЕ ГОСПОДИНЪ ЕГО, ТАКО ГДЬ БѢ СЪ НИМЪ. (ЕБ)

ἤδει δὲ ὁ κύριος αὐτοῦ ὅτι κύριος μετ' αὐτοῦ. (Быт 39:3)

При этом есть случаи, когда такой выбор значительно влияет на интерпретацию. Как, например, в Быт 24:44 и 24:51, где не вполне ясно, кто — Бог или Авраам — предназначил Ревекку Исааку:

СИ ВОУДѢТЬ ЖЕНА ЮЖЕ ОУГОТОВА БѢЗ РАБОУ СВОЕМОУ ИСААКОВ, И ПО СЕМЪ РАЗОУМѢЮ ТАКО
СЪТВОРИЛЪ ЕСТЬ МЛѢТЬ Г҃НУ МОЕМОУ [вар.: РАБОУ СВОЕМОУ] АВРААМОУ.

СИ ВОУДѢТЬ ЖЕНА ЮЖ ОУГОТОВА БѢ РАБОУ СВОЕМОУ ИСААКОУ, И ПО СЕМЪ РАЗОУМѢЮ ТАКО
СЪТВОРИЛЪ ЕСТЬ МЛ^ЦТЪ ПСАНОУ МОЕМОУ АВРААМОУ. (ОБ)

сѣа (боудеть) жена, юже оуготова **гѣдѣ** рабоу своему ісаакоу: и по семоу оуразоумѣю, іакѡ сотвори азъ еси мѣть **господиноу** моемоу аврааму. (ЕБ)

αὐτῇ ἡ γυνή, ἣν ἡτοίμασεν κύριος τῷ ἑαυτοῦ θειράποντι Ισαακ, καὶ ἐν τούτῳ γινώσκειται ὅτι πεποίηκας ἔλεος τῷ κυρίῳ μου Αβρααμ. (Быт 24:44)

И ДА БУДЕТЪ ЖЕНА СНОУ Г҃НА ТВОЕГО, НАКОЖЕ Г҃ЛА Г҃Б.

И ДА БУДЕТЬ ЖЕНА СНОУ ГЛА ТВОЕГО, ИАКОЖЕ ГЛА ГБ. (ОБ)

И ДА БОУДЕТЬ ЖЕНА СЫНОВЪ ГОСПОДИНА ТВОЕГ҃О, ЯКОЖЕ ГЛА Г҃ДЬ. (ЕБ)

καὶ ἔστω γυνὴ τῷ υἱῷ τοῦ κυρίου σου, καθὰ ἐλάλησεν κύριος. (Быт 24:51)

В ряде случаев меняются и регулярные эквиваленты греч. *xórios*. Так, славянский перевод иногда совершенно снимает возможность неоднозначности, заменяя *господь* на *богъ* (как выше, в Быт 24:44 и 24:56) или

господинъ на мѡужь²¹. Так, во всех версиях в издании Михайлова [1900–1908], а также в ОБ:

не оубо было ми доселѣ, се мѡужь мо^и старѣ.

В ЕБ мы видим унифицирующее исправление:

не было ми оубѡв доселѣ, господинъ же мон старѣ.

Οὐπω μὲν μοι γέγονεν ἕως τοῦ νῦν, ὁ δὲ κύριός μου πρεσβύτερος. (Быт 18:12)

Но чаще тексты оперируют парой господь и господинъ. Такое последовательное функциональное различие двух якобы синонимичных форм в рамках узкого контекста является лучшим аргументом в пользу их семантической оппозиции.

Характерно, что почти во всех чтениях, приведенных Михайловым, а также во всех без исключения чтениях ОБ и ЕБ форма господь в профанном смысле не используется. Очевидно, что эта тенденция не является инновацией ОБ и ЕБ, а скорее отражает ситуацию в их источниках (ОБ лучше, чем более ранняя Геннадиевская библия, отражает ситуацию в ранней южнославянской традиции Восьмикнижия, где находится большинство наших примеров; см.: [Алексеев 1999: 207]).

Исключение составляют четыре примера. В благословении Исааком Иакова две рукописи показывают гѣдъ вместо гнъ большинства чтений (и боуди гѣдъ братѡу твоемоу; 27:29). В речи Иакова, обращенной к Исаву, одна рукопись содержит гѣви вместо гнѡу (гѣви моемоу исавѡу; Быт 32:5). Два других случая менее однозначны: и оврѣте ѡсифъ блѣтъ прѣ^а гѣмъ своимъ (Быт 39:4) и оврѣтохѡмъ блѣтъ ѡсифъ блѣтъ прѣ^а тобою гѣмъ нашимъ (Быт 39:25). Здесь по отношению к Пентефрию Иосиф использует формулу, обычно относящуюся к Богу (ср. подобные случаи ниже). Такое понимание подтверждается тем, что во втором случае две рукописи заменяют гѣмъ на однозначное бѣмъ (а одна, напротив, исправляет на гѣномъ).

В отличие от книг НЗ, в ветхозаветных текстах мне удалось обнаружить еще несколько единичных случаев профанного употребления формы господь *не* в мн. ч. или зв. п. Но и эти случаи удастся функционально ограничить.

В двух случаях, когда эта форма употребляется по отношению к Моисею, она используется в формулах, относящихся в других случаях к Богу:

и рекоша снѡве роувимили и снѡве гадовы къ мѡисѣю глѣюще, раби твои сътворатъ ѡко гѣ нашъ повелѣлъ есть. имѣнїе наше и жены наша. и весь скотъ нашъ, да боудѡутъ въ градѣхъ галаадовыхъ. и раби же твои миноутъ вси въ оружїи, и оутѡтовани прѣ^а гѣмъ на бра^и. ѡкоже глѣтъ гѣ. (ОБ)

²¹ В Быт 24:27 выпадение гѣ может быть скорее случаем гаплографии.

и рекоша сынове роуѣими и сынове гадѣвы къ мѡѡсею, глаголюще: раби твои сотворатъ, ѡакоже **Г҃АВ** нашъ повелѣлъ есть: имѣнїе наше, и жены наши, и весь скотъ нашъ да боудутъ во градѣхъ галаадовыхъ: раби же твои приидутъ вси боиружени и оуготовани предъ **Г҃АЕМЪ** на брань, ѡакоже глѣтъ **Г҃АВ**. (ЕБ)

καὶ εἶπαν οἱ υἱοὶ Ρουβὴν καὶ οἱ υἱοὶ Γαδ πρὸς Μωυσῆν λέγοντες Οἱ παῖδες σου ποιήσουσιν καθὰ ὁ κύριος ἡμῶν ἐντέλλεται· ἡ ἀποσκευὴ ἡμῶν καὶ αἱ γυναῖκες ἡμῶν καὶ πάντα τὰ κτήνη ἡμῶν ἔσονται ἐν ταῖς πόλεσιν Γαλααδ, οἱ δὲ παῖδες σου παρελεύσονται πάντες ἐνωπλισμένοι καὶ ἔκτεταγμένοι ἔναντι κυρίου εἰς τὸν πόλεμον, ὃν τρόπον ὁ κύριος λέγει.

וַיֹּאמֶר בְּנֵי-גֹד וּבְנֵי רְאוּבֵן אֶל-מֹשֶׁה לֵאמֹר: עֲבֹדֶיךָ יַעֲשׂוּ בְּאֶשֶׁר אָדֹנִי מִצְוָה טָפְנוּ וְנָשִׁינוּ, וְכָל בְּהֶמְתָּנוּ יִהְיוּ-שָׁם בְּעָרֵי הַגִּלְעָד וְעֲבֹדֶיךָ יַעֲבְרוּ כָל-חֲלוּץ צֹבָא לִפְנֵי יְהוָה--לְמַלְחָמָה: בְּאֶשֶׁר אָדֹנִי דִּבֶּר.

(Числ 32:25-27)

В данном случае это может быть ошибочной интерпретацией стандартной формулы, понятой здесь как божественное повеление, а не приказ Моисея. Последнее однозначно следует из װָט масоретского текста (в первом и третьем случае, в отличие от тетраграмматона во втором), но было неочевидно ни в Септуагинте с ее непоследовательно применяемой дифференциацией, ни в ее неогласованной еврейской *Vorlage*). Так же в Числ 36:2:

и рекѡша ѿѡу нашоу, повелѣ ѿ ѿдати землю, прихвастѣа по жребии и сѡмѣз иѣлемымъ. и ѿѡу нашоу заповѣда ѿ. дати прихвастѣе, салпаада брата нашего димеремъ его. (ОБ)
καὶ εἶπαν τῷ κυρίῳ ἡμῶν ἐνετείλατο κύριος ἀποδοῦναι τὴν γῆν τῆς κληρονομίας ἐν κλήρῳ τοῖς υἱοῖς Ἰσραὴλ, καὶ τῷ κυρίῳ συνέταξεν κύριος δοῦναι τὴν κληρονομίαν Σαλπαὰδ τοῦ ἀδελφοῦ ἡμῶν ταῖς θυγατράσιν αὐτοῦ.

Здесь фраза **ѿѿ нашему заповѣда ѿ** также похожа на новозаветную интерпретацию формулы из Пс 110 (Мф 22:43–45 [ср. Мк 12:36; Деян 2:34]; ср. выше). В ЕБ исправлено:

и рекоща: господиноу нашему повелѣ г҃ѣ ѿдати землю наслѣдїа по жребїю сыновмъ
илювымъ: и господиноу нашему заповѣда г҃ѣ дати наслѣдїе салпаада брата нашего
дщеремъ егво. (ЕБ)

Ср. в обращении Аарона к Моисею в Исх 32:22 во всех списках, даже в зв. п., употребляется господинъ: рече же дронъ к моисею. не гнѣваиса гне.

В нескольких случаях термин *господь* применяется к Саулу и Давиду (прообразу Иисуса, а также, благодаря двусмысленности в христианском узусе другого термина — греч. *χριστός*, означающего и профанного царя-«помазанника», и обожествленного царя-мессию). См. 1 Цар 24:11; 26:16–19 в ЕБ (в ОБ — только в 26:16 [ГА]; при этом в соседних ст. 15, 17 и 19 — *господинъ*):

2019 №1 Slovĕne

БОУДЕТЪ СЪ ТОБОЮ. 18 и ѿвѣща царь и рече къ женѣ: никакже да оутаниши ѿ мене глагола, во немже азъ вопрошаю тѣ. и рече жена: да глаголетъ оубо господь мой царь. 19 и рече царь: еда рогка иваваа во всемъ семъ съ тобою; и рече жена къ царю: да живетъ доуша твоа, господи мой царю, аще есть вдееноуио или вишоуио ѿ вѣхъ, ѡже глагола господинъ мой царь, ѡкво рабъ твои ивавъ тои заповѣда мнѣ, и тои вложи во оуста рабѣ твои вса словеса сѣа: 20 за еже прѣити лицю глагола сегво, еже сотвори рабъ твои ивавъ слово сѣе: господинъ же мой царь моудръ, ѡкоже моудрость аггала бжїа, еже разоумѣти вса, ѡже на земли.

17 καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ Εἴη δὴ ὁ λόγος τοῦ κυρίου μου τοῦ βασιλέως εἰς θυσίαν, ὅτι καθὼς ἄγγελος θεοῦ οὕτως ὁ κύριός μου ὁ βασιλεὺς τοῦ ἀκούειν τὸ ἀγαθὸν καὶ τὸ πονηρὸν, καὶ κύριος ὁ θεός σου ἔσται μετὰ σοῦ. 18 καὶ ἀπεκρίθη ὁ βασιλεὺς καὶ εἶπεν πρὸς τὴν γυναῖκα Μὴ δὴ κρύψῃς ἀπ' ἐμοῦ ῥῆμα, ὃ ἐγὼ ἐπερωτῶ σε. καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ Λαλησάτω δὴ ὁ κύριός μου ὁ βασιλεὺς. 19 καὶ εἶπεν ὁ βασιλεὺς Μὴ ἡ χεὶρ Ἰωαβ ἐν παντὶ τούτῳ μετὰ σοῦ; καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ τῷ βασιλεῖ Ζῆ ἡ ψυχὴ σου, κύριέ μου βασιλεῦ, εἰ ἔστιν εἰς τὰ δεξιὰ ἢ εἰς τὰ ἀριστερὰ ἐκ πάντων, ὣν ἐλάλησεν ὁ κύριός μου ὁ βασιλεὺς, ὅτι ὁ δοῦλός σου Ἰωαβ αὐτὸς ἐνετείλατό μοι καὶ αὐτὸς ἔθετο ἐν τῷ στόματι τῆς δούλης σου πάντας τοὺς λόγους τούτους. 20 ἔνεκεν τοῦ περιελθεῖν τὸ πρόσωπον τοῦ ῥήματος τούτου ἐποίησεν ὁ δοῦλός σου Ἰωαβ τὸν λόγον τοῦτον, καὶ ὁ κύριός μου σοφὸς καθὼς σοφία ἄγγελοῦ τοῦ θεοῦ τοῦ γνῶναι πάντα τὰ ἐν τῇ γῇ.

Показателен случай с 2 Цар 15:15, где вновь используется *господь*, казалось бы, безо всякой причины:

И рѣша отроцы цареви къ царю, вса елика заповѣсть господь нашъ царь, се, мы отроцы твои. (ЕБ)

καὶ εἶπον οἱ παῖδες τοῦ βασιλέως πρὸς τὸν βασιλέα· κατὰ πάντα, ὅσα αἰρεῖται ὁ κύριος ἡμῶν ὁ βασιλεὺς, ἰδοὺ οἱ παῖδές σου.

Однако версия ОБ дает объяснение и этому употреблению:

И рѣша отроцы къ царю, все елико заповѣда гъ намъ и црь нашъ, се мы отроцы твои.

То есть так же, как и с Моисеем в Числ 32:25–27, в формуле повеления *господь* могло быть понято как относящееся к Богу, а не к царю.

Только в одном из обнаруженных мною случаев профанное использование формы *господь* никак не мотивировано в ранних версиях (и заменяется на *господинъ* в поздних текстах). В своем реконструированном «мефодиевском» переводе Евсеев приводит следующую версию Дан 4:21, где Даниил говорит о Навуходоносоре:

се сказанне его, цѣрю, и соу^а вышнаго есть, иже есть пришелъ, на гъ мой цѣрь. [Евсеев 1905]
τοῦτο ἡ σύγκρισις αὐτοῦ, βασιλεῦ, καὶ σύγκριμα ὑψίστου ἐστίν, ὃ ἐφθασεν ἐπὶ τὸν κύριόν μου τὸν βασιλέα.

В так наз. «симеоновском» переводе, согласно тому же изданию Евсевия, находим уже двусмысленное *гѣ*:

се же съказаніе его, *цѣрю*, и съказаніе вышняаго есть, еже приспѣ на *гѣ* моего *цѣра*.

А в ОБ и ЕБ — уже только *господинъ*:

се же сказаніе егѣ *цѣрю*. и сказаніе вышняаго се есть, еже приспѣ на *господина* моего *цѣра*.
(ОБ)

се же сказаніе егѣ, *царю*, и изрѣченіе вышняаго есть, еже приспѣ на *господина* моего *цара*.
(ЕБ)

Если обнаружатся еще такие случаи, то это должно указывать на тенденцию закрепления не вполне последовательной ранней дихотомии в более позднюю эпоху. Показательно, что в большей степени ориентированная на живое употребление Библия Франциска Скорины (1517–1519) ни в одном из описанных выше исключений не отклоняется от последовательной дихотомии двух форм, хотя в чешском *Vorlage* ее, разумеется, не было.

Выводы

Профанно-сакральная омонимия основной формы, определяющей Бога монотеистических религий (*Dominus, Signor, Herr, Lord* и т. д.), из всех языков христианской цивилизации снимается только в языках, принадлежащих к *Slavia Orthodoxa*²².

Профанное использование формы *господь* функционально ограничено уже в самых ранних церковно-славянских текстах. Если взглянуть на распределение семантики между формами *господь* и *господинъ* системно, то становится очевидно, что мы имеем дело по меньшей мере с тенденцией семантического развития к более полной дихотомии двух форм, где за термином *господь* постепенно закрепляется более узкое значение²³.

²² Насколько мне удалось проверить, по крайней мере в языках, начало литературной традиции которых предшествует Новому времени. Было бы интересно найти и другие, независимые от славянской традиции языки с этим явлением. Подобное «возвращение» к исходной древнееврейской дихотомии мне удалось обнаружить только за пределами христианского мира, например, в арабском, где последовательно различаются *ar-rabb* 'Господь' и *said* 'господин'. При этом в еврейском и христианском арабском *said/sid* может использоваться и в отношении Бога (напр., *sidna Allah* в *Tafsiye* р. Саади Гаона). Я благодарю Кирилла Асланова за это наблюдение.

²³ Отдельный вопрос — о причинах предпочтения именно этой формы. Интересные догадки по этому поводу высказали в рамках замечаний к рукописи этой статьи А. А. Алексеев и Е. М. Верещагин. Алексеев обратил внимание на то, что суффикс *-ин-* в форме *господинъ* не указывает на уникальность, а выделяет одного из класса подобных (ср. *немец — немчинъ, вои — воинъ*), а потому менее, чем *господь*,

Процесс этот связан с переводческой экзегезой, неизвестной (насколько мне удалось установить) ни греческой, ни другим ранним церковным традициям. То есть мы имеем дело, по-видимому, с уникальной и, во всяком случае, самостоятельной *славянской инновацией* в интерпретации библейского текста.

Системные исключения, противоречащие этой тенденции, сами по себе представляют интерес как пример ранней славянской экзегезы (как, например, сакральное прочтение возможно профанных употреблений греческого термина).

Двусмысленность греческого текста, сохраненная в большинстве церковных традиций (или нейтрализуемая на разных этапах только графическими средствами, например, заглавными буквами), была снята в славянской традиции на самом раннем ее этапе. Новая славянская дихотомия с одной стороны исправляла, компенсировала многозначность греческого термина, а с другой — восстанавливала различие значений оригинального еврейского текста Библии.

Как мне кажется, это один из многих не вполне выявленных и осмысленных случаев самостоятельной славянской экзегетической мысли, на этом раннем этапе проявлявшейся не столько в сочинении библейских комментариев и богословских трудов, сколько в переводческом и редакторском выборе.

Интересно, что некоторые процессы в распределении значений в зависимости от грамматической формы, зафиксированные в ранних библейских текстах, сходны с аналогичными процессами в современных славянских языках (как, например, сохранение устаревшего значения формы *государь* в формах вежливого обращения или образование мн. ч. формы *господин* от альтернативной основы в собирательной форме) и, возможно, повлияли на них.

Кроме того, такое семантическое различие родственных и очень сходных форм обогатило и причастные к этой традиции современные славянские языки, создав средства для языковых игр, невозможных в большинстве других языков христианской цивилизации. Например, в русском:

Слава тебе, Господи! Сподобил еще Господь послужить своим господам.

(Н. Г. Гарин-Михайловский, Гимназисты, 1895)²⁴

пригоден на роль сакрального имени. Верещагин предположил, что славянские первопереводчики могли предпочесть форму *господь* в силу ее трехсложного состава, идентичного как еврейской, так и греческой трехсложным формам (יהוה и *κύριος*). Эта трехсложность представлена и в лат. *dominus*. В славянском она теряется после падения редуцированных, сохраняясь только в звательной форме.

²⁴ Цитаты даны по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

(М. И. Цветаева, Я — страница твоему перу..., 1918)

Видит Господь,
Нет житья от господ.

(В. В. Хлебников, Песня сумрака [Настоящее], 1921)

Он был господом, не господином, а именно господом: ему молились, его просили.

(В. А. Каверин, Освященные окна, 1974–1976)

Слоган: ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД.
Вариант: ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД.

(В. Пелевин, Generation «П», 1999)²⁵

Отдельно стоит отметить, что различие двух форм неожиданно актуализировалось в советский период, когда графическое различие оказалось под запретом. См., например, в примере Каверина выше, а также у Гаспарова:

ОПЕЧАТКИ в «Русском стихосложении» Б. Томашевского 1923 г.: «Стр. 18, 48, 55, 62, 63, 64, 87, 88 напеч. Бог, следует: бог. Стр. 53, 88 напеч. Господь, следует: господь» и т. д. Ср. примеч. к «Мистериям» Байрона 1933 г.: «Господь и пр. пишутся с большой буквы только как выступающие и не выступающие персонажи; отступления просим считать печатками». Акад. Александров сказал: они пишут Бога с маленькой буквы, потому что боятся, вдруг с большой он начнет существовать (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. Ч. 1: «От А до Я»).

²⁵ На фоне этих примеров интересны случаи, когда дихотомия игнорируется или модифицируется:

В эти пробухшие дни ты один.
И нет у тебя уже Господа Бога.
С тех пор, как узнал ты, что господов много.
Что господом кличется всякий родин.

(Г. Владимирский, Стервень [Прорубь. Одесса: Прасинь, 1921]; благодарю Р. Д. Тищенко, указавшего мне на этот текст).

Здесь дифференциация достигается только употреблением строчной или прописной буквы, как в большинстве западноевропейских традиций.

В украинском языке, где форме *господинъ* соответствуют *пан* и *господарь*, сходная игра слов возможна с формой *господа* «дом»:

Господи, порожньо в наші́й господі,
Господи, холодно й во́гко, насподі
Голос господаря зниклого змок...

(М. Фишбейн, Господи, порожньо в наші́й господі, 2002; указано Й. Петровским-Штерном).

На самом деле, в отличие от других языков христианского мира, в русском (и других языках кирилло-мефодиевской традиции) различение форм с помощью заглавной буквы функционально излишне и имеет только декларативный характер идеологического маркера. В церковнославянской традиции заглавная буква в форме *господь* отсутствует (как и в других случаях, за исключением инициальных букв), и ее введение в норму само по себе является инновацией, связанной с введением гражданского алфавита, и имитацией западноевропейской практики, в которой заглавная буква в этом случае приобретала еще и смысло-различительное значение.

Библиография

Источники

Алексеев et al. 1998

Алексеев А. А. et al., ред., *Евангелие от Иоанна в славянской традиции* (= *Novum Testamentum Palaeoslovenice*, 1), С.-Петербург, 1998.

——— 2005

Алексеев А. А. et al., ред., *Евангелие от Матфея в славянской традиции* (= *Novum Testamentum Palaeoslovenice*, 2), С.-Петербург, 2005.

Вилкул 2015

Вилкул Т. Л., ред., *Книга Исход: Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков*, Москва, 2015.

——— 2017

Вилкул Т. Л., ред., *Книга Ісуса Навина: Давньослов'янський четій текст за списками XIV–XVI століть* (= Київське християнство, 9), Львів, 2017.

ЕБ 1751

Елизаветинская Библия (= *Бібліа сирѣчь кѣ ги ѿщеннагѡ писанія ветхаго и новаго завѣта*, 1–4), С.-Петербургъ, 1751; используемое изд.: *Бібліа сирѣчь книги Свѣщеннагѡ Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта*, С.-Петербургъ, 1900 [элек. репр. переизд.: Донецк, 2002].

Евсеев 1905

Евсеев И. Е., ред., *Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе: Введение и тексты*, Москва, 1905.

Михайлов 1900–1908

Михайлов А. В., ред., *Книга Бытия пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ*, 1–4, Варшава, 1900–1908.

ОБ 1581

Острожская Библия (= *Библіа сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по языкъ словенскъ*), Острогъ, 1581.

Ягич 1883

Ягич И. В., ред., *Маріинское четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложеніями: Памятникъ глаголической письменности / Quattuor Evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagoliticus characteribus cyrillicis transcriptum*, Berlin, 1883.

Dadiverin 1995

Dadiverin I., ed., *Die Methodbibel, 4: Das Buch Leviticus* (= *Die slawischen Sprachen*, 40), Salzburg, 1995.

Dunkov 1995–1996

Dunkov D., ed., *Die Methodbibel*, 5–8: *Die Bücher der Könige* (= Die slawischen Sprachen, 42, 45, 47, 48), Salzburg, 1995–1996.

Kałużniacki 1896

Kałużniacki A., ed., *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti*, Vindobonae, 1896.

Nestle, Aland 1995

Nestle E., Aland K., eds., *Novum Testamentum Graece*, 27th ed., Stuttgart, 1995.

Rahlfs 1935

Rahlfs A., ed., *Septuaginta: Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes*, 1–2, Stuttgart, 1935.

Robinson, Pierpont 2005

Robinson M. A., Pierpont W. G., eds., *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*, Chilton, 2005.

Soden 1902–1913

Soden H. von, ed., *Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte*, 1–2, Berlin, Göttingen, 1902–1913.

Литература

Алексеев 1984

Алексеев А. А., О греческой основе славянских библейских переводов, *Palaeobulgarica*, [8.]1, 1984, 3–22.

——— 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A, Slavistische Forschungen, n. F., 24.), С.-Петербург, 1999.

Аргировски 2003

Аргировски М., ред., *Речник на грчко-црквенословенски лексички паралели*, Скопје, 2003.

Верещагин 1997

Верещагин Е. М., *История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*, Москва, 1997.

Золтан 2014

Золтан А., Вопрос о времени перехода *господарь* > *государь* и производных, *Idem, Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва, 2014, 67–72.

Люсен 1995

Люсен И., *Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri)* (= Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia, 36), Uppsala, 1995.

Николова et al. 2003

Николова С. et al., ред., *Критическото издание на най-стария славянски текст на библейските книги и неговите алтернативи: Тематичен блок* (= XIII Международен конгрес на славистите, Любляна, 15–21 август 2003 г.), София, 2003.

Скупский 1977

Скупский Б. И., К вопросу о греческих оригиналах древнейших славянских переводов, *Вопросы языкознания*, [26.]2, 1977, 126–130.

Трубачев 1963–2018–

Трубачев О. Н., *Этимологический словарь славянских языков*, 1-41–, Москва, 1963–2018–.

Barr 1961

Barr J., *The Semantics of Biblical Language*, Oxford, 1961.

——— 1962a

Barr J., Hypostatization of Linguistic Phenomena in Modern Theological Interpretation, *Journal of Semitic Studies*, 7, 1962, 85–94.

——— 1962b

Barr J., *Biblical Words for Time*, London, 1962.

——— 1979

Barr J., The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations, *Mitteilungen des Septuaginta-Unternehmens*, 15, 1979, 277–325.

Buth 1986

Buth R., Luke 19:31–34, Mishnaic Hebrew, and Bible Translation: Is *κύριοι τοῦ πώλου* Singular?, *Journal of Biblical Literature*, 104, 1986, 680–685.

Cremer 1895

Cremer H., *Biblico-theological Lexicon of New Testament Greek*, 4th English ed., trans. from German by W. Urwick, Edinburgh, 1895 [1st German ed.: 1867].

Deissmann 1908

Deissmann A., *The Philology of the Greek Bible: Its Present and Future*, trans. from German by L. R. M. Strachan, London, 1908.

——— 1909

Deissmann A., *Bible Studies: Contributions, Chiefly from Papyri and Inscriptions, to the History of the Language, the Literature, and the Religion of Hellenistic Judaism and Primitive Christianity*, 2nd ed., trans. from German by A. J. Grieve, Edinburgh, 1909.

——— 1927

Deissmann A., *Light from the Ancient East: The New Testament Illustrated from Recently Discovered Texts of the Graeco-Roman World*, rev. ed., trans. from German by L. R. M. Strachan, London, 1927 [4th German ed.: Tübingen, 1923].

Dodd 1935

Dodd C. H., *The Bible and the Greeks*, London, 1935.

Gebauer 1970

Gebauer J., *Slovník staročeský*, 1, Praha, 1970.

Hatch 1889

Hatch E., *Essays in Biblical Greek*, Oxford, 1889.

Hatch, Redpath 1998

Hatch E., Redpath H. A., *A Concordance to the Septuagint and Other Greek Versions of the Old Testament (Including the Apocryphal Books)*, 2nd ed., Grand Rapids, 1998.

Hill 1967

Hill D., *Greek Words and Hebrew Meanings: Studies in the Semantics of Soteriological Terms*, Cambridge, 1967.

Howard 1977

Howard G., The Tetragram and the New Testament, *Journal of Biblical Literature*, 96.1, 1977, 63–83.

Kittel 1933–1978

Kittel G., Hg., *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*, 1–10, Stuttgart, 1933–1978 (английский перевод: *Theological Dictionary of the New Testament*, trans. from German by G. W. Bromiley, 1–10, Grand Rapids, 1964–1976).

Koselleck 2006

Koselleck R., *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*, Frankfurt am Main, 2006.

KTBH

Key Terms in Biblical Hebrew, ed. by R. de Blois (<http://www.ktbh-team.org/>; currently inoperative).

Kurz, Hauptová 1958–1997

Kurz J., Hauptová Z., eds., *Slovník jazyka staroslověnského*, 1–4, Praha, 1958–1997.

Louw 1982

Louw J. P., *Semantics of New Testament Greek*, Atlanta, 1982.

Louw, Nida 1989

Louw J. P., Nida E. A., ed., *A Greek-English Lexicon of the New Testament, Based on Semantic Domains*, 2nd ed., 1–2, New York, 1989.

——— 1992

Louw J. P., Nida E. A., *Lexical Semantics of the Greek New Testament: A Supplement to the Greek-English Lexicon of the New Testament Based on Semantic Domains* (= Resources for Biblical Study, 25), Atlanta, 1992.

Miklosich 1875

Miklosich F., *Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen: Eine sprachgeschichtliche Untersuchung* (= Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 24), Wien, 1875.

SAHD

Semantics of Ancient Hebrew Database (international collaborative research project; <http://www.sahd.div.ed.ac.uk>; last access on: 15.11.2018)

Sawyer, Simpson 2001

Sawyer J. F. A., Simpson J. M. Y., eds., *Concise Encyclopedia of Language and Religion*, Amsterdam, New York, 2001.

SDBH

Semantic Dictionary of Biblical Hebrew, ed. by R. de Blois (<http://www.sdbh.org>; last access on: 15.11.2018)

Silva 1983

Silva M., *Biblical Words and their Meaning: An Introduction to Lexical Semantics*, Grand Rapids, 1983.

Tov 1997

Tov E., *The Text-critical Use of the Septuagint in Biblical Research*, 2nd ed., Jerusalem, 1997.

Turner 1980

Turner N., *Christian Words*, Edinburgh, 1980.

Wierzbicka 2001

Wierzbicka A., *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*, Oxford, 2001.

Wierzbicka, Goddard 2014

Wierzbicka A., Goddard C., *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*, Oxford, 2014.

References

Alekseev A. A., O grecheskoi osnove slavianskikh bibleiskikh perevodov, *Palaeobulgarica*, [8]1, 1984, 3–22.

Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoi Biblii* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A, Slavistische Forschungen, n. F., 24), St. Petersburg, 1999.

Argirovski M., ed., *Rečnik na grčko-tsrkveno-slovenski leksički paraleli*, Skopje, 2003.

Barr J., *Biblical Words for Time*, London, 1962.

Barr J., Hypostatisation of Linguistic Phenomena in Modern Theological Interpretation, *Journal of Semitic Studies*, 7, 1962, 85–94.

Barr J., *The Semantics of Biblical Language*, Oxford, 1961.

Barr J., The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations, *Mitteilungen des Septuaginta-Unternehmens*, 15, 1979, 277–325.

Buth R., Luke 19:31–34, Mishnaic Hebrew, and Bible Translation: Is *κύριοι τοῦ πῶλου* Singular?, *Journal of Biblical Literature*, 104, 1986, 680–685.

Cremer H., *Biblico-theological Lexicon of New Testament Greek*, 4th English ed., trans. from German by W. Urwick, Edinburgh, 1895 (1st German ed.: 1867).

Deissmann A., *Bible Studies: Contributions, Chiefly from Papyri and Inscriptions, to the History of the Language, the Literature, and the Religion of Hellenistic Judaism and Primitive Christianity*, 2nd ed., trans. from German by A. J. Grieve, Edinburgh, 1909.

Deissmann A., *Light from the Ancient East: The New Testament Illustrated from Recently Discovered Texts of the Graeco-Roman World*, rev. ed., trans. from German by L. R. M. Strachan, London, 1927 (4th German ed.: Tübingen, 1923).

Deissmann A., *The Philology of the Greek Bible: Its Present and Future*, trans. from German by L. R. M. Strachan, London, 1908.

Dodd C. H., *The Bible and the Greeks*, London, 1935.

Gebauer J., *Slovník staročeský*, 1, Praha, 1970.

Hatch E., *Essays in Biblical Greek*, Oxford, 1889.

Hatch E., Redpath H. A., *A Concordance to the Septuagint and Other Greek Versions of the Old Testament (Including the Apocryphal Books)*, 2nd ed., Grand Rapids, 1998.

Hill D., *Greek Words and Hebrew Meanings: Studies in the Semantics of Soteriological Terms*, Cambridge, 1967.

Howard G., The Tetragram and the New Testament, *Journal of Biblical Literature*, 96.1, 1977, 63–83.

Kittel G., Hg., *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*, 1–10, Stuttgart, 1933–1978 (*Theological Dictionary of the New Testament*, trans. from German by G. W. Bromiley, 1–10, Grand Rapids, 1964–1976).

Koselleck R., *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*, Frankfurt am Main, 2006.

Kurz J., Hauptová Z., eds., *Slovník jazyka staroslověnského*, 1–4, Praha, 1958–1997.

Liuseen I., *Grechesko-staroslavianskii konkordans k drevneishim spiskam slavianskogo perevoda evangeli (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri)* (= Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia, 36), Uppsala, 1995.

Louw J. P., *Semantics of New Testament Greek*, Atlanta, 1982.

Louw J. P., Nida E. A., ed., *A Greek-English Lexicon of the New Testament, Based on Semantic Domains*, 2nd ed., 1–2, New York, 1989.

Louw J. P., Nida E. A., *Lexical Semantics of the Greek New Testament: A Supplement to the Greek-English Lexicon of the New Testament Based on Semantic Domains* (= Resources for Biblical Study, 25), Atlanta, 1992.

Miklosich F., *Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen: Eine sprachgeschichtliche Untersuchung* (= Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 24), Wien, 1875.

Nikolova S. et al, eds, *Kriticheskoto izdanie na nai-startiia slavianski tekst na bibleiskite knigi i negovite alternativi: Tematichen blok* (= XIII Mezhdunaroden kongres na slavistite, Liubliana, 15–21 avgust 2003 g.), Sofia, 2003.

Sawyer J. F. A., Simpson J. M. Y., eds., *Concise Encyclopedia of Language and Religion*, Amsterdam, New York, 2001.

Silva M., *Biblical Words and their Meaning: An Introduction to Lexical Semantics*, Grand Rapids, 1983.

Skupsky B. I., K voprosu o grecheskikh originalakh drevneishikh slavianskikh perevodov, *Voprosy iazykoznaniiia*, [26]2, 1977, 126–130.

Tov E., *The Text-critical Use of the Septuagint in Biblical Research*, 2nd ed., Jerusalem, 1997.

Trubachev O. N., *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov*, 1–41–, Moscow, 1963–2018–.

Turner N., *Christian Words*, Edinburgh, 1980.

Vereshchagin E. M., *Istoriia vozniknoveniia drevnego obshch斯拉vianskogo literaturnogo iazyka: Perevodcheskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchennikov*, Moscow, 1997.

Wierzbicka A., Goddard C., *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*, Oxford, 2014.

Wierzbicka A., *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*, Oxford, 2001.

Zoltan A., *Vopros o vremeni perekhoda gosudar' > gosudar' i proizvodnykh*, Idem, *Interslavica: Issledovaniia po mezhslavianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam*, Moscow, 2014, 67–72.

Alexander Kulik, Ph.D.

Associate Professor

Tamara and Saveli Grinberg Chair in Russian Studies

Department of Russian and East European Studies

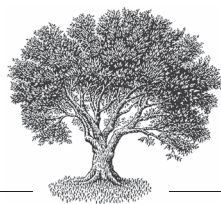
Faculty of Humanities

The Hebrew University of Jerusalem

Mt. Scopus, Jerusalem 91905, Israel

kulik@mail.huji.ac.il

Received November 15, 2018

Где и когда собирал дань новгородец Савва?*

**Павел Владимирович
Петрухин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute?

Pavel V. Petrukhin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Статья содержит исторический и лингвистический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 724. В статье [Петрухин 2009] была подвергнута критике устоявшаяся трактовка этой известнейшей грамоты, принадлежащая В. Л. Янину и А. А. Зализняку (НГБ X; ДНД₂). В настоящей статье развиваются и дополнительно аргументируются идеи, высказанные в [Петрухин 2009], и предлагается альтернативная интерпретация документа. Пересмотру подвергнуты основные положения трактовки В. Л. Янина и А. А. Зализняка. Согласно последней, в грамоте упоминаются новгородский посадник Захария и суздальский князь Андрей Боголюбский, описываемые события разворачиваются на отдаленных северных окраинах Новгородского государства, сама грамота датируется 1161–1167 гг., а состояние

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Цитирование: Петрухин П. В. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 55–108.

Citation: Petrukhin P. V. (2019) Where and When did the Novgorodian Savva Gather the Tribute? *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 55–108.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

редуцированных гласных в ней является «переходным», отражая незавершившийся процесс падения и прояснения редуцированных. Согласно анализу, представленному в настоящей статье, в грамоте не упоминаются исторические лица, события происходят в южных пределах новгородской территории (на землях, принадлежащих новгородскому князю), грамота датируется началом XIII в., а ее язык — позднерусский (с эффектом скандирования в приписке к грамоте). Также в статье подробно разбираются критические замечания А. А. Гиппиуса [2015] и А. А. Зализняка (НГБ XII) в отношении [Петрухин 2009].

Ключевые слова

берестяные грамоты, история Новгорода, древнерусский язык, падение и прояснение редуцированных

Abstract

The article contains historical and linguistic commentary to the Novgorod birch-bark letter #724. In [Петрухин 2009] the author criticized the long-established interpretation of this well-known document offered by Valentin Yanin and Andrey Zaliznyak (НГБ X; ДНД₂). The present paper develops the ideas expressed in [Петрухин 2009], supports them with new arguments and puts forward an alternative interpretation of the document. The main theses of the interpretation of Yanin and Zaliznyak have been revised. According to them, the birch-bark letter mentions the Novgorod posadnik Zakhariya and the Suzdal prince Andrey Bogolyubsky, the events mentioned happen in the remote northern parts of the Novgorod state, the letter dates from 1161–1167, and the situation with the reduced vowels is considered “transitional”, i.e., one reflecting the process of the fall and vocalization of the reduced vowels in progress. In the present article the author argues that no historical persons are mentioned in the letter, the situation takes place in the southern parts of the Novgorod territory (on the land belonging to Novgorod princes), the document dates from the early 13th century and its language is “late Old Russian” (with the chanting effect in the postscript to the letter). The article also provides a detailed analysis of the critical remarks of Gippius and Zaliznjak with respect to [Петрухин 2009].

Keywords

birch-bark letters, the history of Novgorod, Old Russian language, the fall and vocalization of the reduced vowels

0. Вводные замечания

Грамота № 724 заметно выделяется среди текстов на бересте и вообще в древнерусской письменности. В отличие от большинства берестяных грамот, это не хозяйственная запись и не короткое письмо личного характера, а целый эпизод из жизни новгородского сборщика дани, рассказанный от первого лица и исполненный драматизма. В противовес

книжным нарративам, рассказ этот написан не на церковнославянском (хотя бы и гибридном, как в летописях), а на живом древнерусском языке. Найденная в 1990 г., грамота давно вошла в хрестоматии, практически ни одно крупное исследование о средневековом Новгороде или древнерусском языке домонгольской поры не обходится без ее упоминания.

В [Петрухин 2009] обсуждается ряд слабых мест и противоречий в комментарии, которым снабдили грамоту ее издатели В. Л. Янин и А. А. Зализняк, и предложено новое прочтение, на мой взгляд, не только устраняющее недостатки предыдущей трактовки, но и значительно проясняющее ситуацию грамоты. В [НГБ XII: 258–268] опубликован ответ А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка на эту работу. Его первая часть, написанная Гиппиусом, касается в основном перевода и исторической трактовки¹, вторая часть принадлежит Зализняку и посвящена состоянию редуцированных гласных и палеографии грамоты. В свете высказанных в [Петрухин 2009] соображений оба исследователя подвергли первоначальную трактовку грамоты существенному пересмотру, однако не согласились с основными выводами моей статьи. В настоящей статье я постараюсь ответить на критические замечания А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка, а также рассмотреть некоторые аспекты проблемы, не затронутые или не получившие достаточно полного освещения в [Петрухин 2009].

В соответствии с названием статьи (а также порядком рассмотрения связанных с грамотой проблем в [НГБ XII: 258–268]), ее можно условно разделить на две части: первая (разделы 1–5) в основном посвящена вопросу «где», вторая (раздел 6) — вопросу «когда». Первый вопрос обращен в первую очередь к содержанию грамоты, ее переводу и исторической интерпретации, поэтому в первой части статьи излагается трактовка грамоты по В. Л. Янину и А. А. Зализняку (раздел 1), обсуждается поправка к переводу Янина и Зализняка, предложенная в [Петрухин 2009] (раздел 2.1), и возражения А. А. Гиппиуса против этой поправки (раздел 3), здесь же приводится поправка к переводу Янина и Зализняка, предложенная Анной Журавель в ходе обсуждения предварительной версии данной статьи (раздел 2.2), в разделе 4 обсуждаются различные варианты исторической интерпретации текста, в разделе 5 — непосредственно вопрос о географической локализации описываемых в грамоте событий. Вопрос «когда» требует внимательного разбора языковых особенностей текста, и в первую очередь — употребления редуцированных (раздел 6.3); также здесь кратко рассматривается вопрос

---

¹ Предварительно тот же (за исключением небольших различий) текст был опубликован в журнале «Словѣне» [Гиппиус 2015].

о стратиграфической датировке грамоты (раздел 6.1) и данных палеографии (раздел 6.2). Основные выводы работы изложены в заключительном разделе (7).

1. Текст грамоты и перевод В. Л. Янина и А. А. Зализняка

Грамота состоит из основного текста на внешней стороне бересты и приписки на обороте. Ниже приводится текст грамоты с переводом по [ДНД₂: 350–351].

Ѡ савѣ поклананѣе кѣ братѣи и дрѣжинѣ остаѣ
 вили ма бѣли людѣ да остатѣ дани испраѣ
 вити бѣло имѣ досени а по первомѣ пѣти
 послати и отѣбѣити прочѣ · и заславѣ захѣ
 рѣа вѣ в[ѣ]рѣ ѡрокѣ не даите савѣ ни одиноѣ
 го песца хотѣ на нихѣ емѣти самѣ вѣ томѣ
 а вѣ [т]омѣ ми са не исправилѣ вѣ борзѣ ни
 кѣ вамѣ ни [т]ѣ ти бѣлѣ а вѣ томѣ есмѣ осталѣ
 по томѣ пришли смерди Ѡ андрѣа мѣжѣ при
 али и данѣ Ѡали людѣ · и осемѣ высагла
 что о тѣдоре порозѣмѣите братѣе емѣ даѣ
 че что вѣ с[ѣ] (-)емѣ състане тягота тамѣ
 и сѣ дрѣжиною егѣ ·

а се[л]сѣаномѣ своемѣ кѣ[н]ѣз[ь] самѣ отѣ [в]олокѣ [и]
 отѣ [м]ѣс[т]ѣ ѡуастокѣ водалѣ а[ч]ѣ ли ти брат[ь]ѣ
 винѣ а[и]удѣ на ма не ищѣ[ть] а до[вѣд]ѣок[а] бѣд[ѣ]
 то же нѣнѣца радѣ бѣхѣ послалѣ [грам]ѣ[тѣ]

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. [Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)». А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’.

А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты (т. е. примыкающие к ним [?]) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту’.

Издатели отождествили персонажей грамоты с рядом исторических лиц, а именно: Захарию — с новгородским посадником, занимавшим должность с 1161 по 1167 г., упомянутого в приписке князя — со Святославом Ростиславичем, тогда же княжившим в Новгороде, Андрея — с суздальским князем Андреем Боголюбским, а «принятого» смердами «мужа» — с его сыном Мстиславом [НГБ X: 24–25].

В общих чертах ситуация видится В. Л. Янину и А. А. Зализняку следующей. Савва — сборщик дани, находящийся «где-то на севере новгородских владений» [НГБ X: 24], со ссылкой на Уставную грамоту князя Святослава Ольговича 1137 г. Янин предложил видеть в нем «онежского домажирича»: «...он не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте» [Ibid.], куда «люди» доставляют собранную дань. По какой-то причине «люди», которым надлежало собрать остаток дани, этого не сделали. Кроме того, посадник Захария через своего посланца запретил платить дань Савве². В этих обстоятельствах местные смерды обратились к представителю соседнего княжества, «мужу» Андрея Боголюбского, и сопровождавшие того дружинники отняли у Саввы дань. В целом грамота трактуется издателями «как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней» [Ibid.: 25].

2. Поправки к переводу

2.1. Поправка, предложенная в [Петрухин 2009]

Проблема изложенного выше толкования грамоты в том, что, фокусируясь на историческом аспекте, оно упускает из виду прагматику текста. Письмо Саввы «к братии и дружине» (основной текст) заканчивается просьбой *порозоумѣти* Тудору и его отряду, т. е., по Зализняку, «отнестись с пониманием» — очевидно, ввиду грозящего «восьмерке» Тудора наказания. Как справедливо заметил В. Л. Янин [1998а: 491], «когда скоро этот отряд возвращается с пустыми руками и без Саввы, Тудора могут ожидать подозрения и неприятности. Письмо Саввы оправдывает его». Однако из прочтения издателей неясно, что же собственно случилось с отрядом Тудора. А. А. Зализняк совершенно верно, на наш взгляд, переводит фразу *и осмыъ высагла что о тѣдоре* как «А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались», однако непонятно, откуда они вырвались. Отметим и странное неупоминание о том, кто именно отнял дань: переводя фразу *и данѣ ѡшли людѣе*, издателям

² Точнее говоря, по мнению Янина и Зализняка, именно распоряжение Захарии послужило «поводом для отказа от уплаты дани» [НГБ X: 24], однако события в грамоте изложены в строгой временной последовательности, и в данном случае ясно сказано, что распоряжение Захарии пришло уже после того, как Савву «оставили» «люди».

пришлось дополнить сообщение Саввы вставкой в квадратных скобках: «и [его] люди отняли дань». Эта недосказанность вызывает недоумение: Савва вроде бы объясняет братии и дружине, что произошло, но при этом оставляет лакуны в ключевых пунктах рассказа.

В [Петрухин 2009] предложена поправка к переводу грамоты, устраняющая перечисленные проблемы. Поправка касается фрагмента по *томы* пришли смерди ѿ андрѣа мѣжь приаи и дане ѿаи людѣ. Дело в том, что глагол *прияи/приимати* наряду с ‘принять/принимать’ имел значение ‘арестовать’, хорошо засвидетельствованное в ранней восточнославянской письменности, ср.:

И разгнѣвася Всеволодъ, и прия слы вся и епископа и гостъ ‘И разгневался Всеволод, и арестовал всех послов, епископа и купцов’ [НПЛ, 1141 г., л. 22]; *А про послы, княже, и про купци про новгородские по твоей земли, техъ ти не приимати* ‘А что касается пребывающих на твоей земле новгородских послов и купцов, то тебе, князь, их не задерживать’ [ГВНП, № 19, с. 36]; дальнейшие примеры см. [Петрухин 2009: 116–118]³.

Если допустить, что в грамоте № 724 глагол *прияи* выступает в том же значении, а словоформа *мѣжь* представляет собой не В. = И. ед., а В. = Р. мн., то фрагмент получает перевод: ‘Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань’.

Предложенное чтение лишено отмеченных выше странных «недомолвок». Прежде всего, понятно, что произошло с восьмеркой Тудора: в то время как часть дружинников Саввы была арестована⁴, этой восьмерке удалось «вырваться» (бежать). Понятно, и кто отнял дань: это те же смерды, посланные Андреем (тут нет нужды предполагать немаркированную смену подлежащего).

Этим не ограничиваются преимущества нового прочтения фрагмента. Рассмотрим фразу по *томы* пришли смерди. Согласно переводу

³ Красноречивое свидетельство об интересующем нас значении *прияи* находим в параллельных летописных рассказах об аресте новгородцами князя Святослава Всеволодовича в 1210 г. В Летописце Переяславля Суздальского сказано: *а Святослава прияиша, сына великого князя Всеволода* [ПСРЛ, 38, л. 538], Новгородская первая летопись уточняет: *а Святослава посадиша въ владыцни дворъ и съ мужи его, донеле будетъ управа съ отцемъ* [НПЛ, л. 76]. Сюда же относится пример из «Девгениева деяния», на который мне любезно указала А. А. Пичхадзе: *Рече же Василии царь [послу Девгения]: «Да кую дерзость имаша, аще противу моего царству не дасть ми покорения». И нарядив посла своего, и посла за реку, а Девгениева прияи* [Кузьмина 1962: 155].

⁴ Т. е., по-видимому, дружинники были разоружены и взяты под стражу. Вообще говоря, очевидно, что прежде чем отобрать дань у дружинников, их нужно сначала тем или иным образом «обезвредить», ср.: *Того же лѣта заратишася устьюжане с новгородци, изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ* [НПЛ, 1323 г., л. 163], т. е. сначала схватили («изымаша»), а потом уже ограбили.

издателей, новгородские смерды обратились к представителю Андрея Боголюбского по собственной инициативе, что как минимум нетипично для Руси XII века. Далее, неясно, что это за смерды, откуда и куда они «пришли». Обычно, если в рассказе от 1-го лица (каковым является письмо Саввы) сообщается нечто вроде «потом пришел N» (без уточнения, к кому пришел), имеется в виду: пришел ко мне (рассказчику). Но здесь получается иначе: смерды приходят не к Савве, а к «мужу» Андрея, а уж затем люди этого «мужа» приходят к Савве и отбирают дань. Новая интерпретация устраняет и эти вопросы: 1) смерды действуют не по своему разумению, а по приказу Андрея, каковой, кем бы он ни был (см. ниже), очевидно, обладал достаточной властью и силой в местах, где разворачивались события⁵; 2) это не какие-то непонятные «смерды», а именно смерды Андрея, который несомненно был известен адресатам Саввы; 3) смерды приходят к Савве и находящимся при нем дружинникам. Таким образом, на мой взгляд, новое прочтение возвращает рассматриваемому фрагменту логику и последовательность, свойственные письму Саввы в целом.

Лингвистическое преимущество нового прочтения фрагмента в том, что оборот «прийти (приехать) от кого-либо» (по томъ пришли смерди ѿ андрѣа) в значении 'прийти по поручению (с полномочиями от) определенного лица' многократно встречается в древнерусской письменности, ср.:

В се же время приключиса прити ѿ Стѣслава дань кмлющую. И ѿневи сѣиу Взмѣстину [Лавр., 1071 г., л. 59]; по сем же Итвѣзъ прислаша. послѣ свои к Володимирови. тако рекоуче. ꙗко не княже Володимере. приѣхали есма к тобѣ. ѿто всиѣхъ Итвѣзъ [Ипат., 1279 г., л. 292]; Того же лѣта приѣха Федоръ Ржевъскыи в Новгород от князя Юрья с Москвы [НПЛ, 1314 г., л. 158]⁶.

Напротив, формула «принять кого-либо от кого-либо» (ѿ андрѣа мѣжь приаши) в том (весьма неопределенном) правовом значении, которое предполагают здесь издатели, насколько мне известно, в памятниках не засвидетельствована.

Серьезным недостатком предложенного мной чтения А. А. Гиппиус считает «синтаксически избыточное» слово *людье*. В [Петрухин 2009:

⁵ Поэтому я не могу согласиться с тем, что моя трактовка предполагает неправдоподобно высокую степень самоорганизации смердов, ср. [НГБ XII: 260]. Такую самоорганизацию подразумевает как раз трактовка издателей, в целом отстаиваемая А. А. Гиппиусом, в моем же понимании смерды действуют от имени и по поручению Андрея.

⁶ В этом значении конструкция сохранилась и поныне, ср.: «За профессором Ворониным пришли вечером. Хмурые, сосредоточенные, как и положено тем, кто представляет большую силу. Кто не от себя пришел» (Е. Г. Водолазкин, «Авиатор»).

120] отмечено, что оно дублирует подлежащее *смерди* (о синонимии слов *людие* и *смырди* ср. [Свердлов 1983: 138]) и что повтор может быть связан с двухчастной структурой фразы: сначала сообщается о приходе смердов, а затем о том, что они сделали. Возражая против этого объяснения, А. А. Гиппиус указал, что «такая же смысловая “двухчастность” характеризует множество летописных контекстов с однородными сказуемыми, в которых никакого повтора подлежащего нет; параллелей же, которые бы подтверждали такое объяснение, П. В. Петрухин не привел» [НГБ XII: 261]. Однако Савва не летописец, а его грамота — отнюдь не летописный нарратив. Избегание повторов — часть риторической стратегии, требующей от пишущего соответствующей выучки, подобных навыков естественно ожидать от искушенного в книжном деле летописца, но не от сборщика дани. В любом случае, думаю, что стилистические нюансы здесь второстепенны по сравнению с другим обстоятельством: для Саввы как для сборщика дани было очень важно подчеркнуть, в чьих именно руках оказалась дань (что это те же самые смерды (= «люди»), пришедшие от Андрея). В берестяных грамотах встречаются повторы, вызванные желанием подчеркнуть важную информацию. Так, автор грамоты № 558 (←1180–1200)⁷, назначая иконописцу Гречину время и место, куда тот должен доставить заказанные ему иконы, дважды повторил слово *семо* ‘сюда’: *ѿ попа ѿ минь ко грыциноу а боуди семо ко петрову дени съ икоунами семо* [ДНД₂: 407].

Новое прочтение фрагмента предполагает, что словоформа *мѣжь* — не В. = И. ед., а В. = Р. мн. Для времени, которым датировали грамоту Янин и Зализняк (1161–1167 гг.), имеется лишь один пример В. = Р. мн. в берестяной грамоте из Старой Руссы № 10 (←1160–1180→) [Крысько 1994: 104–106; ДНД₂: 448]. Однако датировка издателей в свою очередь базируется на гипотезе о том, что в грамоте упомянуты Андрей Боголюбский и посадник Захария. В случае же отказа от этой гипотезы временной отрезок, к которому может принадлежать грамота, значительно расширяется, одновременно сдвигаясь вправо по хронологической оси (см. ниже). А здесь мы находим уже другую картину. Так, уже на рубеже XII–XIII вв. распространение грамматической категории одушевленности на существительные м. рода во мн. числе засвидетельствовано рядом надежных примеров, в частности, в грамоте № 531 нач. XIII в. [ДНД₂: 416], в первом почерке НПЛ (около 1234 г. [Гимон, Гиппиус 1999]) и в других текстах [Крысько 1994: 106–107; ИГДРЯ I: 202–205]. Тем самым предложенное прочтение не противоречит хронологии развития категории одушевленности в древнерусском языке.

⁷ Здесь и далее для краткости приводятся условные даты грамот, указанные на веб-сайте www.gramoty.ru. Стрелки означают вероятное смещение датировки назад или вперед.

Примечательно, что фраза *мѡжъ приаши* ‘арестовали мужей’ аналогична большинству ранних примеров В. = Р. мн. Согласно А. Тимберлейку [1996; Timberlake 1997], в период становления категории одушевленности у существительных выбор между В. = И. и В. = Р. зависел от референциального статуса объекта, а именно: для конкретно-референтных объектов характерен В. = Р., тогда как родовые объекты чаще выступают в форме В. = И.⁸ Кроме того, как отмечает Тимберлейк, «примеры относительно раннего употребления В. = Р. от существительных м. рода во мн. числе, которые приводит Крысько, тяготеют к семантически ограниченной группе глаголов — либо к глаголам перемещения (*сѡгони-ти*), либо к глаголам насильственного изменения состояния (*избити*)» [Крысько 1994: 106–107]. Оба эти типа глаголов сообщают, как правило, о результатах воздействия на уже существующее множество предметов или лиц, а не о создании ситуации» [Тимберлейк 1996: 13]. Очевидно, что и в грамоте № 724 мы имеем дело с «насильственным изменением состояния», которому подверглось известное множество лиц. Тем самым, если моя интерпретация верна, фраза *мѡжъ приаши* ‘арестовали мужей’ пополняет список типичных ранних примеров распространения категории одушевленности среди существительных в мн. ч.

2.2. Поправка А. Журавель

В ходе обсуждения предварительной версии настоящей статьи Анна Журавель предложила еще одну важную поправку к переводу грамоты, а именно следующего фрагмента: *и заславъ захарѣа въ вѣре ѡрокъ не дайте савѣ ни единого песка хотѣ на нихъ ѣмѣти самъ въ томъ*.

В [ДНД₂: 350] фрагмент переведен так: ‘А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песка с них собрать. [Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)»’. Этот перевод проблематичен во многих отношениях. Прежде всего нельзя не обратить внимание на одну странность в «послании» Захарии: неясно, к кому оно обращено. Кто должен был не позволить Савве собирать дань? По логике вещей, распоряжение не платить дань такому-то должно быть адресовано самим плательщикам дани, однако последние упомянуты в третьем лице — «на нихъ». Кто

⁸ Эту разницу удобно проиллюстрировать как раз на примере фразы *мѡжъ приаши*. В версии Янина и Зализняка форма *моужь* указывает на родовой объект (некий представитель Андрея Боголюбского, неважно, кто именно), соответственно, здесь вполне ожидаем В. = И. ед. В предлагаемом мной чтении имеется в виду конкретно-референтный объект (дружинники под началом Саввы, известные не только ему самому, но и — едва ли не поименно, ср. упоминание Тудора и «тех, что с ним» — его адресатам), отсюда тут вполне закономерен В. = Р. мн. Компактное изложение концепции А. Тимберлейка, а также расширенный материал см.: [Живов 2017: 770–777].

же тогда адресаты Захарии? Очевидно, что это не «братия и дружина», иначе Савва не сообщал бы об этом в письме к ним же. Это также не «людые», «оставившие» Савву, так как из текста определенно следует, что те сделали свой выбор до распоряжения Захарии. Может быть, Захария обратился к местным администраторам? Но таковым является сам Савва. Таким образом, вопрос остается без ответа.

Далее, согласно Зализняку, во фрагменте *ни одного песца хота* «мы имеем дело с наложением отрицания на сочетание *одинъ хота* (= *хота одинъ*) ‘хоть один’» [ДНД₂: 354], т. е. с конструкцией, которую буквально можно перевести как «ни хоть одного песца». Однако Зализняк не привел других примеров подобного наложения. Усилительная частица *хотя* всегда стоит непосредственно перед словом, к которому относится. Следовательно, даже если бы отрицательная конструкция подобного типа была возможна, ожидалось бы *ни хота одного песца*, ср.:

Подобають [...] причащатиса [...] хота единою лѣтомъ (Златоуст, XIV в.), цит. по: [Срезн., III: 1393], там же другие подобные примеры;

*Да будет что по их переписке у Соли на посаде и в Усольском уезде объявитца в прописке хотя один двор или один человек, и государь указал помесья его Павловы и вотчины роздать в роздачу безповоротно (1646); чтобъ государь изволилъ для монастырскихъ промысловъ хотя едину тою рѣку Порусью свободну учинить (1662)*⁹.

В качестве аналога синтаксической последовательности *ни одного песца хота* А. А. Зализняк [ДНД₂: 354] привел пример: *а гдѣ бѣде хота посла^а на наше лихо, а тамо ти ѿслати* (ДДГ, № 19, 1402 г., с. 53), однако здесь представлено иное употребление частицы *хотя* (согласно Зализняку, *гдѣ хота* = ‘где бы ни’, ‘куда бы ни’), подчиняющееся иным синтаксическим правилам¹⁰.

Для фразы *самъ въ томъ* предложено два перевода: «[Я] сам за это отвечаю (или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)». Второй вариант неслучайно дан в скобках как менее правдоподобный. Он проигрывает первому по двум причинам: 1) местоимение *самъ* хорошо известно в древнерусском языке как средство указания на лицо, являющееся источником или объектом действия (ср. в той же грамоте № 724:

⁹ Примеры из Старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018).

¹⁰ По-видимому, к таким употреблениям восходит характерный для деловой письменности сложный условный союз *буде(т) хотя*, ср.: *будет хотя вскоре города не возьмутца, и государю в их земле веновати* (1512–1598); *а буде хотя нѣтъ другова, и вамъ бы прислати и одинъ станъ для образца* (1665) (примеры из Старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018)).

къ[н]аэ[ь] самъ ... 8частокѣ водале), но, насколько можно судить, нигде не встречается в значении 'быть самозванцем'; 2) выражение *быти въ чемъ* в значении 'нести ответственность за что-либо' представлено в целом ряде берестяных грамот (ср. [ДНД₂: 162; НГБ XII: 175]), во втором же варианте предполагается как минимум нестандартный оборот. Однако и первый вариант вызывает вопросы: во всех трех случаях, где оборот *быти въ чемъ* встретился в берестяных грамотах (№ 489, 749, Твер. 2), употреблено местоимение 1-го лица (*азъ въ томъ* 'я за это отвечаю'), а не *самъ*¹¹.

Поправка, предложенная А. Журавель, заключается в том, чтобы в рассматриваемом фрагменте трактовать *хотѧ* не как частицу, а как причастие. В этом случае фрагмент читается следующим образом:

И, заславъ, Захарья въ в[ъ]ре 8рокль: «Не дайте Савъ ни одного песца!», — хотѧ на нихъ емати самъ въ томъ — 'А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни одного песца!», — желая сам собирать с них [эту дань]'.

Перед нами совершенно стандартная для древнерусского повествования синтаксическая конструкция, где причастный оборот с глаголом *хотѧ* разъясняет мотивы поступка, о котором идет речь¹², ср.:

И молваше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свои и прими волость его!», — хотѧ ѿмстити сѣу своему [Лавр., 975, л. 23]; и пришедъ Индрихъ князь Воротыславский, выгна и, хотѧ самъ княжити [Ипат., 1290, л. 306об.]; Того же лѣта воевода нѣмечьской Трунда с Нѣмци в ловвахъ и въ шнекахъ внидоша Невоя в Ладоское озеро ратью, хотяще на Корьль дань взяти [НПЛ Ком., 1284, л. 188].

Слова Захарии здесь, как и следовало ожидать, обращены к плательщикам дани — смердам (и, возможно, местным землевладельцам, см. ниже); они же имеются в виду в следующей фразе (*хотѧ на нихъ емати самъ въ томъ*), тем самым местоимение *они* получает имплицитный антецедент в тексте, отсутствующий в трактовке издателей грамоты.

В рамках данного чтения *въ томъ* относится к *емати* и представляет собой типичный пример конструкции с предлогом *въ*, подробно изученной А. А. Зализняком: «В конструкции участвуют преимущественно

¹¹ Вообще говоря, в берестяных грамотах местоимение *самъ*, как правило, имеет при себе либо эксплицитно выраженное подлежащее (в т. ч. личные местоимения, для которых это один из наиболее типичных случаев употребления в древнерусском [Зализняк 2008: 244]), либо личную форму глагола (в презенсе или императиве), либо то и другое одновременно. В любом случае субъект, к которому отсылает местоимение *самъ*, всегда ясен — в отличие от двусмысленности, присущей обороту *самъ въ томъ* в обсуждаемой интерпретации.

¹² В этом нетрудно убедиться, сделав соответствующий запрос в Древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-old_rus.html; дата последнего обращения: 06.10.2018).

глаголы с общим значением ‘заплатить’ (или ‘заставить заплатить’, ‘понести (или причинить) ущерб того или иного рода’, например: *платити, ѹти, заѹти, пограбити, вырути, погынути* и т. п. Предлогом *въ* вводится указание на то, за что (или по причине чего, или в счет чего) производится выплата или причиняется ущерб. При этом встречается управление как В., так и М. падежом, иногда даже в одном и том же контексте, например, *платити въ то* и *платити въ томъ* (разница значений при этом очень невелика и может даже совсем стираться)» [ДНД₂: 162] (подробнее см. [НГБ IX: 309–312], ср. также статью *въ (во)*, значение Б (7) в [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 9]).

В данном случае *емати въ томъ* значит, по-видимому, ‘сбирать [меховые шкурки] в счет той суммы, которая должна быть уплачена в качестве дани’. Из приведенных А. А. Зализняком примеров этой конструкции к контексту грамоты № 724, вероятно, ближе всего *рути въ чель* ‘подвергать конфискации имущество на определенную сумму (в счет некоторой суммы)’, ср.:

*Нѣ штошлѣтъ ли моихъ дву рублѣвъ, и а здѣ вашего доброго рижанина порублу оу твоихъ дву рублѣхъ ‘и я здесь у вашего знатного рижанина конфискую товар в счет этих двух рублей’ [Полоцк. гр., № 111, 1444–59 гг., с. 212]; порубил[е] ихъ Клавиша ... за Павла за Кровчу въ сте рублов и въ 30 и въ 7, за Огофона за Симанова ... въ сте рублев и въ 20 [Хорошкевич 1964: 274]; а насъ в томъ оспода порубили [Ibid.]; и въ томъ бы гостемъ нашимъ межи насъ порубокъ не было (грамота 1493 г., см. Срезн., статья *порубька*).*

В то же время предлог *въ* имеет и более широкое значение ‘по поводу, в отношении чего-то’, ср. в грамоте № 724: *въ [т]омъ ми сѧ не исправилъ* ‘со мной по этому поводу не рассчитался’¹³, а также в грамоте № 413: *а а тоби своему Осподину цоломъ бию в корѡбки* ‘я тебе, своему господину, бью челом о корѡбкѣ (лубяном сундучке)’ (здесь «предлог *в* имеет значение ‘из-за’, ‘по поводу’» [ДНД₂: 662]). Возможно, что в конструкции *емати въ томъ* предлог *въ* имеет похожий смысл.

Новый перевод закрывает еще одну смысловую лауну в тексте, отвечая на вопрос о том, почему — в версии Саввы — Захария запретил платить ему дань: он захотел собрать эту дань сам. Имперфектив *емати* показывает, что, по мнению Саввы, Захария претендует на то, чтобы не только в этот раз, но и в дальнейшем собирать дань на этой территории. Фраза еще раз подкрепляет основной посыл Саввиного письма о том, что в сложившейся ситуации виноват Захария.

¹³ Вообще говоря, бросается в глаза пристрастие Саввы к конструкциям с предлогом *въ* + винительный или местный падеж, ср., помимо обсуждаемых примеров: *въ томъ ссмъ осталъ* ‘поэтому я остался’, *даче что въ с[е] (-)емъ състане тагота тамъ* ‘если ему там из-за этого приключится тягота’.

3. Возражения А. А. Гиппиуса против поправки к переводу, предложенной в [Петрухин 2009]

Возражая против нового толкования грамоты, изложенного в разделе 2.1. настоящей статьи, А. А. Гиппиус оспорил перевод двух ключевых глаголов разбираемого фрагмента — *приятти* и *высягнути*, предложив понимать их иначе, чем у издателей грамоты и в [Петрухин 2009]. Рассмотрим еще раз эти глаголы.

Приятти

А. А. Гиппиус полагает, что в рассматриваемом контексте глагол *приятти* не мог значить ‘арестовать’, поскольку «во всех без исключения летописных примерах употребления *приятти* в значении ‘задержать, арестовать’, которые приводит исследователь [ср. [Петрухин 2009: 116–118] — П. П.], этот акт производится в месте, где его субъект пребывает постоянно»; «*приятти* в смысле ‘задержать’ можно было того, кто пришел к тебе, но не того, к кому ты пришел сам. Это неудивительно, поскольку та же пространственная ориентация характеризует и основное значение глагола (‘принять к себе’). На этом фоне связка *пришли* [...] *прияли*, если трактовать ее так, как это делает П. В. Петрухин, была бы исключением из правила. Можно, конечно, возразить, что погост, куда пришли смерды, был для них «своим» и что они действовали на своей (в широком смысле) территории, не давая новгородским «мужам» покинуть ее с собранной данью, но это соображение не отменяет чисто лексической несовместимости *приити* и *приятти* в значении ‘задержать’» [НГБ XII: 260–261].

Действительно, ситуация грамоты № 724 в принципе не противоречит остальным примерам с *приятти* ‘арестовать’: упомянутые в тексте смерды были, безусловно, местными жителями, тогда как Савва и его дружина пришли к ним за данью. Что же касается утверждения о «чисто лексической несовместимости *приити* и *приятти* в значении ‘задержать’», то оно исходит из необоснованной предпосылки, что «основным значением» глагола *приятти* является ‘принять к себе’. Так дело обстоит лишь с точки зрения современного русского языка, древнерусский же глагол *приятти* ‘арестовать’ не является семантическим дериватом от *приятти* ‘принять к себе’, его семантика шире, чем у совр. *принять*, и включает, среди прочего, значения ‘взять’ и ‘захватить, завоевать’ [СДРЯ XI–XIV вв., 8: 657–658], ср. также *приятти* в значении ‘захват, взятие (города)’ [Ibid.: 665]. Именно с этим кругом значений естественно связывать значение ‘арестовать’, как это и сделано [Ibid.: 658]¹⁴. *Приятти* в

¹⁴ Любопытно, что *принять* означает ‘арестовать’ в современном воровском жаргоне, ср.: «Короче, Длинного менты приняли. Мы с ним в ИВС [изолятор временного

значении ‘захватить, завоевать’ свободно сочетается с глаголами типа *прийти*, ср.:

пришедшимъ [о врагах, подошедших к городу] хотѣшимъ взяти бра(т)ю нашу. и вооружившесѧ прийти хотѣша гражаны. ꙗко птеньца ФСт XIV/XV, 96 [Ibid.]; ѡному же [речь идет о предводителе татарского войска Куремсе] пришедшоу к Лоучьскоу. и не могшоу емоу преити. хотѣше мостъ прийти. гражаномъ же ѡстѣхшимъ мостъ. ѡн же пороки постави ѡгнати хотѣ [Ипат., 1259, л. 281].

По мнению А. А. Гиппиуса [НГБ XII: 262], глагол *прियाи* в грамоте № 724 имеет то же значение, что в грамоте № 615, а именно, ‘взять с собой (в качестве официального лица)’, ср. [ДНД₂: 498–499]:

+ покланание · ѿ ла{ха}ха · къ фларѣви · исправи
лъ ли еси · десять гривенъ : на русилѣ · съ микулоу
посли семо · или еси не исправилъ · а исправи
и кланяюся · а дыцьский приима ·

‘Поклон от Ляха Фларю. Если ты получил с Руси́лы (*или*: Руси́ла) десять гривен, с Микулой пошли [их] сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского’.

Как отмечает исследователь, «использование отрока или детского придавало процедуре взыскания долга официальный, а при необходимости — и насильственный характер» [НГБ XII: 262]¹⁵.

Действительно, отрок (детский) в качестве судебного исполнителя мог взыскивать долг с должника, за что по нормам Русской Правды ему полагалась определенная плата¹⁶. Однако попытка трактовать

содержания] на Петровке сидели. <...> Он просил, чтобы хату его почистили, и сказал, что когда его принимали, он был пустой. И чтобы ему адвоката нашли» (В. М. Карышев, «Девять граммов на весы Фемиды»). Нет оснований связывать это словоупотребление с древнерусскими фактами. По-видимому, здесь с характерным для воровской среды сарказмом обыгрывается значение ‘принять у себя, дать приют’. Подобные коннотации совершенно отсутствовали у древнерусского *прियाи* ‘арестовать’, который, судя по его многократному употреблению в договорных текстах, использовался как юридический термин.

¹⁵ Исследователь полагает, что в том же значении выступает глагол *пояти* в грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого: *Ѹ конѧзѧ поема отроко прижъ приедю* ‘я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду’. Однако в данном случае можно говорить лишь о сходных по смыслу контекстах, сам же глагол *пояти* означает здесь не ‘взять с собой’, а ‘взять (у кого-то)’.

¹⁶ Эта практика также нашла отражение в берестяных грамотах, ср.: *оужь ли право запираютсѧ(а) а ѧ даю князю дыцьскамоу гривнуо срьбра. едоу с нимо* ‘Если же в самом деле они (из-за лакуны неясно, кто) запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним’ [ДНД₂: 442]. Впрочем, судя по материалу берестяных грамот, обычно присутствия самого истца при этом не требовалось, истец *посылал* отрока к должнику, ср. (тексты и переводы, если

в этом же ключе эпизод из рассказа Саввы вызывает сомнения. Прежде всего, даже если смотреть с позиций издателей грамоты и А. А. Гиппиуса, смерды грамоты № 724 — не истцы, руководствующиеся решением суда, а «муж» Андрея Боголюбского — не отрок, исполняющий это решение. Также, если принять гипотезу Гиппиуса, смерды должны были прийти к Савве уже с «Андреевым мужем»¹⁷. Именно так исследователь и представляет себе ситуацию: «...местные смерды, обеспокоенные тем, что заплатили дань самозванцу, явились к Савве, чтобы потребовать выплаченную дань назад. Но они пришли не одни, а в сопровождении Андреева мужа, к которому обратились как к представителю власти» [НГБ XII: 262; разрядка моя. — П. П.]. Однако в тексте события следуют в обратном порядке: смерды сначала «пришли», а затем «мужь приаши».

Перевод Гиппиуса вызывает вопросы и с лингвистической точки зрения. В прочтении Янина и Зализняка сочетание *ѿ Анѣдрѣа* относится к *приаши* ('приняли мужа от Андрея'), в моем — к *пришли* ('пришли смерды от Андрея'). Различаясь по смыслу, оба варианта в равной степени синтаксически приемлемы. В прочтении Гиппиуса *ѿ Анѣдрѣа* не относится ни к какому глаголу, а служит определением при *мѣжъ*, т. е. сочетание *ѿ Анѣдрѣа мѣжъ* должно означать 'муж Андрея (Андреев муж)'. Но такого рода определения (во всяком случае, для одушевленных объектов) в древнерусском языке неизвестны. Это делает вариант Гиппиуса самым слабым из трех предложенных.

Высягнути

Следующее возражение А. А. Гиппиуса касается глагола *высягнути*. А. А. Зализняк [ДНД₂: 354] со ссылкой на западнославянские параллели

не оговорено иное, цитируются по [ДНД₂]: *а .а. посолоу дѣские князѣ* 'а я пошлю княжеского детского' (Торж. 13); *накы ли али [.а. сл.]ю [дѣ]* 'В противном случае я посылаю [детского]' (№ 295), *а посѣли отрокѣ на погостѣ* (834), *али чмо есею виновата а восоли отроко* 'Если я что-нибудь должна, то посылай отрока (т. е. судебного исполнителя)' (644), *не с[ѣ]ль отрока еду самѣ и .б. гривнѣ везу* 'Не посылай (или: Он не шлет) отрока: еду сам и две гривны везу' (Ст. Р. 6). Также истец мог *пристави* отрока, что означает по сути то же самое, ср.: *(н)е възда. да пристави отрокѣ* (смысл: если X не отдаст полгривны, следует вызвать отрока (судебного исполнителя)) [НГБ XII: 42]) (№ 947); *али ти не даст а пристави на нь отро(к)ѣ* 'Если же он (Василь) не даст, то пошли на него отрока' (Ст. Р. 15). В одном случае представлен оборот *вывести отрока: Выведѣ отрокѣ на Микоулоу и на Лѣшильнѣ, възми полѣ питѣ гр(и)в(ѣ)нѣ* 'Выведа (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на Лешана (или: на лесных жителей), возьми четыре с половиной гривны' [НГБ XII: 150] (№ 1050). О судебных исполнителях в древнем Новгороде ср. [Безус 1998].

¹⁷ Неслучайно в обоих примерах, приведенных Гиппиусом [НГБ XII: 262] (помимо грамоты № 615, это грамота № 2 из Звенигорода Галицкого, где, впрочем, использован глагол *пояти*, а не *прятати*), глагол *прятати* (*пояти*) стоит в форме причастия прошедшего времени.

перевел его как ‘выйти за пределы’, ‘вырваться’. Альтернативный перевод был предложен (устно) голландским исследователем А. Де-Влаамом, по мнению которого *высягнути* следует понимать как антоним к *присягнути*, т. е. ‘сложить с себя присягу’.

Последняя гипотеза несостоятельна как по прагматическим, так и по лингвистическим соображениям [Петрухин 2009: 115]. Из текста грамоты следует, что она написана с целью оправдать Тудора и его «восьмерку» перед «братией и дружиной» (а также, видимо, и в глазах судей), однако, если принять перевод А. Де-Влаама, то Савва докладывает о том, что Тудор и его отряд изменили присяге, т. е. фактически выступает их обвинителем. Не менее важно, что древнерусский глагол *присаши* (*присагнути*) / *присазати* ‘прикоснуться’ не имел современного значения ‘принести присягу’: согласно [Золтан 2002: 791], глагол в данном значении, как и сущ. *присяга*, был заимствован из западно-русского в великорусский во второй половине XV в. Показательно, что в самой грамоте № 724 в значении ‘присяга’ употреблено слово *въра*.

«Казалось бы, — пишет А. А. Гиппиус, — значение *высягнути* устанавливается таким образом однозначно, но это не так. Между значением ‘вырваться, бежать’ и значением ‘выступить за край, выдаться’, которое имеют приводимые А. А. Зализняком славянские параллели (польск. *wysięgnąć*, в.-луж. *wusahnuć*), имеется принципиальная разница. Выступить за край предмет может, лишь находясь основным своим объемом в пределах, ограниченных этим краем. Значения же, приписываемые древнерусскому слову, этому условию не удовлетворяют: они предполагают, что объект полностью покинул место своего исходного пребывания.

Альтернатива, предложенная А. Де-Влаамом, кажется, напротив, вполне жизнеспособной, но нуждается в существенном уточнении. Значение ‘выйти из повиновения’ у *высягнути* совсем не обязательно связывать с нарушением присяги: в нем можно видеть параллель к переносному употреблению глагола *выступить*, которым неслучайно переводятся в.-луж. *wusahnuć* и польск. *wysięgnąć*. В русских источниках глаголы *выступити*(ся) / *выступати*(ся) с XIV в. фиксируются в значениях ‘преступить, нарушить что-л.’, ‘выйти из подчинения’; см. особенно пример из духовной Дмитрия Донского: *А вы, дѣти мои, слушайте свое мѣтри во все(м) из ее воли не выступаите ся ни в че(м)*» [НГБ XII: 264].

Однако и предлагаемую А. А. Гиппиусом параллель трудно признать убедительной. Во-первых, значения ‘преступить, нарушить что-л.’, ‘выйти из подчинения’, встречающиеся у *выступити*(ся) / *выступати*(ся) с конца XIV в., засвидетельствованы исключительно в составе оборота

*выступити(ся) / выступати(ся) из (чьей-либо воли, слова, указу)*¹⁸; в грамоте № 724 данный оборот отсутствует. Во-вторых, сколь бы дружественными ни представлялись отношения между Новгородом и Суздалем при князе Святославе Ростиславиче, новгородские сборщики дани не были связаны с властями соседнего княжества какими-либо формальными обязательствами, которые они могли бы «преступить», занимаясь сбором дани на своей территории; по крайней мере, насколько мне известно, исторические источники не свидетельствуют о наличии или хотя бы гипотетической возможности подобных обязательств.

Но допустим всё же, что фраза *и осьмь высагла что о тѣдоре* означает 'А восемь [человек], что под началом Тудора, вышли из повиновения'. Мы получаем оценочное суждение, из которого совершенно неясно, в чем заключалось это неповиновение. Оказали ли дружинники Тудора физическое сопротивление «Андрееву мужу»? Однако Савва не сообщает ни о каких вооруженных столкновениях, сказано лишь: *и дане ѿшли людѣ*. Чтобы ответить на этот вопрос, А. А. Гиппиус приводит другие языковые параллели, уже из современного русского языка, где имеется слово *выступление* в значении 'массовое проявление недовольства' (ср. *народные выступления*) и жаргонное *выступать* 'вызывающе себя вести, задираться'¹⁹ [НГБ XII]. По мнению ученого, «можно думать, что произошло следующее: когда приведенные смердами люди Андрея потребовали от Саввы отдать собранную им дань, "восьмерка" Тудора не подчинилась, *выступила* против этого» [Ibid.] (курсив А. А. Гиппиуса). Следовательно, по Гиппиусу, дружинники Тудора оказали не физическое, а словесное сопротивление суздальцам: в то время как остальная часть дружины Саввы, надо полагать, равнодушно взидала на отъем дани (или даже приветствовала его?), восьмерка Тудора устроила что-то вроде акции протеста. При этом они несколько не пострадали от людей «Андреева мужа», а просто остались при Савве, чтобы затем доставить его письмо в Новгород [Ibid.: 265]. Однако едва ли словесное «выступление» при отсутствии реального сопротивления могло стать тем серьезным проступком, за который Тудору и его отряду грозила «тягота» и который потребовал заступничества Саввы.

¹⁸ Ср. помимо приведенного Гиппиусом примера: *се ли, господине, ваше печалование къ царю [...] что не может царь ис Тегина слова выступити* [МЛС: 249]; *правду учинили на том, что им из моего слова не выступити* [Посольские книги: 63]; *и изъ указу ничего не выступатца* [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 261]. Оборот реализует вполне очевидную пространственную метафору нарушения границы, очерченной договором, указом и т. п.

¹⁹ Впрочем, последнее значение скорее связано не с «выходом из подчинения», а со значением 'выступать перед публикой': протест сравнивается с выступлением на сцене и тем самым высмеивается и обесценивается.

Учитывая все сказанное, представляется все же предпочтительным перевод *высягнути*, предложенный А. А. Зализняком ('выйти за пределы', 'вырваться'). Нужно лишь учесть общую особенность глаголов типа *выступить*, *выйти*, *вылезти* и т. п., которая заключается в том, что их семантика зависит от одушевленности / неодушевленности субъекта действия. В случае неодушевленного субъекта описывается статическое состояние (результат предшествующего процесса), и субъект «выступает за край» частично, ср.: «Ища спасения, чайки переселились на новые, выступившие из воды острова» (И. С. Соколов-Микитов). В случае одушевленного субъекта (как в грамоте № 724) речь идет о динамическом процессе и полном отделении субъекта, ср.: «Который комендант? — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича» (А. С. Пушкин).

Наряду с приведенными А. А. Зализняком западнославянскими параллелями стоит обратить внимание на восточнославянский материал. Глагол *сягнути/сягати* хорошо известен в современных восточнославянских языках и диалектах. В [СРНГ, 43: 192] он означает, в частности, 'идти большими шагами', 'скакать, прыгать'. Те же значения представлены у этого глагола в украинском языке. Как принято считать [Фасмер, 4: 393], от того же корня *шаг* и *шагать*, в связи с чем любопытно, что в украинских диалектах у *шагнути/шагати* отмечено значение 'вспыхивать, вырываться (о пламени)' [Грінченко, IV: 481]. У Даля находим выражение «пересягнуть через», т. е. 'перепрыгнуть'. [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 164] отмечает *сягнути* в значении 'сделать большой шаг, шагнуть'. Множество фактов указывает на взаимосвязь значений 'прыгать', 'идти широкими шагами' и 'бежать', ср. русск. *сигать* 'прыгать' и 'бежать, быстро убежать', бел. *сігаць* 'скакать', 'бежать, быстро идти широкими шагами' [ЭСБМ, 12: 77], древнерусск. *ристати* 'бегать (бежать), быстро ходить; носиться, нестись; скакать. прыгать' [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 166]²⁰. От последнего глагола образовано *выристати* со значением 'сделать вылазку' [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 243]²¹. Эти данные позволяют предполагать, что в древнерусском глагол *сягнути* и/или его приставочные производные могли обозначать быстрое перемещение. В этом случае глагол *высягнути* должен иметь примерно то же значение, которое предложил А. А. Зализняк: 'вырваться', 'выскочить' (ср. [Зализняк 1995: 288])²².

²⁰ Ср. английский глагол *skip* 'прыгать, скакать; бежать вприпрыжку', в разговорном языке (в т. ч. с послелогами *off / out*) имеющий также значение 'в спешке покинуть, скрыться, улизнуть'; ср. также аналогичные примеры в [Варбот 2000].

²¹ Ср.: *Жидовъ... възбраняеми же суще от вышняя мьсти, выристаху же яко разбоиници из врат внезапно, и желъвъ отторгаху, и под нею стоящихъ съяху* (Флавий) [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 243].

²² Ср. у Н. С. Гумилева («Записки кавалериста») о действиях попавших в окружение немцев: «Они спохватились слишком поздно. Одни выскочили, побросав орудия

В целом, как мне представляется, логическая связка глаголов *приятти* ‘арестовать’ и *высягнути* ‘вырваться (убежать)’ (из-под ареста) дает наиболее простое и непротиворечивое толкование соответствующего фрагмента грамоты.

4. Историческая трактовка грамоты

Само по себе чтение фрагмента *по томъ пришли смерди ѿ андрѣа мѣжь приаши и данѣ ѿаши людѣ* как ‘Потом пришли смерды от Андрея, арестовали дружинников и отняли дань’ не исключает упоминания в грамоте знаменитого суздальского князя. Вполне можно допустить, что не кто иной, как Андрей Боголюбский прислал смердов, чтобы те отобрали дань у Саввы. Но эта версия сомнительна по другим соображениям [Петрухин 2009: 112–114]. Дело в том, что посадничество Захарии пришлось на время княжения в Новгороде Святослава Ростиславича, каковой стал новгородским князем в результате соглашения между Андреем Боголюбским и киевским князем Ростиславом Мстиславичем, сам же Захария был ближайшим политическим союзником Святослава [НПЛ, л. 31об.–32; Лимонов 1987: 67–68; Янин 2003: 146]. Тем самым политический расклад 1161–1167 гг. не оставляет места ни для конфликта между Новгородом и Суздалем, ни для противоборства между новгородским князем и посадником.

Согласившись с этими доводами, А. А. Гиппиус заменил первоначальную историческую трактовку грамоты на нечто прямо противоположное. Согласно этой новой интерпретации, «действия мужа Андрея и его людей не только не заключают в себе ничего враждебного в отношении Новгорода, но, напротив, помогают новгородской администрации достичь ее цели — не дать Савве собрать дань. В условиях возникшего административного вакуума смерды обращаются к представителю союзного Новгороду суздальского князя, и тот помогает им защитить свои интересы» [НГБ XII: 262].

Чтобы подкрепить данный тезис, исследователь сослался на рассказ о походе Семьюна Емина на Тоймокары с отрядом в 400 человек (вслед за Гиппиусом цитирую текст Синодального списка с разночтениями по младшему изводу):

Поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю; и придоша Новугороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твърдислав и Якунъ тысяцкыи, засли [заслаша] къ Гюргю, не пусти [пустити] ихъ туда; и възвадиша городъ. Тъгда отъяша посадничество у Твърдислава и даша Смену Борисовицю, а тысяцское у Якуна и даша Семьюну Емину [НПЛ, 1219, л. 91об.].

и пулеметы, другие сдались, а две роты, никем не замеченные, блуждали в лесу, мечтая хоть ночью поодиночке выбраться из нашего кольца».

Текст в издании не вполне вразумителен, в связи с чем А. А. Гиппиус частично реконструировал его следующим образом [НГБ XII: 263]:

и замыслиша: Твърдислав и Якунъ тысячьскыи заслали къ Гюргю: «не пусти ихъ туда»; и възвадиша городъ 'И стали думать: [это] Твердислав и тысяцкий Якун послали к Гюргию, [говоря]: «не пусти их туда»; и возмутили город'.

А. А. Гиппиус пишет:

Независимо от того, были ли обоснованными подозрения Семьюна и его спутников, очевидно, что возмущившая город весть звучала правдоподобно, и, следовательно, такой сценарий был в порядке вещей. Утверждалось же следующее: посадник Твердислав и тысяцкий Якун послали к Юрию Всеволодовичу, чтобы тот не пустил в Заволочье Семьюна Емина с его людьми. Вряд ли такая просьба могла обосновываться чем-то иным, кроме как утверждением об отсутствии у Семьюна официального мандата на сбор дани. *Mutatis mutandis*, это сильно напоминает события, о которых повествует грамота № 724. Разница в том, что в 1219 г. вызванное обращением из Новгорода препятствование суздальских князей деятельности новгородских данников заключалось в недопущении их в Заволочье, а не в отборе уже собранной там (якобы незаконно) дани [НГБ XII: 263].

По мнению исследователя, в обоих случаях «в основе конфликта лежало столкновение интересов конкурирующих боярских группировок» [Ibid.].

Вполне соглашаясь с приведенной выше реконструкцией, я не могу принять этот рассказ НПЛ как аргумент в пользу отстаиваемой А. А. Гиппиусом исторической трактовки грамоты № 724. Разумеется, ситуация, когда борющиеся за власть группировки прибегают к помощи других (в том числе враждебных) государств, во все времена была «в порядке вещей». Но совсем не в порядке вещей, чтобы власти одного государства заботились о соблюдении формальных процедур при сборе налогов на территории другого государства. В частности, если обратиться к рассказу о походе Семьюна Емина, противодействие дружине в 400 человек могло привести к серьезному кровопролитию, причем с непредсказуемым исходом. Так было, например, в 1169 г., когда войско Андрея Боголюбского попыталось преградить дорогу Даньславу Лазутиничу, шедшему данником в Заволочье также в сопровождении 400 дружинников (по сто «мужей» от каждого новгородского конца). В результате Даньслав, разбив суздальцев, собрал «всю дань, а на суздальскихъ смърдѣхъ другую» [НПЛ, л. 36–36 об.]. Едва ли суздальские князья пошли бы на подобный риск всего лишь из-за отсутствия у новгородского данника «официального мандата». В самом деле, и в 1169 г., и в 1219 г. причины конфликтов были совсем иными: первое столкновение случилось вскоре после изгнания из Новгорода ставленника Андрея

Боголюбского Святослава Ростиславича, второе — после битвы на Липице 1216 г., где князья Юрий (Гюрги) и Ярослав были наголову разбиты новгородцами.

Еще одно серьезное препятствие для отстаиваемой А. А. Гиппиусом трактовки грамоты № 724 уже отмечалось в [Петрухин 2009: 119] и состоит в следующем. Савва пишет о Захарии: *а въ [т]юмь ми са не исправилъ въ борзѣ ни къ вамъ ни [т]ѣ ти былъ*. Глагол *исправити* в берестяных грамотах означает ‘выполнить (обязательство, обещание)’, ‘рассчитаться’, ‘заплатить’ [НГБ VIII: 175–176; ДНД₂: 745]. По мнению Саввы, запретив платить ему дань, Захария должен был немедленно приехать, рассчитаться с ним и взять на себя дальнейший сбор дани. Савва явно обвиняет Захарию в пренебрежении своими обязанностями. Между тем очевидно, что подобные разъезды не входили в круг должностных обязанностей новгородского посадника (тем более если учесть, что, по мнению издателей грамоты и А. А. Гиппиуса, дело происходило за Полярным кругом [НГБ XII: 261]).

В ходе дискуссии после доклада А. А. Гиппиуса в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН на Семинаре по истории русского языка и культуры И. Б. Иткин высказал идею, на первый взгляд, устраняющую данную проблему. Она состоит в том, что слова *а въ [т]юмь ми са не исправилъ въ борзѣ ни къ вамъ ни [т]ѣ ти былъ* принадлежат не Савве, а Захарии: посадник сообщает о том, что Савва не появлялся ни у адресатов послания, ни у него, иными словами, не получил разрешения на сбор дани и является самозванцем (глагол *исправити(ся)* в таком случае должен означать нечто вроде ‘получить разрешение на определенную деятельность’). Однако, нацеливаясь на решение одной проблемы, эта гипотеза создает целый ряд других.

Допустим, что посадник Захария обвиняет Савву в невыполнении неких стандартных процедур, требуемых для получения санкции на сбор дани. Но почему он подчеркивает, что Савва не сделал этого *быстро* (*въ борзѣ*)? Если слова принадлежат Савве, то понятно: по мнению автора грамоты, остановив своим распоряжением его работу, Захария должен был как можно быстрее прибыть на место, чтобы, во-первых, не подвергать опасности дружинников, а во-вторых, в срок (как сказано в грамоте, «до осени») завершить сбор дани. Очевидно, что, с точки зрения Саввы, именно нерасторопность Захарии привела к печальным последствиям. Если же речь идет о визите Саввы в канцелярию посадника, то упрек в недостаточной скорости действий непонятен.

Следующая проблема касается уже содержания всей грамоты. Савва пишет «к братии и дружине» с целью объяснить, что с ним случилось,

оправдать свои действия и заступиться за Тудора с его восьмеркой (напомню, что в приписке он выражает готовность дать показания в суде). Основную вину за происшедшее он возлагает на Захарию. Что получается, если принять гипотезу Иткина? Савва приводит пространную цитату из послания Захарии с обвинениями против самого себя и даже не пытается что-либо возразить! В этом случае его просьба «порозумѣти» Тудору и письмо в целом теряют всякий смысл.

Мою собственную трактовку грамоты А. А. Гиппиус критикует за неопределенность статуса Андрея:

Сам Петрухин оставляет его непроясненным: «либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина». Однако по отдельности каждая из этих возможностей либо противоречит тому, что известно о социально-административной организации Новгородской земли, либо заставляет предполагать такие черты этой организации, которые не подтверждаются никакими другими фактами и представляют собой чистые догадки. Представителем новгородской администрации на отдаленных окраинах Новгорода, по идее, и должен был выступать человек, осуществлявший сбор дани в соответствующем районе, каковым в нашем случае — официально или нет — является Савва. Новгородские вотчинники-бояре, как известно, не жили в своих отдаленных вотчинах, но постоянно проживали в Новгороде, и это обстоятельство лежало в самой основе экономического устройства Новгородской земли; да и предполагать существование боярских вотчин за Полярным кругом (где, как показывает упоминание песцов, разворачивались события, описанные в грамоте) нет никаких оснований. О «местных старейшинах», с которыми приходилось иметь дело новгородским данникам на таких территориях, мы знаем разве что по рассказу статьи НПЛ 1193 г. о походе новгородцев на Югру, упоминающей «югорского князя», но совсем не похоже, чтобы такой «старейшина» мог носить имя Андрей [НГБ XII: 261].

В самом деле, нельзя не согласиться с А. А. Гиппиусом в том, что «предполагать существование боярских вотчин за Полярным кругом [...] нет никаких оснований». Проблема, однако, в том, что в самой грамоте № 724, в приписке, упоминаются «сельчане»²³, которым «князь сам» выделил «участки» земли. Тем самым присутствие в данной местности неких землевладельцев прямо следует из слов Саввы. Этим вопросом стоит заняться подробнее.

²³ «Слово *сельчанинъ* 'житель села' неоднократно встречается в актах, причем часто именно в сочетании типа «сельчане такого-то князя» (т. е. жители принадлежащих ему сел), например: *Имати имъ тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя селчанъ и съ великіе княгини селчанъ* (таможенная грамота 1497 г., см. Срезн.)» [ДНД: 354].

5. Где происходят события?

5.1. О семантике слова *песец*

По мнению издателей, разделяемому А. А. Гиппиусом, «упоминание о песцах служит указанием на местонахождение плательщиков дани, собираемой Саввой. Песцы (иначе — полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Савва находится где-то на севере новгородских владений» [НГБ X: 24]²⁴.

Но верно ли такое умозаключение? Ведь известно, что в древней Руси пушнина широко использовалась в качестве средства платежа (в том числе при уплате дани, ср., например, новгородскую берестяную грамоту № 2), а следовательно, « меховые деньги » циркулировали по всей древнерусской земле независимо от особенностей местной фауны.

Есть и другая проблема. С момента первого прочтения грамоты № 724 никем не ставилось под сомнение, что слово «песец» означает здесь то же, что в современном русском языке. Между тем это отнюдь не очевидно.

Слово *пъсьць* образовано от *пъсь* с помощью уменьшительного суффикса *-ьць-*, и в самом раннем из известных примеров (из Хроники Георгия Амартола), действительно, говорится о щенках собаки: *яко песьци лижуще веселятъ(с)* [СДРЯ XI–XIV вв., 9: 397]. Далее по старшинству идет пример из Киевской летописи (Ипат., 1160, л. 180 об.): *и бѣ(с) же радость во тѣ днѣ межю има. и дарове мнози. да бо Ростиславъ Стѣславу соболми и горностаими. и чернѣми кунами. и песьци и бѣльми волкѣ. и рѣбѣми зубѣ* [Ibid.]. Вообще говоря, неизвестно, что здесь понимается под «песцами», но поскольку они упомянуты в одном ряду с «белыми (полярными) волками» (другими представителями арктической и субарктической фауны), а также «рыбьими зубами» (скорее всего, моржовые бивни), то речь вполне может идти о мехе полярной лисицы. Все прочие упоминания песцов (за исключением, разумеется, самой грамоты № 724) не старше XVI в.

На этом фоне особенно любопытны данные украинского и белорусского языков и русских диалектов. В. В. Нимчук пишет:

²⁴ Замечу, что это предположение плохо согласуется с исторической интерпретацией грамоты — как первоначальной, В. Л. Янина и А. А. Зализняка, так и с поправками А. А. Гиппиуса. Ведь контакты между новгородцами и суздальцами (враждебные или дружественные) с наибольшей вероятностью могли иметь место там, где соприкасались владения Новгорода и Суздаля (например, вокруг Белоозера), а не на территориях песцового промысла, максимально удаленных от границы двух княжеств. Если же допустить, что Савва собирал дань южнее, например, в бассейне Онеги или Северной Двины (именно эти территории чаще всего называются «Заволочьем»), то здесь песцовый промысел отсутствовал. Заволочские леса славились изобилием самых разных пушных зверей, но только не песцами.

Нині терміном *песець* позначається хижак із родини собачих, поширений у північних широтах — тундри, лісотундри тощо, але ще наприкінці XVII ст. на Україні водилися якісь дикі тварини (з котрих добували хутро), що іменувалися *песок* (суфікси *-ок* та *-ець* у багатьох випадках були синонімічними, причому демінутивний формант *-ець* протягом історії активно витіснявся суфіксами *-ок* < *-ькѣ*, *-ик* < *-икѣ*): члѣвѣка ... приоздобляють ... рысь *пѣски* и коты [Климент Зиновьев], Дароваль Святославу соболи, горностаи, куны чорныи, *пески*, бѣлыи волки и рыбіи зубы [Феодосий Сафонович]. Сучасна семантика номена *песець*, мабуть, прийшла з російської мови [Німчук 1992: 205].

Первый пример — из виршей Климента Зиновьева (сер. XVII в. — нач. XVIII в.). Второй пример уже знаком нам по Киевской летописи, но здесь извлечен из «Хроники» Феодосия Сафоновича 2-й пол. XVII в.; хотя он очевидно вторичен, сама по себе форма *пески* примечательна. В белорусском языке слово *пѣсак* (*пясак*) имеет значение ‘кролик’. При этом, согласно [ЭСБМ 9: 103], прежде это слово «использовалось для называния разных зверьков с густой шерстью». По данным [ГСБМ 24: 267], в белорусских актах XV в. слово *песок* встречается как в значении ‘щенок’, так и в значении ‘мех песца’ («дал есми ему оутра песков белых заморских дватцат до захованя»); слово *пес* в старобелорусских текстах используется в значении ‘хищный лесной зверь (лис, шакал и др.)’ [Ibid.: 271]. Согласно В. И. Далю, в тульских говорах *песцом* называют «долгошерстого кролика». М. Фасмер в статье «пѣс I» обращает внимание на выражения *густопсовая собака*, «с длинной шерстью», и *псовая собака*, «лохматая».

Приведенные данные показывают, что в восточнославянских диалектах слово *песец/песок* могло обозначать различных зверей с длинной шерстью, причем не только из семейства псовых. У нас нет данных о том, когда именно в русском языке за *песцом* закрепилось значение ‘полярная лисица’. Возможно, что на определенном этапе своей истории это слово служило общим названием для небольших зверей с длинной густой шерстью. Но в то время как у большинства из этих зверей были и самостоятельные названия, полярная лисица как животное, с которым восточные славяне познакомились лишь в ходе освоения территорий Крайнего Севера, собственного зоономена не имела, в силу чего за ней закрепилось название *песец*. Лексическая специализация подобного рода хорошо известна, ср., например, ит. *pecora* ‘овца’ из лат. *pecus* ‘домашние животные, скот’.

5.2. Грамота № 724 и гипотеза о княжеском домене в Новгородской земле
Итак, упоминание «песцов» не может служить надежным ориентиром для определения местонахождения Саввы. Между тем автор грамоты

сам указывает свои координаты, когда говорит в приписке: а се[л]счаномъ своимъ кѣ[н]а з[б] самъ отъ [в]олокѣ [и] отъ [м]ѣс(т)ѣ ѹчастокѣ вдале. Логично полагать, что речь идет о волоке на Мсте. Более того, на основании этих слов можно предположить, какой именно волок имеется в виду.

В договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. (древнейшем из сохранившихся новгородско-княжеских докончаний) выдвинуты следующие условия пребывания князя и его приближенных на Новгородской земле:

А бес посадника ти, княже, волости не роздавати, ни грамотъ даяти. А волости ти, княже, новгородскихъ своими мужи не держати, нѣ держати мужи новгородскими; а даръ от техъ волост[и] имати; н[и] с[е]л[ъ] ти держати по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородской волости [ГВНП: 9–10] (те же условия повторяются в ряде последующих договоров).

Иными словами, приглашаемый в Новгород князь не может: 1) раздавать земли без участия посадника; 2) присваивать земли «своим» людям; 3) собирать дань с помощью своих людей: этим ведают сами новгородцы, князь же лишь получает «дар» с новгородских «волостей». Надо полагать, те же условия оговаривались и в более ранних докончаниях, ср. во вводной части той же грамоты: *На семъ ти, княже, хрѣстъ цѣлов[а]ти, на цѣмъ то цѣловал[ъ] хрѣстъ отецъ твои Ярославъ. Держати ти Новг[ор]одъ по пошлнѣ, како держалъ отецъ твои [Ibid.: 9] (отец Ярослава Ярославича, Ярослав Всеволодович, княжил в Новгороде (с перерывами) с 1215 по 1236 г.).*

Очевидно, что содержащиеся в грамоте № 724 сведения противоречат условиям договорных грамот по всем трем пунктам: 1) Савва подчеркивает, что участки земли выделил «князь сам», т. е. самолично, без участия посадника; 2) князь наделил участками «своих» сельчан; 3) как совершенно справедливо заметил А. А. Зализняк, «[в] Савве, который ссылается в своем письме на князя (*кѣнѣзь самъ...*), естественно видеть княжеского человека» [ДНД₂: 351], т. е. сборщика дани, подчиняющегося не посаднику, а князю, и собирающего дань в пользу последнего.

В то же время из общего правила, запрещавшего княжеским «мужам» собирать дань в новгородских владениях, имелись исключения. В. Л. Янин [2001, 13–14] пишет: «В договорах Новгорода с князем, сохранившихся от второй половины XIII–XV вв., предусмотрен порядок финансового обеспечения приглашаемого на новгородский стол князя. Государственные подати собирают сами новгородцы, передавая князю их малую часть в виде «дара». Но с двух податных единиц — погостов Важанского и Имоволожского — весь доход поступает в личную казну

князя», ср.: *А на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ* [ГВНП, № 3: 13], ср. также [ГВНП, № 19, 22, 26].

В 1999 г. В. Б. Крысько [1999; 2006] и В. Л. Янин [Янин, Зализняк 1999: 21–22; Янин 2000] независимо друг от друга определили местонахождение Имоволожского погоста²⁵. Как указывает Янин [2001: 14],

Имоволожский погост находился в верховьях Мсты, контролируя волок из Тверцы в Мсту на главном пути из Новгорода в среднерусские земли [согласно [Янин, Зализняк 1999: 22], речь идет о «наиболее ответственном пункте» этого пути — П. П.]. Сейчас место этого погоста занимают город Вышний Волочек и Вышневолоцкое водохранилище.

По Янину, район волока, соединявшего Мсту с Тверцой, входил в состав более обширной территории, где новгородский князь был безраздельным хозяином, — так называемого «княжеского домена», расположенного на юге Новгородской земли, в южной части позднейшей Деревской пятины [1981: 241–249; 1987]²⁶. Известно, что на территории домена князь осуществлял земельные пожалования своим приближенным и монастырям. Более того, Янин [1981: 245–249] связывает начало формирования вотчинной системы в XII–XIII вв. именно с раздачей частным лицам и духовным учреждениям «черных» (общинных) земель из «домениального княжеского фонда».

Таким образом, предположение о том, что события, о которых повествует Савва, произошли в верховьях Мсты, на волоке, соединяющем ее с Тверцой, разом снимает все противоречия в исторической интерпретации грамоты. При этом письмо Саввы оказывается уникальным свидетельством в пользу гипотезы Янина о существовании на юге Новгородского государства территории, где новгородский князь пользовался особыми правами. Дело в том, что гипотеза о княжеском домене (особенно в плане его географической локализации) опирается в основном на косвенные данные, в первую очередь на материал писцовых книг, самые ранние из которых относятся к концу XV в. В грамоте № 724 эта гипотеза впервые находит прямое подтверждение²⁷.

²⁵ В. Б. Крысько пришел к этому выводу по лингвистическим соображениям, отождествив название погоста с именем находящегося в этом же районе оз. Имоложье, В. Л. Янин — на основании анализа найденной в 1998 г. берестяной грамоты № 885.

²⁶ В специальной монографии Янина [1998б] обосновывается гипотеза, согласно которой домен образовался в результате передачи Мстиславом Владимировичем в начале XII в. части территории Смоленского княжества Новгороду с целью обеспечения доходом своих потомков на новгородском столе.

²⁷ Возможно, что с местом написания связана еще одна необычная особенность грамоты. А. А. Зализняк [1995: 288], отметив «сочетание книжной графической системы, превосходной каллиграфии и почти полностью стандартной морфологии» основного текста грамоты, предположил, что ее писцом был поп.

6. О датировке грамоты

Полагая, что в грамоте № 724 упомянуты Андрей Боголюбский и посадник Захария, В. Л. Янин и А. А. Зализняк датировали документ временем посадничества Захарии (1161–1167 гг.). Поскольку в настоящей статье гипотеза о тождественности упомянутых в грамоте лиц с суздальским князем и новгородским посадником отвергается, время написания документа должно определяться по той же методике, что и у подавляющего большинства берестяных грамот, а именно, на основе археологических, палеографических и лингвистических данных. Посмотрим, на что указывают эти данные.

6.1. Стратиграфия

Согласно [НГБ X: 24], «надежной стратиграфической даты грамота не имеет». В. Л. Янин объясняет это «сложностью стратиграфической обстановки» на месте находки грамоты — Михаилоархангельском раскопе. Сложность «обусловлена нарушением слоя подземными коммуникациями новейшего времени и близостью участка к древнему оврагу, активно высушивавшему культурные напластования» [Ibid.: 7–8]. Под оврагом Янин, по-видимому, имеет в виду русло древнего ручья, о котором писал С. Н. Орлов [1964: 273]. Однако археологические работы не подтвердили данных Орлова: по словам руководителя Михаилоархангельского раскопа Б. Д. Ершевского [2005: 54], русло ручья «в древности должно было находиться севернее, по крайней мере, на 30–40 метров от северного края раскопа». Что же касается подземных коммуникаций, то они проходят через южный участок раскопа (где обнаружены грамоты № 715, 718, 719) и не коснулись грамоты № 724, лежавшей ближе к его северной границе (ср. план раскопа с указанием размещения грамот в [Ершевский 2003: 166]).

В древности территория Михаилоархангельского раскопа была городской окраиной; согласно [Ершевский, Розанова 1994], здесь находилась мастерская кузнеца, функционировавшая «с периода освоения территории до начала XIII в.». Грамота № 724 найдена на месте «усадьбы Б», где старейшая жилая постройка дендрохронологически датируется 1185 г. [Ершевский 2005: 55]. Место находки грамоты № 724 вплотную прилегает к древнему частоколу, который, судя по отчетам Ершевского [2003: 166; 2005: 57], хорошо сохранился. Частокол находится на уровне

В свете высказанной выше гипотезы в этом нет ничего удивительного. Как известно из записи писца Ильиной книги [Ильина книга 2005: 610], в районе Имоволожских озер издревле находился монастырь. Вероятно, Имоволожский погост и монастырь располагались относительно недалеко друг от друга и при желании не преуспевшие в искусстве каллиграфии администраторы погоста могли обращаться за помощью к монастырской братии.

3-го яруса проходящей через раскоп древней мостовой. Этот ярус датируется 1202–1266 гг., что и определяет стратиграфическую дату грамоты [Ершевский 2003: 168].

Разумеется, данные стратиграфии могут расходиться с реальным возрастом грамоты, ср. [НГБ X: 427–428], но в любом случае при рассмотрении вопроса о датировке необходимо учитывать, что грамота № 724 имеет стратиграфическую дату. Чтобы поставить ее под сомнение, нужны серьезные основания, т. е. внестратиграфические данные, которые бы ей явно противоречили. Таковыми в нашем случае могут быть данные палеографии и языка.

6.2. Палеография

Согласно Зализняку, палеография грамоты № 724 «указывает на интервал 1160–1180 как на самый вероятный; по-видимому, не исключено также некоторое его продление до 1200 (признак «Ж прямая звезда»)» [НГБ XII: 268]. В самом деле, из датирующей матрицы для грамоты № 724 [НГБ X: 315] видно, что хронологические рубрики (1160–1180) и (1180–1200) совпадают почти во всем, различия между ними минимальны. Интервал 1160–1200 не исключает того, что грамота была написана на рубеже XII–XIII вв. или несколько позже, в начале XIII в. При этом стоит учесть частично уже цитировавшееся выше наблюдение Зализняка [1995: 288]:

Сочетание книжной графической системы, превосходной каллиграфии и почти полностью стандартной морфологии скорее всего говорит о том, что грамоту писал человек, привыкший ориентироваться на нормы, принятые для официальных документов (возможно, это был поп; об участии попов в северных экспедициях известно из летописи)²⁸.

Хорошая каллиграфическая выучка подразумевает более или менее выраженную ориентацию на книжное письмо, что в свою очередь может вести к некоторой «архаизации» начертаний букв. В этом смысле показательна грамота № 293, написанная попом, письменным навыкам которого, по словам А. А. Зализняка, была свойственна «архаизирующая установка» («поп стремился писать по-книжному и “по-старинному”») [ДНД₂: 475]. Стратиграфически эта грамота датируется 2-й третью XIII в., ее язык не противоречит этой датировке (ср. [Ibid.] о скандирующем эффекте в грамоте), условная дата в [НГБ X: 147] [1240]←, однако внестратиграфические показатели относят эту грамоту к интервалу 1140–1200 гг. [НГБ X: 330].

²⁸ Очевидно, имеется в виду Иванко Леген, участвовавший в походе новгородцев на югу 1193 г. [НПЛ: 41].

6.3. Язык

6.3.1. Различия между основным текстом и припиской

Как известно, грамота № 724 отличается от прочих писем на бересте не только своим содержанием, но и весьма необычным языковым устройством. Дело в том, что основной текст и приписка, будучи написанными, по А. А. Зализняку, одним почерком²⁹, в языковом отношении совершенно различны. В [ДНД₂: 352] эти различия характеризуются следующим образом:

1) В основном тексте автор явно ориентируется на книжную графическую систему (отклонений в процентном отношении очень мало). В постскрипте процент таких отклонений вырастает столь заметно, что мы уже фактически имеем дело с бытовой графической системой.

2) По состоянию редуцированных основной текст с очевидностью должен быть отнесен к позднерусскому типу; по этому признаку он выглядит скорее как текст XIII, а не XII века. Напротив, в постскрипте почти все редуцированные на письме сохранены, т. е. он вполне соответствует нормам XII века.

3) В основном тексте почти нет диалектных особенностей и даже те немногие, которые всё же проскользнули (*досени*, *ѡрокль*, презенс *сѣстане*), не очень ярки и не позволяют однозначно установить новгородское происхождение автора. Напротив, в постскрипте автор дает своему новгородскому диалекту почти полную волю: ср. *нынеца*, *ѡчасть*, *водале*, *послале*, *отъ [М]ѡс(т)ъ*.

В плане датировки, конечно, первостепенный интерес представляет 2-й пункт, касающийся редуцированных гласных. Следует заметить, что поведение еров в грамоте изначально оценивалось с оглядкой на ее историческую трактовку. Первая (не по времени публикации, а по времени написания)³⁰ статья о грамоте № 724 ([Зализняк 1995]) отразила

²⁹ В [Петрухин 2009: 122–125] было высказано предположение о том, что в основном почерке и в приписке представлены разные почерки. Эта идея была подвергнута критике А. А. Гиппиусом и А. А. Зализняком [НБГ XII: 258–259; 265–266]. Как бы то ни было, хотя А. А. Зализняк представил идею о двух почерках едва ли не краеугольным камнем лингвистической интерпретации грамоты в [Петрухин 2009], на самом деле вопрос о почерках рассматривается в самом конце моей статьи, в качестве своего рода постскриптума, и существенной роли в рассуждениях о языке грамоты не играет.

³⁰ Хотя сборник к 65-летию Д. Ворты, в котором опубликована статья, вышел из печати в 1995 г., он был подготовлен тремя годами ранее. В постскрипте к предисловию, датированному сентябрем 1992 г., издатели сборника указали, что «[f]or technical reasons beyond the control of the editors, this volume could appear only with considerable delay» [Бирнбаум, Флайер 1995: 8]. Первой публикацией грамоты была работа [Янин 1993: 117–119], за ней последовали [Янин, Зализняк 1994: 9–11], [ДНД₁: 295–300], [Янин, Зализняк 1996: 129–133], [Янин 1998а: 397–402]. Все перечисленные публикации отражают более продвинутый этап изучения грамоты, чем в [Зализняк 1995], текст грамоты в них имеет тот же вид, что и в [ДНД₂: 350].

тот этап ее изучения, когда приписка по существу еще не была прочитана: как писал Зализняк [Ibid.: 284], «текст на внешней стороне листа сохранился столь плохо, что какого-либо связного чтения для него (по крайней мере, в настоящий момент) предложить нельзя. Усматриваются лишь фрагменты: ...члномъ свом...; али ти брат(ъ)е...; а сдѣ на м.л. не и...; ...нынеча радъ б...». Тем самым анализ вынужденно ограничивался основным текстом. Указав, что «наблюдаемая здесь картина характерна скорее для новгородских документов конца XII — первой четверти XIII в. (и возможна также и для более поздних документов XIII в.)»³¹, Зализняк [1995: 286–287] прямо поставил вопрос: «...совместима ли эта ситуация с высказанным выше предположением, что грамота относится к 1161–1167 гг.?» Упомянув ряд берестяных грамот XII в., в той или иной степени отражающих падение и прояснение еров, и Добрилово евангелие 1164 г., демонстрирующее довольно последовательную позднерусскую систему, ученый ответил на поставленный вопрос так: «...состояние редуцированных в грамоте № 724 не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее отнесение этой грамоты к 60-м годам XII в.» [Зализняк 1995: 287]. Позднее, когда текст приписки был полностью расшифрован, картина редуцированных в нем была воспринята как подтверждение ранее предложенной датировки: «...ведь если бы постскрипtum не сохранился, мы вполне могли бы относить основной текст грамоты к началу XIII в.» [ДНД₂: 353].

Однако расшифровка приписки не рассеяла сомнения в датировке грамоты. Напротив, к вопросу о времени написания документа добавился другой, и, пожалуй, более сложный вопрос: как объяснить ситуацию, когда в одном и том же документе одна часть написана языком XIII в., а другая — языком XII в.? Другими словами, к проблемам с абсолютной хронологией добавились проблемы с хронологией относительной³².

³¹ На данном этапе в 6-й строке грамоты вместо *въ томъ* ошибочно читалось *въсол[ю]* (= *въсълю*) [Зализняк 1995: 284], с ером в слабой позиции, отсюда несколько более осторожная по сравнению с [ДНД₂: 352] формулировка. После исправления этой ошибки позднерусское состояние редуцированных в грамоте стало еще более последовательным.

³² Теоретически можно было бы предположить, что основной текст и приписка написаны носителями двух разных диалектов, в одном из которых процесс падения и прояснения редуцированных продвинулся гораздо дальше, чем в другом, но, во-первых, А. А. Гиппиус [НГБ XII: 258–259] и А. А. Зализняк [Ibid.: 265–266] настаивают на том, что вся грамота написана единым почерком; во-вторых, данная гипотеза заслуживала бы рассмотрения, если бы основной текст грамоты содержал признаки южных восточнославянских диалектов, откуда происходит Добрилово евангелие (впрочем, резко отличающееся по состоянию редуцированных от всех остальных рукописей XII в. с юга Руси), однако написание *ѣрокль* (с переходом *е > о* не после шипящего или *ј*) исключает «будущую украинскую территорию» [Зализняк 1995: 288].

6.3.2. Основные датирующие языковые признаки грамоты

Обратимся сначала к первому вопросу и попробуем понять, к какому времени скорее можно отнести грамоту исходя только из ее лингвистических характеристик, независимо от содержания текста.

Прежде всего привлекает внимание **последовательное прояснение сильных редуцированных** — везде, где таковые имеются, ср.: *песца, въ борзѣ, первомѣ, смерди*. Последние три формы особенно показательны, так как содержат сочетания редуцированных с плавным: в прочих случаях *е, о* на месте сильных **ь, *ѣ* в текстах, написанных в книжной орфографии (каковым является основной текст грамоты № 724), могут быть орфографической условностью, связанной с ориентацией на образцовые южнославянские тексты; прояснение еров в сочетаниях с плавными безусловно отражает произношение пишущего [Шахматов 1915: 206].

В берестяных грамотах процесс прояснения сильных редуцированных прослеживается довольно плохо в силу характерного для бытового письма смешения *ѣ* с *о* и *ь* с *е*. Показательными могут быть только грамоты, хотя бы частично свободные от такого смешения.

Обзор ранних примеров прояснения еров дан в [ДНД₂: 65–66]. Если оставить в стороне случаи, которые сам А. А. Зализняк считает не вполне надежными или объясняющимися особыми обстоятельствами (ср. грамоты № 710 [ДНД₂: 365], № 659/648 [ДНД₂: 444–445]), в XII в. имеется лишь один пример — форма *скорбѣ* в грамоте № 10 из Старой Руссы (←1160–1180→). При этом во 2-й пол. XII в. — нач. XIII в. представлено множество примеров, где сильные редуцированные записаны через *ѣ, ь*, ср. примеры [Ibid.: 66].

Замечательным свидетельством о состоянии редуцированных гласных в переходную эпоху является берестяная грамота № 1113 конца XII в. [Гиппиус 2019: 61–66]. В этой грамоте, написанной без смешения *ѣ, ь* и *о, е*, при последовательном пропуске слабых редуцированных все сильные редуцированные (3 случая) отражены без прояснения [Ibid.: 64–65]; ср. также грамоту Торж. 10 («вероятно, конец XII в.» [ДНД₂: 365]). Это согласуется с данными книжных рукописей, которые показывают, что процесс падения слабых редуцированных начался раньше, чем процесс прояснения сильных (см. ниже).

Самый ранний текст на бересте, в котором последовательно проведено прояснение сильных редуцированных, — грамота № 510 (←1220–1240), где представлены написания: *сьломь, рожь, сотѣ, торговала* (2×), *долгоу*.

В пергаменной грамоте Варлаама Хутынского (1192–1210 гг.) приблизительно равное количество примеров с прояснением сильных редуцированных и без такового (соответственно, 6 против 5-ти) [ДНД₂: 66, 459].

Данные книжных памятников севера и северо-востока Руси, датированных 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в., таковы. Переписанный в Новгороде около 1170 г. Студийский Устав (ГИМ, *Син.* 330) широко отражает утрату слабых редуцированных при полном отсутствии замен ъ, ь на о, е [Попов 2015: 63], ср. [Ищенко 1986: 8]. В Слове Ипполита Римского об антихристе (ГИМ, *Чуд.* 12) конца XII в. «случаев пропуска слабых еров в корнях немного по сравнению со случаями их сохранения» [Попов 2015: 63] (ср. [Голышенко 1963: 11]), при этом замены ъ, ь на о, е отсутствуют. В Полоцком евангелии (РНБ, *Пог.* 12), предположительно переписанном в 1-й пол. XIII в. в Новгороде с галицко-волинского оригинала, «при большом количестве написаний с пропуском слабых еров, которые сохраняются только в определённых позициях (прежде всего в группах согласных, между двумя одинаковыми согласными и в некоторых других случаях) [...] зафиксировано лишь 4 примера с пояснением сильных редуцированных (*долгъ, столпъ, трии сотъ, четвертовластець*)» [Попов 2015: 63], ср. [Шулаева 1970: 9–10]; по мнению М. Б. Попова [2015: 63], эта рукопись «отражает этап между падением слабых и пояснением сильных [ъ] и [ѣ]».

Последовательное падение и пояснение редуцированных отражает группа северо-восточных рукописей начала XIII в., изученных в этом отношении О. А. Князевской [1973; 1976], ср. [Попов 2015: 64]. Это Троицкий (Лаврский) кондакаръ (РГБ, ф. 304.1, № 23), Житие Нифонта 1222 г. (РГБ, ф. 304.1, № 35 — ср. [Пономаренко 2009: 108–133]), Толковый апостол 1220 г. (ГИМ, *Син.* № 7), Университетское евангелие начала XIII в. (не позднее 40-х гг.) (НБ МГУ № 2, *Ag.80*).

Следующий важный признак — **переход [е] в [о]**, отразившийся в форме *ѡрокль*. Как известно, данное фонетическое изменение произошло после падения и пояснения редуцированных гласных (поскольку изменению подвергалось не только исконное [е], но и [е] из [ъ]), а в случае, когда переход происходил не после шипящих и аффрикат, — безусловно, и после формирования пар согласных по твердости-мягкости, ставшего результатом падения редуцированных.

По понятным причинам переход [е] в [о] после парных по твердости-мягкости согласных лучше прослеживается по берестяным грамотам, чем по книжным памятникам (профессиональные писцы избегали написаний типа *Потръ* вместо *Петръ*). В берестяной письменности самые ранние примеры данного явления представлены в грамоте № 30 из Старой Руссы (1180–1200): *Потру, тенота, гривоно*, а также в грамоте № 150 (1180–1200→): *[н](е)родо собож*. Дальнейшие примеры относятся уже к середине — второй половине XIII в. [ДНД₂: 69].

Итак, по рефлексам сильных редуцированных грамота № 724 может быть поставлена в один ряд с бытовыми и книжными текстами,

написанными не ранее начала XIII в. Переход [е] в [о] фиксируется в берестяных грамотах не ранее конца XII в. Неудивительно, что в обоих случаях грамота № 724, датированная в [ДНД₂: 1161–1167 гг., открывает списки самых ранних примеров соответствующих фонетических явлений [ДНД₂: 65, 69].

Существенно, что берестяные грамоты, в которых встретились указанные явления, являются позднерусскими и по другим показателям. Так, в грамоте № 510 все слабые редуцированные опущены. Грамота № 10 из Старой Руссы «отчетливо принадлежит к позднерусскому типу» [ДНД₂: 448]. В грамоте № 30 из Старой Руссы [ДНД₂: 449] представлен скандирующий эффект, в силу чего слабые редуцированные в ней «нельзя считать показательными». По словам А. А. Зализняка, «вполне возможно, что грамота отражает уже позднерусское состояние» [ДНД₂: 449] (ср. об этой грамоте ниже в настоящей статье).

В связи с этим представляется отнюдь не случайным, что основной текст грамоты № 724 наряду с последовательным прояснением сильных редуцированных и переходом [е] в [о] демонстрирует столь же **последовательный пропуск слабых еров**. Редуцированные в *сѣстане, отѣбыти* — вероятно, дань орфографической традиции: книжная орфография (по нормам которой написан основной текст грамоты № 724) допускала последовательное написание предлогов и приставок с ъ в тех случаях, когда в прочих позициях слабые еры в основном уже опускались. Написание *Аньдрѣа* также представляет собой книжную орфограмму [Попов 2015: 61]. Резкий рост берестяных грамот с пропуском слабых редуцированных происходит в начале XIII в., начиная с 20-х гг. XIII в. они уже абсолютно преобладают, см. диаграмму в [ДНД₂: 60].

6.3.3. Как объяснить языковые различия между основным текстом и припиской? Гипотезы А. А. Зализняка

С последовательно позднерусским состоянием основного текста грамоты № 724 контрастирует приписка, где почти все слабые редуцированные сохранены, ср.: *кѣ[н]ѣз[ь], ѡчѣстокъ, до[вѣд]ок[а], отъ[М]ѣс(т)ѣ, водаде, се[л]ечѣномѣ*, единственное исключение — *послале*.

В [ДНД₂: 352–353] данное различие объясняется тем, что «выбор бытовой графической системы сопровождается здесь сохранением редуцированных на письме, а выбор книжной системы — их опущением. Это важное подтверждение тезиса о том, что при книжной графической системе процесс падения редуцированных отражается на письме в целом быстрее, чем при бытовой».

Действительно, в [НГБ IX: 252–255] приведены убедительные статистические данные, свидетельствующие о разнице в динамике процесса

падения редуцированных между книжными и бытовыми текстами. Там же предложено объяснение этой разницы, которое вкратце сводится к следующему. Завершению процесса падения и прояснения редуцированных предшествовал период, когда произношение слабых [ъ] и [ь] было факультативным. В это время, «по-видимому, в рамках книжной системы возможность не записывать ставший факультативным слабый [ъ] (неконечный) получила характер особого орфографического правила» [Ibid.: 254], в свою очередь, обусловленного книжной орфографической традицией. Напротив, бытовое письмо, формировавшееся «под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам», характеризовалось «общей тенденцией к сломам типа CV», крайним проявлением которой был скандирующий принцип записи; «в эпоху, когда слабые редуцированные были факультативными (т. е. сохранялись или утрачивались в зависимости от темпа речи и т. п.), указанная тенденция должна была приводить к опоре при письме преимущественно на вариант с сохраненной гласной» [Ibid.].

Как видим, по Зализняку, в плане отражения редуцированных книжное и бытовое письмо находились под влиянием противоположных (орфо)графических тенденций. Тем не менее ученый полагает, что «книжная запись была более условной, чем бытовая», и что «бытовая запись отражает интересующий нас процесс более достоверно, чем книжная» [НГБ IX: 255].

Как бы то ни было, вышеизложенная концепция не объясняет языковую ситуацию грамоты № 724. Ведь если «бытовая запись отражает интересующий нас процесс более достоверно, чем книжная», значит, состояние редуцированных в приписке ближе к разговорному произношению писца грамоты, а их состояние в основном тексте — в какой-то степени орфографическая условность. Но в таком случае пришлось бы предположить, что в основном тексте особые орфографические правила стоят не только за пропуском слабых редуцированных, но и за прояснением сильных и переходом [e] > [o], что невозможно.

Не меньше проблем возникнет и в том случае, если, наоборот, допустить, что ближе к говору писца стоит язык основного текста. Ведь, как было показано выше, в берестяных грамотах последовательное прояснение сильных редуцированных и переход [e] > [o] сопровождается последовательным пропуском слабых еров. В целом очень похожая картина и в книжных памятниках (хотя здесь орфографическая традиция способствует сохранению слабых еров в определенных позициях). На этом фоне берестяная грамота № 724, где в одном ряду оказываются такие написания, как *песца, въ борзѣ, первомѣ, смерди, ѡроклѣ и кѣназѣ, ѡчастокѣ, до[въд]ок[а], [М]ѣс(т)нѣ*, выглядела бы загадочным исключением.

В [НГБ XII] (вероятно, в связи с изложенными соображениями)³³ А. А. Зализняк предложил несколько иное решение данной проблемы. Оно заключается в том, что в действительности «основной текст и приписка в языковом отношении отстоят друг от друга не так сильно [...] как это описано в ДНД» [Ibid.: 267]. В подтверждение этого тезиса А. А. Зализняк представил следующую таблицу:

	Основной текст	Приписка
В сложных сочетаниях согласных	<i>състане, отъбыти</i>	<i>Мъсть, д'частокъ, довѣдока</i>
В простых срединных сочетаниях	<i>послати, заславѣ, пришли, песца</i>	<i>послале</i>
В простых начальных сочетаниях	<i>что (2×)</i>	<i>къназь</i>

По словам А. А. Зализняка, «отсюда видно, что имеющийся материал в действительности обнаруживает различие только в простых начальных сочетаниях; в прочих позициях ситуация одинакова» [НГБ XII]. В соответствии с этим новым подходом ученый объединил материал обеих частей грамоты, сопоставил его с рядом грамот 2-й пол. XII в. (№ 235, 550 и «блок Якима») и пришел к заключению, что «грамота № 724 с точки зрения поведения редуцированных в принципе вполне сходна с несколькими грамотами 60х — сер. 90х гг. XII в.» [Ibid.]. Конечный вывод Зализняка состоит в невозможности «определить хронологическое место грамоты № 724 внутри интервала 1160–1220 на основании того, как ведут себя редуцированные: такая же картина редуцированных может встретиться в документе из любой части этого интервала. Утверждать можно лишь то, что грамота принадлежит именно к этому примерно 60-летнему переходному периоду» [Ibid.].

Как ни странно, рассматривая место грамоты на «шкале исторической эволюции палеографических и языковых признаков» (если воспользоваться определением из [НГБ X: 424]), А. А. Зализняк не упомянул о таких важнейших для этой шкалы признаках, как прояснение редуцированных и переход [e] в [o]. Удивляет и отсутствие упоминания о том, что в *състане* и *отъбыти* буква редуцированного относится к приставке (хотя это отмечено в [Зализняк 1995: 286]), в результате чего все показательные случаи сохранения слабых редуцированных оказываются сосредоточенными в приписке.

Таким образом, ни первое, ни второе объяснение нельзя признать удовлетворительным.

³³ Они обсуждались в электронной переписке А. А. Зализняка с автором настоящей статьи.

6.3.4. Состояние редуцированных в приписке и эффект скандирования В [Петрухин 2009: 122], высказав сомнения относительно принятой исторической трактовки грамоты, я предложил признать, что язык основного текста является позднераннедревнерусским не только по виду, но и по сути, вполне адекватно отражая произношение писца, картина же, наблюдаемая в приписке, объясняется эффектом скандирования. Ранее о том, что в приписке к грамоте № 724 представлен скандирующий эффект, писал (безотносительно к вопросу о датировке) В. М. Живов [2006: 40].

Эта идея встретила решительное несогласие со стороны А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка. А. А. Зализняк писал:

В приписке (как и во всей грамоте № 724 в целом) «вставные» буквы *о* и *ѣ* представлены только в точках, где в раннедревнерусском были редуцированные. Поэтому в данном случае тезис о скандировании — это чистая гипотеза, основанная на допущении того, что все «вставные» гласные оказались именно на месте древних редуцированных (и ни разу внутри древних сочетаний согласных) случайно. Такая возможность теоретически не исключена, но ее вероятность чрезвычайно низка. [...] Чтобы оценить всю произвольность такой конструкции, достаточно осознать, что точно такой же ход рассуждения, если бы он был приемлем, легко привел бы желающих к выводу, что практически все раннедревнерусские грамоты отражают язык, где редуцированных уже нет, а то, что именно на их местах (и ни на каких других) в грамотах стоит *ѣ* — это просто случайность в распределении эффектов скандирования [НГБ XII: 286].

В том же духе высказался А. А. Гиппиус:

Объяснение эффектом скандирования сохранения слабых редуцированных в постскриптуме также выглядит надуманным: в отсутствие примеров, которые иначе как скандированием объяснить невозможно, предполагать в тексте наличие этого эффекта в принципе не имеет смысла — в противном случае скандирующим можно признать любой раннедревнерусский текст [НГБ XII: 259].

У читающего эти высказывания может создаться впечатление, что речь идет об обыкновенной грамоте XII в., которую автор этих строк для чего-то решил «омолодить». Между тем, как показано выше, попытки представить грамоту № 724 как типичный древнерусский текст XII в. невозможны без существенных натяжек.

Гораздо интереснее другой вопрос: возможно ли, чтобы применение скандирующего принципа на письме приводило к появлению текста, неотличимого от раннедревнерусского? И если да, то является ли такой результат случайностью?

Согласно определению А. А. Зализняка, «скандирующий принцип записи (или, иначе, эффект скандирования) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в

число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *o* или *e*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной. [...] На практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД₂: 35], ср. также [НГБ IX: 243, 253–254].

Рассмотрим несколько берестяных грамот, в которых А. А. Зализняк отметил последовательное или непоследовательное скандирование. Выделим в них буквенные сочетания, где возможно сохранение или пропуск «этимологического» слабого редуцированного или вставка «неэтимологического» гласного, и назовем такие сочетания «релевантными». Сочетания, соответствующие раннедревнерусскому состоянию (назовем их условно «правильными»), подчеркнуты одной чертой; сочетания, не соответствующие раннедревнерусскому состоянию (т. е. с пропуском редуцированного или вставкой «лишнего» гласного), выделены серым цветом. Не учитываются позиции конца слова и предлоги, а также редуцированные в суффиксе *-ьj-*.

Ст. Р. 30, 1180–1200

+ ѿ матѣѡса ко винилу добываи верси дома и по пяти
г~~рив~~оно к~~рини~~ а ѿтоселе са не наден а ~~молови~~ потру камо
еси дело ~~два~~ воза суца ~~исо~~прави не ~~исо~~правици ли а ~~сто~~
г~~рив~~ено за ~~два~~ воза а ~~цето~~ ти са ~~остало~~ суца то ~~оста~~ви ~~ести~~
а ~~тенота~~ купи безо ~~отоступа~~

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 15 правильных, три с пропуском редуцированного, два со вставкой гласного. Как уже отмечалось выше, эта грамота содержит самые ранние в берестяной письменности примеры перехода [e] > [o]: *Потру, тенота, гривоно*.

Пск. 6, ←1260–1280

ѿ кюрика и ѿ герасима к а~~но~~фимоу про белоу оже к~~сте~~
не ~~стороговале~~³⁴ то ~~прислите~~ со ~~проста~~ ~~зано~~да оу нас~~о~~
коупла есте беле а про себе оже боудыше поро~~жне~~ то боу~~с~~
ди к нам~~о~~ а нам~~о~~ ~~ксин~~о~~ф~~о~~но~~те ~~изма~~кле а про сеи чело~~в~~
веко м~~ы~~ к~~о~~ не ~~зна~~к~~мо~~ а во томо божем вола и ~~тв~~
о~~а~~

³⁴ В раннедревнерусской системе в данной форме редуцированный после *р* мог отражать «второе полногласие», ср. ниже *молови* в грамоте № 346.

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 17 правильных и три с пропуском редуцированного.

№ 346, 1280–1300

ѿ микиѳора : ко тѣтоке молови ра-
темирѣ · оти са соцете со моною молови
ж[є] .. ...[а]ле во торожек[є]
... ...[р]ажает лихѣ деете

В грамоте 7 релевантных сочетаний, все они правильные. Комментарий А. А. Зализняка: «Эта грамота интересна тем, что поведение этимологических редуцированных в ней формально соответствует раннедревнерусским нормам [...] Но при этом в грамоте вообще ни разу не встретилось двух согласных букв подряд, т. е. наблюдаемая картина неотличима от той, которую дает скандирующий эффект (§ 1.14). К сожалению, ни одного слова с исконным *CC (*rC, *lC не в счет) в грамоте нет; поэтому мы не можем непосредственно увидеть, писал ли Микифор, скажем, *товои* вместо *твои*. Поскольку, однако, показания всех прочих грамот данной эпохи не позволяют нам предполагать, что автор данной грамоты был носителем раннедревнерусского языка (даже если он был очень стар), наиболее вероятной здесь оказывается именно гипотеза об эффекте скандирования. Менее вероятно, что перед нами результат первоклассной орфографической выучки: в этом случае ожидалась бы стандартная, а не бытовая графика (и словоформа ‘молви’ скорее была бы записана с *лв*, а не *лов*)» [ДНД₂: 506].

№ 390, 1280–1300

бологожъ :в: жерьбѣа : козляско : павъ:тыць :в: жерьбѣа : во подогореи : писина :в: жъ-
ребѣа : старо поле : завътьрене : по рыдино :в: жерьбѣа : а бороть : по рѣци : по го-
линое : и по конажъ : людѣико : до ѡсть воломи :в: жерьбѣа : а по голиное : рѣце занъ
тыць : и до колина : вохо мое : и за ивъницѣ : а бориславѣ : доргала : соторона : нетѣца : по
црьтово рѣци : и до върѣховѣа и по пѣть рыдѣньскои

В грамоте 20 релевантных сочетаний, из которых 18 правильных, 2 вставки гласных ближе к концу текста (не учитываются формы *колина* и *голиное*, этимология которых не вполне ясна). Текст входит в состав целого блока грамот с эффектом скандирования (№ 390, 409, 410, 394, 398, 343) [ДНД₂: 507–511].

№ 582, 1280–1300→

цето еси прислале дова целовека
те побегли а коне не ведаю г[а]ѣ пои-
мавоши а тимона меретве

Из 8 релевантных сочетаний 6 правильных.

№ 366, ←1360–1380

съ урадѣса · аковъ съ гюрь-
гьмо · и съ харѣтономъ
по бьсудьнои грамотѣ
цто бьлъ възалъ гюрьгѣ грамоту
в ъзыѣжьнои пышнѣцѣ а ха-
рѣтоно во проторѣхо своѣхъ
и въза гюрьгѣ за вьсь то рубль
и трѣ грѣвонъ и коробью пыш-
нѣцѣ · а харѣтонъ въза · дьсать
локотъ сукона и грѣвону · а боль-
нъ надобѣ гюрьгю нѣ харѣтону
до акова нѣ акову до гюрьга нѣ
до харитона · а на то радьцѣ и послушѣ
давьдъ лукѣнъ сынъ сътыпанъ таишѣнъ

Из 20 релевантных сочетаний 19 правильных.

№ 122, ←1410–1420→

слово добро ѿ ксифа брату фомѣ
не забудь льва о позъвѣ до рьжи
а позъвале родиване падиногине
а иноу все добро здорово а тѣ то помъни

Из 10 релевантных сочетаний 8 правильных, 2 пропуска редуцированного.

Особый случай представляет собой грамота № 293. Она необычна тем, что эффект скандирования сопровождается здесь книжной графикой, т. е. отсутствием смещения *о* и *ѣ*, *е* и *ь*, в то время как обычно скандирование встречается в грамотах, написанных «по-бытовому».

№ 293, ←1240–1260

Внутренняя сторона

+ ѿ по(п)а къ завидѣ : дѣвѣма десатѣма гриѣ · безъ гривнѣ · на[м](ѣ по
·ѣ·) рѣзанъ · дѣвое · то ти ·ѣ· гривнѣ и ·ѣ· кѣнъ · вѣдаи волотѣковѣ ...

Внешняя сторона

... (в)[ѣ]зми за са : и кланяюся : тои гривнѣ серебѣра :

Из 14 релевантных сочетаний 11 правильных, 1 пропуск редуцированного и две вставки гласных букв (также неисконный ер в *безѣ*). По замечанию А. А. Зализняка, «на первый взгляд грамота производит впечатление раннедревнерусской. В действительности, однако, перед нами результат того, что поп стремился писать по-книжному и «постаринному». Он выдал эту свою орфографическую установку гиперкорректным написанием *серебѣра* (отчасти также *гиривынѣ* и *безѣ*); кроме того, в слове *възми* он всё же пропустил слабый *ь*. Заметим, что архаизирующая установка данного типа при постепенном забвении традиционного облика слов легко переходит в скандирующий принцип (§ 1.14). Даже и саму эту грамоту, вообще говоря, уже можно было бы оценить как документ с непоследовательным эффектом скандирования» [ДНД₂: 475].

Теперь сделаем ту же процедуру с припиской грамоты № 724:

а се[а]сѣуаномѣ свомѣ кѣ[н]а з[ь] самѣ отѣ [в]олокѣ [и]
отѣ [м]ѣс(т)ѣ ѡуастокѣ водале а[ѡ]е ли ти братѣе
винѣ а[ю]дѣе на ма не ищѣ[тъ] а до[вѣд]ок[а] бѣд[е]
то же нынѣца радѣ бѣхѣ послале [грам]о[тѣ]

Из 12 релевантных сочетаний 11 правильных, один пропуск редуцированного.

Данные по всем рассмотренным грамотам суммированы ниже в таблице.

Грамота	«Правильные» сочетания	«Вставные» гласные
Ст. Р. 30	75 % (15 из 20)	2
293	79 % (11 из 14)	2
Пск. 6	85 % (17 из 20)	0
346	100 % (7 из 7)	0
390	90 % (18 из 20)	2
582	75 % (6 из 8)	0
366	95 % (19 из 20)	0
122	80 % (8 из 10)	0
724	92 % (11 из 12)	0

Как можно видеть, картина, сходная с тем, что наблюдается в приписке к грамоте № 724, встречается в целом ряде берестяных грамот с эффектом скандирования, датирующихся в пределах от конца XII до начала

XV в.³⁵ Некоторые из них значительно длиннее и «моложе» нашей приписки, и все же по состоянию редуцированных напоминают «раннедревнерусские» тексты, ср. в особенности грамоты № 366, 390, Пск. 6. В половине из рассмотренных грамот, как и в приписке грамоты № 724, отсутствуют «вставные» (неэтимологические) гласные буквы.

Таким образом, на вопрос, может ли текст, написанный с использованием приемов скандирования, походить на раннедревнерусский, безусловно следует ответить утвердительно.

Далее, конечно, встает вопрос о причинах этого явления, а именно: идет ли речь о случайном совпадении (пишущий случайным образом вставляет гласные туда, где исконно имелись редуцированные, и оставляет нетронутыми консонантные сочетания, где редуцированных не было) или же здесь действует какая-то закономерность? Подробный разбор этой проблемы выходит за рамки настоящей статьи, однако в целом ясно, что рассматриваемое явление отнюдь не игра случая.

Напомню, что, согласно А. А. Зализняку, при скандировании «некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)» [ДНД₂: 35]. Действительно, в рассмотренных грамотах именно эти (или похожие) консонантные сочетания чаще всего не разделяются вставными гласными. Так, грамота Ст. Р. 30, по Зализняку, «вполне возможно [...] отражает уже позднедревнерусское состояние, а вставка *о* или *е* подчиняется чисто механическому правилу: согласная + *р* (вероятно, также + *л*) и сочетания *ст*, *дв* на письме не разделяются, в прочих двусогласных сочетаниях и любых трехсогласных пишется вставная гласная (реально встретились *ц-т*, *т-с*, *т-Ѡ*, *л-в*, *т-ст*, *с-пр*)» [ДНД₂: 449]. Похожий принцип отмечен Зализняком в блоке грамот конца XIII в., включающем грамоту № 390 [ДНД₂: 449], и в грамоте № 366 [ДНД₂: 613].

Что же стоит за этим «чисто механическим правилом»? А. А. Зализняк связывает развитие скандирующего принципа записи с древнерусской

³⁵ Насколько можно судить, максимальная концентрация грамот с более или менее выраженным эффектом скандирования приходится на XIII в., ср., в частности, упомянутый выше блок из шести грамот конца XIII в. [ДНД₂: 507–511]. В это же время максимального значения достигает доля грамот со смещением *ѣ* — *о* и *ѣ* — *е* [Зализняк 2002: 581, 608], что, очевидно, неслучайно, поскольку скандирование, как правило, встречается в рамках бытовой системы письма. Однако скорее всего скандирование достаточно широко применялось и ранее (ср., например, грамоты Ст. Р. 22 (←1160–1180), № 682 (1160–1180→)), просто здесь его труднее выявить: на скандирующий эффект может указывать либо наличие «вставных» гласных букв, либо явное несоответствие состояния редуцированных датировке грамоты; очевидно, что для грамот, относящихся к «переходной эпохе» (т. е. времени от начала до завершения процесса падения и прояснения еров), второй показатель отпадает.

традицией «чтения по складам», в соответствии с которой обучавшиеся грамоте, прежде чем прочесть слово целиком, читали отдельные «склады» (слоги); та же традиция, очевидно, предполагала заучивание наиболее часто встречающихся слогов наизусть (о чем свидетельствуют, например, Острожская Азбука Ивана Федорова 1578 г. [Немировский 1983] и грамоты мальчика Онфима № 199, 201, 204, 206, содержащие наборы складов). По Зализняку, скандирование соответствует «тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид CV (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада)» [НГБ IX: 253]³⁶.

Однако склады имели не только вид CV (согласный + гласный), но и CCV (согласный + согласный + гласный). «Триписменнии слози» являются неперменным элементом восточнославянских букварей XVII в. При этом «в состав сочетаний, образующих слоги, входили — в букварях великорусского извода — сочетания с «редуцированными» *ѣ, ъ*, т. е. сочетания типа *бѣ, бѣ, брѣ, брѣ* и т. п.³⁷, которые и понимались, таким образом, как совершенно равноправные слоги. Соответственно, например, слово «столь» воспринималось не как односложное, а как двусложное: *сто-ль*, слово «теляца» как трехсложное: *те-ль-ца* и т. п.» [Успенский 1970: 91]. Об актуальности трехбуквенных складов для языкового сознания авторов берестяных грамот свидетельствуют грамоты, в которых словоформы разделены на слоги при помощи точек, ср. № 915 (1050–1075), Ст. Р. 36 (1140–1160), 442 (1140–1160), 112 (1200–1220→), 651 (1200–1220), 707 (←1280–1300), 412 (1260–1280→).

Следовательно, основу скандирующей записи составляли не только двубуквенные склады типа CV, но и трехбуквенные типа CCV. Ясно, что в складах типа CCV были представлены только такие сочетания согласных, которые в принципе допускались в праславянском (resp. раннедревнерусском), в последнем же, как известно, имелся очень ограниченный набор допустимых консонантных сочетаний (ср. [Lunt 2001: 34]). Падение редуцированных привело к возникновению в разговорном восточнославянском новых, ранее невозможных сочетаний согласных,

³⁶ Приемы, использовавшиеся в ходе обучения чтению, лежат и в основе бытовой системы письма (со смещением *о* и *ѣ, е* и *ѡ*) [Живов 2017: 176]. Отсюда закономерно, что эффект скандирования характерен для грамот, написанных «по-бытовому» (исключение — грамота № 273).

³⁷ «Так во всех печатных московских букварях XVII в. (и, естественно, во всех старообрядческих букварях), а также во многих букварях XVIII в.» [Успенский 1970: 91]. Как отмечает Б. А. Успенский, «в церковном произношении Московской Руси, по крайней мере в первой половине XVII в., редуцированные *ѣ* и *ѡ*, по всей видимости, еще произносились. Произношение их еще и сейчас сохраняется в церковном чтении старообрядцев-беспоповцев» [Ibid.], ср. [Успенский 1968: 36–39].

однако, учитывая консервативность традиции чтения по складам, есть все основания полагать, что набор заучиваемых складов остался в основном неизменным, и именно на эти склады продолжали ориентироваться авторы берестяных грамот, написанных «по-бытовому». Чтобы избежать на письме консонантных сочетаний, чуждых традиционным складам, они могли разделять их буквами *o/ъ* или *e/ь* (в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного). Результатом могло быть «восстанавливание» на письме исконного (раннедревнерусского) облика словоформ.

Впрочем, конечно, даже неизменное следование данному принципу не могло гарантировать полного «восстановления» раннедревнерусского состояния редуцированных в тексте. Дело в том, что результатом падения редуцированных стало не только образование новых сочетаний согласных, но и распространение старых сочетаний на новые словоформы: так, в словоформе *сто* (< *сѣто*) сочетание *ст* возникает вследствие выпадения *ъ*, но такое же сочетание исконно в *столь*, *стояти*, *стѣна* и т. д. Следовательно, носитель позднедревнерусского произношения, хорошо усвоивший склады и использовавший скандирующую запись, мог уверенно разделять новые сочетания согласных, но, встречая «старое» сочетание (исконное или образовавшееся вследствие выпадения редуцированного), он оказывался перед выбором — оставить его или разделить. Как показывает материал грамот, пишущий мог выбрать как первое, так и второе решение³⁸. На практике, однако, «новые старые» сочетания (типа *ст* в *сто*) попадают не столь уж часто (чему, конечно, способствует краткость большинства берестяных грамот), поэтому если пишущий последовательно сохраняет «старые» сочетания и разделяет «новые», то с большой вероятностью его текст по состоянию редуцированных окажется близок к раннедревнерусской норме. Так устроена, например, грамота № 366, где сохранены все 8 исконных сочетаний согласных (*гр* (4×), *нр*, *св*, *тр*, *сл*) и допущена лишь одна «ошибка» против раннедревнерусской нормы (пропуск *ь* в *цто*). Иначе вышло с грамотой Ст. Р. 30: ее автор, по-видимому, следовал, тому же принципу, что и автор грамоты № 366, однако в его тексте наряду с исконными сочетаниями согласных трижды встретились «новые старые» сочетания: *два* (2×)³⁹, *сто*, в результате — три пропуска редуцированных. В этом смысле очень показательна форма *стороговале* грамоты Пск. 6, где пропущен исконный *ъ* в «новом старом» сочетании *ст* и в то же время

³⁸ Конечно, проще всего следовать принципу разделять гласными любые консонантные сочетания. Вероятно, поэтому в некоторых грамотах (ср. № 293, 390) вставные гласные в исконных консонантных сочетаниях встречаются ближе к концу текста.

³⁹ Ср. исконные сочетания в *двърь*, *дворъ*.

разделено вставным гласным сочетание *rg*, несомненно отсутствовавшее в составе традиционных складов.

Возвращаясь к приписке грамоты № 724, мы обнаруживаем, что здесь последовательно сохранены «старые» сочетания согласных и разделены «новые», единственный же пропуск исконного редуцированного оказался в «новом старом» сочетании, а именно, в *послале* (ср. исконное *сл* в *слово*, *сльдъ*, *сльпъ* и т. д.)⁴⁰.

Итак, предположение об эффекте скандирования в приписке грамоты № 724 характеризует ее как один из множества текстов, написанных в основном уже после завершения процесса падения и проявления редуцированных, но по употреблению редуцированных близких к раннедревнерусскому состоянию. Языковое устройство этих текстов поддается объяснению. Если же отказаться от этой гипотезы, то придется предположить, что грамота № 724 написана человеком, в живом произношении которого регулярное проявление сильных редуцированных и переход [e] > [o] соседствовали с сохранением слабых еров в таких формах, как *кѣназь*. Подобная ситуация не встречается более ни в одной берестяной грамоте и не находит убедительного объяснения. Также в этом случае необходимо допустить, что все сохранившиеся в грамоте слабые редуцированные (не обусловленные орфографией) совершенно случайно оказались в приписке. В связи с этим я полагаю, что наиболее простое и убедительное объяснение языкового устройства грамоты № 724 состоит в том, что основной текст, написанный в книжной орфографии, отражает произношение писавшего, а именно, состояние после падения и проявления редуцированных, и в этом смысле сходен с целым рядом книжных текстов 1-й пол. XIII в., приписка же, написанная в бытовой графике, относится к разряду текстов на бересте с эффектом скандирования.

7. Выводы

Принятая датировка грамоты № 724 (1161–1167 гг.) обусловлена ее исторической интерпретацией. Поскольку в настоящей статье предлагается иная трактовка текста, не требующая конкретной хронологической привязки событий, вопрос о датировке (как и для большинства берестяных грамот) должен решаться на основании всей суммы имеющихся данных. Это предполагает иной, чем прежде, подход к оценке датирующих языковых признаков: вопрос заключается не в том, возможно

⁴⁰ Похожая ситуация в грамоте № 651 (1200–1220): *бѣсѣ твѣ его поведе ни а · не : смею воза || ти · ни [цего] ж [е а] восли грамотоу ко мене* — редуцированные сохранены в «новых» сочетаниях (*возати, ко мене*), но опущены в «новых старых» (*не смею, восли*).

ли появление тех или иных языковых явлений в определенный период истории русского языка, а в том, для какого времени наиболее характерно каждое из этих явлений и их общее сочетание. Эта информация даст ответ на вопрос, к какому времени с наибольшей вероятностью можно отнести грамоту. Релевантные данные собраны ниже в таблице.

стратиграфическая датировка	1202–1266 гг. [Ершевский 2003: 168]
данные палеографии	1160–1200 [НБГ X: 315; НБГ XII: 268]
последовательное прояснение редуцированных	в берестяных грамотах: с 1-й пол. XIII в. (ср. гр. № 510); в книжной письменности ⁴¹ : с нач. XIII в. [Попов 2015: 64]
переход [е] > [о]	с конца XII в. [ДНД ₂ : 69]
смещение о — ъ, е — ѣ	чаще всего в XIII в. [Зализняк 2002: 581; 608]
покланание	большинство примеров: 1160–1220 гг. [ДНД ₂ : 37] ⁴²
последовательное падение редуцированных	начиная с 1220-х гг. [ДНД ₂ : 60]
скандирование	чаще всего в XIII в.
В. = Р. мн. (мѣжь)	массовые примеры — с начала XIII в. [ИГДРЯ I: 201–208]

Последние три строки зависят от лингвистической и смысловой интерпретации текста, но данные первых шести строк вполне объективны. Как можно видеть, большинство данных указывает либо на рубеж XII–XIII вв., либо на XIII в.⁴³ На более раннее время указывает только палеография грамоты. Как представляется, в сумме данные таблицы позволяют отнести грамоту к началу XIII в.

⁴¹ За исключением южнорусского Добролюва евангелия 1164 г.

⁴² В таблице, отражающей хронологическое распределение основных типов адресных формул в берестяных грамотах [ДНД₂: 37], для *покланание* приведены следующие цифры: XI в. — 50-е гг. XII в.: 8; ок. 1160–1180 гг.: 13; ок. 1180–1220 гг.: 18; ок. 1220–1300 гг.: 3. К числу примеров за 1160–1180 гг. отнесена здесь, естественно, и адресная формула грамоты № 724. С другой стороны, та же адресная формула представлена в грамоте № 952, найденной после выхода [ДНД₂] и условно датированной 1160–1180 гг. Эта же формула встретила в грамоте № 1113 конца XII в. [Гиппиус 2019: 61].

⁴³ Ср. работу [Рождественская 2015], где приведен материал, свидетельствующий о том, что формула «братия и дружина» вне ситуации прямого обращения военачальника к войску (т. е. в качестве литературного клише) начинает использоваться с рубежа XII–XIII вв. Также можно обратить внимание на окончание род. ед. -у в *отъ [в]олокѣ*.

С учетом высказанных в статье соображений (включая поправку к переводу, предложенную А. Журавель) перевод грамоты выглядит следующим образом:

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. И Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни одной меховой шкурки!», так как хотел сам собирать с них [эту дань]. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды от Андрея, арестовали дружинников и отняли дань. И восемь [дружинников], что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его.

А сельчанам своим князь сам вдоль волока и Мсты⁴⁴ участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас же охотно послал бы грамоту’.

В целом отраженная в грамоте ситуация представляется следующей. Автор грамоты Савва собирает дань в верховьях Мсты, на территории Имоволожского погоста, относящегося к княжеским домениальным землям. Когда основная часть дани уже была собрана, Савву по какой-то причине «оставили» люди, которые должны были собрать оставшуюся часть дани. После этого другой сборщик дани, Захария, потребовал от местных жителей не платить дань Савве. По утверждению Саввы, Захария сам претендовал на ее сбор. Вслед за этим Савва ожидал, что Захария приедет и рассчитается с ним. Тем временем некто Андрей (скорее всего, один из местных землевладельцев, получивших послание Захарии) приказал зависимым от него смердам отнять у Саввы собранную дань. Смерды выполнили распоряжение, арестовав дружинников Саввы и отобрав у них дань. При этом восьми дружинникам удалось «вырваться», т. е. либо не дать себя арестовать, либо бежать

⁴⁴ Относительно значения предлога *отъ* в *отъ* [в]олокѣ [и] *отъ* [м]ѣст(т)ѣ ср. в «Повести о Петре, царевиче ордынском»: *Прими, господи Петре, малое се земля наша отчины противу дома святых апостолъ от езера сего. Азъ тебѣ грамоты впишу* ‘Прими от меня, Петр, этот небольшой надел земли нашей вотчины, что напротив храма святых апостолов подле озера этого. Я тебе и грамоты напишу’; *И повелѣтъ князь пред владыкою писати грамоты множество земель от езера, воды и лѣсы, яже суть и донынѣ* ‘И велел князь при владыке написать грамоты на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, и сохранились те грамоты донынѣ’ (текст цит. по [Ленхофф (в печати)], перевод Л. А. Дмитриева [Повесть о Петре: 81]); то же понимание отражено в несколько более вольном переводе Б. А. Ларина [Русские повести XV–XVI: 271–272].

из-под ареста. Савва пишет «братии и дружине» с тем, чтобы оправдать свои действия и заступиться за бежавших дружинников, которым грозит наказание. В приписке он ссылается на князя, выдавшего «своим сельчанам» участки вдоль Мсты и волока (очевидно, соединяющего Мсту с Твердой), и выражает готовность ответить за свои действия перед судом.

Библиография

Безус 1998

Безус Н. Б., Судебные исполнители в Новгороде XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот), *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции)*, Новгород, 27–29 января 1998 г., Новгород, 12, 1998, 170–176.

Бирнбаум, Флайер 1995

Бирнбаум Х., Флайер М. С., ред., *Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. II), Москва, 1995, 283–290.

Варбот 2000

Варбот Ж. Ж., О славянском родстве праславянского глагола *skočiti, *Славяноведение*, 4, 2000, 22–24 [перепечатано: Варбот Ж. Ж., *Исследования по русской и славянской этимологии*, С.-Петербург, 2011, 273–276].

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

Гимон, Гиппиус 1999

Гимон Т. В., Гиппиус А. А., Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи, *Новгородский исторический сборник*, 7 (17), С.-Петербург, 1999, 18–47.

Гиппиус 2015

Гиппиус А. А., Еще раз о Новгородской берестяной грамоте № 724, *Slověne = Словѣне*, 1, 4, 2015, 111–127.

— 2019

Гиппиус А. А., Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе, *Вопросы языкознания*, 4, 2019, 47–71.

Голышенко 1963

Голышенко В. С., *Из истории русского языка XII века (палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания № 12 ГИМ)*, Москва, 1963.

Грінченко 1–4

Грінченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, 1–4, Киев, 1907–1909.

ГСБМ

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1–37, Мінск, 1982–2017.

ДДГ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., подгот. к печати Л. В. Черепнина, Москва, Ленинград, 1950.

ДНД₁

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.

ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, изд. 2-е, Москва, 2004.

Ершевский 2003

Ершевский Б. Д., Археологический комментарий к находкам берестяных грамот на Михайлоархангельском раскопе в 1990 г., *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, В. Л. Янин, отв. ред., Москва, 2003, 164–169.

— 2005

Ершевский Б. Д., Характеристика усадебной застройки на Михайлоархангельском раскопе, *Прошлое Новгорода и Новгородской земли (Материалы научной конференции 16–18 ноября 2004 г.)*, Великий Новгород, 2005, 53–57.

Ершевский, Розанова 1994

Ершевский Б. Д., Розанова Л. С., Обработка железа в Новгороде (По материалам Михайлоархангельского раскопа XII–XIV вв.), *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции)*, Новгород, 26–28 января 1994 г., Новгород, 8, 1994, 187–194.

Живов 2006

Живов В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.

— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, Москва, 2017.

Зализняк 1995

Зализняк А. А., Берестяной документ XII в. о сборе югорской дани, *Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavic Studies, New Series, Vol. II), Х. Бирнбаум, М. С. Флайер, ред., Москва, 1995, 283–290.

— 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, Москва, 2000, 133–429.

— 2002

Зализняк А. А., Древнерусская графика со смещением *ъ* — *о* и *ь* — *е*, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 2002, 577–612.

— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Золтан 2002

Золтан А., Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в., *Из истории русской культуры. 2, 1: Киевская и Московская Русь*, Москва, 2002, 766–806 [первые опубликовано в 1988 г.].

ИГДРЯ I

Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Историческая грамматика древнерусского языка. Множественное число именного склонения*, Москва, 2000.

Ильина книга 2005

Ильина книга. *Рукопись РГАДА, Тип. 131*, лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько, Москва, 2005.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Ищенко 1986

Ищенко Д. С., *Древнерусская рукопись XII века «Устав студийский»*, Одесса, 1986.

Князевская 1973

Князевская О. А., О судьбе редуцированных гласных *ъ*, *ь* в ростовских рукописях первой трети XIII в., *Лингвогеография, диалектология и история языка*, Кишинев, 1973, 202–208.

——— 1976

Князевская О. А., Буквы *о, е* на месте редуцированных гласных в ростовских рукописях начала XIII в., *Лингвистическая география, диалектология и история языка*, Ереван, 1976, 327–336.

Крысько 1994

Крысько В. Б., *Развитие категории одушевленности в русском языке*, Москва, 1994.

——— 1999

Крысько В. Б., Из наблюдений над языком Ильиной книги, *Вопросы языкознания*, 2, 1999, 3–15.

——— 2006

Крысько В. Б., Еще раз об *Имоволожи*, *Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология* (= *Slavica Helsingiensia* 27), Нуорлуото Юхани, ред., Хельсинки, 2006, 222–233.

Кузьмина 1962

Кузьмина В. Д., *Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек)*, Москва, 1962.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, Москва, 1997.

Ленхофф (в печати)

Ленхофф Г., К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины, *Средневековая Русь*, 15, 2020 (в печати).

Лимонов 1987

Лимонов Ю. А., *Владими́ро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории*, Ленинград, 1987.

МЛС

Полное собрание русских летописей, 25: Московский летописный свод конца XV века, Москва, 2004.

НГБ VIII

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, 8, Москва, 1986.

НГБ IX

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*, 9, Москва, 1993.

НГБ X

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, 10, Москва, 2000.

НГБ XII

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, 12, Москва, 2015.

Німчук 1992

Німчук В. В., *Давньоруська спадщина в лексичі української мови*, Київ, 1992.

НПЛ

Новгородская первая летопись по Синодальному списку, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950 [2-е изд.: Москва, 2000].

НПЛ Ком.

Новгородская первая летопись по Комиссионному списку, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950 [2-е изд.: Москва, 2000].

Орлов 1964

Орлов С. Н., К топографии Новгорода X–XV вв., *Новгород: к 1100-летию города*, Москва, 1964, 264–285.

Петрухин 2009

Петрухин П. В., К изучению новгородской берестяной грамоты № 724, *Русский язык в научном освещении*, 1 (17), 2009, 109–126.

Повесть о Петре

Повесть о Петре, царевиче ордынском, подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева, *Библиотека литературы Древней Руси*, 9: *Конец XIV — первая половина XVI века*, С.-Петербург, 2000, 70–85.

Полоцк. гр.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в., 1, А. Л. Хорошкевич, отв. ред, С. В. Полехов, зам. отв. ред, Москва, 2015.

Пономаренко 2009

Пономаренко Т. О., *Языковые особенности жития Нифонта 1222 г.* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань, 2009).

Попов 2015

Попов М. Б., К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках, *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 157, 5, 2015, 47–67.

Посольские книги

Мустафина Д. А., Трепавлов В. В., *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.)*, Казань, 2006.

ПСРЛ, 38

Полное собрание русских летописей, 38: *Радзивилловская летопись*, Ленинград, 1989.

Рождественская 2015

Рождественская М. В., «Братия и дружина»: о литературном контексте одного выражения в новгородской берестяной грамоте № 724, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (62), 2015, 86–88.

Русские повести XV–XVI

Русские повести XV–XVI веков, Скрипиль М. О., сост., Ларин Б. А., ред., Москва, Ленинград, 1958.

Свердлов 1983

Свердлов М. Б., *Генезис и структура феодального общества в Древней Руси*, Ленинград, 1983.

СДРЯ XI–XIV вв.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988–2016–.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Срезн.

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–49–, С.-Петербург, 1965–2016–.

Тимберлейк 1996

Тимберлейк А., Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительного–родительного падежа (По поводу книги: В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994. 224 с.), *Вопросы языкознания*, 5, 1996, 7–19.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1970

Успенский Б. А., Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты), *Вопросы языкознания*, 5, 1970, 80–100.

Фасмер, I–IV

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва, 1986–1987.

Флав.

Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А., подг. изд., *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод*, 1–2, Москва, 2004.

Хорошкевич 1964

Хорошкевич А. Л., Новые новгородские грамоты XIV–XV вв., *Археографический ежегодник за 1963 г.*, Москва, 1964, 264–276.

Шахматов 1915

Шахматов А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка* (= Энциклопедия славянской филологии, 11, 1), Петроград, 1915.

Шулаева 1970

Шулаева Д. П., *К истории языка в XIII в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи ГПБ Пог. 12)*, Ленинград, 1970.

ЭСБМ

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, 1–13, Мінск, 1978–2010.

Янин 1981

Янин В. Л., *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*, Москва, 1981.

——— 1987

Янин В. Л., Княжеский домен в Новгородской земле, *Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина*, В. Л. Янин, отв. ред., Москва, 1987, 119–134.

——— 1993

Янин В. Л., Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.), *Археологические вести*, 2, 1993, 114–121.

——— 1998a

Янин В. Л., *Я послал тебе бересту...*, изд. 3-е, Москва, 1998.

——— 1998b

Янин В. Л., *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков*, Москва, 1998.

——— 2000

Янин В. Л., Имоволоже (из истории новгородско-княжеских отношений), *Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*, В. Ф. Козлов, ред., Москва, 2000, 47–50.

——— 2001

Янин В. Л., *У истоков Новгородской государственности*, Великий Новгород, 2001.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2003.

Янин, Зализняк 1994

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг., *Вопросы языкознания*, 3, 1994, 3–22.

——— 1996

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 гг., *Средневековая Русь*, 1, Москва, 1996, 120–153.

——— 1999

Янин В. Л., Зализняк А. А., Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г., *Вопросы языкознания*, 4, 1999, 3–27.

Lunt 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Timberlake 1997

Timberlake A., Чему юси слѣпилъ бра^ѣ свои: Templates and the Development of Animacy, *Russian Linguistics*, 21, 1, 1997, 49–62.

References

Bezou N. B., Sudebnye ispolniteli v Novgorode XI–XV vv. (po materialam berestianym gramot), *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istoriia i arheologija*, Novgorod, 27–29 ianvaria 1998 g., Novgorod, 12, 1998, 170–176.

Cherepnin L. V., ed., *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv.*, Moscow, Leningrad, 1950.

Dmitrieva R. P., ed., Dmitriev L. A., trans., *Povest' o Petre, tsareviche ordynskom, Biblioteka literatury Drevnei Rusi, 9: Konets XIV – pervaja polovina XVI veka*, St. Petersburg, 2000, 70–85.

Ershevsky B. D., *Arheologicheskii kommentarii k nakhodkam berestianym gramot na Mikhailoarkhangel'skom raskope v 1990 g.*, *Berestiane gramoty: 50 let otkrytiia i izucheniia*, Iainin V. L., ed., Moscow, 2003, 164–169.

Ershevsky B. D., *Kharakteristika usadobnoi za stroiki na Mikhailoarkhangel'skom raskope, Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli*, Veliky Novgorod, 2005, 53–57.

Ershevsky B. D., Rozanova L. S., *Obrabotka zheleza v Novgorode (Po materialam Mikhailoarkhangel'skogo raskopa XII–XIV vv.)*, *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istoriia i arheologija*, Novgorod, 26–28 ianvaria 1994 g., Novgorod, 8, 1994, 187–194.

Fasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, Trubachev O. N., ed. and trans., Moscow, 1986–1987.

Gimon T. V., Gippius A. A., *Novye dannye po istorii teksta Novgorodskoi pervoi letopisi*, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 7 (17), St. Petersburg, 1999, 18–47.

Gippius A. A., *Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724*, *Slověne = Slovně*, 1, 4, 2015, 111–127.

Gippius A. A., *Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2018*, *Topics in the Study of Language*, 4, 2019, 47–71.

Iordanidi S. I., Krysko V. B., *Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo iazyka. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniia*, Moscow, 2000.

Khoroshkevich A. L., *Novye novgorodskie gramoty XIV–XV vv.*, *Arkheograficheskii iezhegodnik za 1963 g.*, Moscow, 1964, 264–276.

Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v.*, 1, Moscow, 2015.

Knyazevskaya O. A., *O sud'be reduktirovannykh glasnykh " , ' v rostovskikh rukopisiakh pervoi treti XIII v.*, *Lingvogeografiia, dialektologija i istoriia iazyka*, Kishinev, 1973, 202–208.

Knyazevskaya O. A., *Bukvy o, e na meste reduktirovannykh glasnykh v rostovskikh rukopisyakh nachala XIII v.*, *Lingvisticheskaja geografiia, dialektologija i istoriia iazyka*, Erevan, 1976, 327–336.

Krysko V. B., *Razvitie kategorii odushevlenosti v russkom iazyke*, Moscow, 1994.

Krysko V. B., *Iz nabliudenii nad iazykom Il'inoi knigi*, *Voprosy iazykoznanii*, 2, 1999, 3–15.

Krysko V. B., ed., *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*, Moscow, 2005.

Krysko V. B., *Eshche raz ob Imovolozhi, Slavianiatsii Russkogo Severa. Mekhanizmy i khronologija (Slavica Helsingiensia 27)*, Nuorluoto J., ed., Helsinki, 2006, 222–233.

Kuzmina V. D., *Devgenievo deianie (Deianie prezhnikh vremen khrabrykh chelovek)*, Moscow, 1962.

Limonov Yu. A., *Vladimiro-Suzdal'skaja Rus': Ocherki sotsial'no-gosudarstvennoi istorii*, Leningrad, 1987.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Mustafina D. A., Trepavlov V. V., *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Nogaikoi Ordoi (1551–1561 gg.)*, Kazan, 2006.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaja pervaja letopis' po Komissionomu spisku*, *Novgorodskaja pervaja letopis' starshogo i mladshogo izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.

Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaja pervaja letopis' po Sinodal'nomu spisku*, *Novgorodskaja pervaja letopis' starshogo i mladshogo izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.

Nimchuk V. V., *Davniorus'ka spadshchina v lek-sitsi ukrains'koi movi*, Kyiv, 1992.

Orlov S. N., *K topografii Novgoroda X–XV vv., Novgorod: k 1100-letiiu goroda*, Moscow, 1964, 264–285.

Petrukhin P. V., *K izucheniiu novgorodskoi berestianoi gramoty* № 724, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (17), 2009, 109–126.

Pichkhadze A. A., Makeeva I. I., Barankova G. S., Utkin A. A., eds., *“Istoriia Iudeiskoi voiny” Iosifa Flavii: Drevnerusskii perevod*, 1–2, Moscow, 2004.

Popov M. B., *On the Fall of Reduced Vowels in the Old Russian Language: Chronology, Phonological Mechanism, Reflection in Written Records, Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 157, 5, 2015, 47–67.

Rozhdestvenskaia M. V., “Bratie i Druzhina” (“Brothers and Prince’s Armed Force”): about a Literary Context of one Expression in the Novgorod Birch Bark Letter № 724, *Old Russia. The questions of Middle Ages*, 4 (62), 2015, 86–88.

Sverdlov M. B., *Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1983.

Timberlake A., *Vkusit' ot drevna poznaniia i uboiat'sia: variativnost' v razvitii vinitel'no-roditel'nogo padezha (Po povodu knigi: V. B. Krysko. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo iazyka. M., 1994. 224 s.)*, *Voprosy iazykoznaniia*, 5, 1996, 7–19.

Timberlake A., *Templates and the Development of Animacy, Russian Linguistics*, 21, 1, 1997, 49–62.

Uspenskij B. A., *Arkhaicheskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Starinnaia sistema chteniia po skladam, Voprosy Iazykoznaniia*, 5, 1970, 80–100.

Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.

Varbot G. G., *The Slavonic Relatives of the original Slavonic Verb *skočiti, Slavianovedenie*, 4, 2000, 22–24.

Yanin V. L., *Novgorodskaa feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*, Moscow, 1981.

Yanin V. L., *Kniazheskii domen v Novgorodskoi zemle, Feodalizm v Rossii. Sbornik statei i vospominanii, posviashchennii pamiati akademika L. V. Cherpnina*, Yanin V. L., ed., Moscow, 1987, 119–134.

Yanin V. L., *Novgorodskie berestiane gramoty Mikhailo-Arkhangelskogo raskopa (1990 g.)*, *Arheologicheskie vesti*, 2, 1993, 114–121.

Yanin V. L., *Ia poslal tebe berestu...*, 3rd ed., Moscow, 1998.

Yanin V. L., *Novgorod i Litva: pogranichnye situatsii XIII–XV vekov*, Moscow, 1998.

Yanin V. L., *Imovolozhe (iz istorii novgorodskokniazheskikh otnoshenii), Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii. Sbornik k 50-letiiu sluzheniia*

Sigurda Ottovicha Shmidta Istoriko-arkhivnomu institutu, Kozlov V. F., ed., Moscow, 2000, 47–50.

Yanin V. L., *U istokov Novgorodskoi gosudarstvennosti*, Veliky Novgorod, 2001.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd ed., Moscow, 2003.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*, 8, Moscow, 1986.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*, 9, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1990–1993 gg., Voprosy iazykoznaniia*, 3, 1994, 3–22.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1990–1995 gg., Srednevekovaa Rus'*, 1, Moscow, 1996, 120–153.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 1998 g., Voprosy iazykoznaniia*, 4, 1999, 3–27.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*, 10, Moscow, 2000.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, 12, Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., *Berestiane dokument XII v. o sbore iugorskoj dani, Yazyk i stikh v Rossii. Sbornik v chest' Dina S. Vorta k ego 65-letiiu*, Birnbaum H., Flyer M. S., eds., Moscow, 1995, 283–290.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Paleografiia berestianikh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, V. L. Ianin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*, Moscow, 2000, 133–429.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskaia grafika so smesheniem " — o и ' — e, “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniu*, Moscow, 2002, 577–612.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, Moscow, 2017.

Zoltan A., *Puti proniknoveniia zapadnorusskoi leksiki v velikorusskii delovoi iazyk v XV v., Iz istorii russkoi kul'tury*, 2, 1: *Kievskaa i Moskovskaa Rus'*, Moscow, 2002, 766–806.

Павел Владимирович Петрухин,

кандидат филологических наук

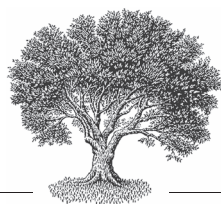
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия/Russia

ppetrukhin@gmail.com

Received October 25, 2018

Donatio Constantini
в славянских
переводах
XIV–XV вв.:
к проблеме их
датировки и
локализации*

**Татьяна Игоревна
Афанасьева**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Donatio Constantini
in Slavic Translations
of the 14th
and 15th cent.:
On the Problem
of Dating and
Localization

Tatiana I. Afanasyeva

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье изучаются два славянских перевода «Константинова дара» XIV–XV вв. в сопоставлении с греческим текстом (в некоторых случаях с латинским оригиналом) с целью установления времени и места их появления. Ф. Томсон считал, что первый славянский перевод был осуществлен в Сербии, второй — в Болгарии, однако проведенное исследование показало, что оба перевода имеют восточнославянское происхождение. Они содержат целый ряд идеологических вставок, на основании которых можно выдвинуть предположение о целях создания славянских версий. Первый перевод был, вероятно,

---

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-18-10137.

Цитирование: Афанасьева Т. И. *Donatio Constantini* в славянских переводах XIV–XV вв.: к проблеме их датировки и локализации // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 109–133.

Citation: Afanasyeva T. I. (2019) *Donatio Constantini* in Slavic Translations of the 14th and 15th cent.: On the Problem of Dating and Localization. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 109–133.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.4

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

сделан при митрополите Киприане и служил авторитетным документом, к которому митрополит мог бы апеллировать при решении спорных вопросов о собирании церковных пошлин в Московской Руси. Второй перевод, на наш взгляд, мог быть выполнен в юго-западной Руси в кругу книжников, оттицавших церковную унию 1439 г.

Ключевые слова

церковнославянские переводы с греческого, текстология, локализация славянских переводов по языковым данным

Abstract

The article studies two Slavic translations of the Donation of Constantine from the 14th and the 15th centuries in comparison with the Greek text (in some cases with the Latin original) in order to establish the time and place of their appearance. F. Thomson believed that the first Slavic translation was made in Serbia, and the second one in Bulgaria, but the study shows that both translations are of East Slavic origin. Both translations have a number of ideological inserts, on the basis of which it is possible to put forward assumptions about the goals of creating them. The first translation was probably made for Metropolitan Cyprian and served as an authoritative source to which the metropolitan could appeal in the matter of collecting church taxes in Moscow Russia. The second translation, in our opinion, could have been made in Southwestern Russia in a circle of scribes denying the Church Union of 1439.

Keywords

Church Slavonic translations from Greek, textual criticism, localization of the Slavic translations, language regionalism

Константинов дар (далее — КД) — подложный дарственный акт на латинском языке (*Constitutum Constantini* или *Donatio Constantini*). Он состоит из двух частей: *Confessio* (исповедание) и *Donatio* (дарение), и написан якобы императором Константином Великим римскому папе Сильвестру, которому он передает верховную власть в Римской империи. Этот уникальный фальсификат, созданный в VIII–IX вв. [Furmann 1966: 65–92], долгое время воспринимался как реальный исторический документ и был неоднократно переведен на греческий язык. Трактат о подложности этого документа в 1441 г. написал итальянский гуманист Лоренцо Валла, подлинность КД отрицалась и некоторыми греческими авторами XV в. [Павлов 1896: 37–38], но на Руси этот памятник вплоть до XVIII в. воспринимался как подлинное послание императора Константина.

В Константинополе текст КД стал известен в XI в., его первый перевод на греческий язык был неполным: он содержал только вторую часть *Donatio* и входил в толкования Феодора Вальсамона на одну из глав Номоканона XIV титулов. В дальнейшем версия Феодора Вальсамона стала переписываться отдельно от Номоканона, в частности, в

алфавитной Синтагме Матфея Властаря. Славянский перевод КД в составе Синтагмы был осуществлен южными славянами в славянских монастырях Афона во второй половине XIV в. [Alexandrov 2012: 59–76] и на Руси был известен только в составе этого сборника. Полный перевод КД, включавший *Confessio* и *Donatio*, был сделан, по мнению Д. Меркати, ученым-греком, латинистом, сподвижником Иоанна Кантакузена Димитрием Кидонисом в период 1369–1371 гг. во время его пребывания в Италии [Mercati 1931: 162–165; Petrucci 1962: 151–160]. Перевод Кидониса был широко распространен в Византии, к нему близка версия, которая была в распоряжении Андрея Хрисоверга и читалась на Флорентийском соборе 1439 г. [Angelov 2009: 102–104]. С версии Димитрия Кидониса были сделаны рассматриваемые нами славянские переводы [Ibid.: 102].

Греческий перевод Димитрия Кидониса, как установил Е. Петруччи, известен в следующих рукописях: *Vat.gr.1102* (XIV в.), ff. 77–82v; *Vat.gr.614* (XIV в.), ff. 76–79; *Vat.gr.778* (XIV–XV в.), ff. 567–565; *Vat.gr.789* (XIV–XV в.), ff. 185–192; *Vat.gr.973* (нач. XVI в.), ff. 39–48v и *Vat.Ottob.gr.309* (нач. XVI в.), ff. 1–18 [Petrucci 1962: 56–57]. Рукопись *Vat.gr.1102* является автографом Димитрия Кидониса, т. е. написана до 1398 г. [Mercati 1931: 163–164; Petrucci 1962: 56–57, 151–152]. Кодекс *Vat.Ottob.gr.309* был опубликован А. С. Павловым, списки *Vat.gr.1102*, *Vat.gr.614*, *Vat.gr.789* доступны на сайте Ватиканской библиотеки¹, однако их копии опубликованы в очень плохом качестве. Полного критического издания греческого текста, где были бы учтены все списки, не существует [Дунаев 2013].

Изучение славянской версии КД было начато А. С. Павловым, впервые напечатавшим один из переводов этого памятника по рукописи 80-х гг. XV в. из собрания В. М. Ундольского № 1 (далее *Унд.1*) [Павлов 1896]. Павлову был также известен и другой список КД *Унд.1302*, в котором, по его мнению, содержался другой, более ранний перевод. Оба перевода вполне ясные, во многом близки друг другу по технике. Возможно, они делались с незначительным временным промежутком, но в разной среде. Павлов указал на то, что в первом переводе имелись идеологические вставки в тексте. Для издания он выбрал второй перевод и предположил, что его прототип следует признать южнославянским. В качестве аргументов им были приведены различные лингвистические приметы: написание *цараско* (вм. *царьско*), *честь* (вм. *часть*), отражение мены юсов и южнославянская лексика *надра*, *оприснии*, *оужаство* [Павлов 1896: 58–59].

А. И. Плигузов нашел и опубликовал список первого перевода, сохранившийся в более ранней рукописи, чем известная А. С. Павлову, — ГИМ, *Музейск.1009* 10–20-х гг. XV в., что позволило предложить датировку первого перевода периодом конца XIV в. — начала XV в. [Плигузов

¹ DigiVatLib: <https://digi.vatlib.it/>

1988]. Ф. Томсон предположил, что первый перевод был сделан в Сербии, тогда как другой перевод из рукописи *Унд.1* — болгарский. Основанием для такой локализации, по мнению Томсона, служит меньшая буквальность в сербском переводе. В дальнейшем в русской рукописной традиции оба перевода стали смешиваться, и эта смешанная версия зафиксирована в печатной кормчей 1653 г. [Thomson 1995: 67–70].

А. А. Турилов впервые высказал мнение, что перевод в рукописи *Музейск.1009* — русский или отредактированный в русской среде. Данное мнение основано на лексическом русизме «пошлина», а сам перевод мог быть выполнен при митрополитах Киприане или Фотии [Турилов 2017: 9–10]. Задача данной статьи — локализовать славянские переводы по текстологическим и лингвистическим данным и попытаться выяснить причины их появления.

Списки славянских переводов Константинова дара

В настоящее время нами выявлено 27 списков КД, и все они русские по происхождению². Ни одного южнославянского списка обнаружить не удалось. В таблице ниже использованные нами рукописи распределены по переводам и редакциям согласно классификации А. С. Павлова.

1-й перевод	2-й перевод	смешанная редакция
<i>Музейск.1009</i> (20-е гг. XV в.) <i>Овчин.252</i> (посл. треть XV в.) <i>Унд.1302</i> (посл. треть XV в.) <i>Овчин.156</i> (кон. XV в. — нач. XVI в.) <i>Волок. 558</i> (кон. XV в. — нач. XVI в.) ³ <i>Ф.П.251</i> (2-я четв. XVI в.) <i>Увар.482</i> (2-я пол. XVI в.) <i>45.10.4.</i> (2-я пол. XVI в.) <i>Барс.166</i> (XVI в.) <i>Q.XVII.178</i> (20–30-е гг. XVII в.) <i>Погод.1586</i> (XVII в.) <i>Погод.1589</i> (XVII в.)	<i>Унд.1</i> (80-е гг. XV в.) <i>РГИА ф.832, оп.2 №1305</i> (70-е гг. XV в. — нач. XVI в.) <i>Увар.530 4°</i> , XVII в. <i>Погод.1558</i> (XVII в.) сокращенная версия этого перевода представлена в канонниках: <i>Син. 468</i> (1457 г.), <i>Мазур.651</i> (1600–1601 г.) <i>ТСЛ.284</i> (нач. XVII в.)	<i>Егор.156</i> (1520–1530 гг.) <i>ТСЛ.783</i> (сер. XVI в.) <i>ТСЛ.790</i> (XVII в.) <i>Погод.1577</i> (XVII в.) <i>Соф.1208</i> (XVIII в.) <i>Вахрам.92</i> (XVII в.) <i>Тит.2752</i> (XVIII в.) <i>МДА.200</i> (XVIII в.)

² Выражаю глубокую благодарность Д. Г. Полонскому, предоставившему мне сведения о некоторых списках этого памятника.

³ Благодарю А. В. Духанину за помощь в уточнении датировок рукописей *Унд.1302* и *Волок.558*.

Как видно из приведенной выше таблицы, списки первого перевода (12 ед. хр.) количественно превосходят списки второго (4 ед. хр.). С конца XV в. первый перевод входит в сборник устойчивого состава «Книги законные», самый ранний список этого сборника, содержащий КД, — *Овчин.156* — датируется концом XV в. — началом XVI в.⁴ Текст активно переписывается как в составе этого сборника (*F.II.251; 45.10.4; Увар.482; Q.XVII.178; Барс.166*), так и вне его; в таких рукописях его конвоем часто выступают антилатинские тексты.

Второй перевод появился не позднее 1457 г., так как этим годом датируется список его сокращенной редакции, представленной в каноннике *Син.468*. Эта редакция содержит предисловие грамоты, в котором Константин говорит о том, что он хочет всем рассказать о своем пути к христианской вере. Отметим, что древнейшие полные списки данного перевода отмечены в двух сборниках, созданных в среде книжников-интеллектуалов 70–80-х гг. XV в.: это *Унд.1*, написанный Иваном Черным в 1482–1483 гг. [Клосс 1971] и *РГИА ф. 832, оп.2, № 1305*, принадлежащий ученику Ефросина Белозерского Сергею Климину. В последней рукописи первые два листа КД написаны на бумаге не позднее 70-х гг. XV в., остальные листы восстановлены сотрудниками Сергея Климина [Новикова 2013: 114–115].

Что касается смешанной редакции, совмещающей чтения обоих переводов, то самый ранний список, ее содержащий, — кормчая Нифонта Кормилицына (*Егор.156*) [Корогодина 2017, 2: 225–239]. Не исключено, что инициатива составления смешанной редакции принадлежит именно ему. Эта проблема не будет рассматриваться в данной статье.

Сравнение обоих славянских переводов с греческим оригиналом позволило выделить важные текстологические и языковые особенности, которые могут свидетельствовать о месте, времени и целях его перевода. В обоих славянских текстах существует целый ряд идеологических вставок, поэтому их следует считать не простыми переводами, а славянскими версиями КД. О некоторых вставках в первом переводе упомянул А. С. Павлов [1896: 39], но не описал их. Мы остановимся на них отдельно.

Идеологические вставки в первом славянском переводе

Слово *пошьлина* в первом переводе упомянул Ф. Томсон, но не придал ему никакого значения [Thomson 1995: 69–70]. На то, что это русизм, и он может свидетельствовать о русском происхождении перевода, впервые указал А. А. Турилов [2015]. При сравнении славянских версий с греческим текстом выяснилось, что в первом переводе слово *пошьлина*

⁴ Благодарю М. В. Корогодину, обратившую мое внимание на КД в этом типе сборника.

встречается три раза, и ни в одном случае ему нет ни греческих, ни латинских параллелей. Приведем эти контексты:

Музейск.1009 (л. 86)

ѣже црѣвѣмъ всѣмъ по
вселеннѣи и сдержанъа
ради и крѣпости свѣтлостми
оукрасихомъ . сѣажанъа
земли села езера пошлынны
счетавшѣ дахомъ.

Унд.1 (с. 74)⁵

ѣже црѣви многими
свѣтлыи и свѣщамми
земли же и винограды
и сады придахомъ

Vat.Ottob.gr.309 (f. 73)⁶

Αἷς ἐκκλησίαις ὑπὲρ
συνεχείας φωτῶν
κτῆματα καὶ ἀγροὺς
συνηγέχαμεν.

В данном примере греческое предложение переводится следующим образом: 'церквям на содержание светильников мы преподнесли имущество и поля'. В латинском оригинале данный пассаж выглядит так: *quibus pro concinnatione luminarium possessionum praedia contulimus, et rebus diversis eas ditavimus*⁷ ('которым мы принесли на содержание светильников и дали им различные вещи'). Оба славянских перевода передают греческое предложение с искажением, переводя ἀγροὺς (поля) как «села и езера» или «винограды и сады». При этом в первом переводе добавлено предикативное причастие с зависимым словом пошлынны считавшѣ ('собрать, сосчитать пошлины'), которого нет ни в греческом, ни в латинском тексте. Первый перевод в результате получает следующий смысл: 'мы украсили светильниками церкви по всей вселенной для обеспечения их могущества и, собрав пошлины, дали им имущество, земли, поля, озера'.

Музейск.1009 (л. 88^в)

сна оубо всѣѣ ѣже ради
бѣствнаго и многоаго
оуставленъа и нашимъ
свѣщнымъ писаньемъ
оутвержена и повелѣна
быша даже до скончанъа
мира сего ѣже по всен
вселеннѣи даныа сѣамъ
црѣквына пошлынны
неприкосновенна и
неколѣблема пребывати
повелѣваемъ

Унд.1 (с. 80)

сѣѣ оубо всѣѣ ѣже
сѣщеннымъ нашимъ
симъ писаніемъ и
инѣми бѣжствными
сѣсоуды повелѣна же
и оукрѣплена даже до
скончаніа мироу

Vat. Ottob.gr.309 (f. 78)

ταῦτα τοῖνυν πάντα
τὰ διὰ τῆς ἱερᾶς ἡμῶν
ταύτης γραφῆς καὶ
ἄλλων ψηφισμάτων
ὀρισθέντα τε καὶ
βεβαιωθέντα μέχρι τῆς
τοῦ κόσμου συντελείας

неприкосновена и
непоколебима прѣбывати
оуставляемъ

ἄφαστα καὶ ἄσειστα
διαμένειν θεσπιζομεν.

⁵ Рукопись цитируется по изданию [Павлов 1896: 59–82].

⁶ Рукопись цитируется по изданию [Павлов 1896: 59–82], и ее чтения проверяются по другим спискам, доступным на сайте Ватиканской библиотеки.

⁷ Латинский текст приводится по интернет-изданию <http://www.thelatinlibrary.com/donation.html>

Во втором примере к фразе «все это утвержденное нашим божественным и священным постановлением мы повелеваем держать неприкосновенным и незыблемым до скончания мира» имеется добавление **также по всей вселенной даныя сѣмь црѣквыны пошлины** ('пошлины, данные архиереям по всей вселенной'), отсутствующее во втором славянском переводе, а также в греческих и латинских текстах.

Рассмотрим еще один пространный пассаж:

Музейск.1009 (л. 86–86об.)

и бѣжтвеннымъ вашимъ
повелѣньемъ
на восточныхъ и западныхъ
и оужныхъ странахъ
въ иудѣи гавлаи во асини
въ фракии въ еладѣ въ
африкии въ италии и в
различныхъ острова
и по/ всен вселенѣи
идеже православнии кнѣзи
и властели под нами
облагодають
нашего освобождения и волю
имъ оутвердивше дахомъ
владати сѣмь
и никаковому мирскому
сану смѣяти прикоснути
црѣквыны пошлины
бѣмъ закланнаемъ и
нашимъ повелѣньемъ
оутверждаемъ непреложно
и сблюдено быти даже до
скончания вѣка сего.

Унд.1 (с. 74–75)

и нашимъ црскымъ и
бѣжтвеннымъ повелѣньемъ
на вѣстѣмъ оубо и на
западѣ на полунощи же и
полоуденноу страну
въ иудеи же и асини
фракии же и
еладѣ африкии же и италии
и въ различныхъ острова

нашего имъ
освобождения
възвѣщаемъ

Vat.Ottob.gr.309 (f. 73)

καὶ ἡμετέρω βασιλικῷ
καὶ θεῷ προστάγματι
ἐν τε τῇ ἀνατολῇ καὶ
τῇ δύσει τῷ τε ἀρκτώ
καὶ μεσημβρινῷ κλίματι
ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ δηλαδὴ,
τῇ Ἀσίᾳ, τῇ Θράκῃ,
τῇ Ἑλλάδι, τῇ Ἀφρικῇ
καὶ τῇ Ἰταλίᾳ καὶ
ταῖς διαφόροις νήσοις,

τὴν ἡμετέραν αὐτοῖς
ἐλευθερίοτητα
ἀπενείμανεν.

Греческий перевод латинского предложения ('et per nostras imperialium iussionum sacras tam in oriente quam in occidente vel etiam septentrionali et meridiana plaga, videlicet in Iudaea, Graecia, Asia, Thracia, Africa et Italia vel diversis insulis nostram largitatem eis concessimus') имеет следующий смысл: 'и нашим царским и божественным установлением как на востоке, так и на западе, на юге и на севере, а также в Иудее, в Азии, во Фракии, в Греции, в Африке, в Италии и в различных островах, и по всей вселенной мы дали наш щедрый дар'. В латинском оригинале, однако, есть продолжение этой фразы, опущенное в греческом тексте, на что

обратил внимание А. С. Павлов: «*ea prorsus ratione, ut per manus beatissimi patris nostri Silvestrii pontificis successorumque eius omnia disponantur*» ‘мы предоставили им наш щедрый дар, таким именно образом, чтобы всем распоряжался блаженнейший отец наш, понтифик Сильвестр, и его преемники’)⁸. Пропуск этого фрагмента имеется в автографе Дмитрия Кидониса *Vat.gr.1102*, а также в рукописях *Vat.gr.614*, *Vat.gr.789* и во всех славянских переводах.

В первом славянском переводе к рассмотренному выше пространному пассажи добавлено важное распоряжение, которого нет во втором переводе и греческом тексте: ‘и мы закликаем Богом и нашим постановлением никакому мирскому чину не сметь прикасаться к этим пошлинам, и это должно быть соблюдено до скончания века’.

Собирание церковных пошлин в Древней Руси было узаконено князем Владимиром, установившим т. н. «десятину», которая, по мнению Я. Н. Щапова, была местной формой налогообложения у славян, корнями уходящей в дохристианскую традицию собирания денег на языческие святилища [Щапов 1965: 315–326]. В дальнейшем данный способ налогообложения в пользу церкви был трансформирован и в XII в. заменен подворной податью с земель, принадлежащих церкви [Голубинский 1911: 95].

Первый перевод, возможно, был выполнен в киприановское время, потому что за 15 лет борьбы за митрополичий престол (1375–1392), в которую оказался втянут митрополит Киприан, сбор церковных пошлин заметно уменьшился. С 90-х годов XIV в. усилия Киприана были направлены на возвращение церкви и закрепление за нею ее собственности. Свидетельством его стараний является текст соглашения, датированный до февраля 1382 г., об обмене землями между Киприаном и великим князем Василием Дмитриевичем. К 1395 г. относится грамота Киприана к новгородскому архиепископу Иоанну, направленная на провозглашение неприкосновенности церковной собственности, в частности, владений Новгородского архиерейского дома: «погосты, и села, и земля, и воды со всеми пошлинами, что потягло при первых владыках, так и нынеча потянуть к Святей Софьи». Вместе с этим Киприан настаивал на покорении и послушании священников и игуменов архиепископу и подчинении его суду [Флоря 2015]. Отмеченные нами вставки, видимо, были нацелены на то, чтобы Киприан в своей деятельности мог апеллировать к весьма авторитетному источнику — грамоте царя Константина, который щедро одаривал церковь за счет собирания пошлин в ее пользу.

Отметим еще ряд важных чтений в приведенном отрывке, позволяющих локализовать первый перевод. Из приведенного контекста видно,

⁸ [Павлов 1886: 69]. Выражаю благодарность коллеге А. А. Ветушко-Калевичу за помощь в переводе латинского пассажа из КД.

что перевод имеет важные отступления от оригинала. Во-первых, при перечислении стран света во всех списках первого перевода пропущена северная страна: **на всточныхъ и западныхъ и оужныхъ странахъ**. Второй перевод в этом месте верен греческому тексту. Отсутствие одной из четырех стран света, на наш взгляд, можно трактовать как то, что автор перевода находился и смотрел на христианский мир с северной его части, каковою в это время являлись русские земли.

Во-вторых, вставка **и по всен вселенѣи идеже православнии кнѣзи и властели под нами облагодѣють** говорит о том, что речь идет о Руси, где правителями тогда были православные князья. Глагол **облагодѣти**⁹ не зафиксирован в исторических словарях, однако известно причастие от него **облагодѣнъ** — ‘быть похваленным’, — содержащееся в единственном памятнике «Наказание Илариона к отрекшимся от мира», приписываемое митрополиту Иллариону Киевскому [СДрЯ, 5: 485]. В русских памятниках XVI–XVII в. имеются также причастие **облагодѣмыи** со значением ‘тот, кому покровительствуют’ и существительное **облагодѣтель** ‘благодетель’ [СРЯ XI–XVII, 12: 63]. Вставка должна быть переведена следующим образом: ‘и по всей вселенной, где православные князья и властители находятся под нашим покровительством’. Несомненно, цель этой переводческой вставки — указать на то, что царь Константин ценил и благоволил к православным правителям.

Приведем еще один пример переводческой вставки.

Музейск.1009 (л. 88^{об.})

предъреченному бѣжнму ѿцю
нашему силвестру зворномуу
папѣ предаючи и ѿступяюциса
ему и вѣѣмъ иже по немъ
бываемымъ сѣлмъ
и по всен вселенѣи идеже
православнаа вѣра обдержитъ
владанье и сѣдъ держати
ради бѣствнаго и нашего сего
сдипаннаго оутверженьа
повелѣваемъ оустраити
правду сен цркви римскон
подлежащен и превываема
подаваемъ быти.

Унд.1 (с.79–80)

реченому
влаженнѣишемоу ѿѣ
силвестроу съѣворномуу
папѣ прѣдавше и
съшедше сѣлмъ
власти и сѣдоу
бжтвнымъ нашимъ
и дѣлнымъ симъ
законоположенемъ
повелѣваемъ прѣбывати
намѣстникоу сѣѣи
римскон цркви
подълежаща и
прѣбывающа ѿдаваемъ.

Vat.Ottob.gr.309 (f. 77–78)

εἰρημένῳ μακαριωτάτῳ
πατρὶ ἡμῶν Σιλβέστρου,
τῷ καθολικῷ πάπα
παραδιδόντες καὶ
ἐξιστάμενοι τῇ τοῦτου
καὶ τῶν αὐτοῦ διαδόχων
ἀρχιερέων
ἐξουσίᾳ καὶ ψήφῳ,
διὰ τοῦ θεοῦ ἡμῶν
πραγματικοῦ τοῦτου
θεσπίσματος
ὀρίζομεν διοικεῖσθαι
τῷ δικαίῳ τῆς ἀγίας τῶν
Ρωμαίων ἐκκλησίας
ὑποκεισόμενα καὶ
διαμενοῦντα παρέχομεν.

⁹ А. И. Плигузов при публикации КД по списку *Музейск.1009* отметил, что чтение **облагодѣють** ошибочно, его следует заменить на **обладають** [Плигузов 1988: 821].

Из приведенного пассажа видно, что в первом переводе имеется вставка и по всен вселенѣи идеже православнаа вѣра обдержитъ. Она созвучна интерполяции, приведенной выше, и также была призвана усилить позиции православия и указать на приверженность императора Константина к восточно-христианским странам.

Приведенные примеры вставок в первом переводе приводят нас к следующим выводам. Несомненно, в переводе памятника было заинтересовано лицо, которое имело отношение к собиранию церковных пошлин: именно эти интерполяции не имеют греческих и латинских параллелей. Во-вторых, в переводе усилена роль православных князей, что позволяет выдвинуть предположение о русском происхождении перевода.

Идеологические вставки во втором славянском переводе

Второй перевод также несвободен от интерполяций: здесь есть одно большое добавление в конце текста, не прокомментированное Павловым. Оно отсутствует в первом переводе и в греческом оригинале. К пассажи о дарении земель и власти папе Сильвестру и Римской церкви во втором переводе добавлен следующий текст [Павлов 1896: 81–82], который мы даем параллельно с нашим переводом на русский язык (в квадратных скобках приведено предложение, к которому относится вставка):

[ради заповѣдехъ нашихъ (!)
оставихомъ и блжену оцю нашему
силивестру зворному папѣ]
такоже же нгѣмъ четьремъ
патриаршьскимъ прѣстоламъ коемуждо
предѣлоу чьстныхъ ради аплъ и учнкъ
хвѣхъ византїнскомоу егоже въ свое
имѣ прѣименовахъ андреа ради апла
іако много потроудившася къ
бѣгорузюмїю тѣхъ привести и цркви
въдрозити православныхъ такоже и
александрїскомоу марковоу прѣемникоу
и антиохїнскомоу лчиноу настолнику
и ерїйскомоу іакову брата гнѣ .
коемоуждо въ своеѣмъ прѣдѣле
подобающѣмъ чьсть подаемъ и наши
прѣемници до вѣка . такоже же всѣмъ
црквамъ хвѣмъ архїепїскупїамъ и нхъ
настолникомъ чьсть сами даемъ и наши
прѣемници и велици сатрапы іако
слоужителямъ бжїимъ и прѣемникомъ
хвѣмъ аплъ .

[согласно нашим обещаниям, мы оставили блаженному отцу нашему Сильвестру соборному папе],
а также и другим четьрем патриаршим престолом, каждому из четырех пределов, названных по имени апостолов и учеников Христовых: византийскому, который я переименовал в свое имя ради апостола Андрея, много потрудившегося, чтобы привести этот народ в богоразумие и построить православные церкви, также александрийскому престолу — преемнику Марка, антиохийскому — преемнику Луки и иерусалимскому — Иакова брата Господня. Каждому в его области мы, наши преемники и великие сатрапы воздаем подобающую чьсть, а также всем церквам Христовым, архиепископиям и их главам как служителям Божиим и преемникам Христовых апостолов.

и сице творите и съблюдите яко да не прѣдреченно тѣлѣсти подпадете и славы бжїа лишени боудете.	Делайте так и будьте бдительны, чтобы не впасть в вышеописанную беду и не лишиться славы Божией.
---	--

Цель данной вставки — показать, что царь Константин высоко ценил все древние христианские престолы и свои дары он передал всем им, а не только Римской церкви. Перечисление древних христианских кафедр начинается с «византийской», которую Константин назвал своим именем благодаря Андрею Первозванному. Этот пассаж гармонирует с еще одним пассажем во втором переводе, на который обратил внимание А. С. Павлов: при перечислении древних восточных христианских кафедр второй перевод ставит константинопольский престол на первое место [Павлов 1896: 39–40]. Вот этот фрагмент по славянским переводам и греческому тексту:

<i>Музейск.1009</i> (л. 84об.)	<i>Унд.1</i> (с.72)	<i>Vat. Ottob.gr.309</i> (f.71)
и еше же рассуѣающѣи повелѣваемъ власть же имѣти на израдныа четыре пр(с)тлы <u>антнохінскаго</u> <u>александринскаго</u> <u>константинѣградскаго</u> <u>нер(с)лмскаго</u>	еще же оуставляюще оузаконополагаемъ начальство имѣти на израднѣишихъ четырехъ прѣстоулѣхъ <u>константинѣполскаго гл҃а</u> <u>александринскаго</u> <u>антнохінскаго и</u> <u>іероусалимьскаго</u>	Ἐτι δὲ ψηφίζόμενοι θεσπίζομεν ἀρχὴν ἔχειν ἐπὶ τοὺς ἑξαίρετους τέσσαρας θρόνους, τὸν Ἀντιοχείας, τὸν Ἀλεξανδρείας, τὸν Κωνσταντινοπόλεως καὶ τῆς Ἱεροσαλῶμων

Из приведенного примера видно, что христианские кафедры во втором переводе идут в том же порядке, что и в примере, рассмотренном выше. Это совпадение нам не кажется случайным. Несомненно, что составитель второй славянской версии указывал на иерархию христианских кафедр, принятую на II Вселенском соборе в Константинополе (381 г.), на котором кафедра Константинополя («нового Рима») была поставлена на второе место после Рима (Правило № 3). Этот же порядок следования кафедр в православной традиции трактуется как подтвержденный 28 правилом IV Вселенского собора в Халкидоне (451 г.). В латинском оригинале и греческом переводе Димитрия Кидониса, как видно из приведенных контекстов, данные изменения отсутствуют и в автографе, и в позднейших списках. Все греческие переводы КД, начиная с перевода Феодора Вальсамона и кончая особой греческой версией КД, которую Андрей Хрисоверг читал на Флорентийском соборе 1439 г. (издание: [Boese 1965: 586–592]), не изменяли порядок следования христианских кафедр. Более того, в версии Феодора Вальсамона Константинополь поставлен на последнее место [PG 104: 1077].

А. С. Павлов объясняет, почему документ, казалось бы, направленный против греков (где папа объявляется главой всех Церквей в мире, а патриарх Константинополя ставится на предпоследнее место) на Востоке воспринимали как подлинную грамоту царя Константина: греки считали, что статус кафедры определяется политическим значением города. Константинополь имел с Римом равные права, потому что в этот город, «новый Рим», переехал сам император Константин. Халкидонский собор в 28 правиле предоставил константинопольскому епископу в трех восточных диоцезах такие же права власти, какие принадлежали римскому епископу в западных землях. Таким образом, «грамота Константина Великого, очевидно, получала на востоке совсем другой смысл, чем какой имела она на западе: здесь она обращала церковь в государство, наделяя папу всеми атрибутами верховной мирской власти, а там ставила государство над церковью, давая императору титул и права верховного правителя и вершителя церковных дел» [Павлов 1896: 36]. Из вышесказанного видно, что грекам изменение порядка следования кафедр в тексте КД не требовалось, поэтому во всех версиях их нет. Смена порядка, скорее всего, была сделана на славянской почве.

Отметим, что подобный порядок перечисления христианских кафедр мы находим в древнерусском переводе грамоты Флорентийского собора 1439 г., однако смысл в перечислении престолов в ней совсем иной. Здесь указывается, что именно Римский престол признается первым, а Константинопольский следует за ним. Приведем этот фрагмент по рукописи *Погод.1572* (л. 100об.): «такое еже по преданью правилному да имуть оустав честнѣишая братья наша патриарси: патриарх Костантинаграда вторый по римском . третій александрскы . четверты антиохискыи . патыи иерусалимский во всѣхъ своих мѣстѣх и законех стояти имѣти их исполнена во всем». Данная грамота входила в так называемый Малый Флорентийский цикл, самую раннюю подборку текстов о Ферраро-Флорентийском соборе, послужившую протографом для дальнейшего комплекса текстов, посвященного описанию этого исторического события [Новикова 2010: 70–72].

Не был ли второй перевод КД контраргументом грамоты Флорентийского собора 1439 г., ведь смысл в ней полностью противоположный: царь Константин одаривал все христианские престолы, и в первую очередь константинопольский? В таком случае второй перевод мог быть выполнен как апелляция к грамоте собора и в этом случае был призван предложить к прениям о примате папы другой очень авторитетный документ — грамоту императора Константина Великого. Греческая версия КД зачитывалась на Флорентийском соборе 1439 г. [Gill 1964: 254; Pliukhanova 2008: 210], а рассматриваемая славянская версия, возможно, была реакцией на грамоту Флорентийского собора.

На наш взгляд, о славянском происхождении приведенной выше вставки может свидетельствовать глагольная форма 1 лица ед. числа **прѣименовахъ**, тогда как в основном тексте, прежде всего в части *Donatio*, Константин говорит о себе в 1 лице мн. числа — **потѣахомъса, расѣдихомъ, въздвигохомъ**. Исключением могут служить только нарративные пассажи из первой части *Confessio*, где Константин описывает свое чудесное исцеление от проказы. В постановительной же части грамоты, в которой даются распоряжения государственного характера, употреблены формы 1 лица мн. числа согласно римской и впоследствии византийской традиции царских и патриарших грамот.

Использование 1 лица ед. числа может свидетельствовать в пользу славянского происхождения вставки: на Руси и у южных славян указанного выше протокола в посланиях правителей не было. Митрополит Киприан, к примеру, всегда пишет свои послания от 1 лица ед. числа: «Язъ, божѣимъ произволениемъ... поставленъ есмь; поѣхал есмь былъ; сего ради и азъ Кипріан [...] далъ есмь сию грамоту» [РИБ 6: 173, 230]. Такое же употребление находим в посланиях митрополита Фотия: «Хощу оубо о семь явити, молю же васъ, возлюбенніи» [РИБ 6: 318, 320]. Болгарские цари XIV в. в своих грамотах также говорят о себе в 1 лице ед. числа. Так, царь Иоанн Александр в грамоте Зографскому монастырю 1342 г. говорит о себе: «бѣъ мои іс хъс ... посади ма на пр(с)тль блъгарскаго црѣства», царь Иоанн Шишман в грамоте Рыльскому монастырю пишет «блгоизволи црѣство ми даровати» [Ильинский 1911: 22, 24, 26]. В грамотах сербских правителей чаще используется форма 1 лица ед. числа, но периодически появляется и форма мн. числа. Например, в послании деспота Стефана дубровчанам от 1425 г. находим обе формы: «Милостію Божіею господинь срьблемь деспоть Стефан мудримь и почтенѣмь и нашѣмь драгимь приятелемь владущому града Дубровник кнезу...», но несколькими строками ниже «давамь знати вашему племеньству...» (форма 1 л. ед. числа) и далее «намь су послужили право и вѣрно...» [Младеновић 2007: 84]. В послании болгарского патриарха Евфимия Тырновского мниху Киприану встретилось обозначение автора через 1 л. мн. число: «Сѣло насъ обрадоваль еси своимъ писаніемъ, нъ понеже своим насъ оубѣдиль еси писаніемъ» [Kałużniacki 2010: 439–441]. Из приведенных примеров можно заключить, что римская и византийская форма мн. числа в царских и патриарших грамотах в южнославянской традиции на рубеже XIV–XV вв. только начинает появляться, но используется редко, а в русской традиции полностью отсутствует. Именно поэтому употребление 1 лица ед. числа во вставке также может свидетельствовать о ее славянском происхождении.

Локализация славянских переводов по лексическим данным

Самым ярким русизмом в изучаемых переводах является термин **пошлына** в значении ‘налог, подать’ (его более раннее значение — ‘обычай’ — здесь не рассматривается), и он не имеет параллели в оригинале и во втором переводе. В словарях старославянского языка данное слово не отмечено, в этом терминологическом значении используются слова **мъзда** и **мыто** [SJS II: 252, 249], последнее как юридический термин сохраняется в современном болгарском и украинском языках. По данным исторических словарей русского языка, **мыто** и **пошлына** нередко используются параллельно, но последний термин представлен исключительно древнерусскими деловыми документами, прежде всего грамотами, причем время его появления можно отнести к началу XIV в., когда оно впервые фиксируется в новгородской грамоте 1307 г. [СДрЯ, 7: 415]. **Мыто**, напротив, представлено в словарях более ранними контекстами, а также переводными памятниками, например, Пандектами Никона Черногорца, Житием Варлаама и Иоасафа [СДрЯ, 5: 85]. По-видимому, юридический термин **пошлына** использовался в рассматриваемый период как сугубо деловой и региональный юридический термин северо-западной и северо-восточной Руси.

К русизму **пошлына** первого перевода можно добавить еще несколько. На первом месте дается чтение первого перевода по рукописи *Музейск.1009*, на втором — второго перевода по *Унд.1*. Греческий вариант приводится по изданию А. С. Павлова.

1. **подводы** — ὀχήματα

и мѣрмѣ повелѣхъ ѿдати своа имѣ чада **подводы** повелѣхъ имѣ дати и дары : мѣрмѣ повелѣхъ ѿдати чада **кони** оубо подати и дары — ταῖς μητράσιν ἐπετάξαμεν ἀποδοῦναι τὰ τέκνα ὀχήματα τε δοῦς καὶ δῶρα

В первом переводе употреблен русизм **подъвода** — ‘вьючная лошадь’ [СРЯ XI–XVII, 15: 236], ‘телега с лошадьми’ [Срезневский II: 1052; СДрЯ, 6: 546], известные по различным древнерусским грамотам XV–XVI вв. Во втором переводе ему соответствует нейтральная лексема **кони**, которая не дословно, но метонимически переводит греческое слово ὀχήμα (‘повозка, колесница’).

2. **на послѣдокъ** — ὕστερον

на послѣдокъ посла и єднороднаго своего сѣна : **послѣди** же пославъ и єднороднаго своего сѣна — ὕστερον ἀπέστειλε καὶ τὸν μονογενῆ αὐτοῦ ὕδον

Наречие **на послѣдъкъ** отмечено в старославянском языке в соответствии с греческим ἐπ'εσχάτον [SJS III: 188] и в исторических слова-

рях¹⁰ представлено несколькими старославянскими контекстами — Пандектами Антиоха и Премудростью Иисуса сына Сирахова по Изборнику 1076 г., причем в последнем данное наречие употреблено один раз наряду с другими его вариантами *послѣди* и *послѣже* [Изборник 2009, II: 404]. Все остальные примеры его употребления иллюстрируются восточнославянскими переводными и оригинальными произведениями: Хроникой Георгия Амартола, Житием Варлаама и Иоасафа, Словом о скороминувшем житии Кирилла Туровского по Златой цепи, Повестью о Царьграде, Житием протопопы Аввакума [СДРЯ, 7, 17: 263; СРЯ XI–XVII, 19: 189]. Видимо, это южнославянское по происхождению наречие рано укрепилось в русской письменности, стало воспроизводиться в оригинальных памятниках и сохранилось в современном русском языке. Кроме того, данное наречие образовано от существительного мужского рода и имеет деминутивный суффикс -ѣк, характерный для древнерусских переводов домонгольского времени [Пичхадзе 1998: 480–481]. Во втором переводе употреблено нейтральное церковнославянское наречие *послѣди*.

3. *κληροσανε* — *κληρικοί*

ѣпѣ града сего силвестръ ѿ гоненнѣ твоего вѣгаеть в пещерахъ каменныхъ со своими κληροσανѣ в горѣ серептенскон крыса : иже града сего епѣ силвестръ твоего гоненѣ вѣгаа въ пропастьехъ каменныхъ съ своими крытсѣ κληрики в горѣ соропти — Ὁ τῆς πόλεως ταύτης ἐπίσκοπος Σιλβέστρος τοὺς соὺς διωγμοὺς φεύγων, ἐν ταῖς ὀπαῖς τῶν πετρῶν μετὰ τῶν ἰδίων κρύπτεται κληρικῶν ἐν τῷ ὄρει Σορρέπτε.

семѹ же бывшю по семѹ κληροшаномѹ возложившимъ на мнѣ рѹки своѣ : таже κληрикомѹ вѣзложивши на ма рѹкы — εἶτα τῶν κληρικῶν ἐπιθέντων μοι τὰς χεῖρας.

еще же оубо чѣстѣишихъ мѹжѹ κληροшанѹ иже по различныа чины тѣмъ свѣщенѣмъ и сѣмъ римскон цркви слѹжащѣмъ : чѣстѣишимъ же мѹжемъ κληрикомѹ въ различныхъ чинохъ тѣмъ сѣмъ и сѣмъ римскон цркви рабѣмъ — τοῖς γε μὴν αἰδεσιμωτάτοις ἀνδράσι τοῖς κληρικοῖς τοῖς κατὰ διαφόρους τάξεις ταύτη τῇ ἱερᾷ καὶ ἀγίᾳ τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ δουλεύουσιν.

аще кто ѿ великаго и славнаго нашего црства велмѹжѹ всхоцетъ блгоговѣнымъ κληροшаномѹ причѣтатисѣ : аще кого ѿ прѣвзѣтыхъ нашего сингнѣта вѣсхоцетъ къ блгоговѣннымъ κληрикомѹ съпричѣсти — εἰ τινα τῶν τῆς περιφανοῦς ἡμῶν συγχλήτου βουληθεῖν τοῖς εὐλαβέσι κληρικοῖς συναριθμεῖσθαι.

¹⁰ В словаре Ф. Миклошича [Miklosich 1862–1865: 635] данное слово представлено в соответствии с греч. εἰται несколькими примерами, однако ссылки нередко приведены не на конкретные памятники, а на сборники (Кормчая, Пролог) без указания листов, что существенно усложняет локализацию: данные сборники содержат разновременные по происхождению тексты, созданные как у южных славян, так и на Руси.

Грецизм **клирикъ** — **клирици** зафиксирован в славянских переводах с древнейших времен, однако его словообразовательный вариант **клирошанинъ** — **клирошане** имеет локальное употребление. Он известен лишь в русских памятниках: в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в Вопросании Кирика, в Правиле митрополита Кирилла по Новгородской кормчей [СДрЯ, 4: 220; СРЯ XI–XVII, 7: 174]. Первый перевод использует данный словообразовательный русизм наряду с нейтральным церковнославянским словом **клиросъ** (*κληρος*), во втором переводе встречаем только **клиросъ** и **клиръ**.

4. Приведем еще два важных пассажа, свидетельствующих о разной передаче греческой титулатуры, что косвенно может свидетельствовать о месте перевода. Первый перевод передает греческое слово *σατράπαι* ('наместники' или 'губернаторы провинции') как «тысящники и сотники», тогда как второй — как «князи»:

великимъ гл҃сѣмъ предѣть всѣмъ тысящники и сотники и вельможамъ : великимъ гласомъ предѣть моимъ кнѣзьми же и вельможамъ — *μεγάλη φωνή τῶν ἡμῶν σατραπῶν ἔμπροσθεν.*

достонно разсудихомъ со всѣмъ нашими тысящники и сотники и сѣнкланты и вельможы : достонно сѣдихомъ съ всѣмъ кнѣзьми и сингантомъ всѣмъ и съ великимъ — *δέον ἐκρίναμεν σὺν πᾶσι τοῖς ἡμετέροις σατραπαῖς καὶ τῇ συγχλήτῳ πάσῃ καὶ τοῖς μεγίστοις.*

Перевод словом **кѣнѣзь** греческих *ἄρχων, ἡγεμῶν* (командир, владыка, начальник), *μεγίστας* (вельможа) был характерен для старославянских рукописей [SJS II: 94–95]. В старославянских евангелиях, а в дальнейшем и в южнославянских памятниках **кнѣзь** всегда означал воеводу, военачальника. В богослужебных текстах русского извода сложилась традиция переводить словом **кнѣзь** греческое *βασιλεύς* (в значении «земной правитель»), поскольку он был представителем верховной власти [Matejko 2009]. В нарративных и литературных древнерусских текстах XI в. — сер. XV в. титул «царь» вместо «князь» встречается крайне редко, и большинство его употреблений в этот период не отражает реальности: оно связано с эволюцией русской политической лексики, за этим термином не стоит отражение древнерусского института власти [Водов 2002]. В приведенных примерах **кнѣзь** соответствует греческому *σατράπαι*, т. е. означает не верховного правителя, а вассального. Это может свидетельствовать в пользу южнославянского происхождения второго перевода.

В младшем переводе также обнаруживаются весьма важные лексические регионализмы, позволяющие высказать мнение о его происхождении. Это прежде всего названия стран света в пассаже, который

был приведен выше: на вѣсточныхъ и западныхъ и оужныхъ странахъ: на вѣстѣхъ оубо и на западѣ на полѣноцѣ же и полоуденноу страну — ἐν τῇ τῇ ἀνατολῇ καὶ τῇ δούσει τῷ τε ἀρκτῶ καὶ μεσημβρινῷ κλίματι.

Обращает на себя внимание перевод ἀρκτῶ καὶ μεσημβρινῷ κλίματι как полѣноцѣ и полоуденнѣю странѣ. В современных славянских языках название севера и юга как «полночь» и «полдень» получило распространение только в украинском (*південь, північ*), в белорусском (*поўдзень, поўнач*) и польском (*południe, północ*) языках, остальные славянские литературные языки употребляют слова «север» и «юг». В старославянских памятниках *полоудне* в значении «юг» распространено довольно широко; *полоудноцѣ* в значении «север» встречается лишь в восточноболгарских памятниках: Супрасльской рукописи и в Енинском апостоле [SJS: 142–143]. В древнерусском языке *полѣ днѣ* и *полѣ ноци* в значении «юг» и «север» по большей части ограничено южнорусскими территориями. Так, в Юрьевском прологе и в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи читаем: днѣпръ же потечеть изъ волоковѣского лѣса и потечеть на полѣ днѣи. Употреблено это же слово с тем же значением в Ипатьевской летописи, в Паисиевском сборнике, сделанных в киевских землях, а также в древнерусском переводе Пандектов Николая Черногорца [СДрЯ VII: 105–106]. Фиксируется это значение в древнерусском переводе Хроники Георгия Амартола, в Хождении игумена Даниила [СРЯ XI–XVII, 16: 202, 264]. Видимо, этот древний южнославянизм гораздо шире употреблялся в памятниках домонгольской эпохи, опиравшихся на киевские книжные нормы, в литературный язык Московской Руси проникал с ограничениями, возможно, употреблялся в сугубо книжных контекстах, например, в Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого [СРЯ XI–XVII, 16: 228].

Также в пассаже и всен италии и западныхъ власти : и всеа италіа и заходныхъ странъ — καὶ πάσης τῆς Ἰταλίας καὶ τῶν δυτικῶν χωρῶν во втором переводе опять видим локальный вариант *заходѣ* в значении ‘запад’. Этот вариант свойственен тем же современным славянским языкам: украинскому (*захід*), белорусскому (*захад*) и польскому (*zachód*). В древнерусском языке слово *заходѣ*, видимо, еще не имело значения «запад», оно сформировалось позднее; отмеченные в словарях контексты передают прямое значение этого слова — заход, закат солнца [СДрЯ III: 355–356]. Прилагательное *заходныи* в значении ‘западный’ отмечено лишь в одном домонгольском переводном памятнике — «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова [СРЯ XI–XVII, 5: 334]. Отметим, что вариант *заходѣ* отмечен один раз, в другом месте переводчик использует нейтральный вариант *западѣ*. Тем не менее на основании данных употреблений мы можем предполагать, что второй

перевод — южнославянский, но тесно связанный с южными регионами Древней Руси, которые впоследствии вошли в состав Великого княжества Литовского. Вспомним, что именно в конце XIV в. делаются попытки поставления киевских митрополитов тырновскими патриархами, а в 1415 г. на митрополичью кафедру здесь рукополагается болгарин Григорий Цамблак. Болгарская традиция в южнорусских землях поддерживается и распространяется, поэтому южнославянское употребление слова **кнѣзь** здесь могло быть уместным. Возможно, оно отражало и реальное положение русских князей в юго-западных землях, они были региональными правителями и подчинялись литовским великим князьям, прежде всего Ягайло, Витовту и Свидригайло.

Итак, сравнение славянских переводов между собой и с текстом оригинала позволяет нам сделать следующие выводы. Оба перевода, на наш взгляд, были выполнены на восточнославянских территориях, у нас нет никаких текстологических и лингвистических оснований связать эти переводы с Сербией и Болгарией, как считал Ф. Томсон. Отметим, что в Болгарии, уже завоеванной турками, вряд ли был востребован перевод подобного текста. Обе славянские версии содержат идеологические вставки (все они содержатся во второй части КД — *Donatio*), помогающие определить причины их создания. Первый перевод был нацелен на акцентирование особой роли православных князей, которым благоволил император Константин; преследовал утилитарные задачи и был нацелен на доказательство законности собирания церковных пошлин. Видимо, его можно связать с деятельностью Киприана, потому что именно этот митрополит инициировал процесс собирания пошлин в пользу церкви, тогда как последующий митрополит Фотий только продолжал начатое его предшественником дело. Второй перевод, как нам представляется, мог быть сделан в Юго-Западной Руси в период полемики вокруг Флорентийского собора в кругу книжников, которые искали весомые аргументы в пользу исторического равенства статусов Константинопольской и Римской кафедр. На это косвенно может указывать южнорусская региональная лексика, а также большая вставка в конце текста.

Неудивительно, что второй перевод, осуществленный, на наш взгляд, в Юго-Западной Руси, имел весьма узкое распространение в Московской Руси и был известен лишь в сборниках, создававшихся книжниками-интеллектуалами. Эта славянская версия не попала в основную подборку текстов т. н. «Флорентийского цикла» и осталась на периферии; она была включена в конвой к циклу только в одном сборнике, который создавался в Кирилло-Белозерском монастыре в кругу Сергея Климина. Первый перевод, московский, активно переписывался,

вошел в состав канонических сборников, таких как «Книги законные», и воспринимался как юридический текст. Интересно отметить, что славянские версии КД разделили судьбу бытования своего греческого оригинала: переводы Феодора Вальсамона и Матфея Властаря воспринимались как юридические тексты и были широко распространены в канонических подборках, тогда как версии Димитрия Кидониса и Андрея Хрисоверга переписывались в кругу книжников-интеллектуалов, которые, в отличие от славянских переводчиков, сочувствовали унии [Angelov 2009: 104].

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)

Барс. — ГИМ, собрание Е. В. Барсова

Вахрам. — ГИМ, собрание И.А. Вахrameева

Волок. — РГБ, собрание Иосифова Волоколамского монастыря (ф. 113)

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва), Отдел рукописей

Егор. — РГБ, собрание Е. Е. Егорова (ф. 98)

Мазур. — РГАДА, собрание Ф. Ф. Мазурина (ф. 196)

МДА. — РГБ, собрание Московской Духовной академии (ф. 173)

Музейск. — ГИМ, Музейское собрание.

Овчин. — РГБ, собрание П. А. Овчинникова (ф. 209)

Погод. — РНБ, собрание М. П. Погодина (ф. 588, оп. 2)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

Син. — ГИМ, Синодальное собрание

Соф. — РНБ, библиотека Новгородского Софийского собора (ф. 728)

Тит. — РНБ, собр. А. А. Титова (ф. 775)

ТСЛ — РГБ, основное собрание Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I)

Увар. — ГИМ, собрание графа А.С. Уварова

Унд — РГБ, собр. в. М. Ундольского (ф. 310)

Библиография

Источники

Рукописи

45.10.4.

БАН, № 45.10.4, Сборник 2-й половины XVI в.

F.II.251, Q.XVII.178

РНБ, ф. 550, F.II.251, Сборник 2-й четверти XVI в.

РНБ, ф. 550, Q.XVII.178, Сборник 20–30 гг. XVII в.

Барс.166

ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 166, Сборник XVI в.

Вахрам.92

ГИМ, собр. И. А. Вахрамеева, № 92, Сборник XVII в.

Волок.558

РГБ, ф. 113, № 558, Сборник полемических сочинений конца XV — начала XVI в.

Егор.156

РГБ, ф. 98, № 156, Кормчая 1520–1530 гг.

Мазур.651

РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 651, Канонник 1600–1601 г.

МДА.200

РГБ, ф. 173, № 200, Сборник уставных статей и ханских ярлыков XVIII в.

Музейск.1009

ГИМ, Музейское собрание, № 1009, Сборник 20-х гг. XV в.

Овчин.156, Овчин.252

РГБ, ф. 209, № 156, Сборник полемических статей и юридических памятников конца XV в. — начала XVI в.,

РГБ, ф. 209, № 252, Сборник смешанного содержания посл. трети XV в.

Погод.1558, Погод.1577, Погод.1586, Погод.1589

РНБ, ф. 588, оп.2, № 1558, Сборник XVII в.

РНБ, ф. 588, оп.2, № 1577, Сборник-конволют XVII в.

РНБ, ф. 588, оп.2, № 1586, Сборник XVII в.

РНБ, ф. 588, оп.2, № 1589, Сборник-конволют XVII в.

РГИА ф. 832, оп.2, № 1305

РГИА, ф. 832 (собр. Филарета (Дроздова)), оп. 2, № 1305, Сборник-конволют 70-х гг. XV в. — начала XVI в.

Син.468

ГИМ, Синодальное собр., № 468, Канонник 1457 г.

Соф.1208

РНБ, ф. 728, № 1208, Сборник XVIII в.

Тит.2752

РНБ, ф. 775, № 2752, Сборник XVIII в.

ТСЛ.284, ТСЛ.783, ТСЛ.790

РГБ, ф. 304. I, № 284, Канонник нач. XVII в.

РГБ, ф. 304. I, № 783, Сборник серед. XVII в.

РГБ, ф. 304. I, № 790, Сборник XVII в.

Увар.482, Увар.530

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 482, Сборник канонический 2-й пол. XVI в.

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 530, Сборник-конволют XVII в.

Унд.1, Унд.1302

РГБ, ф. 310, № 1, Сборник библейских книг 80-х гг. XV в.

РГБ, ф. 310, № 1302, Сборник посл. трети XV в.

*Издания**Изборник 2009*Мушинская М. С., Мишина Е. А., Голышенко В. С., подг., Молдован А. М., ред., *Изборник 1076 года*, 2-е изд., перераб. и дополн., 1–2, Москва, 2009.

Младеновић 2007

Младеновић А., *Повеле и писма деспота Стефана*, Београд, 2007.

РИБ 6

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, 6, С.-Петербург, 1880.

Kałużniacki 2010

Kałużniacki E., *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Nach den besten Handschriften herausgegeben von Emil Kałużniacki*, Велико Тырново, 2010.

Литература

Водов 2002

Водов В., Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века, А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, сост., *Из истории русской культуры*, 2/1: Киевская и Московская Русь, Москва, 2002, 506–542.

Голубинский 1911

Голубинский Е. Е., *История русской церкви*, 2/2, Москва, 1911.

Дунаев 2013

Дунаев А. Г., Кидонис Димитрий, *Православная энциклопедия*, 32, Москва, 2013, 640–656.

Ильинский 1911

Ильинский Г. А., Грамоты болгарских царей, *Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества*, Москва, 1911.

Клосс 1971

Клосс Б. М., Книги, редактированные и писанные Иваном Черным, *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина*, 32, Москва, 1971, 61–72.

Корогодина 2017, 2

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV — первой половины XVII века*, 2: *Описание редакций*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Новикова 2010

Новикова О. Л., Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV — первой половине XVII в., *Очерки феодальной России*, 14, С.-Петербург, 2010, 3–208.

——— 2013

Новикова О. Л., Архивы кирилловских старцев, *Очерки феодальной России*, 17, Москва, С.-Петербург, 2013, 93–132.

Павлов 1896

Павлов А. С., Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе, *Византийский временник*, 3, 1896, 18–82.

Пичхадзе 1998

Пичхадзе А. А., Языковые особенности древнерусских переводов с греческого, *XI Международный съезд славистов. Краков, 1998, Доклады российской делегации*, Москва, 1998, 475–488.

Плигузов 1988

Плигузов А. И., Старшая редакция славянского перевода Константинова дара (1410-е гг.), *Русский феодальный архив*, 4, Москва, 1988, 814–824.

СДрЯ

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11, Москва, 1988–2016.

Срезневский I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, I–III, С.-Петербург, 1893–1912.

СРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 5, Москва, 1978.

Турилов 2007

Турилов А. А., Ранние русские источники по истории Ферраро-Флорентийской унии и ее восприятие в православном мире, Флоря Б. Н., *Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье*, Приложение 1, Москва, 2007, 382–420.

— 2015

Турилов А. А., Константинов дар в славянской традиции, *Православная энциклопедия*, 37, Москва, 2015, 131.

— 2017

Турилов А. А., Митрополит Киприан и русская культура его времени, *Славяноведение*, 2, 2017, 3–13.

Флоря 2013

Флоря Б. Н., Киприан, *Православная энциклопедия*, 33, Москва, 2013, 633–634.

Щапов 1965

Щапов Я. Н., Церковь в системе государственной власти в Древней Руси, Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., ред., *Древнерусское государство и его международное значение*, Москва, 1965, 279–352.

Яцимирский 1906

Яцимирский А. И., *Из истории славянской проповеди в Молдавии. Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила*, С.-Петербург, 1906.

Alexandrov 2012

Alexandrov V., *The Syntagma of Matthew Blastares. The Destiny of a Byzantine Legal Code among the Orthodox Slavs and Romanians 14–17 centuries*, Frankfurt am Main, 2012.

Angelov 2009

Angelov D., The Donation of Constantine and the Church in Late Byzantium, *Church and Society in Late Byzantium* (= Studies in Medieval Culture, 49), Kalamazoo, 2009, 91–157.

Boese 1965

Boese H., Die Konstantinische Schenkung in den Verhandlungen des Florentiner Konzils, *Deutsches Archiv*, 21, 1965, 576–592.

Furmann 1966

Furmann H., Konstantinische Schenkung und abendländisches Kaisertum: Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte des Constitutum Constantini, *Deutsches Archiv*, 22, 1966, 63–178.

Gill 1964

Gill J., *Le concile de Florence*, Tournai, 1964.

Matejko 2009

Matejko L., *Кънязь — краљ — цѣсарь, Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*, München; Berlin, 2009, 267–272.

Mercati 1931

Mercati G., Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota, *Studi e testi*, 56, Vatican, 1931, 162–165.

Miklosich 1882–1885

Lexicon Palaeoslavenico–Graeco–Latinum emendatum auctum, ed. Fr. Miklosich. Vindobonae, 1882–1885.

PG 104

Jacques Paul Migne, ed., *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, 104, Paris, 1896.

Petrucchi 1962

Petrucchi E., I rapporti tra le redazioni latine e greche del Costituto di Costantino, *Bullettino dell'Istituto storico italiano per il Medio Evo*, 74, Roma, 1962, 45–160.

Pliukhanova 2008

Pliukhanova M., La Donazione di Costantino in Russia tra XV e XVI secolo, *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, Mulino, Bologna, 2008, 209–232.

SJS

Словарь старославянского языка. Т. 1–4. С.-Петербург, 2006; [переизд. *Slovník jazyka staroslověnského*, 1–42, Praha, 1958–1989].

Thomson 1995

Thomson F., The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century. The Case of Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitutum (Donatio Constantini), *Slavica Gandensia*, 22, 1995, 63–107.

References

Alexandrov V., *The Syntagma of Matthew Blastares. The Destiny of a Byzantine Legal Code among the Orthodox Slavs and Romanians 14–17 centuries*, Frankfurt am Main, 2012.

Angelov D., The Donation of Constantine and the Church in Late Byzantium, *Church and Society in Late Byzantium* (= Studies in Medieval Culture, 49), Kalamazoo, 2009, 91–157.

Boese H., Die Konstantinische Schenkung in den Verhandlungen des Florentiner Konzils, *Deutsches Archiv*, 21, 1965, 576–592.

Dunaev A. G., Kidonis Dimitrii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 32, Moscow, 2013, 640–656.

Florya B. N., Kiprian, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 33, Moscow, 2013, 633–634.

Furmann H., Konstantinische Schenkung und abendländisches Kaisertum: Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte des Constitutum Constantini, *Deutsches Archiv*, 22, 1966, 63–178.

Gill J., *Le concile de Florence*, Tournai, 1964.

Kalužniacki E., *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Nach den besten Handschriften herausgegeben von Emil Kalužniacki*, Veliko Tarnovo, 2010.

Kloss B. M., The books edited and written by Ivan Cherny, *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki im. V. I. Lenina*, 32, Moscow, 1971, 61–72.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka*. 2., Moscow, St. Petersburg, 2017.

Matejko L., K'nez' – kral' – césar', *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*, München; Berlin, 2009, 267–272.

Mercati G., Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota, *Studi e testi*, 56, Vatican, 1931, 162–165.

Mladenović A., *Povelje i pisma despota Stefana*, Beograd, 2007.

Mushinskaya M. S., Mishina E. A., Golyshenko V. S., Moldovan A. M., eds., *Izbornik 1076 goda*, 2nd edition, 1–2, Moscow, 2009.

Novikova O. L., Arkhivy kirillovskikh startsev, *Ocherki feodal'noi Rossii*, 17, Moscow, St. Petersburg, 2013, 93–132.

Novikova O. L., Formirovanie i rukopisnaya traditsiya "Florentiiskogo tsikla" vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVII v., *Ocherki feodal'noi Rossii*, 14, St. Petersburg, 2010, 3–208.

Petrucchi E., I rapporti tra le redazioni latine e greche del Costituto di Costantino, *Bullettino dell'Istituto storico italiano per il Medio Evo*, 74, Roma, 1962, 45–160.

Pichkhadze A. A. Yazykovye osobennosti drevnerusskikh perevodov s grecheskogo, *XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Krakov, 1998. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 1998, 475–488.

Pliguzov A. I., Starshaya redaktsiya slavyanskogo perevoda Konstantinova dara (1410–e gg.), *Russkii feodal'nyi arkhiv*, Moscow, 1988, 814–824.

Pliukhanova M., La Donazione di Costantino in Russia tra XV e XVI secolo, *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, Mulino, Bologna, 2008, 209–232.

Shchapov Ya. N., Tserkov' v sisteme gosudarstvennoy vlasti Drevney Rusi, Novosel'tsev A. P. Pashuto V. T., Cherepnin L. V., eds., *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*, Moscow, 1965, 279–352.

Thomson F., The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century. The Case of Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitutum (Donatio Constantini), *Slavica Gandensia*, 22, 1995, 63–107.

Turilov A. A., Konstantinov dar v slavyanskoi traditsii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 37, Moscow, 2015, 131.

Turilov A. A., Metropolitan Cyprian and Russian culture of his time (new aspects – new facts and hypotheses), *Slavianovedenie*, 2, 2017, 3–13.

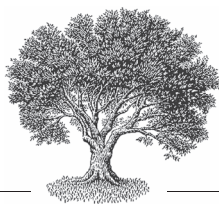
Turilov A. A., Rannie russkie istochniki po istorii Ferraro-Florentiiskoi unii i ee vospriyatie v pravoslavnom mire, Florya B. N., *Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e*, Prilozhenie 1, Moscow, 2007, 382–420.

Vodoff W., Zamechaniia o znachenii titula "tsar" primenitel'no k russkim kniaz'yam v epokhu do srediny XV veka, A. F. Litvina, F. B. Uspenskij, eds., *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2/1: *Kievskaya i Moskovskaya Rus'*, Moscow, 2002, 506–542.

Татьяна Игоревна Афанасьева,
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка филологического факультета
С.-Петербургский государственный университет
199034 С.-Петербург, Университетская наб., 11
Россия / Russia
t.i.afanasyeva@gmail.com

Received March 1, 2019

Мужское *vs* женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв.*

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

**Федор Борисович
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Male *vs* Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries)

Anna F. Litvina

National Research University Higher
School of Economics;
Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics; Institute for Slavic
Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

---

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 18-01-0040: «Феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». В данной научной работе использованы также результаты проекта «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

Резюме

Данная работа посвящена особым чертам русской христианской двуименности, выделяющей ее на фоне других традиций полиномии. В эпоху Средневековья на Руси мужчина не мог ни при каких условиях получить в качестве второго христианского имени женский антропоним, а женщина, соответственно, мужской. Не допускались, в частности, никакие новые по отношению к месяцесловной традиции вариации, трансформирующие мужские имена в женские и наоборот. Это заметным образом противопоставляет выбор второго христианского имени для мирянки выбору монашеского имени для инокини. В работе рассматривается ряд казусов, казалось бы, нарушающих эту строгость гендерного распределения антропонимов и обсуждается ряд смежных проблем, связанных с многоименностью в допетровской Руси.

Ключевые слова

историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

The paper deals with the special features of Russian dual Christian naming—that is, the practice of giving a lay person an additional Christian name, other than his/her baptismal name. In the Middle Ages in Russia, a man could not under any circumstances get a female anthroponym as a second Christian name, and a woman, respectively, could not get a male anthroponym. In particular, no variations with respect to the calendar tradition, which transform male names into female names and vice versa, were allowed. This markedly contraposes the choice of the second Christian name for a lay woman to the choice of the monastic name for a nun. The work examines a number of incidents that would seem to violate this rigor of the gender distribution of anthroponyms, and discusses a number of related problems associated with the multiplicity of personal names in pre-Petrine Rus'.

Keywords

onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', saints' cult, Church calendar, holy patrons, dual naming of lay Christians, baptismal name

«Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу-ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец, Собакевич, и здесь надул!» Чичиков был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же он это не принял в уважение, и тут же ее вычеркнул...

Н. В. Гоголь. «Мертвые души». Гл. VII.

*(Фед(ь)ка Лукерья и другие Гликерии. — Двуприродные Пигасии. —
Афон(ь)ка Маланья. — Иван Голиндуха, Василий Улита.
Имя как комментарий)*

В истории русской культуры допетровского времени мирская христианская двуименность, по всей видимости, была явлением автохтонным и самобытным. Разумеется, инокультурный фон и внешнее влияние могли играть какую-то роль в ее более чем пятисотлетнем бытовании, однако приходится признать, что как генезис, так и структура этого явления заметно отличаются от того, что мы наблюдаем в других традициях полиномии. В самом деле, первое, с чем приходит в голову сравнить русскую христианскую двуименность, — это обычай давать детям по несколько христианских имен, широко представленный во множестве стран Западной Европы как в позднее Средневековье, так и в Новое время. Помимо всего прочего, сопоставление такого рода позволяет не только удостовериться в автохтонном характере интересующего нас явления, но и адекватнее описать этот ономастический феномен как таковой. Так, в частности, перебирая сравнения ради, казалось бы, самоочевидные его признаки, мы сможем разглядеть в них достаточно неожиданные оттенки и детали, весьма существенно влияющие на осмысление целого.

Отметим, что своеобразие русской практики наречения несколькими христианскими именами ощущалось уже теми немногими иностранцами-современниками, которым доводилось обратить внимание на существование такой традиции на Руси. Об этом свидетельствует как их удивление при фиксации частных ее случаев (удивление, казалось бы, неожиданное для людей, уже многократно побывавших или даже родившихся в тех краях, где у множества жителей было не по одному

христианскому имени)¹, так и примеры ее неверной трактовки, когда использование русскими поочередно двух разных имен принимается за кардинальную и безвозвратную перемену имени².

И то и другое — и удивление, и непонимание — было порождено, по всей видимости, различием в статусе и функционировании нескольких христианских имен на Руси и в Европе. На русской почве одно из имен было публичным, тогда как другое — куда более интимным, связанным с личным благочестием его обладателя. Благодаря такому функциональному распределению в большинстве источников любой обладатель христианской двуименности фигурирует лишь под каким-то одним из имеющихся у него имен, что, кстати говоря, создает для исследователя ряд трудностей при отождествлении и распознавании некоторых исторических лиц. Если даже два христианских имени этого человека появляются в рамках одного документа, то это относительно редко бывает соседством на равных, без каких-либо особых помет и комментариев, а в устной коммуникации подобное равноправие, судя по всему, было и вовсе маловероятным. Попросту говоря, в процессе диалога к человеку едва ли могли обратиться, поименовав его *Борис-Илья* или *Андрей-Лупп*, а если в документе требовалось привести оба его имени, то одно из них чаще всего снабжалось пометой «прямое», «молитвенное», «крестное», тогда как другое характеризовалось как «прозвище» или «прозвание»³.

¹ См., например, сочинение Августина Мейерберга: «...у Москвитян было в обычае проводить целый день имени, каким кто из них называется, в пирушках и попойках. Этот подверженный суеверию народ не расстается с ним и в своих именах: как в древности таинства богослужебных обрядов запрещали произносить по-латыни название Рима, почему Валерий Соран (Soranus) и должен был понести такие тяжелые наказания за его огласку, так и многие из Москвитян называются не тем именем, какое наречено кому-нибудь из них при крещении, но другим, которое дают им родители, скрывая прежнее из опасения, чтобы после огласки его не употребляли они его во зло колдуньи для какого-либо злого дела, к пагубе называемого. Так родные братья, князья Юрий и Петр Долгорукие [...] в крещении названы были не Юрием, Петром [...], а Савоном (Sawon), Киrom...» [Мейерберг 1874: 186]. Обратим внимание, что товарищем Мейерберга по посольству в Россию был итальянский посланник, который звался *Гораций Вильгельм Кальвуччи*, так что двуименность сама по себе никоим образом не могла быть в диковинку барону.

² Здесь можно упомянуть, к примеру, знаменитый пассаж Сигизмунда Герберштейна, согласно которому Василий III нелегитимным образом захватил престол, лишь переименовав свое имя *Гавриил* на *Василий* [Герберштейн 1988: 66].

³ В этом отношении чрезвычайно любопытны послания царя Алексея Михайловича к уже упоминавшемуся Мейербергом Юрию Алексеевичу Долгорукому. Царь использует в своем письме оба имени князя, *Юрий* и *Софония* (Софоний), но при этом проводит весьма характерную функциональную дистрибуцию между ними: давая ему практические указания относительно конкретных действий, он обращается к нему *князь Юрий Алексеевич*; когда же речь заходит о том, как Долгорукому надлежит молиться со всем войском об успехе предприятия, царь использует инвокацию *рабе Божий*

Еще более существенным оказывается контраст в том, что можно условно назвать составом полиномии. Прежде всего, на Руси число мирских христианских имен одного человека никогда не превышало двух. Утверждение это требует ряда пояснений. Личных антропонимов как таковых за всю жизнь у того или иного лица могло накопиться целых пять, а в исключительных случаях и больше. Так, с детства у него могло быть крестильное непубличное имя, христианское публичное имя, не совпадающее с крестильным, и имя (а то и два) некалендарного происхождения⁴. Если в дальнейшем такому человеку случалось принять монашеский постриг, то он получал еще одно христианское имя — уже не мирское, а иноческое⁵. Обыкновенно в этой последней ситуации принято говорить о перемене имен, о том, что новое монашеское имя бесповоротно заменяло собой все предыдущие имена. На практике же дело обстояло на Руси не совсем так, и речь шла скорее о своеобразном накоплении, а не о тотальном вытеснении имен: характерно, что большинство иноков поминались после смерти не на память святого по монашескому имени, но на память небесного тезки по имени крестильному⁶;

Софоний [Ламанский 1861: 756, 758, 760, 761, 765]. Характерным образом на оборотной стороне документа, к которому подклеено письмо, стоит помета «дьяк Дементей Башмаковъ». Государев дьяк в официальном документе естественным образом пользуется исключительно своим публичным и только публичным именем. Между тем достоверно известно, что у него было и второе, непубличное христианское имя *Евсигний*. Оба этих имени сошлись (кажется, впервые) на его надгробной плите в московской церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы в Башмакове у Всесвятских ворот: «Во имени Всетворца Бога, царскаго пресвѣтлаго величества думный дворянинъ и печатникъ благоразумень, господинъ Евстигней, званный Дементій Миничъ Башмаковъ поживе благочестиво 87 лѣтъ и дней 40, въ гражданскихъ же дѣлѣхъ и въ судяхъ усердно и зѣло тщательно трудися 72 лѣта [здесь и далее разрядка в цитатах из источников — всегда наша. — А. Л., Ф. У.]. Имя Дементий снабжено пометой «званный», с большой степенью вероятности свидетельствующей, что крестильным было не оно, а *Евсигний* ([Мартынов 1895 (№ 6): 233–234]; текст надписи см. также в работе: [Левина 2006: 115 [№ 43]]).

⁴ Так, в XVI в. у инока Антония из Иосифо-Волоколамского монастыря было два некалендарных имени, *Богдан* и *Понырка*. Все эти три именованья используются в монастырских записях, в том числе и в тех, что были составлены от его лица [Усачев 2018, 2: 95 [№ 154]]. Ср. также казус княжеского наместника и приказчика, обладателя двух некалендарных имен *Смирной* и *Славной*, употребляемых в пределах одного документа [Кистерев, Тимошина 1998: 457, 458–459, 460–461, 463–464 [№ 244]]. Весьма выразителен в этом отношении и текст Поручной записи 1613 г., составленной от первого лица: «...язъ Второй прозвище Холопъ Семеновъ сынъ» [Акты юридические 1838: 309 [№ 297]].

⁵ Здесь можно упомянуть, например, человека, который обладал некалендарным именем *Помяс* и календарным *Василий*, но при этом крещен был *Иваном*, а в постриге стал *Ионой* [Титов 1902: 11; Левицкая 1994: 82, 87 [примеч. 23]; Веселовский 1975: 22 [№ 11], 29 [№ 20]].

⁶ Приведем в качестве иллюстрации лишь два казуса из множества подобных. Св. Дионисий Суздальский, носивший в миру имя *Давыд* и скончавшийся в 1385 г., поминается 26 июня, на память св. Давида Солунского —

в этот же день, связанный с крестильным именем, они праздновали свои именины при жизни⁷. Некалендарное мирское имя могло сохраняться в повседневном монастырском обиходе⁸. Что же касается публичного христианского имени, то оно порой актуализировалось, если находящемуся в монастыре иноку приходилось вступать в какие-то имущественные отношения, связанные, например, с той собственностью, которой он владел в миру⁹. Наконец, если речь шла о второй половине XVII в., наш владелец четырех-пяти имен мог, принимая великую схиму, получить еще одно новое — схимническое — имя¹⁰.

На деле таких обладателей полной антропонимической коллекции из пяти-шести элементов было, по-видимому, совсем немного. В ту пору, когда распространилась практика перемены монашеского имени в великой схиме, традиция мирской христианской двуименности, а заодно и широта распространения имен некалендарных, постепенно шла на убыль. Однако любое сочетание элементов этого максимального комплекта достаточно долго оставалось возможным.

Тем не менее правило, согласно которому у человека, пока он живет в миру и пострига не принимает, может быть не более двух христианских имен, соблюдается в допетровскую эпоху неукоснительно — во всяком случае, ни одного примера, когда у какого-либо исторического лица, принадлежавшего русской православной церкви, не подвергавшегося перекрещиванию и не стремившегося целенаправленно выдать себя за кого-либо иного, было бы больше двух христианских имен, нам не известно.

Кроме того, на Руси, по-видимому, наблюдается и еще одно ограничение, не всегда релевантное для многих традиций христианской

соответствующие указания на сей счет встречаются уже в XVI в. в синодике основанного им нижегородского Печерского монастыря [Макарий Миролюбов, 1857: 363–364]. В XVII в. царицу, супругу Василия Шуйского, которая возшла на престол под именем *Мария*, а в монашестве стала *Еленой*, предписывалось поминать на 24 ноября — празднование ее святой по крестильному имени *Екатерина*: «24 [ноября] Святыя мученицы Екатерины [...] Память благоверной царицы и великой княгине Е к а т е р и н е, во иноцех Е л е н е схимнице» [Павлов-Сильванский 1985: 174 [л. 123]].

⁷ Подробнее об этом см.: [Успенский, Успенский 2017: 197–199].

⁸ Ср., например, запись писца в Торжественнике 1596 г. из Глушицкого Сосновецкого монастыря, который именует себя «чернецъ Еѣстрат поп по реклом Лобанъ» (РГБ, ф. 299, № 235, л. 896 об.). См. подробнее: [Успенский, Успенский 2017: 173–179].

⁹ Так, в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича вдова боярина Дмитрия Ивановича Годунова, которая в миру звалась *Стефанида* / *Матрона*, а в иночестве — *Александра* (см. о ней подробнее [Литвина, Успенский 2018]), именуется то *старицей Александрой*, то вдовой *Стефанидой*, то *старицей Александрой*, то была в мире *Стефанида* [АСЗ, 4: 438–439 [№ 527]].

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Успенский, Успенский 2017: 40–82, 123–132].

полиномии, — ограничение гендерное. На первый взгляд, его формулировка может показаться сверхтривиальной: оба христианских имени, которые ребенок мужского пола получал в миру, были именами мужскими, тогда как мирские христианские имена девочек были исключительно именами женскими. Семья, а в дальнейшем и сам носитель двуименности, могли, разумеется, числится среди особых своих покровителей разных святых, но наделение христианскими именами устанавливало и манифестировало связь только с небесными патронами того же пола, что и нарекаемый.

Здесь не практиковалось ни прямое использование имени святого другого пола, ни его формальная адаптация, кроме той, что уже была задана самой месящесловной традицией. Иными словами, норма не допускала, чтобы мальчик был, к примеру, наречен *Александр / Мария или *Иван / Катерин, а девочка могла носить женский вариант мужского имени только в том случае, если в месящеслове отмечалась память соответствующей святой. Ее можно было крестить *Евгенией* (в честь Евгении, преподобномученицы Римской) и звать в обиходе *Александрой* (по св. царице Александре или Александре, мученице Коринфской, или др.), но ни в крещении, ни в обиходе для нее нельзя было использовать отсутствующие в святцах женские версии мужских имен, таких как *Сергия* или *Филарета*.

Характерным образом подобного ограничения не существовало на Руси при выборе для женщины имени монашеского — тут, напротив, довольно охотно пользовались женскими версиями имен, которые в месящеслове были зафиксированы исключительно в качестве мужских. Инокня могла стать *Михаилой*, *Аркадией* или *Никанорой*, хотя никакой святой с именем *Михаила*, *Аркадия* или *Никанора* в церковном календаре не существовало¹¹. Со всей очевидностью, такое противопоставление, когда монахине давались имена, невозможные для мирянок, было вполне осознанным, в известной мере отрефлектированным и, безусловно, семиотически значимым¹²: ономастика служила одним из эффектных средств противопоставления монашеского и мирского.

Может ли, однако, в данном случае идти речь лишь о тенденции к ограничению на гендерную инверсию имен у мирян, или же следует констатировать существование более жесткого, если не тотального, запрета? Вообще говоря, в нашем распоряжении есть некоторый — достаточно ограниченный — набор примеров, когда у носителя христианской

¹¹ См. подробнее с указанием примеров и литературы: [Успенский, Успенский 2017: 141–142 [§ IX-3]].

¹² Примечательно, что симметрии мужского и женского здесь нет. Насколько нам известно, обратной практики наречения монахов специально создаваемыми мужскими версиями женских имен никогда не существовало.

двуименности как будто бы обнаруживается «не то» имя, которое было бы положено ему или ей по гендерной принадлежности. Существенно, впрочем, что стоит за каждым из таких исключений, какие имена вовлекаются в подобную инверсию и каков антропонимический контекст этого вовлечения. Прежде чем перейти к обсуждению конкретных казусов, подчеркнем еще раз, что в общем корпусе русской мирской христианской двуименности их число ничтожно, общим фоном для них является строгая гендерная закреплённость антропонима¹³.

Фед(ь)ка Лукерья и другие Гликерии

Начнем с эпизода, где подобная закреплённость, на первый взгляд, кажется нарушенной весьма ощутимо. В Отдельной и межевой выписи Ивана Степанова сына Губастого от 11 июня 1567 г. фигурируют крестьяне «Семен Чемодановской да Сидор Бородовица да Федка Лукерья» [АСЗ, 2: 389 [№ 459]]. Очевидно, что *Федка* — не что иное, как гипокористическая форма христианского антропонима, с большой вероятностью это *Федор*, однако может быть, скажем, и *Феодот* или *Феодосий*. Так или иначе, не возникает ни малейших сомнений, что речь идет о мужчине, одном из трех крестьян-свидетелей. Получается, однако, что в качестве второго антропонима этот Фед(ь)ка носит женское имя. *Лукерья*, как известно, — это бытующая на Руси народная форма греческого имени *Гликерия*. Это женское имя в XVI–XVII вв. пользовалось чрезвычайной популярностью, а у обладательниц двуименности встречалось как в качестве публичного, так и — даже чаще — в качестве непубличного, крестильного¹⁴. Нельзя ли допустить,

¹³ Особняком в истории русской христианской антропонимики стоит именование внуки двух знаменитых князей, Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо. Самый факт существования в самом конце XII столетия (а именно в эту пору княжна появилась на свет) мирской христианской двуименности не бесспорен. При этом летописец сообщает о ее рождении следующее: «Того же лѣ́та на зимоу родиса дщи оу Ростислава оу Рюриковича и нарекоша имя еи Евфросѣ́ныа и прозваніемъ Изморагдѣ еже наречеться дорогии камень» [ПСРЛ, 2: 708]. Строго говоря, *Смарагд* это самостоятельное мужское христианское имя. Необходимо учитывать, однако, что в русских месяцесловах той эпохи оно фигурирует исключительно как еще одно именование св. Евфросинии Александрийской, в честь которой, со всей очевидностью, и была наречена княжна (см. подробнее: [Литвина, Успенский 2006: 544–545]). При этом, согласно житию древней святой, это имя она приняла, выдавая себя за мужчину ради того, чтобы вступить в мужской монастырь. Таким образом, даже если допустить вслед за С. Ю. Темчиным [2012], что у княжны было два христианских имени, то оба они — и мужское, и женское — были даны в честь женщины-святой, и одно из них та носила из-за временного сокрытия своего пола.

¹⁴ Нередко оно сочеталось с публичным *Елена*, что скорее всего объясняется календарной близостью празднований св. Гликерии Траянопольской и св. царице Елене. Так, *Гликерией* и *Еленой* звалась в миру дочь князя Ивана Самсоновича Туренина, выданная замуж за Ивана Семеновича Куракина, *Еленой* / *Гликерией*

что и крестьянина Фед(ь)ку, вопреки общераспространенной практике, нарекли в крещении в честь Гликерии, мученицы Траянопольской, чья память отмечается 13 мая, или в честь Гликерии Адрианопольской (память 22 октября)?

Кажется, однако, что присутствие у него второго имени объясняется гораздо проще и, так сказать, традиционнее. В интересующем нас документе несколько «плавает» грамматическое согласование и ощущается неуверенность его составителя в написании окончаний. Так, перечисляя крестьянские дворы, писец попеременно именуется их владельцев то в именительном, то в родительном падеже — ср.: «двор Ивана Полстовала, двор Гриша Васильев, двор Ф е д к а Лу к и р ь я» [Ibid.]. Иными словами, в череде варьирующихся написаний мы равным образом можем заподозрить форму имени *Лукерья*, *Лукирий* и *Лукерий*.

Такое варьирование заставляет нас вспомнить о том, что в месяцеслове фигурирует не только имя *Гликерия*, но и его мужской вариант, имя *Гликерий*, несравненно более раритетное, если судить по дошедшим до нас текстам этой эпохи, но при этом совершенно нормальное и пригодное для наречения мальчика. Так звали одного из множества мучеников Никомидийских, память которых празднуется 28 декабря. Подобно другим раритетным именам, оно могло быть избрано в качестве крестильного для человека, непосредственно в этот день появившегося на свет, в обиходе же, как это часто бывало в аналогичных ситуациях, он назывался другим, более распространенным и частотным именем (*Федор*? *Федот*?). Трудно говорить о разговорной форме его второго (крестильного?) имени *Гликерий* — оно настолько экзотично, что практически не наблюдается в письменных документах. Однако наиболее естественно было бы предположить, что на него будет перенесен именно народно-разговорный вариант парного женского имени *Гликерия* — *Лукерья*.

Итак, то обстоятельство, что человек, крещеный *Гликерием*, фигурирует в текстах как *Лукерий* и даже *Лукерья*, несмотря на свою раритетность, кажется вполне объяснимым, и случай нашего Фед(ь)ки следует отнести, тем самым, к стандартным эпизодам бытования светской христианской двуименности в XVI в. По всей видимости, данная антропонимическая ситуация хотя бы отчасти возникает из-за того, что функционирование мужского имени *Гликерий* и женского *Гликерия* было устроено на Руси не вполне обычным для такого рода парных имен (хотя и не уникальным) образом.

была и урожденная княжна Кубенская, которая появилась на свет в первой половине XVI столетия. Эти же имена носила и княгиня Хворостнина, мать Ивана Андреевича Хворостнина, которая в монашестве стала *Геласией*.

В самом деле, обыкновенно оба варианта парного антропонима, мужской и женский, примерно равны по популярности, а поскольку в средневековых источниках гораздо обильнее представлены мужчины, то мужской статистически, как правило, гораздо более частотен. *Кириак*, не принадлежа к числу самых излюбленных имен, все же встречается в источниках относительно часто, тогда как *Кириакия* — практически никогда, *Феодор* и *Феодора* — оба весьма распространены, но при этом в текстах несравненно чаще фиксируется, конечно же, *Феодор*. Приблизительно так же обстоит дело и с именами *Александр* и *Александра*, хотя частотность их в памятниках в пользу мужского имени отличается не столь разительно: с одной стороны, здесь по-прежнему работает тот фактор, что мужчины фигурируют в документах гораздо чаще, чем женщины, с другой стороны, это обстоятельство до некоторой степени уравнивается тем, что для женщин имя *Александра* в интересующую нас эпоху может быть несколько более популярно, чем *Александр* для мужчин. Если же говорить, например, о паре *Иулиан* и *Иулиания* (*Ульян* и *Ульяна*), то, хотя имя *Ульян* вполне распространено, в источниках заметно преобладает женский его вариант *Иулиания* (*Ульяна*). Пара же *Гликерий* и *Гликерия* являет нам своего рода крайнюю точку доминирования женской версии имени над мужской: *Лукерья*, как уже говорилось, встречается в текстах довольно часто, тогда как *Гликерий* (*Лукерий*) — чрезвычайно редко. Соответственно, в источниках с ними может происходить некоторая путаница, объясняющаяся именно таким нестандартным преобладанием женской формы.

Быть может, как раз такое сложное смешение, неосознанное или целенаправленное, произошло при наречении боярыни Хитрово, скончавшейся в 1702 г. Из надписи на ее надгробной плите в московском Вознесенском монастыре мы узнаем, что в миру она обладала двумя христианскими именами:

7210 [1702] октября в 16 день на память святого мученика Логина сотника преставися раба боярина Хитрово в мире зовома я Анфия Гликерия [Панова 2003: 51 [№ 245]].

Обыкновенно русская христианская двуименность в знатных семьях была устроена таким образом, что некое имя выпадало человеку непосредственно по дню рождения, в определенном смысле предназначалось ему Божьим промыслом. Но если это имя было нетрадиционным для его семьи и/или совсем непривычным, экзотическим для его окружения в целом, то в календарных окрестностях даты его появления на свет подбиралось еще одно христианское имя, более приемлемое в родовом и социальном отношении.

Из двух имен боярыни Хитрово безусловно более раритетным является имя *Анфия*. В месяцеслове имеется лишь одна святая, которую зовут именно так, — это мученица Анфия, чья память празднуется 15 декабря. Однако почему же в качестве еще одного христианского имени ей было подобрано *Гликерия* (*Лукерья*)? Все даты, связанные со свв. Гликериями (13 мая и 22 октября), отстоят от 15 декабря весьма далеко. Нарушен ли здесь принцип календарной близости между празднованиями двум тезоименитым святым обладателя двух христианских имен?

Вообще говоря, такое возможно, потому что этот принцип является собой не непреложный, не знающий исключений закон, а лишь очень мощную и весьма регулярно проявляющуюся тенденцию. Вероятнее, однако, что некоторая календарная зацепка у нарекающих будущую боярыню Хитрово все же была. Как мы помним, в декабре же — меньше чем через две недели после празднования св. Анфии — отмечается память мучеников Никомидийских и в их числе святого Гликерия (28 декабря). Быть может, нарекающие, которым женское имя *Гликерия* очень подходило по семейно-родовым соображениям, сочли, что в списке мучеников фигурирует не святой, а еще одна святая, обладательница распространенного и привлекательного женского имени. Для такого рода ошибки было тем более оснований, что мученик Гликерий Никомидийский в имянаречении мало популярен, в Никомидии вместе с ним пострадали как мужчины, так и женщины (свв. Агафия, Домна), а имя его естественным образом фигурирует в месяцесловных перечнях в родительном падеже, который омонимичен именительному падежу женского варианта имени *Гликерия*.

Обратим внимание, что никакого гендерного сдвига в имянаречении боярыни Хитрово ни в коем случае не просматривается: ей дали имя святой, безусловно присутствующее в месяцесловах. То обстоятельство, что в его подборе, возможно, оказался задействованным и мужской вариант имени, на наш взгляд, свидетельствует и об особенностях употребления этих имен на Руси, и — опосредованным образом — о том, что при наречении крестьянина Фед(ь)ки Лукерьи никакого гендерного сдвига тоже не было.

Двуприродные Пигасии

Весьма вероятно, что своеобразная «грамматика месяцеслова» отразилась и в еще одном случае использования необычного имени в практике мирской христианской двуименности. В церковном календаре 2 ноября единственный раз в году празднуется память св. Пигасия, мученика Персидского. Никакой святой, которая носила бы женский вариант этого

имени, в месяцесловах нет. При этом мы обнаруживаем сразу несколько эпизодов, когда имя *Пигасия* носили женщины, обладательницы христианской двуименности. Два наиболее ясных случая подобного рода связаны с антропонимической парой *Дария / Пигасия*, причем обе ее носительницы — простолюдинки. Так, в частности, именует себя в начале XVII в. кабальная холопка, Дарья Степанова дочь:

Се яз, Дарья прозвище Пигасия Степанова дочь, заняла есми ув Офонасьева человека Федоровича Бернова у Гаврила у Федорова государя его Офонасья Федоровича рубль денег московских [...] А за рост мне, Дарьи, у государя своего ув Офонасья у Федоровича житии по вся дни во дворе. А полягут деньги по сроцы, и мне, Дарьи, у государя своего ув Офонасья у Федоровича служити по тому ж по вся дни во дворе. А Дарья рожем долголика, нос востр, очи кари, волосом бела. А сказала Дарья, преж деи сего не служивала ни у ково [...] 115-го [1607], февраля в 28 день, став в Торжку перед Ермолаем Ивановичем Кознаковым да перед подъячим Ламехом Никитиным заимщица Дарья, прозвище Пигасья Степанова дочь сказала, что ув Офонасья Бернова рубль денег заняла... [АСЗ, 3: 29–30 [№ 35]].

Обратим внимание, что имя *Пигасия* охарактеризовано здесь как «прозвище». Чаще всего это свидетельствует о том, что перед нами — имя, полученное не при крещении. Иначе дело обстоит с другой обладательницей той же антропонимической пары, Дарьей Яковлевой:

...человек мой Максимко Фатеев женился на приданной моей девке Дашке Яковлевой дочери прозвище Сорока, а молитвенное имя Пигасья [Парфенова 1994: 102; Парфенова 1994а: 377].

Словосочетание «молитвенное имя» чаще применяется к антропонимам, полученным при крещении. Таким образом, мы можем предположить, что это сконструированное из мужского женское имя в XVII в. могло исполнять обе функции — крестильного и некрестильного, публичного. Более того, как отмечалось в исследованиях, это же имя, *Пигасия*, фиксируется в Зауралье XVII в. в качестве единственного христианского имени по крайней мере у нескольких женщин: «...приъзжей старикъ Сава Филатьивъ да семья ево Пигасья» (из Вкладной книги Далматова монастыря); «...женился Лупъ Тарасовъ сынъ понял Пигасью Иванову дочь» (из книги записей венчаний) [Парфенова 1994а: 376]¹⁵.

¹⁵ Ср. еще примеры бытования имени *Пигасия*, но уже в другом регионе: речь идет о показаниях Приходно-расходных книг вологодского архиерейского дома святой Софии и окладных книг церковью вологодской епархии: «...взято Лежского Волоку деревни Стану на вдове на Пигаке Остафьеве дочери казенных денег по кабале мужа ея...» [Башнин 2016а: 105 [л. 16, 1627 г., сентября 1 — 1628 г., августа 31]]; «женился Ияков Филиппев, понимает Пига сью Леонтьеву дочь, оба отроки» [Ibid.: 237 [л. 72 об., 1648 г., сентября 1 — 1649 г., августа 31]].

Быть может, следует считать, что на Руси это сравнительно редкое имя вообще по каким-то причинам закрепилось в качестве женского? На деле, однако, это совсем не так: *Пигасий* в качестве мужского именования время от времени встречается в актовом материале (см., например: [Либерзон, 1 (1988): 108, 110 [№ 177]])¹⁶. По-видимому, оно укоренилось в качестве женского лишь в некоторых локальных традициях, и причиной тому была все та же косвенная форма родительного падежа мужского рода, омонимичная форме именительного падежа женского антропонима (*Пигасий*, им. п. м. р. — *Пигасия*, род. п. м. р. = им. п. ж. р.). Не исключено, что в ряде рукописных месяцесловов мы имеем дело с дальнейшей трансформацией, когда окончание родительного падежа мужского рода заменялось окончанием родительного падежа женского рода (*Пигасия* > *Пигасии*). Подобные орфографические трансформации, иногда ведущие к неразличению имен, отнюдь не редкость в древнерусской письменной антропонимической практике.

Очевидно, что такие превращения могли происходить далеко не со всеми именами — благодатную почву для них создавали, в частности, ситуации, когда антропоним был редок для месяцеслова и не особенно популярен при наречении, а носивший его святой не имел общедоступного самостоятельного жития и фигурировал лишь в некой общей группе сомучеников, разобраться в составе которой не у всякого священника и/или переписчика месяцесловного источника была возможность.

Таким образом, св. Пигасий в некоторых регионах незаметно стал восприниматься, по-видимому, как св. Пигасия. Выбирающие это имя для девочки не считали, что дают ей в покровители святого мужского пола, они попросту честно заблуждались относительно пола ее небесного покровителя¹⁷. Помимо всего прочего, такая ошибка, однажды появившись непосредственно в календарном источнике или в обиходной практике его прочтения, в данном случае имела все шансы закрепиться. Дело в том, что в большинстве русских месяцесловов под

Женское имя *Пигасия* попадает и в Синодике Макарьева Калязина монастыря (Тверской государственный объединенный музей: ТГОМ КЗМ ОФ № 920: л. 221–221 об., 227–227 об.), куда были вписаны имена московских иконописцев и их ближайших родственников [Авдеев 2019: 26].

¹⁶ В Суздале XVII в., судя по Писцовой книге 7136 [1628] и 7137 [1629] г. письма и меры Михаила Трусова и подъячего Федора Витовтова, имелся двор посадского человека Пигасова [Георгиевский 1900: 8 [прилож.]].

¹⁷ Ср. уже ставший хрестоматийным казус с именами *Инна* и *Римма*, которые стали восприниматься со временем как имена женские. Мы не останавливаемся на нем подробнее, поскольку не знаем примеров, когда эти имена были бы задействованы в качестве элементов светской христианской двуименности.

датой 2 ноября нет ни одного женского имени¹⁸. Желая наречь девочку строго по календарю, трудно было не ухватиться за единственную возможность и не сделать ее *Пигасией*, тем более что имена персидских мучеников, среди которых поминали и св. Пигасия, во многих календарях оказываются первыми (а то и единственными) в перечне святых этого дня¹⁹.

Афон(ь)ка Маланья

Несколько иначе выглядит еще один случай, «подозрительный» с точки зрения возможного гендерного смешения в рамках мирской христианской двуименности. Отчасти он напоминает казус Фед(ь)ки / Гликерия, но сходство это лишь частичное. В Оценной книге Кемской волости с волостками мы обнаруживаем носителя двуименности, жившего здесь в XVII в. В общем перечне бобыльских крестьян фигурирует «Афонка Маланья» [Копанев 1966: 194 [л. 34]]. *Афонка*, скорее всего, представляет собой гипокористическую форму имени *Афанасий* (хотя нельзя полностью исключить ее соотнесенность и с *Афиноген*, *Агафон*). *Маланья* же, вообще говоря, является типичной и очень распространенной формой женского христианского имени *Мелания*.

Не исключено, разумеется, что в данном случае перед нами некое некалендарное, нехристианское именование с корнем *-мал*²⁰. Но даже если это и так, то при распространенности христианского *Маланья* оно вряд ли могло никак с ним не ассоциироваться. В честь кого же мог быть наречен наш крестьянин-бобыль Афон(ь)ка? Была ли его

¹⁸ Имена сомучениц свв. Кириаки, Домны и Домнины присутствуют под этой датой лишь в весьма ограниченном наборе месяцесловных источников [Сергий Спасский, 2: 341].

¹⁹ Обратим внимание, что знатных женщин среди обладательниц имени *Пигасия* не наблюдается: по-видимому, трансформация *Пигасий* > *Пигасия* является принадлежностью низовой церковной традиции. О том, каков мог быть в сходной ситуации сценарий имянаречения в знатной семье, свидетельствует любопытный поздний пример из обихода семьи Строгановых. Родившаяся в конце XVIII в. супруга (и дальняя родственница) Сергея Григорьевича Строганова носила имя *Наталья*. На свет она появилась 7 мая, под этой датой в подавляющем большинстве месяцеслов не содержится ни одного женского имени. Именно по этой причине на заказанной для девочки родильной иконе появляется св. Акакий [Ракитина 2009: 68], который, как правило, в календарях фигурирует первым среди святых, чья память празднуется в этот день. Предполагалось, со всей очевидностью, что новорожденная будет чтить Акакия как своего небесного покровителя по дню рождения, при том что и м е н и *Акакий* она, разумеется, не получила.

²⁰ Гендерные границы некалендарных имен, со всей очевидностью, куда более размыты. В качестве некалендарных имен могут употребляться не только существительные женского рода, но изредка и слова, прямо и непосредственно отсылающие к лицам женского пола — ср., например, «*Θ ε δ ο ρ ь*», прозвище *П о п а д ь я*» [Лихачев, Мятлев 1911: 86–87 [N° 171]].

непосредственной покровительницей св. Мелания Римская, чья память празднуется 31 декабря?

Если речь вообще идет о христианском имени, на наш взгляд, более вероятен другой ономастический сценарий: Афон(ь)ка мог получить свое второе имя по пророку Малахии, чья память отмечается 3 января. Это имя появляется в месяцеслове лишь единожды. В имяназвании чаще используются его обиходно-разговорные формы *Малахей*, *Малафей*, устраняющие окончание, тождественное окончанию женского рода²¹. Что еще более существенно, от него образуются различные гипокористические формы (такие как *Малах*, *Малаш*, *Малашко* и *Малан*), от которых уже совсем недалеко до имеющегося в нашем тексте *Маланья*.

С другой стороны, обиходные именованья *Маланья* или *Лукерья*, образованные от соответствующих мужских имен, в известном смысле не могли не ассоциироваться с женскими именами *Мелания* и *Гликерия* (*Лукерья*). Быть может, в выборе именно такой гипокористики отражалась некоторая насмешка над носителями этих антропонимов. К сожалению, оба они встречаются в письменных источниках такого типа, что мы полностью лишены возможности наблюдать за контекстом их повседневного или официального употребления: в нашем распоряжении есть только сухие перечни. Так или иначе, ни ироническое, ни нейтральное употребление подобных форм никак не может свидетельствовать о том, что Фед(ь)ка и Афон(ь)ка получили свои вторые имена в честь святых жен, а не мужей.

Иван Голиндуха, Василий Улита. Имя как комментарий

Особняком на фоне всех разобранных примеров стоят такие казусы, как Иван Голиндуха или Василий Улита. Механизм порождения двух этих антропонимических ситуаций в чем-то различен, а в чем-то, напротив, весьма сходен — и обе они, помимо всего прочего, дают нам возможность пронаблюдать ряд явлений, теснейшим образом сопряженных с христианской мирской двуименностью, но при этом ей все же не тождественных.

Начнем с антропонимического сюжета, когда мужчина, обладающий именем *Иван*, в тексте договорной грамоты первой половины XVI в. именуется еще и *Голиндухой*:

²¹ Русский антропонимический узус вообще склонен к такому устранению окончаний женского рода в полных формах мужских имен — ср. выше, в письме царя Алексея Михайловича, *Софоний* на месте *Софония*. Характерным образом в уничижительно-ласкательных формах имени гендерное противопоставление, напротив, нередко снимается.

(7041/1533 г.) Се язъ Ѳеодоръ Захарыинъ сынъ Микулина своими дѣтми, что еси продали арх. Ѳилоѡѣю Симоновскому зъ братьею селцо Соколова и зъ земельмъ хлѣбомъ съ рожью апрочи дву собенниковъ за межами, и на ту землю брата моего купчая грамота, и мнѣ та брата моего Парѡеньева купчая грамота отдати и отписъ м-ска отдати жъ слуги м-скому Ивану Голендухи ... [Шумаков, 3: 29 [№ 114/3755]].

Как известно, *Голиндуха* — это языческое имя, которое носила до своего обращения мученица Мария Персидская, чья память отмечается 12 июля (в некоторых месяцесловах — 13 июля). Насколько мы можем судить, в качестве самостоятельного христианского имени для мирян в XVI в. оно не использовалось, во всяком случае, нам неизвестны примеры, чтобы в эту эпоху девочку крестили именем *Голиндуха*²².

Иными словами, можно утверждать, что в ту пору, когда жил интересующий нас монастырский слуга, женское мирское имя *Голиндуха* в русском узусе попросту отсутствует, а именование *Голиндуха* следует рассматривать не как самостоятельное имя собственное, а как своего рода ономастический детерминатив, некое дополнительное обозначение, позволяющее, в частности, определить, о какой из свв. Марий из месяцеслова идет речь. Языческие, докрестильные именованья святых иногда в такой функции используются: именно так — не на правах крестильного, а в качестве своеобразного детерминатива — закрепляется в русском обиходе, к примеру, то имя св. Евстафия Римского, которое он носил до своего чудесного обращения, — *Плакида*²³.

Таким образом, в XVI в. как *Плакида*, так и *Голиндуха* входят в довольно обширный и разнообразный корпус именованья, которые, будучи тесно и непосредственно связаны с церковной жизнью и месяцесловом, не могут сами по себе даваться в крещении: таковы, например, обозначения *Воин*, *Постник*, *Верига*, *Кущник*, *Пророк*, *Тирон*, *Исповедник*, *Маккавей*, *Зилот* и т. п. Употребляться подобного рода именованья могут независимо и самостоятельно или рядом с «комментируемым» именем — последнее создает эффект обманчивого сходства с проявлениями мирской христианской двуименности.

²² Лишь заметно позже, во второй половине XVII в., оно начинает фиксироваться сперва как монашеское женское имя (ср. «...Голендухи схимницы...» в Синодике Дионисиево-Глушицкого монастыря кон. XVII — нач. XVIII в. [Башнин 2016: 172 [л. 6]]) и еще позднее, уже в Новое время, и притом весьма редко, — как имя мирское.

²³ Ср.: [Тупиков 1903: 361; Веселовский 1974: 246]. В 1600 г. известен также курский голова Иван, прозвище Плакида, Дмитриевич Чичерин [Барсуков 1902: 121; Ювеналий Воейков 1915: 46], не учтенный в словарях Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского. Ср. также: Матвей Юрьевич, по прозвищу Плакида, Тимирязев, воевода († 1652) [Бобринский 1: 413], Семен, прозвище Плакида, Иванович Прокудин [Лихачев, Мятлев 1911: 195 [№ 745]], Плакида Матвеев сын Румянцев [Мальцев 1940: 365 [№ 46], 373 [№ 404]], Петрунька Афанасьев сын, прозвище Плакида [Воскобойникова, Мацук 1985: 117 [л. 220 об.]] и др.

Так, в источниках может фигурировать *Федор Тирон*, нареченный, со всей очевидностью, в честь св. Федора Тирона, и обозначается этот человек то именем и эпитетом вместе, то одним лишь именем, то исключительно эпитетом²⁴. Переписчик рукописи «Маргарита» 1491 г. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря именуется *Якуш Пророк* [Дмитриева, Шаромазов 1998: 309 [примеч. К 125]], такое именование призвано было подчеркнуть, по-видимому, что Якуш был наречен именно в честь ветхозаветного патриарха, а не кого-либо из иных свв. Иаконов месяцеслова. Есть в текстах и *Логин Сотник* Григорьев сын Дворянинова²⁵, и *Василий Исповедник Федоров* сын Сверчков, и *Маркелл Воин Андреевич Арсеньев*, и *Кириак Логинов* сын, прозвище *Воин*, и *Тимофей Воин Иванов* сын, и *Захария Постник Андреев* сын *Сатин*, и *Хрисанф*, прозвище *Постник*, *Семенов* сын, и *Петр Верига Клешнин* или *Петр Верига Волконский*.

С другой стороны, в источниках можно встретить и князя *Воина Михайловича Кропоткина* или *Воина Афанасьевича Ордина-Нащокина*, и новгородского священника *Постника Александрова* или *Веригу Преснецова* сына *Толбузина*, а также стольника *Зилота*

²⁴ См., например, Купчую 1571 г. «Се язъ, Федор Тирон Родивонов сын продал есми [...] А владети мне и жити, Федору, до своей смерти в той деревни самому [...] Язъ, Тирон, продал свою деревню и руку приложил...» [Либерзон, 1 (1988): 245 [№ 403]].

²⁵ Ономастическому детерминативу *Сотник* в известном смысле «не повезло», поскольку он совпадает с названием должности, реально существовавшей на Руси в интересующую нас эпоху. Соответственно, в иных случаях действительно трудно разобраться, с чем именно в конкретном документе мы имеем дело, а иногда публикаторы того или иного источника попросту не обращают внимания на существование ономастического детерминатива и по умолчанию полагают, что речь идет об обозначении должности. Именно это и произошло, в частности, при публикации нескольких купчих 60-х годов XVI в., где Лонгин Сотник Дворянинов выступает то как продавец, то как свидетель при заключении сделки ([Либерзон, 2 (1990): 70 [№ 567], 72–73 [№ 572]]; ср.: [Ibid.: 94 [№ 626]; Акты юридические..., 1838: 127, 128 [№ 86]]); ср. также начала Купчей 1525 г. и Купчей 1537 г. из собрания актов устюжского Михаило-Архангельского монастыря, опубликованных В. П. Шляпиным: «Се язъ Логинъ Григорьевъ сын сотникъ купил есми...»; «Се язъ Логинъ сотникъ, Григорьевъ сын Козловъ, купилъ есми...» [Шляпин, 1: 113 [№ ХСП]; 102 [№ LXXXI]]. Сходная ситуация наблюдается и с меновой грамотой середины XV в., где среди послухов упомянут некий «Логинко сотник» [АСЭИ, 1: 185 [№ 256]]. На наш взгляд, основанный в том числе на этом именовании вывод исследователя данного документа, С. З. Чернова [2015: 31–32], согласно которому «мы видим [в перечне послухов] представителей княжеской администрации», чересчур поспешен и однозначен. Любопытно, что устойчивое именование *Лонгин Сотник* может появляться в источниках и применительно к монаху: так, в Синодике Переславского Никитского монастыря упоминается «родъ старца Логина Сотника Большева» ([Касаткин 1906: 92]; ср., впрочем: [Титов 1903: 11, 52, 70], где то же лицо показано без соответствующего эпитета).

Захарьевича Кишкина — число примеров в обеих группах без труда можно многократно умножить²⁶.

Сами по себе, не будучи христианскими именами, такие эпитеты вполне могли фигурировать при одном из компонентов светской христианской двуименности²⁷. Так, Федор Протасьев, одно из имен которого совпадало с именем его отца, обозначается как *Матфей / Федор Воин*:

...а по дачамъ то недвижимое состоятъ за [...] Федоромъ Воиномъ, которому молитвенное имя Матвѣй Федоровъ Протасьевъ [Яблочков 1905: 27 [N° 117]].

Иногда второе христианское имя такого обладателя эпитета-детерминатива обнаруживается при сопоставлении нескольких разных документов. Так, живший в XVI в. стольник Яков Михайлович Цыплятев в Синодике Успенского собора показан как *Яков Сотник Михайлов сын Цыплятев* [ДРВ, 6: 470]. При этом его родной сын, ясельничий великого князя Симеона Бекбулатовича, последовательно именуется в документах *Борисом Лог(в)иновичем* [Сторожев 1893: 124 [N° 14]; Кистерев 2003: 219 [N° 96]]. Следует предположить, таким образом, что его отец носил имена *Яков* и *Лонгин* (ср.: [Лихачев, Мятлев 1911: 244–245 [N° 976]]),

²⁶ Ср. данные, приведенные в словарях Н. М. Тупикова [1903] и С. Б. Веселовского [1974]. Порой такого рода эпитеты приобретают довольно неожиданный вид и как будто бы смыкаются с именами из какой-то другой, совсем немесясцесловной традиции; на деле же за ними все-таки стоит не что иное, как эпитет, отсылающий к определенной фигуре святого, небесного тезки нареченного. Так, один из представителей рода Едемских носил несколько неожиданное именование *Парис*. Ср. две записи из помянника, фиксирующие две даты, когда его надлежит поминать — дату кончины и именины: «Лѣта 7134-го [1626] годе марта в 2 день преставися Василій Васіліевъ сынъ Ъдемской пореклому Парисъ; жил 53 лѣта»; «12-го [апреля] — память Василію Васильевичу — нарицаемы Парисъ» ([Яцимирский, 2: 225, 226 [л. 41 об., л. 43 об.]]; ср.: [Безроднов 2002: 26]). Дата именин, однако, немедленно объясняет природу его необычного прозвища: 12 апреля совершается празднование св. Василию Парийскому, одному из наиболее популярных на Руси святых с этим именем. Быть может, особое указание на патронат св. Василия Парийского объясняется тем, что этот представитель семьи Едемских носил то же имя, что и его отец — не исключено, что таким образом подчеркивалась нетождественность их небесных покровителей, отец и сын одновременно были и не были тезками друг другу.

²⁷ Подчеркнем еще раз, что христианскими именами мы называем здесь лишь те, которые на Руси могли даваться человеку в крещении. Помимо уже приведенных эпитетов святых, к ним не относятся разнообразные благочестивые или насмешливые именования, связанные с церковным обиходом (*Кондак, Келарь, Игумен, Молитва, Катавасия, Аминь, Обедня* и др.). Не принадлежат к ним и собственно славянские имена, обладающие прозрачной теофорной семантикой — такие как *Богдан*. Особняком здесь стоит, пожалуй, лишь искусственное имя *Боголеп*, которое может в определенном смысле трактоваться как христианское: в интересующую нас эпоху оно никогда не давалось мирянам, но при этом так могли нарекались при монашеском постриге обладатели имени *Борис* [Успенский, Успенский 2017: 105–106].

причем указание синодика позволяет нам определить, что свое второе имя он получил в честь св. Лонгина Сотника, а не, скажем, в честь Лонгина, мученика Никомидийского, или св. Лонгина Мелитинского.

Вообще говоря, вся совокупность подобных «околоцерковных» именовании — от детерминативов из месяцеслова вроде *Тирон* и *Исповедник* до некалендарных *Кондак* или *Богдан* — нуждается в дальнейшем самостоятельном исследовании. По всей видимости, месяцесловные эпитеты (*Постник*, *Воин*, *Сотник*, *Плакида* и др.) способны выполнять по крайней мере три функции: 1) они поясняют напрямую названное имя, указывая, в честь кого из святых тезок это имя дано и на какую дату выпадают именины его обладателя (случай Федора Тирона Родионова сына); 2) они отсылают ко второму христианскому имени, напрямую не названному (случай Якова / Лонгина Сотника Цыплятева); 3) обрастая вторичной семантикой, они фигурируют в качестве самостоятельного некалендарного антропонима, подобного *Кондаку* или *Богдану*.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты далеко не всегда дают возможность определить, в какой именно ипостаси появляется в них тот или иной почерпнутый из месяцеслова эпитет. Существенно, однако, что в тех случаях, когда максимальную самостоятельность приобретает эпитет, формально являющийся существительным женского рода, он, как это вообще бывает с некалендарными именами такого типа, легко утрачивает свою жесткую гендерную заданность. Характерно, например, что уже знакомое нам именование *Плакида* в эту эпоху может встречаться не только у мужчин, но и у женщин²⁸. Так, в тяжбе, охватывающей несколько десятилетий первой половины XVII в., фигурирует вдова Соловья / Зиновия Сукина, мать Ярослава [sic!] Соловьева по имени *Плакида* (Кирьянова дочь Бакунина) [Антонов, Берелович, Назаров 2010: 792 [№ 5996-26]]²⁹.

²⁸ Именованию *Плакида*, в отличие от интересующего нас *Голиндуха*, вроде бы так и не суждено было сделаться полноценным самостоятельным христианским именем на русской почве — в качестве имени крестильного на Руси оно, судя по всему, не использовалось. С другой стороны, в качестве прозвищного имени оно употреблялось довольно охотно, о чем свидетельствует не только его прямая фиксация в источниках XVI–XVII вв., но и существование в Новое время образованных от него фамилий. Своей относительной популярностью *Плакида* обязано, надо полагать, тем вторичным семантическим связям с *плакать*, *плач*, которые возникали вокруг него на русской почве и сближали его в этом отношении с такими прозрачными месяцесловными эпитетами, как *Воин* и *Постник*.

²⁹ Христианское мирское имя Сукиной нигде не названо, но поскольку из документов явствует, что при постриге наша Плакида стала старицей *Евдокией*, то с большой долей вероятности можно предположить, что ее крестильное имя начиналось на ту же букву или во всяком случае было созвучно с иноческим *Евдокия* (о принципах монашеского имянаречения в эту эпоху см. подробнее: [Успенский, Успенский 2017; Литвина, Успенский 2018]).

На подобном фоне становится яснее, почему в интересующем нас случае именование *Голиндуха*, со всей очевидностью маркирующее память персидской мученицы, присоединяется к мужскому имени и его обладателем оказывается мужчина. С чем конкретно могло быть связано его появление?

По-видимому, перед нами своеобразный перенос по смежности, и дело объясняется тем, что поминовение св. Марии Голиндухи — это самое главное и достаточно популярное празднование, приходящееся на 12 июля, но при этом в этот же день отмечается память свв. Федора Варяга и его сына Иоанна. Вполне вероятно, что, желая подчеркнуть, в честь кого из свв. Иоаннов был наречен наш Иван, к его имени присоединили обозначение главного праздника этого дня. Вообще говоря, некоторое смешение эпитетов святых, чья память отмечалась в один день, случается как в самих месяцесловных источниках, так и в связанных с ними средневековых благочестивых практиках³⁰.

Подобный перенос мог происходить как по ошибке, так и более или менее целенаправленно. Если речь шла, к примеру, о святом более популярном и менее популярном, то эпитет, относящийся к более известному из них, мог служить своеобразным календарным маркером, мнемоническом узелком, призванным выделить дату, ставшую основой для имянаречения. *Иванов* в месяцеслове великое множество, и при этом в XVI в. Иоанн Варяг — далеко не самый знаменитый из них, не тот, что первым приходит на ум из всех его месяцесловных тезок. Эпитет же *Голиндуха* сразу позволяет понять, когда у нашего Ивана Голиндухи именины, в честь кого из свв. Иоаннов он наречен. В любом случае, наименее вероятным представляется, что он мог получить женское имя *Голиндуха* в качестве второго христианского имени, хотя бы потому, что в эту эпоху оно не использовалось в качестве такового ни для мальчиков, ни для девочек³¹.

³⁰ Так, во Вкладной и кормовой книге московского Симонова монастыря предписание о заздравном корме выглядит следующим образом: «И при их [Бориса Лыкова и его жены] животе кормы на братию ставить заздравные на их именины месяца июля в осмый на десять день, на память святого великомученика Емелияна, иже во Амастриде...» [Алексеев 2006: 36 [л. 28]]. Нигде в календарях мы не найдем великомученика Емелиана Амастридского. При этом из множества других источников мы доподлинно знаем, что Борис Лыков был крещен во имя св. Емелиана Доростольского, чья память празднуется именно в этот день, 18 июля. Тогда же, 18 июля, отмечается и память мученика Иакинфа, иже во Амастриде. Не вызывает сомнения, что указание места мученичества было «по смежности» перенесено с одного из двух страстотерпцев, показанных в календаре под общей датой, на другого.

³¹ Разумеется, нельзя отрицать и такой возможности, что наш Иван получил его, уже живя в монастыре, в силу какой-то неведомой нам особой связи с празднованием Марии Голиндухи или ее сугубым почитанием, но в таком случае речь идет уже исключительно о прозвище в современном значении этого слова, а отнюдь не о втором христианском имени.

Несколько менее однозначны в этом отношении весьма лаконичные упоминания одного из представителей рода Пушкиных, жившего в первой половине XV в. В родословных книгах он достаточно последовательно показан как Василий Улита Григорьев сын Пушкин [ВОИДР, 10: 171 [гл. 29]; Антонов 2011: 97 [л. 167 об. / 156 об.], 98 [л. 169 / 158–169 об. / 158 об.]]. Можно, разумеется, ограничиться предположением о том, что *Улита* — это нехристианское имя или прозвище Василия Пушкина, восходящее к названию соответствующего медлительного беспозвоночного. Однако трудно, да и не нужно, на наш взгляд, полностью игнорировать тот факт, что *Улита* — это традиционное для Руси форма женского календарного антропонима *Иулитта*. Если же мы принимаем в расчет это соображение, то сталкиваемся с необходимостью ответить на вопрос, каким образом это женское имя может фигурировать рядом с безусловно мужским *Василий*.

Мы полагаем, что такое причудливое соединение объясняется, как и в случае с Иваном Голиндухой, использованием одного из именованных в качестве календарного маркера для другого. Поясним, что мы имеем в виду. *Василий* (как и *Иван* или *Федор*) — одно из самых частотных имен месяцеслова, поэтому желание специально выделить, в честь кого именно из свв. Василиев тот или иной человек был наречен, представляется вполне естественным. С другой стороны, существует одна связанная с этим именем дата, которая в собственно русском контексте занимает особое место. Это не что иное, как 15 июля, день поминаения св. Владимира / Василия, крестителя Руси. Как известно, Владимир Святославич довольно долго почитался под своим крестильным именем *Василий*. Существенно, однако, что и в ту пору, когда его княжеское имя *Владимир* уже вошло в месяцесловы и охотно выбиралось при крещении, второе имя, *Василий*, по-прежнему играло немалую роль в культе этого князя и, что особенно важно для нас, время от времени давалось в его честь.

Здесь весьма показательно наречение двух серпуховских Рюриковичей, отца и сына, живших в конце XIV — XV столетии, как раз в ту эпоху, что и интересующий нас Василий Пушкин. Речь идет о Владимире Андреевиче Серпуховском, знаменитом герое Куликовской битвы, и его сыне Василии. Оба они родились в середине июля (9 и 15 июля), и оба, судя по всему, были крещены в честь равноапостольного князя Владимира, только отцу досталось династическое имя святого, а сыну — христианское [Литвина, Успенский 2006: 485]. Иными словами, произошла своеобразная инверсия обычая той эпохи, согласно которому, если принадлежащие к правящему роду отец и сын были тезками,

то у них должны были быть разные небесные покровители³². В данном же случае небесный покровитель у серпуховских князей был один, но тезками они не были, и требование антропонимического расподобления отца и сына, хотя и не вполне тривиальным способом, но было соблюдено.

Какое же отношение все вышесказанное имеет к женскому имени *Улита* (*Иулитта*)? Дело в том, что 15 июля, в тот самый день, когда совершается поминание князя Владимира / Василия Святого, празднуется память свв. Кирика и Иулитты. Собственно говоря, когда речь идет о 15 июля, упоминание свв. Кирика, Иулитты и князя Владимира / Василия являют собой датирующее указание либо в совокупности, либо в намеренном риторическом разделении. Так, в летописном житии Александра Невского в связи с этим днем поименованы все трое: «...на память святых мученикъ Кирика и Улиты и святого князя Владимирера, крестившаго Рускую землю» [ПСРЛ, 3: 292 [под 1240 г.]]. В сообщении же о рождении одного из уже упоминавшихся нами серпуховских князей имя *Владимир* эффектным образом не приведено в датирующей части летописного известия, но появляется в части, повествующей об имянаречении:

Того же лѣта мѣсяца иул[я] въ 15 день на память святую мученик[у] Кирика и Улиты князю Андрею Ивановичю родися сынъ и наречень бысть князь Володимеръ на сорочины отца своего князя Андрея, на третїей недѣли по Петровѣ дни [ПСРЛ, 15: 62–63].

В этих и многих других примерах подобного рода, где фигурируют свв. Владимир, Кирик и Иулитта, мы воочию можем наблюдать, как имена переплетаются, сплавляются с соответствующими им датами, как упоминание одного порой может замещать упоминание другого. При этом имя *Владимир* было неразрывно связано только с 15 июля и исключительно с фигурой равноапостольного князя — всякий, ставший *Владимиром* в крещении, только в честь него был мог быть наречен и только в этот день праздновал свои именины.

Что же касается христианского имени крестителя Руси, *Василий*, то ему было далеко до такой определенности. Множество дней в месяцеслове было связано с различными свв. Василиями, и 15 июля как таковое было далеко не главным из «васильевских дней». Более того, возможность нарекать *Василием*, ориентируясь на эту дату, было скорее проявлением особой месяцесловной изысканности, нежели рутинной практикой. Скорее всего, именно поэтому и возникало желание зафиксировать, что Василий Григорьевич Пушкин сделался *Василием*

³² Об этом принципе см. подробнее: [Литвина, Успенский 2006: 215–237].

не по кому-нибудь из более очевидных свв. Василиев месящеслова, но в честь прародителя всех живущих Рюриковичей, князя Владимира / Василия Святого. Наиболее эффективным средством такой фиксации оказывается датирующий маркер в виде имени, связывающего его с датой 15 июля.

Обратим внимание, что из всех перечисленных имен на роль такого маркера годилась исключительно *Улита* (*Иулитта*): появление рядом с *Василий* имен *Владимир* или *Кирик* подразумевало бы, в соответствии с обычной ономастической практикой, что у его обладателя попросту два полноценных христианских имени. Именование же *Василий Улита* скорее может означать, что человек этот стал *Василием* именно по тому дню, когда празднуют память свв. Иулитты и Владимира / Василия.

Если наши рассуждения верны, то использование такого датирующего маркера строится как раз на очевидности того факта, что у мужчины не может быть женского христианского имени, а, соответственно, его присутствие должно отсылать к чему-то иному, например, к спецификации небесного покровителя и дня его именин. При этом следует отдавать себе отчет, что антропонимический казус, связанный с отдаленным предком Пушкина, принадлежит к числу наиболее сложных примеров, где мы можем предложить лишь возможное объяснение, но отнюдь не безапелляционный вердикт.

*

Итак, взглянув на крайне немногочисленные эпизоды, где, на первый взгляд, у мужчины можно заподозрить присутствие женского имени в качестве второго элемента мирской христианской двуименности, мы обнаруживаем, что каждый такой случай может с большим правдоподобием объясняться иначе. Нарекающие полагали, что речь идет о святом муже, а не о святой жене, происходило смешение женской и мужской обиходных форм имени святого, «подозрительное» имя вовсе не употреблялось ни в качестве женского, ни в качестве мужского и т. д. и т. п. Иными словами, мы вправе утверждать, что русская христианская двуименность и в самом деле не допускала гендерного смешения, причем говорить здесь следует не просто о тенденции, но о неукоснительно соблюдаемом правиле. Едва ли дальнейшее (само по себе вполне возможное) расширение нашего микрокорпуса примеров, в которых присутствует иллюзия гендерного сдвига, способно будет существенно преобразить общую картину. Известная степень целенаправленного пренебрежения полом нарекаемого на Руси может проявиться только при выборе имени монашеского, но не христианского мирского — в этом отношении акты выбора имени для новорожденной и для инокини могут быть прямо противопоставлены друг другу.

Как кажется, эта особенность христианской двуименности позволяет, помимо всего прочего, по-новому взглянуть на гендерное распределение во всей русской позднесредневековой системе имянаречения в целом. Обращает на себя внимание явная противопоставленность двух стихий: так называемых полных форм месяцесловного христианского имени, с одной стороны, и разнообразных гипокористических, «уменьшительных» форм христианского антропонима, а заодно и всей совокупности нехристианских именовании, с другой. На русской почве полные христианские имена тяготеют к строгой дифференциации по полу, выливающуюся в стремление к грамматической дифференциации по роду, когда *Софония* становится *Софонием*, *Иеремия* — *Еремеем*, а *Малахия* — *Малафеем*. В именах же некалендарных эту тенденцию уловить практически невозможно. Характерно при этом, что гипокористические формы христианских имен нимало не стремятся какими бы то ни было грамматическими средствами подчеркнуть половую принадлежность своего обладателя³³. Именно в гипокористике в очередной раз формируется своеобразная зона нейтрализации, где снимается контрастность противопоставления между мужским и женским, между календарным и некалендарным, однако все это уже предмет отдельного самостоятельного исследования.

Библиография

Авдеев 2019

Авдеев А. Г., О мастерах, расписывавших Троицкий собор Макарьева Калязина монастыря, и времени его росписи, *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г.*, Москва, 2019, 25–27.

Акты юридические 1838

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею, С.-Петербург, 1838.

Алексеев 2006

Алексеев А. И., подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов, Алексеев А. И., Маштафаров А. В., сост. именного указателя, Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря, *Вестник церковной истории*, 2006, 3, 5–184.

³³ Здесь стоит обратить внимание на то очевидное обстоятельство, что такие формы, к примеру, как *Манька* и *Ванька*, морфологически решительно ничем не отличаются друг от друга, и их «правильное» употребление в синтагме обеспечивается только сведениями о половой принадлежности их носителей или однозначной соотносительностью с полной формой календарного имени. В отсутствии такой однозначности образуются своеобразные гендерные омонимы — *Даша* от *Дария* и от *Давыд*, *Лушка* от *Лука*, от *Лукиан* и от *Лукерия* (*Гликерия*) и т. д. и т. п.

Антонов 2011

Антонов А. В., сост., *Памятники истории русского служилого сословия*, Москва, 2011.

Антонов, Берелович, Назаров 2010

Антонов А. В., Берелович А., Назаров В. Д., ред., *Записные вотчинные книги Поместного приказа*, Москва, 2010.

АСЗ 1–4

Акты служилых землевладельцев XV–XVII века, 1–4, Москва, 1997–2008.

АСЭИ 1–3

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., 1–3, Москва, 1952–1964.

Барсуков 1902

Барсуков А. [П.], *Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия*, С.-Петербург, 1902.

Башнин 2016

Башнин Н. В., Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII — начала XVIII века из НИОР БАН, *Современные проблемы археографии*, 2: Сборник статей по материалам конференции к 300-летию Библиотеки Российской академии наук, 21–24 октября 2014 г. С.-Петербург, 2016, 166–177.

—2016a

Башнин Н. В., сост., *Приходно-расходные денежные книги вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей вологодской епархии XVII — начало XVIII в.*, Москва, С.-Петербург, 2016.

Безроднов 2002

Безроднов В. С., Семейные синодики XVII–XVIII вв. в собрании Отдела письменных источников Государственного исторического музея, *Генеалогический вестник*, 2002, 8, 19–32.

Бобринский 1–2

Бобринский А. А., *Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи*, 1–2, С.-Петербург, 1890.

Веселовский 1974

Веселовский С. Б., *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

—1975

Веселовский С. Б., сост., *Акты русского государства, 1505–1526 г.*, Бахтурина Р. В., Булыгин И. А., Ивина Л. И., Каштанов С. М., Мильготина Л. З., Назаров В. Д., Никитина Л. А., доп. и подгот. к печати, Москва, 1975.

ВОИДР 1–25

Временник императорского Московского общества истории и древностей российских, 1–25, Москва, 1849–1857.

Воскобойникова, Мацук 1985

Воскобойникова Н. П., Мацук М. А., сост., *Документы по истории народа коми: Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в.*, Сыктывкар, 1985.

Георгиевский 1900

[Георгиевский В. Т.] Архивные материалы (описи, грамоты, указы, и пр.) — приложение к описанию Ризоположенского монастыря, *Труды Владимирской ученой архивной комиссии*, 2, Владимир, 1900, 1–68.

Герберштейн 1988

Сигизмунд Герберштейн, *Записки о Московии*, Малеин А. И., Назаренко А. В., пер. с нем., Москва, 1988.

Дмитриева, Шаромазов 1998

Дмитриева З. В., Шаромазов М. Н., сост. и коммент., *Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.*, С.-Петербург, 1998.

ДРВ 1–10

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., 1–10, Москва, 1788–1791.

Касаткин 1906

Касаткин В. В., *Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов*, 1: Монастыри (= Труды Владимирской ученой комиссии, 8[Материалы], прилож. 3), Владимир, 1906

Кистерев 2003

Кистерев С. Н., *Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов, Русский дипломатарий*, 9, Москва, 2003, 59–234.

Кистерев, Тимошина 1998

Кистерев С. Н., Тимошина Л. А., сост., *Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг.*, Москва, 1998.

Копанев 1966

Копанев А. И., *Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. А) Записная книга старых крепостей 1598 г. Б) Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в., Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги библиотеки Академии наук СССР*, Москва, Ленинград, 1966, 143–198.

Ламанский 1861

Ламанский В., публ., *Грамоты (Алексея Михайловича) к князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, Записки Отделения русской и славянской археологии имп. археологического общества*, 2, С.-Петербург, 1861, 756–765.

Левина 2006

Левина Т. В., *Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века: Собрание музея-заповедника «Коломенское», Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: Материалы к своду*, Беляев Л. А., отв. ред. и сост., Москва, 2006, 82–123.

Левицкая 1994

Левицкая Н. В., *Синодики Переславских монастырей как исторический источник, Генеалогические исследования*, Москва, 1994, 78–88.

Либерзон 1–2

Либерзон И. З., сост., *Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг.* (= Акты социально-экономической истории Севера России XV–XVI вв.), Ленинград, 1988–1990.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники*, Москва, 2006.

— 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, Средневековая Русь*, 13, Горский А. А., отв. ред., Москва, 2018, 241–280.

Лихачев, Мятлев 1911

Лихачев Н. П., Мятлев Н. В., *Тысячная книга 7059–1550 года*, Орел, 1911.

Макарий Миролюбов 1857

Макарий (Миролюбов), *Памятники церковных древностей: Нижегородская губерния*, С.-Петербург, 1857.

Мальцев 1940

Десятня 7114 по Смоленску, Мальцев В. П., *Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.)*, Приложение 2, 3, Смоленск, 1940, 364–393.

Мартынов 1895

[Мартынов А. А.] Надгробная летопись Москвы. Уцелевшие надгробные надписи в московских церквях, собранные А. А. Мартыновым, *Русский архив*, 1895, 2–7, 279–284, 408–413, 549–554, 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.

Мейерберг 1874

Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом, Москва, 1874.

Павлов-Сильванский 1985

Павлов-Сильванский В. И., подг. текста и вступ. ст., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Корецкий В. И., ред., Москва, 1985.

Панова 2003

Панова Т. Д., *Некрополи Московского Кремля*, изд. 2-е, испр. и доп. Москва, 2003.

Парфенова 1994

Парфенова Н. Н., В крещении Иосиф, в миру Остромир, *Русская речь*, 1994, 3: Май–июнь, 98–102.

——— 1994a

Парфенова Н. Н., Историческая антропонимия как характеристика положения русской женщины (по данным деловой письменности Зауралья XVI–XVIII веков), *Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г.* Москва, 1994, 373–379.

ПСРЛ 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43. С.-Петербург (Петроград/Ленинград), Москва, 1841–2004.

Ракитина 2009

Ракитина М. Г., Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв., *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей*, Москва, 2009, 46–70.

Сергий Спасский 1–3

Сергий (Спасский), *Полный месяцеслов Востока*. 1–3, Владимир, 1901; [репринт: Москва, 1997].

Сторожев 1893

Сторожев В. Н., *Тверское дворянство XVII века. Вып. II: Состав дворянства по десятиям XVII века*, Тверь, 1893.

Темчин 2012

Темчин С. Ю., Имела ли княжна Ефросинья Ростиславовна прозвище Измарагд: К интерпретации сообщения Ипатьевской летописи (1198 г.), *Доклад на круглом столе «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе»*, Москва, Институт славяноведения РАН, 13–14 июня 2012 г.

Титов 1902

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря*, Москва, 1902.

——— 1903

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря*, Москва, 1903.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург, 1903.

Усачев 1–2

Усачев А. С., *Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей*, 1–2, Москва, С.-Петербург, 2018.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, С.-Петербург, 2017.

Чернов 2015

Чернов С. З., Ростовские переселенцы в Радонеже: Тормосовы и Дюдевы, *Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. Материалы международной научной конференции*, Юхименко Е. М., сост. и науч. ред. (= Труды ГИМ, 202), Москва, 2015, 19–46.

Шляпин 1–2

Шляпин В. П., *Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря*, 1–2, Великий Устюг, 1912–1913.

Шумаков 1–4

Шумаков С. А., *Обзор «Грамот коллегии экономии»*, 1–4, Москва, 1899–1917.

Ювеналий Воейков 1915

Ювеналий (Воейков), Историческое родословие благородных дворян Чичериных, *Известия тамбовской ученой архивной комиссии*, 56, Тамбов, 1915, 45–62.

Яблочков 1905

Яблочков Т. М., сост., *Дворянское сословие Тульской губернии*, 9, Тула, 1905.

Яцимирский, 1–2

Яцимирский А. П., *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина*, изд. П. И. Щукина, 1–2, Москва, 1896–1897.

References

Alekseev A. I., Mashtafarov A. V., eds., *Vkladnaia i Kormovaia kniga Moskovskogo Simonova monastyria*, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2006, 3, 5–184.

Antonov A. V., ed., *Pamiatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviia*, Moscow, 2011.

Antonov A. V., Berelovich A., Nazarov V. D., eds., *Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza*, Moscow, 2010.

Avdeev A. G., O masterakh, raspisyvavshikh Troitskii sobor Makar'eva Kaliazina monastyria, i vremeni ego rospisi, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 11–12 aprelia 2019 g.*, Moscow, 2019, 25–27.

Bashnin N. V., Fragment sinodika Dionisievo-Glushitskogo monastyria kontsa XVII — nachala XVIII veka iz NIOR BAN, *Sovremennye problemy arkhografii*, 2: Sbornik statei po materialam konferentsii k 300-letiiu Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk, 21–24 oktiabria 2014 g. St. Petersburg, 2016, 166–177.

Bashnin N. V., sost., *Prikladno-raskhodnye denzhnye knigi vologodskogo arkhiepiskskogo doma sviatoi Sofii i okladnye knigi tserkvei vologodskoi eparkhii XVII — nachalo XVIII v.*, Moscow, St. Petersburg, 2016.

Bezrodnov V. S., Semeinye sinodiki XVII–XVIII vv. v sobranii Otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia, *Genealogicheskii vestnik*, 2002, 8.

Chernov S. Z., Rostovskie pereselentsy v Radonezhe: Tormosovy i Diudevy, *Prepodobnyi Sergii Radonezhskii: istoriia i agiografiia, ikonopisnyi obraz i monastyrskie traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (= Trudy GIM, 202), Moscow, 2015, 19–46.

Dmitrieva Z. V., Sharomazov M. N., eds., *Opis' stroenii i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyria 1601 g.*, St. Petersburg, 1998.

Kisterev S. N., Akty Moskovskogo Chudova monastyria 1507–1606 godov, *Russkii diplomatiarii*, 9, Moscow, 2003, 59–234.

Kisterev S. N., Timoshina L. A., eds., *Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyria 1506–1608 gg.*, Moscow, 1998.

Kopanev A. I., Materialy po istorii krest'ianstva kontsa XVI i pervoi poloviny XVII v. A) Zapisnaia kniga starykh krepostei 1598 g. B) Otsennaia kniga Kemskoi volosti s volostkami 30-kh godov XVII v., *Materialy i soobshcheniia po fondam otdela rukopisnoi i redkoi knigi biblioteki Akademii nauk SSSR*, Moscow, Leningrad, 1966, 143–198.

Levina T. V., Belokamennoe nadgrobie XV — nachala XVIII veka: Sobranie muzeia-zapovednika «Kolomenskoe», *Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII veka: Materialy k svodu*, Moscow, 2006, 82–123.

Levitskaya N. V., Sinodiki Pereslavl'skikh monastyrei kak istoricheskie istochniki, *Genealogicheskie issledovaniia*, Moscow, 1994, 78–88.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponomimiki*, Moscow, 2006.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, *Srednevekovai Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.

Maltsev V. P., Desiatnia 7114 po Smolensku, *Idem, Bor'ba za Smolensk (XVI–XVII vv.)*, *Prilozhenie* 2, 3, Smolensk, 1940, 364–393.

Panova T. D., *Nekropoli Moskovskogo Kremlia*, 2nd ed., Moscow, 2003.

Parfenova N. N., V kreshchenii Iosif, v miru Ostromir, *Russkaia rech'*, 1994, 3, 98–102.

Parfenova N. N., Istorieskaia antroponomimii kak kharakteristika polozheniia russkoi zhenshchiny (po dannym delovoi pis'mennosti Zaural'ia XVI–XVIII vekov), *Zhenshchina i svoboda: Puti vybora v mire traditsii i peremen. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 1993 g.* Moskva, 1994, 373–379.

Pavlov-Silvansky V. I., ed., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria*, Moscow, 1985.

Rakitina M. G., Obriady rozhdeniia i kreshcheniia tsarskikh detei v Rossii XVI–XVII vv., *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.): Sbornik statei*, Moscow, 2009, 46–70.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, St. Petersburg, 2017.

Veselovsky S. B., *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii*, Moscow, 1974.

Veselovsky S. B., ed., *Akty russkogo gosudarstva, 1505–1526 g.*, Moscow, 1975.

Voskoboinikov N. P., Matsuk M. A., eds., *Dokumenty po istorii naroda komi: Pistsovaia i perepisnye knigi iarenskogo uezda XVII v.*, Syktyvkar, 1985.

Анна Феликсовна Литвина,

кандидат филологических наук,

ведущий научный сотрудник

Лаборатории лингвосомиотики Школы филологии

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики».

Москва, 105066, Старая Басманная ул., 21/4

Россия / Russia

e-mail: annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский,

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН,

главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;

ведущий научный сотрудник

научно-учебной лаборатории медиевистических исследований

Школы исторических наук

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

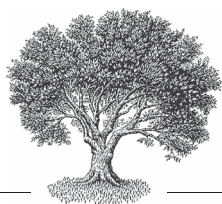
«Высшая школа экономики».

Москва, 119991, Ленинский проспект., 32А

Россия / Russia

e-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com

Received May 18, 2019

The Great Turkes Defiance Revisited

Daniel C. Waugh

University of Washington
Seattle, USA

Еще раз о «Вызове великого турка»

Даниэль К. Уо

Университет Вашингтона
Сиэтл, США

Abstract

Four decades after his monograph on the apocryphal correspondence of the Ottoman sultan was published, the author reviews the previous study of the subject, the origins of his book, its skeptical reception then, and the current acceptance of its main argument that most of the Russian versions of that correspondence are translations from Western European pamphlets and newspapers. Recent scholarship has located additional proof, and the current article presents further information which should help identify the sources for some of the Russian texts.

Keywords

turcica, apocryphal letters, kuranty, translated literature, Ottoman Empire

Резюме

По случаю сорокалетия публикации своей монографии о легендарной переписке турецкого султана автор в настоящей статье рассматривает историю изучения предмета, рассказывает о возникновении своей книги, о ее первоначальном скептическом приеме и о нынешнем согласии ученых с ее главным аргументом о том, что большинство русских текстов переписки являются переводами с западных газет и брошюр. Новые исследования обнаружили дополнительные доказательства этой концепции, и в настоящей

Citation: Waugh D. C. (2019) The Great Turkes Defiance Revisited. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 162–187.

Цитирование: Уо Д. К. Еще раз о «Вызове великого турка» // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 162–187.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.6

статье описываются новые материалы, которые должны содействовать нахождению источников некоторых русских текстов.

Ключевые слова

туркика, легендарная переписка, куранты, переводная литература, Османская империя

It is four decades since I published my monograph, *The Great Turkes Defiance*, and just over four centuries since the publication of the English pamphlet whose title I borrowed [Waugh 1978; *Great Turkes Defiance* 1613]¹. This seems to be an appropriate time to review the antecedents to the book, its subject matter, and the ongoing scholarship which is elaborating on and correcting some of its conclusions. There is a great deal of new material which has been uncovered in the last 40 years, and the discoveries continue.

The book is a substantial re-working and expansion of one chapter from my 1972 dissertation on Muscovite literature with Turkish themes [Waugh 1972]. The subject of the monograph is the apocryphal correspondence of the Ottoman sultan with various addressees, in many cases only the sultan's threatening letter, in other instances with a reply. These texts were amongst the most wide-spread examples of anti-Turkish propaganda in early modern Europe, their origin traceable to the late 15th century. In the 16th and 17th centuries, during almost every war against the Ottomans, versions of what was in its core the same threatening letter ostensibly written by the sultan would appear in print or manuscript. The addressee most commonly was the Habsburg Emperor; many of the letters are addressed to the King of Poland, and a few to the Cossacks. The letters continued to be "re-issued" in certain contexts even down through the 20th century. Analyzing the versions of the letters that appeared in Muscovy, Poland and Ukraine was the focus of my book.

Russian versions of some of these texts were already attracting the attention of scholars as early as the 19th century. Andrei Popov published a noteworthy group of the letters from a Khronograf manuscript dated 1696 [Попов 1869: 448–458]. Another substantial group of them, in a late-17th—early 18th-century manuscript was the basis for an important article by K. V. Kharlampovich, who published some, but not all of the texts [Харлампович 1923]². Both Kharlampovich and A. I. Sobolevskii, in his pioneering study of Muscovite translated literature, asserted that at least some of the Russian texts were translations, not original compositions [Соболевский 1903: 238–239, 243–244].

¹ For a recent, brief summary about the apocryphal letters, published in reference series on Christian-Muslim relations, see [Waugh 2016].

² For more on this manuscript and the texts, see below.

We are indebted to the late Marianna Davidovna Kagan-Tarkovskaia for the first comprehensive effort to study the Russian texts in two important articles in the 1950s [Karan 1958a; 1958b]. Her articles included critical editions of the texts based on a great many manuscript copies. She situated the letters in the context of the creation of “documentary belles lettres” that is literary/polemical works written most probably by individuals who had some connection to the Muscovite Ambassadorial Chancery (*Posol'skii prikaz*). She published as well apocryphal correspondence of the sultan with Tsar Ivan IV, whose texts, while possibly inspired by the other apocryphal letters, belong to a different textual tradition [Karan 1957].

It was Mme. Kagan's work which to a considerable degree inspired me to choose my dissertation topic, although when I did so, I could not fully anticipate how my conclusions about most of texts would end up overturning hers. My study of the letters was broadly comparative, where I was able to locate a great many of the non-Russian versions, texts to which Mme. Kagan did not have access. From a close comparison of the texts in several languages, I then demonstrated (at least to my satisfaction) that, apart from the correspondence between the sultan and Ivan, most of the other letters were undoubtedly translations. It was possible to suggest lines of filiation and posit the existence of other likely versions, even though I did not have in every case what was arguably the direct source which could have been used by a translator in Moscow.

Understandably my work was greeted by Russian scholars with some skepticism. After all, I was a foreigner and an unknown beginning scholar. At least in part, opinion must have been colored by my association with my mentor, Professor Edward Keenan, to whose heretical book questioning the authorship of the correspondence between Prince Andrei Kurbskii and Tsar Ivan IV I had contributed [Keenan 1971]. To question the originality or attribution of widely known texts of early Russian literature was unacceptable to most Russian scholars then (and, I imagine, a good many of them today). While I have only a vague memory of the discussion, the presentation of my work on the letters at a meeting of the Sector of Old Russian Literature in Pushkinskii dom on 3 November 1971 failed to convince the distinguished audience. I had brought with me to Leningrad a copy of the proofs of Keenan's book; it was already becoming known.

The first of my publications on the sultan's correspondence was a long article about the exchange with the Cossacks, placed in a journal which would not have been widely accessible [Waugh 1971]. On completion of the dissertation in 1972, I sent a copy of it for deposit in the Library of the Academy of Sciences, where it probably languished un-read. And there is good reason to think that at least at first, when my monograph on the letters appeared in

1978, many who perhaps should have read it did not, since it is in English. It certainly should have been accessible though, as I had sent numerous copies to the Soviet Union. If for no other reason, my article and book would be of value because they included in the appendices a good many previously unpublished versions of the letters.

Perhaps the first scholar to accept my argument about the letters being translations was in fact Marianna Davidovna Kagan-Tarkovskaia, in private correspondence³. As the leading Russian authority on the letters, she was responsible for preparing the editions for the comprehensive *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Каган 2010] and for writing the entries in the *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Каган 1993]. In both of these publications, she cited my work carefully and accepted some of my conclusions, but in cases where I had not been able to identify an exact source, she still was inclined to argue at least for some originality on the part of Russian bookmen who were involved in their production. Her argument that the response by Emperor Leopold I to the sultan's letter of 1663 is an original work still seems to be correct, and questions remain especially regarding the chronology and provenance of the correspondence with the Cossacks⁴.

Subsequent work, some of it very recent, has now filled in gaps in my evidence and provided some corrections, the result being that to a considerable degree my argument about translation has ceased to be controversial. In 2006, Prof. Ingrid Maier identified and published the exact Dutch source for one of the letters, correcting my mis-identification that a different, if textually very close, Dutch publication was the source [Maier 2006]. In 2007, for another of the translations, she and Stepan Mikhailovich Shamin published the archival original which Shamin had located, along with the exact source, a Dutch broadside which Maier had found [Майер и Ша-мин 2007]. I had known the text only from copies outside of the original archival environment and had failed to locate the Western source. Maier's careful linguistic analysis of the texts provides important information on the skill of the translators. Shamin recently discovered in the Muscovite Polish affairs files a previously unknown translation from Polish of the sultan's apocryphal letter to the king which had been brought Moscow on 20 December 1642 by a *kadashovets* Ivan Stepanov⁵. Shamin has also found

³ I should note she was always most generous in sharing her work with me. When she was defending her *kandidat* dissertation, devoted to the "Tale of Two Embassies" (Повесть о двух посольствах), I was asked to write a formal *otzyv*, which I was pleased to do.

⁴ With regard to that correspondence with Leopold, my detailed analysis in [Waugh 1978: 66-75] retains its value; in [Ibid.: 60-65], the discussion of the Cossack correspondence supplements what I had published in my article on it in [Waugh 1971].

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1642 г. Ед. хр. 2. Л. 80-85, a copy of which was generously provided to me by Stepan Shamin. Its publication and analysis lie ahead. A preliminary

striking new evidence about the receipt of German newspapers that then were translated for the *kuranty* in 1683 and included the sultan's apocryphal correspondence with the Habsburg Emperor published in conjunction with the Ottoman attack on Vienna in that year [Шамин 2015]. I shall discuss those letters further below.

Apart from the archival originals of the letters and the identification of their sources, ongoing work is producing new evidence about copies that circulated outside of the chanceries. I was able to demonstrate in 2003 that the manuscript Kharlampovych had used when it was still in Kazan' prior to the Revolution of 1917 (it is now in Tashkent!) was compiled in Khlynov (Viatka) in the late 17th and early 18th centuries⁶. In it is a variant of the apocryphal correspondence which Kharlampovych had not chosen to publish [Yo 2003: 100–101, 298–300 (publication of that text)]. Ivan Anatol'evich Poliakov has very recently found what appears to be the earliest manuscript copy of two of the apocrypha, one a letter addressed to the King of Poland, Jan Kazimierz, and the other the correspondence with the Chyhyryn Cossacks [Поляков 2018]. This discovery raises new questions about the circulation of the letters outside of the chancery milieu in which they presumably originated. In a forthcoming article, Tat'iana Anatol'evna Bazarova publishes information on a newly discovered copy of one of the apocryphal letters which was sent to the Northern Dvina region along with reports about the siege and taking of Azov in the mid-1690s [Базарова (в печати)]⁷.

My ongoing work on the book Ingrid Maier and I are finishing about news in Muscovy has now turned up additional evidence about the apocryphal letters which merits some detailed discussion here.

---

comparison with the known versions of the sultan's letter to the King of Poland, published by [Каран 1958b: 240–244], reveals substantial differences—the new text is shorter than the “long version” of 1637 but longer than the “short version.” The presumed Polish original in many ways seems to be reflected in a late Muscovite manuscript transcription (in Cyrillic) published in [Waugh 1978: Appendix 3, 206–207]. However, it is premature to suggest that that text was based on a presumed Polish archival original for the 1642 translation. In general there are so many phrases and sentences common to all the versions of the sultan's letter to the king, a substantial amount of work will be needed to locate the 1642 text properly in the stemma of the other known versions.

It is important to note that some apocryphal letters attributed to the sultan include ones that fall outside the textual groupings I have focused on in my work. An example is the yet unpublished letter purportedly sent by the sultan to the Pope, a translation of which Shamin has found in the 1687 *kuranty* files (which he discusses in some detail in his forthcoming book). The archival copy, yet unpublished, and its source yet unidentified is РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Л. 96–101.

⁶ The manuscript is in the National Library of Uzbekistan (Ўзбекистон Миллий кутубхонаси). Пи9250; it has been described and analyzed in detail in [Yo 2003].

⁷ I am grateful to the author for sharing this yet unpublished article with me.

The letter to the Habsburg Emperor and King of Poland

To date there is only one known copy of the Russian version of this letter, in the manuscript that was assembled in Khlynov at the end of the 17th and beginning of the 18th centuries. Apart from the fact the sultan is addressing both rulers, the distinctive feature of this text is an enumeration at the end of the letter of various public buildings and facilities in the Ottoman capital. As I demonstrated in my book (using Kharlampovych's publication of the text), the core of the letter otherwise places it in what I called Group B of the apocryphal letters. That analysis though was in some ways problematic, since we cannot be certain how well the one Russian manuscript copy represents the original Russian version of the text. Furthermore, the comparative example I had to use, for want of any other containing the distinctive textual features, was a pamphlet published in English by Nathaniel Butter in 1640, on the face of it an unlikely source for the Russian translation even if textually close to it. We cannot be certain of the date of the translation, which I somewhat arbitrarily indicated as "mid-17th century". While I still cannot claim to have found the exact source for the Russian translation, I now have in hand a good many other printed versions of this letter which are instructive to review. This evidence is revealing of the patterns of dissemination of these texts and may at least hint at where we can hope yet to find the source for the Russian translation.

It now seems that the earliest version of the letter addressed to both rulers and containing the appended details about Istanbul is in a German pamphlet published in 1621 in Olmütz/Olomouc in Moravia [*Warhafftige Absagung* 1621]. The title page boasts a woodcut showing two confronted rulers, one in a turban (presumably the Ottoman sultan), the other with a crown (most likely the Habsburg Emperor, who seems to be the principal addressee of the letter). The title page also points to a further source for the letter: "Diese Absagung ist von mir Johannes Werner von Ulmitz in Mehren bürtig / in offenen Druck gegeben / und von meinem guten Freunde von Breßburg auß Ungern mir zugeschrieben worden." Presumably the context for the appearance of the letter was the revolt of the Protestant Prince of Transylvania, Gábor Bethlen, against the Catholic Habsburgs (whose forces included Polish mercenaries) [Gabriel, n. d.]. This prince was supported at various points in his career by the Ottomans. Allied with the Czechs, he was elected King of Hungary, which then led to renewed open hostilities against the Habsburgs in September 1620. At the end of 1621, he again was forced to sue for peace. The name assigned by the pamphlet to the Ottoman sultan (Salamahomet) is something of a mystery, as Osman II was sultan from 1618–1622, succeeded by Mustafa I, who survived on the throne only for about a year and a half. Very likely, the composer of the original for the apocryphal letter was somehow garbling the name Suleyman, suggesting a further, 16th-century source from the time of Suleyman

I (r. 1520–1566).

Two further editions of the letter were printed in Olomouc in 1622 by Paul Schram, one retaining the same woodcut on the title page [*Warhatige Absagung* 1622], but the second, newly typeset, illustrated with a woodcut of a city under siege by, apparently, European (not Turkish) soldiers. Apart from some minor spelling variants and one passage in the descriptive enumeration for Istanbul, the texts of all three pamphlets are identical⁸. All of them add after the sultan's letter prophecies about the end of the Ottomans and the restoration of Christianity in their territories. The concluding section is a poem by Caspar Fuger, elaborating on the prophecy with appropriate biblical references.

Two decades later, another German printing of this text appeared, clearly deriving either from one of the Olomouc imprints or, more likely, from their source [*Warhafftiger Absage-Brieff* ca. 1644]⁹. The title page of the new printing lacks the woodcut, but the type on all the pages is set in a frame. The text on that new title page is somewhat condensed compared to that in the earlier imprints, but at the end, like them, it indicates “Dieser Absage-Brieff is von mir Johann Werner Buchhandler zu Preßburg in offenen Druck gegeben worden”. Below that is the further indication: “Erstlich Gedruckt zu Preßburg / Im 1644 Jahr.” In this imprint, the main part of the text is very close to that in the earlier printings, but two of the variant readings are of interest for what they reveal about the way that unfamiliar names can easily end up being distorted when a text is copied. The 1622 pamphlet includes in the sultan's titles “ein König in gantz Arabia und Mecha / ein Hertzog des Edlen Stammes in Grecia / und der Chur Armenia”, whereas in 1644, the passage reads: “ein König in gantz Arabien und America / ein Groß-Hertzog des Edlen Stammes in Graecia und Curaxiemia”. The 1644 pamphlet omits the specific reference to Vienna that is in the earlier printing. There are some substantial differences between the 1644 and 1622 editions in the information about the number of towers, churches etc. in Istanbul (see note 8).

Yet another German printing of the text appeared in 1652 [*Erschrecklicher Absag-Vrief* 1652]. In it, the sultan's name has now been changed to “Molo Machometh”, perhaps because this was already the reign of Mehmet IV (1648–1687). The text condenses the sultan's titulature, replacing the presumably

⁸ The enumeration in the 1621 pamphlet reads in part: “die Stadt helt in der Ringmawren vier Deutsche Meilen / der grossen Thor sind an der Stadt vier und zwentzig / der grossen Thürme die zimlich hoch sind auff der Mawren / sind drey hundert und sechzig / der Kirchen gross und klein in dieser Stad seind vier tausent ein hundert und siebenzehn [...]” The 1622 printing (VD17 14:003219F) reads: “die Stadt helt in der Ringmawren vier Deutsche Meilen / der grossen Thürme die zimlich hoch sind auff der Mawren / sind drey hundert und sechzig / der Kirchen gross und klein in dieser Stadt / seynd vier Tausent ein hundert und siebenzehnen / Tausent sechs hundert Mühlen...”

⁹ This unique copy is defective, with only the first three leaves, breaking off before the end of the enumeration of the sites in Istanbul.

unfamiliar “Mecha” of the original with “Mohrenland” and deleting what was probably deemed an incomprehensible “ein Hertzog des Edlen Stammes in Grecia / und der Chur Armenia /ein geborner Fürst unnd Herr des Dürren Baumes so an dem Berge Arachia stehet”. In enumerating the size of his army, where in the 1622 pamphlet the sultan boasted “etlich hundert tausent starck zu Roß und Fuß,” here we read “1300000. Mann starck zu Roß und Fuß.” The listing of Istanbul sites at the end is fairly close to that in the 1622 pamphlet; but in the final *datatio*, the text deletes the line referring to the sultan’s age. There is no appended section with prophecies.

Before describing the final set of German versions of the letter (both published in 1663), we should look at the versions that appeared in England in 1640, one of which points to a possible different branch of the genealogy of the text, and the other providing striking evidence of how such texts might then be transformed for popular consumption and oral transmission. The London publisher and bookseller, Nathaniel Butter (d. 1664), pioneered in the printing and distribution of foreign news in England in the first half of the 17th century, in the process not always managing to avoid arrest for violating the changing press laws. While there were several years in the 1630s when printing of news about the Thirty Years War was forbidden, between 1638 and 1642, it became legal again. Butter issued a great many news pamphlets, often with sensational titles. One of them, published in 1640, featured an English translation of the sultan’s letter to the Emperor and the King of Poland, following which were several datelined news items from various cities [*True and fearfull pronouncing* 1640]¹⁰. In most respects, Butter’s text is a quite faithful rendering of what had appeared in German in 1622. Note, however, his “King of whole Arabia and Media, Duke of the Noble Race in Greece and Armenia”, omitting “ein geborner Fürst unnd Herr des durren Baumes so an dem Berge Arachia stehet”. The sultan’s forces include “1300000 men, both horse and foot”. Most, but not all, of his numbers in the enumeration of sites in Istanbul are those also in the 1622 pamphlet, but where that imprint indicates the age of the sultan is 28, Butter gives him 39 years. As Butter’s title page informs the reader, the sultan to whom the letter is attributed (“Soloma Hometh”) fortunately is now dead, but presumably his successor will pursue the same evil designs against Christendom. While there is no indication of what Butter’s exact source might have been, he reassures readers that the information in the pamphlet is “Confirmed by diverse Letters from several places, which you shall finde heer truly set downe”.

Indeed, the first of the news items, datelined “Venice the 13.23. of March” (that is, using both the old and new style calendar dates), reports the death of

¹⁰ Butter’s pamphlet and the broadside based on it discussed below may be accessed via the Early English Books Online database through libraries which subscribe to it.

the sultan (Murad IV, not named) at age 33 after reigning for 17 years, and the accession of Ibrahim, who would rule until 1648. The report goes on to indicate the Ottomans are launching a major campaign against Poland. All of the other reports which follow in the pamphlet contain news about the Turkish campaign against Poland and/or Ottoman successes at sea. While we cannot be certain about Butter's sources, since such news reports could be repeated in more than one contemporary newspaper or newsletter, it is at least suggestive that some of the reports are almost identical with ones printed in Dutch newspapers¹¹. The fact that the holdings of Dutch newspapers for this period have many gaps makes it impossible to see whether other parts of Butter's pamphlet may have been drawn from them. However, it is at least reasonable to hypothesize that his source for the sultan's letter was in Dutch, given the close connections he and the other English newsmongers had with the press in the Netherlands. Dutch translations of the apocryphal letters (many surely from German versions) seem to have been quite common. At least one other Dutch newspaper we have found opens with the text of an apocryphal letter of the sultan addressed to the King of Poland, that text though not the same one we are discussing here¹².

Apart from any bearing its text may have on our search for the source of the Russian translation, Nathaniel Butter's publication of the apocryphal letter is of great interest for quite a different reason. Most recent scholarship on news and its dissemination in early modern Europe stresses the importance of oral transmission [Pettegree 2014: 118–148; Chartier 1999; Rospocher and Salzberg 2012; Fox 2000: esp. Chs. 6, 7; Jones 2005]. Written news texts (manuscript or printed) were commonly read aloud or quoted in conversation. The pamphlet literature such as that containing the sultan's apocryphal letters often emphasized the sensational, its contents potentially having very broad appeal even amongst formally illiterate groups in society. One means by which news then might be spread was through ballads composed on the basis of prose reports but then sung by wandering performers and/or made available in print. Butter's publication of the sultan's letter was the source for

¹¹ Most of the report from Venice on the death of the sultan is a verbatim translation from the second part of a report datelined Venice, 26 March, printed in Amsterdam on 21 April in TVQ 1640, No. 16. Butter's final report, dated March 31/April 10, is a verbatim rendering of another (datelined Leipzig, 31 March) in the same issue of the paper, in which the news was communicated from Danzig. TVQ, 1640, No. 18, published on 5 May, included several items datelined Venice, 6 April, the last of which, from Constantinople, is the same as Butter's report datelined Venice March 27/April 6. We have accessed the early Dutch newspapers via the "Delpher" website [Delpher].

¹² The text is entitled "Copia eens Briefs van den Sultan, des Turckschen Keyzers Soon, gesonden aen Iohannem Casimirum Konink van Polen, inde Maent Augusty 1652." It appeared in ODC, 1652, No. 52, published in Amsterdam on 24 December. While the newspaper omitted the *intitulatio*, the *dispositio* of the letter corresponds closely to that in [Kurtzer Bericht 1653].

just such a ballad, published as a broadside in the same year (1640) in London [*Great Turks challenge* 1640]¹³. An anonymous author took the texts of the letter and the appended news reports and wove them into verses, indicating for purchasers two presumably popular tunes to which the verse could be sung. The broadside was illustrated with images of a standing Turk, a be-robed and crowned Western monarch, and a Western knight on a prancing horse accompanied by a lion rampant. Broadside such as this were widely sold in England (and on the Continent), reaching audiences in smaller towns or the countryside who might otherwise not have become aware of the original “news” report. Once committed to verse and sung, the sultan’s threats could readily have passed from mouth to mouth without any further need for a written text. Whether they were treated as news, of course, rather than sung simply for entertainment value, is a good question.

The last printed examples of the sultan’s letter to the emperor and king which we so far have located are two published in German in 1663, which I shall refer to as 1663A [*Copia oder Warhafftige Zeitung* 1663] and 1663B [*Warhaffte und erschröckliche Absagung* 1663]. 1663A includes a prayer at the end of the letter; 1663B, includes instead of a prayer a citation from Luther’s advice to Christians, which would suggest the pamphlet was probably printed in a mainly Protestant city. On the title page of 1663B is a woodcut showing a turbaned Turk facing a presumably Christian ruler, the two of them holding on to the handle of a scimitar. This would seem to be identical with the woodcut that decorates a pamphlet with the apocryphal letter of the sultan (in a different textual variant) addressed to Emperor Matthias and published in Prague in 1613 [*Absagbrieff* 1613], which makes it likely that Prague was also the place where 1663B was published. While the name given the sultan in 1663A (Salomahomet) suggests it is the closer of the two to what was most common in the earlier printings of the letter (1663B gives a nonsensical Salomo Eonid), the few variant readings between these otherwise nearly identical renderings of the letter would suggest neither can be the direct source for my “Russian mid-17th century”.

Let us look at a tabulation of key readings to see what might be concluded about that source¹⁴.

¹³ This certainly was not the first time one of the apocryphal letters had been rendered in verse. An Italian pamphlet published in 1532 contained a verse rendition of the sultan’s letter and the response to it [*Questa e la lettera* (1532)]; see [Waugh 1978: III. 2, 101].

¹⁴ The tabulation shows the correspondence of the individual textual units, not necessarily their actual sequence in each individual pamphlet, a matter discussed following the table below.

Warhatige Absagung 1622	True and fearfull pronouncing 1640	Erschrecklicher Absag-Vrief 1652	Copia oder Warhafftige Zeitung 1663 (1663A)	Список епистолия султана (Харлампович 1923: 211)
Judea	Iudea	Judea	India	Ниневитцкий Иудейский же и богатые Индеи
Mecha	Media	Mohrenland	Media	мед(и)цкий
Chur Armenia	Armenia	—	Chur Armenia	избранстве арменском урожений
mit 13. Königreichen und Völkern / etlich hundert tausent starck zu Roß und Fuß / mit Türcken und Türkischer Rüstung / ja mit aller unser Käyserlichen Macht	with 13. Kingdomes and Nations, and with 1300000 men, both horse and foot, with tyranny and Turkie power and Armours, yea with our Imperiall strength	mit 13. Königen und 1300000. Mann starck zu Roß und Fuß / zu überziehen / und mit unerhörter Tyranny und Türkischer Macht	mit dreyzehnen Königreichen und Völkern / ja mit 300000. (drey mal hundert tausent) Mann starck zu Roß und Fuß / mit Tyranny und Türkischer Macht / und Rüstung ja mit unser Käyserlichen Macht	тремнадцатьми господарствы со всеми народы силами нашими стат тысяща тысящ и триста тысящ конных и пеших воинов, то есть сила наша великого монарха турецкого
vor Wien deiner HauptStadt	—	in deiner Hauptstadt Wien	für deiner Haupt Stad Wien	пред столичным своим градом Веднем
auch des aller elendesten Todes / so Wir mögen erdencken / umbringen und hinrichten lassen / erwürgen / und ins Elendt ewig wie die Hunde gefangen halten	and put you to the miserablest death that ever we can invent, banish you into great misery, detain you prisoners, and use you like dogs	in den elendesten Todt / so wir erdencken können / um bringen / hinrichten und erwürgen lassen	mit dem elendesten und erschrecklichsten Tode / so wir nur erdencken mögen / umbringen / hinrichten und erwürgen lassen / und Elend verjagen / gefangen halten wie die Hunde	лютейшею смертью, какову можем выдумать злейшу на кол живых тыкать, из живых кожи драть и пороть впрягать под оружие в заточенье невоздратное засылать и на катарги в вечную муку и неволю отдавать будем. И всех яко псов на сворех велмож твоих в свою землю вести станем

Warhatige Absagung 1622	True and fearfull pronouncing 1640	Erschrecklicher Absag-Vrief 1652	Copia oder Warhafftige Zeitung 1663 (1663A)	Список еписолия султана (Харлампович 1923: 211)
Datum in unser gewaltigen Stad Constantinopel [...] welche Stadt unsere Voreltern den deinen aus krafft haben abgewonen / darauß getrieben / gefangen genommen / ir Weib und Kinder darunter zerhauen / und ins Elend nach unserm Willen biß an ihr End zu Spott und hohn behalten.	Given in our mighty City of Constantinople [...] Which City our Ancestors have taken by force, according to our will kept and maintained to your great shame.	Geben in unser gewaltigen Stadt Constantinopel [...] Diss ist von unsern Eltern und vorfahren den Christen abgenommen und sind ihre Weiber und Kinder vor ihren Augen in Stücken zerhauen worden / wir wollen sie auch dir und allen Christen zu Hohn und Spott biß an unser Ende behalten.	Datum in unseren gewaltigen Stad Constantinopel [...] Diese Stad haben Unsre Vor-Eltern den deinen aus Krafft abgenommen / ihre Weiber und Kinder zerhauen / und ins Elend geschlagen / selbe soll auch nach unserm Willen biß an ihr Ende von uns / dir zu Spott und Hohn behalten werden.	Писахом в преможнейшем нашем граде в Византии, который град предки наши сильною рукою у ваших предков взяли, мужи и жены и дети всех искоренили, так и ныне тебе цесарю в Германии и королеви полскому и всем землям вашим на вечный позор и поругание ваше учинити умыслих.
eintausent sechs hundert acht und funfftzig Gassen	1658 streets	1659. Gaßen	1658. Gassen	«АХНИ [1658]-м улиц
der Spittal hundert	100 Hospitals	90. Hospital	100. Spitäle	Р [100] корчемных домов
öffentliche Badstuben achthundert fünf und achtzig	800 publick Hothouses	1000. öffentliche Badestuben	1000. öffentliche Badstuben	В [800] мылен торговых
Wasserbrunnen / die alle Tag gut zu trincken sind / neun hundert sieben und neuntzig	997 Conduits	997. Wasserbrunnen	997. Wasser Brunnen	ЦЧЗ [997] еонтин водяных

Warhatige Absagung 1622	True and fearfull pronouncing 1640	Erschrecklicher Absag-Vrief 1652	Copia oder Warhafftige Zeitung 1663 (1663A)	Список епистолия султана (Харлампович 1923: 211)
gemeine Märkte da man allerley feil hat / hundert und zwölfte	112 Markets, where all sorts of wares are sold	112. Märkte	112. Märkte da man allerhand Sachen feil hat	РБІ [112] базаров торговых
verordnete Heuser und Stelle für die MaulEsel hundert und funffzehen	115 appointed places and Stables for Mules	115. verordnete Häuser vor Stallung der Maulesel	115. verordnete Häuser und Ställe vor die Maul Esel	РН [150] конюшен цесарских
Wirthshäuser vor die Frembden vier hundert und achte	400 Innes for strangers	480 Wirthshäuser vor frembde Leute	400. Wirts- Häuser für die Frembden	У [400] гостиных дворов
der grossen und kleinen Schulen seynd ein Tausend sechs hundert zwey und funfftzig	1652 great and small Schooles	1652 groß und kleine Schulen	162. der grossen und kleinen Schulen	„АХНВ [1652] училища грамотных
[...] der Kirchen groß und klein in dieser Stadt / seynd vier Tausent ein hundert und siebenzehen	417 great and small Churches	4122. groß und kleine kirchen	47. grosse und kleine Kirchen	„ДРДІ [4114] божниц
Tausent sechs hundert Mühlen	1600 Mills	1600. Mühlen	1600. Mühlen	Х [600] мелниц
die Stadt helt in der Ringmawren vier Deutsche Meilen / der grossen Thürme die zimlich hoch sind auff der Mawren / sind drey hundert und sechtzig.	this great City comprehends in her walls, 4 German Leagues; of the greatest Steeple standing upon the wall are 3600.	Diese große und gewaltige Stad hält in der Ringmauer um sich 4. Teutscher Meilen / hat auf der Stadmauer 360. große Thürme.	Diese grosse Stad hat in der Rinckmauer 4. Teutsche Meilen / die grossen Thurm auff den Mauren sind 360.	Великость града нашего в стенах триста шестьдесят стадей.

Warhatige Absagung 1622	True and fearfull pronouncing 1640	Erschrecklicher Absag-Vrief 1652	Copia oder Warhafftige Zeitung 1663 (1663A)	Список епистолия султана (Харлампович 1923: 211)
Geben nach unser Geburt im acht und zwanzigsten Jahr / jetzo aber in unser gewaltigen Regierung im neunenden Jahr.	Done after our Nativity 39 yeares, after our mighty Reigne the tenth yeare.	Gegeben dasebst / unser Regirung im 10. Jahr.	Geschehen nach unserer Geburt im 39. nach unserer gewaltigen Regierung im 10. Jahre	От рождения нашего ЛЮ [39]-го. От превысочайшаго же начала скипетра нашего I [10]-го году.

There are a number of textual features of the Russian translation which are not reflected in the table here and will be discussed further below. Note, however, that the Russian text has rearranged the order of some sections in the last part of the letter and the enumeration of the institutions in Istanbul. That does not necessarily mean the original for the translation had a similar ordering. It would have been logical to move the sentences on the earlier conquest of the city up to where it is named and likewise to move the *datatio* above the enumeration, which is, after all, a rather awkward insertion in the other texts. Butter seems to have recognized that fact by marking the beginning of that insertion with a parenthesis, even though he did not choose to shift the text of it. It is more difficult to explain why several of the items in the enumeration in the Russian text are not in the same order they are in the other versions of the letter, but that likely is simply a peculiarity of the copying in Russia and not an indication we should be looking for an original with the same order of the items.

A few of the readings though would seem to be significant. Presumably the original for the Russian did have “India” (found in both 1663A and 1663B), modified in the Russian case by “bogatyē”, which would be a standard cliché applied to India. The unique “Ниневитцкий Иудейский” very possibly is an insertion from a marginal gloss for Babylonia, such as one might expect in copies of the *kuranty*, where often the translators added marginal glosses for place names that otherwise might not be commonly known. The source for the Russian text undoubtedly was a version of the letter with the reading “Media”. The absence of Vienna in Butter 1640, which in many respects is otherwise very close to the Russian textually, is probably just a matter of a careless omission on his part, as the other texts all name the Habsburg capital. The size of the Turkish army in the original for the Russian was undoubtedly 1,300,000, not the lower figure given in 1663A (1663B gives 1,300,000)¹⁵. It is not clear

¹⁵ In 1663B there are several readings which would, however, suggest it cannot be our source: it enumerates 1688 streets, 977 baths, 3660 bastions, and combines both schools and churches as “1652. grosse und kleine Kirchen.”

why the translator would have rendered “Maul Esel” as “tsesarskii” (‘imperial’ or ‘royal’), other than the fact that the term may simply have been unfamiliar: it is the technical designation for the offspring of a male horse and female donkey (i. e., a ‘hinny’).

In the enumeration of Istanbul institutions, the Russian text follows closely most of the numbers given in one or another of the printed pamphlets, but no one of them has all the numbers which it is reasonable to posit were the correct ones. This then suggests there must have been yet another version of the letter which had all those “correct” numbers: that is, 1658 streets, 100 hospitals, 800 baths, 997 wells, 112 bazaars, 400 caravanserais, 1652 schools. The unique readings of 150 stables and 600 mills in the Russian text might be explained simply by a slip on the part of the translator or copyist, where one would expect the numbers in the original would be 115 and 1600 respectively. It is hard to know what the exact number of churches (mosques?) was in the original for the Russian text, but at very least it must be in the 4000 range even if not 4114. Presumably the original text indicated the length of the walls (4 German miles) and the number of the bastions (360), but the Russian text has collapsed the two parts of the sentence into a single (erroneous) indication of 360 and given the unit of measurement (for distance) as “stadia”, which at the time this copy was made could have been the equivalent of *versty*, that is, approximately a kilometer. Lastly, one should expect that the original for the Russian translation gave the age of the sultan as 39 and the number of years of his reign as 10.

Where does this leave us then in searching for the source? Unless there is some specific linguistic evidence pointing to a Dutch original, I would posit yet another pamphlet in German published in 1663 at a time when there was a flood of such publication in conjunction with the ongoing Habsburg war against the Turks.

The Russian text does contain a number of phrases not found in any of the other apocryphal letters in this cluster, although at least some are in other clusters of the letters belonging to a different textual lineage. Note, for example, in the *intitulatio*, “але андръский, цесарь великого и малаго Египта”, both found in the same manuscript in a short apocryphal letter of the sultan addressed to the King of Poland. The “папа райский” inserted in our letter is undoubtedly the equivalent for “проповедник раю земнаго” in that same letter to the King of Poland, and “насилник христианский” in our text corresponds to “гонитель христианский” in the letter to the king. Given how many different versions of these letters were around, with several variants in the one manuscript apparently copies made from yet another “compendium” of these apocrypha in the 1680s or 1690s, it would not surprise us if a copyist simply added a few additional titles to the text he had in front of him.

In similar fashion, our Russian text elaborates on some of the punishments to be inflicted on the Christians: “[Н]а кол живых тыкать, из живых кожи драть и пороть впрягать под оружие в заточенье невозвратное засылать и на катарги в вечную муку и неволю отдавать будем.” The source for this could have been at least in part another of the letters (there is a mention of impaling in one), but perhaps combined with widespread knowledge of how Russian captives often were sent to the galleys (and, when some escaped, related in depositions on their return). Further examination of this text may suggest other possibilities of sources or might, of course, reinforce the idea that the translator or copyist exercised a certain degree of originality. It would be wrong though to make too much of that, since clearly in the first instance, the letter indeed is a translation from one of a well-documented cluster of western pamphlets.

The correspondence of the sultan with Emperor Leopold

There are two different Russian versions of the apocryphal correspondence with Emperor Leopold I. One of them, which dates the letters to 1663, became widely known in Muscovy in copies that circulated outside of the chanceries. While the sultan’s letter in that set clearly is based on the texts which circulated in the West, the reply of the Emperor at least so far seems to be a Muscovite composition, created as an explicit response to the threats of the sultan and employing particularly colorful and insulting rhetoric. To date, no Western publication has been found which might be deemed a direct source for Leopold’s response.

The sultan’s letter in a correspondence with Leopold that began to circulate in conjunction with the siege of Vienna in 1683 is textually related to the sultan’s letter of 1663. I published the 1683 texts (both the sultan’s letter and the emperor’s reply) from a copy that circulated outside of the chanceries, a manuscript which also contained a copy of the 1683 treaty of alliance between Leopold and the King of Poland Jan Sobieski and a short text purporting to be the oath of the sultan and his pashas to exterminate Christians¹⁶. My hypothesis was that the source for all of these texts may have been a single German pamphlet, and my analysis suggested the translations are quite faithful to the presumed originals. However, I was able to locate only contemporary publications of just the sultan’s letter. As Stepan Shamin has now shown, there is explicit evidence that the sultan’s letter alone appeared in German newspapers, which were received in May and early June 1683 [Шамин 2015]¹⁷. The sultan’s

¹⁶ See my discussion in [Waugh 1978: 75–78], the text of the correspondence [Ibid.: 213–214], and that of the oath [Ibid.: 215]. The manuscript is СпБии РАН, колл. 11, рукописей Археографической комиссии, No. 44.

¹⁷ In Chapter 6 of his forthcoming book, which he has kindly shared with me in typescript, Stepan Shamin elaborates with comparative examples on his brief published

letter thus was translated twice, and when another version of it, in a separate pamphlet, was sent somewhat later via a Muscovite agent in Poland-Lithuania, the translators noted there was no need to translate it yet again, for they had already done so on the basis of newspaper copies received through Riga and from Kiev. Shamin goes on to tantalize us with the indication that the archival translations for the *kuranty* and the version I published differ substantially, to the degree that one might even posit they are separate translations. Or at very least the compiler of the separate manuscript indulged in considerable re-working of the translations in the *kuranty*. Shamin logically posits that the gathering into a “Turkish-themed collection” containing the sultan’s letter, the response to it, and the separate text of an oath by the sultan and his pashas to exterminate Christians was done in Moscow by someone who had access to the chancery archives.

However, we now can be confident that at least the two letters in the correspondence, if not the oath, did also circulate outside of Russia together. I have now found two German pamphlets containing both the sultan’s letter and the emperor’s reply, published in 1663, not in 1683 [*Declaration* 1663A; *Declaration* 1663B]. Presumably the texts of the earlier publications were re-issued almost unchanged in 1683 in various forms: as separate pamphlets, incorporated into newspapers, or in the case of the sultan’s letter, inserted into a very substantial history of the Habsburg-Ottoman wars¹⁸.

Obviously it will be of some interest to be able to compare the translations with the originals once the *kuranty* texts have been published. Since I do not have in hand all the material needed to do a more thorough analysis for the sultan’s letter, I will focus here on the translation of Leopold’s reply (as reflected in the one manuscript miscellany), now that we have a German text of its proximate source. In my original comments about that letter, lacking a German text, my comparisons were with a Polish version published in the late 18th century (and based on a 17th-century Italian text!). There are a number

---

communication about these texts. A search in the online database of the Deutsche Presseforschung, Bremen, has not yet found the possible sources. The database includes copies of long runs of the Europäische Ordinari Postzeitung (Königsberg) which have been preserved in RGADA and on which one can see the annotations of the translators of the Ambassadorial Chancery (<http://brema.suub.uni-bremen.de/zeitungen17/periodical/titleinfo/935895>). However, even though there are many numbers from 1683, the set is incomplete; so there is no way of knowing whether that newspaper was the one which contained the copy of the sultan’s letter. Unfortunately, preservation is much poorer for the other German newspapers which might most logically have been the source.

¹⁸ My original analysis of the sultan’s letter was based on a separate pamphlet containing it, published in 1683, and on the text contained in [Happelius 1684: 384–385]. Even though the texts of the sultan’s letter in all of these publications are almost identical, at least one key variant (“Nielonien/Melonien” in the *intitulatio* of 1663, as opposed to “Babylonien” in 1683) is evidence the Russian translator could not have been using the earlier publications.

of places where the translator has departed from his original, although only occasionally corrupting its meaning.

<i>Declaration 1663A</i>	СпБии РАН, колл. 11, рукописей Археографической комиссии, No. 44, Л. 483–484об. (Waugh 1978: 214)
<p>Ich / als ein weiterühmter Kayser deß Römischen Reichs</p> <p>Du sollst wissen /Kayser der Türcken Sohn dess Mahomets / was hat dein Gott Mahomet anders thun können /als durch eine Taube /einen Ochsen /oder andere Teuffels-Künste / und durch seinen Magnetstein / an welchem erhangen blieben /wodurch derselbe dich / und alle dein Volck bezaubert hat.</p> <p>...als wie mit Nebucadnezar / der mit dem Vieh das Graß muste essen / und nachmahls bekennen /daß kein anderer Gott war / als der GOTT Israel. Dann hat dein Gott Mahomet wol einen Stern am Himmel können machen /wie unser GOTT / der Himmel und Erden erschaffen hat.</p> <p>du must aber wissen / hochmüthiger Kayser...</p> <p>...ohne Gottes Willen / oder den gecreutzigten Christum / welchen die Juden verfolgt und getödtet...</p> <p>Deinen Glauben und dein Joch / so der Mahomet hat aufgeworffen /wollen wir nicht annehmen...</p> <p>...und alle meine Krieges-Macht soll gegen deine Trohungen / dich und deine Macht mitt Hülff und Beystand unsers Allmächtigen Gottes / parat seyn /dann mein Volck ist bereit und willig wider dich und deinen Anhang zu streiten / und sich Lieber tode zu fechten / als unter deinem Joch den Halß zu biegen.</p>	<p>Мы Леопард цесарь, славные державы римской кесарь ...</p> <p>Ты же да увеси, кесарю турков, сын Магметов, яко бог твой Махмет есть прелесник, иже ты и народ твой, ослепленный голубем, волом и прочими диавольскими хитростми, таже и Махметом к нему же привесился очарован есть...</p> <p>...яко же гордость Новоходоносора кесаря вавилонского, иже судом Бога нашего поражен и принужден со скоты траву ясти и потом признати и сродно исповедати яко инаго Бога Израилева. Бог твой мнимый, возмог ли едину звезду на небе сотворити, яко же Бог наш иже сотворил небо, и землю, и моря, и вся лепоты ея?</p> <p>Но сие да веси, высокоумный кесарю...</p> <p>...кроме воли распятого нашего Христа и Бога, его же людей завистию и з любовию на смерть осудиша...</p> <p>Веру же твою и ярмо, юз на тя возложи Махмет твой, принять не хочет...</p> <p>...и сила моя, иже точию уповает во Христа нашего и Бога, суть готови встрети тя, и люди моя готови битися с тобою и подвизатися до смерти, а под иго твое выя (!) свою наклонити не хотят.</p>

Adding the emperor's name (and rendering it as "Leopard") may be significant only if it suggests some kind of intent of parody on the part of the translator or copyist. The translator has rearranged somewhat the original in the next passage, simplifying the syntax. The translator might or might not have known the widespread Christian tales about how Mohammed (labeled a "пепелесник", conveying the German "bezaubert") pretended to effect a miracle by having a dove pluck grain out of the ear of an ox and how the Prophet's tomb was suspended as though miraculously in the air thanks to a lodestone (translations were available in Muscovy). However, clearly he misunderstood the reference to the lodestone ("Magnetstein") and thus garbled the sense of the original. In referring to the biblical tale about Nebuchadnezzar, the translator successfully somewhat simplified the references to the Divinity, and then he added a bit of literary elaboration ("и моря, и вся лепоты ея"). In several places, the German refers to the sultan with the epithets "hochmüthiger" and "trotziger" ('arrogant', 'insolent'). Either the translator or the copyist got the first one wrong, writing "высокоумный", instead of what one assumes should have been "высокомерный". Later though, he renders the same word with "гордый", and "trotziger" as "прегордый". It appears that the translator misread "Juden" as "Leuten" (hence "людей") and thus made further changes that garbled the meaning of the clause. The translator's "возложи" for "aufgeworffen" was not a good choice, since Mohammed did not yoke the sultan but rather provided him with a set of beliefs and a yoke that he might lay on others. In the last of the passages copied above, the translator has somewhat condensed the original without distorting it, although in the process eliminating the mention of threats ("Trohungen"~Drohungen), where in the preceding passage the emperor had explicitly stated he was not frightened by them. The "а под иго твое [шею] свою наклонити не хотят" (here with the presumed intended word where the manuscript is unclear) is a very precise rendering of "als unter deinem Joch den Halß zu biegen".

Conclusion

In summary then, a great deal of new evidence has accumulated over the past four decades. When I did the work for the dissertation and book, my main source for locating the published Western *turcica* was the excellent collection at Harvard, most of the old imprints located in open stacks where I could systematically look at each and every one of them. For copies in other collections, I had to rely on published bibliographies, that for the 16th-century *turcica* by Carl Göllner an invaluable resource [Göllner 1961–1978], but with no equivalent for the 17th century. Published catalogs for various important library collections were incomplete. I had only a beginning knowledge of how to try to locate 17th-century newspapers. I had but limited time to work in a number

of repositories, especially in RGADA (then TsGADA) and in collections elsewhere in Europe. My queries in RGADA regarding whether the archive had many of the originals for the *kuranty* failed to elicit information about how many German and Dutch newspapers are indeed there [now catalogued by Simonov 1979 and Maier 2004, with copies accessible on-line]. And given the specification that my work was on a “literary” topic, even had I wanted to do some searching for additional texts in the foreign relations files (where many translations are in fact located), it is almost certain requests to do so would have been rejected, since my subject was not Muscovite foreign relations.

The resources available now are vastly different. The collection of early German newspapers at the Deutsche Presseforschung in Bremen contains copies of more than 60,000 items, and the whole collection is now freely available in an on-line database that can be searched by title, year or place of publication [Zeitungen]. We have an equivalent database for early Dutch newspapers [Delpher]. Both of these collections now include copies of the 17th-century newspapers that are preserved in RGADA, although it seems a great many extant copies of Dutch newspapers from various collections remain to be added to Delpher. It is important to keep in mind that the preservation of early newspapers is very uneven; there are many large gaps, even for some of the most popular ones. There is on-line access to a huge number of early German imprints [VD16, VD17]. Though that database cannot be considered complete, it has made possible locating numerous copies of the apocryphal letters that I had not previously known, many of which can be downloaded in full text. The same is the case for early English publications catalogued in the standard *Short Title Catalog* and available via Early English Books Online (in subscribing libraries). And, of course, apart from the proliferation of such resources, the systematic work over the years by scholars such as Stepan Shamin and Ingrid Maier continues to locate new material. One can be optimistic that there is still much history to be written about the sultan’s apocryphal correspondence and the related *turcica* that proliferated in Muscovy.

Libraries and archives

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
СпБII РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Bibliography

Databases and reference works

Delpher

Delpher [Open-access database of Dutch newspapers] (<https://www.delpher.nl/nl/kranten>; last access on: 31.05.2019).

Göllner 1961–1978

Göllner C., *Turcica: 3 vols* [Bibliography of 16th-century European *turcica*, the third volume a monographic study], București, Baden-Baden, 1961–1978.

Short Title Catalog, 2nd ed.

Pollard A. W., Redgrave G. R., *A Short-title Catalogue of Books Printed in England, Scotland, & Ireland and of English Books Printed Abroad, 1475–1640*, 2nd rev. ed., 3 vols. London, 1976–1991. Wing, D. G., comp., *Short-title Catalogue of Books Printed in England, Scotland, Ireland, Wales, and British America, and of English Books Printed in Other Countries, 1641–1700*, 2nd rev. ed., 3 vols., New York, 1972–.

VD16

Verzeichnis der im deutschen Sprachbereich erschienenen Drucke des 16. Jahrhunderts [Open-access database of 16th-century German imprints] (<https://www.bsb-muenchen.de/sammlungen/historische-drucke/recherche/vd-16>; last access on: 31.05.2019).

VD17

Das Verzeichnis der im deutschen Sprachraum erschienenen Drucke des 17. Jahrhunderts [Open-access database of 17th-century German imprints] (<http://www.vd17.de>; last access on: 31.05.2019).

Zeitungen

Zeitungen des 17. Jahrhunderts: Digitalisierung der vollständigen Zeitungen des 17. Jahrhunderts [Open-access database of the German newspaper collections of the Institut Deutsche Presseforschung, Bremen] (<http://brema.suub.uni-bremen.de/zeitungen17>; last access on: 31.05.2019).

Manuscript sources

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1642 г. Ед. хр. 2. Л. 80–85

Сношения России с Польшей, 1642 г. Перевод списка турского листа с польского писма.

РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Л. 96–101

Иностранные ведомости (куранты) и газеты.

СпБии РАН. Колл. 11, рукописей Археографической комиссии. No. 44. Л. 481–488об.

Сборник кон. XVII — нач. XVIII в.

Ўзбекистон Миллий кутубхонаси. «Нодир» ноёб манбалар зали, MS No. Пи9250. Л. 75–80об.

Сборник кон. XVII — нач. XVIII в.

Early imprints

Absagbrieff 1613

Absagbrieff/ Welcher von dem Türckischen Keyser/ an unsern Grossmächtigsten/ etc. Römischen Keyser Matthiam gelanget/ darinnen er ihme den auffgerichten Friedes Stand abgekündigt und gantzlich abgeschrieben. Nebenst einem Gebett wider den Türcken, erstlich gedruckt zu Prag/ im Jahr 1613 (copy in the Harvard College Library, Ott. 372.2; other printings are listed in VD17: 23:266136C, 23:332144U and 23:336218C [two copies of the same imprint], and 14:001307F).

Copia oder Warhafftige Zeitung 1663

Copia oder Warhafftige Zeitung der erschrecklichen Absagung An Ihre Römische Käyserliche Majestät/ so wohl auch an ihre Königliche Majestät in Pohlen/ welche geschehen von dem Türkischen Käyser Salomahomet..., n.p., 1663 (VD17 39:122705A).

Declaration 1663A

Declaration Oder Kriegs-Ankündigung, Welche der Türkische Käyser/ so sich anitzo mit seinem ganzen Hoff zu Adrianopel befindet/ an den Röm. Käyser gethan hat Benebenst der Röm. Käys. Maj. Antwort darauff, n.p., [?1663] (VD17 12:199387Z).

Declaration 1663B

Declaration Oder Kriegs-Ankündigung/ Welche der Türckische Käiser/ so sich anjetzo mit seinem gantzen Hof zu Adrianopel befindet/ an den Römischen Käiser gethan hat Benebenst Der Röm: Kaiserl. Majestät/ Antwort darauf, n.p., [?1663] (VD17 1:728462Q).

Erschrecklicher Absag-Vrief 1652

Erschrecklicher Absag-Vrief/ Von den ietzigen Türckischen Käyser/ an die Röm. Käys. Majest. und an den König in Pohlen, n.p., 1652 (VD17 1:728588D).

Great Turks challenge 1640

The great Turks terrible challenge, this year 1640. Pronounced against the Emperour of Germany and the King of Poland by Soloma Hometh who lately deceased, but continued by his brother Ibraim, the first of that name. To the tune of My bleeding heart, or Lets to the wars againe, [London]: Printed for Richard Harper at the Bible [and Harp in Smithfield, 1640] (Short Title Catalog, 2nd ed., No. 23424.7).

Great Turkes Defiance 1613

The Great Turkes Defiance: Or his Letter Denuntiatorie to Sigismond the Third, now King of Polonia, as it hath been truly aduertised out of German, this present yeere, 1613. With the King of Poland his replie, Englished according to the French Copie, by M.S., London: Printed by Melchisedech Bradwood, for William Aspley, 1613 (Short Title Catalog, 2nd ed., 206).

Happelius 1684

Happelius, E. G., *Der Ungarische Kriegs-Roman*, 1, Ulm, 1684; also Middelburg, 1685.

Kurtzer Bericht 1653

Kurtzer Bericht/ und Absag-Brieff/ Was der Türckische Sultan/ ihrer Königlichen Majestät in Polen/ Anno 1652. den 10. Decembris/ in der Königlichen Residentz-Stadt Warschaw/ durch einen eyelenden Curier überbracht/ zugeschrieben..., n.p., 1653 (VD17 23:324570L).

ODC

Ordinaris Dingsdaeghsche Courante, 1652, No. 52.

Questa e la lettera [1532]

Questa e la lettera & disfida laqual a mandato el gran Turco a Ferdinando Re Hungaria: & la risposta che gli fa el preditto Re & come se inuita tute le potentie del mondo a far la Santa Crucia [Bologna, 1532] (copy in the British Library, 1071.g.22.[1]).

True and fearfull pronouncing 1640

A true and fearfull pronouncing of warre against the Roman Imperial Majesty, and withall against the king of Poland, by the late emperour of Turkey, Soloma Hometh..., London, Printed for Nathaniel Butter, 1640 (Short Title Catalog, 2nd ed., No. 23424.5).

TVQ

Tijdingen uyt verscheyden Quartieren 1640, Nos. 16, 18.

Warhafftiger Absage-Brieff ca. 1644

Ein Warhafftiger und erschrecklicher Absage-Brieff/ An Römische Käys. May. auch an den König von Polen/ von dem Türckischen Käyser/ Salo Mahomet..., n.p., n.d. (VD 17 3: 004126P).

Warhaffte und erschrockliche Absagung 1663

Warhaffte und erschrockliche Absagung/ Der Römischen Käyserlichen Majestät/ So auch I. Königl. Majestät zu Pohlen/ Von dem Türckischen Käyser Salomo Eonid..., n.p., 1663 (VD17 23:678981M).

Warhafftige Absagung 1621

Eine Warhafftige und Erschreckliche Absagung Der Römischen Käyserlichen Mayestet/ so wol auch des Königes in Polen/ von dem Türckischen Keiser Salamahomet..., n.p., 1621 (VD17 3:316432Z).

Warhatige Absagung 1622

Eine warhatige und erschreckliche Absagung. Der Römischen Käys. Mayestet/ so wol auch des Königs in Polen/ Von dem Türckischen Keyser Salamahomet... (VD17 14:003219F and 1:728559S, [two printings the first of these with the portrait woodcut; the second with a battle scene and "warhafftige" in the title]).

Literature

Chartier 1999

Chartier R., Reading Matter and "Popular" Reading: From the Renaissance to the Seventeenth Century, *A History of Reading in the West*, L. G. Cochrane, tr., G. Cavallo and R. Chartier, eds., Amherst, MA, 1999, 269–283.

Fox 2000

Fox, A., *Oral and Literate Culture in England 1500–1700*, Oxford, 2000.

Gabriel n.d.

Gabriel Bethlen (https://en.wikipedia.org/wiki/Gabriel_Bethlen; last access on: 31/05/2019).

Jones 2005

Jones A. M., *The Gazet in Metre; or the Rhiming Newsmonger*: The English Broadside Ballad as Intelligencer. A New Narrative, *News and Politics in Early Modern Europe (1500-1800)*, J. W. Koopmans, ed., Leuven etc., 2005, 131–150 + [Pls. 1, 2].

Keenan 1971

Keenan E. L., *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*, with an appendix by D. C. Waugh, Cambridge, MA, 1971.

Maier 2004

Maier I., *Niederländische Zeitungen ("Couranten") des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau, Gutenberg-Jahrbuch*, 79, 2004, 191–218.

——— 2006

Maier I. Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser ... Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621), *Jako blagopesnivaja ptica. Hyllningsskrift till Lars Steensland*, P. Ambrosiani, I. Lysén et al., eds., Stockholm, 2006, 135–146.

Pettegree 2014

Pettegree A., *The Invention of News: How the World Came to Know about Itself*, New Haven, London, 2014.

Rospocher and Salzberg 2012

Rospocher M., Salzberg R., An Evanescent Public Sphere: Voices, Spaces, and Publics in Venice during the Italian Wars, *Beyond the Public Sphere: Opinions, Publics, Spaces in Early Modern Europe*, M. Rospocher, ed., Bologna, Berlin, 2012, 93–114.

Simonov 1979

Simonov V. I., *Deutsche Zeitungen des 17. Jahrhunderts im Zentralen Staatsarchiv für alte Akten (CGADA), Moskau, Gutenberg-Jahrbuch*, 54, 1979, 210–220.

Waugh 1971

Waugh, D. C., On the Origin of the "Correspondence" between the Sultan and the Cossacks, *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*, 1, 2, 1971, 3–46.

——— 1972

Waugh, D. C., *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting*, Ph.D. diss., Harvard University, Cambridge, MA, 1972.

- 1978
Waugh D. C., *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants*, with a Foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev, Columbus, O., 1978.
- 2016
Waugh D. C., Pseudo-epigraphic correspondence with the Ottoman sultan: The Russian versions of the apocryphal correspondence with the Ottoman sultan, *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 8. Northern and Eastern Europe (1600–1700)*, D. Thomas and J. Chesworth, eds., Leiden, Boston, 2016, 981–988.
- Базарова (в печати)
Базарова Т. А., «Пришла почта ис-под Азова...»: Письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН, *История военного дела: исследования и источники*, 2018 (в печати).
- Каган 1957
Каган М. Д., Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в., *ТОДРЛ*, 13, 1957, 247–272.
- 1958a
Каган М. Д., Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном, *ТОДРЛ*, 14, 1958, 309–315.
- 1958b
Каган М. Д., Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в., *ТОДРЛ*, 15, 1958, 225–250.
- 1993
Каган М. Д., Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном; Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом; Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками; Легендарное послание турецкого султана немецким владельцам; Легендарное послание турецкого султана польскому королю, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3 (XVII век), 2, С.-Петербург, 1993, 218–231.
- 2010
Каган М. Д., Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном; Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом; Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками, *Библиотека литературы Древней Руси*, 16 (XVII век), С.-Петербург, 2010, 34–43, 549–556.
- Майер и Шамин 2007
Майер И., Шамин С. М., «Легендарное послание турецкого султана немецким владельцам и всем христианам» (1663–1664 г.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2007, 4 (30), 80–89.
- Морозов 2012
Морозов Б. Н., Царь Василий Шуйский перед польским королем (новый памятник «турецкой темы» с легендарной перепиской польского короля, турецкого султана и царя Михаила Федоровича, *Славяноведение*, 2012, 2, 102–106.
- Поляков 2018
Поляков И. А., «Азбука фряская» князя С. В. Ромодановского и новые списки грамот из цикла «легендарной переписки турецкого султана», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2018, 1 (71), 89–99.
- Попов 1869
Попов А., сост., *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции (Приложение к Обзору Хронографов русской редакции)*, Москва, 1869.

Соболевский 1903

Соболевский А. И., *Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы* (= Сборник ОРЯС, LXXIV), С.-Петербург, 1903.

Уо 2003

Уо Д. К., *История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени*, С.-Петербург, 2003.

Харлампович 1923

Харлампович К. В., Листування запорозьких козаків із султаном, *Записки історично-філологічного відділу*, 4, 1923, 200–212.

Шамин 2015

Шамин С. М., «Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом»: к вопросу об источниках памфлета в редакции Russian 1683, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2015, 3 (61), 143.

References

Chartier R., Reading Matter and “Popular” Reading: From the Renaissance to the Seventeenth Century, *A History of Reading in the West*, L. G. Cochrane, tr., G. Cavallo and R. Chartier, eds., Amherst, MA, 1999, 269–283.

Fox, A., *Oral and Literate Culture in England 1500–1700*, Oxford, 2000.

Harlampovych K. V., Lystuvannia zaporoz'kyh kozakiv iz sultanom, *Zapysky istorychno-filologichnogo viddilu*, 4, 1923, 200–212.

Jones A. M., *The Gazet in Metre; or the Rhiming Newsmonger: The English Broadside Ballad as Intelligence. A New Narrative, News and Politics in Early Modern Europe (1500–1800)*, J. W. Koopmans, ed., Leuven etc., 2005, 131–150 + [Pls. 1, 2].

Kagan M. D., Legendarnaia perepiska Ivana IV s turetskim sultanom kak literaturnyi pamiatnik pervoi chetverti XVII v., *TODRL*, 13, 1957, 247–272.

Kagan M. D., Russkaia versiiia 70-kh godov XVII v. perepiski zaporozhskikh kazakov s turetskim sultanom, *TODRL*, 14, 1958, 309–315.

Kagan M. D., Legendarnyi tsikl gramot turetskogo sultana k evropeiskim gosudariam — publisticheskoe proizvedenie vtoroi poloviny XVII v., *TODRL*, 15, 1958, 225–250.

Kagan M. D., Legendarnaia perepiska Ivana Groznogo s turetskim sultanom; Legendarnaia perepiska turetskogo sultana s tsesarem Leopoldom; Legendarnaia perepiska turetskogo sultana s chigirinskimi kazakami; Legendarnoe poslanie turetskogo sultana nemetskimi vladeteliam; Legendarnoe poslanie turetskogo sultana pol'skomu koroliu, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3 (XVII vek), 2, St. Petersburg, 1993, 218–231.

Kagan M. D., Legendarnaia perepiska Ivana IV s turetskim sultanom; Perepiska turetskogo sultana s tsesarem Leopoldom; Perepiska turetskogo sultana s chigirinskimi kazakami, *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 16 (XVII vek), St. Petersburg, 2010, 34–43, 549–556.

Keenan E. L., *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the “Correspondence” Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*, with an appendix by D. C. Waugh, Cambridge, MA, 1971.

Maier I., Niederländische Zeitungen (“Couranten”) des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau, *Gutenberg-Jahrbuch*, 79, 2004, 191–218.

Maier I. Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser ... Ein faktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621), *Jako blagopesnivaja ptica. Hyllningskrift till Lars Steensland*, P. Ambrosiani, I. Lysén et al., eds., Stockholm, 2006, 135–146.

Maier I., Shamin S. M., “Legendarnoe poslanie turetskogo sultana nemetskimi vladeteliam i vsem khristianam” (1663–1664 g.). K voprosu o rasprostraneniі perevodov evropeiskikh pamfletov iz Posol'skogo prikaza v rukopisnykh sbornikakh, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2007, 4 (30), 80–89.

Morozov B. N., Tsar Vasili Shuyskiy before the Polish king (a new source on the «Turkish» issue with the fictional correspondence of the Polish king, the Ottoman sultan and Tsar Mikhail Fedorovich, *Slavyanovedenie*, 2012, 2, 102–106.

Pettegree A., *The Invention of News: How the World Came to Know about Itself*, New Haven, London, 2014.

Poliaikov I. A., “Azбука Fryaskaya” of Prince S. V. Romodanovskoy and New Manuscripts of the Parts of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2018, 1 (72), 89–99.

Rospocher M., Salzberg R., An Evanescent Public Sphere: Voices, Spaces, and Publics in Venice during the Italian Wars, *Beyond the Public Sphere: Opinions, Publics, Spaces in Early Modern Europe*, M. Rospocher, ed., Bologna, Berlin, 2012, 93–114.

Simonov V. I., Deutsche Zeitungen des 17. Jahrhunderts im Zentralen Staatsarchiv für alte Akten (CGADA), Moskau, *Gutenberg-Jahrbuch*, 54, 1979, 210–220.

Shamin S. M., “Legendarnaia perepiska turetskogo sultana s tsesarem Leopold’dom”: k voprosu ob istochnikakh pamfleta v redaktsii Russian 1683, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2015, 3 (61), 143.

Waugh, D. C., On the Origin of the “Correspondence” between the Sultan and the Cossacks, *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*, 1, 2, 1971, 3–46.

Waugh, D. C., Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting, Ph.D. diss., Harvard University, Cambridge, MA, 1972.

Waugh D. C., *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants*, with a Foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev, Columbus, O., 1978.

Waugh D. C., *Istoriia odnoi knigi. Viatka i “ne-sovremennost” v russkoi kul’ture Petrovskogo vremeni*, St. Petersburg, 2003

Waugh D. C., Pseudo-epigraphic correspondence with the Ottoman sultan: The Russian versions of the apocryphal correspondence with the Ottoman sultan, *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 8. Northern and Eastern Europe (1600–1700)*, D. Thomas and J. Chesworth, eds., Leiden, Boston, 2016, 981–988.

Daniel Clarke Waugh, Ph.D.

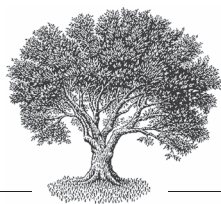
Department of History Box 353560

University of Washington

Seattle, Washington 98195 USA

dwaugh@u.washington.edu

Received October 20, 2018

Потерянный рай
протопопа Аввакума:
сочинение
«Снискание и
собрание о Божестве
и о твари»
как интерпретация
библейской истории*

Archpriest
Avvakum's
Paradise Lost:
The Treatise
*Sniskanie i Sobranie
o Bozhestve i o Tvari*
as Interpretation
of Biblical History

Ольга Чадаева

Университет им. Палацкого в Оломоуце,
Чехия

Olga Chadaeva

Palacký University Olomouc,
Czech Republic

Резюме

Статья посвящена интерпретации библейской истории в редко изучаемом сочинении протопопа Аввакума «Снискание и собрание о Божестве и о твари». Рассматриваются такие вопросы, как источники и цели этого произведения, виды и функции цитирования, структурная организация текста и его стиль, восприятие Бога, образ мира и рая, представление о человеке и

---

* Работа была выполнена при поддержке гранта Министерства образования, молодежи и спорта Чешской Республики IGA_FF_2017_026 Text a intertextualita ve slovanských literaturách a kultuře I.

Цитирование: Чадаева О. Потерянный рай протопопа Аввакума: сочинение «Снискание и собрание о Божестве и о твари» как интерпретация библейской истории // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 188–222.
Citation: Chadaeva O. (2019) Archpriest Avvakum's Paradise Lost: The Treatise *Sniskanie i Sobranie o Bozhestve i o Tvari* as Interpretation of Biblical History. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 188–222.
DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.7

грехопадении, ходе и смысле истории, течении времени, роль автора и читателя в сочинении. Центральное место в этом полемическом произведении занимает тезис о необъятности Божества, проявляющейся как в пространственном, так и во временном отношении. Упрощенность представлений Аввакума о структуре физического мира рассматривается в контексте целостного мировосприятия автора. Акцентируется понимание Аввакумом сотворения Адама как узлового момента, предопределившего эсхатологический план истории. Исследуются пространственные и темпоральные представления Аввакума и их проявление в тексте произведения, в особенности на уровне чередования прошлого, настоящего, будущего и вневременного планов, раскрывающие отношение автора к ходу и смыслу истории. «Снискание и собрание» представляет собой текст со структурой, зеркально противоположной «Житию протопопа Аввакума, им самим написанному», где конкретные события настоящего соотносятся со священной историей, тогда как в «Снискании» библейские события соотносятся с современностью. Продемонстрирована многоплановость текста Аввакума, выстроенного одновременно как полемическое сочинение, рассказ и диалог с читателем. В заключении сопоставлены интерпретации событий Книги Бытие у Дж. Мильтона в поэме «Потерянный рай» и в «Снискании и собрании» протопопа Аввакума. Сочинения отразили как сходные, так и совершенно различные проблемы в связи с грехопадением и изгнанием человека из рая.

Ключевые слова

Аввакум, «Снискание и собрание о Божестве и о твари», литература XVII в., рай, Адам, грехопадение, ход истории, библейская история, модель мира, Джон Милтон, «Потерянный рай»

Abstract

The paper focuses on interpretation of Biblical history in a lesser-known treatise written by Archpriest Avvakum entitled *Sniskanie i sobranie o Bozhestve i o tvori*. The main issues addressed in the paper are the sources and aims of the treatise, methods and functions of citing, structure and style of the text, the perception of God, the imagery of the world and paradise, the notion of mankind and fall of man, the progress and sense of history, the flow of time, the role of the author and the reader in the text. Central to this polemical treatise is the thesis of the immensity of God, which manifests itself both in spatial and in temporal aspects. The simplicity of Avvakum's notion of the physical world is considered in the context of the author's holistic worldview. An emphasis is put on the perception of the creation of Adam as a key moment that predetermined the eschatological plan of history. The paper traces the spatial and temporal imagery of Avvakum and its manifestation inside the text, specifically in the alteration of the past, present, future and infinite planes of reality, which reveals Avvakum's attitude to the process and meaning of history. *Sniskanie i sobranie* is a text whose structure is a reverse reflection of the major work of Avvakum, i.e. his *Life*, where the events of the present are referred to the the sacred history, while in *Sniskanie* Biblical events are compared to the present. The versatility of *Sniskanie i sobranie* is demonstrated through its multiple functions, since the text is built as a polemical treatise,

narrative and a dialogue. In conclusion, the interpretation of the events of the Book of Genesis by Avvakum is compared to John Milton's poem *Paradise Lost*. The works reflected both similar and entirely different problems in connection with the fall of man and the loss of paradise.

Keywords

Archpriest Avvakum, *Sniskanie i sobranie o Bozhestve i o tvori*, Russian 17th century literature, paradise, Adam, fall of man, historical process, biblical history, model of the world, John Milton, *Paradise Lost*

Введение

Общий кризис XVII в. во всей Европе в его политических, экономических, демографических, гносеологических или общекультурных аспектах стал предметом изучения не одного поколения историков и литературоведов [Burke 2009: 239]. Ощущение потери, поиск новой точки отсчета и пересмотр понимания места человека в мире, попытка установить новые связи человека с Богом — вот те темы, которые волнуют авторов начала Нового времени. И если достаточное внимание исследователей уделялось творчеству западноевропейских писателей и поэтов, отразившему кризисный характер эпохи, который в том числе проявился в переосмыслении библейской истории, в первую очередь, в поэме «Потерянный рай» Дж. Мильтона, то тематика «потерянного рая» в произведениях русских авторов остается пока изученной недостаточно. При этом в России во второй половине XVII в. появляется оригинальный текст, посвященный представлению о потерянном рае и интерпретации начальных глав Книги Бытие — сочинение «Снискание и собрание о Божестве и о твари» протопопа Аввакума.

Протопоп Аввакум играл выдающуюся роль в культуре переходного периода. Он выступал сразу в нескольких ролях: защитника традиционных ценностей, литературного новатора, полемиста (причем полемика велась сразу по двум направлениям — как против никониан, так и против идеологических противников внутри старообрядческого движения) [Панченко 1980: 391–396]. Хотя в значительной мере внимание исследователей было сосредоточено на полемике Аввакума против сторонников церковной реформы, его участие во внутренних идеологических спорах среди раскольников представляет не меньший интерес при изучении его полемической деятельности. Наибольшее же внимание и теперь привлекает агиографическо-автобиографическая деятельность протопопа Аввакума [Лавров 2018: 11–12]. Произведения Аввакума

традиционно изучались с точки зрения стилистики, трансформации агиографического жанра, народного влияния на литературу переломного периода, демократизации русской литературы, а также богословских, философских и антропологических аспектов, причем последним уделено несколько меньше внимания [Лыткин, Осипова 2015: 77–84].

Сочинение «Снискание и собрание», находясь в тени «Жития протопopa Аввакума, им самим написанного», получило незаслуженно мало внимания специалистов, на что еще в 1975 г. указывали издатели так называемого Пустозерского сборника — автографа (автографов) сочинений Аввакума и Епифания [Аввакум 1975: 179], и с тех пор ситуация принципиально не менялась. Это не значит, что сочинение вообще не учитывалось исследователями творчества Аввакума — упоминания о нем мы найдем в том числе в работах П. Хант [Hunt 1975–76: 159–163; Хант 1977: 73–74], М. Б. Плюхановой [Плюханова 1996: 414], Д. С. Менделеевой [Менделеева 2005: 196–199] и других исследователей, однако самостоятельных работ по «Снисканию и собранию» нет.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть интерпретацию в этом сочинении первых событий Книги Бытие, авторское видение мироздания, отношение к Богу и процессу творения, образ первого человека, представления о рае и восприятие его потери, понимание хода и смысла истории, а также коммуникативные стратегии при выстраивании текста. В заключительной части статьи видение библейской истории у Аввакума сопоставляется с ключевым для европейской культуры текстом — вышеупомянутым «Потерянным раем» Джона Мильтона.

1. Создание, структура, источники, особенности «Снискания и собрания»

Текст «Снискания и собрания» дошел до нас в составе Пустозерского сборника. Он проливает свет на глубинные онтологические представления, бытовавшие в среде раскольников XVII в. Сочинение было написано в 1672 г., когда Аввакум провел уже пять лет в Пустозерске [Аввакум 1975: 185]. Лишенный возможности активно принимать участие в событиях религиозной жизни, Аввакум, как и другие пустозерские сидельцы, посвятил себя единственной возможной форме деятельности — влиянию на души и умы современников и сподвижников своими сочинениями, в чем вскоре занял ведущую позицию [Герасимова 2012: 253].

Рассматриваемый текст также известен под следующими названиями: «Собрание о сотворении мира и человека», «Списание и собрание о Божестве и о твари» и проч. Именно слово «снискание» отражает суть текста наиболее полно: это искание, поиски, исследование, следствие

трудов, стараний, усердий, но также и сочинение [СРЯ XI–XVII 2000: 261–262]; т. е. вся информация, предоставляемая в тексте, — плод длительных исканий, и, сведенная воедино, она становится своего рода компендиумом, за которым стоит долгая история сбора и осмысления сведений. Внешним импульсом для создания сочинения послужили еретические, по мнению Аввакума, представления, распространившиеся в раскольничьей среде из-за возросшей популярности апокрифического сочинения «Беседа трех святителей». Этот апокрифический памятник построен в форме вопросов и ответов, изложенных от имени Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Сам по себе текст известен в Древней Руси по меньшей мере начиная с XIV в. (так как включается в списки отреченных книг), древнейший сохранившийся древнерусский список относится к XV в. [Лурье 1988]. В тексте апокрифа, где весьма сильно прослеживаются фольклорные влияния, рассматриваются разнообразные темы: первое существо на Земле (Сатанаил), символическая трактовка высоты, широты и глубины как трех лиц Троицы, местопребывание Бога до момента творения, создание ангелов из света и огня, создание небесных светил и природных явлений, образы евангелистов как четырех частей света, сотворение Адама из восьми частей, количество морей, высоких гор, рек, островов, количество костей и суставов у человека и др. [Беседа трех святителей 1862: 169–178]¹. Новейшие исследования памятника показывают, что существовало по меньшей мере десять русских редакций текста «Беседы» [Бабалык 2011: 108–109]. Сам по себе факт распространения этого текста в раскольничьей среде заслуживает, вне всякого сомнения, отдельного внимания, однако для нас оно важно как внешний импульс, послуживший поводом для написания сочинения Аввакума. Утверждения, против которых выступает Аввакум, а именно локализация Бога до сотворения мира в трех «камарах» (сводах, покоех, см.: [СРЯ XI–XVII 1980: 260]), сотворение ангелов из Святого Духа, происхождение солнца от ризы господней, а месяца — от духа и престола, сотворение земли из пены и ее расположение на китах [Аввакум 1975: 92, 97–99], дают основание предположить, что основой для полемики послужила так называемая Троицкая редакция «Беседы», где рассматриваются все вышеперечисленные вопросы [Бабалык 2011: 65–66, 237–238], тогда как в других, более поздних редакциях данные вопросы либо встречаются в разных комбинациях, либо отсутствуют.

Интересен для размышления вопрос о том, какие причины побуждали Аввакума, полемизировавшего с апокрифом, написать свой

¹ В данной работе ссылки приводятся на это издание, так как в нем отражены те вопросы и ответы, с которыми полемизирует Аввакум.

собственный текст, интерпретирующий события первых дней творения, а не кратко осудить распространение апокрифических представлений и сослаться на какой-либо авторитетный текст, напр. на «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, подробно освещающий заявленную тему и ставший для Аввакума важным источником [Сарафанова-Демкова 1963]. Один из возможных ответов — включение текста в сборник наравне с автобиографическим «Житием». Будучи созданным уже после «Жития», «Снискание и собрание» дает дополнительный контекст для интерпретации мировоззрения Аввакума. Если «Житие» разворачивает перед читателем картину биографии автора на фоне глобального контекста истории, то «Снискание и собрание» можно рассматривать как комментарий, пояснение не к конкретной биографии, а к истории как таковой, включающей сотворение человека, грехопадение, вочеловечение Христа и в перспективе — Второе пришествие [Hunt 1975–76: 159–163]. В этом смысле «Снискание и собрание» становится как бы оборотной стороной «Жития», где жизнь автора соотносится с библейской историей [Герасимова 2012: 244]. «Снискание и собрание» же соотносит события библейской истории с современностью, причем не с жизнью конкретной личности, а с обществом в целом.

По своей структуре «Снискание и собрание», хотя и написанное как однородный текст, делится на следующие тематические разделы.

1. Вводная «обличительная» часть, открывающаяся цитатой из Евангелия [Ин 8:42–44], где Аввакум обозначает главный тезис, о котором ведется полемика — местопребывание Бога до момента сотворения мира (согласно «Беседе трех святителей» — некие три «камары»).

2. Развитие полемики — аргументы в пользу невместимости и безграничности Бога, подтверждаемые примерами из Ветхого Завета и Откровения (наиболее развернутые цитаты).

3. Следующий «ложный» тезис — происхождение ангелов от Святого Духа и его опровержение с аргументами в пользу «приведения от небытия в бытие».

4. Тезис «Беседы трех святителей» о происхождении солнца от ризы господней, месяца от престола господнего, земли от пены морской и утверждении земли на трех больших китах. Опровержение тезиса и описание мира согласно представлениям автора, отталкивающееся от Книги Бытие и космологической компиляции в составе «Хронографа».

5. Рассказ о сотворении человека и его грехопадении.

6. Рассказ о жизни Адама и его потомков после грехопадения.

7. Рассказ о потопе и его последствиях.

8. Обличение «волхвов и звездочетцев», пытающихся выяснить будущее, рассказ о Невроде (Нимроде) и вавилонском столпотворении.

9. Краткий пересказ последующих событий Пятикнижия, после чего следует заключение, в котором идет речь о вочеловечении Иисуса Христа.

Таким образом, в тексте, начатом полемикой с апокрифическим сочинением, описываются события первых дней творения и коротко освещаются события библейской истории вплоть до рождения Иисуса Христа. Также в тексте затрагиваются гносеологические вопросы, что сближает его по структуре с «Палеей Толковой», точно так же отталкивающейся в своей первоначальной редакции от полемической интенции (антииудейских обличительных толкований) и далее представляющей мир и историю в их эсхатологической перспективе [Мильков 2009b: 159]. Но основа этого текста не абсолютна, поскольку Аввакум постоянно ведет диалог с читателем, а ветхозаветные события соотносит с современностью.

Ветхозаветное основание текста представляет собой лишь первый уровень: помимо цитат из Священного Писания, причем не только из Книги Бытие, но и других разделов Ветхого и Нового Завета, текст пестрит прямыми ссылками на множество других источников, среди которых мы найдем в первую очередь «Гранограф», т. е. «Хронограф» (упоминается шесть раз), гимнографические тексты (четыре упоминания), Иоанна Златоуста (три упоминания), Символ веры, сочинения Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Патрикия Прусского, Филона, «Палею» (по одному упоминанию). Эти сочинения, упомянутые прямо, следует рассматривать отдельно, поскольку они авторитетны как для Аввакума, так и для его читателей. Частое повторение «Гранографа» наводит на мысль о том, что для Аввакума, живущего в эпоху динамических перемен и активно принимающего в этих переменах участие, было важным искать точку стабильности в истории, в первой очереди в истории священной, вневременной. Эта тенденция, выделенная С. Матхаузеровой [1976: 125] на основании лингвистического анализа глагольных времен в текстах Аввакума, прослеживается в настойчивой отсылке к хронографии. Характер ссылок на «Хронограф» говорит о том, что может иметься в виду не только текст космогонической компиляции, вошедший в «Русский хронограф» 1512 г. и практически в неизменном виде включавшийся в тексты последующих редакций [Буланин 2016: 122–123], но и в том числе обширная компиляция, посвященная творению и космоустройству и предваряющая текст 2-го разряда редакции «Хронографа» 1620 г. [Попов 1869: 154–155]².

² В статье приводятся ссылки на работы А. Н. Попова, а не на более актуальные работы О. В. Творогова и Е. Г. Водолазкина, так как именно А. Н. Попов подробно рассматривал включенную во вторую разновидность последней

В основу этого компилятивного сочинения, озаглавленного «О сотворении седми день и всего мира», легли такие тексты, как «Маргарит» Иоанна Златоуста, «Шестоднев»³, «Житие св. Андрея Юродивого Царьградского», «Прение Панагиота с Азимитом», «Луцидариус» и «Книга Еноха» [Ibid.], сочинения Максима Грека [Беляев 1913: 4], а также, как показывают новейшие (к сожалению, пока единичные) исследования этого текста, космологическая компиляция «Слово о Святой Троице» [Савельева 2007: 571–572].

Исследователи выделяют в творчестве Аввакума целый ряд функций цитат, среди которых в «Житии» доминируют этикетная, коммуникативная, морально-дидактическая и полемическая, но также выявляются догматическая, экзегетическая функции и функция моделирования текста по образцу сакрального [Герасимова 2012: 235]. Поскольку текст «Снискания и собрания» резко отличается от «Жития» по изначальной интенции, цитаты здесь более развернуты и выполняют иные цели. В первой части, посвященной вопросу неместимости и необъятности Бога, Аввакум ссылается в первую очередь на Священное Писание [Аввакум 1975: 92–96], и здесь догматическая и экзегетическая функции доминируют, перекрываясь с полемической и морально-дидактической, однако дальше чередуются отсылки и к другим источникам. Упомянув наряду с Книгой Бытия прочие авторитетные тексты, в том числе «Гранограф», «Слово Патрикия Прусского» и «Маргарит», Аввакум снова возвращается к библейскому тексту: «Паки на первое возвратимся, отнележе изыдохом» [Аввакум 1975: 101]. Это возвращение («Паки Бытия», «Еще побѣсѣдуем о вышереченной Бытии») становится в тексте структурообразующим и используется в том числе для введения новой темы, завершая авторские размышления и отступления.

Сквозь призму «Снискания и собрания» можно взглянуть на значительную часть круга чтения Аввакума. Связь с некоторыми святоотеческими текстами можно проследить косвенно, на основании отсылок в других его сочинениях — в первую очередь речь идет о «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского [Сарафанова-Демкова 1963]. Еще более интересными, но не цитируемыми прямо источниками пред-

---

большой редакции текста «Хронографа» космологическую компиляцию, тогда как работа по современному изучению проблемы только предстоит [Буланин 2016: 123].

³ А. Н. Попов относит заимствования к «Шестодневу» Василия Великого, однако вопрос применительно к тексту компиляции нуждается в дополнительном изучении, так как, возможно, речь идет о «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского, содержащего обширные заимствования из сочинения Василия Великого. Полный же текст «Шестоднева» Василия Великого до 1656 г., когда вышло его издание, был известен лишь ограниченному кругу читателей [Милюков 2008а: 39].

ставлений, тем и мотивов в тексте можно считать апокрифические тексты [Сарафанова 1962: 329–340]. В тексте отмечено влияние таких апокрифов, как «О небеси», целый комплекс апокрифов о создании Адама и Евы и о грехопадении, апокрифы о Енохе (возможно, почерпнутые именно из космологической компиляции, предваряющей вторую разновидность «Хронографа» редакции 1620 г.), «Слово Мефодия Патарского» [Аввакум 1975: 243–248].

Аввакум чередует и методы заимствования: некоторые тексты попадают в произведение целиком и без изменений (в первую очередь это касается цитат из Священного Писания), другие же являются объектом свободной интерпретации, что усиливает стилистическую неоднородность сочинения, которая свойственна творчеству Аввакума [Виноградов 1980: 13–15]. От книжного стиля, использованного в цитировании, Аввакум переходит к разговорному: часто употребляет императив, фразеологизмы, инвективы. Тон самого автора динамично меняется: мы можем наблюдать возмущенного полемиста, убежденного рассказчика, язвительного комментатора. Текст распадается на два уровня: повествование о Боге, сотворении мира, первом человеке и его падении, истории до рождения Христа и диалог Аввакума с читателем, актуальным «слушателем», заблудшим учеником. Таким образом, этот текст, как и «Житие», отмечен стилистической и структурной дуплановостью, психологическим параллелизмом [Виноградов 1980: 9; Робинсон 1967: 362]. Однако картина повествования в «Снискании и собрании» по сравнению с «Житием» перевернута, так как если в «Житии» Аввакум соотносит свою жизнь с событиями священной истории, то в «Снискании», наоборот, библейские события соотносятся с современностью.

2. Бог и Творец

Весь текст «Снискания и собрания» отталкивается от идеи необъятности Бога, это тезис, который выводится в качестве обоснования самого написания текста, ведущего полемику с представлением о «камарах», или покоях, в которых находились божественные ипостаси до сотворения мира. Для Аввакума Божество «неприступно [...] и непостижно, и непостоянен б(о)гъ во едином мѣсте» [Аввакум 1975: 93].

Всесущий Бог является человеку «по схождению» — это эпизоды из Быт 18:1–10, Ид 33:23, Ис 6:1–3, Ис 7:14. Кроме схождения, есть еще явление Бога на престоле — это ключевые эпизоды из Иез 1:26 (Меркаба), Дн 7:9 («Ветхий днями»), Откр 1:10–19, Откр 4:1–11 [Аввакум 1975: 93–96]. Различия в локализации Бога («камара» и «престол») могут интерпретироваться как противоположность субъектно-объектных

отношений: если Бог, заключенный в некоем месте, становится объектом, помещенным в данный локус, то Бог, водружающий сам себя на престол, играет роль субъекта, и его явление становится актом воли, реализацией интенции, никак не ограниченной какими-либо пространственными рамками. Престолы Бога в понимании Аввакума «живые», т. е. принадлежат ноуменальной сфере и лишены инструментального значения⁴.

Необъятность и невместимость Бога определяется формулой: «Свѣтъ б(о)гъ, но и не свѣтъ, паче бо свѣта; животъ б(о)гъ, но и не живот, паче бо живота» [Аввакум 1975: 97]⁵. В этом апофатическом определении Аввакум указывает на неограниченность Бога как в пространстве (свет), так и во времени (жизнь). Пространственно-временная проблематика в понимании Аввакума представляет единый комплекс:

Видиш(ь) ли, не сего видимаго свѣта требуетъ б(о)гъ, иже нас ради сотворен, но той невещественный свѣтъ прежде вѣкъ вѣчных. Много вѣковъ у вл(а)-д(ы)ки было до сѣго вѣка [...] Зри, отцы на первомъ соборѣ рекоша: «Прежде многихъ вѣкъ». От Адама г(лаго)лется единъ вѣкъ, а не многие [Аввакум 1975: 97].

Невозможность локализовать Бога в едином месте неразрывно связана с его бытием вне времени, и время, как его воспринимаем мы, — история человечества, «век Адама», — противопоставлено множественности «веков Бога». Последнее можно интерпретировать двояко: как допущение возможности существования иной темпоральности, предшествовавшей временной истории человечества и конкретного пространственно-временного континуума, возникшего в момент сотворения первого человека и неизбежно стремящегося ко Второму пришествию, так и в контексте парадигмы «прошлое — настоящее — будущее», касающейся исключительно тварного существования и физического мира. Бог при этом противопоставлен самому представлению о времени, существуя вне его, являясь его творцом, отправной и конечной точкой одновременно.

Вопрос о времени и предопределении с точки зрения Бога проявляется в коммуникативной ситуации, когда Бог решает создать человека и советуется с Сыном относительно своего плана, и именно в этот момент замыкается эсхатологический круг истории:

⁴ Здесь прослеживается связь с сочинением «О небесной иерархии» Псевдо-Ареопагита, где престолы, будто бы сделанные из дерева, названы «оскорбительными» для бесплотного мира [О небесной иерархии: 93, 230].

⁵ Ср. у Псевдо-Ареопагита: «Он больше всякой сущности и жизни, никакой свет [не может] начертать [Его]» [О небесной иерархии: 231].

И рече от(е)ць с(ы)нови: «Сотворим ч(е)л(о)вѣка по образу нашему и по подобию». И отвѣща другий: «Сотворим, отче, и преступит бо». И рече: «О едиnorodный мой! О свѣте мой, о с(ы)нѣ и слове! О сияние славы моя! Аще промышляеши созданиемъ своим, подобает ти облещися в тлимаго ч(е)л(о)вѣка, подобает ти по земли ходити, ап(о)ст(о)лы восприяти, пострадати, воскреснути и вся совершити». И отвѣща другий: «Буди, отче, воля твоя» [Аввакум 1975: 102].

Помимо отмеченных издателями текста внешних влияний на этот фрагмент «Слова о вочеловечении» Иоанна Златоуста, а также апокрифов «Сотворение Адама и Евы» и «Сказание об Адаме и Еве» [Аввакум 1975: 246], следует обратить внимание на отражение вопросов предопределения судьбы человечества и жертвы Христа. Примечателен тот факт, что у Аввакума весь эсхатологический план оформляется в тот момент, когда Бог сообщает Сыну решение о сотворении человека и последующем вочеловечении. Таким образом, акцент у Аввакума смещен в сторону роли именно человека. Его существованием не только определяется ход и конец истории, оно также играет решающую роль для действий одной из божественных ипостасей.

Неприступный и непостижимый Бог, в начале текста лишь являющийся человеку, по мере разворачивания библейских событий приобретает и человеческие черты. Впервые они проявляются в тот момент, когда Бог говорит с Сыном и позже творит человека «боголепными руками», тогда как все остальные акты творения являются вербальными. Тем не менее, по словам Аввакума, мы не можем понимать «руки» буквально: это метафорическое обозначение всех трех ипостасей Троицы, участвовавших в творении, которое одновременно становится предопределением конца, завершения: «[Е]динъ сотворил, а другий и совершил повелѣниемъ отчимъ» [Аввакум 1975: 103].

В ходе нарратива и углубления Аввакума в интерпретацию истории постепенно сокращается и расстояние, отделяющее Бога от человека. Это проявляется как на повествовательном уровне, что обусловлено включением Бога в прямую коммуникацию с человеком после грехопадения (Быт 3:9–13; Быт 4:9–10; Быт 32:24–31), так и на стилистическом, когда Аввакум то обращается к Богу, используя разговорную формулу «Надежа-свет» [Аввакум 1975: 105], то, объясняя природу грома согласно библейской традиции как божественное волеизъявление (Пс 26:19), добавляет от себя: «Да вол(ь)но Х(рист)у: чем изволит, тѣмъ и шумитъ» [Ibid.: 109]. Кроме того, ускоряется ход истории: рассказав о потопе и Ное, Нимроде и смещении языков, Аввакум уже не останавливается подробно на отдельных эпизодах, лишь перечисляя коротко библейские события и сокращенную родословную Христа. Моментом

вочеловечения — максимальным приближением Бога — завершается все повествование: «Х(ристо)с смотре́ние свое совершилъ и нас ради вочеловѣчился. Ему же слава со о́тцемъ и со с(вя)тымъ д(у)хом н(ы)нѣ и пр(и)сно и во вѣки вѣкомъ. Аминь» [Ibid.: 112]. Таким образом, Бог в тексте совершает определенное движение: от явления на престоле — к человеческой форме. Завершающая же текст традиционная формула «ныне и присно и во веки веком» возвращает читателя к вводной мысли автора — неограниченности Бога. Если в начале текста упор делался на пространственной неограниченности, то в конце это неограниченность темпоральная, подчеркнутая представлением о пространственной и временной ограниченности человеческой формы Христа.

3. Мир

Значительное внимание Аввакум уделяет сотворению мира и его устройству. Аввакум передает историю сотворения мира напрямую, ссылаясь лишь на авторитетные для него тексты. В понимании Аввакума видимый мир — продолжение, следствие и неделимая часть мира трансцендентного, что обусловлено всепроникающей сущностью Бога. Физический мир служит лишь дополнением к божественной вертикали-схождению и так же выстраивается по направлению сверху вниз — от огненного неба к глубинам ада. Горизонталь же в этой системе представлена течением времени. Принципиально важным для Аввакума аспектом миропонимания становится понимание происхождения составляющих мироздания. В «Снискании и собрании» Аввакум противопоставляет вербальное творение («повелением») творению из первоэлементов, или, как представлено в апокрифической «Беседе трех святителей», божественных атрибутов — ризы Господней как первоэлемента для солнца, Духа Святого — для месяца, пены морской — для земли [Беседа трех святителей 1862: 169]. Аввакуму подобные спекуляции кажутся возмутительными, как и представление, что земля покоится на «трех бол(ь)ших китах да на трицети малых», а море «на столбахъ утверждено», так как Господь повелел земле «на воде лежат(ь), а не на китах». Упоминается и утверждение земли «ни на чем» со ссылкой на Иоанна Дамаскина [Аввакум 1975: 98–99]. Вербальная природа творения активно постулируется Аввакумом: «А сотворил его б(о)гъ словом своим от несущества, сирѣчь от небытия в бытие приведе. Слово б(о)жие живо и дѣйстви́тельно» [Аввакум 1975: 98].

Несмотря на то что Божество всеобъятно и пронизывает собой мироздание, ноуменальная сфера отделена от видимого мира материальной и зримой границей: «Н(е)бо н(е)б(е)сѣ, на нем же пр(ѣ)ст(о)лъ б(о)жий, то н(е)бо огнено, а сие видимое, г(лаго)лется твердь быти; под

тѣм н(е)бом анг(е)льское ликостояние и служение бываетъ к б(о)гу» [Аввакум 1975: 98]. В этом пассаже Аввакум ссылается на «Гранограф», хотя в основном тексте вводной космологическо-космогонической части «Хронографа русского» редакции 1512 г. высшее небо представлено не как огненное, но как светоносное [Русский хронограф 1911: 21]. Возможно, Аввакум имеет в виду «Палею Толковую», где отдельно объясняется огненная природа высшего неба [Палея Толковая 2002: 103–104], или же имеется в виду компиляция, предвещающая вторую разновидность редакции «Хронографа» 1620 г., где проявляется представление об огненном небе, почерпнутое в том числе из «Книги Еноха» и «Луцидариуса» [Унд728: 23об., 29об.], текстов, хорошо Аввакуму знакомых. Аввакум не развивает характерную для апокрифов идею о многоярусности небес, ограничиваясь лишь разделением духовного, огненного неба и плотского, водного по своей структуре уровня, в чем прослеживается влияние «Палеи Толковой», где также идея о многоуровневости небесных сфер не поддерживается [Мильков 2009b: 161]. Любопытен тот факт, что Аввакум, помещая «под тем небом» ангельские силы, относит их к сфере материальной, а не к ноуменальной. Их положение исключительно служебное, какой-либо индивидуальности они лишены, не заимствуется даже приведенное в «Палее» [Палея Толковая 2002: 17] и «Хронографе» [Русский хронограф 1911: 21] разделение ангелов по их функции (ангелы облаков, тумана, града, льда, бури и др.).

Видимое небо, согласно Аввакуму, было сотворено из воды как твердая перегородка: «И разлучи б(о)гъ между водою и водою и рече: “Да будет твердь!” [...] Слово — и дѣло въскорѣ: от тое же воды згустилося, его же видим, н(е)бо» [Аввакум 1975: 99]. Водной структуре неба в «Снискании и собрании» не приписывается охлаждающей защитной функции, предохраняющей Землю от небесного жара, характерной для палейного повествования и отраженного в «Хронографе» [Палея Толковая 2002: 19; Русский хронограф 1911: 22]. Аввакум здесь лишь говорит о размещении половины всей изначальной воды, удерживаемой божественным повелением, на тверди: «[Т]ам половина воды, яко на полатах, лежитъ и николи к нам не сходит, токмо в потоп [...]» [Аввакум 1975: 99].

Сложно определить, является ли система Аввакума плоскостно-комарной или геоцентрической. С одной стороны, в текстах нигде не говорится прямо, что Земля плоская, с другой стороны, тяготение Аввакума к текстам антиохийской традиции может указывать именно на плоскостной характер Земли. То, что Земля «лежит» на воде, а не на китах (как указано в «Беседе трех святителей»), может свидетельствовать о ее

плоскостном характере, однако Аввакум при этом ссылается на Иоанна Дамаскина, стоявшего на позициях геоцентризма и поддерживавшего представление о сферической форме Земли [Аввакум 1975: 99; Мильков 2008b: 43]. Распределение Солнца и Луны в «область дня» и «область ночи» также отсылает к плоскостно-комарной системе. В более позднем по отношению к «Снисканию и собранию» тексте Аввакума — послании Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне (1678–1679) — проявляется уже геоцентрическая картина, где можно наблюдать представление о тверди как о сфере, вращающейся вокруг Земли. Сферическая форма самой Земли, однако, не постулируется:

Небо сие видимое распростерто, кругом грядый над нами по повелению хитреца-Бога, еже повеле исперва: «небо, вертись скоро, звезды, теките борзо, и друг другу не препинайте». На нем же воды недвижимы пребывают, а твердь под водами в посолонь кругом грядый. Звезды же под ним отлучене, разлучне со своими круги летяще под землю и по малой тверди под землею шедше, паки на око ю восходят, коловратствуя непрестанно [Аввакум 1960: 264].

Поскольку Аввакум использовал «Палею Толковую» и «Хронограф» в качестве отправной точки для представлений о космоустройении, возможно, что описывается земля, которая имеет округлую форму и покоится в центре мирового океана, однако прямого указания на форму земной поверхности в «Снискании и собрании» нет. Система Аввакума несет в себе черты того эклектизма, которым отмечен и текст «Палеи Толковой» [Мильков 2009a: 12].

Структурообразующим элементом для тварного мира является вода, мы встречаем ее на нескольких уровнях — это твердь, земля, которая, по словам Аввакума, «соестествена воде» и одновременно окружена ею со всех сторон [Аввакум 1975: 98–99]. Классическое противопоставление огня и воды, таким образом, получает новое наполнение. Огонь — признак мира ноуменального, тогда как вода — символ тварности мира. Аввакум в своих рассуждениях полагается не только на богословские догмы, но и на житейский опыт и элементарную логику, говоря, что «землю [Бог] взял от воды, а не от пѣны, потому и земля тяжела, а пѣна — лехкое дѣло» [Ibid.: 98]. Небесные тела при этом «имеют сродство» огненному небу и украшают небо видимое.

Небесные тела перечисляются Аввакумом в следующем порядке: Аррис (Марс), Ермис (Меркурий), Крон (Сатурн), Артемида (Венера), Солнце, Луна, остальные звезды. Этот порядок значительно отличается от принятого в геоцентрической традиции, где под областью звездного неба последовательно располагаются Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна и потом центральная Земля. Аввакум нарушает

принятый порядок перечисления светил, пропускает Юпитер, а вместо «Афродиты» указана «Артемида»⁶. В одном из его основных источников — «Палее Толковой» — светила септенера располагаются следующим образом: Марс — Меркурий — Юпитер — Солнце — Венера — Сатурн — Луна [Палея Толковая 2002: 51; *Барс620*: 232]); в основном тексте «Хронографа» светила упоминаются в порядке, унаследованном из геоцентрической системы: Сатурн — Юпитер — Марс — Солнце — Венера — Меркурий — Луна [Русский хронограф 1911: 28], а в упоминаемой нами космологической компиляции из «Хронографа» расположение также нарушено: Солнце — Марс — Меркурий — Юпитер — Венера — Сатурн — Луна [Унд728: 28]. Однако Аввакум существенным образом нарушает также хронологию событий Книги Бытие (Быт 1:16–19), согласно которой светила были созданы на четвертый день творения, и описывает хронологию следующим образом:

И в первый д(е)нь б(о)гъ звѣзду сотворил и положил на тверди н(е)б(е)сней, — ей же имя Аррисъ; а во второй д(е)нь звѣзду сотворилъ, — ей же имя Ермис; а в третьей д(е)нь Кронъ; а в четвертый Артемиду, и солнце в той же д(е)нь сотворил; а в пятый д(е)нь м(ѣ)с(я)цъ сотворилъ. И н(е)бо звѣздами украся, солнце положил во область дни, а луну — во область ночи [Аввакум 1975: 100].

Чем вызвано такое принципиальное нарушение, определить сложно, хотя и напрашивается упрощенное объяснение, что Аввакум, будучи в ссылке в Пустозерске, был вынужден полагаться на память, а потому мог просто допустить ошибку. Это могло бы пролить свет на пропуск Юпитера и нетипичное обозначение Венеры. Что же касается порядка творения, то нельзя исключить и влияние типичной для апокрифических текстов связи небесных тел с определенными днями недели [Турилов, Чернецов 1985: 320–321], и если дни недели соответствуют дням творения, то и светила могли создаваться постепенно, а не в определенный день.

Мир земной в понимании Аввакума максимально упрощен, однако в его модели благодаря всепронизанности мира Божеством укрепляется связь с духовными областями реальности. Коммуникация Бога и человека не прерывается каким-либо числом перегородок, кроме тверди, между сферой пребывания Божества и сферой человека воздвигается лишь одна граница, и субъективно человек в системе Аввакума оказывается ближе к трансцендентности, чем человек в схоластической адаптации геоцентрической модели универсума, где между эмпиреем и подлунным миром находится еще и некоторое число (от восьми до

6 В сборнике Дружинина указана как Афродита, так и Артемида [Аввакум 1975: 182].

десяти) небесных сфер — пусть и не плотных, но все же тел [Chadaeva 2018: 23]. В мире Аввакума космологическая привязанность условна, гораздо важнее оказывается ориентация человека относительно божественного света [Герасимова 2012: 209]. И потому более подробное миропознание, направленное на мир физический, Аввакум осуждает, как попытки постичь Божий промысел, проникнуть в тайны мироздания: «Оставя промыслъ творца своего да дьяволу работаете, невродяне, безчинники [...] А вы, разумные свиньи, лице н(е)бу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете...» [Аввакум 1975: 110].

4. Человек и грех

Итак, человек — единственное творение Бога, созданное не вербально, а «боголепными руками». А. К. Бороздин, одним из первых серьезно занимавшийся исследованием творчества Аввакума, продемонстрировал связь представлений о творении протопопы со «Словом о вочеловечении» Иоанна Златоуста [Бороздин 1900: 226]. На представления о сотворении человека оказали влияние и апокрифы [Сарафанова 1962: 334; Панченко 1982: 150–151]. Бог создает человека из земли как «скудел(ь)никъ скуделу», его можно сравнить с горшечником, обрабатывающем глину [Аввакум 1975: 102]. «Руки» Божества, по Аввакуму, следует понимать не буквально, а как две исходящие от Бога-Отца ипостаси — Сына и Духа, где «един сотворил, а другой и совершил повелѣниемъ отчимъ» [Ibid.: 103]. Таким образом, в сотворении человека задействованы все ипостаси Троицы. Уже в момент сотворения Адам не является лишь самим собой, конкретным Адамом, в нем проглядывают и черты других людей, он становится предзнаменованием истории. Адам в тексте Аввакума — образ и конкретный, и символический. Адам-символ — это прообраз апостолов Петра и Павла — хранителя ключа от рая и проповедника веры, двух принципов спасения, веры (ключ) и дел (проповедь): «И в то время провидѣ г(о)с(по)дѣ во Адамѣ ап(о)ст(о)лов Петра и Павла: Петру ключа ц(а)рства н(е)б(е)снаго вверяема, Павлу же бл(а)гоч(е)стие проповѣдающе» [Ibid.]. При этом ключ к их появлению — Христос: «[Б]ыша сии апостоли, егда с(ы)нъ б(о)жий воч(е)л(о)вѣчился» [Ibid.].

А. М. Панченко, полемизируя с П. Хант, утверждавшей, что Аввакум в своем знаменитом видении из пятой челобитной отождествляет себя с Христом [Хант 1977: 82], полагал, что Аввакум в первую очередь отождествляет себя с Адамом, т. е. человеком вообще [Панченко 1996: 47]. Н. М. Герасимова убедительно показала, что ближайший для Аввакума образец и точка соотнесения — не Христос и не Адам, а апостол Павел [Герасимова 2012: 247]. На наш взгляд, соотнесение Аввакумом

себя с персонажами священной истории не однозначно, и параллели могут проследиваться по всем трем основным направлениям, поскольку именно сотворение Адама предопределило вочеловечение Сына Божия, а Христос, вочеловечившись, примирил разрыв между сферой трансцендентного и человеком и стал человеком абсолютным. В результате вочеловечения стала возможна замена Адама в его роли универсального человека тем, кто несет свет Христа, — апостолом Павлом. В «человечности» у Аввакума можно наблюдать сразу два полюса — это способность к прямой, непосредственной коммуникации с Богом и приближение к трансцендентности, это вочеловечившийся Христос и несущие свет его апостолы и, с другой стороны, самые низменные, греховные черты, свойственные как библейским персонажам (что характерно — старозаветным, т. е. еще не очищенным светом Христа), так и грешным современникам Аввакума.

Первый человек, Адам, лишен в представлении Аввакума каких-либо специфических характерных черт вплоть до момента грехопадения. Его индивидуальность, как и прямая речь, проявляется лишь после того, как он вкусил запретный плод (согласно Аввакуму, это был виноград, т. е. прообраз алкоголя) [Аввакум 1975: 103–104]. Опьянение, как и последовавшее за ним похмелье, описано Аввакумом характерным для него разговорным экспрессивным языком, к цитатам реплик Адама из Книги Бытие добавляется и вольная интерпретация, напр., Еву Адам в запальчивости называет «дурой». В «Снискании и собрании» Адам после грехопадения предстает перед читателем как собирательный образ пьяницы, обвиняющего в своей слабости кого угодно, только не себя. Он встает наравне с современниками Аввакума, как с неводержанными в питии, так и более серьезными грешниками — блудниками, прелюбодеями, татями, разбойниками и злодеями [Ibid.: 105]. Повествование в момент грехопадения распадается на два временных плана: Адам грешит, страдает от похмелья, лжет и выкручивается одновременно с «нынешними» грешниками. Сравнение Адама и Евы с современными Аввакуму грешниками становится пояснением и актуализацией проблематики как минувшего, так и настоящего, приемом оживления и вывода героев из статичности [Елеонская 1978: 131]. То же самое происходит и позже — когда совершает убийство Каин, когда Нимрод пытается проникнуть в тайны будущего, и вместе с ними совершают грехи «безчинники» и «невродяне» во времена Аввакума [Аввакум 1975: 107, 110]. Грехопадение имеет сразу три временных плана — прошлое, настоящее и будущее: «Узнаем тогда, какъ погоня^т от рая, яко и Адама со Еввою за несоблюдение заповѣди» [Ibid.: 105]. Преступление Адама продолжает происходить и неминуемо случится в будущем: «Аще и н(ы)нѣ дре-

во райское обрящется [...], вси не устоятъ, но падше поклонятся пред нимъ» [Ibid: 102].

Кроме того, внимания заслуживает тот факт, что у Аввакума на протяжении всего повествования о событиях библейской истории практически отсутствует фигура Сатаны или дьявола, он выступает не самостоятельным участником происходящего, а скорее фоновым элементом. Текст Аввакума не повествует об отпадении Сатаны, дьявол появляется в момент грехопадения человека как бы из ниоткуда, внезапно:

И позавидѣ дьяволъ чести и славѣ Адамли, вниде в лучшаго звѣря — во змию, и оболга б(о)га ко Адаму, рече: «Зависливъ б(о)гъ, Адаме, не хочет вас таковых быт(ь), каков сам. Аще вкусите от древа, от него же ясти заповѣда вам, и вы будете яко бози» [Аввакум 1975: 103].

Дьявол у Аввакума ближе скорее к бесу, вредителю-завистнику, чем к грандиозной фигуре воплощенного зла. И хотя он имеет некое влияние на людей, грешного человека не оправдывает вмешательство враждебной силы, ответственность целиком и полностью лежит на человеке: «[Все] другъ на друга переводят, а все заодно своровали» [Аввакум 1975: 105]. В конце времен дьявола, его приспешников и грешников ожидает одинаковая судьба, никак не иерархизированная: «[Т]амо и дьяволъ будет з бѣсы осужденъ, тамо с ними будутъ и вси отступники, и мучени будутъ во вѣки вѣкомъ» [Ibid.: 101].

Аввакум вообще не затрагивает в своем тексте проблематику взаимоотношения полов и полового акта как проявления греховности. Грехопадение в его понимании связано именно с пьянством, а не с блудом: Адам познает Еву лишь после изгнания из рая. Но именно грехопадение становится причиной проявления телесности в самых низменных ее проявлениях — боль, рвота, недержание. Адам до греха схематичен, как и рай, в котором он живет, и обретает тленную и подверженную слабостям плоть, вкусив от древа познания. При этом грехопадение человечества не ограничивается лишь четырехкратным грехом Адама (нарушение запрета, пьянство, ложь, попытка «перевести» свой грех на другого), но постепенно усугубляется уже при потомках праотца. За братоубийством Каина следует волхование (до потопа), неуважение к родителям (Хам), попытка проникнуть в тайны будущего (Нимрод). Акцентирование именно этих прегрешений в сочинении, написанном Аввакумом для своих последователей, демонстрирует нам шкалу антиценностей Аввакума, посылающего ясное сообщение своим ученикам о тех слабостях, которых им следует остерегаться.

5. Рай и его потеря

Создав землю, Бог занялся ее украшением, в описании которого проявилось стремление Аввакума к поэтизации действительности. Сначала автор наметил цветовой фон: «И израстаоша былия прекрасная, травы цвѣтныя разными цвѣты: червонныя, зѣленыя, лазоревыя, бѣлыя, голубыя [...]» [Аввакум 1975: 101]. Далее к цветовому фону добавляются образы деревьев: «Тако же и древа израстаоша: кипариси и пѣвги, и кедри, мирсины и черничие, масличие и виноградие, и финики и иное садовие [...]» [Ibid.]. Аввакум оформляет картину мира как живописец: деревья задают вертикаль, к которой добавляется горизонталь рек, протекающих среди гор: «И реки среди гор протекоша, и источники водныя» [Ibid.]. Далее статичную картину пейзажа приводят в движение живые существа — созданные из земли животные, созданные из воды птицы, а также пресмыкающиеся и насекомые. В этом фрагменте представлено владение словом, которое в творчестве Аввакума используется как инструмент визуализации. Создаваемая им картина начинается с определения цветовой палитры, далее вертикаль и горизонталь создают перспективу, и в последнюю очередь добавляется динамичный элемент — живые создания. Заключительным актом творения физического мира, предваряющим появление человека, становится создание рая.

Рай в «Снискании и собрании» делится на две части. Первая — это «Рай Едемский», который был создан в самом начале существования этого мира, а в будущем он распространится по всей земле, а вторая — «град святыи Сион» — будет находиться на воздухе [Аввакум 1975: 100]. Личного, камерного рая, описываемого Аввакумом в «Житии» [Демин 1998: 725], в «Снискании и собрании» нет.

Локализация рая до Второго пришествия закрепляется за конкретным местом: «Посем насадил рай во Едеме, на востоце» [Аввакум 1975: 101]. Рай не подвержен процессам старения и тления и одновременно является физическим и духовным местом: «[А]ще и на землѣ рай, но посредѣ плотна и д(у)х(о)внаго жития устроень» [Аввакум 1975: 101]. Рай, как и в апокрифических произведениях [Демин 1998: 699], не исчез в результате грехопадения, он возвышается над всем остальным миром и временно запечатан [Аввакум 1975: 102]. Тем не менее полностью связь с Эдемом не прервалась даже после запечатывания, подтверждением чего может служить заимствованный Аввакумом из «Пролога» фрагмент предания, где молящейся перед своим успением Богородице ангел приносит финиковую ветвь именно из физического рая [Аввакум 1975: 102; Сарафанова 1962: 337]. Возможность физического контакта с запечатанным Эдемом сохраняется и далее, так как части ветви разделяют между собой после успения апостолы.

Сам момент потери рая описан как событие, потрясшее не только человека, но и весь физический мир. Небесные тела, земля и вода в момент изгнания Адама и Евы из рая наделяются определенными антропоморфными чертами, когда к ним применяются категории модальности:

Солнце сожеши ево хотѣло, луна и звѣзды примрачилис(ь), н(е)бо простерто не восхотѣло стояти, земля в воды хоцетъ побѣжати, море ис предѣль выступит(ь) тщится и потопит(ь) законопреступных, садовие плодovitое увядают [...] анг(е)ли на н(е)б(е)сѣхъ плачутъ, и вся твар(ь) с ними рыдаеть: не восхотѣли падшему служити [Аввакум 1975: 105–106].

Тем не менее Бог приказал своим творениям стерпеть и не выступать из своих пределов, т. е. не нарушать миропорядок, «дондеже не обновлю падший мой образ». Грехопадение — тот момент, когда качественно меняется не только течение времени, но и состояние материи: «[В]ся твар(ь) совоздыхает, и зболѣзнуеть с нами, и желаетъ нашего дне, когда с(ы)ны б(о)жия будем» [Аввакум 1975: 102].

Потеря рая, однако, не ограничена лишь одной историей Адама и Евы. Потеря постоянно актуализируется, так как каждый человек в любой момент жизни может повторить грех Адама. Потому и не стоит обвинять Адама во всех бедах человечества: «Что на Адама пенят(ь)? Мы и сами в том же сластолюбии погрязли» [Аввакум 1975: 106]. Существует и обратная сторона: рай потерян не безвозвратно, и уже в настоящем у человека появляется возможность его вернуть: «Адам сластолюбием [рай] заключил, мы ево взыщем постомъ и м(о)л(и)твою, любовию и м(и)л(о)ст(ы)нею, слезами и покаяниемъ, и прочими добродѣтел(ь)ми с терпѣниемъ» [Ibid.: 102]. Аввакум, таким образом, уверен в обретении рая и избранности для себя и своих последователей.

Рассказ о первых событиях Книги Бытие до истории Каина и Авеля Аввакум завершает выводом о том, что мир, сотворенный ради человека, — это общий дом, где нет места ни вражде, ни социальным различиям: «[Г](о)с(по)дѣ землю общу сотворил и н(е)бомъ, яко камарю, покрыл. Д(е)нь равно всѣмъ свѣтитъ, солнце також сияет равно, чтоб друг друга жили любя, яко во едином дому» [Аввакум 1975: 106–107]. Здесь мы можем наблюдать отношение Аввакума к принципу иерархии: в его представлении иерархическая система касается исключительно сферы ноуменальной, а не феноменальной. На физическом, событийном уровне вся иерархия едва ли не анархически снимается, так как Бог «землю общу сотворил», а связь с трансцендентной вертикальной осью бытия не ограничивается социальным статусом, заслугами или достижениями. Каждому существу доступна возможность прикоснуться

к трансцендентности в любой момент жизни в случае, если оно обратится к истинной вере. Однако человек, нарушая заветы, становится динамическим элементом в статичной картине сотворенного мира. Неслучайно именно после грехопадения начинает отсчитываться хронология: время, проведенное Адамом в Эдеме, относительно и не событийно, здесь неважно, какова была длительность безгрешного пребывания Адама в раю⁷, динамика появляется после того, как Ева и Адам нарушают запрет. В «Снискании и собрании» этот момент библейского сюжета становится переломным, когда автор переходит от повествовательно-описательной части к историческо-событийной.

6. История и ее смысл

Божественное всеприсутствие, как уже было отмечено, проявляет себя не только в пространственной, но и во временной плоскости, где движение времени является линейным следованием событий от сотворения мира до двух ключевых моментов истории — Первого и Второго Пришествия. Течение времени в «Снискании и собрании» имеет сразу три измерения. В первую очередь, это движение линейное, т. е. ход человеческой истории. Далее возникает время циклическое, т. е. замыкание истории в сразу двух кульминационных точках развития — вочеловечении Христа, обновившем человечество, и Втором пришествии, обновившем весь мир, который, очистившись, был выведен из линейного событийного движения истории. Третий временной уровень — «многие века» Бога, вынесенные вне человеческого цикла. Как отметила П. Хант, в «Снискании и собрании» бок о бок стоят описание сотворения мира и его конца [Hunt 1975–1976: 162]. Описывая сотворение неба и светил, Аввакум сразу же переходит ко Второму пришествию:

А во второе пришествие свое г(о)с(по)дь всю твар(ь) видимую сию переновить, сирѣчь переполощить негасимым огнем, и будет н(е)бо ново и земля нова, и людей-тѣх же переновить; воскреснуть вси, и комуждо по достоянию и мѣсто указать г(о)с(по)дь во вѣки безконечныя [Аввакум 1975: 100].

В физическом отношении мир Аввакума практически статичен, динамика идет по двум направлениям: это вертикальное движение мира духовного и ощущение динамизма в области исторического процесса, ускоряющегося по направлению к концу времен. Это мир, живущий в ожидании перерождения, и его стабильность — лишь иллюзия. Движение в нем неравномерно: если вертикальное духовное движение постоянно, то горизонтальная линия исторического процесса ускоряется, и

⁷ Сто лет, три года или шесть часов [Аввакум 1975: 103].

точка опоры может быть найдена только в трансцендентной вечности. Повествование ускоряется с каждым следующим персонажем библейской истории: если события грехопадения, убийства Авеля Каином и потоп описаны относительно подробно, то после Вавилонского столпотворения имена мелькают одно за другим, выпадают целые куски («О том не писал, какъ Моисѣю закон дан бысть [...]» [Аввакум 1975: 112], история спешит завершиться на своем первом этапе — вочеловечении Христа, давшего возможность быть и внутри, и вне ее, приблизиться ко времени трансцендентному, стать наблюдателем времени. В «Снискании и собрании» Адам практически незаметно исчезает из повествования, похоронив Авеля и «родив» двух дочерей для Каина и Сифа. Мы так и не узнаем, сколько лет он прожил и как скончался. Это уже не важно, так как для современности имеют значения лишь те события, которые связаны как с вечностью, т. е. с божественным замыслом, общим потоком истории, ведущим к ее отмене, так и с каждой точкой настоящего.

Возможность смотреть на историю извне имеют три субъекта: это всеведующий Бог, автор и читатель. Бог, находящийся в центре системы координат Аввакума, он сам и его последователи включены в круг спасения [Герасимова 2012: 215]. Именно они видят ясно смысл истории — ее отмену, переход на иной временной или вневременной уровень. Как отмечала С. Матхаузерова [1976: 125], анализирувшая временные категории у Аввакума, в поле его зрения «входили и действия, измеряемые человеческим временем, и действия, относящиеся к категории вечности». В «Снискании и собрании» это стремление представлено на повествовательном уровне исключительно объемно. Описывая грех Адама, Аввакум говорит о «нынешних» пьяницах, говоря об убийстве Авеля, он упоминает современные ему распри («мы же [...] яко псы и яко котки, друг на друга ворчимъ и прыщем, яко козлы») [Аввакум 1975: 107], от вавилонского столпотворения и истории Нимрода он резко переходит к критике определений «добрых» и «злых» дней современными ему гадалщиками [Ibid.: 110]. Исторические события у него постоянно накладываются на восприятие актуальной действительности, и, несмотря на его желание, именно настоящее оказывается сильнее, постоянно стягивая на себя внимание автора, отвлекая его от вневременной вечности, к которой Аввакум стремился. Тем не менее весьма важными следует считать частые отсылки к «Хронографу» как к тексту, в котором представлена истинная для Аввакума картина истории, в отличие от «ложных» повествований, поскольку Аввакум стремится найти в истории универсальный ответ и руководство к миропониманию. Следует, впрочем, учитывать, что во второй половине XVII в.

текст «Хронографа» дробится, возникают многочисленные хронографические компиляции, так называемые хронографы особого состава, и он теряет характер систематического изображения истории [Творгов 1972: 226]. Это знаменует новый период в понимании истории и ее смысла.

7. Автор и читатель

Фигура автора в его отношении к Богу появляется в самом начале текста «Снискания и собрания», когда цитируется Евангелие от Иоанна, фрагмент, где Иисус обращается к своим ученикам, говоря об истинности своих утверждений и о том, что восприятие божественного слова указывает на связь с Богом-отцом, тогда как рецепция ложной информации указывает на генетическую связь слушателя с дьяволом [Ин 8:42–44; Аввакум 1975: 92]. Эта цитата задает магистральную линию для прочтения всего текста, раскрывает позицию автора — транслятора истины, сопричастного трансцендентности. Смелость Аввакума, неоднократно бравшего на себя роль носителя абсолютной правды и описывавшего свое слияние с Богом, много раз была отмечена исследователями [Хант 1977: 78; Мильков 2002: 24]. В тексте «Снискания и собрания» эта параллель не проводится прямо, сначала Аввакум обращается к читателю, призывая его «внимать г(о)с(по)дня речения» [Аввакум 1975: 92], позже появляется и самостоятельное авторское «я», где Аввакум ставит себя вровень с апостолом Павлом: «Слушай, мы с Павлом отвѣщаемъ ти» [Ibid.: 93]. Позже это «мы» может быть перенесено и на сподвижника Аввакума, на его читателя, причем тоже человека грешного: «Мы же речем: “О сластолюбие Адамле и пиръ пьяной! [...] Мы и сами в том же сластолюбии погрязли”» [Ibid.: 106].

В «Снискании и собрании» не только роль автора исключительно ярко выражена. Говоря от первого лица, он устанавливает контакт с читателем. Даже раньше, чем подчеркнутое авторское «я», в тексте возникает «ты», образ адресата, «слушателя», не ученого и не студента, но последователя, ученика, заблудшего и запутавшегося, которому предоставляются как информация, так и ссылки на авторитетные тексты, которые должны войти в круг его чтения. Это не «возлюбленный слушатель» барочных гомилий, выступающий скорее отвлеченным, абстрактным реципиентом, но вполне конкретный и живой адресат, знакомый с конкретными источниками. И автор здесь выступает с позиций не ученого, не книжника: его авторитет зиждется на вере, а не на фактах. Он не сверяет и не связывает воедино целостную картину бытия, в цитировании полагается как на текст, так и на память, но твердо уверен, что все предоставляемые им сведения истинны. Сила

этой веры проявляется и в том, что Аввакум, стремясь передать свою убежденность читателю, постоянно употребляет повелительное наклонение, причем задействует все возможные способы постижения истины — «виждь», «зри», «чти», «внимай», «слушай», «смотри», «разумей». Он говорит не о знании, но о восприятии и принятии информации, что разительно отличается от образовательного пафоса его современников — барочных авторов, в первую очередь Симеона Полоцкого. Миром и божественной мудростью следует восхищаться, смиренно постигать ее «в сопребывании с мудрыми», а не изучать, усваивать или измерять [Николаев 2000: 75].

Коммуникативный аспект в тексте реализуется в том числе посредством включения значительного количества риторических вопросов: «Кто вѣсть, что есть б(о)гъ и гдѣ ему обител(ь)?»; «Разумѣеш(ь) ли, слышателю, гдѣ писание тартаръ возвѣщаетъ?»; «А затѣмъ что? Не вышереченныя ли муки?» и др. [Аввакум 1975: 93, 101, 105]. И если вопросительные формулы в «Житии» в основном подготавливают введение новой темы или побуждают слушателя к признанию непреложности и неотвратимости описываемых событий, а также обостряют наиболее трагические эпизоды [Виноградов 1980: 33–34], то в «Снискании и собрании» вопросы играют как акцентирующую роль, так и роль установочки более близкого контакта с читателем.

В тексте «Снискания и собрания», в отличие от «Жития», отсутствует центральный герой или объект описания. Это не Адам, он лишь одно из лиц, один из «твари». Здесь нет главного героя-участника описываемых событий, но присутствуют три основных участника на уровне текста — Бог, автор и адресат. О Боге и его делах постоянно идет разговор, и, поскольку Бог всеведущ и всеприсутствующ, он также становится участником этого разговора. Он вступает в коммуникацию с человеком на протяжении всего текста — являясь Аврааму, Моисею, Иакову, пророкам Исае, Иезекилю и Даниилу, Иоанну Богослову [Аввакум 1975: 93–96, 111], говорит с Адамом [Ibid.: 104–105], Каином [Ibid.: 107], Ноем [Ibid.: 108]. Аввакум же прямо и непосредственно диктует читателю как способ интерпретации библейского текста, так и «список дополнительной литературы», а также призывает задуматься над собственными прегрешениями. Читатель Аввакума — это ученик и последователь, такой же грешный человек, как и праотец Адам, имеющий, впрочем, возможность заслужить спасение, причем в самом ближайшем времени.

8. Два «потерянных рая»: Дж. Мильтон и Аввакум

Самое заметное место в череде западноевропейских писателей и поэтов, отразивших в своем творчестве как кризисный характер XVII в.,

так и проблематику нового определения человека и его места в истории, занимает Дж. Мильтон с его эпической поэмой «Потерянный рай». В поэме соединяются обращение к еврейской традиции мидрашей — комментариям к тексту Священного Писания [Werman 1995: 42–74; Shoulson 2001: 10–18], тесная связь с наследием античности, реминисценции из Данте, Спенсера и Тассо [Porter 1993: 84], а библейская история рассматривается со множества точек зрения — как теодицея, трагическая история падения Сатаны, проблема времени, пространства, предопределения и др. В «Потерянном рае» есть и творческая переработка английских событий XVII в., и проблематика переосмысления представлений о космосе [Sarkar 2012: 116, 148]. При всей удаленности «Потерянного рая» Мильтона и «Снискания и собрания» Аввакума друг от друга, было бы интересно сопоставить сочинения, интерпретирующие библейскую историю и написанные практически одновременно («Потерянный рай», написанный в 1658–1663 гг., был издан в 1667 г., тогда как «Снискание и собрание» датируется 1672 гг.). Учитывая факт, что уже проводились типологические сравнения «Жития» Аввакума с другими произведениями, не связанными с ним генетически, включая роман М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» и «Записки» Я. Х. Пасека [Николаев 2003: 35], сопоставление интерпретации Аввакумом Книги Бытие с текстом Мильтона нам представляется оправданным и заслуживающим внимания. «Потерянный рай» Мильтона — это эпическая и многоуровневая панорама, где на позиции наблюдателей находятся как автор, так и читатель, наблюдающие свершение истории, причем Мильтон проявляет ту степень переосмысления и вымысла в отношении библейского текста, какая была бы совершенно немыслима для Аввакума. Наряду с таким текстом «Снискание и собрание», локальный коммуникативный акт, выглядит более чем скромно. Однако, несмотря на то что тексты разительно отличаются друг от друга по целому ряду параметров, включая форму, жанр, объем, круг источников, замысел, их объединяет тема — интерпретация первых событий в истории, грехопадения, роль человека и его взаимоотношения с Творцом.

На оба текста можно смотреть как на инструкции для чтения библейского текста, но если Аввакум директивен в интерпретации Священного Писания и «списке рекомендуемой литературы» (см. выше), то у Мильтона побуждение к чтению и обогащению знаний происходит сквозь множественные аллюзии и отсылки [Rajan 1962: 18], включающие в первую очередь тексты не религиозные, а принадлежащие к общеевропейскому и специфически английскому культурному наследию. С другой стороны, современность в соотношении со священной историей

в тексте Аввакума отражается напрямую, тогда как в «Потерянном рае» она скрывается за многоуровневым рядом аллюзий.

Для Мильтона, как и для Аввакума, всемогущий и всевидящий Бог — центр миропонимания, однако магистральная тема, связанная с божеством, разительно отличается. У Мильтона это теодицея, оправдание существования зла и греха («justify the ways of God to men» [Milton 1892: 6]), тогда как для Аввакума само появление подобной мысли в принципе невозможно. Отличается и понимание творения и его смысла: у Мильтона это отчасти сотворение *de deo*, не *ex nihilo* [Lehnhof 2004: 15], т. е. все существующее — это продолжение Бога, его сущности, в то время как Аввакум либо представляет сотворение из света, либо постулирует вербальный характер творения.

Мильтона, как и Аввакума, волновали вопросы предопределения судьбы человечества и жертвы Христа, на это направлена обширная рефлексия в кн. III «Потерянного рая» [Milton 1892: 43–50]. В поэме Мильтона предопределение хода истории происходит в тот момент, когда поверженный Сатана, стремясь отомстить за свое падение, летит к *этому* миру (т. е. новому, сотворенному Богом) [Milton 1892: 43–50], причем предопределение происходит в два этапа: когда Бог предвидит падение («For Man will hearken to his glozing lies, / And easily transgress the sole command [...] so will fall / He and his faithless progeny» [Milton 1892: 44]) и когда Христос предлагает себя в жертву во имя спасения человечества («Me for him, life for life, I offer» [Milton 1892: 47]). У Аввакума же эсхатологический план оформляется в момент принятия Богом решения о сотворении человека, и если грехопадение предвидит Сын («Сотворим, отче, и преступит бо» [Аввакум 1975: 102]), то решение о вочеловечении в тексте Аввакума принимает, наоборот, Бог-Отец, а Сын покоряется его воле. Таким образом, если в интерпретации предопределения у Мильтона движущей силой истории выступают Сатана и Христос, то в тексте Аввакума решающая роль отведена Богу-Отцу и самому человеку, сотворение которого предопределяет действия одной из божественных ипостасей, а грех заложен изначально.

Ключевой для «Потерянного рая» является фигура Сатаны, играющего роль главного героя на протяжении первых двух книг, наиболее сложного, неоднозначного персонажа [Verbart 1995: 45]. Рай в поэме Мильтона потерян дважды, впервые это свержение павшего ангела (кн. I), причем бунт его совершается как осознанный выбор, целью которого была не только жажда власти, но и сохранение собственной идентичности («What matters where, if I be still the same, / And what I should be, all but less than He [...], We shall be free [...] Here we may reign secure» [Milton 1892: 10–11]). Грехопадение Адама, именно из-за мести поверженного ангела

и слабости человека, происходит уже позже. У Аввакума же, как было отмечено выше, фигура персонифицированной тьмы в повествовании отсутствует, а ответственность за грех лежит целиком и полностью на человеке, причем грех этот — не любопытство даже, а невозддержание [Аввакум 1975: 104]. Для Аввакума внешним проявлением греха становится пьянство, и практически никакие аспекты межполовых отношений в контексте понимания сути греха Аввакума не интересуют, тогда как в тексте Мильтона особо подчеркивается сексуальный аспект греховности. Существенное внимание Мильтон уделяет проблематике взаимоотношения полов, подробно описывая как их «чистую», так и «греховную» формы, причем как в физическом плане, так и в психологическом аспекте (кн. IV, V, IX).

Мильтон детально описывает характер и мотивацию поступков женского персонажа — Евы, которая Аввакумом упоминается лишь вскользь, не говоря уже о разработке характера Адама, тогда как в тексте Аввакума первый человек схематизирован и выступает прообразом будущего человечества в целом. Вообще характер, личность для Мильтона — центральные объекты рефлексии, что проявляется и в несравнимо большей степени персонификации ноуменального мира. Так, подробно разрабатываются характеры не только павших ангелов, но и слуг Бога — архангелов Рафаила и Михаила, действующих вполне самостоятельно, Аввакум же в своем повествовании не уделяет бесплотным силам значительного внимания, придерживаясь канона Священного Писания.

Авторов роднит значительное внимание, уделяемое сотворению мира и его устройству. В поэме «Потерянный рай» читатель не становится непосредственным наблюдателем самого процесса творения, так как информация о мироустройстве передается через дополнительного рассказчика — архангела Рафаила (кн. VII и VIII). Аввакум же передает историю сотворения мира напрямую, ссылаясь на авторитетные для него тексты. При этом мир физический у Мильтона — лишь один из возможных, так как Бог создает его после падения Сатаны («I can repair / That detriment, if such it be to lose / Self-lost, and in a moment will create / Another world» [Milton 1892: 116]). У Аввакума же мир возникает как следствие возможности Божества вербализовать творение и деление миров наблюдается лишь на уровне мира небесного и земного, возникшего вследствие создания первого.

В системе Аввакума человек субъективно оказывается ближе к трансцендентности, чем в мире Мильтона, где первичную коммуникацию между Богом и Адамом осуществляет архангел Рафаил (кн. V–VIII), а между сферой Эмпирея и Землей находится неопределенное

количество сфер, причем человек стремится «навертеть циклов и эпициклов» («With Centric and Eccentric scribbled o'er, / Cycle and Epicycle, Orb in Orb» [Milton 1892: 127]), хотя понимание всей этой структуры и того, что находится в ее центре, недоступно человеческому восприятию:

Whether the Sun, predominant in Heaven,
Rise on the Earth; or Earth rise on the Sun [...]
Solicit not thy thoughts with matters hid;
Leave them to God above; him serve, and fear!
[Milton 1892: 129].

Показательно, что в последнем утверждении Аввакум в своей своеобразной манере мог бы лишь поддержать Мильтона, осуждая попытки постичь Божий промысел. Близость человека к трансцендентности в тексте Аввакума при этом подчеркивается тем, что Бог говорит с человеком напрямую, тогда как у Мильтона он вступает в коммуникацию лишь с Христом или бесплотными силами, передающими Адаму божественное волеизъявление.

Мильтон в «Потерянном рае» дает своему герою Адаму возможность взглянуть на все течение истории в эсхатологической перспективе, завершающейся Вторым пришествием [кн. XI и XII; Milton 1892: 195–223]. У Адама Аввакума такой возможности нет, но читатель вместе с автором по сравнению с первым человеком имеют то преимущество, что точно так же могут посмотреть на историю извне, ожидая конца света. Эсхатологические аспекты, таким образом, присутствуют в обоих произведениях, отражающих тему потери рая, однако их реализация отличается.

Чувство потери проявляется в обоих произведениях, однако его острота значительно отличается. «Потерянный рай» пронизан отчаянием, ведь не только Адам теряет Эдем, но и Люцифер, сверженный с небес, пытается справиться с поражением и крушением надежд, и луч надежды брезжит лишь в кн. III, когда оформляется эсхатологическая перспектива, и в кн. XII, когда с ней знакомится Адам. У Аввакума же упоминание о Втором пришествии и новом мире появляется одновременно с идеей о сотворении мира и через все повествование проходит соотнесение событий как ветхозаветной истории, так и современности с возможностью спасения. Примечателен в этом смысле финал текстов: у Аввакума это утверждение эсхатологического плана во времени и вне его с помощью устойчивой формулы («Ему же слава со *отцемъ* и со с(вя)тым д(у)хом н(ы)нѣ и пр(и)сно и во вѣки вѣкомъ»), тогда как у Мильтона это начало пути, человеческой истории:

The world was all before them, where to choose
Their place of rest, and Providence their guide.
They, hand in hand, with wandering steps and slow,
Through Eden took their solitary way

[Milton 1892: 214].

«Потерянный рай» Мильтона и восприятие той же потери у протопопа Аввакума в «Снискании и собрании» имеют несравнимо больше отличий, чем сходных мотивов. «Потерянный рай» обращен в первую очередь в прошлое, в глубину европейского культурного наследия, на повествовательном уровне — в историю отпадения Сатаны и грехопадения, а также сосредотачивается на теодицее и роли личности и характера, тогда как Аввакум фокусируется на настоящем и, возможно, близком эсхатологическом будущем. В понимании Аввакума история Книги Бытие должна служить схематичным руководством и напоминанием для его последователей, тогда как спектр вопросов, встающих в связи с трагедией человечества, у Мильтона намного шире. Сопоставление некоторых аспектов интерпретации библейской истории в «Потерянном рае» и «Снискании и собрании» помогают лучше понять актуальность и специфику ряда проблем в дискурсе исторического перелома раннего Нового времени в России.

Заключение

«Снискание и собрание» — это текст о трех составляющих — Боге, мире физическом (твари) и сотворении и последующем грехопадении человека. Основным субъектом в повествовании выступает Бог-Творец, превосходящий рамки творимого им мира как в пространственном, так и во временном отношении. Человек же становится субъектом в момент грехопадения, обретая собственный голос. Тем не менее в гораздо большей степени, чем с грехопадением Адама, «Снискание и собрание» связано с постоянной борьбой каждого конкретного индивидуума с грехом, и борьба эта включает все временные уровни — прошлое, настоящее и будущее. С одной стороны, текст Аввакума ориентируется на вечность, частью которой стал человек благодаря изначальному решению Бога. У Аввакума остро чувствуется именно настоящий момент, в котором присутствуют трое главных действующих лиц — Бог как абсолютная точка соотнесения, автор и читатель. Аввакум проживает историю грехопадения неоднократно, она происходит синхронно с его собственной, и, с другой стороны, точно так же синхронно идет сближение с трансцендентностью, возвращение рая. Вовлечение в текст автора и читателя осуществляется посредством соотнесения библейских персонажей с

современными грешниками, при этом Аввакум с помощью языковых средств (императива и вопросительных предложений) поддерживает непрерывную коммуникацию с читателем, что делает текст «Снискания и собрания» интенсивным коммуникативным актом.

«Снискание и собрание» имеет структуру, зеркально противоположную картине мира, выстраиваемой в «Житии», где жизнь автора соотносится с библейскими сюжетами. Здесь события священной истории сопоставляются с современностью Аввакума. Потому эти два текста следует рассматривать как целое: в «Снискании и собрании» дается комментарий к онтологическим представлениям Аввакума и пониманию смысла истории как целого, тогда как «Житие» — отражение частного на фоне целого.

В тексте «Снискания и собрания» затронуты ключевые для мировосприятия Аввакума вопросы — это взаимоотношения Бога и человека, их коммуникация, представление о пространстве и времени, ход истории и его уровни, роль человека в истории, равенство людей перед Богом, а также восприятие священного текста и осмысление его информации. Сопоставление с «Потерянным раем» Мильтона помогает через призму интерпретации ветхозаветной истории акцентировать вопросы, ключевые для староверов на пороге Нового времени. Многие аспекты, включая творческую историю создания «Снискания и собрания» и его соотношение с другими текстами Аввакума, а также типологическое сопоставление с другими произведениями переломной эпохи, затрагивающими тему потери рая, еще требуют дополнительного осмысления.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

Библиография

Источники

Рукописи

Барс620

ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 620, *Палея Толковая*, по изд.: Мильков В. В., Полянский С. М. *Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. Космологические тексты плоскостно-комарной традиции в древнерусской книжности*, Санкт-Петербург, 2009, 165–300.

Унд728

РГБ, Собрание В. К. Ундольского, № 728, *Хронограф*, конец XVII — нач. XVIII в.

Издания

Аввакум 1960

Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, *Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения*, Гудзий Н. К., ред., Москва, Ленинград 1960, 260–276.

Аввакум 1975

Снискание и собрание о Божестве и о твари и како созда Бог человека, *Пустозерский сборник: автографы сочинений Аввакума и Епифания*, Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф., Сазонова Л. И., ред., Ленинград, 1975, 92–112.

Беседа трех святителей 1862

Беседа трех святителей, *Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графом Григорием Кушелевым-Безбородко*, Пыпин А. Н., ред., Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным. С.-Петербург, 1862, 169–178.

О небесной иерархии

А. И. Макаров, В.В. Мильков, А.А. Смирнова, *Древнерусские Ареопагитики*, Москва, 2002, 83–201, 223–286.

Палея Толковая

А. М. Камчатнов, подготовка др. рус. текста и перевода на совр. рус. язык, В. В. Мильков et al., коммент., *Палея Толковая*, Москва, 2002.

Русский хронограф 1911

Русский хронограф, *Полное собрание русских летописей*, 22, 1, С.-Петербург, 1911.

Milton 1892

Taylor, C., ed., *The Poetical Works of John Milton*. London, New York, 1892.

Литература

Бабалык 2011

Бабалык М. Г., *Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности XV–XX веков* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск, 2011).

Беляев 1913

Беляев И. Д., *Хронограф третьей редакции: Труд И. Д. Беляева*, Москва, 1913.

Буланин 2016

Буланин Д. М., Утраченный рукописный источник русского хронографа (опыт реконструкции состава), *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*, 13, 1–2, 2016, 99–136.

Бороздин 1900

Бороздин А. К., *Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке*, С.-Петербург, 1900.

Виноградов 1980

Виноградов В. В., О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума, *Idem, О языке художественной прозы*, Москва, 1980, 3–41.

Герасимова 2012

Герасимова Н. М., Поэтика «Жития» Аввакума, *Eadem, Прагматика текста: фольклор, литература, культура*, С.-Петербург, 2012, 177–272.

Демин 1998

Демин А. С., О художественности древнерусской литературы: *Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума*, Москва, 1998.

Елеонская 1978

Елеонская А. С., *Русская публицистика второй половины семнадцатого века*, Москва, 1978.

Лавров 2018

Лавров А. С., К истории текста «Книги бесед» протопопа Аввакума, *Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского института*, 27, 2018, 11–20.

Лурье 1988

Лурье Я. С., Беседа трех святителей, *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 1. А–К*, Лихачев Д. С., ред., Ленинград 1988, 89–93.

Лыткин, Осипова 2015

Лыткин В. В., Осипова А. В., Источники и методы изучения биографии протопопа Аввакума, *Наука. Искусство. Культура*, 3 (7), 2015, 77–88.

Матхаузерова 1976

Матхаузерова С., *Древнерусские теории искусства слова*, Прага, 1976.

Менделеева 2005

Менделеева Д. С., Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола, *Герменевтика древнерусской литературы*, 12, Москва, 2005, 186–312.

Милюков 2002

Милюков В. В., Ареопагитики: древнерусская традиция бытования, *Древнерусские Ареопагитики*, Макаров А. И., Милюков В. В., Смирнова А. А., подг., Москва, 2002, 9–34.

——— 2008a

Милюков В. В., Геоцентризм и другие космологические традиции, *Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть I. Тексты геоцентрической традиции* (= Памятники древнерусской мысли, 4, 1), Милюков В. В., Полянский С. М., подг., С.-Петербург, 2008, 7–40.

——— 2008b

Милюков В. В., Из «Богословия» Иоанна Дамаскина, *Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть I. Тексты геоцентрической традиции* (= Памятники древнерусской мысли, 4, 1), Милюков В. В., Полянский С. М., подг. С.-Петербург, 2008, 43–109.

——— 2009a

Милюков В. В., Космологические тексты плоскоотно-комарной традиции, *Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. Космологические тексты плоскоотно-комарной традиции в древнерусской книжности* (= Памятники древнерусской мысли, 4, 2), Милюков В. В., Полянский С. М., подг., С.-Петербург, 2009, 7–21.

——— 2009b

Милюков В. В., «Палея Толковая» и содержащаяся в ней проблематика космологического характера, *Космологические произведения в книжности Древней Руси. Часть II. Космологические тексты плоскоотно-комарной традиции в древнерусской книжности*, (= Памятники древнерусской мысли, 4, 2), Милюков В. В., Полянский С. М., подг., С.-Петербург, 2009, 158–166.

Николаев 2000

Николаев С. И., Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума, *Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания* (= Археография и источниковедение Сибири, 20), Ромодановская Е. К., ред., Новосибирск, 2000, 71–76.

——— 2003

Николаев С. И. Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека, *Russica Romana*, 10, 2003, 35–43.

Панченко 1980

Панченко А. М., Литература переходного века, *История русской литературы: В 4-х тт.*, 1, Ленинград, 1980, 291–407.

——— 1982

Панченко А. М., Аввакум как новатор, *Русская литература*, 4, 1982, 142–152.

——— 1996

Панченко А. М., Русская культура в канун петровских реформ, *Из истории русской культуры*, Т. 3 (XVII – начало XVIII века), Москва, 1996, 11–264.

Плюханова 1996

Плюханова М. Б., О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле, *Из истории русской культуры*, Т. 3 (XVII – начало XVIII века), Москва, 1996, 380–469.

Попов 1869

Попов А. М., *Обзор хронографов русской редакции*. Вып. II, Москва, 1869.

Робинсон 1967

Робинсон А. И., Исповедь-проповедь (о художественности Жития Аввакума), *Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада*, Москва, 1967, 358–370.

Савельева 2007

Савельева Н. В., Космологическая компиляция «Слово о Святой Троице» и ее бытование в составе древнерусских сборников, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 557–585.

Сарафанова 1962

Сарафанова Н. С., Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 18, Ленинград, 1962, 329–340.

Сарафанова-Демкова 1963

Сарафанова-Демкова Н. С., Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 19, Москва, Ленинград, 1962, 367–372.

СРЯ XI–XVII 1980

Словарь русского языка XI–XVII вв., 7, Москва, 1980.

СРЯ XI–XVII 2000

Словарь русского языка XI–XVII вв., 25, Москва, 2000.

Творогов 1972

Творогов О. В., К истории жанра Хронографа, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 27, Ленинград, 1972, 203–226.

Турилов, Чернецов 1985

Турилов А. А., Чернецов А. В., Отреченная книга Рафли, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 40, Ленинград, 1985, 260–344.

Хант 1977

Хант П., Самооправдание протопопа Аввакума, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 32, Ленинград, 1977, 70–83.

Burke 2009

Burke P., The Crisis in the Arts of the Seventeenth Century: A Crisis of Representation?, *The Journal of Interdisciplinary History*, 40, 2, 2009, 239–261.

Chadaeva 2018

Chadaeva O., Two Authors, Two Universes: Cosmological Models in the Works of Simeon Polotskii and Archpriest Avvakum Petrov, *Russian Literature*, 99, 2018, 1–37.

Hunt 1975–76

Hunt P., The Autobiography of the Archpriest Avvakum: Structure and Function, *Ricerche slavistiche*, 2, 1975–76, 159–163.

Lehnhof 2004

Lehnhof K., Paradise Lost and the Concept of Creation, *South Central Review*, 21, 2004, 15–41.

Porter 1993

Porter W. M., *Reading the Classics and Paradise Lost*, Lincoln, 1993.

Rajan 1962

Rajan B., *Paradise Lost and the Seventeenth Century Reader*, Toronto, 1962.

Sarkar 2012

Sarkar M., *Cosmos and Character in Paradise Lost*, New York, 2012.

Shoulson 2001

Shoulson J. S., *Milton and the Rabbis: Hebraism, Hellenism, and Christianity*, New York, 2001

Verbart 1995

Verbart A., *Fellowship in Paradise lost: Vergil, Milton, Wordsworth*, Amsterdam, 1995.

Werman 1995

Werman G., *Milton and Midrash*, Washington, DC, 1995.

References

Bulanin D. M., The Lost Manuscript Source of Russian Chronograph: (Attempt to Its Reconstruction), *Rossica Antiqua*, 13, 1–2, 2016, 99–136.

Burke P., The Crisis in the Arts of the Seventeenth Century: A Crisis of Representation?, *The Journal of Interdisciplinary History*, 40, 2, 2009, 239–261.

Chadaeva O., Two Authors, Two Universes: Cosmological Models in the Works of Simeon Polotskii and Archpriest Avvakum Petrov, *Russian Literature*, 99, 2018, 1–37.

Demin A. S., *O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury: Ocherki drevnerusskogo mirovideniia ot "Povesti vremennykh let" do sochinenii Avvakuma*, Moscow, 1998.

Eleonskaya A. S., Russkaia publitsistika vtoroi poloviny semnadsatogo veka, Moscow, 1978.

Gerasimova N. M., Poetika "Zhitii" Avvakuma, Eadem, *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura*, St. Petersburg, 2012, 177–272.

Hunt P., The Autobiography of the Archpriest Avvakum: Structure and Function, *Ricerche slavistiche*, 2, 1975–76, 159–163.

Hunt P. Samoopravdanie protopopa Avvakuma, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 32, Leningrad, 1977, 70–83.

Lavrov A. S., On the Textual History of the Book of Conversations by Archpriest Avvakum, *The Quarterly Journal of St. Philaret's Christian Orthodox Institute*, 27, 2018, 11–20.

Lehnhof K., Paradise Lost and the Concept of Creation, *South Central Review*, 21, 2004, 15–41.

Lurie Ya. S., Beseda trekh sviatitelei, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 2. Vtoraia polovina XIV–XVI vv. Ch. 1. A–K*, Likhachev D. S., ed., Leningrad, 1988, 89–93.

Lytkin V. V., Osipova A. V., Sources and methods of studying the biography of Archpriest Avvakum, *Science. Arts. Culture*, 3 (7), 2015, 77–88.

Mathauzerová S., Drevnerusskie teorii iskusstva slova, Praga, 1976.

Mendeleeva D. S., Protopop Avvakum: literaturnye obliki russkogo raskola, *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 12, Moscow, 2005, 186–312.

Milkov V. V., Areopagitiki: drevnerusskaia traditsiia bytovaniia, *Drevnerusskie Areopagitiki*, Makarov A. I., Milkov V. V., Smirnova A. A., eds., Moscow, 2002, 9–34.

Milkov V. V., Geotsentrizm i drugie kosmologicheskie traditsii, *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi. Chast' I. Teksty geotsentricheskoi traditsii*, Milkov V. V., Polyansky S. M., eds., St. Petersburg, 2008, 7–40.

Milkov V. V., Iz "Bogosloviia" Ioanna Damaskina, *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi. Chast' I. Teksty geotsentricheskoi traditsii*, Milkov V. V., Polyansky S. M., eds., St. Petersburg, 2008, 43–109.

Milkov V. V., Kosmologicheskie teksty ploskostno-komarnoi traditsii, *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi. Chast' II. Kosmologicheskie teksty ploskostno-komarnoi traditsii v drevnerusskoi knizhnosti*, Milkov V. V., Polyansky S. M., eds., St. Petersburg, 2009, 7–21.

Milkov V. V., "Paleia Tolkovaia" i soderzhashchaia v nei problematika kosmologicheskogo kharaktera, *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi. Chast' II. Kosmologicheskie teksty ploskostno-komarnoi traditsii v drevnerusskoi knizhnosti*, Milkov V. V., Polyansky S. M., eds., St. Petersburg, 2009, 158–166.

Nikolaev S. I., Chto takoe "ostrota telesnogo uma" protopopa Avvakuma, *Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniia*, Romodanovskaya E. K., ed., Novosibirsk, 2000, 71–76.

Nikolaev S. I. Kurochka protopopa Avvakuma i vydra Iana Paseka, *Russica Romana*, 10, 2003, 35–43.

Panchenko A. M., Literatura perekhodnogo veka, *Istoriia russkoi literatury: V 4-kh tt.*, 1, Leningrad, 1980, 291–407.

Panchenko A. M., Avvakum kak novator, *Russkaya literatura*, 4, 1982, 142–152.

Panchenko A. M., *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform, Iz istorii russkoi kul'tury*, T. 3 (XVII – nachalo XVIII veka), Moscow, 1996, 11–264.

Pliukhanova M. B., O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniia lichnosti: samosakralizatsiia, samosozhzhenie, plavanie na korable, *Iz istorii russkoi kul'tury*, T. 3 (XVII – nachalo XVIII veka), Moscow, 1996, 380–469.

Porter W. M., *Reading the Classics and Paradise Lost*, Lincoln, 1993.

Rajan B., *Paradise Lost and the Seventeenth Century Reader*, Toronto, 1962.

Robinson A. I. Ispoved'-propoved' (o khudozhestvennosti Zhitii Avvakuma), *Istoriko-filologicheskie issledovaniia. Sbornik statei k semidesiatipiatiletiu akademika N. I. Konrada*, Moscow, 1967, 358–370.

Sarafanova N. S. Proizvedeniia drevnerusskoi pis'mennosti v sochineniiakh Avvakuma, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 18, Leningrad, 1962, 329–340.

Sarafanova-Demkova N. S. Ioann ekzarkh Bolgarskii v sochineniiakh Avvakuma, *Trudy Otdela*

drevnerusskoi literatury, 19, Moscow, Leningrad, 1962, 367–372.

Sarkar M., *Cosmos and Character in Paradise Lost*, New York, 2012.

Savelieva N. V. Kosmologicheskaia kompiliatsiia "Slovo o Sviatoi Troitse" i ee bytovanie v sostave drevnerusskikh sbornikov, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2007, 557–585.

Shoulson J. S., *Milton and the Rabbis: Hebraism, Hellenism, and Christianity*, New York, 2001.

Tvorogov O.V. K istorii zhanra Khronografa, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 27, Leningrad, 1972, 203–226.

Turilov A. A., Chernetsov A. V. Otrechennaia kniga Rafli, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 40, Leningrad, 1985, 260–344.

Verbart A., *Fellowship in Paradise lost: Vergil, Milton, Wordsworth*, Amsterdam, 1995.

Vinogradov V. V., O zadachakh stilistiki. Nabliudeniia nad stilem Zhitii protopopa Avvakuma, Idem, *O iazyke khudozhestvennoi prozy*, Moscow, 1980, 3–41.

Werman G., *Milton and Midrash*, Washington, DC, 1995.

Olga Chadaeva, Ph.D.

Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta,

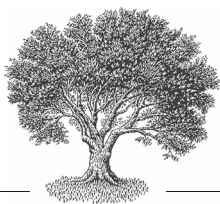
Katedra slavistiky, Sekce rusistiky, odborný asistent

Křížkovského 10, 771 80 Olomouc

Česká republika / Czech Republic

e-mail olga.chadaeva@upol.cz

Recieved April 18, 2018

«Перевод
некоего итальянского
письма»
А. Д. Кантемира
(1726): история
текста и особенности
языка

**Дмитрий Владимирович
Руднев**

С.-Петербургский государственный
университет

Хэн Фу

Институт русской литературы (Пушкин-
ский Дом) РАН

С.-Петербург, Россия

“Letter of a Sicilian to
One of His Friends”
in Translation by
Antiochus Cantemir
(1726): History of the
Text and Features of
its Language

Dmitry V. Rudnev

St. Petersburg State University

Heng Fu

Institute of Russian Literature (the Pushkin
House), Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье представлен разносторонний анализ памфлета Джованни Мараны, переведенного Антиохом Кантемиром в 1726 г. на русский язык. В первой части статьи описываются редакции памфлета Мараны и устанавливается та редакция, которая стала основой перевода. Авторы приходят к выводу, что источником для Кантемира послужила публикация памфлета в одном из

Цитирование: Руднев Д., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 223–253.

Citation: Rudnev D., Heng Fu (2019) “Letter of a Sicilian to One of His Friends” in Translation by Antiochus Cantemir (1726): History of the Text and Features of its Language. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 223–253.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.8

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

сборников «*Élite des bons mots*». Далее анализируется соответствие текста перевода тексту источника, выявляются отклонения и ошибки в тексте Кантемира и дается их объяснение. Делается вывод о том, что сохранившаяся рукопись перевода была списана с более ранней и не являлась окончательным вариантом текста.

Рукопись перевода была опубликована в 1868 г. в составе собрания сочинений Кантемира и была подвергнута при этом значительной правке. Вторая часть статьи посвящена сравнению текста рукописи и опубликованного текста, описывается орфографическая и пунктуационная правка, а также допущенные при издании рукописи ошибки. Отмечается непоследовательность внесенной орфографической правки. В третьей части статьи анализируется техника перевода, способы передачи лексических и синтаксических единиц на русский язык. Отмечается большое число заимствованных слов, использованных для описания предметно-бытовой сферы жизни Парижа и Франции. При передаче поведенческой сферы Кантемир главным образом использует славянские словообразовательные модели. Четвертая часть статьи описывает стилистические особенности перевода. Стремясь передать стилистический регистр французского текста при переводе, Кантемир оставляет в качестве основы русский язык, который он олитературивает двумя способами: во-первых, вводя небольшое число фоновых славянизмов, равномерно распределенных по тексту; во-вторых, используя сильные славянизмы, которые создают точки стилистического напряжения. Делается вывод о том, что степень славянизации текста оказывается невелика.

Ключевые слова

русский язык XVIII века, Антиох Кантемир, Джованни Марана, гибридный текст, техника перевода, славянизмы, заимствования

Abstract

The article presents a many-sided analysis of a pamphlet by Giovanni Marana translated by Antiochus Kantemir into Russian in 1726. In the first part of the article, we describe various editions of Marana's pamphlet and establish the one that became the source for Kantemir's translation. This source is found out to be the publication of the pamphlet in one of the "*Élite des bons mots*" collections. Next, the correspondence between the text of the translation and the French text is analyzed, the deviations and errors in the Kantemir's text are revealed and their explanation is given. It is concluded that the surviving manuscript of the translation was made from an earlier one and was not the final version of the text.

The manuscript of the translation was published in 1868 as a part of the collected works by Antiochus Kantemir and was subjected to a considerable revision. The second part of the article is devoted to comparing the text of the manuscript and the published text, describing spelling and punctuation corrections, as well as mistakes made during the publication of the manuscript. The contradictions in introduced spelling corrections are noted.

In the third part of the article, the technique of translation, ways of transferring lexical and syntactic units to Russian are analyzed. Kantemir uses a large number of borrowed words to describe the everyday life in Paris and France, however, mainly Slavic word-building models are used for translating the

behavioral sphere vocabulary. The fourth part of the article describes the stylistic key of translation. While making the language of translation closer to the language of the French original, the translator left Russian as a basis, which he slavified in two ways: first, with a small number of “background slavonicisms”, evenly distributed throughout the text; secondly, with “slavonicisms-inclusions”, creating points of stylistic tension. It is concluded that the degree of slavification of the text is not great.

Keywords

Russian language of the 18th century, Antiochus Kantemir, Giovanni Marana, hybrid text, translation technique, church slavonicisms, borrowings

Предварительные замечания

В 1726 г. Антиох Кантемир перевел с французского памфлет Д. П. Мараны «Перевод с италианского на французской язык некоего италианского писма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов, писанного от некоего сицилианца к своему приятелю». Оригинал впервые был напечатан на французском языке в составе сборника «Saint-Evremoniana, ou dialogues des nouveaux dieux» в 1700 г. [Saint-Evremoniana 1700: 374–425]. В XVIII в. «Письмо» пользовалось большим успехом и не раз переиздавалось¹ как в составе сборников «Saint-Evremoniana» [Saint-Evremoniana 1701: 259–296; 1702: 259–296; 1710: 331–379], «Élite des bons mots et des pensées choisies» [Élite de bons mots 1704: 166–233; 1706: 166–233; 1709a: 171–238; 1709b: 171–238; 1725: 102–145 (deuxième pagination); 1731: 179–226; 1747: 179–226], «Bibliothèque des gens de cour» [Bibliothèque des gens de cour 1726: 77–110; 1732: 90–131], «Bibliothèque de cour, de ville et de campagne» [Bibliothèque de cour 1746: 33–74], так и отдельным изданием [Lettre d'un Sicilien 1710; 1714; 1720]. На протяжении XVIII–XIX вв. «Письмо» издавалось анонимно. Впервые авторство памфлета было определено аббатом В. Дюфуром при издании «Письма» в 1883 г. [Marana 1883].

В мае 1724 г., находясь в Москве, Кантемир подал Петру I прошение о разрешении учиться в Европе, однако получил отказ. 26 июня 1724 г. он прибыл в Петербург, где находился до февраля 1728 г., когда его полк был переведен в Москву [Бабаева 2004: XII]. На момент создания перевода Кантемир был студентом Академического университета. В «Реестре студентам», составленном в 1732 г. И. Д. Шумахером для

¹ В научной литературе отсутствует полное описание изданий «Письма», поэтому дальнейшее изложение основано на собственных изысканиях авторов статьи. Так, Сальваторе Ротта в биографии Мараны указывает лишь два издания «Письма» — в составе сборника «Saint-Evremoniana» (1700, 1702, 1710) и в качестве отдельного издания (1714, 1720) [Rotta 1992]. Аналогичные сведения содержатся у Карло Джиротто [Giroto 2007]. На самом деле изданий было больше.

представления в Сенат, говорилось: «Антиох Кантемир, принц молдавский, слушал от 1726 до 1727 года у профессоров Гросса и Майера философию и математику. Был в то время поручиком гвардии Преображенского полку, а ныне обретается российским императорским министром при королевском Британском дворе» [цит. по: Радовский 1959: 19]². В 1738 г. Кантемир был назначен русским послом в Париже и получил возможность лично проверить, насколько были справедливы сведения о жизни в Париже, содержащиеся в памфлете Мараны.

Перевод «Письма» Мараны относится к числу наиболее ранних литературных трудов Кантемира: в 1725 г. он перевел с латинского языка на русский «Хронику» византийского историка XII в. Константина Манасии; памфлет Мараны был следующим по времени литературным переводом Кантемира [Градова 1985: 46–52]. Место и время работы над переводом указаны в подзаголовке к рукописи: «На славянороссійско(и) языкъ переведено сѣра(н)цуского вѣцарствующемъ С: Петеръ бурхе лѣта Гдѣня 1726» (ОР РНБ. Q. IV. 176. Л. 1, далее — [Кантемир 1726]). Бумага рукописи перевода датируется 1720-ми гг. [Градова 1985: 51]; текст написан скорописью первой половины XVIII в. [Черепнин 1956: 478–483]. Почерк рукописи не совпадает с почерком Кантемира (автографы Кантемира приведены, например, в [Радовский 1959]). При работе над переводом Кантемир мог пользоваться французским словарем Ф.-А. Поме, который в декабре 1725 г. ему послал П. Д. Апостол [Бабаева 2004: XII].

Оба ранних перевода были рассчитаны на читателя, т. е. были не просто ученическими трудами, а предназначались к обнародованию. В «Хронике» Манасии на это указывает предисловие к читателю [Градова 1985: 48]; в памфлете Мараны — обращение к читателю в конце перевода (частично приведен в [Градова 1985: 51]):

Читателю

Первы тру(д) мо(и) в ѳранцукомъ [sic!] прими се(и) друже хотя неисправно
о(д)нако скончанный есть уже
Вымара(и) что недобро исправь что ясно датру(де)ць мо(и) погубленъ небу-
(де)ть напрасно
Что(же) внемъ содержится первы листъ являеть да обратить ида чтеть кто
знати желаетъ
Перевель се Антиохъ званый Кантемирѳ(м) ты(ж) впротчемъ многолѣт-
но да живеши смирѳ(м) [Кантемир 1726: 29–29об.].

² В Академическом университете, кроме лекций Хр.-Ф. Гросса по нравоучительной философии и Ф.-Х. Майера по математике (лекции по математике он слушал также у Д. Бернулли), Кантемир изучал физику у Г.-Б. Бильфингера и историю у Г.-З. Байера [Веселитский 1974: 5].

Обращение Кантемира к переводческой работе потребовало от него, с одной стороны, поиска собственной техники и манеры перевода, с другой — обращения к языковому опыту переводчиков 1720-х гг. В. Е. Адодурова, Г. Ф. Бужинского, И. С. Горлицкого, И. И. Ильинского и др.

1. Перевод Кантемира и его источник

1.1. Редакции памфлета Мараны и перевод Кантемира

Теоретически источником перевода Кантемира могло быть любое из перечисленных изданий памфлета Мараны. По мнению Ф. Я. Приймы, «оригиналом этого перевода было следующее анонимное издание на французском языке: *Lettre d'un Sicilien à un de ses amis. Contenant une agréable Critique de Paris et de François. Traduite de l'Italien. A. Chamberi, chez Pierre Maubal, Marchand Libraire près la Place. 1714*» [Прийма 1956: 9]³. Мнение это ничем не подкреплено и, по-видимому, ошибочно.

Название «Письма» Мараны в различных французских изданиях, которые могли послужить источником перевода Кантемира, не совпадают, поэтому имеет смысл сопоставить эти названия с названием перевода:

Название «Письма» в различных изданиях	Название перевода Кантемира
1. TRADUCTION D'UNE LETTRE Italienne, écrite par un Sicilien à un de ses amis, contenant une Critique agréable de Paris. Cette Lettre est écrite d'un style singulier, & on a taché de retenir le meme style dans la Traduction (Saint-Evremoniana 1700, 1701, 1702, 1710) ⁴	Переводъ съ италианского наѳранцуско(и) языкъ нѣкогого италианского писма содержащаго утешное критическое описание Парижа иѳранцузовъ писанного ѱ(т) нѣкогого сицилианца ксвоему приятелю [Кантемир 1726: 1]
2. Traduction d'une Lettre Italienne, écrite par un Sicilien à un de ses Amis, contenant une Critique agreable de Paris & des François (Élite de bons mots 1704, 1706, 1709a, 1709b, 1725, 1731)	
3. LETTRE D'UN SICILIEN A UN DE SES AMIS. Contenant une agréable Critique de Paris & des François. Traduite de l'Italien (Lettre d'un Sicilien 1710, 1714, 1720)	
4. LETTRE Ecrite par un Sicilien à un de ses Amis, contenant une Critique ⁵ agréable de Paris & des François (Bibliothèque des gens de cour 1726, 1732; Bibliothèque de cour 1746)	

³ В этом библиографическом описании написание «A. Chamberi» ошибочно: наличие точки может навести на мысль, что речь идет о каком-то человеке, имя которого начинается на «А», между тем на титульном листе указанного издания стоит A CHAMBERI, т. е. «в Шамбери» (Chambèri (Chambéry) — город в департаменте Савойи во Франции).

Сопоставление четырех названий показывает, что второе из них производно от первого: с одной стороны, оно сокращено почти наполовину (отсутствует часть названия *Cette Lettre est écrite d'un style singulier, & on a taché de retenir le meme style dans la Traduction*), а с другой — имеет в своем названии дополнительное сочетание [*Critique agreable de Paris*] & *des François*. Третье название, в свою очередь, производно от второго, совпадая с ним по смыслу, однако отдельные части названия переданы иначе; важно отметить, что в нем присутствует сочетание & *des François*, отсутствующее в первом издании. Ко второму варианту названия восходит и четвертый вариант.

Сравнение первых трех французских вариантов названия «Письма» с названием перевода, осуществленного Кантемиром, показывает, что ни первое, ни третье издание не могли служить источником перевода.

Кроме того, между разными изданиями памфлета есть некоторые текстовые различия, которые позволяют с большой степенью вероятности установить источник перевода Кантемира. Сопоставление четырех изданий памфлета позволяет сделать вывод о том, что текст второго и третьего издания совпадают. Первое и четвертое издания имеют некоторые текстовые отличия. Ниже приводятся некоторые из них.

1) Памфлет в составе сборника «Saint-Evremoniana» в конце текста имеет датировку 20 августа 1692 г., которая сохраняется во всех его переизданиях; остальные издания не датированы. В переводе Кантемира датировка также отсутствует. Кроме того, после четвертого абзаца текста следует фрагмент, который отсутствует во втором, третьем и четвертом изданиях памфлета:

Mes aventures ont été differentes:
Scrissi, piansi, cantai, arsi, gelai,
Corsi, stetti, sostenni, hor tristo, hor lieto,
Tutto sei, nulla sono. Per cangiar loco,
Stato, vita, pensier, costumi, & pelo,
Mai non cangiai fortuna? [Saint-Evremoniana 1700: 377]

Этот фрагмент отсутствует и в переводе Кантемира.

2) Памфлет в составе сборника «Bibliothèque des gens de cour» (1726) имеет особую концовку: текст обрывается на описании того, как дама, узнав о смерти своего мужа в сражении, потребовала принести кофе, после чего совершенно утешилась⁶. После этого эпизода отсутствует

⁴ Кроме того, под таким названием «Письмо» было издано в 1840 г. в составе «Archives curieuses de l'histoire de France, depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII» [Archives curieuses de l'histoire de France 1840: 155–193].

⁵ В [Bibliothèque des gens de cour 1732, Bibliothèque de cour 1746] — critique.

⁶ Эта история вошла в «Письмовник» Н. Г. Курганова в составе «Кратких и замысловатых повестей» (№ 19) [Курганов 1793: 146].

около страницы текста, и памфлет заканчивается строками, которых нет в других изданиях:

La mode est une Divinité à laquelle les François sacrifient leurs maîtresses, leurs amis, je ne dis pas leurs femmes, car elles ne tiennent à rien. Je finis ma Lettre par ce trait qui les caractérise parfaitement. Je suis, &c. [Bibliothèque des gens de cour 1726: 110].

Некоторые фрагменты текста переработаны по сравнению с первыми тремя изданиями. Например:

Il y en a qui se piquent d'être savantes, qui écrivent, qui font des livres, qui s'adonnent à la Poésie, qui encherissent sur les défauts qui sont les appanages des Auteurs, l'amour-propre, l'opiniâtreté, l'entêtement. Moliere les a dépeint par un seul trait. Nul n'aura de l'esprit hors nous & nos amis [Bibliothèque des gens de cour 1726: 88].

В текст включены дополнительные фразы, например:

[Ainsi les oreilles payent chèrement les plaisirs que les autres sens peuvent prendre].
Le Poète Satyrique dit en parlant des cloches.
Pour honorer les morts font mourir les vivans [Bibliothèque des gens de cour 1726: 82–83].

Выделенные фразы отсутствуют в других изданиях памфлета. Нет их и в переводе Кантемира.

Итак, сопоставление изданий памфлета Мараны убеждает в том, что существует три различных редакции текста: 1) в составе сборника «Saint-Evremoniana»; 2) в составе сборника «Élite des bons mots» и как самостоятельное издание; 3) в составе «Bibliothèque des gens de cour». Их сравнение с текстом перевода Кантемира приводит к выводу, что переводчик пользовался второй редакцией. Дополнительным аргументом в пользу этого служит абзацное деление текста памфлета: оно различается в трех редакциях, причем деление на абзацы текстов второй редакции памфлета и перевода практически совпадает.

Если также принять во внимание название перевода Кантемира, то можно сделать вывод о том, что его источником стало одно из изданий сборника «Élite des bons mots». В дальнейшем мы будем использовать при ссылках на французский текст издание «Élite des bons mots» 1725 г. [Marana 1725], сохраняя особенности его орфографии и пунктуации.

1.2. Отличия перевода Кантемира от французского оригинала

Сопоставление текста перевода с текстом памфлета на французском языке показывает большую добросовестность Кантемира-переводчика, который перевел текст почти полностью. Отметим встретившиеся расхождения.

1) В некоторых случаях Кантемир выпускает фрагменты текста, например:

Французский текст⁷

Elles ne haïssent personne, si ce n'est quand on les raille de ces choses, *que Lamia fit entendre au Roi Demetrius qu'elles étoient injurieuses à ce sexe; c'est à dire quand un homme se vante de ce qu'il ne fait pas, & qu'il ne tient pas la parole qu'il a donnée.* Elles changent souvent de modes dans leurs habits, comme elles changent souvent de visage [Marana 1725:113–114].

On ne voit presque jamais ici de jaloux; rarement un homme qui se croie malheureux pour l'infidélité de sa femme, & *tres-rarement une fille qui sacrifie à Diane* [Marana 1725:115].

...& avec un masque de velours noir, elles entrent quelquefois dans les Eglises, *comme au Bal & à la Comédie*, inconnuës à Dieu & à leurs maris [Marana 1725:114].

Перевод Кантемира

никогожъ ненавидя(т) ра(з)ве когда кто насмѣвае(т)ся дела(м) ихъ переменяютъ часто ви(д) своего платья какъ переменяютъ часто лице свое [Кантемир 1726: 7об.]

ревнивыхъ здѣсь мало ѿ(б)ретаетца ипочти зело ретко таковыя находятся которыебы занесчастье себе почитали что жена ему неверна [Кантемир 1726: 8об.]

исмаскарою бархатною черною нѣкогда входятъ івсамую церковь незнаемы богу іму(ж)ямъ свои(м) [Кантемир 1726: 8]

Если последний пример может быть объяснен невнимательностью переводчика или переписчика, то возможным объяснением отсутствия довольно большого фрагмента в первом случае, а также части фразы во втором случае может быть затруднение Кантемира в понимании того, о чем идет речь.

2) В тексте перевода есть большой фрагмент (размером около печатной страницы), который по неясным причинам помещен не на своем месте. Это два абзаца текста. Первый абзац, начинающийся словами *Tout le monde s'habille avec beaucoup de propreté* [Marana 1725: 128], рассказывает о мотовстве жителей Парижа; второй абзац повествует о страсти парижан к музыке и начинается словами *C'est ici le pays du plaisir* [Marana 1725: 128–129]. В переводе Кантемира эти фрагменты, первый из которых начинается словами *вси украшаются свеликою присто(и)ностию* [Кантемир 1726: 24об.–25], второй — *здѣсь то есть гра(д) утѣхи...* [Кантемир 1726: 25], перенесены ближе к концу текста, хотя, если следовать порядку развертывания текста источника, должны быть рас-

⁷ Отсутствующий в переводе Кантемира текст выделен курсивом.

положены на л. 17–17об. сразу после абзаца, начинающегося словами *хотя здесь долго живут {люди}...* [Кантемир 1726: 17–17об.], соответствующего во французском тексте абзацу, начинающемуся словами *Quoi-qu'on vive longtemps ici...* [Marana 1725: 128]. Наиболее вероятной причиной перемещения фрагмента текста в переводе Кантемира является путаница в листах чернового варианта перевода (на это указывает объем текста — около страницы), менее вероятным кажется предположение о дефектности экземпляра, послужившего источником перевода. Наименее вероятным можно считать сознательное изменение переводчиком порядка следования фрагментов текста, так как перенесенный фрагмент плохо связан по смыслу с окружающим текстом.

3) Различия в тексте оригинала и перевода связаны со стремлением Кантемира пояснить в своем переводе неясные места. Следствием этого является наличие в рукописи перевода пояснений, данных в скобках.

1. Quand le tems est beau, je marche dans de belles & longues allées à l'ombre des arbres; nous apellons cela se promener... [Marana 1725: 103]	когда день красныи тогда я гуляю вѣи(з)рядныхъ идо(л)гихъ алеяхъ всени древес что называе(м) мы <u>зегиотенеи</u> ⁸ {проходится} [Кантемир 1726: 1об.]
2. ...qu'il semble que toutes les furies soient en mouvement pour faire de Paris un enfer [Marana 1725: 107]	что кажется всѣ фуриі [а(д)ския богини называются] ѡсемъ пекутся дабы зделать и(з)парижа адъ нѣкиі [Кантемир 1726: 3об.–4]
3. Mais le Pont-neuf paroît plus digne de la Ville que de la riviere [Marana 1725: 111]	но понть неѡъ [то есть новыі мостъ] кажется [быть] быть достоинъ болѣе города нежели реки [Кантемир 1726: 6об.]
4. ...les riches trouvent cette liqueur plus chere que les autres, qui l'achetent à mesure comptée dans les tavernes [Marana 1725: 120]	богатымъ достается питье сие дража(и)-шею ценою поне(же) они покупают оное мѣрами [сиречь неѡ(б)томъ] и(з)волныхъ домовъ [Кантемир 1726: 11об.]

В первом примере Кантемир подыскивал подходящее слово для перевода французского *se promener*, которое под рукой переписчика превратилось в *зегиотенеи*. В данном случае в скобки включен, видимо, предполагаемый вариант перевода, что указывает на то, что рукопись перевода не была окончательной. В остальных случаях Кантемир дает пояснения к использованным словам, однако кому предназначены эти глоссы — самому себе или предполагаемому читателю — неясно. В третьем примере в квадратные скобки взято переписчиком ошибочно написанное второй раз слово *быть*. В тексте рукописи несколько подобных случаев. Например:

⁸ В рукописи слово подчеркнуто, а на полях против него поставлен знак NB.

<p>Les plus belles commandent aux hommes comme Reines, à leurs maris comme à des hommes, & à leurs amants comme à des esclaves [Marana 1725: 114]</p>	<p>самые пригожие людми владѣють как королевы му(ж)ями своими какъ людми [любим(м)цами] алюбимцами своими как своими по(д)данными [Кантемир 1726: 8]</p>
---	--

1.3. Ошибки в рукописи перевода Кантемира

При сличении рукописи Кантемира с текстом французского оригинала обнаруживается ряд ошибок, обусловленных тем, что сохранившаяся рукопись была переписана с более ранней рукописи и, по-видимому, без участия Кантемира.

Во-первых, переписчик не знал иностранных языков, поэтому иноязычные вкрапления в тексте перевода вызывали у него трудности и приводили к ошибкам. Кроме указанного выше случая со словом *se promener*, проблемы вызвала латинская фраза *Vox, vox, pratervaque nihil* [Marana 1725: 106] и французская фраза *ce qui coûte une obole est très-cher quand il n'est pas nécessaire* [Marana 1725: 121], которые оказались сильно искажены под рукой переписчика (см. [Кантемир 1726: 3, 12]).

Во-вторых, переписчик допустил некоторые ошибки, которые являются только при сопоставлении текста рукописи с оригиналом. Например:

1. Les cochers sont si brutaux, ils ont la voix si enrouée et si effroyable... [Marana 1725: 107]	во(з)ницы суть такъ глупы имѣють глас хрипively иужасныѣ [Кантемир 1726: 3об.]
2. ...cela fait que le divorce volontaire se trouve facilement dans les maisons des plus retenues, après quoi le mari vit tranquille dans la Province, et sa femme se réjouit à Paris [Marana 1725: 115]	о(т)того прои(з)ходи(т) что во(л) ные розводы бываютъ ивсамы(х) постояннѣишихъ домѣхъ понеже му(ж) впровинци ажена веселится впариже [Кантемир 1726: 8–8об.]
3. Les pierres se vendent ici fort cher; une petite chambre vaut plus que dix maisons en Moscovie. La mienne, où Platon ne voudroit pas coucher et où Diogène même ne trouveroit rien de superflu, m'oblige à une dépense que dix Cyniques ne pourroient pas soutenir... [Marana 1725: 119]	камение продаются здесь зѣло дорого о(д)на маленькая комнатка болѣе стоитъ нежели десять домо(в) вмоскве зимою вкото(и) иплатонъ незахоте(л) бы обитати вкото(и) нидиогенъ ненашо(л)бы лишняго пону(ж) день сто(л)ко заплатить ско(л)ко десять киниковъ немоглибы снести [Кантемир 1726: 11]
4. ...l'on y mange chaque jour quinze cents gros boeufs et plus de seize mille moutons, veaux ou cochons... [Marana 1725: 140]	сѣдаются по ..1500. бо(л)ши(х) воло(в) болше ..6000. овецъ телятъ исвине(и) [Кантемир 1726: 27]

В первом случае, скорее всего, произошла паронимическая замена: вместо слова *грубы* переписчик вставил *глуны*; во втором и третьем случае при переписывании текста произошла замена *послеже* ‘arès quo’ на *по-неже* и *за мою* на *зимою*. В последнем случае произошла описка — была опущена единица (либо она была неразборчива в рукописи). Эти ошибки могут быть объяснены только тем, что сохранившаяся рукопись перевода Кантемира является копией, снятой с более ранней рукописи.

2. Издание перевода Кантемира

Перевод, выполненный в 1726 г., увидел свет лишь в 1868 г. в двухтомном собрании сочинений Кантемира под редакцией П. А. Ефремова [Кантемир 1868]. При издании составители «сохранили орфографию оригинала вполне только в заглавии и заключительных стихах, помещенных в конце перевода» [Ефремов 1868: 444].

2.1. Особенности редакторской правки

Сопоставление изданного текста с текстом рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, показывает, что при публикации устранялось характерное для текста рукописи (и в целом для рукописной традиции первой половины XVIII в.) варьирование в написании слов: написание большинства слов, не соответствовавшее нормам второй половины XIX в., было исправлено. Впрочем, эта тенденция выдерживалась не всегда последовательно.

1) При издании последовательно правится неправильное употребление графемы **е** на месте **ѣ**, графема **и** заменяется на **і** в позиции перед гласными. Опускаются вышедшие из употребления графемы (**ѡ**, **ѣ**), и, наоборот, используется графема **й**.

2) Происходит последовательная правка форм прилагательного в соответствии с нормами второй половины XIX в. Например: *знатные* (акції) [Кантемир 1726: 21об.] — *знатныя* (акції) [Кантемир 1868: 377]⁹, *многия* (годы) [15об.] — *многіе* (годы) [372]; (пола) *женского* [л. 2] — (пола) *женскаго* [360], (стихотворецъ) *лати(н)ско(и)* [15об.] — (стихотворецъ) *латинскій* [373], *которо(и)* [28об.] — *который* [382], (языкъ) *француско(и)* [9об.] — (языкъ) *французскій* [367] и т.д. В рукописи окончания прилагательных варьируются: так, в Р. п. ед. ч. м./ср. р. употребляются окончания *-ого*, *-аго* и *-ова*. Окончание *-ого* во всех случаях заменяется на *-аго*, однако окончание *-ова* сохраняется, ср.: *другова* (народа) [10об.] — *другова* (народа) [368], *пустова* [16об.] — *пустова* [373].

⁹ Далее до конца раздела при сравнении двух написаний указываются только номера листов и страниц: для левого примера по [Кантемир 1726], для правого — по [Кантемир 1868].

3) Окончания существительных правятся менее регулярно, ср.: *вдѣвни* [11об.] — *въ деревнѣ* [369], *вмори* [л. 15об.] — *въ морѣ* [372], *всемѣ то поли боя* [14об.] — *въ семѣ то полѣ боя* [372], но: *наполи* [19] — *на поли* [375].

4) Происходит правка возвратных форм глагола на *-тца* и прилагательных на *-цкий*: *персицкаго* [6] — *персидскаго* [364]; *обретаецца* [8об.] — *обрѣтается* [366], *кажетца* [9] — *кажется* [367], *случитца* [11об.] — *случится* [369].

5) Правятся формы местоимений: *они* [женщины] [7об.] — *онѣ* [365], *с однемѣ* (приятелемъ) [8об.] — *съ однимѣ* (приятелемъ) [366], *однѣ* (вельможи) [17] — *одни* (вельможи) [374], но: *мене* [2] — *мене* [360].

6) Правится написание русских слов в соответствии с современной издателям орфографией: *ниский* [3] — *низкій* [361], *лошеди* [3об.] — *лошади* [361], *притчину* [6об.] — *причину* [364], *ретко* [8об.] — *редко* [366], *лехкость* [8об.] — *легкость* [366], *щасливѣишиѣ* [л. 15] — *счастливейшіе* [372], *зборище* [22] — *сборище* [377], и мн. др. В том числе имена собственные: *вконстантинополь* [17об.] — *въ Константинополь* [374].

7) Исправляется написание заимствованных слов: *араматами* [2об.] — *ароматами* [360], *кореты* [5] — *кареты* [363], *милиѡна* [6] — *милліона* [364], *са(л)датѣ* [8] — *солдатѣ* [366], *голантерею* [20] — *галантерею* [376], *аѡицерѣ* [24об.] — *офицерѣ* [379] и др. Правка касается и иностранных имен собственных: *статуа Генрика* [6об.] — *статуя Генриха* [364], *Зенокра(т)* [7об.] — *Ксенократѣ* [365].

7) Правка распространяется на написание наречий. Например: *завтрѣ* [26об.] — *завтра* [381], *куды* [18] — *куда* [374], *откуда* [28об.] — *откуда* [382]. При этом некоторые вышедшие из употребления формы наречий остаются: *никуды* [л. 1об.] — *никуды* [360], *снутри* [5] — *снутри* [363]. В целом правка наречий оказывается непоследовательной: *зде* [3] — *здѣсь* [361], *здѣ* [28] — *здѣсь* [382], но ср.: *здѣ* [3об.] — *здѣ* [361].

В некоторых случаях (видимо, по недосмотру) сохраняется варьирование в написании слов, например: *ярмонокѣ* *называемо(и)* *ярмарокѣ* *святаго гермона* [21об.] — *...ярмарок, называемый ярмарокѣ* *святаго Германа...* [377], но: *ярмонокѣ* [22об.] — *ярмонок* [374]; *вдохторе* [1] — *въ докторѣ* [359], но: *дохторы* [15об.] — *докторы* [373].

Ниже мы приводим фрагменты, иллюстрирующие правку текста рукописи при его издании:

оружи и(х) суть языкѣ перо
имешекѣ первыми двумя защищаютъ
ира(з)зоряютъ свои(х) пито(м)
цовѣ а мешко(м) ихъ ѡбнажаютъ
[Кантемир 1726: 14]

Оружіи ихъ суть языкѣ, перо и
мѣшокѣ: первыми двѣма защищаютъ
и раззоряютъ своихъ питомцевѣ,
а мѣшкомѣ ихъ обнажаютъ
[Кантемир 1868: 372]

понеже э́кспериенция явно показывает, что то(и) которы искъ сво(и) достанетъ насилу имѣть чемъ одется [Кантемир 1726: 14об.]

...понеже експерієнція явно показуєть, что той, который искъ свой достанетъ, насилу имѣть чѣмъ одѣться... [Кантемир 1868: 372]

2.2. Ошибки в изданном тексте

1) При издании текста были совершены пропуски слов:

элементы суть **здесь** внепрестанно(м) движеніи [Кантемир 1726: 12об.] — ...элементы суть въ непрестанномъ движеніи... [Кантемир 1868: 370];

наро(д) никуюже выдумываютъ инвенцію [Кантемир 1726: 19] — ...Никую же выдумываютъ инвенцію... [Кантемир 1868: 375];

бу(ду)чи **убо** толь лишены сего насла(ж)дения пребываемъ всегда **почти** задушены вонью уличною и мерски(м) духомъ ну(ж)никовъ [Кантемир 1726: 21] — Будучи толь лишены сего наслажденія, пребываемъ всегда задушены вонью уличною и мерзкимъ духомъ нужниковъ... [Кантемир 1868: 377];

продаются**же** івсякіе движимые сосуды иуборы [Кантемир 1726: 22] — ...продаются и всякіе движимые сосуды и уборы... [Кантемир 1868: 377]

2) Появились замены слов, вызванные, видимо, стремлением осовременить издаваемый текст или исправить в нем описки:

домы здесь кажутся что построены философами **паче неже** архитектурами [Кантемир 1726: 4] — Дома здѣсь кажутся что построены философами, **а не** архитектурами... [Кантемир 1868: 363];

ибѣлыми **перуками** [Кантемир 1726: 24] — и бѣлыми **перушками** [Кантемир 1868: 379].

Некоторые замены, впрочем, трудно объяснить:

его **болшие** алеи [Кантемир 1726: 23об.] — его **великія** аллеи [378].

3) В некоторых случаях изменен порядок слов:

Катонъ хотѣлъ что(б) полъ того устланъ былъ бо(д)цами [Кантемир 1726: 15об.] — Катонъ хотѣлъ, чтобъ полъ того былъ устланъ бодцами... [Кантемир 1868: 373].

4) В некоторых случаях были допущены явные ошибки:

волныя дома іво(л)нодомщики [Кантемир 1726: 5] — вольные дома и **вольно-думщики** [363];

пободряе [Кантемир 1726: 7об.] — **подобрѣе** [Кантемир 1868: 365];

буде пременение времени [Кантемир 1726: 10] — Буде **примѣненіе** времени [Кантемир 1868: 368];

вдобромъ здоровья своего состояніи [Кантемир 1726: 16] — въ добромъ **здравіи** своего **состоянія**... [Кантемир 1868: 373];

о(н) дѣлаеть старико(в) молодыми [Кантемир 1726: 26] — онъ дѣлаеть стари-
ковъ **молодымъ** [Кантемир 1868: 380] и др.

2.3. Пунктуационное оформление текста

Текст рукописи разделен на абзацы и практически лишен знаков препинания; исключение составляют два вида скобок, а также знаки конца абзаца — : (двоеточие) или :) (двоеточие с косой скобкой или косой чертой). Не имея перед глазами текста французского оригинала, издателя, исходя из смысла текста перевода, произвели его разбивку на предложения, которая в целом соответствует членению французского текста. И хотя достаточно часто встречаются случаи, когда несколькими предложениям во французском оригинале соответствует одно предложение в русском издании или наоборот, это не ведет к изменению смысла. Однако в некоторых случаях из-за неправильного определения границ синтаксических единиц произошло искажение смысла. Например:

1) ты понеже знаешь образъ житія моего и склонность мою можешь разсудить какъ я здѣсь живу **ординарно** я встаю вдругъ с со(л)нцемъ но сіе великое светило нечасто здѣсь является того ради болшѣ имѣемъ почтенье нежели короли хинские в своемъ гдѣрствѣ иногда чрезъ целую полгода невидимо бываетъ... [Кантемир 1726: 10б.]. — Ты, понеже знаешь образъ житія моего и склонность мою, можешь разсудить какъ я здѣсь живу **ординарно**. Я встаю вдругъ съ солнцемъ; но сіе великое свѣтило не часто здѣсь является, того ради большее имѣетъ почтенье, нежели короли хинскіе въ своемъ государствѣ, понеже иногда чрезъ цѣлую полгода невидимо бываетъ [Кантемир 1868: 359].

Ср.: Vous qui sçavez ma maniere de vivre, & mes inclinations, vous pouvez vous imaginer comme je vis ici. **Ordinairement** je me leve le matin aussi-tôt, que le Soleil paroît, mais ce grand luminaire ne se laisse pas voir souvent, cela fait qu'il est ici en plus grande vénération que ne le sont dans leur Empire les Rois de la Chine, puis'qu'il passe la moitié de l'année comme s'il étoit invisible [Marana 1725: 103].

2) мѣсто гдѣ парламе(н)тъ **собирается чинить** цело(и) горо(д) всредине самого города [Кантемир 1726: 13об.]. — Мѣсто, гдѣ парламент **собирается чинить**, цѣлый городъ въ срединѣ самого города [Кантемир 1868: 371].

Ср.: Le lieu où le Parlement s'assemble fait une Ville, au milieu de la ville meme... [Marana 1725: 123]

В первом примере наречие *ординарно* издателями Кантемира неверно отнесено к предшествующему предложению; во втором примере неверно определено синтаксическое место глагола *чинить*, которое является сказуемым к слову *город*, — это произошло из-за того, что в рукописи глагол оканчивается на **Ъ**.

В дальнейшем при анализе лексических и синтаксических особенностей перевода Кантемира в основном используется опубликованный текст в силу его доступности. Обращение к рукописи перевода происходит в том случае, если цитируемый текст при издании подвергся существенному искажению либо если необходимо отразить его орфографическое и пунктуационное оформление.

3. Особенности языка перевода

В качестве переводчика памфлета Кантемир столкнулся с двумя главными проблемами: 1) передача реалий и понятий, содержащихся в тексте Мараны; 2) выбор адекватной языковой формы для текста перевода.

3.1. Проблема передачи содержания

Жизнь Парижа, описываемая в памфлете Мараны, может быть условно разбита на две основные сферы — предметно-бытовую и социально-поведенческую. К последней примыкает абстрактная лексика в целом. Принципы передачи на русский язык этих двух сфер были различны.

3.1.1. Лексика

Текст Мараны посвящен особенностям парижского быта, поэтому в целом ряде случаев Кантемир сталкивался с проблемой передачи явлений, отсутствовавших в русской культуре. В этом случае отсутствовавшая номинация передавалась либо описательно, либо приблизительно, либо путем заимствования слова. Значительная часть использованных при переводе слов вошла в русско-французский словарь Антиоха Кантемира [Сл. Кантемира].

Для части бытовых реалий Кантемир достаточно легко находит перевод в русском языке в силу сходства этих реалий в русской и французской культуре:

Ce n'est point exagerer, que de dire que tout Paris est une grande *hôtellerie*; on voit par tout des *cabarets* & des *hôtels*, des *tavernes* & des *taverniers*, les *cuisines* fument à toute heure, parce qu'on mange à toute heure... [Marana 1725: 109]

Не похваставши можно сказать, что весь Париж есть нѣкакой **вольный дом**: повсюду зрится **кабаки** и **кружала**, **вольные дома** и **вольнодумщики**. На **поварнях** по вся часы огонь не гаснетъ, понеже по вся часы ѣдятъ [Кантемир 1868: 363]

Большая часть слов, использованных Кантемиром в этом фрагменте, вышла из современного русского языка: *кружала* (питейный дом), *вольный дом* (калька петровского времени немецкого слова *Freihaus* 'трактир'), *поварня* (кухня). В русско-французском словаре Кантемира отмечены слова *поварня* (без перевода), *кабак* и *кружала* (оба переведены

как *cabaret*) [Сл. Кантемира 1: 495, 558; 2: 879]; сочетание *вольный дом* отсутствует, но есть *волнодомщик* [Сл. Кантемира 1: 151], переведенное на французский язык как *aubergiste* ('содержатель постоялого двора, трактирщик').

Другой пример связан с описанием погоды. В приводимом ниже фрагменте обращает на себя внимание отсутствие у Кантемира кальки *хорошая погода*, которая распространилась в русском языке второй половине XVIII в.:

Aujourd'hui il a plu le matin, le tems a été beau à midi, ensuite il a neigé, & tout à coup il s'est élevé un orage avec de la pluie, qui a duré deux heures; enfin, l'air a paru tranquille & le Soleil s'est montré, qui a fini le jour agréablement [Marana 1725: 121].

Сегодня поутру дождь шель, къ полудни стало красно, потомъ палъ снѣгъ, таже встала великая погода съ дождемъ и стояла чрезъ два часа, а наконецъ воздухъ сталъ тихъ и явилося солнце, которое скончало день весело [Кантемир 1868: 370].

Другие особенности парижского быта требовали от Кантемира усилий для поиска соответствий в русском языке:

On y trouve aussi de toutes sortes de liqueurs, de vins & de confitures; & l'on y vend de toutes sortes de meubles précieux [Marana 1725: 134]
...cependant tout mon meuble ne consiste qu'en une médiocre tapisserie, qui couvre quatre murailles minces... [Marana 1725: 119]

Находятся такожде тут всякаго вида водки, вина и конфекты, продаются и всякие движимые сосуды и уборы, домов драгоценнейшие [Кантемир 1868: 377]
...а имение мое движимое все есть одни убои стенные посредственной цены, которыми одеты четыре стены... [Кантемир 1868: 369]

В первом примере Кантемир для передачи слова *liqueur* использует приклизительный перевод при помощи слова *водка*. Слово *ликёр* фиксируется в русском языке с 1750 г. [СлРЯ XVIII века 11: 176]. Слово *meuble* Кантемир, следуя этимологии слова, переводит в первом примере как *движимые сосуды и уборы*, во втором — как *движимое имение*. Слово *мебель* в форме *мобилии*, *мобилия*, *моби́ли*, *мебели* известно в русском языке с петровской эпохи, однако получило распространение лишь во второй половине XVIII в. [СлРЯ XVIII века 12: 103]. Слово *tapisserie* из второго примера Кантемир переводит на русский язык словом *убои* (обои), которое отражает способ их крепления на стенах (современное значение слова *обои* является результатом расширения исходной семантики).

Однако в целом ряде случаев переводчик не обходится без заимствований. Они представлены в переводе памфлета Мараны шире, чем в более поздних переводах Кантемира, где он старался по возможности

их избегать [Веселитский 1974: 39–40]. Всего в тексте насчитывается более 100 заимствованных слов, большая часть которых вошла в русский язык в петровскую эпоху.

1. К их числу относятся *лакеи* (laquais; [Кантемир 1868: 370]), *мода* (mode; [Кантемир 1868: 366]), *климат* (climat; 370), *комплемент* (compliment; [Кантемир 1868: 376]), *билет* (billet), *бомб* (bombe; [Кантемир 1868: 380]), *секрет* (secret; [Кантемир 1868: 381]) и др. Из перечисленных слов в словаре Кантемира представлены слова *бомба*, *комплемент*, *лакей*, *мода* [Сл. Кантемира 1: 78, 533, 572, 620].

В ряде случаев в тексте Кантемира отражается вариативность формы заимствованного слова, характерная для петровской эпохи: *доктор* (médecin; [Кантемир 1726: 16]) — *дохтор* [Кантемир 1726: 1, 15об., 17об.]; *перук* (perruque; [Кантемир 1726: 17об., 28об.]) — *парик* [25об.]; *маскара* (masque; л. 8) — *машкара* [л. 27об.], *госпиталь* (hôpital; [Кантемир 1726: 3, 4об.]) — *гофшпиталь* [Кантемир 1726: 27]; *эзерцициум* (exercice; [Кантемир 1726: 1об.]) — *эзерциция* [Кантемир 1726: 14]. В словаре Кантемира отражена вариативность формы только у слова *доктор* / *дохтор* [Сл. Кантемира 1: 280, 300]; остальные слова, кроме отсутствующего *эзерцициум* / *эзерциция*, даны в одной форме — *госпиталь*, *маскара*, *парик* [Сл. Кантемира 1: 273, 603; 2: 825].

2. При передаче французских слов Кантемир иногда прибегает к латинизации их формы. Используются две основные модели — на *-иум* и на *-ия* (*-ея*):

а) *пургаториум* (purgatoire¹⁰; [Кантемир 1868: 374]), *привилегиум* (privilège; [Кантемир 1868: 365, 366]);

б) *конверсация* (conversation; [Кантемир 1868: 365, 377]), *экспериенция* (expérience; [Кантемир 1868: 372, 381]), *галантерея* (galanterie; [Кантемир 1868: 376]), *церемония* (cérémonie; [Кантемир 1868: 377]), *инвенция* (invention; [Кантемир 1868: 378]).

Такая модель передачи французских слов была обусловлена, прежде всего, традицией заимствования латинских слов через посредство польского языка. В [Сл. Кантемира] фигурирует слово *экспериенция*, которое толкуется через слово *искус* (в свою очередь, *искус* переводится как *experience*^{*11}), а также слова *галантерея* (galanterie, bijoux) и *церемония* (ceremonie^{*}) [Сл. Кантемира 1: 218, 328, 475; 2: 1207].

3. В отдельных случаях Кантемир встречающееся в оригинале слово может как заимствовать, так и переводить. Например: *exercice* —

¹⁰ В близком по времени создания «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищева для передачи этого понятия использован полонизм *чистец* 'чистилище' [Татищев 1979: 109].

¹¹ Здесь и далее знак (*) отмечает французские слова, при написании которых в [Сл. Кантемира] отсутствуют нормативные надстрочные знаки.

экзерциция [Кантемир 1868: 372] и *упражнение* [Кантемир 1868: 373]; *statue* — *статуя* [Кантемир 1868: 363, 364] и *болван* (ср.: мраморных болванов — *belles statues de marbre*, [Кантемир 1868: 379]); *civilité* — *цивилитет* [Кантемир 1868: 376] и *учтивость* [Кантемир 1868: 361]. Ср.:

La *civilité* est plus étudiée, en France
que dans le royaume de la Chine...
[Marana 1725: 132]

Учтивости, цивилитету здѣсь больше
учатся, нежели въ царствѣ хинскомъ
[Кантемир 1868: 376]

В этом примере Кантемир дает не только перевод слова *civilité*, но передает его на русский язык в заимствованной из немецкого языка форме *цивилитет* (*Zivilität*). Ставя в одном ряду перевод и заимствование, переводчик использует прием глоссирования, толкуя одно слово через другое.

4. В целом ряде случаев для передачи французского слова используется более раннее заимствование из других языков, например: *шпалера* (*tapiserie*; [Кантемир 1868: 363]), *сентенции* (*maximes*; [Кантемир 1868: 365]), *каре́та* (*carrosse*; [Кантемир 1868: 363, 364]), *материя* (*sujet*; [Кантемир 1868: 361]), *персона* (*portrait*; [Кантемир 1868: 368]), *календарь* (*almanach*; [Кантемир 1868: 377]), *коштовать* (*coûter*) и др. Так, слово *календарь* известно с середины XVII в., *каре́та* — с начала XVII в., *коштовать*, *кошт* — со второй половины XVI в., *персона* (в значении 'портрет') — со второй половины XVI в. Они пришли в русский язык через посредство польского языка. Из перечисленных слов в словаре Кантемира представлены *календарь* (*almanas**, *calandrier**), *каре́та* (*carosse*), *материя* (*matiere**) и *шпалера* (без толкования) [Сл. Кантемира 1: 497, 504, 604; 2: 1238].

5. Хотя большинство заимствованных слов вошло в русский язык в петровскую эпоху, некоторые из них впервые фиксируются в тексте Кантемира: *жентилом* (*gentilhomme*; [Кантемир 1868: 362]), *майестуозна(я)* (*majestueuse*; [Кантемир 1868: 364]) — в другом месте *majestueux* переводится как 'великолепен' [Кантемир 1868: 364]), *нетестал* (*piédestal*; [Кантемир 1868: 364]), *фриппиер* (*fripier*; [Кантемир 1868: 367]), *чоколат* (*chocolat*; [Кантемир 1868: 382]). Ни одно из этих слов в [Сл. Кантемира] не представлено.

Если при описании предметно-бытовой сферы Кантемир широко использует заимствования, то при описании поведенческой сферы они оказываются редкими: для передачи абстрактных понятий гораздо чаще создаются аналоги по церковно-славянским словообразовательным образцам (с суффиксами *-ениј-*, *-аниј-*, *-ств-* и др.). Например: *бунтование* (*rébellion*, [Кантемир 1868: 360]), *лицемерство* (*hypocrisie*, [Кантемир 1868: 361]), *учтивство*, *учтивость* (*civilité*, [Кантемир 1868: 361, 366 и др.]), *легкость* (*légèreté*; [Кантемир 1868: 366]), *рыканье*

(hurlement, [Кантемир 1868: 362]), *лишение* (privation, [Кантемир 1868: 362]), *терпение* (patience, [Кантемир 1868: 363]), *вольность*, *самоволие* (liberté, [Кантемир 1868: 365]) и мн. др. Например:

La **légereté** est le cinquième élément des François... [Marana 1725: 115]

Le baiser, qui en Turquie, en Italie, & en Espagne, est le commencement de l'adultère, n'est ici qu'une simple **civilité**... [Marana 1725: 115]

Легкость есть пятый элементъ французъ [Кантемир 1868: 366]

Поцѣлуй (который в турецкой землѣ, въ Итали и въ Гишпаніи почитается за начало прелюбодѣянiя) здѣсь есть нѣкая лучшая **учтивость** [Кантемир 1868: 366]

Аналогичным образом представлена эта лексика в [Сл. Кантемира], например: *вольность* — *liberté*, *легкость* — *legereté**, *лицемерство* — *hypocrisie*, *лишение* — *privation* [Сл. Кантемира 1: 153, 577, 584].

В некоторых случаях Кантемир использует заимствованное слово, несмотря на наличие русского аналога, который, по-видимому, не имел важного смыслового компонента. Так, для передачи *conversation* регулярно используется только *конверсация*, но не *разговор*:

...comme ils ont l'esprit galant, leur **conversation** est plus agréable & plus souhaitée... [Marana 1725: 138]

Elles s'habillent toutes avec beaucoup de bienséance; on les voit à toute heure, elles aiment la **conversation** des personnes gayer, elles vont par la Ville comme il leur plaît... [Marana 1725: 113]

...понеже будучи у нихъ разумъ весьма острый и **конверсация** ихъ веселѣйша и желательнѣйша бываетъ [Кантемир 1868: 380]

Убираются всегда весьма изрядно, гуляютъ безпрестанно, любятъ имѣть **конверсацию** съ веселыми людьми, ходятъ по городу какъ имъ нравно... [Кантемир 1868: 365]

Возможно, использованию русского аналога *разговор* для перевода *conversation* препятствовала его большая конкретность и отсутствие у него более абстрактного значения 'общение'. В [Сл. Кантемира] слово *конверсация* отсутствует.

6. В конце раздела остановимся на двух случаях, в одном из которых Кантемир, видимо, не нашел эквивалента, а в другом — использовал для перевода совершенно нетипичное слово.

Первый случай связан с трудностью перевода на русский язык некоторых реалий, ср.:

On dit qu'il y a ici jusqu'à quatre mille vendeurs d'**huîtres**, que l'on y mange chaque jour quinze cents gros bœufs, & plus de seize mille moutons, veaux ou cochons, outre une prodigieuse quantité de volaille & de gibier [Marana 1725: 140]

сказываютъ что находятся здѣсь близъ 4000 люде(и) который продаютъ ѣчто навсякой день съедаются по ..1500. бо(л) ши(х) воло(в) болше ..6000. овецъ телятъ исвини(и) кромѣ удивительнаго множества птицъ идичинъ [Кантемир 1726: 26об.–27]

Les **oranges** & les citrons tiennent
premier rang entre les choses qui se
vendent cher... [Marana 1725: 119]

цитроны содержат первое мѣсто ме(ж)ду
драгоценными вещми [Кантемир 1726:
110б.]

По-видимому, не найдя эквивалента слову *huîtres* 'устрицы' в русском языке (устрицы начинают использоваться в качестве блюда на столе царя и высшей знати в петровскую эпоху), Кантемир предпочел его опустить. Второй пример, связанный с опущением в переводе слова *oranges* 'апельсины', аналогичен первому. Подобно устрицам, апельсины начинают использоваться в рационе знати в петровское время и в силу редкости и новизны не имели устойчивой номинации, называясь либо по-французски *оранж* [СлРЯ XVIII века 17: 64], либо по-голландски *апелцин* (а также *аплицын, опельцин*) [СлРЯ XVIII века 1: 78]. Возможно, первоначально в рукописи Кантемира был пропуск для дальнейшего его заполнения подходящим словом, который исчез при переписывании текста. В русско-французском словаре Кантемира фигурирует слово *апелсин*, соответствующее французскому *orange* [Сл. Кантемира 1: 13].

Второй случай связан с переводом французского слова *mosquée* ('мечеть'):

...qui [mahométans], avant
d'entrer dans leurs **Mosquées**,
laissent leurs souliers à la
porte [Marana 1725: 128]

некоторые(же) приходя(т) ѿсапогахъ забыв по-
чтение творимое о(т)махомета(н) которые прежде
внитию свое **капище** оставляю(т) башмаки
удвере(и) запорогомъ [Кантемир 1726: 17]

Кантемир для его перевода использует слово *капище*, несмотря на наличие в русском языке как минимум с XVI в. слова *мечеть* (вар. *мѣчить*, *мечать*) [СлРЯ XI–XVII вв. 6: 133–134]. Употребление слова *капище* в таком контексте аномально.

В Словаре Академии Российской слово *капище* имеет толкование 'языческий храм' [САР 3: 433]; в словаре Ивана Нордстета *капище* переводится на французский как *temple d'idole*, а *мечеть* как *mosquée*. [Нордстет 1: 284, 352]. Словарь русского языка XVIII века дает для слова *мечеть* расширительное толкование 'языческий, не христианский храм' [СлРЯ XVIII века 9: 246], однако единственный пример для толкования *мечети* как *не христианского храма* взят как раз у Кантемира.

В переводах с французского языка, созданных в первой половине XVIII в., для перевода *mosquée* регулярно используют слово *мечеть*, а не *капище*. Так, например, поступает В. К. Тредиаковский в своем переводе с французского трактата Л. Ф. Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком»; ср.:

...si le feu prend à une Eglise, elle soit
convertie en **Mosquée**... [Marsigli 1732
1: 26]

...буде загорится какая церковь, то пре-
вращать ея въ **мечеть**... [Марсильи 1737: 20]

On les y appelle du haut des Tours **des Mosquées...** [Marsigli 1732 1: 36]

Ce vice est fort commun aux Maîtres de langues dans les **Mosquées...** [Marsigli 1732 1: 36]

Созываются они на оную сверхъу самого **мечетныхъ** башень... [Марсильи 1737: 27]

Сей пороки обыкновенно находится въ учителяхъ языковъ при **мечетахъ...** [Марсильи 1737: 27]

Возможно несколько вариантов объяснения, почему Кантемир использовал слово *капище* для перевода французского *mosquée*: ошибка, недостаточное понимание значения слова *капище* и, наконец, сознательное использование этого слова для выражения своего отношения к мусульманству (последнее объяснение не исключено в связи с историей семьи Кантемиров). Отметим, однако, что в своем словаре Кантемир переводит *капище* как *temple* ‘храм’ [Сл. Кантемира 1: 502] (слово *мечеть* отсутствует в словаре).

3.1.2. Синтаксис

В ряде случаев Кантемир сталкивался с трудностью передачи французских конструкций. Отметим три наиболее частотных случая: 1) выделительные конструкции (*ne... que*; *c'est... que*); 2) соединение безличных предложений в тексте; 3) употребление причастных оборотов с причинным значением.

1) Способы передачи выделительных конструкций оказываются различными. Конструкция *ne... que/qui* переводится при помощи разнообразных средств: слов *только, токмо, точию, один (един)*, сочетаний *один (един) только/токмо, не инако... токмо, не иной... кроме, не... разве*. Например:

Il y en a ici un nombre infini, qui sont délabrez et couverts de bouë, & qui **ne** sont faits **que** pour tuër les vivans [Marana 1725: 107]

Le menu peuple **ne** s'enivre **que** les jours de Fête, qu'il ne fait rien... [Marana 1725: 110]

Les mariages, qui autrefois étoient pour toute la vie, **ne** sont à present **que** pour un tems... [Marana 1725: 114–115]

...il n'y a que les Nobles & les Grands **qui** y viennent pour se divertir, pour parler, & pour faire l'amour... [Marana 1725: 127]

...таковыхъ здѣсь обрѣтается безъ числа много, которые суть рубищемъ одѣты и оболочены глиною, и **не инако** что устроены **токмо**, дабы тѣми людей убивать [Кантемир 1868: 361]

Простый народъ **не** упивается, **развѣ** въ праздники, въ которыхъ никакую работу не дѣлають... [Кантемир 1868: 363]

...брачный союзъ, который встарину нерасходный бывалъ до смерти, теперь **точію** на время содержится [Кантемир 1868: 366]

Одни **токмо** благородніи и вельможи приходятъ, дабы позабавиться, поговорить и дѣлать любовь свою [Кантемир 1868: 374]

В отличие от первой конструкции, конструкцию *c'est... que/qui* Кантемир обычно переводил только при помощи местоименной частицы (постфикса) *-то*, например:

...& *c'est de-là que* sont sortis les premiers hommes de l'Europe, pour la science & pour la vertu [Marana 1725: 130]

C'est la mode qui est le véritable demon, qui tourmente toujours cette Nation... [Marana 1725: 142]

Изъ сей-**то** школы вышли первые въ ученияхъ и добродѣтеляхъ всея Европы люди [Кантемир 1868: 375].

Сія-**то** мода есть истинно нѣкакой чортъ, который всегда бѣситъ сей народъ [Кантемир 1868: 382].

В некоторых случаях Кантемир не использовал никаких средств для передачи эмфатической конструкции, ср.:

Les grandes allées, couvertes d'une infinité d'arbres, qui **ne** produisent **que** de l'ombre, convient les personnes de s'y promener... [Marana 1725: 136]

Его великія аллеи, покрытыя листьями безчисленныхъ деревьевъ, сѣнь подающихъ, убеждаютъ людей, чтобъ гулять въ нихъ... [Кантемир 1868: 377]

2) Бессоюзная связь в русском языке первой половины XVIII в. недостаточно четко оформляла смысловые связи между предикативными частями, в частности причинно-следственные отношения¹², поэтому Кантемир регулярно использует союзы при переводе французских бессоюзных конструкций:

...ne croyez pas que les plaisirs, qui sont infinis dans cette grande Babylone, m'empêchent de m'en instruire; au contraire, ce sont ces mêmes plaisirs, qui m'ont donné une envie extrême de la connoître [Marana 1725: 101].

On vend toutes choses, excepté l'art de taire un secret; les François disent que c'est la profession d'un Confesseur... [Marana 1725: 132]

Les bourses ont le même sort que les ames de Pythagore, elles passent de l'un à l'autre par une transmigration invisible [Marana 1725: 134–135].

Не думай, что утѣхи, которыя безчисленны суть въ семъ великомъ Вавилонѣ, мѣшаютъ мнѣ знать оный: **ибо**, напротивъ, тѣ самыя великую мнѣ подають охоту, чтобъ оный познать [Кантемир 1868: 359].

Все здѣсь продается, кромѣ содержава секретовъ, **понеже** французы говорятъ, что сіе должность отцовъ духовныхъ... [Кантемир 1868: 376]

Мѣшки подобны суть Пифагорскимъ душамъ, переходятъ **бо** отъ одного къ другому повелѣніемъ нѣкакимъ невидимымъ [Кантемир 1868: 377].

В первом примере во французском тексте вводное *au contraire*, стоящее на границе бессоюзных предложений, выполняет союзную функцию, выступая аналогом противительного союза. Эту функцию не могло вы-

¹² Подробнее об истории становления бессоюзных предложений в русском языке см. [Каратаева 1949].

полнять русское калькированное *напротив* (в отличие от современного русского языка), и Кантемир вставил в русском переводе причинный союз *ибо*.

3) При переводе причастных оборотов с причинным значением Кантемир то заменял их на придаточное с союзом *понеже*, то оставлял причастную конструкцию, которая ощущается как галлицизм.

Depuis que la perruque a été reçue, les têtes des morts, & celles des femmes, se vendent cher, **étant la mode que** les sépulcres & les femmes fournissent le plus bel ornement à la tête des hommes [Marana 1725: 128].

...les chevaux ont le pas devant les Laquais, **étant la mode ici** de les mettre sur le derriere du carosse en troupes, droits sur les pieds comme le Colosses de Rhodes, & embrassez ensemble avec une posture indécente... [Marana 1725: 109]

...& s'ennuyant de vivre dans leurs pays, on les voit aller tantôt en Asie, & tantôt en Afrique, peu en Espagne, plusieurs en Italie, & une infinité de pays differens... [Marana 1725: 115–116]

...отъ того времени какъ уже зачали перуки употреблять, головы мертвыхъ и женскія продаются дорогою цѣною, **будучи мода такова, чтобъ** гробы и жены сочиняли лутчій уборъ главы мужей [Кантемир 1868: 374].

...когда они ѣздятъ въ каретахъ, тогда лошади идутъ предъ лакеями, **понеже здѣсь мода есть**, чтобъ куча ихъ висѣла назади кареты, стоя на ногахъ, какъ колосья родскій и обхватившіяся объятіемъ нѣкакимъ непристойнымъ [Кантемир 1868: 363]

...и **понеже скучаютъ** жить въ своемъ отечествѣ, ѣздить то по Азіи, то по Африкѣ, то въ безчисленные города... [Кантемир 1868: 366]

3.2. Стилистические особенности перевода Кантемира

Памфлет Мараны выдержан в форме письма, адресованного другу, и содержит адресатные формы. В подлиннике обращения к адресату выполнены при помощи вежливых *vous*-форм, которые Кантемир при переводе последовательно заменяет на *ты*-формы; ср.:

Vous qui sçavez ma maniere de vivre, & mes inclinations, **vous pouvez vous** imaginer comme je vis ici [Marana 1725: 103].

Ты, понеже знаешь образъ житія моего и склонность мою, **можешь** разсудить, какъ я здѣсь живу... [Кантемир 1868: 359]

Возможно, начавшие распространяться в петровскую эпоху *вы*-формы еще воспринимались Кантемиром как излишне маркированные и/или неуместные (по крайней мере, в жанре литературного письма).

Языковая основа текста Кантемира имеет гибридный характер¹³, на что указывает и автор перевода в подзаголовке к своему произведению:

¹³ О гибридных текстах петровской эпохи см.: [Живов 1996: 69–154; Живов 2017: 933–990].

«На славянороссійско(и) языкъ переведено сѣра(н)цускаго вцарствующемъ С: Петеръ бурхе лѣта Гд̄ня 1726» [Кантемир 1726: 1]. При этом преобладающей является русская основа, в которую включаются славянизмы. Некоторые из этих славянизмов имеют единичное включение, другие употребляются широко. На этом основании их можно разделить на фоновые славянизмы (слабые славянизмы) и на славянизмы-вкрапления (сильные славянизмы).

3.2.1. Фоновые славянизмы

Фоновыми славянизмами являются некоторые парасинтаксические языковые средства. Во-первых, к их числу относится более или менее регулярное употребление связки *есть/суть* в именных конструкциях:

Главная забота **есть** читаніе... [Кантемир 1868: 359]; Нужды мои всегда тѣ же **суть**: хлѣбъ, постеля и платье [Кантемир 1868: 360].

Во-вторых, к числу фоновых славянизмов относятся союзы *понеже, ибо, дабы*:

Понеже все здѣсь въ Парижѣ дорого **есть** и самые уже мертвые нѣколикое число платять, **дабы** получить погребеніе [Кантемир 1868: 374]

и местоимение *оный*:

Не думай, что утѣхи, которыя безчисленны **суть** в семъ великомъ Вавилонѣ, мѣшають мнѣ знать **оный**... [Кантемир 1868: 359].

В области морфологии фоновым средством славянизации выступает регулярное употребление формы инфинитива на *-ти* (наряду с новой формой на *-ть*):

Сія екзерциція, еже въ ссорѣ **пребывати**, **есть** не удобовмѣстима... [Кантемир 1868: 372]; ...никогда бы Геркулесь не могъ **познати**, кто укралъ его волы... [Кантемир 1868: 373].

а также древней склоняемой формы компаратива:

Не желаю я такихъ яствъ, которыя ѣдятъ богатые и **деликатнѣйшіе** мене [Кантемир 1868: 360]; ...во всемъ мірѣ не обрѣтается (чаю) народъ **трудолюбивѣйшій** сего [Кантемир 1868: 363].

3.2.2. Славянизмы-вкрапления

К числу славянизмов-вкраплений, характеризующихся малой частотностью употребления, относятся такие парасинтаксические средства, как:

а) союзы и союзные слова *аще, бо, воеже, иже (яже, еже), понеже, таже, такожде, убо, яже, яко, якоже* и др.:

...нужда есть потакать и въ самыхъ погрѣшеніяхъ, **аще** хочешь жить въ міре съ молодыми людьми [Кантемир 1868: 361]; ...не знаютъ **бо** они, что въ республикахъ дѣлается... [Кантемир 1868: 368];

б) наречия *абие, вельми, вѣще, zde, зело, идеже, итакo, како, колико, наипаче, николиже, повнегда, тамо, темже, токмо, точию* и пр.:

...понеже сборище бываетъ велико и безпрестанно случаи случаются **вельми** диковинные въ кражахъ и любви [Кантемир 1868: 377]; Зрится **тамо** на платьяхъ все то, что роскоштво лутче и изящнѣйше выдумать можетъ [Кантемир 1868: 379].

К числу морфологических славянизмов-вкраплений относятся:

а) единичные случаи употребления окончания **-ѣхъ** у существительных м.р. в форме Пр. п. мн. ч.:

Отъ того происходитъ, что вольные разводы бываютъ и въ самыхъ постояннѣйшихъ **домѣхъ**... [Кантемир 1868: 366];

б) употребление древней основы существительных ср. р. склонения на ***es**:

Когда день красный, тогда я гуляю въ изрядныхъ и долгихъ аллеяхъ в сѣни **древесъ**... [Кантемир 1868: 359]; ...туманы и воздухъ толь темные, что скрываетъ отъ **очесъ** нашихъ солнце по цѣлому месяцу [Кантемир 1868: 370];

в) употребление звательной формы существительного:

Мой любезнѣйшій **друже**, молимся Богу отъ всего сердца, чтобъ даровалъ сему крѣпкому народу духъ мира... [Кантемир 1868: 383].

г) единичное употребление древних глагольных форм:

...**желалъ быхъ** съ охотою украденъ быть людьми толь искусными и лукавыми... ([Кантемир 1868: 373], древняя форма сослагательного наклонения); Нигдѣ тутъ не увидишь ни одного печальнаго лица и никакій же печальный **услышиши** разговоръ ([Кантемир 1868: 379], древняя форма 2 л. ед. ч. наст./буд. вр.); ... [римский стихотворец] глаголетъ: что [римский юноша] **умре** нечаянно въ ночи, а вину тому кладетъ, что... ([Кантемир 1868: 373], аорист).

д) единичный случай употребления *нестъ*:

...что **нестъ** судии таковаго, который бы наказывал дохторов невѣждов [Кантемир 1868: 373].

Лексические славянизмы употребляются, во-первых, умеренно, а во-вторых, Кантемир избегает использовать «обветшалые» слова. Например:

Живуть они вси **вкупѣ** въ нѣкихъ великихъ палатахъ... [Кантемир 1868: 362];
Вещи, потребныя къ житію (человѣческому), **обрѣтаются вельми** изобильно
и по всѣмъ улицамъ града [Кантемир 1868: 364]; ...да не **возымѣмъ** (якоже
Господь **глаголетъ**) недруговъ въ домѣ своемъ [Кантемир 1868: 371].

Синтаксические славянизмы (если оставить в стороне парасинтаксические единицы) избегаются Кантемиром. Тем не менее в тексте встретился оборот дательный самостоятельный, при помощи которого переводится наречие *insensiblement*:

D'abord que le Marchand vous a fait
la description de ses marchandises,
avec plusieurs paroles précipitées,
il vous flatte & vous invite
insensiblement et avec beaucoup de
reverences, à acheter quelque chose...
[Marana 1725: 120]

...понеже коли уже сидѣлецъ учинить
тебѣ описаніе своихъ товаровъ, многими
увѣщательными словами, тотчасъ
склонить и понудить тебя, **ничтоже**
тебѣ знающе, безчисленными своими
поклонами, чтобъ что-нибудь купить...
[Кантемир 1868: 369]

Начиная с 1730-х гг. для передачи этого слова в русском языке распространяется употребление калькированного наречия *нечувствительно*, которое к началу XIX в. исчезает из языка, заменившись наречием *незаметно*.

В области синтаксиса к числу славянизмов можно отнести также конструкцию представления, вводимую сочетанием *елико о*. Употребление оборота *елико о* в качестве конструкции представления не регистрируется историческими словарями, поэтому весьма вероятно, что Кантемир создал славянизированную кальку французского оборота представления *quant à*, ср.:

Quant à la dévotion, je n'ai jamais
vû Peuple plus dévôt, Prêtres
plus retenus, Clergé plus réglé, &
Religieux donner meilleur exemple
[Marana 1725: 127].

Елико о благоговѣнствѣ, я не видалъ
народъ благочитѣльнѣйшій, священниковъ
воздержнѣйшихъ, церковниковъ
благочиннѣйшихъ и чернцовъ, которые лучше
подавали (житія) образъ [Кантемир 1868: 374].

Эта конструкция используется Кантемиром и для передачи других французских оборотов со значением представления:

Pour ce qui est de Paris, je ne
sçai par où commencer, pour
vous faire la peinture d'une Ville
dont... [Marana 1725: 106]

Я елико о Парижѣ не знаю, какъ зачать, чтобъ
тебѣ учинить описаніе таковаго града, его же
жители поселились ажъ на мостахъ рѣчныхъ и
на крышкахъ палатъ... [Кантемир 1868: 361]

Использование Кантемиром паралингвистических славянских элементов, видимо, отчасти было продиктовано тем, что в петровскую эпоху славянские союзы широко вводятся в разные типы текстов, в частности в деловые, став приметой нового делового языка (подробнее см.

[Майоров 2009]). Парасинтаксические славянизмы, как строевые средства языка, были свободнее от контекста и легче сочетались с русизмами. В тексте Кантемира наибольшей свободой обладают связка *есть/суть*, союзы *понеже, ибо, дабы*, местоимение *онѣй* и нек. др.

Употребление сильных славянизмов (славянизмов-вкраплений) отличается от употребления фоновых славянизмов не только частотностью, но и поведением: использование такого славянизма обычно провоцирует появление в ближайшем контексте других славянизмов, то есть происходит своеобразное стилистическое заражение контекста. Например:

...а когда утрудится кто, тотчасъ вездѣ найдетъ довольно лавокъ, **воеже сѣсти**, театровъ, лабиринтовъ и тапеты зеленыя травы, **воежебы удалитися**, **якобы** въ нѣкакое **всесладостное уединеніе** [Кантемир 1868: 378].

Выводы

1. Существует три редакции памфлета Д. П. Мараны. Сопоставление изданий памфлета Мараны с переводом Кантемира позволяет сделать вывод, что источником для перевода Кантемира послужила публикация в одном из сборников «*Élite des bons mots*».

2. Рукопись перевода Кантемира, хранящаяся в ОР РНБ, по-видимому, не была полностью окончена и имела рабочий характер. На это указывают многочисленные вставки в тексте, в которых переводчик пояснял реалии французской жизни и особенности текста оригинала. Наличие в тексте рукописи неправильно скопированных слов и фраз на иностранных языках свидетельствует о том, что переписывание этой рукописи производилось, скорее всего, без участия Кантемира и что ее текст был переписан с более раннего, не дошедшего до нас рукописного текста. При издании текста в 1868 г. он подвергся существенной орфографической, отчасти морфологической и лексической правке.

3. Сопоставление перевода Кантемира с текстом оригинала демонстрирует тщательность переводчика. Хотя в тексте есть некоторые пропуски и ошибки, но в целом содержание памфлета Мараны передано точно. В тексте перевода содержится более ста заимствованных слов, в основном связанных с предметно-бытовой сферой жизни Парижа и Франции. Для передачи поведенческой сферы Кантемир предпочитал использовать славянские словообразовательные модели.

4. В качестве языка перевода Кантемир избирает гибридный славяно-русский язык. Приближая язык перевода к языку оригинала, Кантемир оставляет в качестве основы русский язык, который он олитературивает двумя способами: во-первых, вводится небольшое число

фоновых славянизмов, равномерно распределенных по тексту; во-вторых, вводятся сильные славянизмы, которые создают точки стилистического напряжения. Вместе с тем можно отметить, что степень славянизации текста очень невелика и что избегаются так называемые «обветшалые» славянизмы. Основной функцией введения славянизмов в текст перевода является придание ему книжного характера. Нет возможности установить прямую связь между темой фрагмента и появлением славянизма. Такая связь отчасти прослеживается в тех фрагментах, где говорится о монархах, о древности, а также в сентенциях.

Библиография

Источники

Рукописи

Кантемир 1726

ОР РНБ. Q. IV. 176. Перевод с италиянского на французский язык некоего италиянского письма содержащего утешное критическое описание Парижа и французов писанного от некоего сицилианца к своему приятелю.

Издания

Кантемир 1868

Кантемир А. Д., Перевод с италиянского на французский язык некоего италиянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов, писанного от некоего сицилианца к своему приятелю, Idem, *Сочинения, письма и избранные переводы. Том 2. Сочинения и переводы в прозе, политические депеши и письма*, С.-Петербург, 1868, 359–383.

Марсильи 1737

Марсильи Л. Ф., *Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильи члена Парижския королевския академии наук и Монпельерския также Лондонскаго королевскаго социетета и основателя Болонскаго института. Все украшено грьдорованными листами*, С.-Петербург, 1737.

Сл. Кантемира 1–2

Бабаева Е. Э., публ., *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*, 1–2, Москва, 2004.

Archives curieuses de l'histoire de France 1840

Archives curieuses de l'histoire de France, depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII, ou Collection de pièces rares et intéressantes, telles que chroniques, mémoires, pamphlets, lettres, vies, procès, testaments, exécutions, sièges, batailles, massacres, entrevues, fêtes, cérémonies funèbres, etc., etc., etc...; Ouvrage destiné à servir de complément aux collections Guizot, Buchon, Petitot et Leber / par F. Danjou. Série 2. Tome 11, Paris, 1840.

Bibliothèque des gens de cour 1726

Bibliothèque des gens de cour, ou Mélanges curieux des bons Mots d'Henry IV, de Louis XIV, de plusieurs Princes et Seigneurs de la Cour, & autres Personnes Illustres... Tome V, Amsterdam, 1726.

— 1732

Bibliothèque des gens de cour, ou Mélanges curieux des bons mots d'Henri IV, de Louis XIV, de plusieurs Princes & Seigneurs de la Cour, & autres Personnes Illustres... Tome V, Paris, 1732.

Bibliothèque de cour 1746

Bibliothèque de cour, de ville et de campagne, contenant les bons mots de plusieurs Rois, Princes, Seigneurs de la Cour & autres Personnes Illustres, avec un choix des meilleures Pièces de Poésie des Poètes célèbres... Tome V, Paris, 1746.

Élite de bons mots 1704

Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs & principalement des Livres en Ana, Amsterdam, 1704.

——— 1706

Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana, Amsterdam, 1706.

——— 1709a

Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana. Troisième édition revuë, corrigée & augmentée par l'Auteur, Amsterdam, 1709.

——— 1709b

Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana. Quatrième édition revuë, corrigée & augmentée par l'Auteur, Amsterdam, 1709.

——— 1725

Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana. Divisé en deux parties, Amsterdam, 1725.

——— 1731

Élite de bons mots, Pensées choisies, Histoires singulières, & autres petites Pièces, tant en prose qu'en vers, recueillies des meilleurs Auteurs, et particulièrement des Livres en Ana. Tome 1, Amsterdam, 1731.

——— 1747

Élite de bons mots, Pensées choisies, Histoires singulières, & autres petites Pièces, tant en prose qu'en vers. Recueillies des meilleurs Auteurs, & particulièrement des Livres, en Ana. Nouvelle édition, augmentée de plusieurs Pièces nouvelles, ou qui n'ont jamais paru dans de pareils Recueils. Tome 1, Amsterdam, 1747.

Lettre d'un Sicilien 1710

Lettre d'un Sicilien [sic!] à un de ses amis, contenant une agréable Critique de Paris & des François. Traduite de l'Italien, Chamberi, 1710.

——— 1714

Lettre d'un Sicilien à un de ses amis. Contenant une agréable Critique de Paris & des François. Traduite de l'Italien, Chamberi, 1714.

——— 1720

Lettre d'un Sicilien à un de ses amis. Contenant une agréable Critique de Paris & des François. Traduite de l'Italien, Chamberi, 1720.

Marana 1725

[Marana J.-P.], "Traduction d'une Lettre Italienne, écrite par un Sicilien à un de ses Amis, contenant une Critique agréable de Paris & des François," in: *Élite des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana. Divisé en deux parties*, Amsterdam, 1725, 102–145 (deuxième pagination).

——— 1883

Marana J.-P., *Lettre d'un Sicilien à un de ses amis / introduction et notes par l'Abbé Valentin Dufour*, Paris, 1883.

Marsigli 1732 1–2

Marsigli L. F., *L'état militaire de l'Empire Ottoman, ses progrès et sa décadence / Par le comte de Marsigli*, 1–2, La Haye; Amsterdam, 1732.

Saint-Evremoniana 1700

Saint-Evremoniana, ou dialogues des nouveaux dieux, Paris, 1700.

——— 1701

Saint-Evremoniana ou Recueil de diverses Pièces Curieuses Avec des pensées judicieuses, de beaux traits d'Histoire, & des Remarques très utiles, de Monsieur de Saint-Evremon, Amsterdam, 1701.

——— 1702

Saint-Evremoniana ou Recueil de diverses Pièces Curieuses. Avec des pensées judicieuses, de beaux traits d'Histoires, & des Remarques très-utiles. De Monsieur de Saint-Evremon, Luxembourg, 1702.

——— 1710

Saint-Evremoniana, ou Recueil de diverses Pièces curieuses. Avec des pensées judicieuses, de beaux traits d'histoire, & des remarques très utiles. De Monsieur de Saint-Evremon, Paris, 1710.

Литература

Бабаева 2004

Бабаева Е. Э., Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники, *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*, Eadem, публ., 1, Москва, 2004, VII–L.

Веселитский 1974

Веселитский В. В., *Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка*, Москва, 1974.

Градова 1985

Градова Б. А., Первые переводы Антиоха Кантемира, *Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг*, Г. П. Енин, науч. ред., Н. А. Ефимова, ред., Ленинград, 1985, 46–57.

Ефремов 1868

П. Е. [Ефремов П. Е.], Библиографические примечания, Кантемир А. Д., *Сочинения, письма и избранные переводы*, 2: *Сочинения и переводы в прозе, политические депеши и письма*, С.-Петербург, 1868, 441–460.

Живов 1996

Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, Москва, 2017.

Каратаева 1949

Каратаева Э. И., К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке, *Ученые записки Ленинградского государственного университета*, 97, 1949, 37–50.

Курганов 1793

Курганов Н. Г., *Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разнаго учебного и полезнозабавнаго вещесловия*. Пятое издание, вновь исправленное, приумноженное и разделенное в две части... Часть первая, С.-Петербург, 1793.

Майоров 2009

Майоров А. П., Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века, *Филологические науки*, 4, 2009, 29–36.

Нордстет 1–2

Нордстет И., *Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом*, 1–2, С.-Петербург, 1780–1782.

Прийма 1956

Прийма Ф. Я., Антиох Дмитриевич Кантемир, А. Д. Кантемир, *Собрание стихотворений*, Ленинград, 1956, 5–52.

Радовский 1959

Радовский М. И., *Кантемир и Петербургская Академия наук*, Москва; Ленинград, 1959.

САР 1–6

Словарь Академии Российской, 1–6, С.-Петербург, 1789–1794.

СЛРЯ XI–XVII вв. 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29–, Москва, 1975–2015–.

СЛРЯ XVIII века 1–21–

Словарь русского языка XVIII века, 1–6, Ленинград, 1984–1991; *Словарь русского языка XVIII века*, 7–21–, С.-Петербург, 1992–2015–.

Татищев 1979

Татищев В. Н., Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах, В. Н. Татищев, *Избранные произведения*, Ленинград, 1979, 51–132.

Черепнин 1956

Черепнин Л. В., *Русская палеография*, Москва, 1956.

Giroto 2007

Giroto C. A., Marana, Gian Paolo, *Dizionario Biografico degli Italiani, Volume 69: Mangiabotti–Marconi*, Roma, 2007 (URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/gian-paolo-marana> (Dizionario-Biografico); last access on: 17.05.2019).

Rotta 1992

Rotta S., Gian Paolo Marana, *La letteratura ligure. La Repubblica aristocratica (1528–1797). Volume II*, Genova, 1992.

References

Babaeva E. E., *Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira: opisaniye, leksikograficheskie istochniki*, *Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira*, Eadem, publ., 1, Moscow, 2004, 7–50.

Cherepnin L. V., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1956.

Gradova B. A., *Pervye perevody Antiokha Kantemira, Issledovanie pamiatnikov pis'mennoi kul'tury v sobraniakh i arkhivakh otдела rukopisei i redkikh knig*, G. P. Enin, N. A. Efimova, eds., Leningrad, 1985, 46–57.

Karataeva E. I., *K voprosu o razvitiі bessoiuznogo predlozheniia v russkom iazyke*, *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 97, 1949, 37–50.

Maierov A. P., *Slavianizmy v delovom iazyke 1-i poloviny XVIII veka*, *Philological Sciences*, 4, 2009, 29–36.

Priima F. Ya., *Antiokh Dmitrievich Kantemir, A. D. Kantemir, Sobranie stikhotvoreniі*, Leningrad, 1956, 5–52.

Radovsky M. I., *Kantemir i Peterburgskaia Akademiia nauk*, Moscow; Leningrad, 1959.

Rotta S., Gian Paolo Marana, *La letteratura ligure. La Repubblica aristocratica (1528–1797)*, 2, Genova, 1992.

Veselitsky V. V., *Antiokh Kantemir i razvitiye russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1974.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, Moscow, 2017.

Дмитрий Владимирович Руднев,

доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент

С.-Петербургского государственного университета

199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Россия / Russia

rudnevdm@mail.ru

Хэн Фу,

магистр филологии, аспирант

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

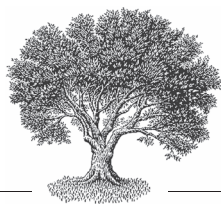
199034 С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Россия / Russia

baiheng_100@mail.ru

Received September 12, 2018

Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции

**Денис Александрович
Кондаков**

Полоцкий государственный университет
Полоцк, Белоруссия

Eighteenth-Century Russian Writers through the Eyes of the Parisian Police

Dzianis A. Kandakou

Polotsk State University
Polotsk, Belarus

Резюме

После визита Петра Великого в 1717 г. Париж стал для соотечественников царя символическим местом культурного паломничества. Присутствие русских в Париже (прежде всего, русских писателей) хорошо документировано и описано в путевых заметках, дневниках, переписке, мемуарах и литературных текстах. Долгое время эти свидетельства оставались едва ли не единственными источниками информации, однако не всегда надежными и исчерпывающими; зачастую они порождали мифы и недоразумения и оставляли в тени повседневную жизнь русских писателей в Париже. Настоящее исследование предлагает иную перспективу благодаря обращению к корпусу донесений парижской полиции о надзоре над иностранцами. Эти бумаги проливают новый свет на литературную, общественную и политическую деятельность русских писателей во французской столице. В качестве наиболее ярких примеров избраны дела князя А. Д. Кантемира, графа А. П. Шувалова,

---

Цитирование: Кондаков Д. А. Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 254–268.

Citation: Kandakou D. A. (2019) Eighteenth-Century Russian Writers through the Eyes of the Parisian Police. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 254–268.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.9

Д. И. Фонвизина и И. И. Хемницера. Сравнительный анализ донесений полиции, литературных произведений и личных документов этих четырех писателей показывает, что французские силы правопорядка, в целом весьма осведомленные и образованные, не имели должных знаний о литературной и культурной жизни в России. Потому эти путешественники, не владевшие, с их точки зрения, основами «светского общежития», представлялись им подозрительными. В то же время русские писатели пользовались своим пребыванием в Париже для укрепления своей литературной репутации.

Ключевые слова

полицейские донесения, общественная жизнь, повседневная жизнь, правила светского общежития, А. Д. Кантемир, А. П. Шувалов, Д. И. Фонвизин, И. И. Хемницер

Abstract

Since Peter the Great's visit in 1717, Paris has become an uncontestable symbolic place of cultural pilgrimage to his compatriots. Russian presence in Paris, especially the stays of men of letters, is well documented and was described in numerous travelogues, diaries, correspondence, and memoirs. For a long time, these accounts have remained a nearly unique source of information, quite uncertain and insufficient, creating myths and misunderstanding, leaving in the shadow the everyday life of Russian writers in Paris. This study suggests another perspective that emerges through examination of Parisian police reports. These papers shed new light on literary, social, and political activities of Russian writers in the French capital. Cases of Prince Antiochus Cantemir, Count Andrei Shuvalov, Denis Fonvizin, and Ivan Chemnitzer are presented as the most spectacular examples. The comparative analysis of police reports and the literary texts and personal writings by these four writers shows that French administrative staff, generally well-informed and well-read, had very little knowledge of Russian literary and cultural life. Therefore, travelers which were unfamiliar with the French *savoir-vivre* looked quite suspicious to them. At the same time, Russian writers used their life in Paris to promote themselves.

Keywords

police reports, sociability, everyday life, *savoir-vivre*, literary reputation, Antiochus Cantemir, Andrei Shuvalov, Denis Fonvizin, Ivan Chemnitzer

В России XVIII в. всякая советница и всякая бригадирша знали, «каково жить с тем мужем, который в Париже не был» [Фонвизин 1959а: 48]. И иронические выпады Д. И. Фонвизина [Proust 1995], и оды В. К. Тредиаковского во славу берегов Сены [Гречаная 2010: 26–35] в равной степени способствовали закреплению в сознании российского общества особого образа и статуса Парижа. Столица Франции к середине столетия превращается в центр культурного паломничества, ее посещение становится непременно этапом в формировании просвещенной личности. Взгляд самих русских XVIII в. на эти процессы «культурного импорта»

изучен достаточно хорошо (см., например: [Клейн 2005]), однако знание о нем не будет полным без точки зрения самих «экспортеров», т. е. французов. Важную часть этой точки зрения, дающую панорамный обзор, составляют донесения парижской полиции.

В век Просвещения полиция французской столицы представляется своего рода чудом света. Ее устройство Екатерина II обсуждает с Дидро среди прочих важнейших для нее тем, о ней философ составляет для царицы памятную записку [Lizé 1978: 195–199]. О деятельности полиции свидетельствуют многие русские путешественники. Так, Фонвизин пишет: «Полиция парижская славна в Европе. Говорят, что полицеймейстер их всеведущ, что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния и, кроме одних помышлений человеческих, ничто от него не скрыто» [Фонвизин 1959б: 489]. «Сатиры смелой властелин», похвалив, не преминет уязвить французов. Перечислив нравственные пороки парижан, от которых, по его мнению, происходят все преступления, Фонвизин заключает: «В рассуждении всех полицейских предметов, парижская полиция, кажется, от возможного совершенства весьма еще далека» [Ibid.].

В нашу задачу не входит оценка административных функций и профессиональных достижений полиции, детально проанализированных в недавних трудах французских историков [Dubost 2000; Dubost 2001; Milliot 2016; Vidoni 2018]. Зато для нас важна ее культурная роль, выданные ею оценки и характеристики, созданные ею репутации. Поэтому, привлекая для воссоздания облика «русского парижанца» (воспользуемся заглавием одноименной комедии Д. И. Хвостова) свидетельства полицейских инспекторов, мы будем искать в них не только точные факты, но и ошибки, домыслы и заблуждения. Это поможет нам определить, в каком соотношении в образе «русского парижанца» представлены достоверное описание и мифотворчество, как он показан в донесениях службы надзора за иностранцами. Особенно любопытным и наглядным будет пример писателей, которые в России XVIII в., в отличие от Франции, не составляли единой профессиональной группы. В их число входили самые разные по социальному положению люди, которых зачастую объединяло одно важное стремление — прославиться в столице просвещенной Европы, снискать себе реноме на парижском Парнасе и с его помощью обрести социальный успех на родине.

Наши источники складываются из трех коллекций документов. Первая хранится в библиотеке Арсенала, в архивах Бастилии, и включает в себя донесения полицейских инспекторов о слежке за иностранными дипломатами за 1729–1748 гг. (BA, Bastille, Observations des étrangers, Ms 10283–10293). Вторая, похожая по составу, коллекция находится

в архиве Министерства иностранных дел Франции и охватывает рапорты интенданта парижской полиции министру иностранных дел за 1774–1791 гг. (MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 1–92). Наконец, в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции отложились донесения полиции нравов за 1760–1767 гг., в которых мелькают имена русских посетителей парижских девиц легкого поведения (BNF, Département de manuscrits, FF 11356–11360)¹.

В этих коллекциях преобладают сводные, обобщающие отдельные наблюдения документы, но есть и персональные дела. Так, в архивах Бастилии сохранились досье на следующих русских узников: Сергея Алексеевича Пушкина, двоюродного деда поэта (1761–1763) (см.: [Stroev 2010]), Карла Курляндского (1768), авантюриста Ивана Тревогина (1783) [Дмитриева, Топорков 1992; Строев 1998: 306–309].

Стилистика рапортов тесно связана с изящной словесностью. Можно согласиться с М. Делоном, который считает, что «как бы нелепы и тяжеловесны ни были отчеты полиции, их стилистика базируется на моделях, подсказанных литературой» [Делон 2013: 13]. Конечно, не ко всем типам рапортов это утверждение применимо. Слежка за дипломатами за вторую половину 1770-х и 1780-е гг. написана весьма сухо, что обусловлено, по мнению Ж.-Ф. Дюбо, требованиями короля и правительства уделять меньше внимания слухам о частной жизни иностранцев и больше внимания — фактам [Dubost 2000: 261]. А вот свидетельства 1760-х гг. о любовных похождениях иноземцев изобилуют сценами и клише, словно сошедшими со страниц авантурных романов и комедий.

Вот весьма характерный пример. 22 ноября 1765 г. граф К. Г. Разумовский наносит «галантный визит» некоей девице Грекур. Последняя осталась недовольна своим любовником и заявила инспектору, что «нужен микроскоп, дабы заметить его прелести» (*il faut un microscope pour apercevoir sa gaieté*) [PSL XV, 3: 50]. Второй том эпистолярного романа «Китайские письма» Анжа Гудара, появившийся в том же 1765 г., открывается фразой: «Туринский двор столь мал, что нужен микроскоп, чтобы его увидеть» (*La cour de Turin est si petite, qu'il faut un microscope pour la voir*) [Goudar 1765: 1]².

Трудно сказать, идет ли речь о совпадении, общем месте шпионской стилистики или о реминисценции из трактата «Анти-Макиавелли» Фридриха II [Frédéric 1741: 113]. Главное, что этот пример, как и многие другие подобного рода, показывает, что в образе «русского парижанца»,

¹ Эти документы частично опубликованы [Journal 1863; PSL XV].

² Параллель к этой фразе обнаруживается также в хорошо известной эпиграмме А. С. Пушкина на генерала А. Ф. Орлова [Строев 2014].

как он представляется в донесениях службы надзора за иностранцами, в равной степени соединились достоверное описание и мифотворчество.

Рапорты представляют разные типы надзора, которые, как мы увидим в дальнейшем, были знакомы и самим объектам слежки — русским литераторам. Они попадали в поле зрения полиции сразу же по прибытии в город: все домовладельцы и хозяева гостиниц обязаны были составлять краткую характеристику на всех прибывающих к ним на постой иностранцев с указанием национальности, пола, возраста, общественного положения, иногда рода занятий³.

В поквартальных записях отмечались почти все новоприбывшие иностранцы. Почти — потому что попадание в эти списки во многом зависело от благонадежности поставляющих информацию, от статуса путешественника и его желания обнаружить себя. Так, никаких упоминаний о Н. М. Карамзине (или Николае Михайлове — на это имя был выдан заграничный паспорт) в поквартальной слежке за 1790 г. обнаружить не удалось. С одной стороны, можно было бы предположить, что речь идет об упущении, вполне объяснимом революционной ситуацией и разладом системы надзора. С другой стороны, от взора полиции не ускользает прибытие в Париж в конце 1790 г. В. Я. Колокольникова и М. И. Невзорова, принадлежавших к тому же, что и Карамзин, московскому кругу розенкрейцеров⁴ [MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 79, f. 5r°–6r°]. Объяснить различное отношение к трем молодым русским можно либо скрытностью одного из них, либо наличием определенных сведений о других двух, либо тем и другим одновременно.

В дальнейшем под надзором полиции оставались лишь те приезжие, которые привлекали особое внимание либо своим общественным статусом, либо своим публичным поведением, или были известны Министерству иностранных дел как «полезные» или «вредные» для интересов Франции личности. За ними велось внешнее наблюдение (сидели так называемые *touches*, буквально «мухи», т. е. вертящиеся рядом соглядатаи), при возможности подкупом или шантажом добывалась

³ Такой тип надзора сохранился и позднее, в XIX в., так что с ним столкнулся и Ф. М. Достоевский, изобразивший его в главе 4 «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочем, на первый раз в отеле меня лично не много беспокоили и описали меня втихомолку, кроме, разумеется, тех вопросов, какие задаются вам по книге, и в нее же вы вписываете показания ваши: кто, как, откуда, с какими помыслами? и проч.» [Достоевский 1956: 88].

⁴ О предыстории образовательных путешествий всех троих см.: [Зорин 2016: 146–147].

информация от слуг из дома. На основе этой информации создавались рапорты об отдельных личностях, сводные рапорты о представителях той или иной нации и иностранных дипломатах.

Анализ этих документов позволил выявить имена более 600 подданных Российской Империи, пребывавших в Париже в 1729–1791 гг. В поле зрения полиции попадают самые разные социальные группы: прежде всего, дипломаты, но также временно проживающие в Париже аристократы, военные, врачи, художники, студенты, купцы. Как уже отмечалось ранее, говорить о русских литераторах как об отдельной категории приезжих затруднительно. В отношении русских путешественников словосочетание *homme de lettres* употребляется полицейскими лишь один раз — так назван Фонвизин в рапорте от 3 апреля 1778 г.:

Господин де Визини [Фонвизин], ливонец, советник российской императрицы, прибыл в наш город из Петербурга немного времени тому и остановился в гостинице «Дания» на улице Жакоб.

Этот дворянин приехал в Париж для поправления своего здоровья; он намеревается пробыть здесь некоторое время и осмотреть затем различные провинции.

Господин де Визини — литератор, обладающий большими познаниями, особенно в юриспруденции. Он работал над составлением свода законов и был очень щедро вознагражден своей государыней⁵ [MAE La Courneuve, *Contrôle des étrangers*, vol. 21, f. 71r^o].

Донесение пестрит неточностями и полуправдами. Верно то, что предки Фонвизина происходили из Ливонии, но сам он с прародиной связей не имел. С 1771 г. он был произведен в чин титулярного советника, который все же никак не соответствует должности «советника императрицы». В свой первый заграничный вояж Фонвизин и впрямь отправился из Санкт-Петербурга, но в Париж его путь лежал через Монпелье и Лион. Именно до приезда во французскую столицу он осматривал провинциальные города, где лечилась его жена, а не он сам. Принимая во внимание обилие ошибок в этом отчете, можно лишь удивляться, откуда инспектор полиции получает верные известия о литературной деятельности Фонвизина и его эрудиции. Вероятнее всего, он назван литератором, поскольку известны его встречи в Париже с академиками Л. Тома и Ж.-Ф. Мармонтелем и другими французскими писателями, о которых

⁵ M. de Wisiny, Livonien, conseiller de l'impératrice de Russie, est arrivé ici depuis peu venant de St Pétersbourg, et est descendu à l'hôtel de Danemark rue Jacob.

Ce gentilhomme est venu à Paris pour le rétablissement de sa santé; il se propose d'y séjourner quelque temps et de parcourir ensuite différentes provinces.

M. de Wizingy est un homme de lettres qui a beaucoup d'érudition surtout dans la jurisprudence. Il a travaillé à la confection du code et a été très généreusement récompensé de sa souveraine.

сам автор «Бригадира» писал сестре (письмо за август 1778 г. [Фонвизин 1959б: 450]) и П. И. Панину (письмо от 14/25 июня 1778 г. [Ibid.: 476]).

Прочие же российские писатели такого звания не удостаиваются. Этому можно дать следующее объяснение. Для парижских инспекторов полиции, как и для общественного мнения во Франции в целом, русская литература остается плохо известной и малозначительной. Не в последнюю очередь потому, что в самой России XVIII в., в отличие от Франции⁶, социальные функции и статус «учрежденного» (т. е. профессионального) писателя не имеют высокого признания [Клейн 2005: 498–520]. Неудивительно, что попадающие под надзор русские писатели привлекают к себе внимание благодаря либо титулу (князь А. Д. Кантемир, граф А. П. Шувалов, князь А. М. Белосельский-Белозерский, граф Г. И. Чернышев), либо чину и достижениям — военным или гражданским (Н. А. Львов, И. И. Хемницер, Д. И. Фонвизин, Ф. В. Каржавин).

В этом отношении весьма примечателен случай князя Кантемира. Его высокий дипломатический ранг и аристократическое происхождение обеспечивают пристальное внимание полиции. Благодаря рапортам, дипломатической и личной переписке известно, что российский посланник в Париже общается преимущественно с иностранными коллегами по дипломатическому корпусу, завязывает полезные знакомства среди хозяек влиятельных салонов, активно ведет сбор информации в соответствии с инструкциями из Санкт-Петербурга.

Полицейские соглядатаи с трудом могут следовать за перемещениями российского посланника и не способны проникнуть в его дом: на это часто сетуют инспекторы в своих рапортах, указывая на ухищрения, к которым прибегает Кантемир. Отзвуки полицейской слежки и сбора информации попадают и в поэзию князя. Сатира III, первая редакция которой относится к 1730 г., а окончательная — к 1743 г., т. е. времени пребывания Кантемира в Париже, выводит на сцену некоего до крайности любопытного Менандра:

С зарею вставши, Менандр везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает,
Что в домех, что в улице, в дворе и в приказе
Говорят и делают. О всяком указе,
Что вновь выдет, о всякой перемене чина
Он известен прежде всех, что всему причина,
[...] где кто с кем подрался,
Сватается кто на ком, где кто проигрался,
Кто за кем волочится, кто выехал, въехал,

⁶ О профессионализации и социальном признании писательского труда во Франции Старого режима: [Viala 1985].

У кого родился сын, кто на тот свет съехал.
Когда же Менандр новизн наберет нескудно [...]
Встретит ли тебя — тотчас в уши вестей с двести
Насвищет, и слышал те из верных рук вести
[Кантемир 1956: 92].

В образе Менандра, который восходит к «Характерам Теофраста» и «Характерам, или Нравам нынешнего века» Жана де Лабрюйера, легко угадывается знакомая парижанам фигура сборщика новостей (*nouvelliste*), часто поставлявшего информацию для полиции [Milliot 2016: 151]. Более того, все события, интересующие досужего, относятся и к волнующим полицию темам: это азартные игры («где кто проигрался»), хроника любовных приключений («сватается кто на ком... кто за кем волочится»), прибытие новых лиц в город («кто выехал, въехал»), сбор информации («развесит уши везде, везде примечает»). В переводе сатиры на французский язык, выполненном аббатом О. Гуаско совместно с князем и, возможно, при содействии секретарей посольства Генриха Гросса и братьев Долгоруких, Александра и Владимира, эти темы получили еще большее развитие и четко связаны с деятельностью полиции [Satyres 1749: 244–252].

Вместе с тем хорошее знание парижской жизни никак не помогает российскому посланнику завязать тесные отношения с влиятельными писателями и философами. Полицейские рапорты не позволяют подкрепить фактами утверждения того же аббата Гуаско о близком знакомстве Кантемира и Монтескье. Контакты князя с Вольтером ограничиваются тремя письмами за март–апрель 1739 г. [Liu 1983: 427–428, 436–437]. В отличие от Кантемира, его датский коллега граф Иоганн фон Бернсторф заводит личные знакомства с этими прославленными авторами и принимает их в своем парижском жилище в 1746–1747 гг. [BA, ms 10290, f. 227v°, f. 258v°; ms 10293, f. 19r°, f. 82r°].

Два обстоятельства мешают Кантемиру блистать на парижском Парнасе. Во-первых, его стесненность в средствах и вызванные этим долги. Во-вторых (и в этом, очевидно, главная причина), Кантемир предпочитает светскому обществу затворничество, философское уединение, помогающее мыслить и творить. Во французской же столице работают иные правила создания литературных и светских репутаций, которые предписывают постоянное участие в общественной жизни, соответствие своему рангу в публичной сфере. Не умея соответствовать этим правилам, князь скучает на приемах и застольях, в чем он признается в письме сардинскому посланнику в Лондоне Джузеппе Осорио Аларсону от 28 ноября 1738 г., т. е. в начале своей дипломатической миссии в Париже: «Я веду ныне довольно скучную жизнь. Я завел очень

мало знакомств и, по-видимому, новых не сделаю» (*Je mène jusqu'à cette heure une vie assez ennuyeuse. J'ai fait très peu de connaissances et et apparemment je n'en ferai pas d'avantage*) [Grasshoff 1966: 303]. О том же пишет в воспоминаниях о российском посланнике аббат Гуаско: «В городе, где удовольствия предоставляются со всех сторон, будучи в лучшем возрасте, чтобы ими наслаждаться, он вел жизнь философа, я бы сказал, почти затворника. Его общество долгое время ограничивалось малым числом друзей, с которыми он даже не всякий день виделся» [*Satyres* 1749: 107].

Сын петровской эпохи, обладающий достаточным образованием и прекрасными манерами, Кантемир еще не готов полностью принять французские правила литературной и общественной жизни. Человек другого времени, граф Андрей Петрович Шувалов, претендует уже не только на ученичество, но и на влияние на французскую литературу и культуру, продвижение и прославление русской словесности как неотъемлемой части европейской жизни [Гречаная 2010: 82–101]. Его умение быть обходительным, тактичным, предупредительным, располагающим к себе, а также знание законов великосветского общества позволяли ему налаживать дружеские связи, встраиваться в значимые социальные круги. Все это он демонстрирует во время своего пребывания в Париже в 1777–1781 гг. Шувалов принят в лучших парижских домах: у герцога Бирона и маркизы Дюдефан, герцогини де Лавальер и герцогини Люксембургской. Его собственный салон собирает французских гостей, которых, следует признать, меньше, чем русских посетителей. Это неудивительно, поскольку Шувалов, по всей вероятности, прибывает в Париж не только блистать и развлекаться, но и помогать посланнику князю И. С. Барятинскому в выполнении некоторых политических миссий. Полиция замечает, что за традиционными обедами по средам у Шувалова собираются дипломаты дружественных России стран, а также поставщики информации, в частности доктор Иоганн Готфрид Зайферт⁷, лечащий врач герцога Орлеанского и принцессы де Ламбаль [MAE La Courneuve, *Contrôle des étrangers*, vol. 33, f. 71r°-v°]. В этом обществе обсуждается и готовится русское посредничество в установлении мира между Священной Империей и Пруссией после войны за Баварское наследство, отсюда распространяются ложные слухи о победах англичан над французами в Новом свете во время войны за независимость США и антифранцузские настроения [*Ibid.*, vol. 28, f. 12v°; vol. 31, f. 83v°; vol. 33, f. 26r°; vol. 34, f. 101r°-v°; vol. 37, f. 64v°].

Эта деятельность графа подрывает в великосветском обществе его репутацию как «мастера в искусстве нравиться», которую он создает

⁷ О нем и его связях с Россией см.: [Cabanès 1922: 32].

своими собственными стихами на французском языке (они печатаются в журналах «Французский Меркурий» (*Mercure de France*), «Энциклопедический журнал» (*Journal Encyclopédique*), «Дух газет» (*Esprit des Journaux*)) и которую поддерживают его литературные корреспонденты: Вольтер, Жан-Франсуа де Лагарп, Клод-Жозеф Дора. Свидетельством тому служит история создания и рецепции стихотворения Шувалова «Госпоже герцогине де Лавальер по случаю ее торжества»⁸ (*Vers à Madame la Duchesse de La Vallière, le jour de sa fête*), опубликованном 11 сентября 1779 г. во «Французском Меркурии».

Это стихотворение на случай было нацелено на решение практической социальной задачи: понравиться герцогине и поддержать свой статус в ее доме. Герцогиня де Лавальер — не случайный адресат. Ее салон, согласно подсчетам исследователя общественной жизни в Париже второй половины XVIII в. А. Лильти, был одним из самых посещаемых и престижных великосветских собраний во французской столице между 1774 и 1789 гг. Французский исследователь, опираясь на материалы полицейского надзора за иностранцами, насчитал за этот период 610 посещений дома герцогини зарубежными дипломатами (больше было только в салоне Некеров — 640) [Lilti 2005: 128–131]. У Шувалова герцогиня де Лавальер представлена именно в своей главной ипостаси — хозяйки салона, окруженной друзьями. Важнейшие строки вынесены в начало стихотворения: «Вы дороги своим друзьям, / Они ощущают счастье жить подле Вас» (*A vos amis vous êtes chère, / Ils sentent le bonheur de vivre auprès de vous*) [Chouvalov 1779: 49]. А в качестве антитезы достоинствам госпожи де Лавальер сказано: «Тот, кто ничем не обладает, остается одиноким» (*Qui ne possède rien est alors isolé*) [Ibid.: 50].

Очевидно, что для графа Шувалова закрепиться в салоне де Лавальер было принципиально не только для создания определенного реноме. Быть постоянно принятым там давало возможность получить доступ к каналам распространения важных политических сведений. Поэт превозносит не душевные или физические качества сами по себе, а умение их обладательницы использовать их в «искусстве нравиться» и таким образом противостоять разрушающему действию времени (*Quand on a l'art de plaire, on garde ses appas* [Chouvalov 1779: 50]), привлекать к себе, устанавливать доверительные отношения.

Однако поэтическое подношение не удовлетворяет адресата. В письме к Ивану Ивановичу Шувалову от 23 августа 1780 г. герцогиня де

⁸ Не вполне понятно, по какому случаю было написано стихотворение. Анна Юлия Франсуаза де Лавальер родилась 11 декабря, а не 11 сентября. В православной традиции на 9 сентября (по юлианскому календарю) приходится день памяти богоотцев Иоакима и Анны. Однако в католической традиции именины Анны отмечаются 26 июля.

Лавальер жалуется на племянника своего корреспондента: «Госпожа графиня Шувалова пользуется здесь большим уважением, всеми она любима и почитаема, как того заслуживает. Со мною она добра и очаровательна... Милостью ее мужа я располагаю не вполне, хотя он и написал для меня стихи и опубликовал их в “Меркурии”. Остроумцы слишком сильно занимают его, чтобы он стал терять время в легкомысленных разговорах»⁹ [ОР РНБ, Fr. Q.IV.207, л. 163–164]. Остается лишь догадываться, кто подразумевается под теми «остроумцами», что претят герцогине де Лавальер. Скорее всего, имеются в виду литераторы, ведь употребленное выражение *les beaux esprits* может быть принято и в этом значении. Тогда речь идет о Ж.-Ф. Лагарпе, К.-Ж. Дора, Ж.-Ф. Мармонтеле, с которыми Шувалов находился в близких отношениях. Возможно, намек касается и контактов графа в дипломатическом мире, слишком серьезных по своему содержанию для «легкомысленного» общества де Лавальер. В любом случае, реноме Шувалова, «мастера в искусстве нравиться», подвергается сомнению высшим парижским обществом, в то время как французское правительство, информацию которому поставляла полиция, должно было поставить под сомнение благорасположенность русского графа к королевству.

Помимо критического отношения к Франции, поводом для пристального наблюдения за русскими литераторами может стать их любопытство и наблюдательность. Так происходит с Хемницером. Напомним, что он путешествует по Европе в 1776–1777 гг. в компании со своим начальником М. Ф. Соймоновым и товарищем по литературному кружку Н. А. Львовым. Из них троих отдельного рапорта заслуживают Соймонов и Хемницер, а Львов упоминается лишь вскользь. Если Соймонов обращает на себя внимание высоким чином, то чем мог заинтересовать парижскую полицию российский баснописец? Вчитаемся в отчет от 7 марта 1777 г., чтобы понять это:

Господин Хенницен, майор на российской службе, прибыл недавно в город из Германии и остановился в гостинице «Австрия» на улице Траверсьер Сент-Оноре.

Сей офицер происходит из семьи выходцев из Германии, обосновавшейся в России в правление Петра I. Отличие, с которым он служил во время последней войны с турками, снискало ему великое уважение и репутацию хорошего офицера. Его знания тактики и начитанность дополняются выгодным умением чисто говорить на многих языках.

⁹ Mme la comtesse de Schowaloff jouit ici d'une grande considération, elle est aimée et estimée comme elle le mérite par tout le monde. Pour moi, elle a des bontés charmantes... Je n'ai pas toutes les bonnes grâces de son mari, il a fait pourtant des vers pour moi qu'il a fait mettre dans le Mercure; mais les beaux esprits l'occupent trop pour perdre son temps dans les conversations frivoles.

Господин Хенницен объездил всю Германию и останавливался во всех городах, где предполагал удовлетворить свою тягу к военному искусству либо изучением укреплений, либо наблюдением за маневрами, уставом и проч. Он вел журнал своим наблюдениям, как утверждают, интересным. Его путешествие по Франции имеет ту же цель. Вместе с ним следует капитан Лофф [Львов], его родственник. Они получили от своего двора отпуск на два года, но нынешнее положение дел в России заставляет их опасаться, как бы их не отозвали на родину раньше времени¹⁰ [MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 14, f. 99r^o-v^o].

Несмотря на привычное для полицейского донесения о русских большое количество фактических ошибок, можно выделить несколько точных замечаний, которые, очевидно, и дают повод для создания рапорта. Внимание к военным укреплениям (а скорее всего — профессиональный интерес к инженерному делу), редкое для чужестранца знание нескольких иностранных языков, начитанность и ведение дневника создают облик подозрительного наблюдателя. Имея неточные сведения и не зная настоящих интересов путешественника, полиция не способна рассмотреть в нем писателя. Дневник Хемницера, который он вел по-русски, по-немецки и по-французски во время европейского вояжа — и прежде всего парижские страницы [Хемницер 1873: 373–386] — в самом деле насыщен любопытными и подробными наблюдениями, перечислением интересных фактов и событий. Однако все они относятся к культурной жизни французской столицы: спектакли, концерты, труды живописцев и художественные собрания — зафиксировано было лишь то, что могло бы предоставить материал для сочинений или послужить источником вдохновения.

Несовпадение в деле Хемницера двух точек зрения, французской и русской, административной и творческой, оказывается весьма показательным для всей рассматриваемой темы. Парижская полиция решает политические и административные задачи, поэтому в ее поле зрения попадают те события и факты, которые имеют отношение к

---

¹⁰ M. Hennitzen, major au service de Russie, est arrivé ici depuis peu venant d'Allemagne et est descendu à l'hôtel d'Autriche rue Traversière St. Honoré.

Cet officier est d'une famille originaire d'Allemagne établie en Russie, lors du règne de Pierre Ier. La distinction avec laquelle il a servi pendant le cours de la dernière guerre contre les Turcs lui a mérité beaucoup de considération et la réputation d'un bon officier. Il joint à la connaissance de la tactique et des meilleurs auteurs l'avantage de parler plusieurs langues avec pureté.

M. Hennitzen a parcouru toute l'Allemagne et s'est arrêté dans toutes les villes susceptibles de satisfaire son goût pour l'art militaire, soit pour les fortifications, les manœuvres, la discipline etc. Il a fait un journal de ses observations qu'on assure être intéressantes : son voyage en France a le même objet. Il est accompagné du capitaine Loff, son parent, ils ont un congé de leur cour de deux ans, mais l'état actuel des affaires en Russie leur fait craindre d'être rappelés dans leur patrie avant ce temps.

делам государственного или широкого общественного значения. Российские же писатели едут в столицу Франции за художественными впечатлениями и социальным престижем, политические поручения часто являются лишь необходимым или неизбежным прибавлением к ним. Не имея значимого литературного реноме, они не могут заставить говорить о себе в тех сферах, где формируется общественное мнение. Поэтому полиция может распознавать их лишь как потенциальных (или реальных) нарушителей общественного порядка. Можно сформулировать это иным образом: в Париже XVIII в. подлинные, творческие интересы российских писателей начинаются там, где заканчивается поле наблюдения полицейских инспекторов и их шпионов.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

MAE La Courneuve — Archives diplomatiques, Ministère des affaires étrangères (La Courneuve)

BA — Bibliothèque de l'Arsenal (Paris)

BNF — Bibliothèque Nationale de France (Paris)

Библиография

Литература

Гречаная 2010

Гречаная Е. П., *Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века)*, Москва, 2010.

Делон 2013

Делон М., *Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.)*, Москва, 2013.

Дмитриева, Топорков 1992

Дмитриева Е. Е., Топорков А. Л., *Авантюрная автобиография И. И. Тревогина, Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*, Москва, 1992, 49–75.

Достоевский 1956

Достоевский Ф. М., *Собрание сочинений в 10 томах*, 4, Москва, 1956.

Зорин 2016

Зорин А. Л., *Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века*, Москва, 2016.

Кантемир 1956

Кантемир А. Д., *Собрание стихотворений*, Ленинград, 1956.

Клейн 2005

Клейн И., *Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века*, Москва, 2005.

Строев 1998

Строев А. Ф., *«Те, кто поправляет форуну...». Авантюристы Просвещения*, Москва, 1998.

- 2014
Строев А. Ф., «Взяла Лаиса микроскоп...». Русские вельможи и парижские актрисы: литературные и исторические контексты пушкинской эпиграммы, *Russian Literature*, 2014, 76, 85–96.
- Фонвизин 1959a
Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в 2 томах*, 1, Москва, Ленинград, 1959.
- 1959b
Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в 2 томах*, 2, Москва, Ленинград, 1959.
- Хемницер 1873
Хемницер И. И., *Сочинения и письма (по подлинным рукописям)*, С.-Петербург, 1873.
- Cabanès 1922
Cabanès A., *La princesse de Lamballe intime (d'après les confidences de son médecin)*, Paris, 1922.
- Chouvalov 1779
[Chouvalov A.], Vers à Madame la duchesse de La Vallière, le jour de sa fête, *Mercure de France*, samedi 11 septembre 1779, 49–50.
- Dubost 2000
Dubost J.-F., Les étrangers à Paris au siècle des Lumières, *La ville promise: Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe – début XIXe siècle)*, D. Roche, dir., Paris, 2000, 221–288.
- 2001
Dubost J.-F., Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe – XVIIIe siècle), *Police et migrants: France 1667–1939*, M.-C. Chaléard et al., dir., Rennes, 2001, 33–49.
- Frédéric 1741
[Frédéric II de Prusse], *Anti Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel: avec des notes historiques & politiques*, Londres, 1741.
- Goudar 1765
[Goudar A.], *Espion chinois ou Envoyé secret de la cour de Pékin, pour examiner l'état présent de l'Europe*, 2, Cologne, 1765.
- Grasshoff 1966
Grasshoff H., *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.
- Journal 1863
Journal des inspecteurs de M. de Sartine, L. Larchey, éd., Bruxelles, Paris, 1863.
- Lilti 2005
Lilti A., *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 2005.
- Liu 1985
Liu N., Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie. Échos européens, *Dix-huitième siècle*, 15, 1983, 421–439.
- Lizé 1978
Lizé É., Mémoires inédits de Diderot à Catherine II, *Dix-huitième siècle*, 10, 1978, 191–222.
- Milliot 2016
Milliot V., “L’admirable police”. *Tenir Paris au siècle des Lumières*, Ceyzérieu, 2016.
- PSL XV
Paris sous Louis XV: rapports des inspecteurs de police au roi, 1–5, C. Piton, éd., Paris, 1905–1914.
- Proust 1995
Proust J., *Les Lettres de France dans l'espace littéraire français, Fonvizine D., Lettres de France: 1777–1778*, H. Grosse, et al., trad., comment., Paris, Oxford, 1995, 21–32.

Satyres 1749

Satyres de Monsieur le prince Cantemir. Avec histoire de sa vie. Traduites du russe en français, Londres [Paris], 1749.

Stroev 2010

Stroev A., Voltaire et le “ci-devant Pouchkine”, *L'Image de l'Étranger*, A. Stroev, dir., Paris, 2010, 65–81.

Viala 1985

Viala A., *Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique*, Paris, 1985.

Vidoni 2018

Vidoni N., *La Police des Lumières (XVIIe–XVIIIe siècles)*, Paris, 2018.

References

Cabanès A., *La princesse de Lamballe intime (d'après les confidences de son médecin)*, Paris, 1922.

Delon M., *Iskusstvo zhit' libertena. Frantsuzskaia libertinskaia proza XVIII veka (Krebiion-syn, Zhan-Fransua Bastid, Vivan Denon, Onore Mirabo, prints de Lin' i dr.)*, Moscow, 2013.

Dmitrieva E. E., Toporkov A. L., *Avantiurnaia biografiia I. I. Trevogina, Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Pis'mennost'*. Iskusstvo. Arkheologiya, Moscow, 1992, 49–75.

Dubost J.-F., Les étrangers à Paris au siècle des Lumières, *La ville promise: Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe – début XIXe siècle)*, Roche D., dir., Paris, 2000, 221–288.

Dubost J.-F., Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe – XVIIIe siècle), *Police et migrants: France 1667–1939*, Chaléard M.-C. et al., dir., Rennes, 2001, 33–49.

Grasshoff H., *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.

Grechanaya E. P., *Kogda Rossiia govorila po-frantsuzski: russkaia literatura na frantsuzskom iazyke (XVIII – pervaa polovina XIX veka)*, Moscow, 2010.

Kantemir A. D., *Sobranie stikhotvorenii*, Lenin-grad, 1956.

Klein I., *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka*, Moscow, 2005.

Lilti A., *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 2005.

Liu N., Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie. Échos européens, *Dix-huitième siècle*, 15, 1983, 421–439.

Lizé É., Mémoires inédits de Diderot à Catherine II, *Dix-huitième siècle*, 10, 1978, 191–222.

Milliot V., “L'admirable police”. *Tenir Paris au siècle des Lumières*, Ceyzérieu, 2016.

Proust J., *Les Lettres de France dans l'espace littéraire français*, Fonvizine D., *Lettres de France: 1777–1778*, Grosse H. et al., trad., comment., Paris, Oxford, 1995, 21–32.

Stroev A., Voltaire et le “ci-devant Pouchkine”, *L'Image de l'Étranger*, Stroev A., dir., Paris, 2010, 65–81.

Stroev A. F., “Laisa Took a Microscope...”. Russian Magnates and Parisian Actresses: Literary and Historical Contexts of a Pushkin Epigram, *Russian Literature*, 2014, 76, 85–96.

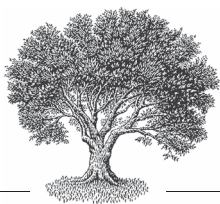
Viala A., *Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique*, Paris, 1985.

Vidoni N., *La Police des Lumières (XVIIe–XVIIIe siècles)*, Paris, 2018.

Zorin A. L., *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka*, Moscow, 2016.

Денис Александрович Кондаков,
кандидат филологических наук,
доцент, декан гуманитарного факультета
Полоцкого государственного университета
211415 Полоцк, пер. Стрелецкий, 4
Беларусь/Belarus
d.kandakou@psu.by

Received December 22, 2018

Между пересыльной тюрьмой и дворянской гостиной: книгоиздательские проекты доктора Гааза 40-х гг. XIX в.

**Илья Викторович
Семененко-Басин**

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Between the Transit Prison and the Nobleman's Drawing- room: Doctor Haas's Publishing Projects in the 1840s

Ilya V. Semenenko-Basin

Russian State University for the
Humanities
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена книгоиздательским проектам московского медика-филантропа Фридриха Йозефа Гааза и выполнена на материале архивных фондов духовной цензуры. Гааз издавал книги для исправления арестантов, следовавших через пересыльную тюрьму в Сибирь. «На полях» его просветительской деятельности возникли миссионерские издательские проекты, адресованные образованному городскому обществу. Гааз не мог ограничиться работой с тюремным контингентом: он стремился предложить русскому обществу христианскую литературу, выдержанную в традициях посттридентской духовности. В образованном дворянском обществе к тому времени книга и чтение оформились в особый социокультурный институт, знание французского языка закладывалось с детства. В такой

Цитирование: Семененко-Басин И. В. Между пересыльной тюрьмой и дворянской гостиной: книгоиздательские проекты доктора Гааза 40-х гг. XIX в. // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 269–283.

Citation: Semenenko-Basin I. V. (2019) Between the Transit Prison and the Nobleman's Drawing-room: Doctor Haas's Publishing Projects in the 1840s. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 269–283.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

ситуации Гааз стремился обеспечить не влияние на русскую культуру текстов западного (римско-католического) христианства, но их присвоение русской культурой. Государственный запрет на прозелитизм сделал невозможной реализацию большей части этих замыслов. При этом институт духовной цензуры не вызывал у Гааза внутреннего протеста. Едва ли у Гааза, цензоров, правительственных чиновников, регламентировавших книгоиздание, существовали какие-то принципиальные разногласия по поводу христианского религиозного обращения. Цензоры исполняли волю правительства, принимая в книгоиздательских проектах Гааза все, что было созвучно государственным нормативным актам и политическим настроениям эпохи. Цензура не возражала, когда с проповедью христианского благонравия члены Тюремного комитета обращались к грубому и импульсивному тюремному контингенту. Неприемлемыми оказались попытки Гааза продвигать авторов Католической церкви в образованной среде.

Ключевые слова

христианское просвещение, христианство в России, институт цензуры, пост-тридентская духовность, книгоиздание

Abstract

The article is dedicated to the publishing projects of doctor Haas, a Moscow medical man and philanthropist, and is based on the materials of the ecclesiastical censorship archival holdings. Haas published books aimed at the reforming of convicts who went to Siberia through transit prison. 'On the margins' of his enlightenment activities missionary publishing projects, addressed to the educated urban society, were established. Haas could not confine himself to working with prisoners; he wanted to offer the Russian society Christian literature following the traditions of post-Tridentine spirituality. By this time, books and reading had taken shape as a specific sociocultural institute in the educated noble society, where the knowledge of French was acquired from childhood. In such circumstances Haas aimed to ensure not the influence, but the assimilation of Western (Roman Catholic) Christian texts into the Russian culture. The state ban on proselytism rendered the implementation of the most of these projects impossible. However, the institute of the ecclesiastical censorship itself did not rouse inner remonstrance in him. The opinions of Haas and of censors, governmental officials, who regulated the publishing, concerning conversion were hardly divergent. All of them assessed religious conversion positively. The censors followed the orders of the government, accepting in Haas's publishing projects everything that was in line with state legal norms and political attitudes of those times. The censors did not contradict when the members of the Prison Committee preached Christian kindness to rude and aggressive prisoners. But Haas's attempts to promote Catholic authors in educated circles turned out to be unacceptable.

Keywords

Christian enlightenment, Christianity in Russia, institute of censorship, post-Tridentine spirituality, book publishing

Российское христианское книгоиздание в царствование Николая I, как правило, представляется нам рутинной обязанностью ведомства православного исповедания, дополненной инициативными проектами светских писателей (А. Н. Муравьева, А. П. Глинки) и осложненной подпольными изданиями старообрядческих типографий.

Такое представление возникает из-за контраста с более ранними событиями. В начале XIX в., в атмосфере своеобразного мистицизма Александра I и его окружения, христианское книгоиздание в России испытало сильное влияние интерконфессиональных начинаний правительства [Кондаков 1998; Зорин 2001: 269–335]. Эти универсалистские начинания, в частности, деятельность членов Британского и иностранного библейского общества (The British and Foreign Bible Society), учредивших в Санкт-Петербурге Российское библейское общество, могут быть определены не только как религиозные, но одновременно и как пацифистские, нацеленные на обеспечение общеевропейского мира после Наполеоновских войн.

Постепенный отказ правительства от экуменических и универсалистских деклараций самым непосредственным образом сказался на российском книгоиздании; достаточно вспомнить внезапный обрыв в 1826 г. бурной книгоиздательской деятельности Российского библейского общества. Дальнейшее развитие христианского книжного дела — с 20-х гг. XIX в. и вплоть до эпохи Великих реформ — может показаться монотонным и зарегламентированным. Притом неизученными остаются попытки миссионерского распространения печатного слова, имевшие место вне официальной церковной сферы, на некотором отдалении от общепринятой православной книжности, но также и не соприкасавшиеся с гетеродоксальной масонской субкультурой.

Реконструкция таких проектов возможна с опорой на архивные фонды комитетов духовной цензуры. Как показал Д. А. Карпук, они содержат источники не только по истории собственно института цензуры, но и по истории литературного процесса в России [Карпук 2013]. Вместе с тем исследователи редко затрагивают тематику российской духовной цензуры: ее обошли молчанием авторы фундаментальной энциклопедии Д. Джонса «Цензура» [Jones, 1–4], ни один духовный цензор не упомянут в исчерпывающем справочнике цензоров Российской империи [Фирсов 2013].

Ко времени интересующих нас событий духовная цензура руководствовалась Уставом от 22 апреля 1828 г., причем правила работы цензоров непрерывно ужесточались на протяжении 30–50-х гг. XIX в. [Котович 1909: 201–482; Рейфман 2014: 116–184]. В фондах Московского комитета духовной цензуры (далее — МКДЦ), хранящихся в Центральном

государственном архиве г. Москвы (далее — ЦГАМ), отложились документы, связанные с деятельностью московского филантропа, тюремного врача Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза (1780–1853) [Корсунский 1893; Кони 1968; Нежный 2002; Beckmann-Kuhn 2012; Блохина 2013]. В разные годы Гааз более или менее успешно ходатайствовал об издании своих сочинений; в данной работе речь пойдет только о тех его ходатайствах, которые касались книг христианско-просветительского жанра.

Известный медик, уроженец Германии, с 1806 г. — житель Москвы, сотрудник Московского попечительного о тюрьмах комитета (далее этот институт для краткости именуется Тюремным комитетом), Гааз посвятил много сил и времени служению заключенным и бездомным.

Попечительное о тюрьмах общество, составной частью которого был московский Тюремный комитет, учредил в 1819 г. Александр I, откликнувшись тем самым на инициативу филантропов из Лондонского общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления несовершеннолетних преступников (Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders). Укрепляя институты благотворительности, российское правительство ориентировалось на британский опыт. Отметим, что идеи и дух пенитенциарных реформ конца XVIII — середины XIX вв. предполагали посещение заключенных, оказание им медицинской помощи и посильное нравственное исправление преступников [Гернет 1951, 1: 97–103, 277–287; Idem, 2: 15–59; Васильева 2017]. В России меры по улучшению тюремного дела стали неуклонно применяться в царствование императора Николая I — в рамках усовершенствования социального контроля и кодификации права [Гернет 1951, 1: 108–110; Idem, 2: 33–56]. Вне этого дисциплинарного контекста члены Тюремного комитета едва ли сумели бы найти приложение своей кипучей энергии.

Вместе с коллегами по Тюремному комитету Гааз составил и издал в 1840 г. (2-е изд.: 1842) первую в истории русскую книгу для заключенных «Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений» [АБВ 1840; Ibid. 1842]. Тем самым сотрудники Тюремного комитета подхватили эстафету княгини Софьи Сергеевны Мещерской (1775–1848) и членов Российского библейского общества, выпускавших ранее многочисленные издания для внутренней христианской миссии [Котович 1909: 296–304].

В 1841 г., представив на рассмотрение МКДЦ второе, значительно переработанное издание книги против злословия, Гааз вместе с коллегами дополнил его двумя главами из «Трактата о любви к Богу» Франциска Сальского в русском переводе (его автор неизвестен) [ЦГАМ-1752:

л. 1; ЦГАМ-3636: лл. 15об.–16; ЦГАМ-3641: лл. 12 об.–13]. Книга против злословия демонстрирует стремление Гааза и его единомышленников не только контролировать речь и поведение арестантов, но также открыть им любовь Божию (agarē).

Здесь надо пояснить, что «Трактат о любви к Богу», компендиум западнохристианской мистики, адресованный людям Нового времени, написал Франциск Сальский (François de Sales; 1567–1622), католический епископ Женевы (в 1877 г. провозглашенный Учителем Церкви). Для Франциска характерна смена акцентов с чисто физических аспектов христианского подвижничества на невидимое хранение ума и чувств. Заслуга женева епископа, по словам современного богослова, в том, «что он вывел христианскую духовность за монастырские стены, в которых она томила, как в заточении, долгие века» [Омэнн 1994: 273]. Вместо аскетической жестокости по отношению к себе Франциск учил кроткой жизни с Богом.

В России труды Франциска Сальского были хорошо известны в высших кругах общества и в духовной среде. Наряду с трактатом «Об истинном христианстве» Иоганна Арндта они входили в репертуар чтения учащихся Московской духовной академии [Флоровский 1991: 131, 191]. Выписки из Франциска Сальского, относящиеся к внутренней жизни христианина, сохранились в келейном дневнике митрополита Филарета (Дроздова) за 1827 г. [Ходзинский 2004: 10–11; Филарет 2004: 25–28; Смирнова 2010]; позднее, во второй пол. XIX в., к Франциску Сальскому обращался епископ Феофан Затворник. Таким образом, труды женева епископа не были чуждыми русскому духовенству, в том числе и членам МКДЦ.

Второе издание книги, направленной против злословия, благополучно прошло цензуру, причем цензор протоиерей Федор Голубинский в своем отзыве от 25 ноября 1841 г., предназначенном исключительно для служебного пользования, писал: «Все мысли, как в сих двух главах [Франциска Сальского. — И. С.-Б.], так и во всей книжке содержащиеся, согласны с чистым учением христианским и весьма назидательны; слог чист» [ЦГАМ-50: л. 107об.–108].

Франциск Сальский.

«Различные письма к людям, живущим в миру»

Надо полагать, что удача с прохождением текста Франциска Сальского ободрила доктора Гааза. В следующем 1842 г. он обратился в МКДЦ с предложением, которое может быть названо интерконфессиональным миссионерским проектом. 10 декабря 1842 г. Гааз написал письмо с просьбой разрешить ему перепечатать в Москве по-французски «Lettres

diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde» («Различные письма святого Франциска де Саль к людям, живущим в миру»), изданные во Франции [ЦГАМ-1880: л. 2; François 1820].

Едва ли данное переиздание предназначалась для ссыльных и заключенных католиков, читавших по-французски, поскольку таковых в московской пересыльной тюрьме должно было быть ничтожно мало. Замечательно, что Гааз не обращался в Римско-католическую духовную коллегию с просьбой об издании каких бы то ни было книг на иностранных языках. В фондах римско-католической церковной администрации в России, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, никаких документов на сей счет не выявлено. Именно Римско-католическая духовная коллегия осуществляла цензурирование книг, предназначавшихся для католиков Российской империи.

Скорее всего, Гааз собирался издавать «Различные письма...» не для франкоговорящих арестантов; он стремился передать духовные драгоценности русскому обществу, образованным мирянам, *людям сороковых годов*. Напрашивается вопрос: почему именно Франциск Сальский?

Гааз был практикующим римо-католиком. Известно, что он хранил у себя дома часть мощей Франциска Сальского, молился перед святыней [Гааз 1912а: 342; Гааз 1912б: 208; Нежный 2002: 466]. В учительстве Женевского епископа Гааза, скорее всего, привлекала гармония между радикализмом Евангелия и европейским гуманизмом Нового времени. Пастырские намерения Франциска Сальского состояли в том, «чтобы духовно направить остающихся в миру, продолжающих работать по своей специальности, живущих семьями и ошибочно считающих, что благочестивая жизнь и стремление к ней предназначены не для них» [Омээн 1994: 274].

В цензурном комитете Гааз потерпел неудачу. В своем отрицательном отзыве, представленном комитету 21 мая 1843 г., цензор протоиерей Петр Делицын заметил, в частности, что Франциска Сальского и других упомянутых западных святых, как не прославленных Православной церковью, не следовало бы именовать в печати святыми, равно как и не следовало бы рекомендовать русским читателям исполнять обряды Католической церкви и читать католическую духовную литературу («Все таковые советы бесполезны, если не вредны для читателей православных» [ЦГАМ-1880: л. 3]).

Судя по документам, в самом намерении издавать Франциска Сальского члены МКДЦ усмотрели попытку прозелитизма, запрещенного законами Российской империи для представителей западных (неправославных) конфессий [ЦГАМ-52: лл. 40об.–41; ЦГАМ-1880: лл. 1, 3–3об.; ЦГАМ-3650: лл. 9об.–10].

Книга, полюбившаяся Гаазу, не обошла стороной Россию. Комитет иностранной цензуры, контролировавший таможенную и ввоз книг в Россию, не препятствовал появлению сочинений Франциска Сальского в частных библиотеках священнослужителей и дворян. Например, в первой пол. XIX в. французский оригинал «Различных писем святого Франциска де Саль к людям, живущим в миру» (Paris, 1820) поступил в одну из домашних дворянских библиотек Новгородской губернии [Морозова 1993: 359].

Митрополит Филарет (Дроздов).

«Слово в годовщину коронавания императора Николая I»

21 октября 1843 г. МКДЦ слушал прошение Гааза о «Слове в годовщину коронавания императора Николая I» митрополита Московского Филарета (Дроздова), произнесенном 22 августа 1842 г., и о «Histoires et paraboles» («Истории и притчи») Бонавентуры Жиродо на французском языке [ЦГАМ-52: л. 79об.].

К сожалению, последующие документы о цензурировании «Слова в годовщину...» не сохранились.

Проповедь митрополита Филарета посвящена благоустройству государства и христианской обязанности распространять добро. Этот текст мог привлечь внимание Гааза тематикой социальной любви. Начав свою проповедь с восхваления иерархического и персоналистского режима, митрополит Филарет предложил слушателям облегчить бремена царя взаимным участием, взаимопомощью [Филарет, 4: 181–187].

Оратор развернул программу активного благочестия мирян, которые не подменяют учителей Церкви в их специфическом пастырском служении, но практикуют братолюбие в общественных взаимоотношениях. Несомненно, такая программа действий совпадала с самыми глубинными устремлениями Гааза. Здесь находилась точка соединения двух проекций — христианского активизма медика-филантропа и консервативного истолкования монархической государственности.

Из протоколов Тюремного комитета известно, что Гааз получил цензурное разрешение на издание «Слова в годовщину...» [Нежный 2002: 378, 384]. Брошюра издавалась неоднократно; в 1847 г. она была вновь отпечатана тиражом 2000 экземпляров для раздачи арестантам и служащим пенитенциарных учреждений.

Бонавентура Жиродо. «Истории и притчи»

Прошение Гааза о переиздании книги «Histoires et paraboles» («Истории и притчи»), принадлежавшей перу французского священника-иезуита

Бонавентуры Жиродо (Bonaventure Giraudeau, 1697–1774), датировано 16 октября 1843 г. [ЦГАМ-1955: л. 2; Giraudeau 1837].

Сборник назидательных рассказов, сюжеты которых заимствованы из Библии и сочинений античных авторов, Жиродо издал в Париже в 1766 г. На протяжении всего XIX в. книга была чрезвычайно популярна, многократно переиздавалась во Франции, переводилась на испанский и немецкий языки.

Дидактические задачи решались Жиродо нарративным методом, что, впрочем, нисколько не нарушало традиций старинного библейского жанра притчи. Разнообразные жизненные сцены подводили читателя к моральным ценностям христианства. Надо полагать, как и в случае с «Различными письмами...» Франциска Сальского, Гааз предназначал «Истории и притчи» Жиродо не для арестантов, а для образованного городского общества.

Свой положительный отзыв протоиерей Делицын представил комитету 22 ноября 1843 г. [ЦГАМ-52: лл. 98об.–99; ЦГАМ-1955: лл. 3–3об.]. Впрочем, Делицын одобрил издание «Историй и притч» только по-французски и с сокращениями. В частности, должна была быть исключена новелла, в которой супружеская любовь язычника к язычнице представлялась образом любви Иисуса Христа к верной душе.

МКДЦ пропустил книгу в печать с сокращениями [ЦГАМ-52: лл. 79об., 98об.–99; ЦГАМ-3650: лл. 21об.–22; ЦГАМ-3654: лл. 13об.–14], но издана она не была. Вероятно, Гааз просто не нашел для этого денег.

Томас Иисуса. «Страсти Господа нашего Иисуса Христа»

Так и не издав книгу Жиродо, 14 июля 1844 г. Гааз обратился в МКДЦ с просьбой одобрить сочинение на французском языке «Les Souffrances de Notre-Seigneur Jésus-Christ» («Страсти Господа нашего Иисуса Христа»), представлявшее собой компиляцию из книги португальского августинца Томаса Иисуса (Thomas de Jésus de Andrade, 1529–1582) во французском переводе [ЦГАМ-2157: л. 2]. В МКДЦ была представлена рукопись в восьмую часть листа, на ста сорока шести страницах.

Томас Иисуса де Андраде — крупнейший духовный писатель Португалии. Книгу о страстях Христовых он написал в тюрьме, в марроканском плену, где оказался после разгромной для португальцев битвы при Эль-Ксар-эль-Кебире (1578). В пятидесяти размышлениях Томас Иисуса представляет читателю страдания Искупителя с момента рождения и скрытой жизни в Назарете до Крестного пути и смерти на Голгофе. Созерцания страстей перемежаются пламенными молитвами. Сочинение имеет ярко выраженный практический характер, побуждая читателя к сопереживанию Христу и углублению веры.

Книга Томаса Иисуса была издана посмертно; переводилась на латинский, итальянский, испанский, английский и немецкий языки. Французский перевод книги, выполненный священником Жилем Алюмом, впервые увидел свет в 1692 г. [Thomas, 1–2] и многократно переиздавался на протяжении XVIII–XIX вв. Велика вероятность, что франкоязычную компиляцию, отправленную в МКДЦ, Гааз составил собственноручно.

29 октября 1845 г. цензор протоиерей Делицын представил комитету отрицательный отзыв [ЦГАМ-2157: лл. 4–6об.]. Сравнив рукопись с французским печатным оригиналом, цензор обнаружил прибавления, внесенные составителем. Дотошно перечислив в отзыве все замеченные огрехи, Делицын посчитал прибавления составителя лингвистически неудачными и неверными с богословской точки зрения. МКДЦ постановил вернуть рукопись Гаазу без одобрения [ЦГАМ-2157: л. 3; ЦГАМ-3662: лл. 15об.–16].

Митрополит Филарет (Дроздов).

«Слово по освящении церкви Богородицы Взыскательницы Погибших, устроенной при замке пересыльных арестантов»

Не дожидаясь решения о франкоязычной компиляции из «Страстей Господа...» Томаса Иисуса, Гааз 15 июня 1845 г. обратился в МКДЦ с просьбой пропустить в печать французский перевод беседы митрополита Московского Филарета (Дроздова) 23 декабря 1843 г. после освящении церкви в пересыльном тюремном замке Москвы. Судя по всему, автором перевода был сам Гааз, просивший о публикации билингвы — русского оригинала вместе с переводом [ЦГАМ-2037: л. 2].

Беседа митрополита Филарета в церкви пересыльной тюрьмы посвящена христианской любви. Риторически вопрошая, как можно было устроить церковное здание в тюрьме, поместить святыню среди отъявленных грешников, Филарет утверждал, что такое парадоксальное следование Церкви за грешниками объясняется христианской любовью. Именем Иисуса митрополит Филарет торжественно благословил труды членов Тюремного комитета [Филарет, 4: 278–284].

Запрос Гааза, отправленный в июне 1845 г., цензура рассмотрела значительно быстрее, нежели предыдущий, касавшийся книги Томаса Иисуса. 30 июня 1845 г., заслушав неодобрительный отзыв Делицына, отметившего тринадцать серьезных погрешностей французского перевода, МКДЦ отказал Гаазу в публикации [ЦГАМ-2037: лл. 4–4об.; ЦГАМ-3662: лл. 12об.–13].

Новая версия перевода была подготовлена при участии Адольфа Пако (Adolf Pascault), преподавателя Московского университета и Московского училища ордена Св. Екатерины. Цензором исправленного

перевода вновь выступил Делицын. Рукопись, поступившая в МКДЦ 12 декабря 1845 г., пропущена в печать 17 января 1846 г. [ЦГАМ-3663: лл. 2об.–3].

Замечательно, что данный текст переводил не один только Гааз. В знак почтения к Филарету его беседу перевел на французский П. Я. Чаадаев. Осенью 1844 г. перевод (в выдержках, с редакционным комментарием) появился на страницах парижского журнала [Philarète 1844]. Судя по редакционному комментарию и ответному письму Чаадаева редактору журнала, проповедь митрополита Филарета произвела сильное впечатление [Чаадаев 1900; Idem, 2: 173–174, 484]. В московском архипастыре склонны были видеть сановника, занимающего высочайшую должность, а его беседа вдохновляла филантропов оказывать милосердную помощь преступникам, нарушившим законы.

Гааз, друживший с Чаадаевым, не мог не знать о публикации его перевода в Париже в 1844 г., но выполнил тем не менее свой собственный перевод, который можно воспринимать как своего рода оммаж митрополиту Филарету. Медик-филантроп был благодарен за церковь для арестантов и за полученное благословение.

В период 1848–55 гг., именуемый в историографии эпохой цензурного террора [Лемке 1904: 185], доктор Гааз обращался в МКДЦ с просьбами пропустить в печать брошюру на французском «Appel aux femmes» («Призыв к женщинам»), а также латинский текст своего собственного письма к архимандриту Макарию (Глухареву) (1792–1847), миссионеру, переводчику Библии. Оба эти текста Гааза, одобренные цензурой, не относились к христианско-просветительскому жанру в строгом смысле. В 1853 г. Гааза не стало.

Заключение

Доктор Гааз дружил со многими замечательными москвичами, с И. П. Киреевским, П. Я. Чаадаевым и другими. Современники, в частности, московский врач Н. К. Беркут, запомнили Гааза в двух социальных ролях: в княжеской гостиной, среди христиански настроенных людей, в своем кругу, и в тюремном пространстве среди арестантов, осужденных, изгоев общества [Беркут 1911: 888–890].

Гааз стремился выйти за стены пенитенциарных учреждений с миссионерскими начинаниями, спроецированными на образованные городские классы России. Замечательно, что интерконфессиональные проекты в данном случае были не первичны, но появлялись «на полях» просветительской активности в пенитенциарной системе.

В общеевропейском культурно-политическом контексте Гааз предстает фигурой послереволюционной и посленаполеоновской Реставрации, энтузиастом восстановления христианской веры. И на русской

службе миссионерское усилие медика-филантропа вдохновлялось тем же импульсом распространения веры. При этом миссия Гааза, в отличие от миссии его современников, русских аристократов, обратившихся в католичество [Bakhmetyeva 2016], лишена духа эксперимента и конструирования реальности. Хорошо понимая, что в образованном русском обществе книга и чтение оформились в особый социокультурный институт, а знание французского языка закладывалось с детства, Гааз стремился обеспечить не влияние на русскую культуру текстов западного (римско-католического) христианства, но их присвоение русской культурой.

Институт духовной цензуры, равно как и российский монархический ритуал, судя по всему, не вызывал у Гааза внутреннего протеста. Напротив, государственная политика дисциплинирования и социального контроля представлялась Гаазу «трамплином» для движения дальше, к более настойчивой христианизации, внутренней христианской миссии в России. Во времена доктора Гааза цензурирование печатных изданий для верующего человека обосновывалось благоговением, то есть страхом в чем бы то ни было преступить Божественный закон. В католической Европе институт Индекса запрещенных книг существовал с XVI в., церковное цензурирование печатных изданий было делом обыденным. Незадолго до рассмотренных нами событий необходимость духовной цензуры подтвердил Папа Григорий XVI в энциклике «*Mirari vos*» (1832), осуждавшей многообразные проявления религиозного индифферентизма. В этой энциклике были отвергнуты любые намерения уничтожить институт цензуры.

МКДЦ исполнял волю правительства, принимая в книгоиздательских проектах Гааза все, что было созвучно государственным нормативным актам и политическим настроениям эпохи. Общий тон во взаимоотношениях цензоров с Гаазом задавал законодательный запрет на прозелитизм в России. Наем иностранных специалистов не предусматривал развертывание этими специалистами, в том числе медиками, каких-либо неоговоренных проектов в идеологической сфере.

Цензура не возражала, когда с проповедью христианского благонравия члены Тюремного комитета обращались к грубому и импульсивному тюремному контингенту. Упомянутая выше книга, приучавшая читателя очищать речь от любого злословия и ругательств из любви к Богу, прошла через цензуру без серьезных осложнений. Неприемлемыми оказались попытки Гааза продвигать авторов Католической церкви в образованной среде.

Библиография

Сокращенные названия архивов

ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы

Источники

Рукописи

ЦГАМ-50

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 50, Журнал заседаний Московского комитета для цензуры духовных книг за 1841 г.

ЦГАМ-52

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 52, Журнал заседаний Московского комитета для цензуры духовных книг за 1843 г.

ЦГАМ-1752

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1752, О рукописи, поступившей от Ф. Гааза, «А. Б. В. христианского благонравия», 1841 г.

ЦГАМ-1880

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1880, О книге *“Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde”*, 1842 г.

ЦГАМ-1955

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1955, О книге *“Histoires et paraboles du Père Bonaventure Giraudeau”*, 1843 г.

ЦГАМ-2037

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 2037, О рукописи *“Discours prononcé après la consécration de l'église de la très sainte Mère de Dieu... à Moscou le 23 Décembre 1843 par Philarète, métropolitaine de Moscou”*, 1845 г.

ЦГАМ-2157

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 2157, О рукописи *“Considérations sur la souffrances de Notre Seigneur Jésus-Christ”*, 1848 г.

ЦГАМ-3636

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3636, Ежемесячные отчеты о рассмотренных рукописях, книгах и картинах за 1841 г.

ЦГАМ-3641

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3641, Ежемесячные отчеты за октябрь–декабрь 1841 г.

ЦГАМ-3650

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3650, Ежемесячные отчеты о рассмотренных рукописях, книгах и картинах за 1843 г.

ЦГАМ-3654

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3654, Ежемесячные отчеты за октябрь–декабрь 1843 г.

ЦГАМ-3662

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3662, Ежемесячные отчеты о рассмотренных сочинениях за 1845 г.

ЦГАМ-3663

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3663, Ежемесячный и годовой отчет о сочинениях, рассмотренных в 1846 г.

Литература

АБВ 1840

А. Б. В. христианского благонравия: Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений, [Москва, 1840].

АБВ 1842

А. Б. В. христианского благонравия: Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или О начатках любви к ближнему, [Москва, 1842].

Беркут 1911

Беркут Н. К., Записки, *Исторический вестник*, 126 (12), 1911, 876–905.

Блохина 2013

Блохина Н. Н., Клинические взгляды врача-гуманиста Ф. П. Гааза (первая четверть XIX века). К 200-летию выхода в свет труда F. J. Haas "Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810" (М., 1811) — Ф. П. Гааз «Моя поездка в Александровские воды в 1809 и 1810 гг.» (М., 1811), *Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры*, 90 (4), 2013, 57–62.

Васильева 2017

Васильева С. А., Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ XVIII века, *Диалог со временем*, 61, 2017, 191–203.

Гааз 1912a

[Гааз Ф. П.], Копия с завещания Ф. П. Гааза (из архива моск<овского> надворного суда), *Шукинский сборник*, 10, 1912, 340–344.

Гааз 1912b

[Гааз Ф. П.], Завещание Федора Петровича Гааза, *Русский архив*, 2 (6), 1912, 206–211.

Гернет, 1–4

Гернет М. Н., *История царской тюрьмы*, 2-е изд., 1–4, Москва, 1951–1954.

Зорин 2001

Зорин А., *Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*, Москва, 2001.

Карпук 2013

Карпук Д. А., Материалы фонда Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) как исторический источник по истории духовной цензуры в XIX в., *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 4, 5 (21), 15.10.2013 (<http://mes.igh.ru/s207987840000574-0-1>; дата последнего обращения: 25.07.2019).

Кондаков 1998

Кондаков Ю. Е., *Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)*, С.-Петербург, 1998.

Кони 1968

Кони А. Ф., Федор Петрович Гааз: Биографический очерк, Кони А. Ф., *Собрание сочинений*, 5, Москва, 1968, 288–422.

Корсунский 1893

Корсунский И. Н., *Русская благотворительность: Филарет, митрополит Московский, и Ф. П. Гааз*, Москва, 1893.

Котович 1909

Котович А., *Духовная цензура в России (1799–1855 гг.)*, С.-Петербург, 1909.

Лемке 1904

Лемке М., *Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия*, С.-Петербург, 1904.

Морозова 1993

Морозова Н. П., Библиотека дворян Башмаковых-Верещагиных (XVIII – начало XIX в.), *XVIII век*, 18, 1993, 351–363.

Нежный 2002

Нежный А., сост., коммент., *Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе*, Москва, 2002.

Омэнн 1994

Омэнн Д., *Христианская духовность в католической традиции*, пер. с англ., Рим, Люблин, 1994.

Рейфман 2014

Рейфман П. С., *Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России*, 1, Москва, 2014.

Смирнова 2010

Смирнова И. Ю., К вопросу о западных влияниях в гомилетике святителя Московского Филарета (Размышления над «Келейными записками» святителя), *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3, 2010, 224–240.

Филарет 2004

[Филарет (Дроздов), митр.], Келейный дневник святителя Филарета, *Филаретовский альманах*, 1, 2004, 21–70.

Филарет, 1–5

[Филарет (Дроздов), митр.], *Творения. Слова и речи*, 1–5, Москва, 2003–2007.

Фирсов 2013

Фирсов В. Р., ред., *Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: библиографический справочник*, С.-Петербург, 2013.

Флоровский 1991

Флоровский Г., *Пути русского богословия*, Вильнюс, 1991.

Ходзинский 2004

Ходзинский П., О келейном дневнике святителя Филарета, *Филаретовский альманах*, 1, 2004, 6–20.

Чаадаев 1900

[Чаадаев П. Я.], Из переписки Чаадаева. 1845 г. По поводу статьи в журнале "Le Semeur": "Un sermon à Moscou", *Вестник Европы*, 12, 1900, 465–476.

Чаадаев, 1–2

Чаадаев П. Я., *Полное собрание сочинений и избранные письма*, 1–2, Москва, 1991.

Bakhmetyeva 2016

Bakhmetyeva T. V., *Mother of the Church: Sofia Svechina, the Salon and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France*, DeKalb, 2016.

Beckmann-Kuhn 2012

Beckmann-Kuhn J., Medizin als Lebenspraxis des Humanen: Studien zum Lebensweg des Arztes und Philanthropen Friedrich Joseph Haas (1780–1853) im Umbruch von Aufklärung, Revolution und Restauration (Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades am Historischen Institut der RWTH, Aachen, 2012).

François 1820

[François de Sales], *Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde*, Paris, 1820.

Giraudeau 1837

[Giraudeau B.], *Histoires et paraboles du Père Bonaventure Giraudeau, suivies de diverses autres histoires et paraboles, et d'un abrégé des principales vérités de la religion*, Paris, 1837.

Jones, 1–4

Jones D., ed., *Censorship: A world encyclopedia*, 1–4, London, Chicago, 2001.

Philarète 1844

[Philarète Drozdov], Un sermon a Moscou, *Le Semeur, journal philosophique et littéraire*, 13 (40), 1844, 318–319.

Thomas, 1–2

[Thomas de Jésus], *Les Souffrances de Notre Seigneur Jésus-Christ pendant sa Passion*, trad. G. Alleaume, 1–2, Paris, 1692.

References

Bakhmetyeva T. V., *Mother of the Church: Sofia Svechina, the Salon and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France*, DeKalb, 2016.

Blokhina N. N., Klinicheskie vzglady vrachagumanista F. P. Gaaza (pervaia chetvert' XIX veka). K 200-letiiu vykhoda v svet truda F. J. Haas "Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810" — F. P. Gaaz «Moia poezdka v Aleksandrovskie vody v 1809 i 1810 gg.» (M., 1811), *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury*, 90 (4), 2013, 57–62.

Chaadaev P. Ya., *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma*, 1–2, Moscow, 1991.

[Filaret (Drozdov), mitr.], Keleinyi dnevnik sviatitelia Filareta, *Filaretovskii al'manakh*, 1, 2004, 21–70.

[Filaret (Drozdov), mitr.], *Tvoreniia. Slova i rechi*, 1–5, Moscow, 2003–2007.

Firsov V. R., ed., *Tsenzory Rossiiskoi imperii. Konet XVIII – nachalo XX veka: biobibliograficheskii spravochnik*, St. Petersburg, 2013.

Florovsky G., *Puti russkogo bogosloviia*, Vilnius, 1991.

Gernet M. N., *Istoriia tsarskoi tiur'my*, 2nd ed., 1–4, Moscow, 1951–1954.

Jones D., ed., *Censorship: A world encyclopedia*, 1–4, London, Chicago, 2001.

Khodzinsky P., O keleinom dnevnike sviatitelia Filareta, *Filaretovskii al'manakh*, 1, 2004, 6–20.

Kondakov Yu. E., *Dukhovno-religioznaia politika Aleksandra I i russkaia pravoslavnaia oppozitsiia (1801–1825)*, St. Petersburg, 1998.

Koni A. F., Fedor Petrovich Gaaz: Biograficheskii ocherk, Koni A. F., *Sobranie sochinenii*, 5, Moscow, 1968, 288–422.

Morozova N. P., Biblioteka dvorian Bashmakovykh-Vereshchaginykh (XVIII – nachalo XIX v.), *XVIII vek*, 18, 1993, 351–363.

Nezhnyy A., ed., *Vrata miloserdiia: Kniga o doktore Gaaze*, Moscow, 2002.

Omenn D., *Khristianskaia dukhovnost' v katolicheskoi traditsii*, Rome – Lublin, 1994.

Reifman P. S., *Tsenzura v dorevoliutsionnoi, sovet-skoi i postsovet-skoi Rossii*, 1, Moscow, 2014.

Smirnova I. Yu., K voprosu o zapadnykh vlianiiaikh v gomiletike sviatitelia Moskovskogo Filareta (Razmyshleniia nad "Keleinyimi zapiskami" sviatitelia), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3, 2010, 224–240.

Vasilyeva S. A., Khristianskaia etika kak intellektual'nyi istochnik britanskikh tiuremnykh reform XVIII veka, *Dialog so vremenem*, 61, 2017, 191–203.

Zorin A., *Kormia dvuglavogo orla. Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka*, Moscow, 2001.

Илья Викторович Семененко-Басин, доктор исторических наук

Российский государственный гуманитарный университет,

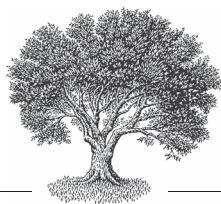
профессор Учебно-научного центра изучения религии

125993 Москва, Миусская пл., 6

Россия/Russia

vivere.est@gmail.com

Received January 28, 2019

Первая сербская писательница: Из истории женской литературы начала XIX века

The First Serbian Female Writer: From the History of Nineteenth-Century Women's Literature

Илья Юрьевич Виноцкий

Принстонский университет
Принстон, США

Ilya Yu. Vinitsky

Princeton University
Princeton, USA

Резюме

В конце XIX в. в сербский национальный литературный пантеон был введен романтический образ Евстахии Арсич (Еустахија Арсић, 1776–1843) как первой сербской писательницы и философи нового времени. Этот образ основывается прежде всего на книге Арсич «Полезная размышления о четырех годишних временех», вышедшей в Будиме в 1816 г. с указанием имени сочинительницы. Во второй половине XX в. жизни и творчеству Арсич были посвящены несколько научных статей и литературная биография. В последние годы этот образ привлек к себе внимание исследователей женской литературы в южно-славянских странах. Исследователи творчества Арсич указывают, что ее «Размышления» написаны под влиянием

---

* Автор выражает глубокую признательность М. Г. Альтшуллеру, Татьяне Артемьевой, Маргарет Бэйсинджер, Адриану Вэннеру, Майклу Вахтелю, Дэвиду Куперу, Маркусу Левиту, Ирэне Лукшич, С. И. Николаеву и А. И. Рейтблату за ценные советы и замечания.

Цитирование: Виноцкий И. Ю. Первая сербская писательница: Из истории женской литературы начала XIX века // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 284–327.

Citation: Vinitsky I. Yu. (2019) The First Serbian Female Writer: From the History of Nineteenth-Century Women's Literature. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 284–327.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.11

западной предромантической (сентиментальной) литературы, освещают широкую проблематику на границе философии, этики, истории, естественных наук, анатомии, физики и религии и вводят в сербскую литературу жанр феминистического эссе. Стихотворения, вошедшие в «Размышления», печатаются в антологиях сербской литературы как оригинальные.

В настоящей статье показывается, что представления об оригинальности, европейской образованности, космополитизме, личном тоне, философском даре и поэтическом таланте Евстахии Арсич сильно преувеличены и что ее авторский образ является культурным конструктом, созданным на определенном этапе формирования сербской национальной литературы и востребованным и переосмысленным в более позднее время. В работе установлено, что «Полезная размышления» Арсич являются компиляцией статей, трактатов и стихотворений, опубликованных в российских журналах и сборниках конца 1780-х — начала 1810-х гг. Эти произведения (включая несколько сочинений Н. М. Карамзина) были перенесены в книгу с минимальными орфографическими и грамматическими изменениями (например, замена мужского рода оригинала на женский) и без указания на источники. Работа составителя «Размышлений» в целом свелась к тому, чтобы «христианизировать», «авторизовать», «национализировать» и «феминизировать» переведенные российскими авторами сентиментальные тексты. Предложенные в работе наблюдения и размышления не только устанавливают прямые источники «славяно-русской» книги «первой сербской писательницы» и описывают процесс усвоения и присвоения «чужого» как стадию национального и литературного самоутверждения «молодой» родственной культуры, но и дают материал для более общего — филологического и литературоведческого — исследования «славяно-русского» периода в истории сербской литературы в частности и «панславянского» предромантизма в целом. Случай Арсич представляет интерес и для сравнительного исследования формирования национальных авторских «пантеонов» и гендерной истории русской и других славянских литератур.

Ключевые слова

Евстахия Арсич, сербская литература, русский сентиментализм, Карамзин, проблема перевода, национализм, женская литература, «феминизация», мистификация

Abstract

At the end of the nineteenth century the Romantic image of Eustahija Arsić (1776–1843) was introduced to the Serbian national pantheon as the first Serbian woman writer and philosopher of the modern age. This image was based first and foremost on her book “Useful Thoughts on the Four Seasons” which appeared in Budim in 1816 under that author’s name. In the second half of the twentieth century several scholarly studies and a biography were devoted to Arsić. More recently this image has attracted the attention of scholars of women’s literature in South Slavic countries. These scholars note that her “Thoughts”, while influenced by Western pre-romantic (sentimentalist) literature, illuminate a wide range of fields, including philosophy, ethics, history, natural science, anatomy, physics, and religion, while at the same time they introduce the genre of the “feminist essay” into Serbian literature. The poems that are included in “Thoughts” appear in anthologies of Serbian literature as original poems by Arsić.

The present essay shows that the ideas about the originality, European erudition, cosmopolitanism, personal tone, philosophical gifts and poetic talent are highly exaggerated, and that the image of this author is a cultural construct that was created at a certain stage of the formation of Serbian national literature and was reconceived at a later time. The essay establishes that Arsić's "Useful Thoughts" is a compilation of essays, tracts, and poetry that appeared in Russian journals from the late 1780s to the early 1810s. These works (including some by Nikolai Karamzin) were transferred into her book with minor orthographic and grammatical changes (e.g. masculine noun endings are changed to feminine ones) and without any indication of the source. The work of the compiler of "Thoughts" consisted solely in taking the sentimental texts of Russian male authors and attributing them to a pious female author. The essay does not simply give the direct sources of this "Slavono-Russian" book of "the first Serbian woman writer" and describe the process of adaptation of the "foreign" as a stage of the national and literary self-affirmation of the "younger" Slavic culture, but it also offers material for a more general (philological and literary-critical) study of the "Slavono-Russian" period in the history of Serbian literature in particular and "pan-Slavic" pre-romanticism more generally. The case of Arsić is likewise interesting for a comparative analysis of the formation of national literary "pantheons" and for a gender history of Russian and other Slavic literatures.

Keywords

Eustahija Arsić, Serbian Literature, Russian Sentimentalism, Nikolai Karamzin, Translation studies, nationalism, woman's writing, "feminisation", mystification

*Любезне мое друге и сестре! купуйте
книжице, пренумерирајте се, уписујте
имена дражайша ваша, да се споминџмо,
доклесмо живе здџ въ краткомџ времени
жизни; а и када се кџ Богу преселимо, наџиџе
у књигама имена наша потомци наши, и
споминяџе, и видиџе дае и садешнџга века
нашегџ пола читателница было¹.*

Евстахија Арсич

*Довольно вы играли мной,
Теперь другими вы играйте,
Меня пустите на покой.*

Анонимный перевод стихов
из «Жиль Блаза» А.-Р. Лесажа²

1. Портрет на чашке

В истории сербской литературы Евстахија Арсич [Еустахија Арсић, 1776–1843] известна как просветительница, последовательница Досифея Обрадовича, хозяйка одного из ранних сербских литературных салонов, поборница сербского женского образования в Австрии, меценатка и, наконец, первая со времен средневековой монахини Евфимии сербская писательница и даже протофеминистка, вполне оправдавшая «поређење [сравнение. — И. В.] са Жорж Санд» [Koch 2007: 161; Јовићевић 2014; Лош 2014]³.

¹ «Любезные мои друзья и сестры! Купите книжицу, подпишитесь на нее, впишите туда дражайшие имена ваши, чтобы мы помнили их, пока мы еще здесь живы в краткое время сей жизни; а когда переселимся к Богу, наши потомки найдут в книгах наши имена, и вспомнят, и увидят, что и в нынешнем веке были читатели нашего (женского) пола» [Арсич 1816: 14].

² Цит. по: [Гуковский 1933: 382].

³ См. библиографију Арсич на посвященной ей странице на сайте «Књиженство, теорија и историја женске књижевности на српском језику до 1915. године» (дата обращения: 01.06.2019), подготовленной Белградским университетом: <http://knjizenstvo.etf.bg.ac.rs/sr/authors/eustahija-arsic>. Здесь же дана краткая биографическая справка об Арсич: «Прва српска списатељица после Јефимије и прва жена из Србије која је штампала своја књижевна дела. Рођена је у породици Цинцић у Иригу, 14. марта 1776, а умрла у Араду 17. фебруара 1843. године. О њеном школовању нема много података, али се зна да је била образована. Читала је Рајића, Доситеја, Стојковића, Кенгелца и Јулинца. Тек после удаје за племића Саву Арсића, дугогодишњег сенатора и градског начелника арадског почиње да се бави књижевним радом».

Репутация Арсич зиждется на двух книгах, написанных на так называемом славяно-сербском языке, использовавшемся сербской образованной элитой в Габсбургской империи до реформы литературного языка Вука Караджича⁴, и напечатанных гражданским шрифтом, — (1) короткой брошюре «Совѣтъ матерній предрагой обоего пола юности сербской и валахійской» (1814)⁵, включавшей программное обращение к «дражайшим читателям и читательницам рода моего» о пользе чтения⁶ и несколько хвалебных и утешительных стихотворений-песен, написанных от лица просвещенной женщины, и (2) 160-страничном томе дидактических философских, научных и поэтических текстов «Полезная размышления о четырехъ годишнихъ временехъ» (1816), поднесенном от ее имени в дар Сомборским православным подготовительным училищам «на просвѣшчєніє јуности» [Гавриловић 1970: 364-365].

«Первой писательницей сербской» Арсич назвал поэт Григорий Якшич в «Песне», посвященной ей и ее мужу Савве Арсичу — «тридцатьлетнему Гражданаучнику Старо-арадскому, и Предуготовническихъ Училищъ Валахійскихъ многозаслуженному мѣстному Директору» [Якшичъ 1815]⁷. В периодизации сербской литературы, предложенной Лазарем Боичем в том же 1815 г., имя Арсич значится первым в алфавитном списке представителей нового периода сербской литературы [Боичъ 1815: 25]. «Првой у народу своему писательки» посвятил в 1820 году Павле Берич свой перевод «Агатона» Виланда [Берић 1820]. В «Сербске лѣтописи» за 1827 г. Георгий Магарашевич отмечал, что Арсич «у српској литератури перва од свога нежнога пола изданијем различни по већој части поетически дјела вниманије и почитаније себи добила»⁸. В 1833 г. писатель и переводчик Иоаким Вуич посвятил ей в благодарность за покровительство свое «Животописание» и коротко

⁴ В периодизации сербского литературного языка, предложенной Б. Унбегауном, язык Арсич характерен для третьего, предреформенного, этапа, охватывающего 1780-е — 1800-е гг.: это язык «славяно-сербский», близкий к русскому высокому «штилю» [Толстой 1988: 100]. О «русской струе» и использовании русского языка в сербской литературе XVIII в. см.: [Скерлић 1909: 194–221; Гудков 1977].

⁵ Эта маленькая книжка была посвящена женой арадского бургомистра Арсич просветителю Урошу Несторовичу — надзирателю народных «восточного несоединенного Исповедания Училищъ», в том числе и предуготовительного Староарадского. Арад — город в современной Румынии — стал в начале XIX в. одним из центров славяно-сербского просвещения [Панић 2015: 67–69].

⁶ «Јако женскій польъ есть цвѣтєніє на земли у вертограду Божию» [Арсичъ 1814: 25].

⁷ Стихотворение было написано по радостному случаю произведения супругов в степень благородства «въ спомен щедро излиняныхъ Ими на отчественныя Музы милостей», случившегося 5-го декабря 1814 г., и подписано инициалами Г. Я[кшичъ].

⁸ «Летопис Матице српске» (1827), књ. 10, 18.

рассказал о печально сложившейся супружеской жизни своей благодетельницы [Вуич 1833: 97–98]. Потом о ней на полвека забыли.

В конце XIX в. романтический образ Арсич как первой сербской писательницы нового времени был введен в национальный литературный пантеон Иљей Огњановичем и Данилой Живалевичем в статьях, опубликованных в журнале «Явор» [Огњановић 1891; Живальевич 1891]⁹. В этих и некоторых других работах была предпринята попытка реконструкции биографии Арсич, где подчеркивались мотивы несчастной судьбы писательницы, ее скорби по третьему мужу, объяснявшей, по мнению биографов, ее отказ от литературной деятельности, и ее легендарной красоте [Петровић 1959: 63]. Во второй половине XX в. жизни и творчеству Арсич были посвящены несколько научных статей. В 2001 г. вышла ее «итоговая» биография, написанная Владимиром Миланковым. В последние годы этот образ привлек к себе внимание исследователей женской литературы в южно-славянских странах и был растиражирован во множестве газетных и сетевых публикаций национально-патриотического характера.

Показательно, что заметное оживление общественного интереса к полупоэтичной фигуре Арсич совпало с «чудесным» обнаружением ее портрета на фарфоровой чашке, случайно найденной одним из потомков ее первого мужа. Сообщивший об этом открытии автор (Ладислав Варга [Варга 2001]) даже представил себе картину, как юная красавица в своем роскошном салоне пьет чай из этой чашки работы известного австрийского мастера Бауэра, не предполагая, сколь ценным для потомков окажется ее образ два века спустя¹⁰. С тех пор этот портрет постоянно поме-

⁹ Любопытно, что в номерах «Явора» за тот же год печаталась драматическая поэма о первой женщине-поэте Сафо.

¹⁰ См. статью об Арсич в сербской Википедии: https://sr.wikipedia.org/wiki/Евстахија_Арсич (дата обращения: 01.06.2019).

щают в антологии и словари сербских писателей. Есть он, разумеется, и в сербской статье об Арсич в *Wikipedia* и ее английской версии. С публикацией этого сомнительного портрета мифологизация образа первой сербской писательницы получает свое логическое завершение.

Наиболее развернутую характеристику творчеству Арсич дает английская исследовательница и переводчица Селия Хоксворт (Celia Hawkesworth) в книге, посвященной сербским и боснийским писательницам:

Вся ее деятельность как умудренной жизненным опытом женщины была вызвана желанием быть полезной и поучать современников с помощью своих практических советов в различных областях жизни и философских размышлений, которые она считала одинаково важными. Ее сочинения вдумчивы, красноречивы, серьезны и ясны. Они свидетельствуют о ее впечатлительном уме и глубокой преданности своему делу в эпоху, когда участие сербской женщины в какой-либо литературной деятельности было почти неслыханным. Исследователь XX века Милан Богданович указывает на то, что интонация ее сочинений отличается от сочинений мужчин-современников и выдает специфически женское начало¹¹ [Hawkesworth 2000: 93; здесь и далее перевод мой. — И. В.].

В настоящей статье речь пойдет о второй, гораздо более амбициозной, нежели «Совѣтъ матерній»¹², книге Арсич, вышедшей в Будиме в 1816 г. с указанием имени сочинительницы. Ее полное название — «Полезная размышленія о четырехъ годишнихъ временехъ, съ особеннымъ прибавленіемъ о Трудолюбіи челоувѣка, и оттуду происходящей всеобщей ползѣ, сочиненна и на свѣтъ издавна Еустахіею отъ Арсичъ» [курсив мой. — И. В.].

2. Очаровательная энциклопедическая личность

В 1891 г. «Полезным размышлениям» Арсич посвятил библиографическую заметку Д. Живалевич, отметивший европейскую образованность ее сочинительницы, знакомой со многими научными вопросами [Живальевич 1891: 141]. Исследователи творчества Арсич указывают, что ее «Размышления» написаны под влиянием западной предромантической (сентиментальной) литературы, освещают широкую проблематику на границе философии, этики, истории, естественных наук, анатомии, физики и религии и вводят в сербскую литературу жанр

¹¹ [B]etrays a specifically feminine quality».

¹² В целом эта книжка вписывается в ряд родительских наставлений юношеству, популярных как в церковно-славянской школьной традиции, так и в секулярной просвещенческой (ср. советы матерей и воспитательниц де Бомон, Жанлис и т. д.). О риторических особенностях и идеологии этой книги см.: [Јовићевич 2014].

феминистического эссе («феминистеског есеја») [Koch 2007: 28; Кох 2007: 161]. Автора «Размышлений» называют талантливой писательницей и поэтессой, подражавшей немецким, французским и английским сентименталистам. Одна из первых исследовательниц ее творчества предположила, что Арсич была еще и талантливой переводчицей, включившей в «Полезные размышления» свое вольное переложение «Времен года» Дж. Томсона, сделанное с «какого-то немецкого перевода» [Петровић 1959: 68]. Стихотворения, вошедшие в «Размышления», печатаются в антологиях сербской литературы как оригинальные [Лесковац 1953; Милослављевић 2004; Радовановић 1981]. В 2013 г., то есть почти через двести лет после первой публикации, тщанием общества румынских сербов книга Арсич была перепечатана в Темишоаре с предисловием, примечаниями и приложением известного нам портрета писательницы [Арсич 2013].

В своей книге С. Хоксворт дает подробный обзор содержания «Полезных размышлений», который мы приведем полностью как отправную точку для наших собственных наблюдений и размышлений:

Предисловие предупреждает читателя об опасности оказаться во власти мнимостей и иллюзий и использует метафору театра для того, чтобы показать, как привлекателен, но обманчив и зачастую губителен для человека материальный мир. Автор призывает читателя изучать этот мир с осторожностью и полагаться на собственный разум и силу критического суждения, которые позволяют ясно видеть правду за обманчивой наружностью.

За предисловием следует *гимн божественной славе*, превосходящей все земные виды славы и подчеркивающей подчиненность человеческого разума, восплаемого в книге, высшей власти Создателя.

В состав книги входят *два длинных раздела-сочинения и многочисленные короткие статьи-фрагменты*. Первое из длинных сочинений посвящено *теме четырех возрастов человека* — детству, юности, зрелости и старости [...]. В жизни любого человека есть время для беззаботного веселья, время для избавления от иллюзий, время для размышления и для того, чтобы поделиться с другими мудростью, накопленной в результате полезной и добродетельно прожитой жизни.

Второе длинное сочинение состоит из *стихотворений на каждое время года, за которыми следуют аллегорические рассуждения в прозе, опять же посвященные четырем фазам человеческой жизни*. Часть этих отрывков выражают, несмотря на некоторую неловкость языка изложения, *достаточно сложные философские мысли*.

Короткие фрагменты охватывают самый широкий круг вопросов: полезность философии для человеческого рода; простор для деятельности человека в обществе; любовь к Богу, отличающая человека от животного;

значение трудолюбия; важность воспитания в себе таких положительных чувствований, как умение довольствоваться малым и не становиться рабом страстей; представление о человеке как, в первую очередь, биологическом существе; воспитание разума путем учения, приближающего читателей к достижениям великих европейских народов; благотворное влияние природы; необходимость культивирования хорошей крови¹³ — *интригующая смесь научного языка с философией и этикой*; приуготовление себя к смерти без страха; тайная связь между всеми сторонами сложной человеческой личности; место человека между землей и небом и Театр жизни; *образование как путь, помогающий людям сообща приблизить более просвещенное будущее, в прямом соответствии с волей Господа*.

Книга завершается несколькими медитативными стихотворениями в форме молитв и гимнов, в которых автор обращается к мысли о смерти и прямому общению с Богом в безмолвии ночи, и все сочинение заключается последней прощальной молитвой [Hawkesworth 2000: 95–96; курсив мой. — И. В.].

Из этого детального обзора Хоксворт выводит образ замечательной сербской женщины периода национального возрождения:

Эта книга открывает нам замечательную личность, мудрую, рассудительную, хорошо начитанную, с огромной жаждой знаний и непреодолимым желанием поделиться этой стастью с соотечественниками. Тематический диапазон этой книги неизбежно условен в контексте идей Просвещения, которые она продвигает и, таким образом, является в известной степени анахроничным для времени появления книги. Между тем, *в авторском контексте эта книга представляет собой яркий и убедительный документ, предлагающий своим читателям значительное разнообразие тем для ознакомления и размышления*. Книга также впечатляет многообразием представленных в ней стилей и жанров: Арсич уверенно себя чувствует как в простом стихотворении, славящем природу, так и в мистическом гимне Богу и сложном рассуждении о биологии человека и морали [Hawkesworth 2000: 96; курсив мой. — И. В.].

Еще дальше в своей апологии Арсич идет польская исследовательница Магдалена Кох. По ее мнению, случай Евстахии Арсич представляет собой особый литературный феномен, выражающий страстное стремление славянской женщины к знанию и способность говорить и писать о нем на своем собственном, индивидуальном языке [Koch 2007: 32–33].

В самом деле, Арсич, владевшая, как указывают ее биографы, несколькими европейскими языками (в частности, немецким, английским, румынским, латинским, греческим и французским), следовала

¹³ «[T]he need to cultivate good blood».

в своем сочинении сентиментально-просветительской традиции второй половины XVIII в., и ее книга полезных размышлений была одной из первых философско-дидактических книг на славяно-сербском языке.

Но была ли она *автором* этого дидактико-метафизическо-лирического сочинения? В предлагаемой статье мы покажем, что представления об оригинальности, европейской образованности, космополитизме, личном тоне, философском даре и поэтическом таланте Евстахии Арсич сильно преувеличены и что ее авторский образ, как мы полагаем, является культурным конструктом, созданным на определенном этапе формирования сербской национальной литературы и востребованным и переосмысленным в более позднее время.

Здесь необходимо оговориться. Мы не ставим под сомнение сложившееся представление об Арсич как хронологически первой сербской писательнице нового времени. Наша задача — историоризировать *литературный* образ сочинительницы «Полезных размышлений», декларированный на титульном листе ее книги. Иначе говоря, нас интересует, *из чего* (раздел 3), *как* (4–5), *в каких условиях* (6) и *с какой целью* (7–8) сделано главное сочинение Евстахии Арсич из Арада.

3. Материал и традиция

Начнем с того, что непосредственное влияние на Арсич оказала не немецкая (английская или французская), но русская литература XVIII в., с которой немногочисленная сербская образованная элита XVIII — начала XIX в. была хорошо знакома [Скерлић 1909: 208–211]. Более того, как нам удалось установить, «Полезные размышления» Арсич (за исключением очень небольшого числа вставок, написанных на славяно-сербском языке, отличным от сербско-русского или даже чисто русского языка помещенных в этой книге текстов) являются компиляцией статей, трактатов и стихотворений, опубликованных в российских журналах и сборниках конца 1780-х — начала 1810-х гг. (большой частью без указания имен переводчиков, но с более или менее детальными указаниями на иностранное происхождение их текстов). Эти произведения были перенесены в книгу целиком или в сокращении и подвергнуты минимальному редактированию¹⁴:

---

¹⁴ Заметим, что шрифт «Полезных размышлений» Арсич идентичен шрифту, использовавшемуся в журнальных изданиях московской университетской типографии «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена» и др. [Шицгал 1974: 69].

Содержание «Размышлений»

Источники

Предсловіе (Благоразумни
читатели!)

Источник не установлен (какое-то церковно-славянское поучение, опубликованное в России в середине XVIII в.?).

Слава (1–4)

Н. Д. Иванчин-Писарев. Истинная слава // Вестник Европы. 1814. Т. 75. С. 60–67

Четыри Возраста человека.
I. Младенецъ. II. Юноша.
III. Мужъ. IV. Старецъ (5–18)

[И. Вердмюллер?]. Четыре возраста человеческие // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 10. № 79. С. 401–410

Філософія (18–20)

Отрывки из философии [Вейсса] // Пантеон славных российских мужей. 1816. Ч. 1. С. 63–64 (перевод 1807 года?)

Человекъ в общеніи живота
(20–22)

[Н. М. Карамзин]. Человек в общении с Богом через религию. Из «Статей из Contemplation de la nature, Боннетова сочинения» // Детское чтение для сердца и разума. 1789. Т. 2. Ч. 19. С. 165–205

Четыри времена годишня. Весна
(23–35), Лето (36–53), Есень
(54–70), Зима (71–81)

[Н. М. Карамзин]. Весна, Лето, Осень, Зима [прозаическое переложение «The Seasons» Дж. Томсона] // Детское чтение для сердца и разума. 1787. Ч. 9. С. 195–205. Ч. 10. С. 193–207. Ч. 11. С. 193–207. Ч. 12. С. 193–206.

О трудолюбію (82–89)

[Н. М. Карамзин]. О Досуге. Сочинение Философа Гарве // Московский журнал. 1792. Ч. 6. С. 167–176.

(Человекъ одаренный разумомъ,
упражняющийся въ науках и
художествахъ) (90–92)

[Н. М. Карамзин]. Человек, одаренный разумом, упражняющийся в науках и художествах. Из «Статей из Contemplation de la nature, Боннетова сочинения» // Детское чтение для сердца и разума. 1789. Т. 2. Ч. 19. С. 165–205.

¹⁵ В настоящей статье мы ограничимся лишь выявлением русских источников «сочинений» Арсич. Подробное сличение последних с русскими переводами и их оригиналами выходит за пределы поставленной нами в этой работе задачи.

О удовольствіи (92–97)

[Н. М. Карамзин]. Годвин У. Нравственные опыты. Английского доктора Годвина. I. Об удовольствиях // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 3. С. 54–61.

(Человекъ рассматриваемый како существо телесно). Человекъ (98–100)

[Н. М. Карамзин]. Человек, рассматриваемый как существо телесное. Из «Статей из Contemplation de la nature, Боннетова сочинения» // Детское чтение для сердца и разума. 1789. Т. 2. Ч. 19. С. 165–205.

О Природе Человека (100–107)

[Н. М. Карамзин]. Homo Duplex: Внутренний человек двойствен. Бюффон // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 54–69.

Просвещеніе Націи и человеческого рода (108–117)

Просвещение наций и человеческого рода // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. С. 33–40.

Изъ согледанія Природы:

1. Невидимое кругообращеніе.
2. Приуготовленіе сока нервъ.
3. Смерть. 4. О молчаніи природы.
5. О увереніи всехъ народовъ о будущемъ. 6. Изъ жизни человека.
7. О определеніи человека посмерти. 8. О будущихъ откровеніяхъ. 9. Заключение (118–145)

[Феофилакт Покровский]. Философические отрывки из созерцания природы // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799 год. Ч. 1. С. 97–120, 145–150.

Молитва отходя ко сну (145–146)

Митрополит Платон. Молитва отходя ко сну // Поучительные слова при Высочайшем Дворе. С.-Петербург, 1780. С. 229.

Нощныя размышленія (146–145)

Нощныя размышления // Картина бытия помышлением созерцаемая, или умственное воззрение на драгоценность жизни. Перевод с Англинского языка. Москва, 1798. С. 12–21.

Гробъ (154–156)

[Н. М. Карамзин], «Кладбище» [впервые опубл. в «Московском журнале» за 1792 г. под названием «Могила». Ч. 7. Кн. 2. С. 109–111].

Слово надъ гробное («Надежда и
щастие сад мне опрощайте...»)
(156)

Тестаментъ (157–159)

[В. Теплов]. «Надежда, щастие,
прощайте» [перевод дистиха из
Греческой антологии (Ап1. Ра1. 9.49).
Завершающие строки кн. 3 «Жиль
Блаза» А.-Р. Лесажа (см. также
четверостишие В. Подшивалова:
[Добрицын 2008: 417])

Иоанн Златоуст. Из 3-й и 4-й бесед //
Святого отца нашего Иоанна
Златоустаго архиепископа
Константинопольскаго беседы на
первую моисеову книгу Бытия
переведенныя с Греческаго на
Российский язык. Ч. I–II. С.-Петербург,
1766

В качестве иллюстрации приведем четыре (любимое число Арсич) взятых наугад фрагмента из ее книги и сравним их с русскими текстами-источниками:

1. Составъ, изъ коего вся отдѣленія
въ тѣлѣ человѣчествѣ, происходятъ,
есть кровь. Изъ нѣе отдѣляется,
желчь, слына, сѣменная жидкость и
сокъ нервъ, весма достойны
примѣчанія особито тыя премѣны,
кои происходе съ послѣднимъ въ
разныхъ періодахъ жизни [Арсичъ
1816: 121–122].

2. Милый и кротчайшій! коликія
примамляемые красоты его! онъ
подобенъ Ангелу, сама любовь
небесная всемогущею десницею
образовала его. Чело его прекрасно
као Май, чистая непорочная душа
сіяетъ въ голубинѣ очію его. На
лилейныхъ образахъ распускаются
пупки ружицы, играетъ нѣжная
брадица его; радостъ разливается во
тонкихъ жилахъ его; на руменыхъ
устахъ покоятся прелестныя Граціи
[Арсичъ 1816: 5].

1. Составъ, изъ котораго все
отдѣленія въ тѣлѣ человѣческомъ
происходятъ, есть кровь: Изъ нее
отдѣляется желчь, слюна, сѣменная
жидкость и сокъ нервъ. Весьма
достойны примѣчанія особливо тѣ
перемѣны, которыя происходятъ съ
послѣднимъ въ разныхъ періодахъ
жизни [Иппокрена 1799: 102].

2. Милая крошечка, ах! сколь
непринужденны красоты его! он
подобенъ Ангелу. Сама любовь
небесная всемогущею десницею своею
образовала его. Чело его прекрасно,
какъ Май. Чистая непорочная душа
сіяетъ уже в голубыхъ глазенкахъ его;
на лилейныхъ щечкахъ распускаются
алыя розы, и играетъ нѣжная улыбка;
радость разливается въ васильковыхъ
жилкахъ его; на алыхъ устахъ его
покаются прелестныя Граціи
[Приятное и полезное... 1796: 401].

3. Безмолвіе, мрачность,
величественная чета, о Вы, коихъ
присутствіе укрѣпляетъ душу, и
коихъ невидимая сила возставляетъ
падшаго уныніе человѣка, и
утверждаетъ его на собственномъ
разумѣ! способствуйте мнѣ! [Арсичъ
1816: 147].

4. Часто жаркій югъ собираетъ сильную
непогоду и погубляетъ дѣланія
цѣлаго года, сначала едва движутся
верьхови деревь и тихій шумъ чуесе
среди колеблющихся нива, когда
вѣтаръ усилится, тогда вся атмосфера
приходитъ въ волнованіе и ужаснымъ
рвеніемъ весь міръ трепетати
станетъ, тогда главе деревь
приклоняются до самага корена ихъ,
и покрываютъ землю зеленымъ
листьемъ [Арсичъ 1816: 60].

3. Безмолвіе, мрачность,
величественная чета, о вы! коихъ
присутствіе укрѣпляетъ мою душу, и
коихъ невидимая сила возставляетъ
падшаго въ уныніе человѣка, и
утверждаетъ его на собственномъ
разумѣ, способствуйте мнѣ! [Картина
бытія 1789: 12].

4. Часто жаркой Югъ собираетъ
сильную непогоду и погубляетъ
работы Года. Сначала едва движутся
верьхи деревь, и тихой шумъ слышенъ
среди колеблющихся нивъ. Когда же
вѣтръ усиливается; когда вся
атмосфера приходитъ въ волненіе и
ужаснымъ ревомъ весь міръ трепетать
заставляетъ: тогда глава лѣсовъ
преклоняется до самага корня ихъ, и
покрываетъ землю незрѣлыми
листьями [Карамзин 1787а: 198].

Совершенно ясно, что перед нами не оригинальное произведение, а *de facto* сборник (или антология) «красот» русского нравоучительного сентиментализма (в основном московских журналов конца 1780-х — 1790-х гг.), составленный и «несколько осербленный» (выражение Н. И. Толстого [Толстой 1988: 216]) и архаизированный его благочестивой ценительницей. Принципом отбора заимствованных текстов, насколько мы можем судить, является их отношение к заглавной теме книги — размышления о четырех временах года и степенях жизни. Очевидна генетическая связь этого сборника не только с обычными для века Просвещения собраниями поучений, занимательных сведений, переводных «магазинов» (З. Орфелин, П. Стойшич) и «физико-теологических» размышлений, но и со старинной славянской традицией «вертоградов», церковношкольных сборников и тематических коллекций душеполезных размышлений, — традицией, «не исчезнувшей даже в XVIII веке на юге славянства и на Руси в среднем и нижнем течении «века просвещения»» [Сперанский 1904: 566; Idem 1963: 101–102].

Конечно, уже сами по себе выбор и объединение заимствованных из чужой литературы текстов в одну книгу могут быть интерпретированы как творческий акт составителя, но удивляют масштаб этих практически дословных, «однойязычных», заимствований и лингвистическая неоднородность — вплоть до какофонии — книги в целом: церковно-

славяно-сербское вступление сменяется чуть осербленным русским книжным языком XVIII в., в состав некоторых русских текстов введены сербские (диалектные) интерполяции, замена отдельных русских слов, букв и грамматических форм на сербские проводится крайне непоследовательно. Добавим также, что в книге отсутствует какой-либо план, нет оглавления, стихотворные тексты написаны в разных версификационных системах, есть большое число опечаток и незаконченные предложения. Создается ощущение, что «Полезные размышления» — в отличие от другого сочинения Арсич, «Совѣт матерний», — написаны на двух (или даже трех, если считать церковно-славянские вставки из Псалтири) языках и на скорую руку, и это торопливое «смешенье» трудно объяснить исключительно диглоссией сербской элиты и неустоявшимся (еще не состоявшимся) сербским литературным языком и еще не кодифицированной грамматикой того времени [Hawkesworth 2000: 96].

Единственное, что соединяет части этой книги, помимо общей (и то не для всех текстов) темы, — это указание на то, что все они «сочинены и на свет изданы» госпожою Евстахиєю Арсич в венгерском Будиме в 1816 г.

Разумеется, заимствование сербским автором начала XIX в. русских литературных произведений является вполне рядовым явлением. Исследователь русско-сербских литературных связей П. А. Кулаковский писал, что

русская рукопись или печатная книга в общем сознании была также и сербскою, понятною и, так сказать, своею для тогдашнего просвещенного серба, а если при переписке или перепечатке производились в таком русском произведении некоторые перемены в выражении, то они были ничтожны и часто крайне непоследовательны.

Более того, «в общем сознании сербов готово было укрепиться убеждение, что язык русской письменности XVII и даже XVIII века есть именно тот литературный язык, которым должна пользоваться сербская письменность» [Кулаковский 1903: 1–2]¹⁶. Исследователи указывают, что в основе «сербской эксплицитной и имплицитной поэтики перевода XVIII в.», наиболее ярко представленной в творчестве Досифея, была классицистическая и просветительская «концепция перевода-адаптации» [Сибинович 1989: 36–37]¹⁷. В то же время историкам

¹⁶ Личные библиотеки образованных сербов вплоть до конца 1810-х гг. включали в основном церковно-славянские и русские книги. Русские священники постоянно приглашались сербскими дворянами и богатыми купцами в качестве учителей [Заболотский 1908; Скерлич 1909: 208–211].

¹⁷ Первым сербским переводом из русской поэзии XVIII в. М. Сибинович называет перевод Дошеновича «Разговора с Анакреоном», автор которого, по мнению

литературы известны почти дословные «переводы» на славяно-сербский произведений русских поэтов XVIII в., причем без указания на авторство или с присвоением себе одного (ср. подобные «переводы» од Державина [Францев 1924: 60–61; Заболотский 1908: 282–283; Сибинович 1989: 37])¹⁸. Известны сербской образованной элите были и произведения Карамзина (правда, до сих пор считалось, что первые переводы из его сочинений появились на сербском языке значительно позже [Вулетич 1976: 113–115]).

И все же случай Арсич, до сих пор не замеченный в литературе о сербско-русских литературных связях, представляется нам заслуживающим особого внимания. Речь, повторим, идет о 160-страничной книге, целиком составленной из почти не обработанных русских переводов европейских авторов XVIII в.¹⁹

Где могла познакомиться жена арадского бургомистра с этими текстами? Московские сентиментальные журналы и альманахи, разумеется, могли находиться в личной библиотеке четы Арсич или в арадском школьном книгохранилище (имя Арсич часто встречается в списках подписчиков первой трети XIX в. [Петрович 1959: 64–65])²⁰. Русские книги и журналы можно было купить в новосадской книжной лавке, найти в библиотеке королевского Пештского университета или в книжных собраниях просвещенных сербов, тяготевших к русской культуре²¹. Вполне вероятно, что помощь в создании и публикации сборника

исследователя, стремится отойти от русского текста и изменяет смысл оригинала [Сибинович 1989: 30–31].

¹⁸ Сибинович утверждает, что переведенная и «присвоенная» Статамовичем ода «На смерть князя Мещерского» (у сербского автора — «Плач на смерть преосвященнейшего Г. Иосифа Путника, епископа темишварского и пр.») является не плагиатом, но поэтической переработкой, обусловленной стремлением переводчика «передать сербскому читателю с помощью церковнославянизмов высокий стиль произведения, выражающего печаль в связи с кончиной высокопоставленного лица» [Сибинович 1989: 37] и создать «новое, свое произведение» [Сибинович 1989: 38]. Такие переводы, по мнению исследователя, следует рассматривать в контексте острой «дискуссии вокруг славяно-сербского и русско-славянского литературных языков» [Сибинович 1989: 31–32].

¹⁹ Заметим, что сербский просветитель Йован Раич в своем собрании «избранных историй» «Цветник» (Будим, 1802) указывал, что это перевод немецкой книги *Accela philologica*. Составитель близкого книге Арсич по жанру сборника «Должности человека» Петр Стойшич также указывал в заглавии, что его написанная на славяно-сербском языке книга «изъ разныхъ иностранныхъ изданій» собрана «и во едино тѣло» составлена (Будим, 1816). «Смешенье языков» в книге Арсич выделяет ее на фоне других книг того времени, написанных на славяно-сербском языке, включая ее собственную книгу «Совѣтъ матерний».

²⁰ Теоретически можно допустить, что в ее распоряжении уже был какой-то готовый рукописный сборник (прототекст), привезенный из России или составленный в Сербии.

²¹ Между тем следует отметить, что указанных выше журналов нет в «Каталоге разных церковных, молитвенных, исторических и школьных сербских и славянских

Евстахии Арсич мог оказать кто-то из покровительствуемых ею и ее мужем знатоков и почитателей русской словесности, вроде упоминавшегося выше Г. Якшича, жившего в царствование Павла I в России и писавшего стихи как по славяно-сербски, так и по-русски²², или переводчика Павла Берича, впоследствии посвятившего Арсич свой перевод виландовского «Агатона»²³. (Разноязычность и хаотичность сборника вполне может объясняться участием в его создании нескольких сотрудников-переписчиков.) Как бы то ни было, работа составителя «Размышлений» в целом свелась к тому, чтобы «христианизировать», «авторизовать», «национализировать» и «феминизировать» переведенные российскими авторами-мужчинами сентиментальные тексты.

4. Обароченный сентиментализм

Начнем с того, что Арсич последовательно архаизирует (славянизирует) язык русского сентиментализма и стремится избежать крайностей его идеологии в соответствии с религиозно-нравоучительной традицией, влиятельной в сербской литературе XVIII в. Можно сказать, что она переводит русскую сентиментальную прозу и поэзию *назад*, в досекулярную или полусекулярную барочную традицию²⁴. В этом смысле заглавие и композиционный принцип книги Арсич (времена жизни-года) свидетельствуют не столько о непосредственном влиянии на нее просветительского сентиментализма, сколько о восприятии ею русской сентиментальной топики сквозь призму старой религиозно-аллегорической традиции изображения четырех «степеней» природы и жизни (о ее сербском изводе см.: [Thomson 2000: 262–263])²⁵. С. И. Николаев любезно указал нам в этой связи на славянскую параллель к творчеству Арсич — барочные сочинения «первой» польской поэтессы XVIII в. Эльжбеты Дружбацкой (Elżbieta Drużbacka, ок. 1695–1765),

---

книг, которија находјатсја у г. Дамјана Каулициј книгопродавца в Новом Саде» (Будим, 1804).

²² Известно, что Якшич изучал философию в Пеште и был хорошо знаком с просветительскими идеями. Состоял на русской военной службе и в 1801 г. получил от Павла I мальтийский орден. Хорошо знал русскую литературу конца XVIII в. В 1817 г. вернулся в Россию, где опубликовал несколько своих сочинений [Достян 1989: 16–23].

²³ Немецкий путешественник по сербским землям О. фон Пирх приписал этот перевод Арсич (равно как и переводы «Задига» Вольтера и «Времен года» Томсона) [Pirch 1830: 166–169].

²⁴ Обращение Арсич с «чужими» текстами ближе переводческой практике Симеона Полоцкого [Николаев 2004: 11–19], нежели переводам-переложениям Карамзина.

²⁵ Барочный характер носит и Предисловие к книге Арсич, в котором «широкий свет» сравнивается с театральным позорищем. О сербской барочной традиции см.: [Павић 1970].

выпустившей в 1752 г. свой единственный сборник «духовных, па- негирических, моральных и светских стихотворений», включавший «Opisanie czterech części roku» (сборник был издан тщанием ее друга и патрона, назвавшем ее в предисловии «польской Сапфо» и «Сарматской музой») [Hawkesworth 2001: 18].

Приведем наиболее яркий, с нашей точки зрения, пример идеоло- гической архаизации Арсич заимствованных источников (причем при их почти дословном цитировании в тексте книги!). В состав «Размы- шлений», как указано в названии книги, Арсич включила «особенное прибавление» «О Трудолюбии человека, и оттуда происходящей всеоб- щей пользе». Как мы установили, источник этого текста — карамзин- ский перевод из Гарве, датируемый 1792 г. и потом перепечатанный во всех изданиях «Пантеона иностранной словесности». Но в этот текст, заимствованный Арсич почти дословно, включены несколько принци- пальных (если не сказать полемических) изменений.

Прежде всего, Арсич меняет слово «досуг» на слово «трудолюбие» в заглавии и во всем тексте фрагмента и таким образом переводит важ- ную для карамзинского сентиментализма апологию вольному состоя- нию человека (условие «спокойной деятельности») в традиционное для жанра религиозно-педагогических поучений прославление трудолю- бия как христианской добродетели:

Карамзин, «О досуге, сочинение философа Гарве.

Досугъ есть нѣчто святое»

Подъ досугомъ разумѣю я то состояніе человѣка, въ которомъ ему свободно заниматься тѣмъ, что для него пріятнѣе ... Досугу противны два рода жизни: жизнь дѣловаго человѣка и разсѣянная жизнь [Карамзин 1792а: 167].

Кто можетъ говорить о досугѣ, не упомянувъ о сельской жизни и наукахъ? Нигдѣ досугъ такъ не пріятенъ, какъ въ деревнѣ; никакимъ предметомъ не можетъ онъ быть столь хорошо занятъ, какъ науками [Карамзин 1792а: 172].

Арсич, «О трудолюбію»

Подъ трудолюбіемъ я разумѣвамъ то состояніе человѣка, въ коемъ ему свободно предудимати дѣло то, кое за нѣга пріятнѣе... Трудолюбію противни два рода жизни: жизнь дѣлательнаго человѣка, и разсѣянiя жизни [Арсич 1816: 82].

Кто можетъ говорити о трудолюбію, а не поминати всегда сельскую жизнь и науку? Ни гди трудолюбіе ніе тако пріятно, као въ селѣ; но никаковымъ предметомъ не можетъ онъ быти полезанъ и способанъ, као наукомъ просвѣщенный [Арсич 1816: 87].

Отъ досуга весьма отлична
праздность; сія послѣдняя есть
бездѣйствіе, а досугъ есть внѣшняя
возможность произвольной,
самоизбранной, и слѣдственно
благороднѣйшей дѣятельности
[Карамзин 1792a: 127].

Съ другой стороны уединеніе и
прилѣжное ученіе скорѣе всего
могутъ наскучить въ городскихъ
стѣнахъ, даже и тому, кто безъ
помощи другихъ людей умѣетъ
находить удовольствіе [Карамзин
1792a: 176].

Отъ трудолюбія весьма отлична
праздность, лѣнивацъ ничего самъ
способанъ обрѣсти, но аще что и
наслѣдитъ, твердостію, безъ
добродѣтели и благодѣянія хранить
[Арсич 1816: 83].

Но прилѣжное ученіе скоро можетъ
украсити ю, и тако понравится ему и
находить удовольствія, и кромѣ
градскихъ стѣнахъ, способныхъ и
разумныхъ людей [Арсич 1816: 89].

Во-вторых, Арсич архайзирует карамзинский стиль и включает в русский текст вставку о добродетельной жизни, написанную на славяно-сербском языке. Наконец, в-третьих, условием деятельного счастья в сельском уединении Арсич называет, в отличие от Карамзина-Гарве, не искреннего друга, любящего науки и природу, а благочестивую жену, разделяющую любовь своего супруга к учению и природе (программный перевод Карамзина превращается таким образом в апологию добродетельной семейной жизни, характерную для религиозно-моралистической традиции):

Карамзин: И когда есть у него другъ,
который подобно ему любитъ Природу
и Науку; еслили обстоятельства
позволяютъ ему еще дѣлать
благодѣянія нѣкоторымъ людямъ, и
служить другимъ: тогда въ сельской
жизни своей будетъ онъ совершенно
дѣятеленъ, и насладится всѣмъ
щастіемъ, которымъ человѣкъ, по
ограниченной своей натурѣ, можетъ
здѣсь наслаждаться [Карамзин 1792a:
176].

Арсич: а еще коему осмѣивается
щастіе: иматъ ли **супругу**, любезнаго
друга своего подобно ему, **коя**
любитъ природу и науку; и когда
обстоятельства позволяютъ имъ,
творити благодѣянія нищимъ, и
добродѣтелию служити другимъ, тогда
въ селской жизни своей будетъ онъ
совершенно дѣятелен, и насладится
всѣмъ щастіемъ, коимъ человѣкъ, по
ограниченной своей натурѣ, можетъ
здѣ наслаждаться [Арсич 1816: 89].

В свою очередь, *полное* отсутствие указаний на источники в книге Арсич свидетельствует об укорененности ее литературного сознания в старой книжной традиции, считавшей статус текста выше статуса автора [Левин 1995; Варда 2016]. Конечно, анонимные заимствования и так называемые литературные кражи были типичны или даже «пандемич-

ны» для светской словесности XVIII в. [Рак 1998; Симанков 2015], но, в отличие от средневекового (точнее, барочного и ранне-просвещенческого) представления об авторстве, они в эту эпоху понимались как проблемные и не раз становились причиной литературных споров и скандалов [Николаев 2004]. Примечательно, что к концу этого столетия в русской сентиментальной традиции такие заимствования стали восприниматься как этически недопустимые. Так, Карамзин осуждал «некоторых из наших писцов, или писателей, или переводчиков» за то, что они поступают «непростительнейшим образом», обманывая простодушную публику на счет авторства публикуемых ими переводов: «Самая гражданская честность обязывает нас не присваивать себе ничего чужого, ни делами, ни словами, ни *молчанием*» [Карамзин 1791: 218].

Очевидно, что Арсич была крайне далека от представлений об авторстве, которые в 1810-е гг. более или менее утвердились в литературной традиции, откуда она заимствовала все тексты для своей книги. Старый принцип она применила к новому материалу, увенчав получившийся том своим собственным именем²⁶.

В этой связи весьма показательным является почти дословное использование Арсич переводов самого Карамзина (последний печатал их анонимно, но указывал, откуда они были взяты). Так, в заключительную часть «Размышлений» она включает стихотворный диалог «Гроб», который польская исследовательница ее творчества, не знавшая о его источнике, назвала «средневековой моралистической сценой», разыгрывающей пессимистическое и оптимистическое представления о смерти [Koch 2007: 31]. На самом деле, это стихотворение Арсич является «несколько осербленным» переложением «Могилы» («Кладбища») Карамзина (в свою очередь, вольного переложения стихотворения немецкого поэта Л. Козегартена (1758–1818) «Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit...»).

Судя по всему, это была первая публикация произведения Карамзина в сербской литературе, и потому имеет смысл процитировать ее полностью en regard с русским оригиналом.

²⁶ Одной из главных задач перевода в XVIII в. была разработка возможностей национального языка, способного выразить «мысль» и «чувство» подлинника [Левин 1995; Рак 1998; Rosslyn 2000] и даже соперничать с более престижным языком переводимого текста. Таким образом, перевод превращался в своего рода «seizure of power, more than anything else, any transfer of anything at all» [Lefevere, Bassnett 1990: 8]. Между тем, Арсич имеет дело с очень близким ей и ее окружению языком. Перед нами явно не соперничество переводчика с языком более «продвинутой» культуры, но своего рода культуртрегерское заимствование, вполне законное в ее литературной среде, но анахроничное в контексте «престижной» европейской (и русской) литературы 1810-х гг.

Гробъ (1816)

Первый Гласъ
Страшно во гробъ холодной и темной!
— Вѣтры дыхаютъ, гробы трясутся
бѣлыя кости, рушется.

Другій Гласъ
Тихо во гробъ, спящимъ спйоконо (sic!)
Вѣтры дыхаютъ, прохладу даютъ,
травки и цвѣтки на гробу растутъ.

Первый
Мравы и червы, точетъ умершихъ,
Въ мудрыхъ главѣ жабе гнѣзятся
красоту тѣла, змѣи щипаютъ.

Другій
Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ
кротокъ;
Во гробъ нѣтъ буры; нѣжнія пыщи
пѣсни на гробъ поютъ.

Первый
Тамо обитаютъ черніе враны;
Алчныя птице; хищніе звѣри,
Съ ревомъ копаютъ землю.

Другіи,
Мали чверчекъ во травѣ зеленой,
Со миломъ своіомъ дружиномъ тамо
Отдыхаетъ, Голубъ спитъ на креспѣ
умершихъ.

Первый:
Запахъ со маглою, густо мѣшаясь,
пливаютъ тамо въ воздухъ душномъ,
древо безъ лѣстія кодъ главе стоитъ,

Другій,
Тамо строится во воздухъ свѣтломъ
Пари благовонный любичици и
любковъ босилка,
цвѣткіи прекрасни муриса полніи.

Первый
Путникъ боится мертвой юдоли;
ужась и трепеть чувствуя въ сердцѣ,
мимо гробіа спѣшитъ

Могила (1792)

Одинъ голосъ.
Страшно въ могилѣ, холодной и темной!
— Вѣтры тамъ воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

Другой голосъ.
Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры тамъ вѣютъ, спящимъ
прохладно, Травки, цвѣточки растутъ.

Первой.
Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣзятся,
Змѣи въ кропивѣ шипятъ.

Второй.
Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ,
кротокъ;
Въ гробъ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ.

Первой.
Тамъ обитаютъ черные враны,
Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

Второй.
Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубъ на вѣточкѣ спитъ.

Первой.
Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухъ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

Второй.
Тамо струится въ воздухъ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ ясиновъ, лилей.

Первой.
Странникъ боится мертвой юдоли;
ужась и трепеть чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.

Другій

Путникъ возлагаєть крестное знаменіе,
и сматра обитель вѣчнаго міра,
тамо остається на вѣки

[Арсичь 1816: 154–156].

Второй.

Странник усталый видитъ обитель
Вѣчнаго міра — посохъ бросаю,
Тамъ остається на вѣкъ

[Карамзин 1792б: 109–111].

Хотя изменения, внесенные Арсич, являются незначительными (она скорее портит текст источника, нежели адаптирует его), несложно заметить, что «внутри» ее «Размышлений» это диалогическое стихотворение, принадлежащее кладбищенской поэзии XVIII в., включается в ряд лирических и нравоучительных медитаций о будущей участи человека и предваряет собой короткое стихотворение о «покое души», озаглавленное «Слово надъ гробное», и завершающий книгу прозаический «Тестаментъ», взятый из переведенных на русский бесед св. Иоанна Златоуста.

Иначе говоря, философия смерти, представленная в заимствованном из русской сентиментальной традиции стихотворении, оказывается составной частью гибридного барочно-просветительского образа благочестивой и мистически настроенной сербской писательницы, последовательно создаваемого в подписанной именем Арсич книге. Показательно, что разнородные литературные тексты, взятые ею из русских светских журналов, соединяются (сплетаются) друг с другом в ее сочинении с помощью стихов из Псалтири и заключительным словом «Полезных размышлений» является «Аминь» [Арсичь 1816: 159].

5. Натурфилософия Арсич

Что же представляет собой философия природы в книге Арсич, вызвавшая столь лестные оценки исследователей? Особый интерес здесь представляет самый длинный натурфилософический текст, включенный в «Размышления», — девять фрагментов о созерцании природы, истечении эфира из атмосферы, молчании природы, будущих откровениях, кровообращении, «соке нервъ» и воздушных каналах, по которым созревшая душа человека переходит в вечность. Именно в этих физиолого-метафизических резиньяциях исследователи обнаруживают недюжинный философский дар первой сербской писательницы («an intriguing mixture of scientific language with philosophy and ethics» [Hawkesworth 2000: 96]), ее энциклопедическую ученость, крайне редкую для сербской женщины того времени [Koch 2007: 32–33] и вообще уникальную для балканской культуры начала XIX в. [Петровић 1959: 69].

Как мы знаем, Арсич этот текст не сочиняла и не переводила, но практически дословно воспользовалась напечатанными в русском

журнале «Иппокрена» философскими фрагментами полунатуралистического-полумистического сочинения об «экономии природы, которая относится собственно к человеку, а особливо к его участи после сей жизни» [Приятное и полезное..., 1797: 189]. Эта публикация давно атрибутирована Феофилакту Покровскому — «философу горы Алаунской», тульскому учителю юного В. А. Жуковского и чувствительному собеседнику помещика-литератора А. П. Орлова, автора ультра-сентиментальных «Утех меланхолии»²⁷. В очерке, посвященном Покровскому, Н. С. Тихонравов предположил, что его сочинение представляет собой либо переложение «Созерцания природы» Шарля Бонне, либо собственную вариацию «Алаунца» на натурфилософские темы [Тихонравов 1898: 35]. Татьяна Нешумова также связывает общие размышления Покровского о явлениях физического мира (кровообращение, движение тела под действием силы и т. п.) с трудами швейцарского естествоиспытателя [Нешумова 2007: 27].

Между тем, как нам удалось установить, Покровский пользовался другим источником, имевшим мало общего с философией природы знаменитого ученого-натуралиста (не связан он и с влиятельной «Экономией природы» Карла Линнея). На самом деле тульский учитель и сочинитель перевел первую часть анонимной немецкой брошюры 1782 года «Die Ökonomie der Natur», озаглавленную «Über den Menschen und sein Schicksal nach dem Tode» (возможно, с французского перевода 1783 г.). Автором этого странного сочинения, представлявшего собой полемику с материализмом в целом и с «Système de la nature» Поля Гольбаха в частности [Curran 2012: 181], был датский дипломат барон Андреас Петер фон Бернсторфф (Andreas Peter von Bernstorff)²⁸.

Вернемся к философическим рассуждениям Арсич. Мы видим, что ее книга является не только языковым, но и идеологическим коктейлем, в котором смешаны самые разные по своему происхождению ингредиенты. Популярный церковно-славянский сборник поучений о добродетели «Ифика Иерополитика», духовная поэзия Псалтири, беседы Иоанна Златоуста и молитва митрополита Платона, фрагменты из

²⁷ Философские отрывки из созерцания природы // Иппокрена. 1799. Ч. I. 97–120, 129–134, 146–150. [Библиографическое описание было выше, может быть, здесь убрать?] Первая часть перевода Ф. Покровского, вышедшая ранее в «Приятном и полезном препровождении времени» (Иппокрена. 1797. Ч. 14–15), не привлекла внимания Арсич.

²⁸ Эта книга была переведена на французский и английский языки и вызвала ряд едких критических откликов (см.: *L'année littéraire* [1783]. Vol. 4. P. 290–315). Английский рецензент этой книги назвал ее «[A] strange whimsical rhapsody about nature and natural operations by an honest German, unacquainted with the most common facts» [The Critical Review 1791: 357]. Об атрибуции этой книги Бернсторффу см.: [Barbier 1822: 358; Nowitzki et al. 2018: 421].

Бюффона и «Боннетова Созерцания природы» в переводе Карамзина, его же переложение томсоновских «Времен года», русские выдержки из философии «дамского писателя» Вейсса и юнговских ночных дум соединены в этой книге с мистической натурфилософией маргинального немецко-датского автора, переведенного на русский язык провинциальным учителем и философом-дилетантом.

Между тем, у этого смешения идей есть своя внутренняя логика или, точнее, задача. Новое (для молодой сербской литературы) вино Арсич разливает в старые мехи. Функция (натур)философских заимствований в ее книге заключается не столько в ознакомлении читателя с новейшими научными открытиями в физике, биологии, анатомии и проч., сколько в иллюстрации с помощью заимствованных примеров основных религиозных догматов и барочных аллегорий (мир как театр; возрасты или степени жизни-года-природы-бытия). Действительно, вся «научность» заключающего ее книгу трактата сводится к утешительному обращению сочинительницы к несчастным людям, «коих смутни часы поваждает меланколия с всемо следствиями» [Арсичь 1816 144]. Приведем это обращение en regard с его русским источником:

Арсич

(релігія) законъ есть превосходнѣйшая утѣшительница; она говоритъ о будущей жизни въ величественіихъ писаніяхъ, изслѣдывающій духъ хотѣ тако узнать, фузіческую возможность дѣла. Къ сему я толико способствова, колико могохъ, садъ схожду съ (театра) позорища, и отдаю своя испытанія изслѣдованію человѣкомъ разумнымъ [Арсичь 1816 145].

Ф. Г. Покровский

Религія есть превосходнѣйшая утѣшительница; она говоритъ о будущей жизни въ величественныхъ картинахъ. Изслѣдывающій духъ хочетъ также узнать физическую возможность дѣла. Къ сему я столько способствовалъ, сколько могъ. Теперь схожу съ театра и отдаю свои испытанія изслѣдованію людей разумныхъ [Иппокрена 1799: 150].

Еще одной — если не главной — функцией философических резиньаций в «Полезных размышлениях» является своеобразное повышение авторского статуса их сочинительницы, которая оказывается способной не хуже писателей-мужчин говорить на высокие метафизические темы в рамках все еще влиятельной в сербской литературе церковно-книжной культуры.

В то же время архаизирующее озвучивание Арсич чужого текста (вдвойне чужого — ведь она пользовалась русскими переводами английских, немецких и французских сочинений) не только свидетельствует об укорененности ее авторского сознания в старой книжной

традиции. Парадоксальным образом это цитирование представляет собой крайний случай показательного для предромантизма литературного усвоения (апроприации) заимствованного произведения, когда «чужое» начинает выражать и моделировать «свое», говорить о «собственных» мыслях и чувствах переводчика и учит читателя «правильно» выражать свои мысли и эмоции [Топоров 1981; Зорин 2016; Vinitsky 2015]. Причем, как показывает опыт Арсич, чем ближе язык оригинала к языку переводчика, тем, вероятно, легче и естественнее оказывается сам процесс вживания в «чужое» и выстраивание собственной литературной личности (мы бы назвали последний «эффектом Пьера Менара» — борхесовского героя, переложившего «Дон Кихота» с испанского на испанский с целью создания собственной авторской индивидуальности).

6. Партия сочинительницы

Рассмотрим образ создательницы «Размышлений» в актуальном для него историко-литературном контексте. Следует подчеркнуть, что литературная биография Арсич подозрительно коротка и, по сути дела, сводится к двум годам. В 1814 г. 38-летняя жена арадского градоначальника-просветителя и сторонница просвещенного Досифея публикует свою первую книгу, посвященную инспектору народных православных училищ в Пеште и Араде, только что представившему ее мужа к имперской награде. Потом она печатает вторую книгу и умолкает до конца своей долгой жизни. Первой сербской писательницей она названа была, как мы помним, в оде 1815 г., написанной по случаю получения супругами Арсич венгерского дворянства за просветительскую и благотворительную деятельность. После выхода второй книги Арсич ее имя включается в список новейших сербских сочинителей, составленный одним из покровительствуемых арадской четой авторов. Другой автор ее круга, посвятивший свой перевод из Виланда Арсич как «ревностной сей книги помощнице», ранее поднес, по ее поручению, 400 экземпляров «Полезных размышлений» в дар Сомборским подготовительным училищам [Гавриловић 1970: 364–365].

После смерти Саввы Арсича (1824) выходит в свет только одна нравоучительная статья Евстахии (1829), также, по всей видимости, составленная из переводов и неизвестно когда написанная [Арсичь 1829]²⁹. Конечно, можно допустить, что ею были сочинены и какие-то

²⁹ В состав этой дидактической статьи вошли 6 кратких притч и поучений: «Стараць и три младића» (несомненно, адаптация одноименной басни Лафонтена, популярной и в русской литературе XVIII в.: И. И. Дмитриев, Д. И. Хвостов), «Благоразумие», «Праведливость», «Мужество», «Умеренность», «Благопристойность», «Честность».

другие, не дошедшие до нас произведения³⁰, но факт остается фактом: как писательница Арсич возникла и исчезла в период с 1814 по 1816 г., и ее скромная литературная деятельность тесно связана с начальным периодом в истории сербских и валахских православных школ в Австрии и пропагандой сербского мужского и женского образования последователями Досифея Обрадовича³¹.

Знаменательно, что обе книги Арсич появились в период активизации сербского книгоиздательства в Габсбургской империи, совпавший с окончанием наполеоновских войн, политикой австрийских властей в поддержку сербского народного просвещения и быстрым развитием второго сербского восстания против турок, поддержанного Российской империей и закончившегося признанием внутренней автономии османских сербов³². По нашим подсчетам, только с 1814 по 1816 г. в Будиме вышло около 50 книг гражданской печати на славяно-сербском языке, написанных в самых разных жанрах, причем заметную часть этих сочинений составляли переводы или переделки русских произведений и оды, посвященные сербскими авторами российскому царю — победителю Наполеона и освободителю Европы — и его австрийскому и прусскому союзникам [Новаковић 1869: 94–106]³³.

Восторженные (несомненно, навеянные русской поэзией XVIII в. — от Ломоносова до Карамзина) стихи о России — помощнице сербского народа и примере успешного решения стоящей перед сербами задачи национально-культурного становления — писал на славяно-русском (иногда почти не отличимом от русского) языке Григорий Якшич — автор оды в честь Арсич и ее мужа³⁴:

---

³⁰ Б. Панич предположил, что Евстафия была автором трогательной стихотворной эпитафии, выбитой на надгробии ее матери и мужа [Панић 2015: 72]. Сохранились письма и завещание Арсич, краткие воспоминания о ней современников и сведения о ее благотворительной деятельности в Араде [Idem 2014]. Биографические сведения об Арсич собраны в [Бугарски 2014; Idem 2016].

³¹ Хотя первую школу для сербских девочек повелела завести еще императрица Мария-Терезия в 1770-е гг. [Павић 1979: 77], историю систематического женского образования в Сербии обычно отсчитывают с 1840-х гг. [Dojčinović, Pantelić 2014: 122].

³² Третья фаза, выделяемая Павичем в истории габсбургского просветительства славянских подданных империи [Павић 1979: 76–77].

³³ Характерный пример такого сербско-русского творчества представляют собой стихи Г. Якшича, вышитые по канве державинской песни: «Громъ побѣды разгласися, / Да ликуетъ храбрый Русс, / Святый союзъ да хвалится, / Совокупно съ ними Пруссъ, / Славу Князей и союза / Да возвъститъ моя муза» [Якшић 1814: 1].

³⁴ Эпиграф к этой оде Якшич взял из патриотического стихотворения архимандрита Лукиана Мушицкого, посвященного сербскому литературному возрождению («Михаилу Вишковичу», 1811).

Грядетъ вѣкъ златый и блистаетъ
Парнасъ, приходомъ веселитъ;
Отрадъ источникъ изливаетъ,
Трудящимся славу дѣлитъ.

Грядетъ, и волнами Дуная
Къ Нептуну въ черный Понтъ бѣжитъ,
Оттуду ж' сія вѣсть новая
Ко хладному Норду* [сноска: Россія. — И. В.] спѣшитъ.

[...] Не музы л' кротки сему виною?
Что Россія уже цвѣтетъ,
Просвѣщенъ есть причиною,
Что знаній свѣтъ ныне блеснетъ.

[...] В средѣ зависти, в средѣ гоненья
— Созрѣлъ и у насъ наукъ плодъ,
Как Досифеа была желанья, —
Отверзаетъ темность нашъ Родъ.

[...] Въ дни наши узримъ вѣкъ сатурній,
Возникнетъ Греція и Римъ.
На брезѣхъ Дуная Афины
Увидимъ и Иерусалимъ.

О том, что «Размышления» Арсич вписываются в контекст патриотической сербской литературы того времени, свидетельствует интерполяция, посвященная «многомудрому и милостивейшему» австрийскому императору, пекущемуся о народном просвещении и «преимуществах художников», и его отважному воинству, одно имя которого вызывает скрежет зубовый в роде Мохамедском. В эту вставку также включена апология душеполезного чтения и красот «славянского языка»:

[М]ожемо ли чувствованія наша утаити отъ новина на нашемъ матернемъ езъку, изъ коихъ сва Царства, Цареве, мѣста, и градове, сраженія, Польководце, наше Бранителѣ познаемо Чтеніемъ нарави наше украшавамо, мысли обогащавамо, домостроеніемъ мудро управлямо, у трудолюбію прилѣжавамо, мысмы домохранителнице, као матице у кошниці [Арсичъ 1816: 13].

Впрочем, едва ли и эту эмоционально-заряженную вставку (равно как и другие интерполяции на эту тему) можно назвать оригинальным (в современном смысле слова) творчеством Арсич. Перед нами не столько характерное для переводов XVIII в. «склонение» на национальные нравы или «подражание литературному авторитету с добавлением “от

себя”» [Николаев 2004: 6], сколько парафраз апологетических описаний мудрых жен, которые мы находим в церковно-славянской нравоучительной литературе и просветительских сочинениях Досифея.

Исследователи женской литературы в славянских странах [Blas 2014: 136; Francikova 2017: 10–11] обращают внимание на тот факт, что для формирования национальных культур первой трети XIX в. был характерен запрос на образ женщины-писательницы (некоторые феминистские критики видят в этом запросе своего рода wishful-thinking и форму контроля над женской субъективностью со стороны авторов-мужчин [Alexandrova 2014: 160–162])³⁵. В отдельных случаях, как показал чешский ученый В. Мацура, этот культурный запрос приводил к созданию фиктивных писательниц, причем одним из способов такого мифотворчества было приписывание реальным женщинам (иногда уже отметившимся какими-либо сочинениями) произведений, написанных мужчинами от их имени³⁶.

Не были ли амбициозные «Полезные размышления» мистификацией, созданной кем-то из патриотически настроенных арадских или пештских литераторов и опубликованной и распространяемой, с согласия самой Арсич, от ее имени? Иначе говоря, не является ли Арсич — реально существовавшая образованная женщина, сочинительница маленькой нравоучительной книжицы и добродетельная супруга арадского благотворителя и директора народных приготовительных училищ — такой полезной для общенационального дела литературной маской или, перефразируя выражение Ю. Н. Тынянова, «мнимой»³⁷ (точнее, полумнимой) писательницей и философкой?

У нас нет материальных подтверждений этой исторически вполне правдоподобной гипотезе, но совершенно очевидно, что в *театре* современного мира (любимая барочная метафора Арсич) «имплицитный автор» (implied author) «Размышлений» играла «завещанную» Досифеем Обрадовичем роль благочестивой просвещенной жены-матери,

³⁵ Так, молодой русский поэт Жуковский инициировал и контролировал переводческую деятельность своих родственников Вельяминовых, а затем Протасовых [Vinitzky 2015: 58–60]. О значении переводов, сделанных женщинами в России XVIII в., см.: [Rosslyn 2000]. Сентименталистские истоки русской женской литературы рассматриваются в исследовании Урсулы Штолер *Disrupted Idylls* [Stohler 2016].

³⁶ О чешских примерах см.: [Masura 1995: 110; Francikova 2017: 10–11]. В русской традиции одной из первых фиктивных сочинительниц была придуманная издателем «Журнала для милых» Анна Безнина, «урожденная кроатская княжна “Трубеска”» [Вацура 2002: 400]; по всей видимости, полумистификациями являются литературные образы Елизаветы Кульман [Лосева 2012: 20] и Сарры Толстой.

³⁷ «Меньше всего я способен отрицать значение мнимых величин в литературе. Поэтому вымышленные, отраженные поэты становятся реальностью» [Тынянов 1977: 538].

дарящей своими полезными и мудрыми словами достигших национально-культурной зрелости соотечественников и соотечественниц³⁸. И в этом действе не является существенным то, что «исчадия нежного чувствования» имплицитной сочинительницы «Размышлений» частично или целиком взяты из разных русских журналов и сборников, — ведь это и есть ее заученная, присвоенная и отвечавшая ожиданиям ее преимущественно мужской аудитории литературная партия.

7. Феминизация как прием³⁹

Собственно говоря, на сцену своего центонного сочинения «первая сербская писательница» выходит крайне редко. В ее книге всего несколько более или менее пространных интерполяций: обращение от лица женщины к читателям (см. эпиграф к этой статье), вставка о роли матери с полемической отсылкой к церковно-славянской «Ифике Иерополитике» (в заимствованном у Карамзина переложении «Осени» Томсона!), славословия сербским женщинам, родному языку и австрийскому императору (в одном случае Арсич заменила дифирамб Александру I на гимн его августейшему австрийскому союзнику Франциску I — «Избавителю Европе, и Освободителю кровопролития рода человеческого, кое двадцать летъ невинно проливася» [Арсичь 1816: 3])⁴⁰.

Помимо этих вставок, в книге используется небольшой набор приемов, создающих иллюзию присутствия и оригинальности его объявленной на титуле сочинительницы. Приведем несколько характерных примеров такой литературной «материализации» автора.

Исследователи отмечают, что описание каждого времени года в тетралогии Арсич «Четыри времена годишня» открывается стихотворным зачином, предваряющим дальнейшее метафорическое, политическое или научное развитие соответствующей темы [Миланков 2001: 164;

³⁸ В своих сочинениях Досифей постоянно обращался к теме женского образования и роли просвещенных женщин в свете — от Коринны, девицы Фивейской, состязавшейся в поэзии с Пиндаром, и мудрой Аспазии, которую Сократ называл своим учителем, до Елизаветы Английской и Екатерины Великой [Обрадовић 1807: 152]. Показательно, что саму Арсич прозвали «женски Доситеј» [Радовановић 2006: 30; Кох 2012: 32].

³⁹ О феминизации литературы в сентименталистскую эпоху см.: [Vowels 1994]. В случае Арсич феминизация литературного текста не ведет к созданию языка и образа современной европейской чувствительной женщины. Целью этого приема является создание образа благочестивой просвещенной и патриотически настроенной жены.

⁴⁰ Ср.: «[Ч]тениємъ всякій часъ одоховенія може се усаждавати, у светковне дне, и дуге зимнѣ ноћи, Церковне кнѣге возводе сердца наша къ Богу, и ползуемое у Славенскому языку, кнѣге Церковне духомъ святымъ чрезъ Писателя писане, духу Божію у человѣку обитающу открывають премудрость, и волю къ заповѣдемъ Божіимъ» [Арсичь 1816: 14].

Koch 2007: 31; Hawkesworth 2000: 95]. Одна из «песен» этого тетралог-а, «Весна», была даже помещена в антологию старой сербской поэзии 2004 г. как оригинальное стихотворение [Милосављевић 2004].

Вот начало этого текста в книге Арсич:

Створителю тебѣ хвала буди
на дарма,
Красна весна садъ настае
веселѣ свима,
Гонить зиму жестокою
къ сѣверу,
Являются пріятная нама
времена
Солнце жарко посылаетъ намъ
лучи своя,
Жаромъ своимъ растопляетъ
снѣжныя груды,
Превращаетъ ихъ въ солную воду,
Горы зеленыя главы своя
движутъ къ небесамъ
Веселися о юности
весна настае!
Хвалу подай Сотворителю щедрому.

— Много пути еще возвращается зима, съ бурями своими доносить
мразъ на блѣдое утро...

[Арсичь 1816: 23–24].

Несложно заметить, что в основе этих стихов, предваряющих прозаический текст, — первые предложения карамзинской «Весны» (как уже указывалось, вольное прозаическое переложение первой части поэмы Дж. Томсона «Времена года»), разбитые на стихотворные строки и (с некоторыми отклонениями) силлабически ритмизированные:

Наступаетъ весна и гонить къ северу жестокою зиму. Вездѣ является пріятная перемена. Солнце возвышается, низпосылаетъ лучи свои на землю гораздо прямѣе, жаромъ своимъ растопляетъ снѣжныя громады и превращаетъ ихъ въ мутную воду, а горы воздымаютъ къ небесамъ зеленѣющія главы свои.

Часто еще возвращается зима съ бурями своими и налагаетъ цепи мраза на блѣдное утро... [Карамзин 1787б: 195].

Такими же псевдооригинальными стихами, выделенными, очевидно, с целью придания большей эмоциональности философским медитациям лирической героини, начинается и завершающая тетралог Арсич «Зима»:

Возлюбленная нѣжная сердца
Юности,
Пѣвала самъ вамъ радости
весенняя,
Веселое красно лѣто и влажну
есень,
Садъ воспѣвамъ сердцамъ вашимъ
грозную зиму,
Послѣднюю пѣснь мою
егда умолкну.
Спѣшить, спѣшить бѣдна зима
жизни моя.
Хладнѣютъ нервы моя, вѣщаютъ
конецъ,
Скоро, скоро смерть грозная
Сразитъ мя косомъ,
Не остается отъ существа
токмо хладный прахъ,
Споменте мя со пѣснями
Любимцы музы,
Се существо намъ пѣвала
пріятни пѣсни,
Ту я жертву потребуемъ благодарности.

— Спѣшить, спѣшить мрачная зима, провождаема парами, облаками и бурей. Благословлю тебе мрачность, мнѣ сродственная!

[Арсичь 1816: 71–72].

Опять же, Арсич здесь не сочиняет, но варьирует и разбивает на стихотворные строки прозаический зачин «Зимы» Карамзина:

Спѣшить, спѣшить мрачная Зима, провождаемая парами, облаками и бурей. Благословляю тебя, мрачность, мнѣ сродственная! благословляю васъ, ужасы зимніе, среди коихъ я родился! Въ часы радостнаго утра жизни моя, воспитываемый въ безпечномъ уединеніи, радостно пробѣгалъ я области твои, о Зима! ступалъ по чистому снѣгу, имѣя чистую душу; внималъ шуму вѣтровъ, не заглушаемому шумомъ страстей, коихъ имена мнѣ едва извѣстны были. Пріятное воспоминаніе, извлекающее теперь слезы изъ глазъ моихъ! [...] Юныя сердца! я пѣлъ вамъ радости Весеннія, веселіе Лѣта и пріятную важность Осени: теперь воспую вамъ грозную Зиму, послѣднюю пѣснь мою, и навсегда умолкну. Спѣшить, спѣшить Зима жизни моя: хладнѣющая кровь моя возвѣщаетъ ея приближеніе. Когда же грозная смерть сразитъ меня своею косою; когда въ семь мірѣ отъ существа моего останется единый хладный прахъ: тогда, о любимцы Музы моя! тогда посѣтите могилу мою, омочите ее жаркою

слезоу и скажите: пѣвецъ, котораго кости здѣсь покоятся, воспѣвалъ намъ пріятныя пѣсни. Вотъ единая жертва, которой требую отъ благодарности вашей! [Карамзин 1797в: 193].

Одним из самых характерных приемов Арсич является более или менее последовательная замена мужского рода оригинала на женский, с помощью которой создается иллюзия «личного» (здесь — женского) впечатления от меняющейся природы (напр., «певала» вместо «пель»).

Подобную феминизацию мы наблюдаем и в других «переводах» Арсич, включенных в ее «Размышления»:

Какъ вѣчность можетъ принадлежать
толь брѣнному существу?
[Картина бытія 1798: 13].

Безразсудный! я обѣщаль себѣ
постоянныя удовольствія на
прѣмѣчивомѣ позорищѣ міра
[Картина бытія 1798: 18].

Како можетъ вѣчность принадлежати
толь брѣнному существу, *мне,*
неимѣющей ни часа собственнаго?
[Арсичь 1816: 148].

Безразсудная! я обѣщала себѣ
постоянная удовольствія на
примѣчивомѣ позорищѣ міра
[Арсичь 1816: 151].

(Позволим себе «в скобках» привести аналогию, наглядно иллюстрирующую гендерную апроприацию, используемую в книге Арсич. Представим, что пушкинские стихи «Я вас любил безмолвно, безнадежно, / То робостью, то ревностью томим; / Я вас любил так искренно, так нежно, / Как дай вам бог любимой быть другим» переложены были бы на родственный славянский язык так: «Любила вас безмолвно, безнадежно, / То робостью томима, то тоской; / Любила вас тако искренно, тако нежно, / Као дай вам Бог любимым быть другой». При чем прелатгатель этих строк не сослался бы на поэта П. и опубликовал их как свои собственные...)

Надо сказать, что феминизированные переложения Арсич действительно ввели в заблуждение ее немногочисленных исследователей. Так, заключительная строфа процитированных выше «стихов» Арсич о «Зиме» приводится в работах о ней как образец ее оригинального творчества — своего рода завет первой женщины-писательницы потомкам:

Спомените мја со пјесними,
Љубимци музи,
Ту ја жртву потребујем
Благодарности

[Петровић 1959: 70].

Между тем, как мы видели, эта строфа представляет собой «оверсифицированный» прозаический текст Карамзина: «[Т]огда, о любимцы

Музы моя! [...] скажите: пѣвецъ, котораго кости здѣсь покоятся, воспѣваль намъ пріятныя пѣсни. Вотъ единая жертва, которой требую отъ благодарности вашей!» [Карамзин 1797в: 193].

Наконец, псевдооригинальным стихотворением оказывается, как мы полагаем, и публикуемое в нескольких антологиях сербской поэзии «Слово надъ гробное» Арсич, являющееся, по всей видимости, адаптацией *русского* переложения антологических стихов, завершающего третий том популярного в России романа А.-Р. Лесажа:

Надежда и щастіе садъ мнѣ опрощайте
достна со мною играли есте,
одъ садъ играйте съ другими,
покой души, всѣхъ даровъ есть,
найлучшій

[Арсичь 1816: 156].

Ср. русскую версию этой эпитафии, использованную Г. Р. Державиным в качестве эпиграфа к одному из своих посланий:

Надежда, счастье прощайте.
Довольно вы играли мной,
Теперь другими вы играйте,
Меня пустите на покой
[Гуковский 1933: 382].

8. Лирическая героиня

«Казус Арсич» свидетельствует о том, что нельзя доверять без филологической проверки авторским репутациям, сложившимся в определенных исторических условиях, только потому, что они отвечают ожиданиям современников и убеждениям исследователей. В то же время, с историко-литературной точки зрения «жертву благодарности» потомков Евстахия Арсич, безусловно, заслуживает, но только не за приписываемые ей современными авторами оригинальность, европейскую энциклопедичность, космополитичность, философско-поэтический и переводческий талант. В конечном счете «Полезные размышления» являются не барочным «вертоградом», литературной кражей, мистификацией, центоном, «менаровским» палимпсестом (Борхес), трансплантацией [Лотман 1985], «фонетическим переводом» [Масуга 1995; Соопер 2014] или адаптацией к сербским условиям русского нравоучительного сентиментализма конца 1790-х гг., но амбициозной (хотя и архаичной и механической) попыткой «скомпоновать» на основе

усвоенных и присвоенных текстов из русских журналов той эпохи *эквивалент* сербского литературного и духовно-философского языка, выражающего образцовые мысли и чувства ученой и благочестивой женщины-писательницы, появление которой предсказывал Досифей Обрадович. Если использовать современный термин, то можно сказать, что это был своего рода культурный проект, ставивший целью заполнить вакансию национальной поэтессы — европейски образованной патриотки, разделяющей жизнь, труды и убеждения своего супруга⁴¹. В самом деле, подобных рассмотренному нами случаев гораздо больше и вполне можно говорить об общем для зарождающихся национальных культур феномене искусственно созданной (как в приводившихся выше чешских и русских примерах) или мифологизированной (как в случае Арсич) писательницы.

Удался ли этот эксперимент? В исторической перспективе «Размышления» Арсич, как и другие произведения близких ей авторов, ориентировавшихся на книжный славяно-русский язык, оказались лебединой песней сербской литературной практики XVIII — начала XIX в. Реформа В. Караджича (ориентация сербского литературного языка на живой «простонародный») пресекла тесную связь сербской образованной элиты с русской литературой. Архаичная по своему языку, жанру и содержанию книга Арсич была совершенно забыта. И все же важная часть этого парадоксального сочинения убежала от тлена — полуфантомное имя его создательницы на титульном листе книги как знак новой «лирической героини», введенной Арсич (или ее сочувственниками и сотрудниками) в сербскую литературу. Впоследствии этот образ удачно вписался в традицию романтического национализма XIX в. (своего рода сербская мадам де Сталь) и оказался актуален для современных феминистских и гендерных исследований⁴².

⁴¹ В этом отношении русская литература XVIII в. представляла собой не только источник, но и образец — и в какой-то степени антитезу — для формирующейся сербской. Со второй половины XVIII в. русские женщины-литераторы активно участвовали в культурном процессе (от княгини. Дашковой и императрицы Екатерины до образованных провинциальных помещиц-литераторов; см.: [Владимиров 1892; Rosslyn 2000; Glagoleva 2003; Kelly 2002]). Каталог российских писательниц Руссова [1826] включает сведения о 97 авторах-женщинах. Венди Росслин насчитывает 120 переводчиц в XVIII — начале XIX в. [Rosslyn 2000: 33]. Между тем ни одна из русских писательниц и переводчиц XVIII в., насколько нам известно, не выдвигалась идеологами новой русской словесности на мифологическую роль первой национальной писательницы (причем хронологически первой русской писательницей назывались разные авторы — от «неизвестной поэтессы Петровского времени» [Позднеев 1971: 277–295] и царевен Натальи Алексеевны и Елизаветы Петровны до Е. А. Княжниной-Сумароковой и «Российской де ля Сюз» Е. В. Херасковой [Владимиров 1892: 24–26]).

⁴² Заметим, что «первичная» мифологизация Арсич, относящаяся ко второй половине 1810-х гг., отличается по своему содержанию от последующих

Заключение

Тридцать лет тому назад академик Н. И. Толстой с сожалением отметил, что исследователями «не проделана важная работа: не приведена полностью литература на церковнославянском и “русском” языке, изданная в России, подвергнутая сербами редактированию или так называемым “переводам”, и не произведен параллельный анализ языка оригиналов и переводов». Продолжительный «славяно-сербский» период, отмечает Толстой, — «очень любопытный сам по себе и важный также для понимания последующего крупного этапа истории сербской культуры — этапа национального возрождения», — до сих пор остается «малоизученным и односторонне освещенным» [Толстой 1988: 212].

Причину научной маргинализации этого периода Толстой видел в том, что филологи смотрели на «славяно-сербский» как на язык «искусственный», чужой, мало что дающий для изучения подлинно сербской речи» [Толстой 1988: 212], в то время как литературоведы считали «славяно-сербскую» литературу привнесенной извне, «не имевшей глубоких национальных корней» и едва ли не лишенной художественной ценности. Толстой ссылается на мнение Й. Скерлича о том, что за небольшим исключением вся сербская литература того времени — «литература только по названию, из-за убожества, из-за недостатка чего-либо иного и лучшего; все это только первая подготовка и закладка фундамента для настоящей литературы, которая возникнет (придет) только в XIX веке» [Толстой 1988: 174].

Как нам представляется, предложенные в нашей работе наблюдения и размышления не только устанавливают прямые источники «славяно-русской» книги «первой сербской писательницы» и описывают процесс усвоения и присвоения «родственного-чужого» как стадию национального и литературного самоутверждения «молодой» культуры, но и дают материал для более общего — филологического и литературоведческого — исследования «славяно-русского» периода в истории сербской литературы в частности и «панславянского» предромантизма в целом. Случай Арсич, которая, как мы полагаем, весьма удивилась бы, если бы смогла прочитать, попивая чай из фарфоровой чашечки со своим портретом, то, что написано о ней в нынешнем веке, также может быть интересен и для сравнительного исследования формирования

романтической и феминистской версий. Собственно говоря, в своей ранней ипостаси Арсич была просто первой женщиной, писавшей по-сербски, необходимой патриотически настроенным сербским просветителям, приветствовавшим наступление «века сатурного» на Балканах. В свою очередь, в романтической интерпретации ее образа акцент ставился на печальной судьбе образованной и одаренной сербской женщины. Наконец, феминистскую критику она привлекает как первый женский голос в сербской культуре нового времени.

национальных авторских «пантеонов» и гендерной истории русской и других славянских литератур.

Что же касается вопроса о том, является ли Арсич сербской Коринной (Сафо, Диотимой, де Сюз, Жанлис, де Сталь, Эльжбетой Дружбацкой, Боженой Немцовой, Жорж Санд или Черубиной де Габриак), мы сознательно оставляем его решение на усмотрение просвещенных читателей и читательниц.

Библиография

Арсичь 1814

Арсичь Е., *Совѣтъ матерній предрагой обоого пола юности сербской и валахійской, аки исчадіе нѣжнаго чувствованія, имже благо и щастіе отрасли рода своего обимаеъ сочинителница*, Будим, 1814.

——— 1816

Арсичь Е., *Полезная размышленія о четырехъ годишнихъ временехъ, съ особеннымъ приравленіемъ о Трудолюбіи человека, и оттуду происходящей всеобщей ползе, сочиненна и на светъ издана Еустахиєю отъ Арсичъ*, Будим, 1816.

——— 1829

Арсичь Е., Морална поученија, *Летопис Матице српске*, 5, 19, 1829, 106–118.

Арсичь 2013

Арсичь Е., *Полезна размишљања*, Бугарски С., превео, приредио и допунске текстове написао, Темишвар, 2013.

Берих 1820

Берих П., *Виландовъ Агатонъ*, Будимъ, 1820.

Боичь 1815

Боичь Л., *Памятникъ мужемъ у славено-сербскомъ княжеству славнымъ*, 1, Будим, 1815.

Бугарски, Степанов 2014

Бугарски С., Степанов Л., Еустахија Арсичь поново међу нама, *Арад кроз време: зборник радова са међународног научног скупа Арад 13–14. септембра 2013*. Темишвар, 2014, 105–112.

Бугарски 2016

Бугарски С., Милан Ж., *Лексикон срба књижевника са данашње територије Румуније 1705–2015*, Темишвар, 2016.

Варда 2016

Варда А., *Литературная жизнь России XVIII — начала XIX века*, Lodz, 2016.

Варга 2001

Варга Л., *Мозаик житеља Иришких*, Нови Сад, 2001.

Вацуру 2002

Вацуру В. Э., *Готический роман в России*, Москва, 2002.

Владимиров 1892

Владимиров П. В., *Первые русские писательницы XVIII века и участие русской женщины в развитии*, Киев, 1892.

Вулетич 1976

Вулетич В., Н. М. Карамзин и литература сербского возрождения, *Сравнительное изучение литератур: Сборник статей: К 80-летию акад. М. П. Алексеева*. Ленинград, 1976, 108–116.

Вуичь 1833

Вуичь I., *Животоописание и чрезвычайна нъгова приключения*, Карлштадт, 1833.

Гавриловић 1970

Гавриловић С., Из преписке спрске књижевнице Еустихије Арсић, *Зборник матице спрске за књижевност и језик*, 18, 1970, 363–366.

Гудков 1977

Гудков В. П., Особенности воспроизведения русских текстов в «Славено-сербском Магазине» — первом сербском журнале, *Вестник МГУ. Филология*, 1, 1977, 57–69.

Гуковский 1933

Гуковский Г. [А.], Литературное наследие Г. Р. Державина, *Литературное наследство*, 9/10, 1933, 369–396.

——— 2001

Гуковский Г. А., К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы), Idem, *Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века*, Москва, 2001, 265–269.

Добрицын 2008

Добрицын А., *Вечный жанр: западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века*, Bern, 2008.

Доронина 1989

Доронина Р. Ф., Мушицкий и Державин, *Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX века*, Москва, 1989, 145–160.

Достян 1989

Достян И. С., Издание и распространение в России произведений сербских авторов (XVIII — начало XIX вв.), *Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX века*. Москва, 1989, 8–24.

Живальевић 1891

Живальевић Д., Друга књига Јевстахије Арсићке, *Јавор*, 9, 1891, 141–142

Заболотский 1908

Заболотский П. А., *Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. 1. Русская струя в литературе сербского возрождения*, Варшава, 1908.

Зорин 2016

Зорин А. Л., *Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX вв.*, Москва, 2016.

Иппокрена 1799

Просвещение наций и человеческого рода, *Иппокрена, или Утехи любословия*, 3, 1799, 33–40.

Јовићевић 2014

Јовићевић Т., Глас из потиснутог наслеђа, *Књиженство, часопис за студије књижевности, рода и културе*, 4, 4, 2014, 91–111.

Карамзин 1787а

[Карамзин Н. М.], Осень, *Детское чтение для сердца и разума*, 11, 1787, 193–207.

——— 1787б

[Карамзин Н. М.], Весна, *Детское чтение для сердца и разума*, 9, 1787, 195–205.

——— 1787в

[Карамзин Н. М.], Зима, *Детское чтение для сердца и разума*, 12, 1787, 193–206.

——— 1791

Карамзин Н. М., О русских книгах, *Московский журнал*, 2, 1791, 322–325.

——— 1792а

[Карамзин Н. М.], О Досуге. Сочинение Философа Гарве, *Московский журнал*, 6, 1792, 167–176.

——— 17926

[Карамзин Н. М.], Могила, *Московский журнал*, 7, 2, 1792, 109–111.

Картина бытия 1798

Картина бытия помышлением созерцаемая, или умственное воззрение на драгоценность жизни. Перевод с Англинского языка, Москва, 1798.

Кафанова 1989

Кафанова О. Б., Библиография переводов Н.М. Карамзина (1782–1800 гг.), *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века*, 16, Ленинград, 1989, 319–337.

Кох 2007

Кох М., Почети женског феминистичког есеја у српској књижевности XIX века: Еустахија Арсић — Милица Стојадиновић Српкиња — Драга Дејановић, *Синхронизација и дијахронизација изучавања врста у српској књижевности: зборник*, 1, Нови Сад, 2007, 157–169.

——— 2012

Кох М., ...када сазремо као култура... *Стваралаштво српских списатељица на почетку 20. века (канон — жанр — род)*, Јелена Јовић, прев., Београд, 2012.

Кулаковский 1903

Кулаковский П. А., *Начало Русской школы у Србов: в XVIII веке: очерк из истории русского влияния на юго-славянские литературы*, С.-Петербург, 1903.

Левин 1990

Левин Ю. Д., *Восприятие английской литературы в России*. Ленинград, 1990.

——— 1995

Левин Ю. Д., отв. ред, *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*, 1, С.-Петербург, 1995.

Левитт 2006

Левитт М., «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста, *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 57–70.

Лесковац 1953

Лесковац М., *Антологија старије српске поезије*, Нови Сад, 1953.

——— 1959

Лесковац М., Ка познавању Еустахија Арсић, *Зборник матице српске за књижност и језик*, 6, 1959, 270.

Лешиловская 1989

Лешиловская И. И., Досифей Обрадович и Россия, *Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX века*, Москва, 1989.

Лосева 2012

Лосева О. В., *Роберт и Клара Шуман: русские пути. К проблеме взаимодействия культур* (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения), Москва, 2012.

Лотман 1985

Лотман Ю. М., «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века, *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва, 1985, 222–230.

Лош 2014

Лош Т., «Еустахија Арсић — прво женско перо на славеносербском, *Вечерње новости online* (<http://www.novosti.rs/вести/lifestyle.505.html:521070-Еустахија-Арсич-прво-женско-перо-на-славеносербском>; дата обращения: 26.06.2019).

Миланков 2001

Миланков В., *Еустахија пл. Арсић и њено доба*, Нови Сад, 2001.

Милосављевић 2004

Милосављевић П., *Антологија српске поезије: средње доба*, Београд, 2004.

Нешумова 2007

Нешумова Т. Ф., Покровский Феофилакт Гаврилович, *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь*, 5, Москва, 2007, 26–28.

Николаев 2000

Николаев С. И., Миколай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого, *Russica Romana*, 7, 2000, 11–22.

——— 2004

Николаев С. И., Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (очерк проблематики), *XVIII век*, 23, С.-Петербург, 2004, 3–19.

Новаковић 1869

Новаковић С., *Српска библијографија за новију књижевност 1741–1867*, Биоград, 1869.

Обрадовић 1807

Обрадовић Д., *Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение*, Будим, 1807.

Огњановић 1891

Огњановић И., Јевстахија пл. Арсићка, рођ. Цинцићева, прва српска списатељица, *Јавор*, 1891, 87–90.

Павић 1970

Павић М., *Историја српске књижевности барокног доба: (XVII i XVIII век)*, Београд, 1970.

——— 1979

Павић М., *Историја српске књижности класицизма и предромантизма. Класицизам*, Београд, 1979.

——— 1991

Павић М., *Предромантизам*, Београд, 1991.

Панић 2014

Панић Б., Еустахија Арсић — трагови у времену [Eustahija Arsić — urme peste timp; Eustahija Arsić — Traces in Time], *Темишварски зборник*, 7, Нови Сад, 2014, 63–76.

——— 2015

Панић Б., О стоседамдесетој годишњици смрти. Сећање на Еустахију Арсић, *Банатски алманах*, Темишвар, 2015, 66–74.

Петров 1904

Петров Н. И., Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе, *Известия Отделения русского языка и словесности*, 9, 2, 1904, 227–255.

Петровић 1959

Петровић Т., Еустахија Арсић — прва српска списатељица, *Зборник матице српске за књижевност и језик*, 6–7, 1959, 62–72.

Позднеев 1971

Позднеев А. В., Неизвестная поэтесса Петровского времени, *Русская литература на рубеже двух эпох*, Москва, 1971, 277–307.

Приятное и полезное... 1796

Четыре возраста человеческие, *Приятное и полезное препровождение времени*, 10, 79, 1796, 401–410.

Радовановић 1972

Радовановић С., *Поговор. Српске песникиње од Јефимије до данас. Антологија поезије*. Београд, 1972.

——— 1981

Радовановић С., *Српске песникиње XIX века*, Београд, 1981.

——— 2006

Радовановић С., *О знаменитим српкињама XIX века*, Zemun, 2006

Рак 1998

Рак В. Д., *Русские периодические издания XVIII века: Источники. Состав. Приемы компиляции*, С.-Петербург, 1998.

Руссов 1826

Руссов С. В., *Библиографический каталог Российским писательницам*, С.-Петербург, 1826.

Сибинович 1989

Сибинович М., Первые сербские переводы русской поэзии XVIII в., *Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX века*, Москва, 1989, 25–42.

Симанков 2015

Симанков В. И., Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789)», *XVIII век*, 28, Москва, С.-Петербург, 2015, 323–374.

Скерлић 1909

Скерлић Ј., *Српска књижност у XVIII веку*, Београд, 1909.

Сперанский 1904

Сперанский М. Н., *Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности*. Москва, 1904.

——— 1963

Сперанский М. Н., *Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века*, Москва, 1963.

Тихонравов 1898

Тихонравов Н. С., *Сочинения*, С.-Петербург, 3, 1898.

Толстой 1988

Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

Топоров 1981

Топоров В. Н., «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии, *Russian Literature*, 10, 1981, 207–282.

Тынянов 1977

Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва, 1977.

Францев 1924

Францев В. А., *Державин у славян. Из истории русско-славянских взаимоотношений в XIX столетии*, Прага, 1924.

Шицгал 1974

Шицгал А. Г., *Русский типографский шрифт*. Москва, 1974.

Якшич 1814

Якшич Г., *Пльсь побѣдная на торжественный и всерадостный случай вхождѣнія союзническихъ войскъ подѣ ихъ величествами Императоромъ Александромъ I всея Россіи...*, Будим, 1814.

Якшић 1815

Я[кшић] Г., *Пльсь Ихъ Благородіямъ Господину Савви Арсичу [...] и Его супруги Г. Евстахи, яко до нынѣ первой Списателници Сербской*, Будим, 1815.

Alexandrova 2014

Alexandrova N., A Queen of Many Kingdoms: The Autobiography of Rayna Knyagininya, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 151–67.

Barbier 1822

Barbier M., *Dictionnaire des ouvrages Anonymes et Pseudonymes*, 1, Paris, 1822

Blas 2014

Blas A. H. de, The Role of Božena Němcová in the Construction of Czech and Slovak Cultural Identity, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 135–149.

The Critical Review 1791

The Critical Review, 1791, 3.

Cooper 2014

Cooper D. L., Author-translator-forger: Translation and Mystification in Hanka's *Prostonárodní Srbská muza* and Pushkin's *Pěsni zapadnych Slavjan*, M. Hrdina, K. Piorecká, eds., *Historické fikce a mystifikace v české kultuře 19. Století*, Praha, 2014, 59–69.

Curran 2012

Curran M., *Atheism, Religion and Enlightenment in Pre-revolutionary Europe*, Woodbridge, 2012.

Dojčinović, Pantelić, 2014

Dojčinović B., Pantelić I., Early Modern Women Intellectuals in 19th-Century Serbia: Milica Stojadinović, Draga Dejanović and Milica Tomić, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 121–133.

Francikova 2017

Francikova D., *Women as Essential Citizens in the Czech National Movement: The Making of the Modern Czech Community*, Lanham, 2017.

Glagoleva 2003

Glagoleva O., Imaginary World: Reading in the Everyday Life of Russian Provincial Noblewomen, 1750–1825, *Women and Gender in 18th-century Russia*, Wendy Rosslyn, ed., Ashgate, 2003, 129–146.

Hawkesworth 2000

Hawkesworth, C., *Voices in the Shadows: Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia*, New York, 2000.

——— 2001

Hawkesworth, C., *A History of Central European Women's Writing*, New York, 2001.

Kelly 2002

Kelly C., Sappho, Corinna, and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, *A history of women's writing in Russia*, Cambridge, 2002.

Koch 2007

Koch, M., ... *kiedy dojrzejemy jako kultura... Twórczość pisarek serbskich na początku XX wieku (kanon – genre – gender)*, Wrocław, 2007.

Lefevere, Bassnett 1990

Lefevere A., Bassnett S., *Translation, History, and Culture*. London, New York, 1990.

Macura 1995

Macura V., *Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ*, Praha, 1995.

Nowitzki et al. 2018

Nowitzki H.-P., Roth U., Stiening G., *Johann Georg Heinrich Feder (1740–1821): Empirismus und Popularphilosophie zwischen Wolff und Kant*, Berlin, Boston, 2018.

Pirch 1830

Pirch O. von, *Reise in Serbien im Spätherbst 1829*, 1, Berlin, 1830.

Rosslyn 2000

Rosslyn W., *Feats of Agreeable Usefulness: Translations by Russian Women 1763–1825*, Fichtenwalde, 2000.

Thomson 2000

Thomson F. J., The Ages of Man in Slavonic translated and original Literature down to the Time of Peter the Great, *Slavica Gandensia*, 27, 2000, 247–277.

Stohler 2016

Stohler U., *Disrupted Idylls. Nature, Equality, and the Feminine in Sentimentalist Russian Women's Writing (Mariia Pospelova, Mariia Bolotnikova, and Anna Naumova)*, Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2016.

Vinitzsky 2015

Vinitzsky I., *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*, Evanston, 2015.

Vowels 1994

Vowels J., The "Feminisation" of Russian Literature: Women, Language and Literature in Eighteenth-Century Russia, *Women Writers in Russian Literature*, Clyman T. W., Diana Greene D., eds., Westport, London, 1994, 35–60.

References

Alexandrova N., A Queen of Many Kingdoms: The Autobiography of Rayna Knyagininya, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 151–67.

Arsić E., *Polezna razmišljanja*, Bugarski S., preveo, priredio i dopunske tekstove napisao, Temišvar, 2013.

Blas A. H. de, The Role of Božena Němcová in the Construction of Czech and Slovak Cultural Identity, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 135–149.

Bugarski S., Milan Ž., *Leksikon srba književnika sa današnje teritorije Rumunije 1705–2015*, Temišvar, 2016.

Bugarski S., Stepanov Lj., Eustahija Arsić ponovo među nama, *Arad kroz vreme: zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa Arad 13-14. septembra 2013*, Temišvar, 2014, 105–112.

Cooper D. L., Author-translator-forger: Translation and Mystification in Hanka's Prostonárodní Srbská muza and Pushkin's Pěsní zapadnych Slavjan, M. Hrdina, K. Piorecká, eds., *Historické fikce a mystifikace v české kultuře 19. Století*, Praha, 2014, 59–69.

Curran M., *Atheism, Religion and Enlightenment in Pre-revolutionary Europe*, Woodbridge, 2012.

Dobritsyn A., *Vechnyi zhanr: zapadnoevropeiskie istoki russkoi epigrammy XVIII – nachala XIX veka*, Bern, 2008.

Dojčinović B., Pantelić I., Early Modern Women Intellectuals in 19th-Century Serbia: Milica Stojadi-

nović, Draga Dejanović and Milica Tomić, *Women Telling Nations*, Amelia Sanz, Francesca Scott, Suzan van Dijk, eds., Amsterdam, New York, 2014, 121–133.

Doronina R. F., Mushitskii i Derzhavin, *Prilozi proučavanju rusko-srpskih književnih veza XVIII – početka XIX veka*, Moscow, 1989, 145–160.

Dostian I. S., Izdanje i rasprostranenie v Rossii proizvedenii serbskikh avtorov (XVIII – nachalo XIX vv.) *Prilozi proučavanju rusko-srpskih književnih veza XVIII – početka XIX veka*, Moscow, 1989, 8–24.

Francikova D., *Women as Essential Citizens in the Czech National Movement: The Making of the Modern Czech Community*, Lanham, 2017.

Frantsev V. A., *Derzhavin and the Slavs. On the History of Russian-Slavic Literary Relationships in the 19th Century*, Prague, 1924.

Gavrilović S., Iz prepiske sprske književnice Eustihije Arsić, *Zbornik matice sprske za književnost i jezik*, 18, 1970, 363–366.

Glagoleva O., Imaginary World: Reading in the Everyday Life of Russian Provincial Noblewomen, 1750–1825, *Women and Gender in 18th-century Russia*, Wendy Rosslyn, ed., Ashgate, 2003, 129–146.

Gudkov V. P., Osobennosti vosproizvedeniia russkikh tekstov v «Slaveno-serbskom Magazine» – pervom serbskom zhurnale, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 1, 1977, 57–69.

Gukovsky G. A., Derzhavin's Literary Heritage. A Review Article, *Literaturnoe nasledstvo*, 9/10, 1933, 369–396.

- Gukovsky G. A., Toward the Problem of Russian Classicism. Competitions and Translations. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka*. Moscow, 2001, 265–269.
- Hawkesworth C., *A History of Central European Women's Writing*, New York, 2001.
- Hawkesworth C., *Voices in the Shadows: Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia*, New York, 2000.
- Jovičević T., Glas iz potisnutog nasleđa, *Knjiženstvo, časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 4, 4, 2014, 91–111.
- Kafanova O. B., Bibliografija prevodov N. M. Karamzina (1782–1800 gg.), *Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka*, 16, Leningrad, 1989, 319–337.
- Kelly C., Sappho, Corinna, and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, *A history of women's writing in Russia*, Cambridge, 2002.
- Koch M., ...kiedy dojrzejemy jako kultura... Twórczość pisarek serbskich na początku XX wieku (kanon – genre – gender), Wrocław, 2007.
- Koch M., Počeci ženskog feminističkog esaja u srpskoj književnosti XIX veka: Eustahija Arsić – Milica Stojadinović Srpkinja – Draga Dejanović, *Sinhronijsko i dijahronijsko izučavanje vrsta u srpskoj književnosti: zbornik*, 1, Novi Sad, 2007, 157–169.
- Koch M., ...kada sazremo kao kultura... Stvaralaštvo srpskih spisateljica na početku XX veka (kanon – žanr – rod), Jelena Jović, prev., Beograd, 2012.
- Lefevere A., Bassnett S., *Translation, History, and Culture*. London, New York, 1990.
- Leshchilovskaya I. I., Dosifei Obradovich i Rossiia, *Prilozi proučavanju rusko-srpskih književnih veza XVII – početka XIX veka*, Moscow, 1989, 64–87.
- Leskovac M., *Antologija starije srpske poezije*, Novi Sad, 1953.
- Leskovac M., Ka poznavanju Eustahija Arsić, *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*, 6, 1959, 270.
- Levin Yu. D., ed., *The History of Russian Translated Belle lettres: Ancient Russia. 18th century*, St. Petersburg, 1995.
- Levin Yu. D., *Vospriatie angliiskoi literatury v Rossii*, Leningrad, 1990.
- Levitt M., "Večernee razmyshlenie o Bozhiem velichestve" i "Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve" Lomonosova: opyt opredeleniia teologicheskogo konteksta, *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 57–70.
- Lotman Ju. M., "Riding in the Island of Love" by Trediakovsky and the Function of Translated Literature in the Russian Culture of the First Half of the 18th Century, *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediiia*, Moscow, 1985, 222–230.
- Macura V., *Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ*, Praha, 1995.
- Milankov V., *Eustahija pl. Arsić i njeno doba*, Novi Sad, 2001.
- Milosavljević P., *Antologija srpske poezije: srednje doba*, Beograd, 2004.
- Neshumova T. F., Pokrovskii Feofilakt Gavrilovich, *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'*, 5, Moscow, 2007, 26–28.
- Nikolaev S. I., Nikolai Kokhanovskii v obrabotke Simeona Polotskogo, *Russica Romana*, 7, 2000, 11–22.
- Nikolaev S. I., Original'nost', podrazhanie i plagiat v predstavleniakh russkikh pisatelei XVIII veka (očerok problematiki), *XVIII vek*, 23, St. Petersburg, 2004, 3–19.
- Nowitzki H.-P., Roth U., Stiening G., *Johann Georg Heinrich Feder (1740–1821): Empirismus und Popularphilosophie zwischen Wolff und Kant*, Berlin, Boston, 2018.
- Panić B., Eustahija Arsić — Traces in Time, *Temišvarski zbornik*, 7, Novi Sad, 2014, 63–76.
- Panić B., O stosedamdesetoj godišnjici smrti. Sećanje na Eustahiju Arsić, *Banatski almanah*, Temišvar, 2015, 66–74.
- Pavić M., *Istorija srpske književnosti baroknog doba: (XVII i XVIII vek)*, Beograd, 1970.
- Pavić M., *Istorija srpske književnosti klasicizma i predromantizma. Klasicizam*, Beograd, 1979.
- Pavić M., *Predromantizam*, Beograd, 1991.
- Petrović T., Eustahija Arsić — prva srpska spisateljica, *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*, 6–7, 1959, 62–72.
- Pozdneev A. V., An Unknown Poetess of Peter the Great's Era, *Russian literature at the turn of two eras (17th – beginning of 18th centuries)*, Moscow, 1971, 277–307.
- Radovanović S., *O znamenitim srpkinjama XIX veka*, Zemun, 2006.
- Radovanović S., *Pogovor. Srpske pesnikinje od Jefimije do danas. Antologija poezije*, Beograd, 1972.
- Radovanović S., *Srpske pesnikinje XIX veka*, Beograd, 1981.
- Rak V. D., *Russian Literary Collections and Periodicals of the Second Half of the 18th Century. Foreign Sources, Composition, Technique, Compilation*, St. Petersburg, 1998.
- Rosslyn W., *Feats of Agreeable Usefulness: Translations by Russian Women 1763–1825*, Fichtenwalde, 2000.
- Shitsgal A. G., *Russkii tipografskii shrift*, Moscow, 1974.
- Sibinovich M., Pervye serbskie perevody russkoi poezii XVIII v. *Prilozi proučavanju rusko-srpskih književnih veza*, Moscow, 1989, 25–42.
- Simankov V. I., Istochniki zhurnala "Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma" (1785–1789), *XVIII vek*, 28, Moscow, St. Petersburg, 2015, 323–374.
- Speranskiy M. N., *Manuscript Collections of the 18th Century: Materials for the History of Russian Literature of the 18th Century*, Moscow, 1963.
- Stohler U., *Disrupted Idylls. Nature, Equality, and the Feminine in Sentimentalist Russian Women's*

Writing (Mariia Pospelova, Mariia Bolotnikova, and Anna Naumova), Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2016.

Thomson F. J., The Ages of Man in Slavonic translated and original Literature down to the Time of Peter the Great, *Slavica Gandensia*, 27, 2000, 247–277.

Tolstoj N. I., *Istorii i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Toporov V. N., "A Rural Cemetery" by Zhukovsky: to the Origins of Russian Poetry, *Russian Literature*, 10, 1981, 207–282.

Tynyanov Yu. N., *Poetics. History of Literature. Cinema*, Moscow, 1977.

Varga L., *Mozaik žitelja Iriških*, Novi Sad, 2001.

Vatsuro V. E., *The Gothic Novel in Russia*, Moscow, 2002.

Vinitsky I., *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*, Evanston, 2015.

Vowels J., The "Feminisation" of Russian Literature: Women, Language and Literature in Eighteenth-Century Russia, *Women Writers in Russian Literature*, Clyman T. W., Diana Greene D., eds., Westport, London, 1994, 35–60.

Vuletić V., N. M. Karamzin i literatura serbskogo vrozozhdeniia, *Sravnitel'noe izuchenie literatur: Sbornik statei: K 80-letiiu akad. M. P. Alekseeva*, Leningrad, 1976, 108–116.

Warda A., *Literaturnaia zhizn' Rossii XVIII – nachala XIX veka*, Lodz, 2016.

Zorin A. L., *The Appearance of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Centuries*, Moscow, 2016.

Ilya Vinitsky

Doctor of Sciences,

Professor of Russian

Department of Slavic Languages and Literatures

Princeton University

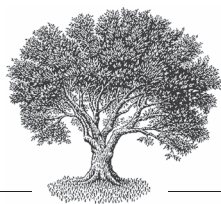
241 East Pyne Building

Princeton, NJ 08544

USA

vinitsky@princeton.edu

Received September 14, 2018

К вопросу изучения истории русского языка в Венгрии в XIX в.

Неразгаданный
К. А. Сабов

History of the Russian Language in Hungary in the 19th Century.

Discovering
Kirill Szabov

Марианна Лявинец-Угрин

Университет им. Лоранда Этвёша
Будапешт, Венгрия

Marianna Lyavinecz-Ugrin

Eötvös Loránd University
Budapest, Hungary

Резюме

История русского языка в Венгрии на начальном этапе была непосредственно связана с трудами карпаторусинских деятелей и писателей-русофилов, которые в XIX в. на почве идеи литературного и духовного панславизма распространяли в Подкарпатской Руси русский язык, литературу и культуру. Среди плеяды широко известных деятелей и писателей, таких как А. Духнович, И. Раковский, А. Добрянский, Е. Фенцик (Владимир), А. Кралицкий, А. Митрак (Материн), И. Сильвай (Уриил Метеор) и др., изредка можно встретить имя Кирилла Антоновича Сабова, одного из сподвижников писателей-русофилов. Однако имя высокоэрудированного преподавателя русского языка, автора книги по грамматике русского языка (1865) и краткого сборника избранных сочинений в прозе и стихах (1868), оказалось

Цитирование: Лявинец-Угрин М. К вопросу изучения истории русского языка в Венгрии в XIX в. Неразгаданный К. А. Сабов // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 328–351.

Citation: Lyavinecz-Ugrin M. (2019) History of the Russian Language in Hungary in the 19th Century. Discovering Kirill Szabov. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 328–351.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.12

забыто. Следовательно, его деятельность мало изучена. В этой работе мы попытались обобщить сведения о жизни и творчестве Сабова, чтобы ввести в научный оборот новую информацию о вкладе ученого в историю распространения русского языка в Венгрии.

Ключевые слова

грамматика, словарь и сборник К. Сабова, русинский язык, писатели-руссофилы

Abstract

The history of the Russian language in Hungary was directly linked to the works of Russophile Rusyn writers, who in the 19th century proclaimed the idea of literary and spiritual pan-Slavism in Subcarpathian Rus, which led to the spreading of Russian language, literature and culture. Among the names of well-known figures and famous writers, such as Alexander Dukhnovich, Ivan Rakovsky, Adolf Dobrjansky, Yevgeny Fentsik (Vladimir), Anatoly Kralytsky, Alexander Mytrak (Materin), Ivan Sil'vai (Uriil Meteor), etc., from time to time one can spot the name of Kirill Antonovich Szabov, one of the Russophile writers. His modest personality and character could be the reason for which the name of the gifted and highly educated Russian language teacher and the author of the grammar of the Russian language (1865) and the brief collection of selected works in prose and verse (1868), went into oblivion. Consequently, his literary and academic work is not well known. This paper is devoted to the life, pedagogical and literary activity of Kirill Szabov with the aim of revealing new information about him and the history of the Russian language in Hungary to the academic community.

Keywords

grammar, Kirill Szabov's dictionary and collected works, Rusyn language, Russophile writers

Введение

Середина XIX в. ознаменовалась усиленным поиском путей формирования литературного языка проживающих в Австро-Венгерской империи карпаторусинов¹, появлением значительного числа письменных памятников, печатных изданий художественного и просветительского характера и т. п. Толчком к этому послужило, в частности, общеевропейское движение, известное под названием «Весна народов»,

---

¹ Этноним «карпаторусин» (карпатские русины) употребляется в отношении русинов всех частей Карпатской Руси (Подкарпатской Руси (Закарпатье), Пряшевской Руси (Пряшевщина), Лемковины, Марамороша). В разные исторические периоды в отношении русинов употреблялись этнонимы «русин», «руснак», «карпаторус», «угрорус», «рутен», «русский». Термин *карпаторусинский* применяется также при сопоставлении с *южнорусинским* вариантом русинского языка. Об этом см.: [Магочій, Поп 2010: 649–651; Дуличенко 2008: 13–16].

и предшествующие ему события. Венгерская революция 1848–1849 гг. ознаменовалась борьбой за свободу и независимость национальностей, их права на самоопределение, свой язык и культуру. Для карпаторусинского народа этот период стал началом возрождения самосознания и привел к коренному повороту в истории письменности.

Важную роль в развитии карпаторусинской литературы и языка, а также в распространении русского языка в середине XIX в. сыграла деятельность *Общества святого Василия Великого* (далее — *ОСВВ*), которое было первой литературной организацией и центральным очагом культурной жизни в Подкарпатской Руси [Гаджега 1925: 9]. Активная работа в *ОСВВ* началась с выборов первого и второго председателей Адольфа Добрянского² и о. Иоанна Раковского³ [Ibid.: 15]. Целью *Общества* было повышение уровня народного просвещения, издательская деятельность и снабжение угрорусского народа книгами [Листокъ 1894: 230; Гаджега 1925: 51]. Основной целью была всеобщая грамотность народа как основа любой культуры⁴.

² Адольф Добрянский-Сачуров (1817–1901) — видный политический деятель русской национальной ориентации, историк и публицист, придворный советник (1870 г.), собрат Чина святого Василия Великого (далее — *ЧСВВ*). Отстаивал идею федерализации Австро-Венгрии, разработал соответствующую программу «*Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich. Von einem Slaven*» (1885). Пропагандировал культурное единство русинов с русским народом. Свои взгляды по этому поводу изложил в статье «О современномъ религиозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси» (1885) [Магочій, Поп 2010: 180–182]. Более подробно о деятельности Добрянского см.: [Аристов 1995: 145–233].

³ Иоанн Раковский [псевд. — Панонянин] (1815–1885) — священник, педагог, публицист, переводчик «статскаго законника», культурный деятель русофильского направления в Подкарпатской Руси. Автор учебника на венгерском языке «*Orosz nyelvtan*» («Русская грамматика») (1867), «Арифметики» (1869) и «Краткой научной географии» (1870). Редактор грекокатолических газет «Церковная газета» (1856–1858) и «Церковный вѣстник для Русинов Австрийской державы» (1858). Подвижник «великой идеи о всеславянском литературном единении». В ряде галицко-русских изданий («Вѣстникъ» (Вена), «Галицкая Зоря» (Львов) и др.) Раковский помещал свои «Довѣрительные письма изъ Будина» (1851–1857), в которых язык называл средством культурного развития народа. Он признавал важность изучения народного языка, как средства обогащения литературной речи, но был решительно против возведения его в степень литературного [Аристов 1995: 35–36, Францев 1931, Недзельскій 1932: 163, Магочій, Поп 2010: 624–625].

⁴ *ОСВВ* просуществовало почти 40 лет (1866–1902). За это время выросло два поколения карпаторусинских писателей. Однако начиная с 1871 г., после свержения Добрянского и Раковского, деятельность *ОСВВ* значительно замедлилась. Это было связано с вступлением на епископский престол С. Панковича, который осуществлял политику «мадьяризации» карпаторусинов. Главной причиной враждебного отношения епархиального правительства к *ОСВВ* был русский язык. Первоначально *ОСВВ* признавало русский литературный язык языком письменности русинов и всеми силами отстаивало его права. Но со временем русский язык начал выходить из употребления, так что уже в 1895 г. совещания правления *ОСВВ* проходили на венгерском языке [Гаджега 1925: 52].

В отличие от других восточнославянских народов в Подкарпатской Руси⁵ созданием литературного языка занимались исключительно духовные лица. Из-за политических тенденций того времени возникло несколько различных течений, представители которых пытались разработать и внедрить свою языковую концепцию. Многие священники брались за языковую реформу учебных книг, что привело к разноязычию, а вместе с этим и к полному хаосу.

На фоне этого безграничного хаоса наиболее строго следовали своей языковой концепции, наверное, писатели-русофилы⁶. Надо отметить, что сами себя они называли угрорусскими или русскими писателями, а в критической литературе 1930-х гг. фигурируют как карпаторусские писатели. Их имена можно встретить также и в украинской литературе, где они упоминаются как западноукраинские писатели. Однако писатели-русофилы однозначно отграничивали себя от украинских, в том числе и от галицких, писателей.

Постоянная борьба за сохранение славянских корней и боязнь утраты духовных ценностей подсознательно подталкивала писателей-русофилов — А. Митрака⁷, Е. Фенцика⁸, Ю. Ставровского-Попрадова⁹,

⁵ В этой работе мы используем территориальное название *Подкарпатская Русь*. Современное Закарпатье в разные исторические периоды называли Угорской Русью, Карпатской Русью, Карпатской Краиной, Подкарпатской Русью, Карпатской Украиной, Закарпатской Украиной.

⁶ При обращении к теме русофильства в русинской среде следует отметить, что применительно к русинам термин 'русофильство', как правило, понимается совершенно иначе, чем, например, когда речь заходит о симпатизирующих русским и их культуре французах, немцах или даже западных и южных славянах. «Последние, хотя и акцентировали свое положительное отношение к русскому народу, все же не отождествляли себя с ним. Напротив, именно такое отождествление имело место быть у русофильски ориентированных русинов. При этом, конечно же, когда речь идет о русинах, слово *русофильство* вполне применимо также и в общепринятом значении» [Дронов 2010: 77].

⁷ Александр Андреевич Митрак [псевд. — Материн; А.М.] (1837–1913) — греко-католический священник, лексикограф, поэт, публицист, этнограф, член ОСВВ, представитель русофильского направления. Автор «Русско-мадьярского словаря» (1881) и «Мадьярско-русского словаря» (1922) [Поп 2001: 253–254; Поп 2006: 255; Магочій, Поп 2010: 483–484].

⁸ Евгений Андреевич Фенцик [псевд. — Владимир] (1844–1903) — греко-католический священник, занимает значительное место в литературном наследии карпаторусинской письменности. Один из последних выдающихся писателей-русофилов, беллетристов, публицистов и деятелей-будителей конца XIX в. Его имя связано с духовно-литературным журналом «Листок», который издавался на протяжении 18 лет (1885–1903) и выходил каждую вторую неделю. Автор ряда учебников для церковно-приходских школ по языку, истории, географии и естествознанию [Поп 2001: 381–382; Поп 2006: 365; Магочій, Поп 2010: 779].

⁹ Юлий Иванович Ставровский-Попрадов [наст. имя — Юлий Ставровский; псевд. — Попрадов] (1850–1899) — грекокатолический священник, поэт, педагог, этнограф, филолог и публицист русофильской ориентации [Поп 2001: 351–352; Поп 2006: 338; Магочій, Поп 2010: 710–711].

А. Кралицкого¹⁰, И. Сильвая¹¹ и проч. — к созданию своего литературного языка на церковнославянской и позже на русской почве. Лишь писателям-русофилам удалось разработать и написать на основе своей концепции общеобразовательные учебники, словари, художественные произведения, а также издать свои сочинения в печатных органах [Лявинец-Угрин 2008: 125].

Согласно языковой концепции русофилов, в повседневном общении должны были употребляться местные локальные говоры, а в сфере образования и культурной жизни русофилы настаивали на использовании русского языка. Таким образом, русский литературный язык становился общим стандартом, высоким стилем, а местные локальные говоры оставались средством повседневного общения. Русофилы приводили в пример языковую ситуацию, сложившуюся в немецкоязычных и франкоговорящих странах. Они подчеркивали, что, например, баварцы, саксы, тирольцы и другие жители разных немецкоязычных регионов в семейном кругу используют местные диалекты, но в культурной жизни, в сфере образования, в науке, в литературе они переходят на общий немецкий литературный язык [Гусьняй 1921: 19–20; Csernicsko 2013: 295]. Язык, который создавали писатели-русофилы, в первую очередь был книжным языком. В научной литературе этот язык принято называть

¹⁰ Анатолий Федорович Кралицкий [псевд. — И. Васильевич, Аскольд, Иван Нодь, А. К.] (1835–1894) — игумен Мукачевского монастыря, писатель, историк, публицист, педагог, этнограф, представитель русофильского направления. Его работы печатались во многих будапештских, ужгородских, пряшевских, львовских, венских и петербургских изданиях того времени. Он принимал активное участие в создании и работе *ОСВВ*, наладил работу типографии Общества и руководил ею. Важной частью его творчества стали переводы словацких и сербских художественных произведений, а также исторические очерки [Поп 2001: 224; Поп 2006: 227; Магочій, Поп 2010: 374–375].

¹¹ Иван Антонович Сильвай [псевд. — Уриил Метеор] (1838–1904) — греко-католический священник, этнограф, писатель русофильского направления. Автор духовных и светских стихов, лирических песен, баллад, сатирических повестей, социально-бытовых рассказов. Печатался в местных и галицких русофильских изданиях. С историко-культурной точки зрения интересна «Автобиография» Сильвая. Под конец жизни, стремясь сохранить для потомков свои неопубликованные произведения, Сильвай переписал все сочинения в шести томах, которые были позже изданы под названием «Избранные произведения» в 1957 г. [Поп 2001: 341; Поп 2006: 328–329; Магочій, Поп 2010: 689–690].

¹² При обращении к значению термина в карпаторусинской письменности следует отметить, что корни «язычия», литературного языка Подкарпать в XIX в., прослеживаются в языковой норме канцелярии епископа Мукачевской епархии А. Бачинского (1772–1809). Согласно исследованиям венгерского ученого И. Удвари, «язычие» — вовсе не случайное лингвистическое образование, созданное для литературных целей и непонятное для простого народа, как заключают некоторые критики. Скорее всего, это плод длительного и естественного развития под влиянием, главным образом, того языка, который употреблялся в циркулярах Бачинского [Удварі 2002: 220–221].

«язычиєм» [Дуличенко 2008: 15]¹². В 1920-е гг. известный литератор Е. Сабов¹³ отметил:

Молодежь, воспитанная на грамматикѣ [т. е. на грамматике А. Духновича. — М. Л.]¹⁴, прозванной теперь «московскою», училась и говорила «грамматически», въ Пряшевѣ по пряшевскому а въ Ужгородѣ по ужгородскому произношенію. Которое произношеніе лучше-краше не спрашивалось, ибо былъ авторитетъ — русскій языкъ, русская литература! Это понималъ каждый. [...] Произношеніе словъ въ живой рѣчи по домашнему нарѣчію не мѣшаетъ единству литературнаго языка. А культурный русинъ долженъ разумѣть русскаго; а русскій понимать русина и въ разговорѣ [Сабов Е. 1925(б): 14].

Проблема заключалась в том, что для простого карпаторусинского народа русский литературный язык был непонятен, был чужим. Венгрия, в свою очередь, вела политику мадьяризации, и поэтому обучение велось на государственном венгерском языке. Ввиду того что в то время не было ни одной средней и высшей школы с преподаванием на русском языке, карпаторусинские воспитанники учебных заведений оканчивали учебу, прекрасно владея венгерским языком. Во многих случаях даже превосходили «в изяществе речи самих природных мадяр», при этом их знание родного языка оставалось на очень низком уровне [Сильвай 2014: 119].

Из автобиографических воспоминаний писателя-русофила Сильвай известно, что в сельских школах обучение учеников начиналось и заканчивалось изучением букваря. Как отмечает Сильвай, «все те из наших людей, которые или в прошедшем, или настоящем времени, отличились знанием своего родного языка, они приобрели свое знание не в школе, но собственным прилежанием» [Сильвай 2014: 82].

¹³ Евменій Иванович Сабов [псевд. — Е. Иванов] (1859–1934) — греко-католический священник, преподаватель. Автор учебника «Русская грамматика и Читанка литературнаго языка Угро-русскихъ» (1890). В 1891 г. вышел в свет его молитвенник для детей «Ангель-Хранитель». Автор «Христоматіи церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ» (1893). В 1894 г. опубликовал на венгерском языке книгу «Egyházi szláv nyelvtan» («Церковнославянская грамматика»). Активный член *ОСВВ* и «Общества им. А. В. Духновича в Ужгороде». Он был одним из учредителей и сотрудников газеты «Наука», сотрудником «Карпаторусскаго Вѣстника», американских изданий «Просвѣта» и «День». Племянник К. А. Сабова [Поп 2001: 334; Поп 2006: 321; Магочій, Поп 2010: 673–674].

¹⁴ Александр Васильевич Духнович (1803–1865) — грекокатолический священник, писатель, историк, этнограф, публицист, педагог. Известный «народный будитель карпаторусского народа». Ключевая фигура русинского национального возрождения. Автор национального гимна русинов. Среди многочисленных произведений писателя заслуживают упоминания «Катихисисъ Литургическій» (1851), «Молитвенникъ для русскихъ дѣтей» (1854), молитвенник «Хлѣб души или набожныя молитвы и пѣсни для восточныя церкви православныхъ хрістіянъ» (1851), «Сокращенная грамматика письменнаго русскаго языка» (1853), «Книжица читальная для начинающихъ» (1847) [Поп 2001: 168–170; Поп 2006: 179–181; Магочій, Поп 2010: 204–207].

В заключение вводной части нашей статьи остановимся еще на одном важном факте, который часто упускают из виду многие ученые, занимающиеся исследованием деятельности карпаторусинских писателей-русофилов. На наш взгляд, это немаловажное обстоятельство коренным образом объясняет не только выбор концепции русофилов, но и то, почему они решили создать свой литературный язык именно на основе русского. С этой точки зрения мы сочли важным обратить внимание на слова современников описываемых событий. Об этом волнующем писателей-русофилов вопросе в свое время Сильвай писал так:

Есть и донныне немало людей, отдающих предпочтение простонародному говору над литературным языком, основываясь на том предположении: будто бы образование и развитие литературы должно исходить из живого народного говора. Это положительно так, но они меж тем не догадываются, что ведь литературный язык выработался из народного говора, послужившего пред многими веками основанием и самому церковно-славянскому языку, который в свою очередь послужил основанию литературному. Известно, что человек с здоровым умом не подпадает такому заблуждению, ведь для того, чтобы выработался подобный нынешнему литературный язык, требовалось бы много народных сил, много времени и, полагаем, процесс развития при благоприятствующих обстоятельствах кончился бы тем, что будущие поколения дошли бы до той степени, на которой стоит нынешний литературный язык. А тут речь идет о горсти полмиллионного народа, лишенного всех условий развития, в том вопрос: просуществует ли он до следующего поколения, не исчезнет ли скоро с лица земли, что и память сгладится о нем? [Сильвай 2014: 120].

Писатели-русофилы понимали: чтобы сохранить свой малочисленный, лишенный условий развития, полумиллионный карпаторусинский народ, необходимо действовать быстро. Исходя из этого, вероятно, выбор русского языка в качестве литературного был целиком обоснованным и рациональным решением со стороны карпаторусинской интеллигенции и мог бы увенчаться успехом.

Одним из видных представителей русофильского движения стал К. А. Сабов, который посвятил жизнь народному образованию, сохранению культуры карпаторусинов и распространению русского языка и литературы в Венгрии.

Жизненный путь К. Сабова

Кирилл Антонович Сабов (1838–1914) родился в селе Ставное (венг. *Sztavna*) Венгерского королевства в семье грекокатолического священника. Начальное образование получил в гимназии в Ужгороде¹⁵

¹⁵ Ужгород — до 1918 г. официально Унгвар (венг. *Ungvár*).

(ныне — Украина), позже учился в академии города Сату-Маре¹⁶ (ныне — Румыния), где в 1856 г. получил аттестат зрелости [Lehoczky 1881: 154; Фенцик 1893: 221]. Избрав духовное поприще, Сабов отправился в Вену, где с 1857 до 1860 г. изучал теологию в Центральной духовной семинарии (Барбареум). Одновременно с учебой в семинарии он посещал лекции по славянскому языкознанию в Венском университете в качестве вольного слушателя. В 1862 г. К. Сабов стал преподавателем русского языка и истории в Ужгородской гимназии [Lehoczky 1881: 154; Бабота 1999: 303; Поп 2001: 334, Поп 2006: 321; Падяк 2007: 135; Марочій, Поп 2010: 674]. Вскоре после этого он был рукоположен в священники грекокатолическим епископом Василием Поповичем¹⁷ [Фенцик 1893: 221]. В 1869 г. Сабов усовершенствовал свое педагогическое образование, получив диплом преподавателя русского языка, истории и географии в Пеште¹⁸ [Lehoczky 1881: 154].

Уже в начале преподавательской деятельности (1863–1865) Сабов организывает первый любительский театальный кружок в Подкарпатской Руси. Найденные и изученные нами источники дают противоречивую информацию о том, какие пьесы ставил Сабов. С одной стороны, имеются сведения, что в то время сочинения русских писателей были исключены из репертуара театра, а пьесы угорорусских (т. е. карпаторусинских) авторов ставить было «затруднительно» [Недзельский 1932: 189; Недзельский 1941: 36]. Из-за этого молодому режиссеру Сабову приходилось ставить комедии немецких драматургов, которые он переводил на русский язык, перелицовывая на местный лад. Эти своеобразные адаптации сохранились в рукописях. Есть предположения, что на русском языке рассказы немецких писателей в газете «Свѣтъ»¹⁹ опубликованы в переводах Сабова [Недзельский 1941: 36; Kiss 1992: 82;

¹⁶ Сату-Маре — до 1925 г. официально Сатмар (венг. *Szatmár*).

¹⁷ Василий Попович (1796–1864) — епископ Мукачевской грекокатолической епархии (1837–1864), карпаторусинский общественный деятель, один из основателей ОСВВ. В молодости увлекался идеями славянской зависимости Я. Коллара. Став епископом, требовал, чтобы каждый приход имел школу, а каждый священник или дяк умел читать, писать и преподавать на русском (русинском) языке. Деятельность Поповича высоко оценивал русский славист И. И. Срезневский [Поп 2001: 311; Поп 2006: 300; Марочій, Поп 2010: 607–608].

¹⁸ Пешт — восточная, равнинная часть Будапешта, которая отделена рекой Дунай от другой части города — Буды. В 1849 г. был построен первый мост через Дунай, связавший Пешт с Будой. В 1873 г. в результате объединения городов Пешт, Буда и Обуда образовался город Будапешт.

¹⁹ «Свѣтъ» (1867–1871) — первая еженедельная «неполитическая» газета для массового читателя в Подкарпатской Руси. Задачей этого печатного органа было «защищать интересы руськой (русинской) национальности в сфере литературного просвещения». Газета публиковала обзоры русской литературы, произведения русских писателей. В 1870 г. «Свѣтъ» стал «литературно-общественной газетой», превратившись фактически в журнал [Поп 2001: 338; Поп 2006: 325–326; Падяк 2006: 6; Марочій, Поп 2010: 682–683].

Поп 2001: 335, Поп 2006: 321; Магочій, Поп 2010: 674]. С другой стороны, есть сведения о том, что Сабов ставил и русские пьесы, например, комедию Н. В. Гоголя «Женитьба» [Падяк 2007: 135; Падяк 2013: 69].

Под влиянием событий 1860-х гг. сильно оживилось литературное движение в Подкарпатской Руси. С 1866 г. Сабов, будучи одним из ведущих представителей младшего поколения писателей-русофилов, принимает активное участие в организации и работе *ОСВВ*, сначала в должности секретаря, а в 1870–1871 гг. — возглавляя Общество. В 1867 г. *ОСВВ* учредило свое первое официальное периодическое издание для русинов — газету «Свѣтъ». Членами редколлегии наряду с другими видными угрорусскими писателями были избраны Сабов и Ю. Игнатков²⁰. Последний занимал должность ответственного редактора. Издатели провозглашали славянофильские идеи и предпринимали «первые попытки по употреблению литературного русского слога» [Матула, Чуркина 1975: 387]. Вскоре после открытия газеты Игнаткова перевели на работу в Пешт. Ответственным редактором газеты (начиная с номера 15) стал Сабов. В передовых статьях редактор освещал вопросы о литературном объединении славян, о внедрении русского языка как литературного языка для русинов, о просвещении и образовании народа, а также сообщал об успехах местной журналистики. «Свѣтъ» знакомил читателей с лучшими произведениями не только русских, но и молодых карпаторусинских авторов [Феерчак 1888: 27–28; Падяк 2007: 136; Падяк 2013: 67–68]. Таким образом, газета превратилась в своеобразную антологию карпаторусинской литературы того времени. А это свидетельствовало о том, что в Подкарпатской Руси началось формирование литературного процесса, в котором ключевую роль сыграл Сабов [Падяк 2013: 68].

Сабов понимал, что доступность литературного произведения народу заключается не в грамматике и орфографии, а в стиле письменной речи и внятности содержания [Недзельскій 1932: 188; Rusinko 2003: 229]. Поэтому при поддержке *ОСВВ* Сабов начинает издавать для коллег-учителей серию литературных брошюр под названием «Народное чтение». Одни исследователи утверждают, что в 1870 г. ему удалось издать два выпуска, в которых были опубликованы произведения Кралицкого: «Піявица» и «Ивань» [Сабов Е. 1893: 203; Сабов Е. 1925(а): 24; Бабота 1999: 303; Поп 2001: 335; Поп 2006: 321; Падяк 2007: 135; Магочій, Поп

²⁰ Юрий Игнатков (1840–1885) — педагог, литературовед, лингвист, журналист русофильской и русинофильской ориентации. С 1866 г. работал профессором гимназии в Ужгороде. На страницах газеты печатал статьи из жизни русинского общества, обзоры русской литературы в духе идей славянофильства. Интересовался проблемой взаимоотношения индоевропейских языков, влиянием крестовых походов на развитие культуры Европы, составил первую в Венгрии грамматику цыганского языка «Czigány nyelvtan» (1877) [Бабота 1988: 75–76].

2010: 674]. Другие считают, что Сабову удалось выпустить всего лишь одну брошюру [Гаджега 1925: 37; Недзельский 1932: 188; Kiss 1992: 82; Rusinko 2003: 229].

Вторая половина 1860-х гг. была самым активным периодом в жизни Сабова. В это время он проявляет себя не только как отличный преподаватель и общественный деятель, но и как автор учебных пособий. В 1865 г. под патронатом *ОСБВ* Сабов издает «Грамматику письменного русского языка. По образцу лучших авторов», а в 1868 г. — «Краткий сборник избранных сочинений въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ русскомъ языкѣ».

Из-за панславистских убеждений и мировоззрений Сабова между ним и епископом Мукачевской²¹ грекокатолической епархии Панковичем — ярким сторонником мадьяризации — разразился острый конфликт. До сих пор остается загадкой, почему в 1869 г. Сабов отказался от редакторской должности в газете «Свѣтъ». Существуют предположения, что его сняли с должности по указанию Панковича [Сильвай 1874: 372; Недзельский 1932: 188; Матула, Чуркина 1975: 388; Mayer 1977: 23]. Однако есть сведения, что Сабов отказался из личных побуждений, сославшись на повышенную нагрузку в гимназии [Падяк 2007: 136]. Более правдоподобной представляется первая версия, так как в 1871 г., не побоявшись последствий, Сабов поддержал идею создания сатирической газеты «Сова»²², на страницах которой он продолжал борьбу против мадьяризаторов²³ и главным образом против епископа Мукачевской епархии. Несмотря на то что вышло всего пять номеров газеты «Сова», она вызвала негодование оппонентов, которые в свою очередь на страницах новообразовавшейся газеты «Новый Свѣтъ»²⁴ высмеивали среди

²¹ Мукачево — до 1918 г. официально Мункач (венг. *Munkács*).

²² «Сова» (1871) — иллюстрированная сатирическая газета русино-русофильского направления, которая появилась после закрытия Панковичем газеты «Свѣтъ» и «промадьярского» переворота в руководстве *ОСБВ*. Группа карпаторусинских писателей и публицистов объединилась вокруг журнала «Сова» и открыто выступала против главного проводника политики мадьяризации в Подкарпатской Руси Панковича. Это был единственный случай в Венгрии в XIX в., когда высшего церковного иерарха систематически высмеивали публицисты [Поп 2001: 346; Поп 2006: 332; Магочій, Поп 2010: 700].

²³ Мадьяризаторы (мадяроны) — карпаторусины, перешедшие в процессе мадьяризации в конце XIX — начале XX в. на позиции венгерского государственного патриотизма. С презрением относились к русинской среде, из которой происходили. В доказательство своей верности идее венгерской политической нации с особой агрессией участвовали в процессе мадьяризации карпаторусинов в школьных учреждениях и грекокатолической церкви. Термин «мадярон» (мадярон) в русинской среде стал символом национального предательства [Поп 2001: 238; Поп 2006: 240; Магочій, Поп 2010: 438].

²⁴ «Новый Свѣтъ» (1871–1872) — еженедельник *ОСБВ*, редактором которого был В. Гебей. Создан после закрытия газеты «Свѣтъ». Гебей принял активное участие

прочих и Сабова, которого прозвали Лысаком и охарактеризовали следующими словами: «[...] искусный компилятор одной плохой грамматики из десять хороших и женяльный издатель чужих стихотворений» [Падык 2007: 136].

Вследствие конфликта с Панковичем Сабова решением венгерского правительства в сентябре 1871 г. сослали из Ужгорода в южную часть Венгрии, в город Сегед [Фенцик 1893: 221; Стрипский 1930: 7; Mayer 1977: 23; Kiss: 1992: 83; Геровский 1995: 69]. Занимая должность профессора венгерской королевской реальной гимназии, он преподавал русский язык во втором и пятом классах [Reizner 1899: 331]. Это был один из самых тяжелых периодов жизни Сабова, так как случившееся он воспринял как «изгнание на степь Угорскую» [Каминский 1927: 90]. Известно, что в это время Сабов занимался изучением южнославянских языков, особенно он интересовался сербским [Lehoczky 1881: 154; Szinnyei 1909: 171–172; Kiss: 1992: 83; Бабота 1999: 303].

Годы «ссылки» Сабова длились недолго. В 1879 г. из-за плохого состояния здоровья он вынужден был просить разрешения вернуться на родину. А получив разрешение, поселился в Мукачево, но вскоре был определен учителем главной реальной гимназии в город Кошице²⁵ (ныне — Словакия) [Фенцик 1893: 221; Szinnyei 1909: 171–172; Бабота 1999: 303; Падык 2007: 136; Падык 2013: 68]. В Кошице Сабов также был цензором газет «Листокъ»²⁶ и «Наука»²⁷, которые издавались в Подкарпатской Руси [Каминский 1927: 90; Недзельский 1932: 188–189].

О последних годах жизни Сабова известно очень мало. Однако его имя встречается в списках членов Общества грекокатоликов Венгрии, вокруг которого группировались ассимилированные русины [Mayer 1977: 23]. Сабов скончался в 1914 г. в Кошице.

в смене руководства *ОСВВ* осенью 1871 г., оттуда были изгнаны Добрянский и Раковский. Несмотря на это, газета «Новый Свѣт» казалась епископу Панковичу недостаточно «промадьярской». Поэтому в 1872 г. он закрывает «Новый Свѣт», вместо нее начинает выходить газета «Карпат» (1873–1886), которая выходила на венгерском языке (сначала частично, затем — полностью) [Поп 2001: 278; Поп 2006: 275; Магочій, Поп 2010: 544]. Основание газеты «Новый Свѣт» было результатом идейного раскола в *ОСВВ*. Об этом см.: [Падык 2006: 19–35].

²⁵ Кошице — до 1944 официально Кашша (венг. *Kassa*).

²⁶ Духовно-литературный журнал «Листокъ» (1885–1903) сыграл огромную роль в деятельности *ОСВВ* в середине 1890-х гг. С 1885 по 1890 г. это была единственная газета, которая печаталась на «русском» языке [Поп 2001: 233; Поп 2006: 235; Магочій, Поп 2010: 410].

²⁷ «Наука» (1897–1914, 1918–1922) — еженедельная газета, которая издавалась в Ужгороде. Среди главных редакторов издания были: Ю. Чучка, В. Гаджега, А. Волошин. Кроме региональных новостей в газете публиковались статьи местных ученых, таких как Г. Стрипский, А. Годинка, Ю. Жаткович. Газета печаталась на русинском разговорном языке [Поп 2001: 270; Поп 2006: 269–270; Магочій, Поп 2010: 527].

Грамматика К. Сабова

За написание «Грамматики письменнаго русскаго языка. По образцу лучшихъ авторовъ» Сабов взялся на третьем году преподавания в Ужгородской гимназии, когда ему было всего лишь 27 лет. В предисловии Сабов отмечает, что до этого он был вынужден преподавать по собственным конспектам «ибо распространенѣйшая “Грамматика” изданная А. Мразовичемъ, учить языку Церковно-Славянскому, а “Грамматика” А. Духновича весьма сокращенная, кромѣ того же уже распродана» [ГПРЯ: I].

Грамматика Сабова состоит из четырех частей. Объем книги — 255 страниц. В первой части под названием «Правописаніе» Сабов знакомит учащихся с азбукой, гласными, полугласными и согласными буквами, с делением слов на слоги, с правилами правописания, со знаками препинания и проч. Вторая часть учебника получила название «Словопроизведеніе», т. е. словообразование. Раздел об основных частях речи делится на семь глав. В первой главе автор разбирает следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное. Во второй главе описано местоимение. Третья глава посвящена глаголу. Далее следуют наречие, предлог, союз и междометие. В первых трех главах второй части «Грамматики» даются сведения о склонении имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, а также о спряжении глаголов. Третья часть «Словосочетаніе» разделена на четыре главы: «О согласованіи словъ», «О управленіи словъ», «О разнородныхъ предложеніяхъ, и періодахъ изъ нихъ составленныхъ», «О размѣщеніи словъ». В четвертой части учебного пособия «О слогуудареніи» Сабов попытался описать закономерности использования правильного ударения отметив, что

который именно слогъ произносится с повышеніемъ голоса, на то до сихъ поръ еще не приискано опредѣленныхъ правилъ; сему также научаемся изъ употребленія токмо, и изъ словаря, особенно же изъ прилѣжнаго чтенія книгъ богослужебныхъ или церковныхъ, въ которыхъ поставленно вездѣ правильное слогуудареніе [ГПРЯ: 174–175].

Сабов особое внимание уделил стихосложению, снабдив эту часть «Грамматики» примерами из лучших сочинений русских классиков. Будучи опытным преподавателем, Сабов в предисловии к учебнику дает советы по поводу того, как надо пользоваться пособием в преподавании языка. Оригинальность «Грамматики» Сабова заключается в том, что автор опирался на локальные русинские говоры и показывал, чем речь жителей Подкарпатской Руси отличается от норм русского литературного языка. На эти отклонения автор, как правило, обращает внимание в примечаниях, написанных к различным частям учебника.

Вот несколько примеров:

- (1) Въ языкѣ церковномѣ, — и въ нашихъ многихъ діалектовѣ (sic!), кромѣ послѣдней буквы перемѣняется еще и предпослѣдняя въ нѣкоторыхъ словахъ въ единственномъ предложномъ, у женскихъ и въ дательномъ н. пр. рука, ру-цѣ; человекъ, человекъ-цѣ; нога, но-зѣ; слуга, слу-зѣ [ГПРЯ: 18].
- (2) Въ нѣкоторыхъ околицахъ Подкарпатскихъ употребляются въ произношеніи вмѣсто окончаній единст. род. и вин. меня, тебя, окончанія мене, тебе (sic!); или мя, тя; причину перваго можемъ изслѣдовывати отъ туду; ибо буква я, нѣкогда произношается как е [...] второе же не есть иное, как произношеніе усѣченное [ГПРЯ: 60].
- (3) Окончаніе глаголовъ въ наклоненіи неокончательномъ поставленно въ сей Грамматикѣ на ти, по причинѣ той, ибо какъ въ языкѣ Церковно-Славянскомѣ, такъ и Карпато-Русскомѣ, бывшемъ до новѣйшихъ временъ подъ вліяніемъ Церковно-Славянскаго языка, почти во всехъ околицахъ употребляется; и что Грамматика сія пишется для Русскихъ Подкарпатскихъ. Однако не можно сказать, чтобы окончаніе сіе было общее Русское, потому: что окончаніе ть употребляется не токмо великимъ количествомъ Русскихъ заграничныхъ; но и въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Венгріи, особенно же, въ Ужанской столицѣ живущими Русскими [ГПРЯ: 69–70].

На наш взгляд, эти примечания сегодня могут послужить важным материалом в дальнейшей кодификации вариантов русинского языка как для пряшевских, так и для закарпатских филологов¹.

¹ В широком смысле русинский язык или русинские языки принято понимать как совокупность разнородных диалектных и литературно-языковых образований, которые бытовали или бытуют среди русинов, как на исконных землях, так и за их пределами в районах компактного проживания этой народности. В микрославии, будучи литературным микроязыком, русинский язык, согласно классификации, которая строится по ареально-географическому принципу, делится на два микроязыка. Первый из них — *южнорусинский* — островной, т. е. возникший как результат переселения на другую славянскую территорию в середине XVIII в. (культурный центр — Воеводина (Сербия), Славония (Хорватия)). Второй — *карпаторусинский* — периферийно-островной, т. е. выдвинувшийся за пределы основного ареала и оказавшийся частично в ином этноязыковом окружении. Фактически лишь государственные границы определяют его как остров. Культурный центр карпаторусинского языка — Закарпатская область Украины, восточная Словакия, юго-восточная Польша, северо-западная Румыния и Венгрия. Что касается совершенствования формы литературного языка, у островных микроязыков норма либо уже сформирована, либо находится в процессе формирования [Дуличенко 2014: 577–581]. Так, например, языковые нормы *южнорусинского* языка были заложены в 1923 г. Г. Костельником в книге «Грамматика бачваньско-рускей бешеди» [Рамач 2001: 555]. Для периферийно-островных микроязыков характерен процесс нормирования. Развитие происходит путем культивирования литературных норм и расширения сферы применения [Дуличенко 2014: 577–581]. Нормирование и кодификация карпаторусинского языка в каждой стране происходит по-разному. Наиболее активно работа по нормированию и стандартизации русинского языка

Особо интересны в «Грамматике» Сабова примеры, в которых встречаются местные реалии [Kiss 1992: 85]:

- (4) Татра есть высочайшая гора въ Венгрии [ГПРЯ: 37]
- (5) Онъ говорилъ рѣчь на Мадярскомъ языкѣ, а не на Русскомъ [ГПРЯ: 43]
- (6) Рѣка Дунай выступила изъ береговъ [ГПРЯ: 128]
- (7) Городъ Кошицы есть головное мѣсто сѣверной Венгрии [ГПРЯ: 128]
- (8) Онъ говорилъ о Коломанѣ Мудромъ, Царѣ Венгерскомъ [ГПРЯ: 128]
- (9) Рѣки Дунай и Тиса судоходны [ГПРЯ: 129]
- (10) Города Хустъ и Мукачево одарены хорошою околицею [Kiss 1992: 129]
- (11) Ужгородская, и Пряшевская церкви суть Каѳедральныя [Kiss 1992: 130]

«Грамматика» Сабова имеет два приложения. Первое — образцы приветствий различных высокопоставленных лиц. Второе — «малый Русско-Мадярскій словарецъ», в котором печатались технические и редко употребляемые в повседневной жизни слова. В предисловии к «Грамматике» Сабов подчеркивает, что без такого глоссария не обойтись, потому что русские (русинские) студенты, для которых написан учебник, воспитываются «въ иныхъ языкахъ» и слабо владеют родным языком [ГПРЯ: II].

Вскоре «Грамматика» Сабова с русско-венгерским словарем стала известна и за пределами Венгрии. Сообщал о ее выходе, например, Раковский в статье на страницах ежемесячного историко-литературного журнала «Вѣстникъ западной Россіи» [Раковский 1866: 42]². И все же словарь внимания научного сообщества не привлек. На значение краткого словаря в «Грамматике» первым обратил внимание венгерский

ведется в Словакии. Русинский язык в Словакии был кодифицирован более 20 лет тому назад, и нормы его отдельных языковых уровней обозначались постепенно в отдельных публикациях. В 2015 г. Институтом русинского языка и культуры при Пряшевском университете была издана обобщающая монография «Грама́тика русиньского языка» [Ябур, Плїшкова, Копорова 2015].

² Раковский начал сотрудничать с «Вестником Юго-Западной и Западной России» в 1862 г. С редактором издания А. Говорским его познакомил Я. Головацкий. Первые две корреспонденции Раковского «Письма из Венгерской Руси, сообщения от 12 (24) и 17 (29) июля» были помещены в августовской книжке «Вестника Юго-Западной и Западной России» за 1862 г. Пять дальнейших корреспонденций Раковского были опубликованы в следующих книгах журнала: 1861 (сентябрь, ноябрь, декабрь) и 1862 гг. (февраль, апрель). Однако сотрудничество Раковского с «Вестником Юго-Западной и Западной России» продолжалось недолго, так как австрийские власти конфисковали письма и последние так и не дошли до печати [Матула, Чуркина 1975: 362].

ученый К. Кишш в конце XX в., отметивший, что, несмотря на то что глоссарий — всего лишь часть грамматики, до 1865 г. он был единственным русско-венгерским словарем в Венгрии [Kiss 1991: 206–207; Kiss 1992: 84]³.

По сравнению с двуязычными грамматиками, выходившими из-под пера русинских авторов, где в основном использовались тексты для упражнений с дословными переводами, «Граматику» Сабова можно считать новаторской. К первым относится, например, «Русько угорска ілі мадярска граматіка» И. Фогораши (Вена, 1833)⁴, в приложении к которой автор приводит эквиваленты самых необходимых венгерских словосочетаний, выражений и предложений на церковнославянском языке. Вторым примером может служить вышедший через два года после появления «Граматики» Сабова учебник Раковского на венгерском языке «Orosz nyelvtan», «Русская Грамматика» (Буда, 1867)⁵. Раковский, как в ранних пособиях, старался снабдить книгу большим количеством примеров с переводом на венгерский язык. При склонении или спряжении слов почти во всех случаях приводится венгерский эквивалент, а в конце каждой темы печатаются тексты на обоих языках.

Основу словаря Сабова преимущественно составляет лексика церковнославянского и русского языков. Словарь состоит из 60 страниц. Согласно подсчетам Кишша, общий объем словаря составляет 3–4 тысячи слов [Kiss 1991: 206; Kiss 1992: 85]. В действительности глоссарий

³ В 1881 г. вышел в свет «Русско-мадярскій словарь», автор — А. Митрак. Однако рукопись была готова уже в 1873 г. Эта книга считается первым русско-венгерским словарем. Подробно см.: [Лявинец-Угрин 2016: 149–156].

⁴ Иван Фогораши (Иван Фогорасъ; Иван Фогораший), [псевд. — Иван Бережанин] (1786–1834) — грекокатолический священник, педагог, языковед, этнограф. В 1818 г. был назначен священником церкви св. Варвары в Вене. Член кружка славянских ученых, руководителем которого был известный филолог, создатель словенского литературного языка В. Копитар. Ознакомившись с историей Подкарпатской Руси И. Орлая и находясь под влиянием В. Копитара, Фогораши написал работу о языке русинов «Въ обще о различіи славянских нарѣчій, собственно же о мало и карпато или угрорусскихъ» (1827). В этой работе отстаивал идею единства «карпато или угро-россіан» с «малороссами» и «россіанами». В духе славянской взаимности Фогораши призывал все славянские народы употреблять в качестве письменного старославянский язык. Эту же идею он отстаивал в работе «Русько угорска ілі мадярска граматіка» (1833) и других трудах [Поп 2001: 385; Поп 2006: 368; Магочій, Поп 2010: 783].

⁵ «Русская грамматика» в первую очередь была предназначена для ассимилированных русинов [Kiss 1991: 206]. Из предисловия к учебнику выясняется, что при составлении грамматики Раковский руководствовался работами Н. Греча, А. Востокова, И. Шмидта. Также, по примеру «опытных грамматиковъ», Раковский старался снабдить труд как можно большим числом примеров с переводом на венгерский язык [Раковский 1867: Предисловие]. Одна из самых значительных в этой грамматике — глава о синтаксисе. В грамматиках русского языка середины XX в. подобные главы фактически отсутствуют [Trócsányi 1950: 110].

Сабова состоит приблизительно из 3 200 словарных статей. Словарная статья не содержит грамматической характеристики слова, стилистических помет, не дает информации об ударении и т. д. Что касается венгерских эквивалентов, среди них часто встречаются неточности в переводе. В некоторых случаях в самом лексическом материале словаря автор прибегает к использованию глосс на русинском языке. Например:

Винарь (винцлирь) [ГПРЯ: 196], долбити (довбати) [ГПРЯ: 201], дыба, стати на дыби (дуба стати) [ГПРЯ: 202], изгара (зага) [ГПРЯ: 207], индійскій петухъ (пулякъ) [ГПРЯ: 208], истопникъ (печухъ) [ГПРЯ: 209], колесникъ (колесарь) [ГПРЯ: 210], конюхъ (конюхарь) [ГПРЯ: 212], корзина (кошаръ) [ГПРЯ: 212], костерь, rozdor'ja (паздерья) [САБОВ: 212], молвити (мовити) [ГПРЯ: 215], насморкъ (натга) [ГПРЯ: 217], натошакъ (натгче) [ГПРЯ: 217], обѣдня (служба) [ГПРЯ: 218], перчатка (рукавица) [ГПРЯ: 220], погребъ (пивница) [ГПРЯ: 221], польза (хосенъ) [ГПРЯ: 222], проволока (дроть) [ГПРЯ: 226], прозвание (прозвище) [ГПРЯ: 226], пуля (куля) [ГПРЯ: 226], серьга (заушниці) [ГПРЯ: 233], сквозь (скрузь) [ГПРЯ: 233], скорнякъ (кучнѣрь) [ГПРЯ: 233], смуглый (барнастый) [ГПРЯ: 234], стлати (стелити) [ГПРЯ: 237], стремглавъ (суныголовъ) [ГПРЯ: 237], сутки (доба) [ГПРЯ: 238], сыворотка (жendiца) [ГПРЯ: 239], таратайка (тарадайка) [ГПРЯ: 239], тетка (тютка) [ГПРЯ: 240], тминъ (кминъ) [ГПРЯ: 240], тормошити (торносити) [ГПРЯ: 241], хозяинъ (газда) [ГПРЯ: 247], хоругвъ (кураговъ) [ГПРЯ: 248], цыпки (на цапки) [ГПРЯ: 249], чаща (хаща) [ГПРЯ: 249], четъ, четъ или нечетъ? (цвѣтъ, или нецвѣтъ) [ГПРЯ: 250], чирей (чирякъ) [ГПРЯ: 250], чихати (кихати) [ГПРЯ: 250].

Словарь Сабова нельзя охарактеризовать как особо значимый, однако он в любом случае может считаться первой попыткой создания русско-венгерского словаря в Венгрии [Kiss 1991: 206–207; Kiss 1992: 84]⁶.

Сборник русской литературы К. Сабова

В 1868 г. Сабов издает книгу «Краткій сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ русскомъ языкѣ». Это издание по праву признали первой антологией русской литературы, изданной в Подкарпатской Руси [Линтур 1963: 127]. В «Сборнике» Сабова напечатаны произведения писателей XVIII–XIX вв. первого ряда.

⁶ В настоящей работе мы руководствовались единственным экземпляром «Грамматики» Сабова, сохранившимся в Венгрии в Национальной библиотеке им. И. Сечени. Однако в этом экземпляре не оказалось словарной части учебного пособия. Страницы глоссария могли исчезнуть из «Грамматики» при обновлении переплета. Благодаря помощи преподавателя Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци П. Е. Барань в нашем распоряжении оказалась ксерокопия словарной части «Грамматики» Сабова, сделанная в Закарпатском областном государственном архиве (г. Берегово). Именно этот материал лег в основу нашего исследования.

В предисловии автор пишет о том, с какой целью был создан сборник:

Чтобъ угро-русскимъ братьямъ нашимъ, желающимъ познакомиться съ литературнымъ чисто-русскимъ слогомъ, но неимѣющимъ способа и средствъ къ тому — хотя почастіи пособствовать; чтобы тѣмъ, которые слышавъ и читавъ объ этомъ слогѣ вообразили себѣ можно неточный судъ объ немъ, подать способъ соравнить его съ туземнымъ говоромъ; да чтобъ читавшимъ и изучившимъ новѣйшія грамматики, изданныя у насъ, и дѣлающимъ попытки писать по тѣмъ грамматикамъ послужить различными образцами слога для упражненія [...] [Сабов К. 1868: I].

Возникает вопрос, из каких источников брал Сабов произведения русских классиков? Из исследований П. Линтура известно, что в книжных фондах Ужгородской университетской библиотеки (бывшей епархиальной), Областного краеведческого музея и Мукачевской монастырской библиотеки была богатая коллекция московских, петербургских, киевских и других изданий XVIII в. [Линтур 1963: 125]⁷. Известно также, что на рубеже XVIII и XIX вв. эти фонды пополнялись благодаря выехавшим в Россию русинским деятелям⁸ [Ibid.: 126], с одной стороны, а также оставшимся в Подкарпатской Руси ревнителям идей литературного и духовного панславизма, с другой. Так, например, из письма Раковского М. Раевскому⁹ от 13 (25) января 1856 г. известно, что из России Раковскому в Вену были доставлены книги, которые должны были послужить подспорьем для его «соплеменников» в деле распространения русской литературы [Матула, Чуркина 1975: 382]. На основе воспоминаний

⁷ Со второй половины XVIII в. русская книга проникает в Подкарпатскую Русь довольно быстро. Так, например, в библиотеке Мукачевского монастыря хранится тетрадь с рукописной копией оды М. В. Ломоносова «На восшествие на престол Елизаветы Петровны» (1741) и трагедии «Демофонт» (1751). Копия была создана в 1762 г. Об этом см.: [Пронин 2005: 387–388].

⁸ Чтобы обеспечить приемлемые условия жизни, одна часть местной карпаторусинской интеллигенции рассеялась по всей Венгрии, а другая, чтобы реализовать свои таланты, переселилась в Россию. Среди карпаторусинских деятелей в России следует в первую очередь назвать придворного врача и писателя И. С. Орлая (1770 [1771?] — 1829), юриста М. А. Балудянского (1769–1847), философа П. Д. Лодия (1764–1829), слависта Ю. И. Венелина (1802–1839), педагога и ученого В. Г. Кукольника (1765–1821). Переселившись в Россию, они сыграли большую роль в развитии русской науки и просвещения. В частности, М. А. Балудянский принимал деятельное участие в создании русской юридической терминологии, П. Д. Лодий — философской, А. С. Орлай — медицинской, В. Г. Кукольник — терминологии химии, агрономии и политической экономики [Аристов 1995: 15–16; Недзельский 1932: 110].

⁹ М. Ф. Раевский (1811–1884) — настоятель русской посольской церкви в Вене с 1842 г. до конца жизни, общественный деятель славянофильского направления, панславист, почетный член Славянского благотворительного общества. Личное знакомство Раевского с Раковским состоялось весной 1854 г. Их переписка продолжалась с 1856 по 1876 г. [Матула, Чуркина 1975: 8; 382].

И. Сильвая (Уриила Метеора) — друга и единомышленника Сабова — удалось установить, что в те времена состоятельные люди выписывали «русские книги из Лейпцига и других мест; чаще можно было встречаться с сочинениями Н. Гоголя, А. Пушкина, А. Хомякова и проч.; что попадалось под руки русское, читалось с жадностью» [Сильвай 1874: 357]. Исходя из содержания антологии, можно предположить, что Сабов воспользовался присланными Раковскому книгами, а также собственной библиотекой.

«Краткий сборник избранных сочинений в прозе и стихах» Сабова состоит из 45 произведений или отрывков из русской словесности. Объем книги — 208 страниц. Вначале Сабов хотел проставить ударения в словах, так как оно «вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ языковъ уклонилось отъ правильнаго», однако из-за того что в типографии не было подходящих букв «с акцентами», ему этого осуществить не удалось.

В антологии Сабова собраны тексты и отрывки текстов русских писателей XVIII и XIX вв., например, стихотворения В. А. Жуковского, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова; проза К. Н. Батюшкова, В. И. Даля, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, П. М. Ковалевского и писательницы А. П. Глинки; басни И. И. Хемницера, И. А. Крылова и А. Е. Измайлова; а также отрывки из пьесы «Рыбак» Н. А. Полевого. Кроме произведений русских писателей и поэтов, в «Сборник» вошел перевод сербской былины о Марке Кралевиче И. П. Боричевского и рассказ «Сонъ» из данного в Петербурге цикла «Народные рассказы» (1857) украинской писательницы Марко Вовчок.

В антологии Сабов много внимания уделяет Ломоносову. О нем напечатаны четыре библиографических очерка из книги К. А. Полевого «Исторія русской словесности: Ломоносовъ», «Бѣгство Ломоносова», «Черезъ нѣсколько летъ, или: чтеніе первыхъ стиховъ Ломоносова у императрицы Анны Іоанновны» и «Смерть Ломоносова».

Сабов включил в «Сборник» отрывки из «Исторіи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина, а также воспоминания Ф. В. Булгарина «Встрѣча съ Карамзинымъ». Также он перепечатал текст «Житія просвѣтителей Славянъ св. Кирилла и Меѳодія» из «Четыи Минеи» 14 февраля и 11 мая, сказки из «Хрестоматіи» С. Н. Шафранова и библиографический очерк о Петре I из «Хрестоматіи» А. Д. Галахова. В «Сборник» включены «Мелкія лирическія стихотворенія» И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова и др. Сабов не упустил из виду и русские пословицы, а также образцы писем.

О том, насколько популярен был «Сборник» Сабова по сравнению с его «Грамматикой», сведений нет. Известно лишь то, что спустя более

20 лет, проживая уже в Кошице, Сабов написал письмо своему другу-единомышленнику, настоятелю Мукачевского монастыря А. Кралицкому с просьбой переслать ему его «скрыню», т. е. сундук с книгами, который перед выездом он оставил у Кралицкого на сохранение. В этом сундуке хранилось несколько экземпляров «Сборника» Сабова. Из письма от 5 декабря 1892 г. выясняется, что жизненные обстоятельства у Сабова изменились и он надеялся, что ему удастся свои «Сборники»

помалу сбывать. — Здѣшніе гонведскіе офицеры¹⁰ наняли меня, чтобы я училъ ихъ русскому (: московскому :) языку. Для достиженія цѣли этотъ Сборникъ наміряю я употреблять какъ „читанку” и они должны его покупать. [...] — Вотъ ж іронія-ли это, что рускія изданія мадярскіе гонведы будутъ покупать! [Сабов К. 1892].

Преподавание русского языка по учебникам Сабова продолжалось и после его ссылки в Сегед: «Граматику» использовали с 1-го класса, а «Сборник» — с 6-го [Геровский 1995: 69].

Заключение

К сожалению, о переиздании «Граматики» Сабова сведений у нас нет. Однако известно, что она широко употреблялась в Ужгородской, Пряшевской, Левочской, Мукачевской и Мараморош-Сиготской гимназиях до 1890-х гг., пока все экземпляры не разошлись. В заключение подчеркнем, что «Грамматика письменнаго русскаго языка. По образцу лучшихъ авторовъ» и «Краткій сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ русскомъ языкѣ» Сабова стали первыми учебниками в Австро-Венгрии, составленными согласно требованиям тогдашней методологии и служившими в течение 25–30 лет основными пособиями в процессе школьного обучения [Сабов Е. 1893: 203; Сабов Е. 1925(а): 24; Недзельскій 1932: 188; Bonkáló 1935: 51; Kiss 1991: 206; Kiss 1992: 85; Геровский 1995: 69; Бабота 199: 303; Падык 2013: 68].

Деятельность Сабова сыграла огромную роль в повышении уровня образования русинов, а также в распространении литературного русского языка в Венгрии.

¹⁰ Гонведскіе офицеры (гонведы; от венг. honvéd, букв. 'защитник отечества') — члены венгерской (а не общей австро-венгерской) армии.

Бібліографія

Істочники

Рукописи

Сабов К. 1892

Закарпатський обласний державний архів. Ф. 64. Оп. 3. Ед. хр. 632. Сабов К., Письма редактора газет «Страхопуд» и «Беседа» Осипа Мончаловского и Кирилла Сабова Анатолию Кралицкому об обмене литературными произведениями. Кошицы дня 5. дек. 1892 г. Монастырь ордена Василиан г. Мукачево, 1892 г.

Литература

Аристов 1995

Аристов Ф., *Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси* [1928], изд. 2-е [1-е — 1928], Москва, 1995.

Бабота 1988

Бабота Л., Юрій Ігнатков, *Дукля*, 36, 2, 1988, 75–76.

——— 1999

Бабота Л., Сабов Кирило, *Краєзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина*. Ковач Ф. et al., ред., Пряшів, 1999, 303.

——— 2007

Бабота Л., Перші редактори світської закарпатоукраїнської преси, *ЕКЗИЛЬ* (<https://ekzyl.livejournal.com/12032.html>; дата последнего обращения: 12.02.2019).

Гаджега 1925

Гаджега Ю., *Історія «Общества св. Василя Великаго» и рѣчь ко дню 60-лѣтія отъ его учрежденія*, Ужгород, 1925.

ГПРЯ

Сабов К. А. *Грамматика письменного русскаго языка. По образцу лучшихъ авторовъ*, Ужгородъ, 1865.

Геровский 1995

Геровский Г. Ю., *Язык Подкарпатской Руси*, Москва, 1995.

Гусьняй 1921

Гусьняй И., *Языковой вопросъ въ Подкарпатской Руси*, Пряшевъ, 1921.

Дронов 2010

Дронов М. Ю., К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, С.-Петербург, 2010, 77–88.

Дуличенко 2008

Дуличенко А., *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*, Ужгород, 2008.

——— 2014

Дуличенко А., *Введение в славянскую филологию*, Москва, 2014.

Каминский 1927

Каминский І. В., Евменій Івановичъ Сабов, *Русскій народный календарь общества А. Духновича на обыкновенный годъ 1927*, 1926, 85–94.

Линтур 1963

Линтур П. В., Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX века, *Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы*, Москва—Ленинград, 1963, 123–136.

Листок 1894

Духовно-литературный журнал Листокъ, 1894, 230.

Лявинец-Угрин 2016

Лявинец-Угрин М., К истории карпаторусинской лексикографии Русско-мадьярскій словарь и Мадьярско-русскій словарь А. А. Митрака, *Omnia amor incipit ab aspectu. Köszöntő könyv Jászay László 65. születésnapjára*, Budapest, 2016, 149–156.

Лявинец-Угрин 2018

Лявинец-Угрин М., Философия языковой концепции карпаторусинских писателей-русофилов, *Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav)*, Novi Sad, September 11th–13th, 2017, Wiesbaden, 2018, 124–131.

Магочій, Поп 2010

Магочій П. Р., Поп І., *Енциклопедія історії та культури Карпатських русинів*, Ужгород, 2010.

Матула, Чуркина 1975

Матула В., Чуркина И., *Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского 40–80 годы XIX века*, Москва, 1975.

Недзельскій 1932

Недзельскій Е., *Очеркъ карпаторусской литературы*, Ужгородъ, 1932.

——— 1941

Недзельскій Е., *Угро-русскій театръ*, Ужгородъ, Уніо, 1941.

Падык 2006

Падык В., *Ужгородський тижневик «Новый Свѣтъ» (1871–1872): Анотована бібліографія матеріалів та історичний нарис*, Ужгород, 2006.

——— 2007

Падык В., Кирил Антонович Сабов. 170-річчя від дня народження педагога, публіциста, видавця (1838–1914), *Календар краєзнавчих пам'ятних дат на 2008 рік*, 2007, 134–136.

——— 2013

Падык В., Кирил Сабов (1838–1914) до 175-роча из дня рожденія педагога, публіциста, будителя, *Русинський альманах 2013*, 2013, 67–69.

Поп 2001

Поп И., *Энциклопедия Подкарпатской Руси*, Ужгород, 2001.

——— 2006

Поп И., *Энциклопедия Подкарпатской Руси*, Ужгород, 2006.

Пронин 2005

Пронин В., *История православной церкви на Закарпатье*, Свято-Николаевский Мукачевский монастырь, 2005.

Раковский 1866

Раковский И., Народныя движенія венгерскихъ русиновъ, *Вѣстникъ Западной России историко-литературный журналъ. Годъ IV*, 18, 7, 3, 1866, 39–47.

Рамач 2001

Рамач Ю., *Грамматика руского языка*, Београд, 2001.

Сабов К. 1865

Сабов К. А., *Грамматика письменнаго русскаго языка. По образцу лучшихъ авторовъ*. Ужгородъ, 1865.

——— 1868

Сабов К., *Краткій сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ русскомъ языкѣ*, Ужгород, 1868.

Сабов Е. 1893

Сабов Е. И., *Христоматія церковно-славянских и угро-русских литературных памятниковъ*, Унгваръ, 1893

——— 1925(а)

Сабов Е., *Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ*, Ужгородъ, 1925.

——— 1925(б)

Сабов Е., Рѣчь по поводу торжества открытія памятника-бюста Александра В. Духновича въ В. Севлюше 8/VI 1925, *Издание культурно-просвѣтительнаго общества имени Александра Духновича въ Ужгородъ*, 14, Ужгородъ, 1925.

Сильвай 1874

Сильвай И. А., Положение угорских русских под управлением Стефана Панковича, епископа Мукачевского, Idem, *Избранные произведения*, Ужгород, 2014, 325–389.

——— 2014

Сильвай И. А., *Избранные произведения*, Н. Гаттас, сост., Ужгород, 2014.

Стрипский 1930

Стрипский К., *Языкъ литературной традиции Подкарпатской Руси*, Ужгородъ, 1930.

Удварі 2002

Удварі І., *Збирька жерел про студію русинського писемства І. Кириличні уббіжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*, (= *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia*, 12), Ніредьгаза, 2002.

Феерчак 1888

Феерчак П., *Очеркъ литературнаго движения угорскихъ русскихъ*, Одесса, 1888.

Фенцик 1893

Фенцик Е., *Очеркъ Угро-русской письменности*, *Духовно-литературный журнал «Листокъ»*, 1893, 221–222.

Францев 1931

Францев В. А., *Изъ исторіи борьбы за русскій литературный языкъ въ Подкарпатской Руси въ половинѣ XIX ст.*, Прага, 1931.

Ябур, Плїшкова, Копорова 2015

Ябур В., Плїшкова А., Копорова К., *Граматика русиньского языка*, Пряшів, 2015.

Bonkáló 1935

Bonkáló S., *A kárpátalji rutén irodalom és művelődés*, Pécs, 1935.

Csernicsko 2013

Csernicsko I., *Ruszin nyelv Kárpátalján: tudományos kérdés ez?, A közép-európaiság dicsérete és kritikája*, Pozsony, 2013, 293–313.

Kiss 1991

Kiss K., *Első orosz nyelvtanaink, nyelvkönyveink, Első magyar alkalmazott nyelvészeti konferencia I. Nyíregyháza, 1991. május 3–4*, Nyíregyháza, 1991, 205–210.

——— 1992

Kiss K., *Adalékok a XIX. századi kárpátaljai russzofilizmus történetéhez Szabó Cyrill és tevékenysége*, *Studia Slavica Savariensia*, 2, Szombathely, 1992, 79–87.

Lehoczky 1881

Lehoczky T., Szabó Cziril, *Beregvármegye monográfiája*, 2, Ungvár, 1881, 154.

Mayer 1977

Mayer M., *Kárpátukrán /ruszin/ politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*, Budapest, 1977.

Rakovszky 1867

Rakovszky J. *Orosz nyelvtan* (= *Русская грамматика*), Buda, 1867.

Reizner 1899

Reizner J., *Főreáliskola, Szeged története*, 3, Szeged, 1899, 326–334.

Rusinko 2003

Rusinko E., *Straddling borders. Literature and identity in Subcarpathian Rus'*, Toronto, 2003.

Szinnyei 1909

Szinnyei J., Szabó Czírill, *Magyar írók élete és munkái*, 13, Budapest, 1909. 171–172.

Trócsányi 1950

Trócsányi Z., Az első magyar nyelvű orosz nyelvtan. *Magyar nyelvőr*, 74, 1950, 108–111.

References

Aristov F., *Literaturnoe razvitie Podkarpatskoi (Ugorskoj) Rusi*, Moscow, 1995.

Babota L., Iurii Ihnatkov, *Duklia*, 36, 2, Prešov, 1988, 75–76.

Babota L., Sabov Kyrylo, *Kraieznavchyi slovnyk rusyniv-ukraïntsv. Priashivshchyna*, Kovach F. et al., ed., Prešov, 1999, 303.

Dronov M. Yu., K voprosu o meste rusofil'stva v natsional'no-kul'turnoi zhizni rusinov Slovakii v 19 stoletii, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, St. Petersburg, 2010, 77–88.

Dulichenko A., *Pis'mennost' i literaturnye iazyki Karpatskoi Rusi (19–20 vv.)*, Uzhhorod, 2008.

Dulichenko A., *Vvedenie v slavianskuiu filologiu*, Moscow, 2014.

Frantsev V. A., *Iz' istorii bor'by za russkii literaturnyi iazyk' v' Podkarpatskoi Rusi v' polovine 19 st.*, Praha, 1931.

Gadzhega Yu., *Istoriia "Obshchestva sv. Vasiliia Velikago" i rech' ko dnuu 60-letii ot' ego uchrezhdeniia*, Uzhhorod, 1925.

Gerovsky G. Yu., *Iazyk Podkarpatskoi Rusi*, Moscow, 1995.

Gusnyai I., *Iazykovyi vopros v Podkarpatskoi Rusi*, Prešov, 1921.

Kaminsky I. V., Evmenii Ivanovich' Sabov, *Russkii narodnyi kalendar' obshchestva A. Dukhnovicha na obyknovennyi god' 1927*, 1926, 85–94.

Kiss K., Első orosz nyelvtanaink, nyelvkönyveink, *Első magyar alkalmazott nyelvészeti konferencia I. Nyíregyháza, 1991. május 3–4*, Nyíregyháza, 1991, 205–210.

Kiss K., Adalékok a XIX. századi kárpátjai ruszofilizmus történetéhez Szabó Cyrill és tevékenysége, *Studia Slavica Savariensis*, 2, Szombathely, 1992. 79–87.

Lintur P. V., Traditsii russkogo klassitsizma v literature Zakarpat'ia 19 veka, *Russkaia literatura 18 veka i slavianskie literatury. Issledovaniia i materialy*, Moscow, Leningrad, 1963, 123–136.

Lyavinecz-Ugrin M., K istorii karpatorusinskoi leksikografii *Russko-mad'iarskii slovar' i Mad'iarsko-russkii slovar' A. A. Mitrika, Omnis amor incipit ab aspectu. Köszöntő könyv Jászay László 65. születésnapjára*, Budapest, 2016, 149–156.

Lyavinecz-Ugrin M., Filozofia iazykovoi kontseptsii karpatorusinskikh pisatelei-rusofilov, *Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav)*, Novi Sad, September 11th–13th, 2017, Wiesbaden, 2018, 124–131.

Magocsi P. R., Pop I., *Entsyklopediia istorii ta kul'tury Karpats'kykh rusyniv*, Uzhhorod, 2010.

Matula V., Churkina I., *Zarubezhnye slaviane i Rossiia. Dokumenty arkhiva M. F. Raevskogo. 40–80 gody XIX veka*, Moscow, 1975.

Mayer M., *Kárpátukrán /ruszin/ politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*, Budapest, 1977.

Nedzelsky E., *Ocherk' karpatorusskoi literatury*, Uzhhorod, 1932.

Nedzelsky E., *Ugro-russkii teatr'*, Uzhhorod, Unio, 1941.

Padyak V., *Uzhhorod's'kyi tyzhnevnyk "Novyi Svet" (1871–1872): Anotovana bibliohrafiia materialiv ta istorichnyi narys*, Uzhhorod, 2006.

Padyak V., Kyryl Antonovych Sabov. 170-richchia vid dnia narodzhennia pedahoha, publitsysta, vydavtsia (1838–1914), *Kalendar kraieznavchyykh pam'iatnykh dat na 2008 rik*, 2007, 134–136.

Padyak V., Kyryl Sabov (1838–1914) do 175-rocha yz dnia rozhdeniia pedagoga, publitsysta, budytelia, *Rusyn's'kyi al'manakh 2013*, 2013, 67–69.

Pop I., *Entsiklopediia Podkarpatskoi Rusi*, Uzhhorod, 2001.

Pop I., *Entsiklopediia Podkarpatskoi Rusi*, Uzhhorod, 2006.

Pronin V., *Istoriia pravoslavnoi tserkvi na Zakarpat'e*, Sviato-Nikolaevskii Mukachevskii monastyr', 2005.

Ramach Yu., *Grammatika russkogo yazyka*, Beograd, 2001.

Rusinko E., *Straddling borders. Literature and identity in Subcarpathian Rus'*, Toronto, 2003.

Stripsky K., *Iazyk" literaturnoi traditsii Podkarpatskoi Rusi*, Uzhhorod, 1930.

Trócsányi Z., Az első magyar nyelvű orosz nyelvtan. *Magyar nyelvőr*, 74, 1950, 108–111.

Udvari I., *Zhyr'ka zherel pro studii rusyn'skoho pysemstva I. Kyrlychni ubbizhnyky mukachov'skoho iepyskopa Andriia Bachyn'skoho*, (= *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia*, 12), Nyíregyháza, 2002.

Yabur V., Plishkova A., Koporova K., *Gramatika rusyn'skoho iazyka*, Priashiv, 2015.

Dr. Lyavinecz-Ugrin Marianna, Ph.D.

Eötvös Loránd Tudományegyetem

Bölcsészettudományi Kar

Szláv és Balti Filológiai Intézet

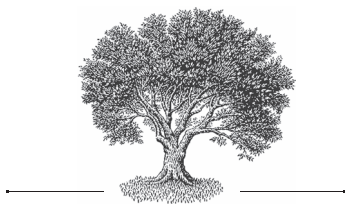
H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D

Magyarország / Hungary

mariann.lyavinecz@gmail.com

Received November 6, 2018

Специфика
польской рецепции
Л. Н. Толстого в
свете оппозиции
«Россия — Европа»
(на материале
юбилейных
откликов 1908 г.)

Иоанна Пиотровска

Варшавский университет
Варшава, Польша

The Specificity of the
Polish Reception of Leo
Tolstoy in the Light of
the Dichotomy “Russia
vs. Europe” (Based on
Articles Published on
the Occasion of the
1908 Anniversary)

Joanna Piotrowska

University of Warsaw
Warsaw, Poland

Резюме

Цель статьи — в контексте восьмидесятилетнего юбилея Л. Н. Толстого выявить и рассмотреть основные компоненты его образа (художник, апостол, философ) в польскоязычной прессе Австро-Венгрии и Царства Польского. В качестве материала используются три юбилейных отклика 1908 г.: отклик Г. Сенкевича в краковской газете «Czas» («Время»), анонимный отклик в варшавской газете «Przegląd Poranny» («Утреннее обозрение») и анонимный отклик в газете «Kurier Warszawski» («Варшавский курьер»). В отклике Сенкевича Толстой представлен как религиозный проповедник и чуждый европейской культуре писатель. Говоря о национальной специфике Толстого-художника, Сенкевич отталкивается от противопоставления отсталой,

---

Цитирование: *Пиотровска И.* Специфика польской рецепции Л. Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 352–367.

Citation: *Piotrowska J.* (2019) The Specificity of the Polish Reception of Leo Tolstoy in the Light of the Dichotomy “Russia vs. Europe” (Based on Articles Published on the Occasion of the 1908 Anniversary). *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 352–367.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.13

несвободной и непросвещенной России, чьим голосом является Толстой, прогрессивной, свободной и просвещенной Европе, к которой польский писатель причисляет и себя. Сходным образом Толстой представлен в отклике в газете «Kurier Warszawski». Однако автор показывает Толстого не проповедником, а оригинальным русским философом. Противоположный образ Толстого содержится в публикации газеты «Przegląd Poranny». Здесь Толстой представлен как художник и мыслитель общемирового значения, а его творчество — как достояние всей мировой культуры. В итоге в польских юбилейных публикациях 1908 г. в той или иной степени оказалась задействована оппозиция «Россия — Европа». Специфика восприятия Толстого соотносится с проевропейской и пророссийской позициями польской интеллигенции того времени.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, Г. Сенкевич, польская рецепция, польская пресса, польско-русские культурные связи

Abstract

The purpose of this article is to identify and examine the main components of Leo Tolstoy's image (as an artist, an apostle, and as a philosopher) in the Polish-language press of Austria-Hungary and the Tsardom of Poland in the context of the celebrations to mark the author's eightieth birthday. I draw upon three contemporary journalistic reactions: an article by Henryk Sienkiewicz in the Kraków newspaper "Czas" ("Time"), an anonymous piece in the Warsaw daily "Przegląd Poranny" ("Morning Review"), and another anonymous piece featured in "Kurier Warszawski" ("Warsaw Courier"). Sienkiewicz's article represents Tolstoy as a religious preacher and as a writer alien to European culture. In describing the national specificity of Tolstoy the artist, Sienkiewicz departs from the contraposition between backward, non-liberal and unenlightened Russia whose voice is Tolstoy and progressive, liberal and enlightened Europe with which the Polish writer associates himself. Tolstoy is painted in similar colours in the "Kurier Warszawski" feature. However, the anonymous author describes Tolstoy not as a preacher but rather as an original Russian philosopher. "Przegląd Poranny" presents an entirely opposite image of Tolstoy. Here, Tolstoy emerges as a globally significant artist and thinker, whose work is a legacy of international cultural achievement. Polish responses to Tolstoy's eightieth birthday thus made use of the dichotomy "Russia vs. Europe" in varying degrees. The specificity of Tolstoy's reception by Polish-language media correlates with the pro-European and pro-Russian positions of the Polish intelligentsia at the time.

Keywords

Leo Tolstoy, Henryk Sienkiewicz, Polish reception, Polish press, Polish-Russian intercultural connections

Россия в разные периоды своего исторического развития воспринимала себя включенной либо в европейский контекст (западное направление политики Ивана Грозного, а потом Петра I), либо в азиатский (татаро-монгольское иго, восточное направление политики Ивана Грозного

и Петра I), или же осмысляла себя как страну, у которой свой «особый путь» [...], основанный на ее допетровском наследии, православной духовности и общинном духе» [Зорин 2018: 41]. В случае же Польши связь с Европой осмыслялась по-другому: последовавшее за принятием католицизма «развитие польской культуры в кругу *Rex Latina* становится *национальным идентификатором* [курсив автора. — И. П.]» [Липатов 2014: 56]. Вопрос принадлежности к европеизму получил разрешение в идеологии сарматизма, в русле которого часть польской шляхетской интеллектуальной элиты отделяла себя как единственных потомков античных сарматов (не-славян) от славян [см.: Лескинен 2002]. Таким образом, если одним из ключевых для русской самоидентификации был вопрос о правомерности причисления себя к европейскому пространству, то для польской — о принадлежности к европейской культуре, наследовавшей античной. Эти различия были обусловлены не в последнюю очередь религиозно-конфессиональной спецификой.

Получив идеологическое наполнение, актуализирующая разграничение «своих» и «чужих» оппозиция «Россия — Европа» оказалась особенно востребованной на польской почве в период «поисков путей существования нации без государства» [Липатов 2014: 61]. Интересно отметить, что эта оппозиция повлияла на характер восприятия Л. Н. Толстого в Польше¹, в частности, на юбилейные отклики 1908 г. в польской прессе.

В указанных откликах был сконцентрирован полувековой опыт польской рецепции Толстого², которая формировалась как под русским, так и под европейским, французским в особенности, влиянием [см.: Gerlecka 1960: 150–152, 156–158; Бялокозович 1965: 252–258]. Однако если в России и в остальной Европе к 1908 г. Толстой имел прочный авторитет³, то в польском культурном пространстве ситуация была

¹ Следует иметь в виду, что в рассматриваемое время единого польского государства не существовало: территория Польши была разделена между Россией (Царство Польское), Пруссией и Австро-Венгрией. Далее мы рассматриваем публикации из польской прессы, выходившей в Царстве Польском и Австро-Венгрии.

² Первая информация по-польски о Толстом появилась в 1858 г. в варшавском издании «Księga świata» («Книга мира») [Księga świata 1858: 180; см.: Gerlecka 1960: 148].

³ Приведем два примера из чешской и английской прессы. В опубликованном в газете «Venkov» анонсе иллюстрированного издания «Войны и мира», выпускаемого пражским издательством Йозефа Рихарда Вилимека (Josef Richard Vilímek), Толстой представлен как «великий русский писатель, философ, реформатор и пророк нового времени» («velký ruský spisovatel, filosof, reformátor a prorok nové doby» [Venkov 1908]; здесь и далее перевод наш. — И. П.). В свою очередь, в опубликованном «The Daily News» анонсе биографии «The Life of Tolstoy. The First Fifty Years», принадлежащей Эйлеру Моду (Aylmer Maude), Толстой назван «величайшим из живущих русских» («the greatest of

не столь однозначной. Выходящие отдельными изданиями с 1890 г. переводы художественных произведений Толстого, в том числе романов «Война и мир»⁴ и «Анна Каренина»⁵, в большинстве случаев не вызвали резонанса в польской критике, что было обусловлено также расцветом национальной литературы (прежде всего польского романа) [см.: Gerlecka 1960: 161–162]. Исключение составил роман «Воскресение», широко обсуждавшийся польской критикой [см.: Senczuk 1956]. Неоднозначно воспринимались также «реформаторская мысль» («reformatorska myśl» [Gerlecka 1960: 162]) Толстого и «сама его личность» («sama jego osoba» [Ibid.]), которые при этом вызывали у польской аудитории живой интерес.

Специфика польской рецепции Толстого находит отражение в юбилейных откликах 1908 г.: Толстой-художник постоянно оказывается в тени Толстого-мыслителя. Пытаясь определить культурную принадлежность Толстого, польские авторы оперируют характеристиками «русский» или «мировой» (причем «мировой» понимается и как «всемирный», и как «интернациональный»).

Далее на примере трех юбилейных откликов ([Sienkiewicz 1908a; Przegląd Poranny 1908; Kurier Warszawski 1908]) мы рассмотрим основные компоненты образа Льва Толстого (художник, апостол, философ) в польскоязычной прессе и их соотношение с оппозицией «Россия — Европа».

* * *

Мнение Г. Сенкевича о Толстом, высказанное письменно по просьбе редакции «Русских ведомостей»⁶, было первой реакцией на юбилей русского писателя в польской прессе⁷. В этой публикации отразился взгляд ведущего польского писателя⁸ и, как подчеркивалось в редакционной

---

living Russians»), «русским пропоком» («the Russian prophet»), «апостолом непротивления» («the apostle of non-resistance») [The Daily News 1908]. Некоторое представление о рецепции Толстого в Западной Европе дает не лишенный тенденциозности, но содержательный очерк Х. Штульц [см.: Штульц 1965].

⁴ Wojna i pokój. Romans historyczny Lwa hr. Tolstoja, tłum. Alfa, 1–9, Gródek, 1894 [см.: Grzegorzczak 1964: 113].

⁵ Leon N. Tolstoj, Anna Karenina, przekł. J. W[ołowskiego], 1–3, Kraków, 1898–1900 [см.: Grzegorzczak 1964: 121].

⁶ Эта информация была указана в краткой редакционной заметке к польской публикации [см.: Sienkiewicz 1908a].

⁷ Этот текст был опубликован по-русски 10 сентября (28 августа) [Сенкевич 1908], а по-польски — уже 5 сентября 1908 г. Следует отметить, что отклик Сенкевича активно перепечатывался (полностью либо частично) польской прессой [см., напр.: Sienkiewicz 1908b; Sienkiewicz 1908c; Sienkiewicz 1908d; Sienkiewicz 1908e].

⁸ Из широко известных польских писателей редакции русских газет обратились также к Б. Прусу и Э. Ожешко. Их ответы появились в русской, а затем польской

заметке, «выдающегося представителя европейской мысли» («wybitny przedstawiciel europejskiej myśli» [Sienkiewicz 1908a]) на сопоставимого по величине представителя русской культуры. Взгляд Сенкевича во многом определил специфику польской рецепции Толстого в контексте его восьмидесятилетнего юбилея. В то же время это был не совсем обычный юбилейный отклик: в восприятии симпатизировавшего идеям сарматизма Сенкевича польская культура принадлежала европейской цивилизации, которую он противопоставлял славянской. Укажем также, что юбилейный отклик Сенкевича возник через несколько месяцев после получения письма от Толстого. В этом письме от 27 декабря 1907 г. Толстой ответил на публичный призыв Сенкевича противодействовать прусским планам отчуждения земли у поляков [Sienkiewicz 1907]. Ответ Толстого стал для Сенкевича полной неожиданностью⁹.

Ключевой для сенкевичевского взгляда на Толстого была оппозиция «Россия — Европа». Польский писатель изначально педалировал русскость Толстого, видя в нем не просто «такого рода ум, который мог вырасти только на русской почве» («tego rodzaju umysł, który mógł wyrosnąć tylko z rosyjskiej gleby» [Sienkiewicz 1908a]), но подлинное воплощение чуждой европейской культуре «русской души»:

Zbiorowa dusza waszego ludu, przygnieciona niesłychanym brzemieniem niedoli i niewoli, a zarazem mistyczna, zrażona do życia zewnętrznego, a zajęta wewnętrznem i zaświatowem, szukająca ulgi w sektach religijnych, przemówiła przez jej [sic!] usta głosem, który usłyszał cały świat [Ibid.]¹⁰. — Коллективная душа вашего народа, придавленная неслыханным гнетом недоли и неволи, и одновременно мистическая, нацеленная против внешней жизни и поглощенная внутренним и неземным, ищущая облегчения в религиозном сектантстве, обрела через ее [sic!] уста голос, который услышал целый свет.

Воплощенные в Толстом отличительные черты «русской души» Сенкевич видел в ярко выраженном мистическом начале и в противостоящем западной «просвещенной» религиозности еретичестве. При этом

прессе позднее, чем текст Сенкевича, уже после толстовского юбилея. Письмо Ожешко впервые было опубликовано 6 (19) сентября 1908 г. в «Русских ведомостях» [Оржешко 1908] (в польской прессе см., напр.: [Orzeszkowa 1908]), а ответ Пруса — 11 (24) сентября 1908 г. в «Речи» [Прус 1908] (в польской прессе см., напр.: [Prus 1908]).

⁹ Толстой среди прочего писал: «Что же касается до подробностей того дела, о котором вы пишете: о приготовлении прусского правительства к ограблению польских землевладельцев крестьян, то и в этом деле мне больше жалко тех людей, которые устраивают это ограбление и будут приводить его в исполнение, чем тех, кого ограбят. [...] Я думаю, что и теперь для всякого нравственно чуткого человека не может быть сомнения в выборе: быть пруссаком, солидарным со своим правительством, или изгоняемым из своего гнезда поляком. [...] Простите, если письмо мое не отвечает тому, чего вы от меня желали» [Толстой 1956: 273].

¹⁰ Во всех цитатах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

мистицизм и сектантство он показывал как следствие векового социального рабства — «недоли и неволи» — русских. Здесь обнаруживаются намеки как на долгий период существования крепостной зависимости в России (в отличие от Царства Польского и остальной Европы), так и на «неправильное» (отпавшее от католицизма) русское христианство.

В таком контексте традиционное сравнение Толстого с Ж.-Ж. Руссо начинало представать в новом свете — на первый план невольно выдвигалась отсталость взглядов русского писателя даже по сравнению с французским автором XVIII в.:

Jest to pod pewnym względem wasz Rousseau z dodatkiem słowiańskiego mistycyzmu, skłonnego do wiary, że prawdziwa rzeczywistość zaczyna się dopiero po drugiej stronie życia. [...] Zachodzi przytem między nimi i ta różnica, że Rous[s]eau jest kosmopolitą — Tołstoj chce nim być tylko. Pierwszy streścił, uświadomił i wypowiedział idee, których atomy krążyły już, jako reakcja przerw [przeciw. — И. П.] konwencyonalnej marności życia, nietylko w głowach filozofów, lecz i wśród wykształceńszych ludzi całej Europy; przez drugiego odzywa się dusza ludu specyficznie rosyjska. Z tego powodu Tołstoj jest też jednym z najbardziej narodowych waszych pisarzy. Jego słowiańsko-rosyjski charakter tkwi także i w tym, że, mogąc być wielkim artystą, woli być apostołem [Ibid.]. — Это под определенным углом зрения ваш Руссо с добавлением славянского мистицизма, склонного верить, что подлинная действительность начинается лишь по ту сторону жизни. [...] При этом между ними также наблюдается та разница, что Руссо — космополит, — Толстой же только хочет им быть. Первый сформировал, осознал и высказал идеи, атомы которых уже витали, как реакция против конвенциональной бренности бытия, не только в головах философов, но и среди образованнейших людей всей Европы; через второго говорит специфически русская душа народа. По этой причине Толстой является тоже одним из самых национальных ваших писателей. Его славянско-русский характер коренится также и в том, что, могучи быть великим художником, он предпочитает быть апостолом.

Сенкевич не случайно привлек здесь столь значимую для Толстого фигуру Руссо. Сравнение Толстого с Руссо позволяло польскому писателю педалировать не сходство между ними, а различие. С точки зрения Сенкевича, Руссо — европейский философ, изложивший актуальные для своего времени идеи, в то время как Толстой — «апостол»¹¹, проповедник отсталых, коренящихся в славянском мистическом сознании взглядов. Тем самым Сенкевич подчеркивал, что Толстой не только не стал продолжателем Руссо, но даже не достиг его уровня.

Именно толстовское учение Сенкевич воспринимал как образец русской ретроградности:

¹¹ Отметим, что характеристика Толстого как апостола восходит к заголовку статьи Вильяма Дженнингса Брайана (William Jennings Bryan) «Толстой, апостол любви» («Tolstoy, The Apostle of Love», 1904) [см.: Волкова 1956: 18].

W istocie rzeczy bowiem, dla duszy zachodniej, wyhodowanej w kulturze łacińskiej, rozmiłowanej w życiu, czynnej, zapobiegliwej i gotowej do walki ze wszystkim tem, co potęgę i radość tego życia umniejsza — niemasz nic przeciwniejszego od tych podniosłych, ale zbyt pierwotnych koncepcyj tołstojowskich, w których idylla ewangeliczna ma za podkład bierność wobec zła i jakby buddaistyczne wyrzeczenie się — zarówno organizacji społecznej, jak i walki z przeciwnościami i zdobywania szczęścia, a nawet i rozkoszy. Narzucić światu tego rodzaju koncepcje, wypowiedzieć je w taki sposób, by zmusić inteligencję zachodnią do rozważania ich i do zaliczenia w poczet nowych prądów, mógł tylko tak wielki talent i takiej miary artysta [Ibid.]. — Ибо, по сути дела, для западной души, воспитанной в латинской культуре, влюбленной в жизнь, деятельной, заботливой и готовой бороться со всем тем, что силу и радость этой жизни уменьшает, — не существует ничего более противного этим возвышенным, но слишком первозданным толстовским концепциям, в которых евангелическая идиллия имеет основой безучастность к злу и словно бы буддистское отречение — как от общественной организации, так и от борьбы с превратностями, и от завоевывания счастья, и наслаждения даже. Навязать миру такого рода концепции, выразить их таким способом, чтобы заставить западную интеллигенцию обдумывать их и зачислить в ряд новых течений, мог только такой великий талант и такого масштаба художник.

Отказывая толстовскому учению в статусе философской доктрины («слишком первозданные [...] концепции»)¹², Сенкевич считал идеи Толстого отражением русской несвободы и мистицизма («евангелически-анархистская идиллия» — «ewangeliczno anarchiczna idylla» [Ibid.]). Следствием этих свойств русского бытия стало проповедуемое Толстым «непротивление злу насилием», что, по мнению Сенкевича, оборачивается полной пассивностью, равнодушием к своему и чужому положению и в итоге — «безучастностью к злу». Как нам представляется, таким образом Сенкевич откликнулся на недавнее письмо Толстого и его отношение к ситуации поляков в Пруссии.

Вместе с тем польский писатель видел заслугу Толстого в том, что тот кардинально изменил европейское представление о России:

Rosya była przed Tołstojem znana jako dziwne, ogromne i starzejące się w bezdusznych formach państwo — on ukazał ją światu, jako dziwny, ogromny i młody lud [Ibid.]. — Россия до Толстого была известна как странное, огромное и стареющее в бездушных формах государство — он явил ее свету как странный, огромный и молодой народ.

Иными словами, благодаря Толстому Европа за архаичной бюрократической системой России разглядела наконец витальную нацию.

¹² Идеи Толстого, не только соответствующие тенденциям в европейской культуре и науке того времени [Ореханов 2010: 51], но также перекликающиеся с современными ему поисками в протестантском богословии [Ibid.: 107], в Западной Европе воспринимались как сформированная доктрина (сам писатель никогда не определял их как законченное учение [Ibid.: 24]).

В итоге каждый из членов оппозиции «Россия — Европа» в юбилейном отклике Сенкевича складывается из следующих элементов: Россия — славянское наследие, аскетизм, внутренний конфликт государства и нации, мистическое сознание (и подспудно — православие); Европа — античная традиция, жизнелюбие, единство государства и нации, церковное сознание и католицизм.

* * *

В отличие от Сенкевича, анонимный автор объемной юбилейной статьи, опубликованной 10 сентября 1908 г. в газете «Przegląd Poranny»¹³, отталкивался от оппозиции «национальный — мировой» (где ‘мировой’ означает ‘всемирный’). Свой взгляд автор выстраивал, полемизируя с восприятием Толстого рядом европейских авторов как сугубо русского художника:

Jeśli istotnie Lew Tołstoj jest li-tylko przedstawicielem swego ludu i swojej rasy, jeśli istotnie nie odczuwa «wewnętrznych melodji» cywilizacji zachodniej i niesprawiedliwie, zewnątrznie sądzi jej słabości i śmieszności, jeżeli istotnie azjatycką i barbarzyńską jest ta «mieszanina anarchizmu i askezy», która tworzy jego «religię», religię wzgardy nie dla wiedzy i nawet nie dla własności i prawa, ale dla bałwochwalstwa przed wiedzą, własnością i prawem li-tylko pisanem — czyż można byłoby zrozumieć ów dziwny czar, który jego proste, głębokie natchnione pisma we wszystkich mowach świata wywierają pod każdą szerokością geograficzną na każdy umysł zatrzymujący się na jego kartach? czem można byłoby wytłomaczyć ów szum nowych pojęć i dążeń jakie budzą na przeciwległych krańcach świata? i czy można byłoby wyjaśnić zagadkę, dlaczego dzień dzisiejszy stał się naprawdę świętem ideowem całej ludzkości? [Przegląd Poranny 1908]. — Если Лев Толстой действительно является всего лишь представителем своего народа и своей расы, если действительно не ощущает «внутренних мелодий» западной цивилизации и несправедливо, извне судит ее слабые и смешные стороны, если действительно азиатской и варварской является эта «смесь анархизма и аскетизма», которая составляет его «религию», религию презрения не к знаниям и даже не к собственности и закону, но к идолопоклонничеству перед знаниями, собственностью и всего лишь писанным законом, — разве можно было бы понять то удивительное очарование, которое оказывают его простые, глубокие, вдохновенные сочинения на всех языках мира на каждой географической широте на каждый ум, задерживающийся на его страницах? чем можно было бы объяснить тот шум новых представлений и стремлений, которые они пробуждают на противоположных концах света? и разве можно было бы объяснить загадку, почему сегодняшний день стал в самом деле идейным праздником всего человечества?

¹³ В 1909 г. с тиражом 24 000 экз. это издание было третьей по читаемости варшавской газетой [см.: Kmiecik 1976: 111].

Вставая на точку зрения представителя западноевропейской культуры, польский автор показывал характерное для нее восприятие Толстого как чуждого инокультурной аудитории писателя и как создателя «религии», в корне противостоящей европейскому изводу христианства, являющей собой сплав азиатского («аскетизм») и варварского («анархизм»). Вместе с тем автор походя отмечал, что «западная цивилизация» не лишена недостатков, «слабых и смешных сторон», а религиозная составляющая заменена в ней «идолопоклонничеством» перед светскими и рациональными ценностями.

Западноевропейскому взгляду автор противопоставлял восприятие Толстого как творца, который излагает и распространяет по всему миру вечные истины. Во фрагменте «удивительное очарование, которое оказывают его простые, глубокие, вдохновенные сочинения на всех языках мира на каждой географической широте на каждый ум» фактически парафразировалось понятие апостольства, а Толстой тем самым представлялся новым апостолом, несущим божественное знание народам.

В другом месте автор обращался к чуждому ему германоцентричному взгляду на Толстого, апеллируя к печатному высказыванию некоего немецкого критика¹⁴:

Pewien, bardzo wykwinętny zresztą krytyk niemiecki właśnie w tych dniach uznał nawet za właściwe przestrzec lekkomyślnych entuzjastów tołstojowskich w Zachodniej Europie aby nie zapominali, że religia samotnika z Jasnej Polany ma bardzo niewiele punktów stycznych z ideałami współczesnej kultury, że nawet jest bardzo kategorycznym zaprzeczeniem wszystkiego co w Berlinie, a nawet i w Wiedniu uważane jest za cywilizację i oświecenie [Ibid.]. — Один весьма утонченный, впрочем, немецкий критик именно в эти дни даже посчитал правильным предупредить легкомысленных толстовских энтузиастов в Западной Европе, чтобы не забывали, что религия отшельника из Ясной Поляны имеет очень немного точек соприкосновения с идеалами современной культуры, что она даже является весьма категоричным отрицанием всего, что в Берлине, да даже и в Вене, считается цивилизацией и просвещением.

Немецкий критик противопоставлял идеалы Толстого-мыслителя идеалам современной европейской культуры, но под Европой при этом подразумевались только Берлин и Вена. Здесь отчетливо заметна ирония над узостью такого взгляда на Толстого и русскую культуру в целом, которую польский автор воспринимал как часть мировой культуры.

Сам он, сдержанно-скептически относясь к религиозному аспекту деятельности позднего Толстого, определял ее как «нравственно-моральное апостольство» («apostolstwo obyczajowo-moralne» [Ibid.]),

¹⁴ Выявление этой публикации требует дальнейших изысканий.

акцентируя тем самым этическую сторону. В толстовских религиозных взглядах он обращал внимание не на сектантский, а на учительный момент, отмечая, например, что Толстой «на чистые идеи Христовы указывает [...] как на единственную цель жизни» («W czystych ideach Chrystusowych wskazuje [...] jedyny cel życia» [Ibid.]). Более того, автор подчеркивал, что в своих взглядах Толстой «дошел до фанатизма» («doszedł do fanatyzmu» [Ibid.]), однако в таком контексте «фанатизм», сопоставляемый со страстностью апостолов в своем служении, не был негативной характеристикой.

Под истинной проповедью Толстого в публикации подразумевалось его художественное творчество:

Dziś jest dzień jubileuszu Lwa Tołstoja — dzień czci składanej jednemu z tych, którzy z otaczającej ich przyrody, z prochu ziemi, z którego powstałi, umieli wydobyć zaklęciem geniuszu nie tylko pył barw przemijających ale i pierwiastki wiecznie twórcze, — i którzy depcząc przesady, uprzedzenia i błędy, wśród jakich wzrosłi, zapatrzeni w wiekiasty blask prawd niezmiennych, z niewzruszonym spokojem torują drogi późnej i dalekiej przyszłości [Ibid.]. — Сегодня день юбилея Льва Толстого — день чести, воздаваемой одному из тех, кто из окружающей их природы, из праха земли, из которого они восстали, умел заклинанием гения добыть не только пыль преходящих красок, но и начала вечно созидательные, — и кто, топчя предрассудки, предубеждения и ошибки, среди которых они выросли, следуя вечному блеску неизменных истин, с невозмутимым спокойствием прокладывает пути близкому и далекому будущему.

Следует особо подчеркнуть, что только в этой публикации Толстой был напрямую назван гением. При этом его художественное творчество уподоблялось учению: автор отмечал в нем подобные божественным «начала вечно созидательные» и «вечный блеск неизменных истин». Показательно также, что из толстовских произведений далее он выделял «Воскресение» и «Живой труп» (в публикации — «Труп»/«Труп»), в которых присутствует отчетливая критика православной церкви. Таким образом указывалось, что, став религиозным мыслителем, Толстой как писатель обрел второе дыхание.

Обозначая нераздельность в Толстом художника и мыслителя, польский автор показывал его как гения мирового масштаба, чье творчество — достояние общечеловеческой культуры:

Jest dziś prawdziwie świąteczny dzień w rodzinie ludów świata. Wszędzie gdzie myśl ludzka chce i umie odrywać się od nizin rzeczy i spraw powszednich, wszędzie gdzie serce człowieka szuka celu dla umiłowań i pragnień szlachetniejszych niż te, za którymi goni znikoma namiętność chwili, wszędzie gdzie ponad szarą pajęczyną życia, pełną potu, błota i krwi, wytwarzają się ogniki płomienie czy blaski ideałów — wszędzie tam rozbrzmiewa dziś to samo imię, — imię jedno z tych największych,

najpiękniejszych najbardziej czczonych, jakie trwać będą na całą wieczność w dziejach umysłowej kultury człowieczeństwa, — tem nam bliższe, że nosi je człowiek żywy, człowiek naszego czasu [...] [Ibid.]. — Сегодня воистину праздничный день в семье народов мира. Везде, где человеческая мысль хочет и умеет отрывать от нисов повседневных вещей и дел, везде, где сердце человека ищет цель для любви и желаний более благородных, чем те, за которыми гоняется ничтожная страсть момента, везде, где над серой паутиной жизни, полной пота, грязи и крови, возникают огоньки, пламена или блески идеалов, — там везде раздается сегодня одно и то же имя — имя одно из тех наивеличайших, наипрекраснейших, наиболее чтимых, которые на целую вечность будут оставаться в истории умственной культуры человечества, — тем нам ближе, что его носит человек живой, человек нашего времени [...].

Разделяя идею мирового единства, автор подчеркивал общность народов и культур («семья народов мира», «умственная культура человечества»). Вместе с тем он противопоставлял «высокое» в значении 'возвышенное, вечное' («любви и желания более благородные», «огоньки, пламена или блески идеалов») и «низкое» как синоним низменного («низы повседневных вещей и дел»), грязного («серая паутина жизни, полная пота, грязи и крови»), физиологического («ничтожная страсть момента»). Если «высокое» соотносилось с Толстым, то «низкое» имплицитно проецировалось на Достоевского, творчество которого критика, в том числе польская, неоднократно упрекала в патологичности¹⁵.

* * *

Иной взгляд на Толстого был представлен в конкурирующем с газетой «Przegląd Poranny» издании «Kurier Warszawski»¹⁶. Анонимный автор небольшой юбилейной заметки специально уходил от оппозиции «Россия — Европа», нигде не используя характеристику «европейское». Он исходил из противопоставления «национальный — мировой» (где «мировой»/«международный», в отличие от публикации в газете «Przegląd Poranny», понимается как интернациональный), изначально отмечая:

¹⁵ О польской рецепции Достоевского см. прежде всего: [Wedemann 2010]. 7 марта 1887 г. писатель С. Жеромский записал в дневнике: «Wczoraj całą prawie noc przepędziłem na czytaniu pierwszego tomu *Przestępstwo i kara* Dostojewskiego. [...] te obrazy — są wstrząsające, gniotące, niemożliwe do czytania. [...] To nie ludzie, ale psy sparszywiałe, wyrzucone na gnojowiska. Taka Sonia — prostytutka, utrzymująca ojca pijaka. Straszne!» [Żeromski 1954: 160]. — Вчера всю почти ночь я провел за чтением первого тома «Преступления и наказания» Достоевского. [...] эти образы — потрясающие, подавляющие, невозможные для чтения. [...] Это не люди, а паршивые псы, выброшенные на навозные кучи. Такая Соня — проститутка, содержащая отца-пьяницу. Ужасно!

¹⁶ «Kurier Warszawski» был ведущей ежедневной газетой Царства Польского. В 1909 г. тираж этого издания составлял 33 000 экз. [см.: Kmiecik 1976: 111].

Imię Tolstoja należy w równej mierze do literatury rosyjskiej, jak międzynarodowej, to też dzień dzisiejszy, dzień jubileuszu, wielkiego pisarza rozbrzmiewa szerokim echem po całym świecie cywilizowanym [Kurier Warszawski 1908]. — Имя Толстого принадлежит в равной мере к литературе как русской, так и международной, поэтому сегодняшний день, день юбилея великого писателя широким эхом раздается по всему цивилизованному миру.

Подчеркивая, что «следует взвешенно оценивать в нем отдельно: художника, мыслителя и человека» («należy właściwie rozważać w nim oddzielnie: artystę, myśliciela i człowieka» [Ibid.]), автор заметки останавливался на первых двух ипостасях Толстого, отталкиваясь при этом от текста Сенкевича:

Мыслителя scharakteryzował w sposób zwięzły Sienkiewicz, wykazując, jak artysta torował drogi apostołowi doktryny, i jak ten ostatni oryginalnością swych koncepcji zdawał zainteresowanie dla artysty. W ostatnich jednak latach filozof swoistej doktryny coraz bardziej zaczął zasłaniać sobą artystę [Ibid.]. — Мыслителю сжатую характеристику дал Сенкевич, показывая, как художник прокладывал пути апостолу доктрины и как тот последний оригинальностью своих концепций удваивал интерес к художнику. Однако в последние годы философ оригинальной доктрины все больше начал заслонять собой художника.

В качестве отправной точки автор использовал сенкевичевское противопоставление Толстого как художника и проповедника, которое развивал, однако, по-своему. В его восприятии у Толстого писательская и философская ипостаси долгое время были взаимообусловлены: духовные искания художника подготавливали почву для мыслителя, а оригинальный мыслитель усиливал внимание к художнику. В последнее же время мыслитель стал превалировать над художником, тогда как, по мнению автора, в Толстом должен преобладать художник, если сбалансированное существование двух начал невозможно. Преимущество толстовской писательской ипостаси перед философской обосновывалось тем, что в Толстом-художнике сочетаются национальный и интернациональный компоненты (поэтому он как русский писатель доступен инокультурной публике), в то время как в Толстом-мыслителе — «философе оригинальной доктрины» — присутствует только национальный компонент, чуждый иностранной аудитории.

Далее автор обращался к характеристике в Толстом-писателе национального и интернационального:

A przecież Tolstoj jest głównie wielkim artystą. Głęboki psycholog a zarazem przedziwny plastyk, umie stwarzać obrazy nieprzemijające, dobywając z najbliższego środowiska pierwiastki ogólnie ludzkie, zabarwione we właściwy mu sposób pewną mgłą sceptycyzmu [Ibid.]. — A ведь Толстой — прежде всего великий художник. Глубокий психолог и одновременно дивный живописатель, он

умеет создавать непреходящие образы, извлекая из ближайшего окружения общечеловеческие черты, окрашенные в свойственной ему манере неким туманом скептицизма.

В художественном творчестве Толстого польский автор отмечал, с одной стороны, наднациональные черты, отразившиеся в универсальности проблематики, «непреходящих образах» и «общечеловеческих чертах», с другой — специфически русскую черту, которую он видел в «скептицизме», или «недовольстве окружающим миром» («niezadowolenie ze świata otaczającego» [Ibid.]). Прибегая к более чем странной метафоре «русской лютни», он описывал два способа проявления этого свойства в русской литературе:

Dwie zaś są struny w lutni rosyjskiej, obiedwie pełne rozdźwięków: jedna satyry i ironji, druga owej swoistej «toski», której niepodobna przetłumaczyć przez polską tęsknicę. W obydwóch brzmi niezadowolenie ze świata otaczającego, lecz ujawnia się inaczej: w pierwszej jaskrawo, drwiącym protestem, w drugiej — pod gazą zaziemskiego niemal mistycyzmu. Ten ostatni ton wzmagał się stopniowo w twórczości Tołstoja i znalazł później najwyższe swoje napięcie w doktrynach myśliciela [Ibid.]. — Есть же две струны в русской лютне, обе полные разлада: одна — сатиры и иронии, вторая — той своеобразной «тоски», которую невозможно перевести как польское tęsknica [грусть. — И. П.]. В обеих звучит недовольство окружающим миром, но проявляется оно по-разному: в первой — резко, язвительным протестом, во второй — под вуалью неземного почти мистицизма. Этот последний тон постепенно усиливался в творчестве Толстого и позже достиг наивысшего своего напряжения в доктринах мыслителя.

Здесь автор противопоставлял два типа русского художника. Он выделял, условно говоря, «активно-деятельное» и «пассивно-созерцательное» недовольство миром как оппозицию «сатиры и иронии», с одной стороны, «тоски» и «мистицизма» — с другой (подчеркивалось при этом, что русская 'тоска' — понятие более сложное, чем 'грусть', а потому его смысл инокультурной аудитории полностью недоступен). Если реакция на окружающую российскую действительность, связанная с «тоской» и «неземным почти мистицизмом», соотносилась с Толстым (меланхолическое начало), то противоположная ей, связанная с высмеиванием и разоблачением, — с Достоевским (саркастическое начало).

Однако, выстроив эту оппозицию, автор тут же ее разрушал:

W koncepcjach artystycznych Tołstoja jest i sceptycyzm i pesymizm, jest jednak i wielkie umiłowanie ludzkości, które miało rzekomo nadać im charakter kosmopolityczny. Tak jednak nie jest: Tołstoj pozostał zawsze na wskroś rosyjskim, jeżeli zaś zrozumiały jest dla całego świata, wynika to z siły każdego genjuszu, który wypowiada myśli zawsze w sposób jasny i nie dwuznaczny [Ibid.]. — В художественных концепциях Толстого есть и скептицизм, и пессимизм, есть, однако, и огромная любовь к человечеству, которая будто бы должна была придать им космополитический характер. Однако это не так: Толстой навсегда

остался насквозь русским, если же он понятен всему миру, то это является следствием силы каждого гения, который всегда высказывает мысли ясным и недвусмысленным способом.

Автор считал «скептицизм» и «пессимизм» Толстого сугубо русскими чертами, а его человеколюбие, гуманизм — чертой «космополитической» (т. е. интернациональной, в отличие от сенкевичевского использования этого слова в значении 'всемирный'). Подчеркнув момент «разлада» («roz-dźwięk») между этими свойствами, автор пришел к выводу, что в писателе национальная составляющая преобладает над интернациональной.

Более того, в скупой на оценки биографической справке автор определил толстовское учение как «смесь анархизма и аскетизма» («mieszanina anarchizmu i askezy» [Ibid.]), акцентируя не только его русскость (анархизм и аскетизм восходят к скептицизму и пессимизму), но также антигуманистичность (анархизм связан с отказом от соблюдения общественных норм, аскетизм — с отказом от мира). Таким образом автор подспудно отмечал в Толстом «активно-деятельное» начало и обозначал его связь с Достоевским.

* * *

Итак, в приуроченных к толстовскому юбилею польских публикациях 1908 г. в той или иной степени была задействована оппозиция «Россия — Европа», которая актуализировалась двумя способами: путем представления Толстого как чуждого европейской культуре писателя и религиозного мыслителя или же как художника мирового масштаба, чье творчество принадлежит мировой культуре. Обозначенные тенденции напрямую соотносились с проевропейской и пророссийской позициями польской интеллигенции. Если в первом случае задействованным оказывалось противопоставление русской и польской культур как варварской и европейской, то во втором случае, пусть и в редуцированном виде, акцентировалась их общность.

Библиография

Бялокозович 1965

Бялокозович Б. [Я.], Толстой в Польше (1858–1962), *Толстой и зарубежный мир*, 2 (= Литературное наследство, 75), Москва, 1965, 249–296.

Волкова 1956

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений*, Т. Н. Волкова, подг. текста и комм., 75, Москва, 1956.

Зорин 2018

Зорин А. [Л.], «Особый путь России» — идея трансформационного прорыва в русской культуре, *«Особый путь»: от идеологии к методу*, Атнашев Т. [М.], Велижев М. [Б.], Зорин А. [Л.], сост., Москва, 2018, 36–51.

Лескинен 2002

Лескинен М. В., *Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой*, Москва, 2002.

Липатов 2014

Липатов А. В., Историко-цивилизационный фактор инационального восприятия (на примере польского отношения к русскости), *Россия и русский человек в восприятии славянских народов*, Липатов А. В., Созина Ю. А., отв. ред., Москва, 2014, 50–66.

Ореханов 2010

Ореханов Г., свящ., *Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников*, Москва, 2010.

Оржешко 1908

Оржешко Эл., Лев Толстой. (Письмо в редакцию. Перевод с польского), *Русские ведомости*, 207, 1908, 6 сентября, 2.

Прус 1908

Прус Б., По поводу юбилея, *Речь*, 217, 1908, 11 (24) сентября, 2.

Сенкевич 1908

Сенкевич Г., Лев Толстой. (Перевод с рукописи), *Русские ведомости*, 199, 1908, 28 августа, 2.

Толстой 1956

Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений*, 77, Москва, 1956.

Штульц 1965

Штульц Х., Толстой в Германии (1856–1910), *Толстой и зарубежный мир*, 2 (= Литературное наследство, 75), Москва, 1965, 207–248.

The Daily News 1908

A Book of the Day, *The Daily News*, 1908, September 10, 3.

Gerlecka 1960

Gerlecka R., Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Nauki filozoficzne i humanistyczne*, 15, 1960, 147–174.

Grzegorzczak 1964

Grzegorzczak P., *Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, Warszawa, 1964.

Kmiecik 1976

Kmiecik Z., Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915, *Historia prasy polskiej*, J. Łojek, red., 2, Warszawa, 1976, 58–113.

Księga świata 1858

Współcześni literaci rosyjscy, *Księga świata. Wiadomości z dziedziny nauk przyrodzonych, historii krajów i ludów, żywoty znakomitych ludzi, podróże, opisy ciekawych miejscowości, wód słynniejszych, odkrycia i wynalazki, ważniejsze zajęcia przemysłowe, obrazy towarzyskie, statystyczne, ekonomiczne i t. p. z rycinami na stali czarnymi, kolorowanymi, oraz drzeworytami*, 2, 1858, 179–181.

Kurier Warszawski 1908

Lew Tołstoj. (1828–1908.), *Kurier Warszawski*, 251, 1908, 10 września, 2.

Orzeszkowa 1908

Orzeszkowa o Tołstoju, *Tygodnik mód i powieści*, 40, 1908, 3 października, 3.

Prus 1908

Bolesław Prus o Tołstoju, *Dziennik Kijowski*, 200, 1908, 14 (27) września, 2.

Przegląd Poranny 1908

Jubileusz Lwa Tołstoja 1828–1908, *Przegląd Poranny*, 252, 1908, 10 września, 1.

Semczuk 1956

Semczuk A., «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii, *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*, 3–4 (16–17), 1956, 3–64.

Sienkiewicz 1907

Un Appel de Sienkiewicz à l'Opinion publique, *L'Écho de Paris*, 8587, 1907, 18 Decembre, 1.

——— 1908a

Sienkiewicz o Tołstoju, *Czas*, 204, 1908, 5 września [wyd. wieczorne], 2.

——— 1908b

Henryk Sienkiewicz o Tołstoju, *Kurier Poznański*, 204, 1908, 5 września, 1–2.

——— 1908c

Sienkiewicz o Tołstoju, *Nova Gazeta*, 412, 1908, 7 września [wyd. wieczorne], 3.

——— 1908d

Henryk Sienkiewicz o Tołstoju, *Goniec Wieczorny*, 412, 1908, 7 września, 1.

——— 1908e

Sienkiewicz o Tołstoju, *Kurier Polski*, 251, 1908, 10 września (28 sierpnia), 1.

Venkov 1908

[annonce:] L. N. Tolstoj, Vojna a mír, nakladatelství J. R. Vilímka, *Venkov*, 210, 1908, 6 září, 10.

Wedemann 2010

Wedemann M., *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897*, Poznań, 2010.

Żeromski 1965

Żeromski S., *Dzienniki*, 2, Warszawa, 1954.

References

Białokozowicz B., Tolstoj v Pol'she (1858–1962), *Tolstoj i zarubezhnyi mir*, 2 (= Literaturnoe nasledstvo, 75), Moscow, 1965, 249–296.

Gerlecka R., Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Nauki filozoficzne i humanistyczne*, 15, 1960, 147–174.

Grzegorzczak P., *Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, Warszawa, 1964.

Kmiecik Z., Prasa polska w zaborze rosyjskim w latach 1905–1915, *Historia prasy polskiej*, J. Łojek, red., 2, Warszawa, 1976, 58–113.

Leskinen M. V., *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*, Moscow, 2002.

Lipatov A. V., Istoriko-tsivilizatsionnyi faktor inonatsional'nogo vospriiatia (na primere pol'skogo otnosheniia k russkosti), *Rossia i russkii chelovek v vospriatii slavianskikh narodov*, Lipatov A. V., Sozina Yu. A., eds., Moscow, 2014, 50–66.

Orekhov G., *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i L. N. Tolstoj: konflikt glazami sovremennikov*, Moscow, 2010.

Semczuk A., «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii, *Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego*, 3–4 (16–17), 1956, 3–64.

Shtul's Kh., Tolstoj v Germanii (1856–1910), *Tolstoj i zarubezhnyi mir*, 2 (= Literaturnoe nasledstvo, 75), Moscow, 1965, 207–248.

Wedemann M., *Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897*, Poznań, 2010.

Żeromski S., *Dzienniki*, 2, Warszawa, 1954.

Zorin A., «Osobyi put' Rossii» — ideia transformatsionnogo proryva v russkoi kul'ture, *Osobyi put': ot ideologii k metodu*, Atnashev T., Velizhev M., Zorin A., eds., Moscow, 2018, 36–51.

Joanna Piotrowska, Ph.D.

Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej, adiunkt

ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa

Polska/Poland

j.piotrowska@uw.edu.pl

Received November 18, 2018

Новонайденные
греческие параллели
к славянским
переводным
стихирам*

Newly Found
Greek Sources
of Slavic
Translated
Stichera

Мария Анатольевна Пузина

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Mariya A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье представлены новые, ранее не опубликованные греческие оригиналы к славянским переводным стихирам, содержащимся в рукописях Минейного стихираря XII в. Тексты обнаружены в результате работы с синайскими, афонскими, мессинскими, патмосскими рукописями, рукописями монастыря Гроттаферраты, а также кодексами, хранящимися в библиотеках Ватикана, Парижа, Москвы и Санкт-Петербурга. К публикации подготовлена 31 стихира: на Рождество Богородицы (08.09), Рождество

* Статья написана при поддержке грантов РГНФ № 13-34-01009a1 «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию» и РФФИ № 19-012-00113 «Лингвистическое исследование и критическое издание древнерусских церковно-книжных памятников домонгольского периода». Автор выражает благодарность Т. И. Межиговской за предоставление фотокопий 4 стихир из микрофильмов, хранящихся в Национальной библиотеке Франции (Париж), и Л. В. Прокопенко за консультации и ценные советы относительно прочтения и толкования греческих текстов.

Цитирование: Пузина М. А. Новонайденные греческие параллели к славянским переводным стихирам // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 368–404.

Citation: Puzina M. A. (2019) Newly Found Greek Sources of Slavic Translated Stichera. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 368–404.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.14

Христово (25.12), в Неделю по Рождестве, на Богоявление (05, 06.01), Успение Богородицы (15.08), свв. Дионисию Ареопэгиту (03.10), Иоанникию Великому (04.11), ап. Матфею (16.11), Евстратию, Авксентию, Евгению, Мардарию и Оресту (13.12), Илию, Прову и Арису (19.12), Анастасии Узорешительнице (22.12), ап. Тимону (30.12), прор. Иеремии (01.05), Афанасию Великому (02.05), Леонтию (18.06), Иоанну Предтече (24.06, 29.08), Пантелеимону (27.07), Маккавеям (01.08), Флору и Лавру (18.08), Адриану и Наталии (26.08) на славянском и греческом языках с краткими комментариями.

Ключевые слова

славянская переводная гимнография, стихиры

Abstract

This article features previously unpublished Greek originals to the Slavic translated stichera in the manuscripts of Menaion Sticherarion of the XII century. These texts were found during the study of the manuscripts of Sinai, Athos, Messina, Patmos, the Grottaferrata monastery, as well as of the codices from the libraries of Vatican, Paris, Moscow and St. Petersburg. This article contains 31 stichera on the Nativity of Mary (08.09), Nativity of Christ (25.12), Week after Christmas, on the Epiphany (05, 06.01), the Dormition of the Virgin (15.08), to Saints Dionysius the Areopagite (03.10), to Joannicius the Great (04.11), ap. Matthew (16.11), Eustratius, Auxentius, Eugene, Mardarius and Orestes (13.12), Elias, Probus and Ares (19.12), Anastasia the Pharmakolytria (22.12), ap. Timon (30.12), prop. Jeremiah (01.05), Athanasius the Great (02.05), Leontius (18.06), John the Baptist (24.06, 29.08), Pantaleon (27.07), Machabees (01.08), Florus and Laurus (18.08), Adrian and Natalia (26.08) in Slavic and in Greek, with brief comments.

Keywords

Slavic translated hymnography, sticher

Важное значение для изучения славянской гимнографии представляют одножанровые сборники, такие как Стихирарь, Кондакарь и Ирмологий, которые содержат большое количество гимнов, не вошедших в многожанровые минеи и триоди. Настоящая статья посвящена ранее не опубликованным греческим параллелям к стихирам славянского Минеинного стихираря. В 2000 г. в серии Monumenta Musicae Byzantinae вышло фототипическое издание этого памятника, сопровождаемое славянским инципитарием с греческими параллелями, а также греческим инципитарием [SPP]. В связи с подготовкой нового, наборного издания Стихираря Ак (предполагается, что оно будет включать разночтения по семи сохранившимся славянским спискам XII в., полные греческие соответствия стихир, а также комментарии и словоуказатели) нами проводится работа в рукописных хранилищах России и Европы на предмет поиска неопубликованных греческих оригиналов к стихирам. Следует признать, что большая часть греческих стихир опубликована в Μηναῖα τοῦ ἔτους ἐνιαυτοῦ [MR]. Полезные разночтения к уже известным

стихирам обнаруживаются и в опубликованных в упомянутой выше серии греческих манускриптах [S; SA; SAV]. Незаменимую помощь в розыске греческих текстов оказывает известное издание зачал греческих гимнографических произведений [Follieri 1960–1966], которое дает ссылки на все публикации искомых зачал. Отдельные зачала или полное воспроизведение текста можно найти в Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος [EPH], однако значительную трудность для исследователя представляет то, что не все выпуски EPH доступны. Так, в ходе нашей работы некоторые стихиры были обнаружены нами без помощи EPH, хотя известно, что в оставшихся недоступными нам томах есть указание на источник стихиры. Иногда текст удавалось найти не по тому адресу, который указан в изданиях, а в совершенно других рукописях. Есть тексты, представленные довольно широко и не опубликованные по не вполне понятной причине.

Несколько раз нам пришлось столкнуться с тем, что в изданных инципитариях греческий и славянский тексты соотнесены неверно. Такое явление можно объяснить тем, что при составлении обширных инципитариев исследователь часто не в состоянии проверить содержание всей стихиры полностью и ориентируется только на начальные слова. Однако бывает, что при сходных зачалах последующее содержание резко отличается от славянского текста, с которым был идентифицирован указанный греческий. Так, например, в [SPP] в качестве зачала к стихире 27.12 мч. Стефану Начатъкъ мѡуѣеникомъ степень вѣры нашеа указано Ἀρχὴ ἐχρημάτισας τῶν μαρτύρων. Как следует из [Follieri 1: 180], указанная греческая стихира опубликована в Νέα Σιών [NS] 26 (1931) 726, а зачал со ссылкой на источник в NS 43 (1948) 81, EPH 37 (1938) 80 и EPH 48 (1949) 165. В NS 26 (1931), с которым мы познакомились в библиотеке Патриаршего института святоотеческих исследований в Салониках, искомый текст не был обнаружен, так же как в афонской рукописи *Laur.D23* и парижской *Paris.gr.13*, на которые дается ссылка в остальных сборниках. Данные рукописи *Paris.gr.13* 100β показали, что такое зачал действительно существует, но относится не к стихире, а к первому тропарю канона муч. Петру Капитолийскому (память 4 октября). Ср. в изданном позднее [Stern 2: 233]: Начало вѣль еси мѡуѣеникомъ Ἀρχὴ ἐχρημάτισας τῶν μαρτύρων T, modus 4, S. Petrus Capitoleensis (5.10.), pros. Вѣспю ти, господи: *GIM Sin.160*, 39v. Он же [2: 234] указывает иной греческий для нашей стихиры (правда, в славянском зачале вместо степень видим степанъ): Начатъкъ мѡуѣеникомъ степанъ вѣры нашеа Πρωτος τῶν ἀθλητῶν S, S. Stephanus Protomartyr (27.12.), modus 2, idiomelon: *BAN34.7.6*, 91v; *GIM Sin.572*, 76r; *RGADA381-97*, 196r-v; *RNB Sof.384*, 18r.

Похожая ошибка с неправильной идентификацией текста была совершена и нами [Пузина 2016: 218], когда зачал одной из стихир

было ошибочно соотнесено с зачалом паремийного чтения Прем 3:1 и далее. Таким образом, стихира продолжает оставаться найденной, а следующее указание неверно и снимается:

06.12 свт. Николай	Джша правдѣнѣхъ въ роуѣжъ господню съ ниниже твоѣ оугодѣниѣ николѣе	Q 89г, Син279 77г	Δικαίων φυγαὶ ἐν ταῖς χερσὶ Κυρίου, μεθ' ὧν σου, θεράπον Νικόλαε	Греч.48 9г, Греч.525 35v–36г
--------------------------	---	----------------------	---	------------------------------------

Итак, перейдем непосредственно к публикации нового материала. В настоящей статье представлена 31 ранее не издававшаяся греческая стихира. Итацизм, отраженный в греческих рукописях, исправляется без оговорок. Современная пунктуация проставлена автором статьи. Знак (*) обозначает границу колона и соответствует точкам в греческих рукописях. Славянские стихиры даются в орфографии рукописи, указанной первой. Далее в круглых скобках идут все списки стихираря XII в., в которых данный текст встречается. В русском переводе необходимые для адекватного понимания вставки отдельных слов, отсутствующих в греческом, приводятся в квадратных скобках.

08.09 Рождество Богородицы

Син279 28г (Син589 12г)

Мирови оупѣвание ѣдина богородица изъ неплодѣве и бещадѣнѣхъ происходить и радѣується адамѣхъ и обновляється:

Laur.H81 36v: Οἶχος ὁ τοῦ Θεοῦ, ἡ μόνη Θεοτόκος* ἐκ στείρας καὶ ἀγόρου* προέρχεται, καὶ χαίρει* Ἀδὰμ ἀνακαλούμενος.

Зачало в ЕРн 36 (1937) 15.

‘Дом Божий, единственная Богородица из бесплодной и бездетной исходит, и радуется Адам, вновь призываемый’.

Славянский вариант отличается от имеющегося в нашем распоряжении греческого текста. Разница наблюдается уже в первых словах. В соответствии со славянским мирови оупѣвание ожидалось бы, согласно порядку слов в славянском, греч. ἡ τοῦ κόσμου ἐλπίς. Однако в существующем греческом тексте мы находим совершенно иной вариант: Οἶχος ὁ τοῦ Θεοῦ ‘дом Бога’. Вероятно, можно предположить наличие в греческих списках пока еще не обнаруженного разночтения *ἐλπίς ἡ τοῦ κόσμου с метатезой слов в славянском, поскольку такая конструкция совпадает с существующим вариантом по количеству слогов и расположению слов, однако различается по месту ударения. Как показывает опыт, фактор места ударения не является решающим в греческих

разночтениях в гимнографических произведениях. Далее славянский и греческий совпадают, за исключением последнего слова. На месте слав. и **обнавлиятьсѧ** в греческом мы видим причастную форму *ἀνακαλούμενος* ‘вновь призываемый’. Едва ли в исходном для перевода тексте было *καὶ ἐγκαινίζεται или ещё менее вероятное ввиду отсутствия параллели для союза и — *ἀνακαίνίζεται*, поскольку в сочетании с именем Адама глагол *ἐγκαινίζομαι* неизвестен, в отличие от *ἀνακαλέω* [TLG].

03.10 сщмч. Дионисий Ареопagit

Ак 26v–27r (Син279 30v, Q 37r, Син589 29r)

Прѣдъповелѣнъ отъ бога • апостоломъ • вѣвѣ со҃житъникъ • и ангеломъ съглагольникъ • нъ не престани молѧсѧ • христову богоу • съпастисѧ намъ • да вѣсхвалимъ тѧ • свѧщенномоу҃ениуе • дионисие моудре:

Laur.D23 28v: Προορισθεῖς ὑπὸ Θεοῦ,* τῶν Ἀποστόλων γέγονας σύσκη-
νος* καὶ τῶν Ἀγγέλων συμμέτοχος,* ἀλλὰ μὴ παύσῃ δυσωπῶν Χριστὸν τὸν Θεόν* σωθῆναι ἡμᾶς,* ἵνα εὐφημοῦμέν σε,* οὐρανομύστα Διονύσιε σοφέ.

Зачало в ЕРн 36 (1937) 495.

‘Предопределенный Богом, ты делил кров с апостолами и был собеседником ангелов, но не прекращай молиться Христу Богу о нашем спасении, чтобы мы восхвалили тебя, посвященный в тайны неба мудрый Дионисий’.

В данном случае греческий и славянский варианты стихирь полностью совпадают как лексически, так и грамматически, за исключением нескольких моментов. Во-первых, в слав. тексте в отличие от греч. на месте перфекта *γέγονας* оказывается прич. **вѣвѣ**. Впрочем, замены причастий и личных форм глагола при переводе или переписывании слав. гимнографических текстов достаточно частотны. Во-вторых, *σύσκη-
νος* буквально означает ‘сосед по палатке’, в то время как **со҃житъникъ** обычно используется для передачи греч. *σύνοικος*. И, наконец, в-третьих, в соответствии со слав. **свѧщенномоу҃ениуе** в греч. должна быть форма *ἱερομάρτυς*. Однако на ее месте мы обнаруживаем совершенно иное: *οὐρανομύστα*, вокатив от *οὐρανομύστης* ‘тот, кто посвящен в тайны неба’.

04.11 прп. Иоанникий Великий

Ак 44v–45r (Син279 48r, Син589 43v)

Иста҃чаютъ намъ • о ко҃жѣствѣннѣ писаниѣ • свѧтѣи твои оу҃стѣнѣ • присноствѣр҃наѧ • оу҃ениѧ живота • трѣбл҃жене • иоанникие моудре • цѣркѣвѣннѣ съкро҃вище неоско҃дѣннѣ • моли съпастѧ доу҃ша наша:

Sin.gr.1216 42r: Βρούουσιν ἡμῖν κατὰ τὴν θείαν γραφὴν τὰ ἅγια σου χεῖλη ἀεννάως διδάγματα ζωῆς,* τρισμάχαρ Ἰωαννίκε σοφέ,* τῆς Ἐκκλησίας θησαυρὲ ἀδαπάνητε.* Πρόσβευε σωθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

Зачало в [SPP 61]: Βρύουσιν ἡμῖν κατὰ τὸν θεῖον λόγον.

‘Источают нам, по божественному Писанию, твои святые уста вечного учения жизни, треблаженный мудрый Иоанникий, неоскудеваемое сокровище Церкви. Моли о спасении душ наших’.

Во фразе о *божественном писании* при переводе был калькирован ВП греч. оригинала, что затрудняет понимание слав. текста. Согласно греч. (κατὰ τὴν θεῖαν γραφὴν), имеется в виду именно ‘по Писанию’, ‘как написано в Писании’. Очевидно, в стихире аллюзируются евангельские стихи Ин 7:38–39, Ин 4:10–14 или Ин 6:63. Кроме того, здесь же находим неправильное — с точки зрения и лексики, и морфологии — понимание греч. формы ἀενάως ‘вечно’. При переводе наречие ἀενάως было ошибочно воспринято как ἀένναα (присносъворьнаа), т. е. ВП мн. ч. ср. р. прил. ἀένναος ‘вечный’. В Минейном стихираре похожий перевод (греч. слово, которое можно было бы перевести как однокорневое, передано в слав. тексте как композит) встречается в стихире свв. Козьме и Дамиану: ἀενάου присноцъркѣвѣнааго Ак 40r18. По-видимому, переводчик понял это слово как композит, вторая часть которого прочитывалась как РП сущ. ναός [Малыгина 2012: 145]. Интересно, что прил. присносъворьныи встречается в Стихираре также в качестве перевода к αἰδῖμος ‘воспетый, прославленный’: αἰδῖμε присносъворьне Ак 38v13, Ак 114r16–17 (результат неправильного прочтения или, что более вероятно, слуховой ошибки: очевидно, переводчик спутал созвучные формы αἰδῖμε и *ἀεὶ δῆμε (Зв. ф. от δῆμος ‘народ’) и попытался калькировать последний вариант, истолковав его как композит), наряду с семью случаями правильного (или условно правильного) перевода (прѣпѣтѣни, прѣхвальныи, прѣсловѣни, приснохвальныи) [Ibid.: 146, 187]). Возможно, впрочем, что такие переводы, как присносъворьныи или присноцъркѣвѣныи, — это не ошибка перевода, а прием этимологии, целенаправленное творческое действие переводчика.

16.11 ап. Матфей

Ак 54v (Син279 60r, Q 72r)

Христосовы оученикы • божьствѣньихъ апостолъ • съутьтникъ бѣвъъ • мѣтарьская • отъвѣръгъ дѣла оучениа • матфеа превлажене • тѣмъже того нацѣрѣтавъ • божиихъ словесѣ книгы състроилъ иси • христа бога о насѣ моли присно • съпасти доуша наша:

Sin.gr.1219 28r: Τῆς τοῦ Χριστοῦ δωδεκάδος* τῶν θεῶν Ἀποστόλων* συναρίθμιος γέγονας,* τελωνικῆς* κατὰμψας ἐργασίας τὸ ἔμπειρον, Ματθαῖε παμμάχαριστε,* ὁθεν τοὺς τοῦτου διεχαράξας, θεῖους λόγους* δέλτον ταύτην ἀπεκατέστησας.* Χριστὸν τὸν Θεὸν ὑπὲρ ἡμῶν πρεσβεύων ἀεὶ τοῦ σωθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

Зачало в [Пузина 2016: 218].

‘Ко Христовой дванадесятице божественных апостолов ты был сопричислен, опыт мытарского дела отвергнув, Матфей всеблаженнейший, благодаря чему, божественные Его слова начертав, книгу эту ты составил, Христа Бога о нас моля всегда, о спасении наших душ’.

Первая славянская фраза — *Христосовѣ оученикѣ божественныхъ апостолѣ съучѣтникѣ бывѣ* — синтаксически бессмысленна. Вероятно, она восходит к другому греч. варианту (*τῶν τοῦ Χριστοῦ μαθητῶν?) и, кроме того, подверглась порче при переписывании, когда вместо *христосовѣ оученикѣ* появилось *христосовѣ оученикѣ*.

Далее во фразе *τελωνικῆς κατάμψας ἐργασίας τὸ ἔμπειρον Μатθαῖε παμμάκαριστε* появляется непонятная форма *κατάμψας*, которая возникла, видимо, из *κατακάμψας* от *κατακάμπτω* ‘отбрасывать’ в результате описки (пропуска слога). Славянский переводчик тоже весьма условно справился с текстом, поскольку не вполне ясна грамматическая связь между делами и учениями: *мытарьская отъвѣргъ дѣла оученика матфеѣ преблажене*. Однако, исходя из греческого, получается следующий перевод: ‘опыт мытарского дела отвергнув, Матфей всеблаженный’. Очевидно, переписчик изменил первоначальный РП ед. ч. *мытарьскаго* [...] *дѣла* на ВП мн. ч. *мытарьская* [...] *дѣла*. Слав. восходит, вероятно, к разночтению *τὰ δόγματα.

13.12 мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста

Ак 70г-v (Син572 54г, Син589 67v, Син279 79г, Т152 44г, Соф384 2г)

Повѣлѣнїа гл҃оуѣнами • погроузилъ еси блажене • фараѡна весплѣтънааго • доуховънѣимъ копїемъ • іако мѡси повѣдилъ еси • амалика невидимааго • богоявлєне еѡвѣстратиѣ • и мѣногострадалиѣ моуѣениуе • измѣи изнеуѣстїа люди • избѣранѣа • и съ тѣми вѣставѣ на небо радостию • съ нимниже и молитисѡ богоу • не прѣстанъ съпаствисѡ доушамѣ нашимѣ:

Paris.gr.1621 75b: Δογματικοῖς βάθεσι κατεπόντισας, μάκαρ, φараῶ τὸν ἀσώματον,* πνευματικοῖς δόρασιν ὡς Μωϋσῆς ἐτροπώσω* Ἀμαλῆκ τὸν ἀόρατον,* θεοφάντορ Εὐστράτιε* καὶ πολύαθλε μάρτυς,* ὁ ἀφελὼν ἐξ ἀσεβείας λαὸν ἐκλεκτὸν* καὶ σὺν τοῦτοις ἀπάρας πρὸς οὐρανὸν ἐν χαρᾷ,* μεθ' ὧν καὶ δυσωπεῖν τὸν Χριστὸν* μὴ ἐλλίπης τοῦ σωθῆναι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

Зачало в ЕРН 40 (1941) 76.

‘Глубинами учения ты потопил, блаженный, фараона бесплотного, духовными копьями, как Моисей, обратил в бегство Амалика невидимого, богоявленный Евстратий и многострадальный мученик, избавивший от нечестия народ избранный и с ними отправившийся на небо с радостью. С ними и молить Христа не переставай о спасении наших душ’.

Δογματικοῖς не означает повелѣннѣ. Можно предположить, что в исходном тексте было ποῦγνѣннѣ. Более того, в славянском повелѣннѣ — существительное, в то время как в греческом δογματικοῖς — прилагательное. Возможно, первая форма была понята как δογματικῆς — РП субстантивированного прилагательного, что вполне можно представить при смешении написаний гласных в греческих рукописях, обусловленном итализмом. Или же перевод возник под влиянием однокоренного греч. τὸ δόγμα (одно из значений которого — ‘постановление, решение’; соответствующее значение у слав. повелѣннѣ отражено в исторических словарях [СДРЯ (XI–XIV), 6: 462; СлРЯ XI–XVII, 15: 145]). ДП мн. πνευματικοῖς δόρασις переведено как ТП ед. доу҃ховъныи҃мъ копиѣмъ. Вероятно, на выбор ед. ч. при переводе повлиял ветхозаветный сюжет (Исх 17:8–13), аллюзия на который представлена в стихире: для достижения израильтянами победы над амаликитянами Моисей взшел на верх горы и простер к небу жезл Божий. Расхождение греч. τὸν Χριστόν и слав. бо҃гоу практически в конце стихире обусловлено разночтением *τὸν Θεόν.

19.12 мчч. Илии, Прова и Ариса¹

Ак 73v

Прома же и арѣа • вѣрънни • и ко҃жѣство҃нааго е҃в҃гѣннѣа • съ страда҃льци по҃чьтѣмъ • до҃врѣ пострадавѣша • и ко҃мирьско҃ю лѣсть • ѡтѣгѣнавѣшихъ • вѣнѣць ѡтѣ бо҃га неѡ҃бѣдомо҃уи • повѣдѣнѣи прии҃мѣше • и христови мола҃щесѣа • избавити стадо свое•.

Paris.gr.1623 74v: Πρόμον τε καὶ Ἀρεα, Ἦλει καὶ θεῖον Εὐγένιον* σὺν τοῖς συνάθλοις τιμήσωμεν,* καλῶς ἀθλήσαντας* ὑπὲρ εὐσεβείας, τὸν Χριστὸν κηρύξαντας²,* καὶ στέφος ἐκ Θεοῦ τὸ ἀμάραντον* τῆς νίκης φέροντας,* καὶ αὐτὸν καθικετεύοντας* τοῦ ρυσθῆναι κινδύνων τὴν ποίμνην αὐτῶν.

Зачало в ЕРН 40 (1941) 93.

‘Прома же и Ариса, Илию и божественного Евгения с пострадавшими почтим, славно пострадавших за благочестие, Христа проповедавших, и венец от Бога неувядающий победы носящих, и умоляющих Его избавить от опасностей стадо свое’.

Как видно, греческий и славянский тексты серьезно различаются. Стихира посвящена мученикам Прову, Арису, Илии и Евгению³, однако в славянском имя мч. Илии пропущено. На его месте (ср. греч. Ἦλει) видим обращение вѣрънни (*πιστοί). Далее вместо зафиксированного славянскими книжниками и ко҃мирьско҃ю лѣсть • ѡтѣгѣнавѣшихъ в грече-

¹ Имена святых приведены в современной церковной традиции.

² В ркп. κηρύξαντες.

³ В современном месяцеслове память муч. Евгения приходится на 13 декабря.

ском находим: ὑπὲρ εὐσεβείας τὸν Χριστὸν κηρύξαντας ‘за благочестие, Христа проповеда́я’. Вероятно, существовало греч. разночтение *καὶ τὴν τῶν εἰδώλων πλάνην ἀφανίσαντας. Сочетание εἰδώλων πλάνη, согласно TLG, достаточно распространенное и встречается в 94 контекстах, причем даже в близком сочетании εἰδώλων πλάνη τελείως ἀφανισθῆναι (Константинопольский Синаксарь, 6 июня). И, наконец, в славянском переводе нарушен синтаксис: ИП мн. ч. молащѣсѧ и приимѣше вѧ. нечленного ВП мн. ч. молащасѧ и приимѣша, относящегося к призыву поучѣмъ (τιμήσωμεν). Это явление описано А. А. Пичхадзе [2016], которая отмечает, что предикативные причастия, в отличие от атрибутивных, теряли согласование в падеже с субъектом в позиции, когда субъект причастия отличается от субъекта главной предикации, в частности тогда, когда причастия кореферентны субъекту в винительном падеже.

22.12 ввч. Анастасия Узорешительница

Ак 76г

Моуѣница твоя ѹловѣколюбеуе • вѣзлюбивѣши твою божественноу ю доброту • и наслажышисѧ боговидѣнии твоимъ • боудущаго ради живота • богатыство трѣбоующимъ растоуи • тѣло нетлѣнное сѣблюде • тоѧ молитвами • подажь людемъ си велию милость•

Sin.gr.582 79г: Ἦ μάρτυς σου, φιλάνθρωπε,* ἐπιποθοῦσά σου τὸ θεῖον κάλλος* καὶ ἡδομένη σου* ταῖς θεωρίαις*, διὰ τὴν μέλλουσαν ζωὴν* πλοῦτον θεομένοις διεσχόρπισεν,* σῶμα ἀφθορίᾳ διετήρησεν.* Αὐτῆς ταῖς ἰκεσίαις* δώρησαι τῷ λαῷ σου τὸ μέγα ἔλεος.

Зачало в ЕРН 30 (1931) 353, ЕРН 40 (1941) 102.

То же в *Reg.gr.54 6v*, *Sin.gr.638 226v*, *Греч.44 50v*, *Греч.48 61г*.

‘Мученица Твоя, Человеколюбец, стремясь к Твоей божественной красоте и наслаждаясь Твоим лицезрением, ради будущей жизни богатство на нуждающихся потратила, тело для нетления сохранила. Ее молитвами даруй людям Твоим великую милость’.

Интересно употребление лексемы *боговидѣнии* в соответствии с греч. *θεωρία*. Согласно [Речник 2003: 227], *θεωρία* может переводиться как *видѣнии* (Толковая Псалтирь, Триодь) или *позорище*, *позоръ* (Евангелие). В старославянских словарях [СС, SJS] композит отсутствует. У Срезневского [Срез. 1: 129] представлен одной цитатой без греческой параллели, что непоказательно, поскольку может быть закономерным переводом *θεοπτία*. В СДРЯ [1: 254] искомое *θεωρία* отмечено как параллель к *боговидѣнии* в четырех контекстах, из которых три — цитаты из Поучений Феодора Студита и один пример из Пчелы, со значением ‘размышление, рассмотрение; видение, созерцание’. В основных выпусках [СлРЯ XI–XVII] слово не зафиксировано, но есть в дополнениях на

буквы А–Б (сост. М. И. Чернышева [27: 253]) в значении ‘видение, созерцание Бога’ с ранней цитатой из Ноябрьской минеи 1097 г. и интересующей нас греч. параллелью. Там же высказано предположение, что перевод греч. θεωρία композитом богovidѣнии связан с переосмыслением слова, возникшим в результате переразложения основы. Возможно, производное от единого θεωρέω ‘смотреть, видеть, созерцать’ было осмыслено как сложное слово, составленное из основ сущ. Θεός ‘Бог’ и глаг. ὁράω ‘видеть’.

Ак 76v

Моуѣница твоѧ спѧсе нашъ • источникъ приснотекоуѣи ѱюдесъ ис-
тачають • страсти погроуѧюща съмѣртоносѣныѧ • силою твоєю христе • и
въ небесньныхъ веселитѣся • всегда ѱѣртозѣхъ хвалаши тѧ • тоѧ молит-
вами • подажъжъ [так! — М. П.] людемъ си велию милость:

Sin.gr.582 79r: Ἦ μάρτυς σου, Σωτὴρ ἡμῶν,* πηγὴν ἀένναον* θαυμάτων
βρούει,* πάθη βυθίζουσα* θανατηφόρα τῇ δυναστείᾳ σου, Χριστέ,* καὶ πρὸς
οὐρανίους⁴ ἐπευφραίνεται* πάντοτε θαλάμοις, ἀνυμνοῦσά σε.* Αὐτῆς ταῖς
ἰκεσίαις⁵* δώρησαι τῷ λαῷ σου τὸ μέγα ἔλεος⁶.

Зачало в ЕРН 40 (1941) 102.

То же в *Crypt.Δ.α.XXIV 71v*, *Reg.gr.54 6v*, *Sin.gr.638 226v*, *Греч.44 50r*,
Греч.48 60v.

‘Мученица Твоя, Спаситель наш, источник вечнотекущий чудес из-
ливает, страсти потопляя смертоносные силой Твоей, Христос, и в не-
бесных веселится всегда жилищах, воспевая Тебя. Ее молитвами даруй
людям Твоим великую милость’.

Особо хочется отметить здесь достаточно редкий правильный пе-
ревод прил. ἀένναος как приснотекѣи (ср. в частности рассмотренную
выше стихирю 4 ноября прп. Иоанникию Великому). При этом в славян-
ской рукописи возникает досадная ошибка в форме погроуѧюща вместо
ИП ед. ч. ж. р. погроуѧющи⁷, согласованного с подлежащим моуѣница.

25.12 Рождество

Син572 73v (Син589 86v)

Дньсь • съвезнаѣальныи ѱтѣцю сынъ наѱатѣкъ приѣмлетъ • дньсь
несъзѣданыи зижетѣся • и-спѣлненныи съмѣрѧетѣся • пеленами неприкосно-
венныи • ѱбиваетѣся • оуже нѣстъ плаѱа клѧтвѣнаѧго • радости бо податель
ражѧетѣся • ѱ ѱюдо ѱ ѱѣдѣление благности • въ истинноу съ нами христосъ •
въ идино растѧщаѧ • съмѣшении съвѣраѧ:

⁴ В ркп. οὐρανίους.

⁵ В ркп. ἰκεσίας.

⁶ Восполнено по ркп. *Reg.gr.54 6v*.

⁷ Маловероятно, но можно предположить, что это инновационная форма.

Crypt.Δ.α.XIV 282v: Μνήμη φαιδρὰ καὶ λαμπρὰ ἑορτὴ* πρόκειται νῦν, ἡ γενέθλιος Θεοῦ.* Πάντες συνδράμωμεν,* πάντες χορεύσωμεν,* διπλὴν γὰρ συγκροτεῖ* πανηγυριν σήμερον* τοῖς φιλεόρτοις κτίστης* Δαυὶδ τε καὶ Ἰακώβου.* Τούτοις μακαρίζοντες,* Χριστὸν ὑπερυψώσωμεν,* κράζοντες• δόξα σοι.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Память светлая и сияющий праздник предстоит сейчас — Рождество Бога. Все сойдемся вместе, все возликуем, ибо двойное собирает торжество сегодня любящим праздники Создатель Давида и Иакова. Их ублажая, Христа превознесем, взывая: «Слава Тебе»’.

Отличий от греческого текста в славянском переводе совсем немного. В первом греческом предложении все существительные стоят в ИП, в то время как в славянском конструкция переосмыслена, появляется ДП *рожьствоу христову*. Эта ошибка, однако, возникла не на стадии перевода, а в процессе бытования на славянской почве. В рукописи *Син572* обнаруживается искомый ИП *рожьство христово*, а в *Соф384* правильная флексия *о* исправлена на лигатуру *ѡ*: *рожьствѡ христовѡ*. В соответствии с греч. Θεοῦ находим *христову*, однако весьма вероятно, что в этом месте в греч. было равносложное и равноударное разнотечение *Χριστοῦ. Возможно предположить и наличие разнотечения *συγκαλεῖ ‘созывает’ для греч. συγκροτεῖ ‘устраивает’. В *Син589* к *христа прѣвѣзносимъ* добавлено не подтвержденное греч. однородное сказуемое: *вѣзвеличимъ христа и прѣвѣзносимъ*.

Ак 95г (*Син589 91v, T152 69г*)

Пон давѣдѣ • вращаниѣмъ движа • глаголи ясно • чимъ ти клятѣса инѣгда • глаголаа господѣ • пѣсни написавѣшу • имѣже клятѣса рече • испълнѣлѣ естъ дньсь • плодѣ ми давѣ отѣ утѣва сѣсти на прѣстолѣ моѣмъ • съ христосѣ естъ • того во славимъ зовоуше слава тебе:’.

Crypt.Δ.α.XIV 282v: Ψάλλε, Δαυίδ, τὴν κιννύραν κινῶν,* λέγε τρανῶς,* τί σοι ὤμοσέν ποτε* λέγων ὁ Κύριος* ἄσμαατα γράφοντι.* Ἄ ὤμοσεν, φησίν,* ἐπλήρωσεν σήμερον,* καρπὸν μοι δοὺς ἐκ κοιλίας* καθίσαι ἐπὶ τοῦ θρόνου.* Οὗτος ὁ Χριστός ἐστιν.* Αὐτὸν δοξολογήσωμεν,* κράζοντες• δόξα σοι.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Пой, Давид, по кинире ударяя, говори ясно, что тебе клятвенно обещал некогда, говоря, Господь, писавшему песни. «Что клятвенно обещал, — говорит он, — Он исполнил сегодня, плод мне дав из утробы, чтобы посадить на престоле. Это Христос. Его давайте славословить, восклицая: “Слава Тебе!”»’.

Славянская стихира практически точно передает греческий текст. Исключение составляет словосочетание *вращаниѣмъ движа*. *Двигати*, *двизати* и однокоренные образования для греч. κινέω являются обыч-

ным переводом [Речник 2003: 259]. А вот **вращание** для обозначения музыкального инструмента киниры в других источниках до сих пор не фиксировалось. В СЛРЯ XI–XVII вв. [1: 342] и СДРЯ XI–XIV [1: 321] в аналогичном значении отмечена лексема **вращало**. Употребление аориста **ρευε** как «эвиденциального маркера» [Камчатнов 2004] в соответствии с греч. 3 ед. н. вр. является обычным и повсеместным (см., например, СДРЯ XI–XIV [10: 374–378] и словоуказатели к отдельным переводным памятникам. На месте греч. **δοξολογήσωμεν** в Ак видим **ко славимъ**, в рукописях *Син589* и *T152* — **благословимъ**. Та же вариативность в [MD: 718] по разным минеям. Вероятно, первоначально было ***богословимъ**, и разное раскрытие **бѡ-** под титлом привело к разным вариантам (ср. о взаимозамене корней **бogo-** и **благо-**: [Чернышева 2008]). Однако в этом случае надо предполагать наличие в греч. разночтения ***εὐλογήσωμεν**, которое на один слог короче, чем **δοξολογήσωμεν**.

30.12 ап. Тимона

Ак 93v

Свѣтообразнъ всъ ты вѣсть • приближивѣса • свѣтоу великоуоумоу апостоле • идольское разорилъ иси мрачною отъмьннии • бога проповѣдаа • являшаагоса плътию • съпасенна ради всѣхъ съмъртныи тѣла • тимоне прехвальне • тѣмъ и славимъ радостно • и божествоую ти память сътворяемъ вѣрно:

Paris.gr.1623 153β Φωτοειδής ὄλος γέγονας, προσομιλήσας φωτὶ* τῷ μεγάλῳ, ἀπόστολε,* καὶ εἰδῶλον ἔλυσας* τὴν ζοφώδη σκοτομανίαν,* θεὸν κηρύττων* ἐπιφανέντα σαρχὶ* δι' αὐτὸ σῶσαι πάντας θανάτου φθορᾶς,* Τίμων πανεύφημε.* Ὅθεν καὶ γεραίρομεν* χαρμονικῶς* καὶ τὴν θείαν μνήμην σου* ἐπιτελοῦμεν πιστῶς.

Зачало в ЕРН 40 (1941) 143.

‘Световидным весь стал ты, приобщившись к Свету великому, апостол, и идольскую разрушил мрачную безлунную ночь, проповедуя Бога, явившегося во плоти, [чтобы] этим спасти всех от тления смерти, Тимон прехвальный. Поэтому и прославляем мы радостно и божественную память твою празднуем верно’.

Славянский перевод точно передает греческую стихиру.

05.01 Пред Богоявлением

Соф384 21v

Прѣдъпраздньоуми людие христова богоявление • ако хоташоу просвѣтитиса благодатию доуховною • и сѣращимъ приходящаго кръститѣса • вѣтъ раба вѣ рабинѣ вѣразъ • да сынове свѣтоу и наслѣдници боудѣмъ • благодатию свѣтааго доуха •

Sin.gr.1219 70r: Προεορτάσωμεν, λαοί, Χριστοῦ τὰ Θεοφάνια* ὡς βουλόμενοι φωτισθῆναι* τῇ χάριτι τοῦ Πνεύματος* καὶ προὑπαντήσωμεν τῷ ἐρχομένῳ βαπτισθῆναι* ὑπὸ δούλου ἐν δούλου μορφῇ,* ἵνα υἱοὶ φωτὸς καὶ κληρονόμοι γενώμεθα τῇ χάριτι τοῦ Ἁγίου Πνεύματος.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Давайте предпраздновать, люди, Христово Богоявление как желающие просветиться благодатью Духа и заранее встретим Приходящего креститься от раба в рабском образе, чтобы сыновьями Света и наследниками стать по благодати Святого Духа’.

Представленный славянский перевод достаточно корректен. Ошибочную форму *хотѣши* (вм. *хотѣше*) можно отнести, думается, к ошибкам, возникшим при переписывании текста. Обычным глаголом *сърмѣши* передано не совсем обычное греч. *προὑπαντήσωμεν* (практически так же, впрочем, этот глагол переведен в Апостоле: *οὐςърѣтати*; ср. в Триоди — *прѣжде оусърѣсти* [Речник 2003]). Еще один недочет связан с изменением падежа в словосочетании *въ ракии ѿбразѣ* (ВП vs. МП).

06.01 Крещение

Ак 106г (Соф384 27г, Син572 88v, Син589 101г, Т152 76г)

Господи хотѣ испълнити • всѣ оправданиѣ • отъ раба крѣщение • съподовисѣ прияти • грѣхѣмъ оумьрщвенѣти • ѡловѣхъ родъ ѡбнавляѣи • параклитовою силою • въ водахъ иорданьскахъ • въ неже всемирное • съдѣѣи • съпасение • милостивѣ слава тебе:

Sin.gr.597 9г-v: Κύριε, πληρῶσαι προθέμενος* τὴν ἅπασαν δικαιοσύνην,* ὑπὸ δούλου τὸ Βάπτισμα* κατηξίωσας δέξασθαι,* τὴν νεκρωθεῖσαν τῇ ἁμαρτίᾳ* ἀνθρώπων φύσιν ἀνακαινίζων* τῇ τοῦ Παρακλήτου δυνάμει* ἐπὶ τῶν ὑδάτων τοῦ Ἰορδάνου,* ἐν ᾧ τὸ παγκόσμιον* εἰργάσω καθάρσιον, Σωτὴρ ἡμῶν, δόξα σοι.

Зачало в ЕРн 30 (1931) 521, ЕРн 45 (1946) 134, 201.

То же *Karakal.23 121v, Messan.gr.139 140г*.

‘Господь, желая совершить все правосудие от раба, крещение удостоил (пожелал) принять, умерщвленное грехом человеческое естество обновляя силою Духа в водах Иордана, в которых ты сотворил всемирное спасение. Милостивый, слава Тебе.’

В качестве перевода для греч. ἐν ᾧ в большинстве славянских списков отмечено ошибочное *въ неже*, вероятно, согласованное с параклитовою силою. Разночтение *въ немже*, обнаруженное в *Син572*, хотя и не идеально с точки зрения славянского синтаксиса, но, по-видимому, представляет первоначальное чтение, согласованное по роду с греч. τοῦ Ἰορδάνου. Практически в самом конце стихирь возникают еще два явных отличия славянского текста от греческого: *съпасение* на месте

καθάρσιον ‘очищение’ (возможно разночтение *σωτήριον, полностью совпадающее по количеству слогов и месту ударения) и милостивѣ на месте Σωτήρ ἡμῶν ‘Спаситель наш’ (возможно разночтение *ἐλεήμων; здесь соответствие не столь идеально, поскольку ударение падает на второй слог от конца). Во втором случае в T152 появляется разночтение съпласе нашъ, совпадающее с имеющимся в нашем распоряжении греческим текстом.

Ак 106v (Соф384 27r, Син572 89r, Син589 101v, T152 76v)

Господи хотѣ изискати • оубоа погывъшеи • въ послѣднѣи дни • на земли явисѣ превѣчнѣ съи • въ схвалѣиѣи ангелы • и отъ раба хръщѣиѣи • невидимѣи серафимѣи • въ иорданьскою струю[ю] ѡблѣчеса • тѣмъ поимѣи тѣ • единого ѡловѣколюбца • съпласе нашъ слава тебе:

Sin.gr.597 9v: Κύριε, ζητῆσαι βουλόμενος* τὸ πρόβατον τὸ ἀπολωλὸς* ἐπ’ ἐσχάτων τῶν χρόνων* ἐπὶ γῆς ὤφθης, ὁ πρὸ αἰώνων¹⁰,* ὁ ὑπ’ Ἀγγέλων ἀνυμνούμενος, ὑπὸ δούλου ἐβαπτίσθης,* ὁ τοῖς Σεραφίμ¹¹ ἀθεώρητος* τὰ Ἰορδάνια ῥεῖθρα περιεβάλλου¹².* Διὸ προσκυνοῦμέν σε* τὸν μόνον φιλόανθρωπον,* Σωτήρ ἡμῶν,* δόξα σοι.

Зачало в ЕРн 30 (1931) 521, ЕРн 45 (1946) 201.

То же Karakal.23 121v, Messan.gr.139 140r, Messan.gr.142 62v.

‘Господь, ты, желая найти потерявшуюся овцу, в последние времена на земле явился, предвечный, воспеваемый ангелами, ты был крещен рабом, невидимый для серафимов, оделся в иорданские струи. Поэтому мы поклоняемся Тебе, единому человеколюбцу, Спаситель наш, слава тебе’.

На месте слав. пассивного причастия хръщѣиѣи в греч. форма пассивного аориста ἐβαπτίσθης ‘ты был крещен’. Возможно, при переводе соответствующая форма была воспринята как прич. βαπτισθείς или (что менее вероятно из-за различия в количестве слогов и месте ударения) в тексте, послужившем оригиналом для перевода, было соответствующее разночтение. Однако нельзя отвергать и версию о том, что рассматриваемая трансформация может быть объяснена «структурно-морфологическими особенностями славянского глагола, в парадигме которого не было специальных личных форм пассивного залога» [Максимович 2006: 116] Далее в Ак представлена корректная передача греч. ДП мн. ч. как серафимѣи (ср.: **серафимѣи** в знач. мн. ч. в соответствии с греч., повторяющим мн. ч. исходных древнееврейских форм [СДРЯ 11: 97]). Однако словосочетание невидимѣи серафимѣи двусмысленно. Скорее, оно принимается за ИП, поэтому в большинстве списков (Син572, Син589,

¹⁰ В Karakal.23 121v далее Θεός.

¹¹ В Karakal.23 121v τοῖς Χερουβίμ.

¹² В ркп. с двумя λ (имперфект), хотя лучше с одним (аорист).

вѣса просвѣти • тронѣскѣимъ снаниемъ • прѣкожѣствѣ • единомъ сѣка-
занемѣ • и сѣприсносѣщноу славоу сѣтажавѣши • тои помолисѣ • тоу о҃҃҃мо-
ли прѣмоудре • даровати цѣркѣви • единѣствѣнѣи мирѣ • и велию милость:

Crypt. A. a. XXIV 130r: Ὅσιε Πάτερ, θεοφάντορ Ἀθανάσιε, ἐκ βρέφους ἐπεγνώσθης* τῆς Ἐκκλησίας φωστήρ,* ἐκλάμπων θεωρίαις ταῖς φανοτάταις,* πᾶσαν ἰδέαν τε* πλουτῶν ἀρετῆς,* λόγοις πυριπνόις* ἐμπιπλῶν τὰς αἰρέσεις,* πιστοὺς δὲ πάντας φωταγωγῶν* τῇ τῆς Τριάδος ἐλλάμψει τῆς ὑπερθέου,* τῆς ἐν θεότητι μιᾷ γνωριζομένης.* Καὶ συναΐδιον* τὴν δόξαν κεκτημένος,* αὐτὴν ἰκέτευε,* αὐτὴν δυσώπει, ὅσιε,* δωρηθῆναι τῇ οἰκουμένῃ* ὁμονοίας εἰρήνην* καὶ μέγα ἔλεος.

Зачало в ЕРн 30 (1931) 368, 522, 36 (1947) 79.

То же *Patm. gr. 198* 119r.

‘Преподобный отец, Бога являющий Афанасий, с детства ты был известен как светило Церкви, сияя ярчайшими видениями, изобилуя всяким видом добродетели, словами огнедышащими исполняя ереси, верных же всех просвещая сиянием Троицы сверхбожественной, познаваемой в божестве как единая. И соприисносущную славу приобретая, Ей молись, Ее моли, преподобный, даровать вселенной единомысленный мир и великую милость.’

Слав. *когоносѣ* vs. *θεοφάντορ* ‘Бога являющий’, вероятно, восходит к *θεοφόρε, а *истинньнѣи* vs. *τῆς Ἐκκλησίας* — к **τῆς ἀληθείας*¹⁴. О переводе *θεωρία* как *коговидѣние* см. выше в стихире вмц. Анастасии (22 декабря). Далее в рукописи Ак явная порча. Очевидно, переводчик не разобрался со смыслом фразы *πᾶσαν ἰδέαν τε πλουτῶν ἀρετῆς* и перевел ее дословно как **вѣсь окразъ же когатѣимѣ докродѣтелию*. Затем переписчик (?), пытаясь внести ясность в контекст, осмыслил фразу по-своему, в результате чего, по-видимому, исходное *вѣсь окразъ превратилось в *вѣ сь окразъ*. Получившееся *вѣ сь окразъ же когатѣимѣ докродѣтелию* можно истолковать как ‘таким образом обогащаемый добродетелью’.

Далее в греч. рукописи отмечена форма прич. *ἐμπιπλῶν* от *ἐμπιπλάω* ‘наполнять’, что, как кажется, является ошибкой, появившейся в результате смешения паронимических форм *ἐμπιπλῶν* и *ἐμπιπρῶν* ‘сжигая’. Мы склонны полагать, что ошибка была допущена именно в имеющейся в нашем распоряжении греческой рукописи, а в тексте, послужившем оригиналом для перевода, ее не было, поэтому в славянском фигурирует правильное *попалана*. В следующей фразе наблюдается достаточно обычное расхождение форм: аорист *просвѣти* vs. причастия

¹⁴ Аналогичный случай есть в стихире свт. Амвросию Медиоланскому под 7 декабря, где для словосочетания *τρυβὴ ἰσχυρὰ* в [MR, 2: 408] дана параллель *σάλπιγξ τῆς Ἐκκλησίας* ‘труба церковная’. Мы предположили, что в исходном греческом тексте должно было быть *τῆς ἀληθείας, что и подтвердилось впоследствии на примере десятка рукописей (см. [Малыгина 2014: 9]).

φωταγωγῶν. Даже на примере Стихирая очевидно, что варьирование личных форм глагола и причастий в славянских списках и греческом довольно частотно.

В загадочном *прѣкожѣствѣ*, видимо, слилось и *ὑπερθέου*, и *ἐν θεότητι*. Возможно, ошибка (гаплография) появилась уже в процессе переписывания слав. стихиры. К этому же слову относится, судя по всему, дальнейшее *ѣдиноѣ съказаѣмѣ*, понятое как относящееся к Божеству (*въ кожѣствѣ ѣдиноѣ съказаѣмѣ*), в то время как в греч. оно относится к Троице. Впрочем, после того как греч. РП τῆς Τριάδος в славянском переводе вполне закономерно превратился в прилагательное *троицкыиѣ*, согласовать что-либо с ним стало просто невозможно, вероятно, по этой причине в следующей фразе и появляется такое количество ошибок. Если переводчик после такой метаморфозы продолжил переводить текст пословно без попытки осмысления, то форму *съказаѣмѣ* можно толковать также как ДП ж. р. на месте РП *γυνωριζομένης*. Вдобавок к этому следующая форма *сѣтажавъши*, вероятно, под воздействием множества предшествующих греческих форм женского рода, относящихся к Троице, внезапно поменяла род с мужского (о свт. Афанасии) на женский. Из-за замены формы РП τῆς Τριάδος на прилагательное в славянском полностью исчезает связь между предложениями, и буквально в воздухе повисает дальнейшее *тѣи помолѣса • тѣу оумѣли*. Затем очевидны два разночтения *ὁσιε* — *πάσσοφε и *τῇ οἰκουμένη* — *τῇ Ἐκκλησίᾳ.

18.06 мч. Леонтий

Ак 144v–145r (Син279 93r, Q 163v, Соф384 55v, Син572 132r, Син589 142r)

Веселѣса нѣбо дньсь свѣтъло • и зѣмля радѣуѣтъса вѣрно въ памѣть мѣуѣника леонтия • нѣо пришьдѣшии днь • не жьртвѣ бесловесньиныхъ • нѣ жьртвоу хваления • отъ цвѣтъъ • доуховьныхъ||хъ вѣньуѣтъса • озаренъ бо • съ нами прѣдѣстои • бесквѣрноу слѣжъвоу вѣньцѣподателю христу • принѣса мѣльвоу проси въ истинѣу • въ двѣрѣ • раискыи постигнути • вѣроу творѣщииѣ памѣть нѣго:•

Sin.gr.1216 124r: Εὐφραίνεται ὁ οὐρανὸς σήμερον φαιδρῶς καὶ ἡ γῆ ἀγάλλεται πιστῶς* ἐπὶ τῇ μνήμῃ τοῦ μάρτυρος Λεοντίου,* ἡ γὰρ παροῦσα ἡμέρα* οὐ θυμάτων ἀλόγων,* ἀλλὰ θυσία¹⁵ αἰνέσεως* ἐξ ἀνθῶν πνευματικῶν καταστέφεται,* ἡ γλαῖσμένος γὰρ σὺν ἡμῖν παρεστῆκώς¹⁶,* τὴν ἀναίμακτον λατρείαν τῷ στεφοδότῃ Χριστῷ προσκομίζων,* δέησιν αἰτεῖ εἰλικρινῶς* εἰς τὰς αὐλὰς τοῦ παραδείσου καταντῆσαι* τοὺς ἐν πίστει τελοῦντας τὴν μνήμην αὐτοῦ.

Зачало в ЕРН 51 (1952) 40.

¹⁵ В ркп. *θυσίαν*. Верное разночтение приводится по ркп. *Patm.gr.222* 150r.

¹⁶ Так в ркп., но, видимо, вместо *παρεστώς* прич. 'предстоя'.

То же [SA 133r], *Patm.gr.222* 150r.

‘Веселится небо сегодня светло, и земля радуется верно о памяти мученика Леонтия, ибо настоящий день жертвоприношением не бессловесных жертв, но прославления из цветов духовных увенчивается, ибо украшен с нами предстоящий, бескровное служение венцоподателю Христу принося как моление, просит всецело, чтобы достигли райских селений с верой совершающие память его.’

Первое слово, представленное в данной стихире в списке Ак, — явная ошибка, появившаяся в процессе бытования текста на славянской почве. В соответствии с греч. ожидается форма наст. вр. 3 л. ед. ч., которой, однако, нет ни в одном списке, а в *Соф384* 55v и вовсе однородное сказуемое также принимает форму императива: ραδοῦσθε. Большинство списков дает чтение не жьртвѣ бесловесныхъ, но в *Син572* представлена форма жьртвы. Для ἡγλαῖσμένος лучше подошел бы перевод оукрашенъ, а для озаренъ можно предположить разночтение *ἡγασμένος. И, наконец, въ истинѣ является обычным переводом для ἀληθῶς, в то время как в имеющемся тексте мы видим εἰλικρινῶς. Предполагать наличие разночтения εἰλικρινῶς/*ἀληθῶς в данном случае затруднительно из-за разницы в количестве слогов. Кроме того, помимо рассматриваемого случая в Стихираре перевод греч. εἰλικρινῶς слав. въ истинѣ встречается еще дважды, поэтому, думается, εἰλικρινῶς можно рассматривать как лексему, которая редко, но достаточно стабильно переводится на слав. как въ истинѣ.

Ак 144v (*Син279* 92v, *Q* 163r, *Соф384* 55r, *Син572* 131v, *Син589* 141v)

Страстотерпѣе леонтиѣ прехвальне • отъ любви тѣ христовы • ни огнь и раны ни мечь отълоушити възможе • нъ моужьскы пострадавъ • посрѣдѣ моужителъ • идольскаго слоужения разорилъ еси богомудре • и нынѣ • вѣнценосѣць ликуюши • на небесехъ • прилѣжно молиса • о доушахъ нашихъ:.

Sin.gr.1216 123v–124r: Ἀθλοφόρε Λεόντιе πανεύφημε, τῆς ἀγάπης τοῦ Χριστοῦ σε* οὐ πύρ, οὐ μάστιγες,* οὐ ξίφος χωρίσαι ἰσχυσαν,* ἀλλ' ἀνδρείως ἐναθλήσας ἐν μέσῳ τῶν τυράννων,* τὰ τῶν || εἰδῶλων σεβάσματα κατέστρεψας, θεόφρον,* καὶ νῦν στεφηνόροσ χορεύεις ἐν οὐρανοῖς, ἐκτενῶς πρεσβεύων ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Зачало в EEBS 14 (1938) 37; EPn 50 (1951) 336.

То же *Paris.Mazarin.-Reg.gr.2035* 102r-v, *Vat.gr.779* 94r, SA 133r, *Patm.gr.222* 149bv–150r.

‘Страстотерпец Леонтий всехвальный, от любви Христовой тебя ни огонь, ни бичи, ни меч разлучить не смогли, но ты, мужественно пострадав посреди мучителей, идольские святыни разрушил, богомудрый, и теперь, венценосец, ликуешь на небесах, усердно моля о душах наших’.

В стихире аллюзируется Послание к Римлянам (Рим 8:35, 38–39).

Единственное замечание лексического характера касается слоужения, соответствующего форме σεβάσματα. В греч. σεβάσμα, согласно данным словарей, означает ‘святыня, объект поклонения’, однако в существующих словарях древнерусского и старославянского языков такое значение у слоужение не зафиксировано. Славянский аорист молиса не соответствует греч. причастию προσβέδων, впрочем такое варьирование в употреблении причастия и личной формы глагола в стихирарях не является редкостью.

24.06 Рождество св. Иоанна Предтечи

Ак 148г (Син279 98v, Соф384 58г, Син572 135г, Син589 144г)

Въсия дньсь • отъ бесплодныа оутробы • великыи въ роженыхъ женами • звѣзда ꙗкоже съльнце градоуше на землю • възвѣстоуа Христа Бога • прѣдъ нимже възыгравъса възвеселиса • игоже върнии съшдѣшеса въ рождество его • достойно убоуше • благоуспитивно похвалимъ:

Paris.Reg.gr.3467 114v: Ἀνατέταλκεν ἐξ ἀκάρπου μήτρας ὁ μέγας ἐν γεννητοῖς γυναικῶν ἀστὴρ καθ' ὥσπερ* ἥλιον ἐρχόμενον ἐν γῇ [...] Χριστὸν τὸν Θεόν,* ἔμπροσθεν αὐτοῦ [...] ὃν οἱ πιστοὶ συνελθόντες, τὴν αὐτοῦ γέννησιν ἀξίως τιμῶντες, εὐσεβῶς εὐφημήσωμεν.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Воссияла из бесплодного чрева великая в рожденных женщинами звезда, как будто солнце, приходящее на землю, [возвещая] Христа Бога, перед Которым [взыгравшись, ты возрадовался]. Его, верные, сойдясь, рождение его достойно почитая, благочестиво восхвалим.’

Микрофильм, с которым нам пришлось иметь дело, плохо читается. Большую часть текста удалось восстановить путем обратного перевода и сопоставлением со следами букв в имеющейся копии, однако некоторые места не поддаются расшифровке. Они отмечены в публикуемом греч. тексте знаком [...].

27.07 вмч. Пантелеимон

Ак 170г-v (Син279 127г, Q 172г, Соф384 76v, Син572 163г, Син589 162v, T145 29г)

Въсѣмъ милостивый господь • и благъ въ щедротяхъ и въ благостыни • дньсь свѣтълѣши съльнца память твоя въсия • пантелѣимоне святый • страсти бо страсти съвъкоупляюши • ꙗкоже и любѣвью безмъздною цѣлѣиши пависа • моущиныхъ прещениа • ни въ что же мьнѣвъ • посрѣдѣ соудѣша • ꙗкоже павѣлъ въпиаше • ниутоже мене отъ любѣве отълѣуитъ Христа • избавителя моего • ни мечъ ни огнь ни раны • ни оудесьнаа раздроблениа • ни гарость ни моущение • ни съмѣрть • нъ благодѣрзнь въпиаше • имѣа оубо оукрѣпляюща тѣа Бога и господа • и съпаса доушамъ нашимъ:

Sin.gr.1214 123r-v: Ὁ πάντων ἐλεήμων Κύριος* ὁ ἀγαθὸς ἐν οἰκτιρμοῖς καὶ χρηστότητι* σήμερον παιδροτέραν ἡλίου τὴν μνήμην σου ἀνέδειξε, Παντ-ελεήμων ἄγιε, τοῖς γὰρ ἐν σκότει παθῶν κρατουμένοις* σὲ ἀκεστῆρα¹⁷ ἀνέ-δειξεν ἀναργύρως θεραπεύειν αἰεί.* Τὰς τῶν τυράννων ἀπειλὰς εἰς οὐδὲν λο-γισάμενος* ἐν μέσῳ τοῦ σταδίου ὡς Παῦλος ἐβόας* οὐδεὶς μὲν* τῆς ἀγάπης χωρίσει Χριστοῦ τοῦ ἐραστοῦ μου,* οὐ ξίφος, οὐ πῦρ, οὐδὲ μάστιγες, οὐ τῶν μελῶν ἐκκοπαί,* οὐ πυρὸς τιμω||ρίαι,* οὐδὲ βάσανοι ἐξιχύσουσι κάμψαι τὸν νοῦν ἀπ' ἐμοῦ,* ἔχω γὰρ* τὸν ἐνδυναμοῦντά με καὶ ἐνισχύοντα* Χριστὸν τὸν Βασιλέα* καὶ Σωτῆρα τῶν ψυχῶν.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Милосердный ко всем Господь, благой в сострадании и доброте, сегодня светлее солнца память твою показал, Пантелеимон святой, ибо для держимых во тьме страданий Он провозгласил тебя врачом, [чтобы] ты всегда безвозмездно исцелял. Угрозы мучителей ни во что поставив, посреди ристалища, как Павел, ты восклицал: «Ничто меня не отлучит от Христа любимого моего: ни меч, ни огонь, ни бичи, ни отсечение членов, ни наказание огнем, ни мучения не смогут отклонить благоразумие от меня, ибо я имею укрепляющего меня и усиливающего Христа Царя и Спасителя душ».’

Славянский вариант стихирь достаточно сильно отличается от имеющегося в нашем распоряжении греческого. Слав. вѣсиа не равнозначно греч. ἀνέδειξε, поэтому мы склонны предположить наличие в греч. разночтения *ἀνέτειλε. Вѣсиати — зд. переходный глагол с каузативным значением ‘заставить воссиять’. Далее целый фрагмент текста страсти ко страсти съвѣкоуплающи такоже и любуѣю везмыздыною цѣлѣти явисѣа, по-видимому, отражает греческое разночтение и без обращения к греческому неясен. В *Син572* представлен вариант к словосочетанию мѡγγѣшиихъ преѣнѣиа (τὰς τῶν τυράννων ἀπειλὰς) — мѡγγѣшиихъ во шатаниа, восходящий предположительно к *τὰς γὰρ τῶν τυράννων θράσας. Затем, как и в стихире мч. Леонтию, идет прямая отсылка к словам ап. Павла (Рим 8:35, 38–39). За основу взята модель, так, чтобы текст был узнаваем, но виды искушений, применяемых, чтобы сломить веру святого, добавлены свои. В *Син572* ничѣтоже заменено на никѣтоже, что более точно соответствует Рим 8: кто ны разлогѣитъ. Определенно на месте τοῦ ἐραστοῦ в исходном греч. было *τοῦ Λυτρωτοῦ. До слов ни оудеснаа раздрѡблѣнѣиа греч. и слав. тексты совпадают, а затем, вероятно, снова было разночтение практически до конца стихирь. Совпадают лишь последние несколько слов: и съпаса доушамъ нашимъ — καὶ Σωτῆρα τῶν ψυχῶν ἡμῶν. Интересно, что в *Син572* имеется разночтение: вместо оукрѣ-плающа тѣа — мѡγγѣшааго оукрѣплающаго тѣа, что ближе к имеющемуся в

¹⁷ В ркп. ἀκεστῆραν.

нашем распоряжении греч. тексту. Похожее исправление, сделанное, однако, более поздним почерком, есть и в Q: *могочѣи*¹⁸ *иѡ оукрѣпляющаго*.

01.08 мчч. Маккавеев

Ак 174г-v (Соф384 77v, Син572 167г)

СѢЛНЬЦЕ • ЕЛЕЗАРЪ ДА П'ѢТЪ ВОУДЕТЬ • ЛУНА СОЛОМОНИИ ДРЕВЛЕ • СЕДМЬ МАКАВЕИ • СВѢТИЛЬНИЦИ ПРЕСВѢТЛИИ • ВСИ ТРЪБЛАЖЕНИИ • ВСИ КРѢПЪКОДОУШЬНИИ • ЗАКОНЪНЪИХЪ ОУСТАВЪ • ІАКО ТВЪРДЪИ ПОДВИЖЬНИКЪ • ПОСТРАДА ОВИ ЖЕ ПЪРВОМОУЧЕНИКОУ ПОСЛѢДОУЮЩЕ • СЪВЪЗЪБЛИСТАША НАКОНЬЦЪ • ВЪСЕУБЪСТНАМА • МАТИ ПОСТРАДА • ПОВѢЖЕНЪ ВЪИСТЪ АНТИОХЪ • И ПОВѢДЪНЪИМИ ВѢНЬЦИ ОУКРАСИШАСѦ • ОТЪ ХРИСТА БОГА • И СЪПАСА ДОУШАМЪ НАШИМЪ:

Sin.gr.631 2г: Ἡλῖος Ἐλεάζαρ ὑμνεῖσθω,* σελήνη* Σολομωνὶς πάλαι,^{18*} οἱ ἐπὶ τὰ Μακκαβαῖοι* φωστῆρες¹⁹ ὑπέρλαμπροι,* πάντες τρισμάκαροι,* πάντες στερρόψυχοι^{20*} τῶν νομικῶν θεσμῶν* [φύλακες ἀπαρασάλευτοι• ὁ μὲν]²¹ ὡς στερρός* ἀγωνιστῆς προενήθλησεν,* οἱ δὲ τῷ πρωτάθλῳ* ἐπομένως συναπῆστραψαν,* τέλος ἢ πάνσεμνος^{22*} μήτηρ ἐνήθληκει,* ἡττήθη Ἀντίοχος,* καὶ νίκης στεφάνοις^{23*} οἱ πάντες κατεκοσμίζουσιν^{24*} παρὰ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ* καὶ Σωτῆρος τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Зачало в ЕРн 30 (1931) 556, [Кривко 2008: 91]: *Sin.gr.631 2г, Coisl.gr.218 2v*.

То же *Karakal.23 123v*.

‘Солнце Елеазар пусть будет восхвален, луна Соломония раньше, семь Маккавеев, светила пресветлые, все треблаженные, все крепкие духовно, законных уставов [стражи непоколебимые. Один] как твердый подвижник прежде пострадал, другие же за первомучеником последовательно вместе воссияли, в конце всечестная мать пострадала, был побежден Антиох, и победными венцами все украсились от Христа Бога и Спасителя душ наших.’

Первоначально стихиры мчч. Маккавеев были случайно обнаружены нами в рукописи *Karakal.23*, однако здесь греч. ко всем трем стихирам (этой и двум следующим) будет приведен по списку *Sin.gr.631* как более подходящему к слав. разночтениям в отличие от двух других рукописей.

¹⁸ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 2v* πάλιν.

¹⁹ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 2v* ἀστέρες.

²⁰ *Karakal.23 123v* πάντες ισόδοξοι. πάντες ὁμότιμοι, *Coisl.gr.218 3г* πάντες ισόδοξοι. πάντες τρισόλβιοι.

²¹ Восстановлено по *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3г*.

²² *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3г* πάνσεμνος.

²³ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3г* στεφάνους.

²⁴ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3г* ἀνεκοσμίσαντο.

Стихира переведена точно в соответствии с текстом, представленным в *Sin.gr.631*, поэтому в славянском переводе (как и в греч. рукописи) полностью попушен отрывок, завершающий первое и начинающий второе предложение и соответствующий греч. φύλακες ἀπαράσάλευτοι· ὁ μὲν ‘стражи непоколебимые. Один’, что лишает смысла часть текста. Это нарушение повторяется во всех трех славянских рукописях Стихираря. Таким образом, можно предположить, что аналогичная ошибка была в греч. оригинале, с которого был сделан перевод. В конце стихиры в *Ак* и *Соф384* отсутствует соответствие для οἱ πάντες, которое есть в *Син572*: **вси**.

Ак 174v (Соф384 78r, Син572 167v)

Ведена вѣаше · съ сынѣми матери · тако кокошь · покрывающи своѧ птенѣца · аще кѣто не подивитѣся · не оустрашисѧ смѣрти зѣраши · не съломисѧ никакоже · крѣвию богодостойнаѧ · оного же оугааше · съпострадати съ братѣмъ · въсѣмъ же глаголааше · тако наслѣдници дѣти · да никѣтоже отъвѣржеться · нѣ вси вѣнцы повѣдѣныими оугазишѣся · отъ христа бога и съспаса доушамъ нашимъ:

Sin.gr.631 2r: Ἦγετο σὺν υἱέσιν²⁵ ἡ μήτηρ* ὡς ὄρνις* περιπταμένη τοὺς ἑαυτῆς νεόσσους.* Ἦ²⁶ τίς οὐκ ἀγάσαιο;²⁷* Οὐκ ἐδειλίασε θάνατον βλέπουσα,* οὐ κατεκλάσθη πως αἵματι ἢ ἀξιόθους,* τὸν μὲν ἡντιβόλει περιελθεῖν²⁸ εἰς τὰ βάσανα,* τὸν δὲ ἐνουθετεῖ* συναθλῆσαι τῷ ὁμαίμονι,* πᾶσιν δὲ²⁹ ἐπέλεγεν* ὧ κλεινοὶ μου παῖδες,* μηδεὶς ἐξαρνήσεται,* ἀλλὰ πάντες νίκης* στεφάνους ἀναδησώμεθα* παρὰ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ* καὶ Σωτῆρος τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Зачало в [Кривко 2008: 91]: *Sin.gr.631 2r, Coisl.gr.218 3r*.

То же *Karakal.23 123v*.

‘Была приведена с сыновьями мать, как птица, облетающая своих птенцов. Разве кто не изумится? Она не утратилась, видя смерть, не сломилась каким-то образом от крови богодостойная: одного молила пойти на мучение, другого же увещевала пострадать вместе с единокровным братом, а всем говорила: «О, славные мои дети, пусть никто не откажется, но все мы победы венцами давайте увенчаемся от Христа Бога и Спасителя душ наших»’.

Без греческого понять славянский текст довольно затруднительно, прежде всего потому, что он подвергся очевидной порче. Греч. περιπταμένη от περιίπτamai ‘летать вокруг, облетать, кружить’ не равнозначно

²⁵ *Karakal.23 123v* τοῖς τέκνοις.

²⁶ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3r* ὦ.

²⁷ В ркп. ἡγάσето. *Karakal.23 123v ἀγάσαιο, Coisl.gr.218 3r ἀγάσεται*.

²⁸ *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3r* προσελθεῖν.

²⁹ В *Karakal.23 123v, Coisl.gr.218 3r* нет.

слав. покрывающи. Не вполне привычно для глаза выглядит фраза *иже кто не подивитъся*. На первый взгляд она кажется неполной или вырванной из контекста, однако все правильно и соответствует греческому тексту. *Иже* здесь является вопросительной частицей, означающей ‘разве, ли’. Такая характеристика отражена в СлРЯ XI–XVII вв. [1: 60], однако в статье представлены только поздние примеры XVI в. Дальнейшая потеря смысловой связи в славянском обусловлена пропуском целого предложения: τὸν μὲν ἡντιβόλει περιελθεῖν εἰς τὰ βάσανα ‘одного молила пойти на мучение’, после которого становится ясен следующий контекст. Ошибка представлена во всех списках Стихираря, где встречается эта стихира, а также в минее ГИМ, *Син.168* 3r-v [Stern 1: 154]. Интересно, что пропуск одной из строк есть и в рассматриваемой сейчас, и в предыдущей стихирах, которые отмечены в одних и тех же славянских рукописях. Возможно, этот признак поможет восстановить генетические связи этих четырех манускриптов и обнаружить кодекс, с которого переписаны или переведены стихирьы. Не исключено, что если ошибка возникла в процессе бытования на славянской почве, то антиграф был поврежден (залит, оборван, прожжен или проеден). Либо ошибка присутствовала в греческой рукописи, с которой был сделан перевод (ср. такой случай в предыдущей стихире по списку *Sin.gr.631*) или появилась в процессе перевода (в результате перескока от сходного к сходному: τὸν [...] τὸν). Затем в слав. возникает странное сочетание *иже наследники дѣти*, которое в целом может быть применено к контексту, поскольку фразе предшествует глагол говорения, а *иже* может использоваться как маркер прямой речи; сама речь от лица матери обращена к детям, поэтому появление наследников не совсем бессмысленно. Однако, в греч. на этом месте оказывается ὦ κλείνοι μου παῖδες ‘О, славные мои дети’. По-видимому, слав. переводчиком оно было неверно прочитано или понято как ὡς κληρονόμοι, или паронимическая замена была осуществлена в греческом кодексе. В *Син.572* вариант с наследниками осмыслен глубже и к имеющемуся добавлено определение: *иже наследники небеснии дѣти*.

Ак 174v–175r (*Соп384* 78v, *Син.572* 168r)

Имоуще • матерне оброщение • носаше и въ оутрь силоу • моудрыи макавие • къ себе си глаголаша • придѣте оубо братие • идѣмъ тѣцѣмъ • плѣтскою кратъкою • съмѣръти ни въ убоже положивѣше • огонь да възгнѣтитъся • моудри иже хощетъ • колода протѣгнетъся • и да принесоутъся расѣуения • оле юудеси • иже на тѣржищи тѣлесѣ продахоуся • и повѣдѣнными вѣнцы съювазуютъся • отъ христа кога • и спаса доушамъ нашимъ:

Karakal.23 124r: ἔχοντες τὰς μητρῶας³⁰ ἀλείψεις, φέροντες* καὶ οἰκοθεν σθένος* οἱ σοφοὶ Μακκαβαῖοι* πρὸς ἀλλήλους ἔλεγον*· δεῦτε αὐτάδελφοι,* ἴωμεν, δράμωμεν,* τὸν τῆς σαρκὸς βραχὺν θάνατον εἰς οὐδὲν θέμενοι.* Ἀναπτέσθω τὸ πῦρ,* κολαστὰ, ὡς ἂν βούλοιο,* ὁ τρόχος τεινέσθω,* ἐνεχθήτω καὶ ἀρθρέμβολα*· Ὡ τοῦ ὀράματος!* Ὡς ἐν πανηγύρει* τὰ σώματα πρόωντο,³¹* καὶ νίκης στεφάνους* οἱ πάντες συνανεδήσαντο³²* παρὰ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ* καὶ Σωτῆρος τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Зачало в [Кривко 2008: 91]: *Sin.gr.631* 2r, *Coisl.gr.218* 3r.

‘Имеющие материнское умашение, нося и природную силу, мудрые Маккавеи друг другу говорили: «Придите, братья, идем, бежим, плотскую краткую смерть ни во что не ставя! Пусть разгорится огонь, мучитель, как ты хочешь, колесо пусть протянется, пусть будут принесены орудия мучения. О зрелище! Как на празднике, тела выставили³³, и победные венцы все вместе надели от Христа Бога и Спасителя душ наших’.

Практически в самом начале стихиры в Ак возникает не поддерживаемое греч. *οὐκρογένειαι*, для которого к тому же отсутствуют более-менее подходящие по контексту значения в современных исторических словарях. Вероятно, это паронимическая замена *οὐκρογένειαι/οὐκρογένειαι*, возникшая при переписывании текста. В *Син572* и *Соф384* в этом месте обнаруживается *οὐκρογένειαι*, что не соответствует греч., но подходит по смыслу к данному контексту. Далее по тексту 2 л. с обращением в греч. *κολαστὰ ὡς ἂν βούλοιο* ‘мучитель, как ты хочешь’ воспринято как 3 л. в слав. *моуѣи ѿко хощѣтъ*. Орудия пытки в славянском названы *расѣвѣнии*, что опять же не зарегистрировано в словарях. Слав. *оуѣ воуѣси* восходит, очевидно, к разночтению *Ὡ τοῦ θάύματος, хотя количество слогов (ср. в имеющемся варианте: *Ὡ τοῦ ὀράματος*) не совпадает. Далее в греч. видим малопонятную форму *πρόωντο*, которая, впрочем, отмечена и в *Coisl.gr.218* в другом написании: *πρόοντο*. Очевидно, слово подверглось порче. Можно предположить, что это вместо *προΐοντο*³⁴ — поздняя форма от *προΐημι* ‘посылать, бросать’ (нормальная форма — *προΐεντο*), т. е. ‘тела были брошены, бросались’, или *προέδοντο* от *προδίδωμι* с аналогичным значением. В обоих случаях приходится предполагать пропуск слога. Ближе к концу стихиры в слав. употреблено наст вр. *съоуѣвазюютьсѧ* в отличие от греч. аориста. При этом в Ак пропущено и предшествующее местоимение, соответствующее греч. *οἱ πάντες*. Два других списка дают

³⁰ В ркп. *μητρῶους*.

³¹ *Karakal.23* 123v *ἔθεντο*.

³² *Karakal.23* 123v, *Coisl.gr.218* 3r *ἀνεκομίσαντο*.

³³ Перевод в соотв. с чтением *Karakal.23*.

³⁴ В TLG отмечено единичное употребление этой формы в Etymologicum Gudianum.

в этом месте схожее чтение со вставкой пропущенного местоимения и употреблением буд. вр. вместо н. вр.: *Соф384* въси сѣоуѡзѡуѣтъсѧ, *Син572* въси оуѡзѡуѣтъсѧ.

15.08 Успение Богородицы

Ак 189v (*Син279* 145v, *Соф384* 98r)

Кѣми пѣсньныими словесы • погребемъ богородицю • юже ангельстии чини славѣтъ • тѣлѣ апостолѣ погрѣбають • богокраснымъ свѣтоносимъ • ови предѣтъ божественнымъ тѣлѣмъ начинающе • ови же яко цесарицю оспѣпающе • сию же единому достоино • въ свѣтѣ невещественнѣмъ • прѣлагають отъ земли • христосъ сынъ ѡна имѣѧ велию милость:

Sin.gr.631 53r: Ποίοις ὑμνωδιῶν ἔπεσιν* ἐντυμβεύσωμεν τὴν Θεοτόκον,* ἣν ἀγγέλων τάξεις* γεραίρουσιν,* στίφος ἀποστόλων* κηδεύουσιν* ἐν θεοτερπῇ λαμπροφωρίᾳ,* οἱ μὲν πρὸ τοῦ θείου σκήνους* προεξάρχοντες,* οἱ δὲ ὥσπερ βασιλῖδα περιέποντες,* αὐτὴν γὰρ μόνην ἀξίως* ἐν φωτὶ ἀύλῳ μετατίθησιν* ἀπὸ γῆς Χριστὸς ὁ Υἱὸς αὐτῆς* ὁ ἔχων* τὸ μέγα ἔλεος.

Зачало в ЕРН 30 (1931) 561.

‘Какими словами песнопений мы погребем Богородицу, которую ангельские чины славят, ряды апостолов погребают в богопрекрасном светоношении, одни перед божественным телом предшествуя, другие же, как царицу, обступая, ибо Ее единственную достойно в свете невещественном переносит от земли Христос, Сын Ее, имеющий великую милость?’

В стихире неверно передано греч. прич. *προεξάρχοντες* ‘идушие впереди, предводители’ — начинающе. Аналогичный случай (правда, с точно калькированной морфемной структурой греческого слова) отмечен на предпразднство Богоявления 5 января, где мы находим следующий контекст: *пришѣдъ стани сѣ нами • назнаменана пѣснь • и преженачинана тѣржество* Ак 101r17 (*δεῦρο στήθι μεθ’ ἡμῶν ἐπισφραγίζων τὸν ὕμνον καὶ προεξάρχων* τῆς πανηγύρεως [MR, 3: 116] ‘Приди, встань с нами, утверждая песнь и возглавляя торжество’). Поскольку речь идет о предпразднстве, употребление глагола *преженачинати*, являющегося точной и не вполне удачной калькой греческого *προεξάρχω*, в некоторой степени оправданно, и славянское слово можно определить как ‘предварять, предвосхищать начало’ [Малыгина 2012: 99]. В данном же случае нарушена не только морфемная структура слова, но и смысл высказывания полностью искажен.

Ак 189v (*Син279* 145v)

Кѣми гровьныими пѣсньми • въспомнѣ живоносноую • память же и всесущьствоу оуспѣнии • благословенѣя отроковица • и матере слова и

ДѢВЫ • СВѢТЛО ПРАЗДНИКѢ СЪВІРАЮЩЕ ИСХОДѢНТИ • СІЮ БО ЕДИНОУ ДОСТО-
ИНО ВЪ СВѢТѢ НЕВЕЩЕСТВѢНѢМЪ ПРИЛАГАЕΤЬ • ОΤЪ ЗЕМΛΑ ΧΡΙΣΤΟCЪ CЪИΝΤΙ ΚΑΙ
ΙΜΨΙΑΙ ΒΕΛΙΝΙΟ ΜΙΛΟCΤЬ•

Sin.gr.631 53r: Ποίοις ἐνταφίῳν ἄσμασιν* ἀνυμνήσωμεν τὴν ζωηφόρον*
μνήμην τε καὶ πάνσεπτον κοίμησιν* τῆς εὐλογημένης Θεόπαιδος* καὶ Μητ-
ρὸς τοῦ Λόγου καὶ Παρθένου,* ἐν ᾗ παγγενῶς ἡ κτίσις ἐπαγάλλεται,* φαι-
δρῶς ἐορτὴν κροτοῦσα τὴν ἐξόδιον;* Ταύτην γὰρ μόνην ἀξίως* ἐν φωτὶ ἀύλῳ
μετατίθησιν* ἀπὸ γῆς Χριστὸς ὁ Υἱὸς αὐτῆς* ὁ ἔχων <τὸ μέγα ἔλεος>.

Зачало в [Пузина 2016: 219].

‘Какими погребальными песнями мы воспоем живоносную память и всечестное усение благословенной Богоотроковицы, Матери Слова и Девы, в котором всем миром тварь ликует, светло праздник праздная [букв. рукоплещая, ударяя] исхода? Ибо Ее одну достойно в свете невестественном переносит с земли Христос, Сын Ее, имеющий [великую милость]’.

В целом стихира переведена корректно. На месте РП Θεόπαιδος ‘Богоотроковицы’ в слав. видим однокорневое отроковица с отсутствием первого элемента композита. Далее, как уже было в описанных выше стихирах (в других рукописях!) пропущена строка, соответствующая греч. ἐν ᾗ παγγενῶς ἡ κτίσις ἐπαγάλλεται, в результате чего нарушается смысловая связь.

Ак 190г (Син279 146г)

ДВЕРЬ • СВѢТОУВРАЗНА ВЪИСТЬ • СЪЛНЦА ПРАВЪДНААГО • ТРЕПЕЗА И
ПРѢСТОЛЪ НЕПОДВИЖИМА [так! — М. П.]• НА НЕМЪЖЕ СѢДЪ ВСѦ ВЪЗДВИЖЕ •
ОΤЪ ПРѢCΤΟΥΠΛΗΝΙΑ ΒΟΓΟΡΟΔΙΤΕΛΝΙCΑ • ΤѢМЪ ΤΑ ΔΟCΤΟΙΝΟ • И ДЪΛЖНО
ΟΥΒΛΑЖИМЪ • И ВЪCРΟЮ CЪ ΑΓΓΕΛΤΥ ВЪЗΒΟΕΜЪ • ΡΑΔΟΥCΙCΑ ΠΕΥΑΛΙ ΡΑΖΔΡѢCΗΝΙΕ •
ΡΑΔΟΥCΑ ΙCΤΟΥCΗΝΙΕ ЖИВОΤΑ ΝΑCΗΟ • ΤΟΥΑCΙ ΙCΨѢΛΕΝΙΕ ΜΙΡΟΒΙ • И ΟCΤΑΒΛΕΝΙΕ
ΓΡѢΧΟУВЪ • И ΒΕΛΙΝΙΟ ΜΙΛΟCΤЬ•

Sin.gr.631 53r: Πύλη φωτοειδῆς γέγονας* τοῦ ἡλίου τῆς δικαιοσύνης,*
τράπεζα καὶ θρόνος ἀσάλευτος,* ἐν ᾧ καθεσθεις πάντας ἡγείρεν* παραβά-
σεως, θεογεννητορ.* Διό σε ἀξιοχρέως μακαρίζομεν* καὶ πίστει σὺν τῷ Ἀγ-
γέλῳ ἀνακράζομεν•* χαῖρε τῆς λύπης ἡ λύσις,* χαῖρε ἡ πηγὴ τῆς ζωῆς,* ἡ
πηγάζουσα ἰλασμὸν* τῷ κόσμῳ καὶ ἁφεσιν* πταισμάτων τῶν ἁμαρτιῶν καὶ
μέγα ἔλεος.

Зачало в [Пузина 2016: 220].

‘Дверь световидная Ты была Солнца правды, трапеза и престол непоколебимый, на котором воссев, Он всех воскресил от преступления, Богородительца. Поэтому Тебя достойно ублажаем и с верой с Ангелом восклицаем: «Радуйся, от печали избавление, радуйся, источник жизни, источающий исцеление миру, оставление прегрешений и великую милость»’.

В целом славянский перевод вполне соответствует греческому тексту, за исключением нескольких мелких деталей. В слав. во фразе вѣрою съ ангѣлы вѣззовемъ мы видим мн. ч., в отличие от ед. ч. в греч. (σὺν τῷ Ἀγγέλῳ), где, по-видимому, имеется в виду архангел Гавриил, возвестивший Деве Марии Благоую весть. И, наконец, в слав. добавлено определение живота нашего (в греч. только τῆς ζωῆς).

Q 185v

Танноу҃чити вожьствѣнѣи на тебе богородице ꙗкоже по истьствоу вѣше рода съвѣршаемаѣа вѣздѣна безднѣноу призывають неиздреченѣнѣихъ во҃уде-съ твоихъ благодатѣнаѣа зачатіе ве-сѣмене и рождество нетѣлѣнно съмѣрѣть безъ истѣлѣннѣи и вѣскрѣсении преже годинѣи зане зачатоме божиѣа мо҃дрѣость и сила роженѣе же отро҃е во҃гъ господѣ ꙗмо҃же власть на раиѣ о҃мѣрѣше же грѣхоу неиско҃сѣно и вѣскрѣсѣшеи того живота обитѣлище тѣмѣ твоими погребѣннѣи вѣстаннѣи съпразднѣно҃юще пѣснѣи тѣа вѣсокогласно немѣлѣ-нѣиими о҃блѣжнѣнѣи:

Sin.gr.1219 144r-v: Μυσταγωγεῖται θείως³⁵ ἐπὶ σοί, Θεοτόκε,* τὰ κατὰ φύσιν ὑπερφῶς τελούμενα.* Ἀβυσσος ἄβυσσον ἐπικαλεῖται* τῶν ἀπορρήτων θαυμασίων³⁶ σου, Κεχαριτωμένη,* σύλληψις ἄσπορος καὶ κύησις ἀφθορος,* θάνατος ἄρευστος³⁷* καὶ || ἀνάστασις προώριος,* ἐπὶ τῷ συλληφθέντι³⁸* Θεοῦ σοφία* καὶ δύναμις,* τὸ δὲ κυηθὲν παιδίον* Θεὸς Κύριος,* οὗ ἡ ἀρχὴ ἐπώμιος,* τὸ δὲ θανὸν τῆς ἁμαρτίας ἀπείραστον* καὶ τὸ ἀναστὰν* τῆς αὐτοῦ ζωῆς τὸ καταγώγιον,* ὅθεν τοῖς σοῖς ἐπιταφίοις* τὰ ἐγέρσια συνεορτάζον-τες* ὕμνοις σε* ὑψηφῶνως ἀσιγήτως μακαρίζομεν.

Зачало в [Пузина 2016: 220].

‘Священнодействуется божественно в Тебе, Богородица, по естеству сверхестественно совершаемое. Бездна бездну призывает невыразимых чудес Твоих, Обрадованная: зачатие бессеменное и роды нетленные, смерть неизменная и воскресение преждевременное, при зачатом Божия мудрость и сила, рожденное же дитя — Бог Господь, у Которого господство на плечах, а умершее не испытало греха, и воскресшее — Его жизни пристанище. Поэтому, празднуя совместно Твои погребение и воскресение, песнями Тебя высокогласно немолчно ублажаем’.

Славянский текст соответствует греческому. На месте наречия ἀσιγήτως в соответствии со слав. немѣлѣнѣиими ожидалось бы прил. в ДП *ἀσιγήτοις.

³⁵ В ркп. прил. θείως.

³⁶ В ркп. θαυμασίον.

³⁷ В ркп. ἀρεύστως.

³⁸ В ркп. συλληφθέν.

18.08 мчч. Флора и Лавра

Ак 192г (Син279 151v, Q 186г, Соф384 90v, Син572 189г, Син589 185г, Т145 63v)

РѢВННТЕЛѦ СВѦТАѦ • САМАВРАТА ХРИСТОВА • ФЛОРЕ И ЛАВРЕ • ХВАЛАМИ ДО-
СТОИНАМИ ПОУЧѢНА ВОУДѢТА СИЯ ІАКО КРѢПѢКО ПОДВИГѢШАСѦ • ИЖЕ КЪ БОГѢ
ИСПОВѢДАНИЕ • И КРѢПѢКО ПОСТРАДАВѢША ПОВѢДНѢИ ВѢНЬЦѢ ОУЛОУНИСТА • И СЪ
АНГЕЛЪ ВЪ ВЪШЬНИИХЪ ЛИКѢСТВОВАЮЩЕ ПРИБѢЖНО МОЛАЩА СВѦТОЮ ТРОИЦЮ
ОУМИРИТИ МИРѢ И СЪСПАСТИ ДОУША НАША:

Sin.gr.1216 153v: Ἡ ξυνωρίς ἡ ἁγία τῶν αὐταδέλφων Χριστοῦ,* Φλῶρος
καὶ Λαῦρος, ἐν ὕμνοις* ἐπαξίως τιμάσθωσαν,* οὗτοι γὰρ στερρῶς ἀγωνισά-
μενοι* ὑπὲρ τῆς εἰς Θεὸν ὁμολογίας καὶ σταθερῶς ἐναθλήσαντες* τὸν τῆς
νίκης στέφανον ἐπέτυχον* καὶ σὺν Ἀγγέλοις ἐν ὑψίστοις χορεύουσιν,* ἔκτενῶς
δυσωποῦντες τὴν Παναγίαν Τριάδα* εἰρηνεῦσαι τὸν κόσμον καὶ σῶσαι τὰς
ψυχὰς ἡμῶν.

Зачало в [Пузина 2016: 220].

‘Святая пара братьев Христовых Флор и Лавр в песнях достойно да почтятся. Ибо они, крепко сразившись за исповедание Бога и стойко пострадав, победный венец получили и с Ангелами в вышних ликуют, прилежно моля Пресвятую Троицу умирить мир и спасти души наши’.

Греч. ἡ ξυνωρίς (συνωρίς) вовсе не означает **РѢВННТЕЛѦ** (ὁ ζηλωτής) и при переводе скорее было бы передано как **дѣвница** или **вьрста**. Возможно, в исходном тексте было равносложное и равноударное разночтение *αἱ ζηλωταί. И дальше славянская стихира относительно свободно передает греческий текст, что в целом нетипично для гимнографических произведений. Как правило, в таких случаях перевод буквальный и морфологически точный. Здесь же при полном сохранении смысла грамматика оригинала несколько отличается от перевода. Греческое Ἡ ξυνωρίς ἡ ἁγία τῶν αὐταδέλφων Χριστοῦ дословно означает ‘святая пара братьев Христовых’, а славянский переводчик предпочел сделать однородные подлежащие **РѢВННТЕЛѦ СВѦТАѦ • САМАВРАТА ХРИСТОВА**. Затем имена святых ошибочно поставлены в звательную форму и тогда то, что слева, — тоже обращение, что не согласуется с формой славянского глагола в 3 л. дв. ч. индикатива (впрочем, омонимичного со 2 л. дв. ч.) и тем более с формой 3 л. мн. ч. императива в греческом³⁹. Греч. ἐν ὕμνοις в стихираре обычно переводится как **пѣсньми**, хотя один раз встретился перевод **похвалами** (такая же вариативность наблюдается и при переводе соответствующего глагола). Ἐπαξίως — это наречие ‘достойно’, в то время как в славянском это прилагательное, согласованное с **хвалами**. Хотя не исключено, что было морфологическое разночтение ἐπαξίους.

³⁹ Согласование с ἡ ξυνωρίς смысловое.

Рукопись Q в этом месте дает разночтение дѣховънами (причем ъ исправлено из о), либо в результате сверки с греч. текстом, имеющим разночтение *πνευματικοῖς, либо, что более вероятно, судя по исправлению о на ъ, правка была произведена при переписывании спонтанно.

26.08 мчч. Адриана и Наталии

Ак 193г–v (Син279 161v, Соф384 91v, Син572 190г, Син589 186г)

Зѣрѣши • наталиѣ прѣмоудраѣ • причѣта исповѣдающеи мѣ • добра си подроужихѣ • кѣ немѣ въпиѣаше • се радовахѣсѣ • се ѹбѣстѣна въхѣ • ꙗко жена азѣ • моуѣница оуже словоу • не можи свѣте мои • въспѣтитисѣ • нѣ дѣрзан • не можи тѣ въти състрадалецѣ въторѣи • дажѣ ми роукоу си • дажѣ ми господи • съломлениѣ голѣнѣма • да въспѣиши • равнѣ съ въсѣми моуѣникѣ • и съ ними насладивѣсѣ • о христѣ въ всѣхъ вѣкѣхъ:

Sin.gr.632 147v–148r: Βλέπουσα Ναταλία ἡ σώφρων* σύστοιχον τοῖς ὁμο-
λογοῦσιν* τὸν καλὸν ὁμολογῶν* πρὸς τοῦτον ἐφθέγγετο.⁴⁰ νῦν ἡγαλλίαμαι,*
νῦν μεμακάρισμαι,* ὅτι γυνὴ ἐγὼ* μάρτυρος οὕτω γνωρίζομαι.* Θάρρυνον
λοιπὸν* καὶ τὴν δειλίαν ἀπόρριψον,* μὴ τῶν σῶν συνάθλων* ἀπενέγκῃς τὰ
δεύτερα.* Δὸς μοι* τὴν χεῖρά σου* κύριέ μου, δὸς μοι,* κλασθήτω σὺν σκέ-
λεσιν,* ἵνα συναστράψῃς* ἐξίσου τοῖς συναθλοῦσι σοὶ* καὶ σὺν αὐτοῖς ἐν Χρι-
στῷ* ἀπολάβωμεν αἰῶνια.

Зачало в [Кривко 2008: 94].

‘Видя, Наталия мудрая, равного исповедающим прекрасного супруга, к нему обратилась: «Ныне я ликую⁴¹, ныне я счастлива, что я известна как жена мученика. Дерзай теперь и робость отложи, чтобы ты не получил вторую награду после тех, кто участвует с тобой в состязании⁴². Дай мне твою руку, господин мой, дай мне, пусть она будет сломана вместе с голеньями, чтобы ты совоссиял равно тем, кто участвует с тобой в состязании, и с ними во Христе мы наслаждались вечно’.

Очевидно, при переводе использовался другой греческий текст. Расхождения греч. и слав. текстов начинаются уже после первого предложения. Сперва в слав. появляется моуѣница оуже словоу, явно восходящее к разночтению в греческом *μάρτυς λοιπὸν (ἤδη? ἔτι?) <εἰμι> τοῦ Λόγου (?). Следующей фразы не можи свѣте мои • въспѣтитисѣ в греческом нет вовсе. Далее, напротив, в греч. мы видим καὶ τὴν δειλίαν ἀπόρριψον ‘и робость отложи’, отсутствующее в слав. версии. В следующей фразе незначительная метатеза по сравнению с греческим: дажѣ ми господи vs. κύριέ μου, δὸς μοι ‘господин мой, дай мне’, с утратой moi при обращении.

⁴⁰ В ркп. ἐφθέγγετο.

⁴¹ Греч. перфект можно переводить наст. вр. В слав. версии сохранено пр. вр.

⁴² В слав. версии греч. τῶν [...] συνάθλων традиционно передано как състрадалецъ, вследствие чего утрачена спортивная метафора, объясняющая общий контекст.

Далее $\kappa\lambda\alpha\sigma\theta\eta\tau\omega\ \sigma\upsilon\nu\ \sigma\chi\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\iota\nu$ ‘пусть она будет сломана вместе с голенями’, относящееся к сущ. $\rho\omicron\gamma\kappa\alpha$, очевидно, осталось не вполне ясным для переводчика и было переосмыслено как продолжение предыдущего контекста: *дажъ ми господи • съломление голѣньма* ‘дай мне перелом голеней’. Для *равьнь съ вьсѣми мюгъеникы* вероятно предположить греч. равносложное и равноударное разнотение * $\pi\acute{\alpha}\sigma\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \mu\acute{\alpha}\rho\tau\upsilon\sigma\iota$ (ср. $\tau\omicron\iota\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\alpha\theta\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\ \sigma\omicron\iota$ ‘твоим сострадальцам’).

29.08 Усекновение главы Иоанна Предтечи

Q 187v (Син279 153r)

Благооуханна главы предѣтеа память сътворѣнѣ овѣгда во тако въ градѣхъ вблиающи беззаконіи нынѣ же въ странахъ проповѣдающи покаіаніи.

Reg.gr.54 72v: Τῆς εὐωδεστάτης κεφαλῆς τοῦ Προδρόμου* τὰ θαυμάσια κηρύξωμεν,* ποτὲ μὲν⁴³ ὑπόγειον ἐλέγχουσης ἔρανον,* νῦν δὲ ἐν τοῖς πέρασιν κηρύττουσας μετάνοιαν.

Зачало опубликовано в ЕРН 47 (1948) 145.

‘Благовоннейшей главы Предтечи чудеса провозгласим, некогда в подземелье обличающей пиршество, сейчас же концам земли проповедающей покаяние’.

Славянское сущ. *благооуханна* не подтверждается греческим, где видим превосходную степень прилагательного $\epsilon\upsilon\acute{\omega}\delta\eta\varsigma$ ‘благовонный, благоуханный, душистый’ — $\epsilon\upsilon\omega\delta\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$. Вероятно, ошибка возникла на месте РП прил. *благооуханьныа*, поскольку сравнительная степень греческого оригинала редко передается при переводе. В качестве соответствия словосочетанию *память сътворѣнѣ* ожидалось бы $\eta\ \mu\eta\acute{\eta}\mu\eta\ \acute{\epsilon}\kappa\tau\epsilon\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu$, а не $\tau\alpha\ \theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\iota\alpha\ \kappa\eta\rho\acute{\upsilon}\xi\omega\mu\epsilon\nu$ ‘чудеса провозгласим’. Затем в славянском нарушен синтаксис: причастия *вблиающи* и *проповѣдающи* стоят в ни с чем не согласованном ДП (вм. РП *вблиающа*, *проповѣдающа*), в то время как в греческом мы видим закономерный РП, согласованный с сущ. $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\acute{\eta}\varsigma$ ‘головы’. Это достаточно частотное явление в переводных памятниках, когда предложение начинается с синтаксически правильного РП, а потом возникает ДП (ср., например, [Пролог 2010: 21] (Ш29 26. 25–31)). Переводя длинное предложение, переводчик теряет нить повествования и связь с главным словом и продолжает переводить отдельные формы. Как известно, при передаче греч. РП возможна вариативность, откуда и возникают подобные примеры синтаксического рассогласования. Сама же фраза *тако въ градѣхъ вблиающи беззаконіи*, очевидно, восходит к греческому разнотению.

⁴³ Очевидно, описка. Ожидается $\mu\acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\nu$.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ВЛ — Библиотека Великой Лавры св. Афанасия, Афон⁴⁴

БАН — Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург

ГИМ — Государственный исторический музей, Москва

Кар — Библиотека монастыря Каракалл, Афон⁴⁵

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург

BAV — Bibliotheca Apostolica Vaticana, Città del Vaticano

BNF — Bibliothèque Nationale de France, Paris

Grottaferrata — Biblioteca della badia greca di Grottaferrata, regione Roma⁴⁶

BRUM — Biblioteca Regionale Universitaria “Giacomo Longo” di Messina⁴⁷

Patmos — Библиотека монастыря св. Иоанна Богослова на о. Патмос (Ἱερὰ Μονὴ Ἀγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου τῆς Πάτμου)

Sinai — Библиотека монастыря св. Екатерины на горе Синай (Ἱερὰ μονὴ καὶ ἀρχιεπισκοπὴ Σινᾶ)⁴⁸

Источники

Славянские

Рукописи

Ак

БАН, 34.7.6, Стихирь минейный XII в.; [СК: 129–130].

Син279

ГИМ, Синодальное сбор., № 279, Стихирь минейный XII в.; [СК: 155–156].

Син572

ГИМ, Синодальное сбор., № 572, Стихирь минейный XII в.; [СК: 130].

Син589

ГИМ, Синодальное сбор., № 589, Стихирь минейный 1158 г.; [СК: 131].

Соф384

РНБ, Софийское собр., № 384, Стихирь минейный 1156–1163 гг.; [СК: 96].

⁴⁴ По микрофильмам, хранящимся в библиотеке Патриаршего института святоотеческих исследований (The Patriarchal Institute of Patristic Studies) в Салониках. Датировки рукописей — по изд. [LAMPROS 1900].

⁴⁵ По микрофильмам, хранящимся в библиотеке Патриаршего института святоотеческих исследований (The Patriarchal Institute of Patristic Studies) в Салониках. Датировки рукописей — по изд. [LAMPROS 1900].

⁴⁶ Датировки рукописей — по изд. [ROCCHI].

⁴⁷ Рукописи Монастыря Св. Спаса (San Salvatore di Messina). По микрофильмам, хранящимся в Центре исследования рукописей Национальной библиотеки им. Виктора Иммануила II в Риме (Centro Nazionale per lo studio del manoscritto della Biblioteca Nazionale Centrale «Vittorio Emmanuele II» di Roma). Новое издание Donatella Bucca: «Catalogo dei manoscritti musicali greci del ss. Salvatore di Messina» (2013) осталось нам недоступно.

⁴⁸ По микрофильмам, хранящимся в Библиотеке Болгарской Академии наук в Софии.

T145

РГАДА, ф. 381 (Собрание Синодальной типографии), № 145, Стихирарь минейный XII в.; [СК: 132–133].

T152

РГАДА, ф. 381 (Собрание Синодальной типографии), № 152, Стихирарь минейный XII в.; [СК: 133–134].

Q

РНБ, Q.п.1.15, Стихирарь минейный XII в.; [СК: 131–132].

Издания

Пролог 2010

Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль, 1: Текст и комментарии, изд. подгот.

Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский, под ред. В. Б. Крысько, Москва, 2010.

MD

Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts, 4, hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin, Oppladen, Wiesbaden, 2006.

SPP

Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus, ed. cur. N. Schidlovsky, pars principalis, Hauniae, 2000a; pars suppletoria, Hauniae, 2000b.

Греческие

Рукописи

Греч. 44

РГБ, Греч. 44, Миния служебная, декабрь–февраль, XI в.

Греч. 48

РГБ, Греч. 48, Миния служебная, декабрь–февраль, XV в.

Coisl. gr. 218

BNF, Coisl. gr. 218, Миния служебная, август, XI в. [Devreesse 1945: 199–200]

Crypt. Δ.α. XIV

Grottaferrata, Crypt. Δ.α. XIV, Миния служебная, декабрь, XI в.

Crypt. Δ.α. XXIV

Grottaferrata, Crypt. Δ.α. XXIV, Миния служебная, декабрь–январь, XIII–XIV в.

Karakal. 23

Кар, Karakal. 23, Стихирарь, XIII в. [Lampros 1900: 131]

Laur. D23

ВЛ, Laur. D23, Стихирарь, XII в.

Laur. H81

ВЛ, Laur. H81, Миния служебная, XIV в.

Messen.gr. 139

BRUM, Messan.gr. 139, Миния служебная, сентябрь–август, XII в.; [Mancini 1907: 200]

Messen.gr. 142

BRUM, Messan.gr. 142, Стихирарь; в описании [Mancini 1907: 202] — Миния.

Paris.gr. 1621

BNF, Paris.gr. 1621, Миния служебная, ноябрь–декабрь, XIII в.

- Paris.gr. 1623
BNF, Paris.gr. 1623, Миния служебная, декабрь, XIV в.
- Paris.Mazarin.-Reg.gr. 2035
BNF, Paris.Mazarin.-Reg.gr. 2035, Стихирарь, XIV в.
- Paris.Reg.gr. 3467
BNF, Paris.Reg.gr. 3467, Стихирарь, XIII в.
- Paris.Reg.gr. 3014
BNF, Paris.Reg.gr. 3014, Стихирарь, XIII в.
- Patm.gr. 198
Patmos, Patm.gr. 198, Миния служебная, январь [Ζακκελίων 1890: 113]
- Patm.gr. 222
Patmos, Patm.gr. 222, Стихирарь [Ζακκελίων 1890: 119]
- Reg.gr. 54
BAV, Reg.gr. 54, Миния служебная, декабрь–февраль, X в.
- Sin.gr. 583
Sinai, Sin.gr. 583, Миния служебная, декабрь, XI в.
- Sin.gr. 597
Sinai, Sin.gr. 597, Миния служебная, январь–февраль, XI в.
- Sin.gr. 631
Sinai, Sin.gr. 631, Миния служебная, август, XI в.
- Sin.gr. 632
Sinai, Sin.gr. 632, Миния служебная, август, XII в.
- Sin.gr. 638
Sinai, Sin.gr. 638, Миния служебная, сентябрь–февраль, XIII в.
- Sin.gr. 1214
Sinai, Sin.gr. 1214, Стихирарь, XI/XII в.
- Sin.gr. 1216
Sinai, Sin.gr. 1216, Стихирарь, XIII в.
- Sin.gr. 1217
Sinai, Sin.gr. 1217, Стихирарь, XI–XII в.
- Sin.gr. 1218
Sinai, Sin.gr. 1218, Стихирарь, 1177 г.
- Sin.gr. 1219
Sinai, Sin.gr. 1219, Стихирарь, XII–XIII в.
- Sin.gr. 1220
Sinai, Sin.gr. 1220, Стихирарь, XIII в.
- Vat.gr. 779
BAV, Vat.gr. 779, Varia liturgica ex Menaeis excerpta, 1408 г.
- Vat.gr. 2008
BAV, Vat.gr. 2008, Миния служебная, январь–апрель, XI в.

Издания

ΕΕΒΣ

Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Ἀθῆναι.

ΕΡΗ

Ἑκκλησιαστικὸς Φάρος, Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ.

MR

Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ, 1–6, Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

NS

Νέα Σιών, Ἐκκλησιαστικὸν περιοδικὸν Σύγγραμμα, Ἐν Ἱεροσολύμοις.

S

Sticherarium. Codex Vindobonensis theol. gr. 181 phototypice depictus, ed. cur. Carsten Höeg, H. J. W. Tillyard, Egon Wellesz, Copenhagen, 1935.

SA

Sticherarium Ambrosianum. Codex Bibliothecae Ambrosianae A 139 sup. phototypice depictus, ed. cur. Leidia Perria et Jørgen Raasted, Hauniae, 1992.

SAV

Sticherarium Antiquum Vindobonense. Codex theol. gr. 136 Bibliothecae Nationalis Austriacae phototypice depictus, ed. cur. Gerda Wolfram, Vindobonae, 1987.

Литература

Камчатнов 2004

Камчатнов А. М., Форма аориста РЕЧЕ как знак цитации в древнерусских текстах, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2004, 1(15), 14–16.

Кривко 2008

Кривко Р. Н., Византийские источники славянских служебных миней, *Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–15 сентября 2008 г.)*. Доклады российской делегации, Москва, 2008, 76–101.

Максимович 2006

Максимович К. А., Трансформация неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха Болгарского (Опыт количественного описания), *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*, отв. ред. А. М. Молдован, Москва, 2006, 113–128.

Малыгина 2012

Малыгина М. А., *Языковые особенности и состав Минейного стихираря (по древнерусским спискам XII в.)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2012).

——— 2014

Малыгина М. А., Метод реконструкции гипотетических разночтений в греческих оригиналах славянских гимнографических произведений: быть или не быть?, *Palaeobulgarica*, 38, 1, 2014, 3–18.

Пичхадзе 2016

Пичхадзе А. А., О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, 2016, 499–516.

Пузина 2016

Пузина М. А., Новые греческие параллели к стихирам славянского Минейного стихираря XII в., *Современные проблемы археографии. Вып 2: Сб. ст. по материалам конфер. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 окт. 2014 г.*, отв. ред. И. М. Беляева, С.-Петербург, 2016, 216–221.

Чернышева 2008

Чернышева М. И., Семантика словообразовательных моделей с начальным благо- и бого- (новые данные), *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2008, 540–553.

Словари и справочники

Речник 2003

Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели, ред. М. Аргировски, сораб. Н. Андријевска, А. Гуркова, Скопје, 2003.

СДРЯ

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–11–, Москва, 1988–2016–.

СК

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., Москва, 1984.

СЛРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Срезн.

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, 1–3, Москва, 1989 (репринт).

СС

Благова Э., Цейтлин Р. М., Геродес С. et al., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, изд. 2-е, Москва, 1999.

Devreesse 1945

Devreesse R., *Le fonds Coislin: Catalogue des manuscrits grecs*, Paris, 1945.

Follieri 1960–1966

Follieri H., *Initia hymnorum Ecclesiae graecae*, 1–5 (1/2) (= Studi e testi, 211–215 bis), Città del Vaticano, 1960–1966.

Lampe

Lampe G. W. H., *A Patristic Greek Lexicon*, 1–3, Oxford, 1962–1968.

Lampros 1900

Lampros Sp., *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, Cambridge, 1900.

Mancini 1907

Mancini A., *Codices graeci monasterii Messanensis S. Salvatoris*, Messanae, 1907.

SJS

Slovník jazyka staroslov nského, 1–52, Praha, 1958–1997.

Stern 2008

Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts, 1: A–I; 2: K–P; 3: P–C, besorgt von D. Stern, hrsg. von H. Rothe (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118/1–3. Patristica Slavica. Hrsg. von H. Rothe. Bd. 16/ 1–3), Paderborn, München, Oien, Zürich, 2008

TLG

Thesaurus Linguae Graecae (<http://stephanus.tlg.uci.edu> (последнее обращение: 12.07.2019)).

Захкелίων 1890

Захкелίων I., Πατμιακή βιβλιοθήκη, ἥτοι ἀναγραφὴ τῶν ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς κατὰ τὴν νῆσον Πάτμον γεραρχῆς καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου τεθησαυρισμένων χειρογράφων τεύχων, πάλαι μὲν ἐκπονηθεῖσα ὑπὸ I. Захкеліонов, νῦν δὲ φιλολογικοῦ συλλόγου Παρνασσοῦ ἐκδιδομένη, ἥς ἐν τέλει προσετέθησαν καὶ ἐπτὰ πίνακες πανομοιότυπα περιέχοντες τῆς τῶν διαφορῶν ἐκατονταετηρίδων γραφῆς, Ἀθήνησιν, 1890.

References

- Argirovski M., Andrijevska N., Gurkova A., eds., *Rechnik na grčko-tsarkovnoslovenski leksichki paraleli*, Skopje, 2003.
- Blagova E., Tseitlin R. M., Gerodes S., eds., *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov)*, 2nd ed., Moscow, 1999.
- Chernysheva M. I., Semantika slovoobrazovatel'nykh modelei s nachal'nym blago- i bogo- (novye dannye), *Slavianskoe iazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Okhrid, 10–16 sentiabria 2008 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2008, 540–553.
- Devreesse R., *Le fonds Coislin: Catalogue des manuscrits grecs*, Paris, 1945.
- Follieri H., *Initia hymnorum Ecclesiae graecae*, 1–5 (1/2) (= Studi e testi, 211–215 bis), Vatican City State, 1960–1966.
- Höeg C., Tillyard H. J. W., Wellesz E., eds., *Sticherarium. Codex Vindobonensis theol. gr. 181 phototypice depictus*, Copenhagen, 1935.
- Kamchatnov A. M., Forma aorista RECHE kak znak tsitatsii v drevnerusskikh tekstakh, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2004, 1 (15), 14–16.
- Krivko R. N., Vizantiiskie istochniki slavianskikh sluzhebnykh minei, *Pis'mennost', literatura i fol'klor slavianskikh narodov: XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Okhrid, 10–15 sentiabria 2008 g.)*, *Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2008, 76–101.
- Lampe G. W. H., *A Patristic Greek Lexicon*, 1–3, Oxford, 1962–1968.
- Maksimovich K. A., Transformatsiia nelichnykh konstruktov vizantiiskogo “Shestodneva” v perevode Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo (Opyt kolichestvennogo opisaniia), *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moldovan A. M., ed., Moscow, 2006, 113–128.
- Malygina M. A., Metod rekonstruktsii gipoteticheskikh raznochtenii v grecheskikh originalakh slavianskikh gimnograficheskikh proizvedenii: byt' ili ne byt'?, *Palaeobulgarica*, 38, 1, 2014, 3–18.
- Perria L., Raasted J., eds., *Sticherarium Ambrosianum. Codex Bibliothecae Ambrosianae A 139 sup. phototypice depictus*, Copenhagen, 1992.
- Pichkhadze A. A., On predicative vs. attributive participles in Old Russian: Indeclinable participles, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 10, 2016, 499–516.
- Prokopenko L. V., Zheliazkova V., Krysko V. B., Shevchuk O. P., Ladyzhensky I. M., eds., *Slaviano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhiitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentiabr' – fevral'*, 1: *Text i kommentarii*, Moscow, 2010.
- Puzina M. A., Novye grecheskie paralleli k stikhiram slavianskogo Mineinogo stikhiraria XII v., *Sovremennye problemy arkheografii. Vyp. 2: Sb. st. po materialam konfer. k 300-letiiu Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk 21–24 okt. 2014 g.*, Beliaeva I. M., ed., St. Petersburg, 2016, 216–221.
- Rothe H. von, Vereščagin E. M., eds., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts*, 4, Opladen, Wiesbaden, 2006.
- Schidlovsky N., ed., *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus*, Copenhagen, 2000.
- Sreznevsky I. I., *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka*, 1–3, Moscow, 1989 (reprinted).
- Stern D. von, Rothe Paderborn H. von, eds., *Incipitium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, 1: A–I; 2: K–P; 3: R–S, (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118/1–3. Patristica Slavica. Hrsg. von H. Rothe. Bd. 16/1–3), Munich, Vienna, Zurich, 2008.
- Wolfram G., ed., *Sticherarium Antiquum Vindobonense. Codex theol. gr. 136 Bibliothecae Nationalis Austriacae phototypice depictus*, Vindobona, 1987.

Мария Анатольевна Пузина,

кандидат филологических наук,

научный сотрудник

Отдел древнерусского языка

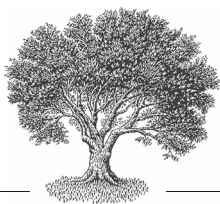
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

maria-malygina@yandex.ru

Received January 12, 2018

Разрядные записи
из сборника
БАН, 16.17.34
как источник по
истории Казанского
похода 1552 г.*

Rank Office Records
from the RASL
Manuscript 16.17.34
as a Source on the
History of the Kazan
Campaign of 1552

Артём Евгеньевич Жуков

Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

Artem Ye. Zhukov

Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

Казанский поход 1552 г., ставший одним из важнейших внешнеполитических достижений Ивана Грозного, неоднократно привлекал внимание исследователей. Традиция его изучения в отечественной историографии насчитывает более двухсот лет. За это время в научный оборот были введены многочисленные источники, освещающие подготовку и ход военных действий: памятники русского летописания, историко-публицистические трактаты, повести, документальные сводки и т. д., — большинство из них в настоящее время опубликовано. Именно поэтому большую ценность приобретает выявление и публикация новых источников, позволяющих уточнить события Казанского похода. К числу таких памятников принадлежат

---

* Работа выполнена за счет средств гранта президента РФ № МК-4070.2018.6
«Летописный свод 1560 г. и русское летописание эпохи Ивана Грозного».

Цитирование: Жуков А. Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 405–428.

Citation: Zhukov A. Ye. (2019) Rank Office Records from the RASL Manuscript 16.17.34 as a Source on the History of the Kazan Campaign of 1552. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 405–428.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.15

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34, содержащие множество подробностей о военных действиях 1552 г. В статье предпринята попытка оценить потенциал данного памятника как исторического источника, а также представлена публикация текста с комментариями.

Ключевые слова

Казань, Иван IV, Разрядный приказ

Abstract

The Kazan campaign of 1552 became the one of the most important events of Ivan the Terrible's foreign policy and has repeatedly attracted the attention of the researchers. The historical tradition of study of this campaign counts more than two hundred years. During that time, a lot of sources about the preparations and the course of the hostilities were introduced into scientific use. There are Russian chronicles, publicistic treatises and novels, documental compilations etc. The majority of these sources has been published. Therefore, a great value lies in the identification and publication of new sources on the history of the Kazan campaign, which would make it possible to clarify the events of 1552. One such source consists of the records of the Razryadny prikaz (Rank office), contained in the RASL manuscript 16.17.34, which have many original details about the Kazan campaign. This text is not just a collection of disparate extracts from documents of the 16th century. The RASL manuscript 16.17.34 presents a coherent and consistent presentation of events related to the capture of Kazan. The article attempts to assess the potential of this monument as a historical source. At the final part of the article we publish the text of the manuscript.

Keywords

Kazan, Ivan IV, Razryadny prikaz

Поход 1552 г., завершившийся присоединением Казанского ханства к Московскому царству, принадлежит к числу наиболее успешных внешнеполитических свершений Ивана Грозного. Многолетнее противостояние двух государств, в которое также были вовлечены Ногайская орда и Крым, завершилось; в Казани была учреждена архиепископская кафедра; управление городом перешло в руки наместника, назначаемого московским государем.

Изучению Казанской войны 1552 г. посвящена обширная литература. События похода 1552 г.¹ можно реконструировать с высокой степенью

¹ Уже в 50–60-е гг. XVI в. сложилась богатая традиция исторического повествования о Казанском походе. Почти сразу по возвращении государя в Москву в ближайшем окружении монарха был создан «Летописец начала царства» — официальная летопись, большая часть текста которой посвящена описанию Казанского похода. Примерно в это же время в Троице-Сергиевом монастыре написана «Повесть о взятии Казани», авторство которой исследователи приписывают известному книжнику, келарю обители, Адриану

точности благодаря значительному комплексу источников, введенных в научный оборот. В этой ситуации выявление новых материалов, содержащих дополнительные или уточняющие сведения о взятии Казани, приобретает особенное значение. К таким малоизвестным памятникам относится текст из сборника БАН, 16.17.34 (далее — Б-34), помещенный на листах 579–603 под заголовком «О взятии казанскомъ и о походе царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии». В третьем томе Описания рукописей БАН данный текст был назван «Разрядными записями о Казанском походе» (далее — Записи; описание см.: [Копанев et al. 1965: 224]. Памятник содержит целый ряд оригинальных сообщений, практически не имеющих соответствий в других источниках, и представляет несомненный интерес для изучения Казанского похода 1552 г., однако до сих пор остается неопубликованным.

Подробная характеристика Записей позволит оценить их потенциал как исторического источника. Записи представляют собой несколько отрывков, расположенных не в хронологическом порядке. Перечислим их:

- 1 — (л. 579–584) — от начала текста до слов «Иван да Федор Григорьевы дети Беклемишевы...»;
- 2 — (л. 584–585 об.) — от слов «8-я статья. Стерegli князь Иван Иванович Буиносов ...» до слов «на Луговой стороне стояли два дни...»;
- 3 — (л. 585 об.–591) — от слов «Августа въ 26 день...» до слов «Алексеи Посников сынъ Сатин...»;
- 4 — (л. 591–595) — от слов «А у судовых дворян ...» до слов «Федоръ Иванов сынъ Сабуров...»;
- 5 — (л. 595–596 об.) — от слов «От сторожевого полку вверхъ...» до слов «А государь их пожалует, казнити их не велит...»;
- 6 — (л. 596 об.–602) — от слов «И князь Камаи мырза...» до окончания текста.

Расположенные в таком порядке, эти отрывки не образуют единого связного текста. Каждый из них начинается с середины предложения и обрывается на полуслове, в результате чего последовательность событий похода 1552 г. оказывается нарушенной. Данное обстоятельство наводит

Ангелову [Насонов 1962: 6–7]. Среди памятников, посвященных Казанскому походу, следует выделить т. н. «Послдование древним, но еще и взыскание государя православного царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Московского» (далее — «Послдование древним»). Итогом осмысления событий войны 1552 г. среди интеллектуалов XVI в. стал памятник, вошедший в историографию под наименованием «Казанская история», или «Казанский летописец». Сохранившийся в сотнях списков XVI–XVIII вв., он по праву может быть признан одним из наиболее популярных историографических сочинений своего времени [Волкова 1988: 450–458].

на мысль, что отрывки расположены неправильно. Действительно, если поместить каждый из них в соответствии с хронологией (1, 4, 2, 5, 3, 6), то изложение событий станет последовательным; расположенные в таком порядке, отрывки продолжают друг друга. Например, фрагмент 3 завершается списком парламентаров, направленных вместе с мурзой Камаем в Казань для переговоров, а отрывок 6, следующий за ним по хронологии, начинается с описания результатов дипломатической миссии мурзы Камая. Полагаем, что неправильная последовательность изложения событий возникла вследствие перебоя листов. Это могло произойти либо в списке *Б-34* непосредственно, либо в его протографе. В первом случае начала и окончания шести указанных отрывков совпадали бы с границами листов манускрипта. Иными словами, каждый из шести отрывков начинался бы с нового листа. Однако в рукописи наблюдается обратная ситуация: текст одного отрывка завершается посреди листа, после чего начинается другой отрывок. Поэтому мы полагаем, что порядок листов был нарушен в протографе списка *Б-34*. Вероятно, в нем произошла также утрата одного листа, который должен был располагаться между 4-м и 2-м отрывками и содержать роспись дежурных по станам во время похода на Казань (конец 6-й статьи и 7-я статья).

Источниками Записей послужили документы, связанные с войной 1552 г.; в их числе находились росписи воевод по полкам², что сближает текст с разрядными книгами. Сохранилось множество разрядных книг, содержащих сведения о Казанском походе. Наиболее обширный комплекс материалов встречаем в Разрядной книге 1475–1605 гг. Кроме того, «казанские» статьи читаются в официальных разрядных книгах 1556, 1584 и 1598 гг., а также в частных разрядных книгах 1550–1636 гг., 1487–1577 гг., 1478–1603 гг., 1375–1581 гг., 1375–1609 гг., 1485–1599 гг.; в компиляции за последнюю четверть XV — начало XVII в., включающей Разрядную книгу 1598–1602 гг.; оригинальной разрядной книге, сохранившейся в списке из коллекции Н. П. Лихачева [РС НИА СПб ИИ РАН, ф. 238, оп. 1, № 146]³. Следует отметить, что разрядные росписи были включены также в памятники древнерусской литературы: «Летописец начала царства» и «Последование древним». Однако Записи из сборника *Б-34* не могут быть возведены ни к одному из них,

² В рассматриваемом памятнике читаются следующие записи разрядного характера: 1) Роспись воевод с царем на Коломну (л. 579–579 об.); 2) «А в Колуге были воеводы по городом» (л. 579 об.); 3) «А по украинным городам были воеводы» (л. 580–580 об.); 4) «А в Муроме были воеводы для Казанского походу по полком» (л. 580 об.); 5) Роспись воевод для Казанского похода от 26 августа; 6) Список ночных дежурств у снарядов, роспись на 7 ночей (л. 587–587 об.); 7) Роспись воевод на Арское поле (л. 588 об.–589).

³ О частных разрядных книгах с записями за последнюю четверть XV в. — начало XVII в. см.: [Анхимюк 2005].

поскольку содержат ряд уникальных статей. Некоторые из оригинальных сообщений восходят к документам, ныне утраченным. Например, в Записях помещены перечни дежурных по статьям во время пути войска Ивана Грозного из Муромы к Свияжску («У стана были царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси из Муромы едучи х Казани полем 22 стана. А стерегли, идучи х Казани по станомъ, у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси шатра головы, а с ними князи и боярские дети дворовые столники, и стряпчие, и жилцы по статьямъ» [Б-34: 591 об.]), отсутствующие в других источниках (см. примеч. 17). Важное значение для описания хода военных действий имеет сообщение Записей о ведении переговоров с осажденными казанцами. В частности, сообщается, что в город были направлены парламентареры во главе с мурзой Камаем: в Записях участники переговоров перечислены поименно, в других источниках такая роспись отсутствует [Б-34: 590–591]. Иными словами, в Записях из сборника Б-34 представлены уникальные сведения об участии представителей служилого сословия в Казанском походе. Ни один другой памятник не содержит настолько полных данных.

В Записях присутствуют и другие уникальные известия, которые, скорее всего, восходят не к документам, а к свидетельствам очевидцев. Среди них следует отметить сообщение о казанской женщине, бежавшей из города и рассказавшей московским воеводам о тайнике, из которого казанцы черпают воду (примеч. 35) [Б-34: 589 об.]. Некоторые оригинальные сообщения Записей из сборника Б-34 относятся к событиям, последовавшим сразу за завершением военных действий: в частности, сообщается о казни некоего Кости Булгакова за измену (примеч. 43) [Б-34: 599 об.]. Наконец, в публикуемом памятнике помещен наиболее пространственный список церквей, построенных в Казани после взятия города (примеч. 44)⁴. Составитель Записей использовал материалы, которые были привлечены составителями «Последования древним» и «Летописца начала царства», однако даже в этих случаях он передает текст своих источников иначе (см. примеч. 8–10).

Изложение событий, связанных с Казанским походом, начинается в Записях с описания нашествия крымского хана под Тулу; далее сообщается о бегстве татар, об отправлении государя из Коломны в Муром, а оттуда — в Свияжск и под Казань; после помещено описание осады Казани (август — сентябрь 1552 г.), выполненное на основе документов, а также крайне сжатое описание штурма города царскими войсками; завершается текст возвращением государя в Москву. События Казанской войны 1552 г. излагаются последовательно.

⁴ Более детальную характеристику оригинальных известий см. в комментариях.

В отличие от памятников исторической книжности, в Записях отсутствуют какие-либо попытки объяснить причины Казанского похода или обозначить его исторические основания. Например, в «Последовании древним» Казанский поход помещен в контекст процесса собирания русских земель: в нем говорится, что Иван Грозный собирался «поискати прародителии своих отчины, великих князеи Руских, земли Болгорския, Владимире, и другаго Владимире Манамаха» [ПСРЛ 6: 304]. В «Летописце начала царства» на первый план выводится заступничество московского государя за православную веру: повествование начинается словами: «Великий во благочестии царь государь князь великий Иван Васильевич всея Руси виде бо крестьянство пленено и многие крови крестьянские проливаемы и многим церквам святым запустени, от кого убо сия бысть нестерпимыя беды. Глаголю же, яко вся сия бысть злая от безбожных Казанских срацынь» [ПСРЛ 29: 59–60]. В Записях объяснения подобного рода отсутствуют, хотя и сообщается о нашествии казанцев на русские земли сразу после бегства крымского хана из-под Тулы (примеч. 16). В этом смысле рассматриваемый памятник сближается с описаниями казанского похода в разрядных книгах, где также присутствуют выписки из документов без каких-либо дополнительных комментариев. В целом, Записи можно характеризовать как краткую хронику Казанского похода, дополненную информацией по документам.

Текст сохранился в единственном, причем весьма позднем списке, датируемом самым концом XVII в. [Копанев et al. 1965: 220–224] В связи с этим возникает вопрос: были ли Записи созданы в XVI в., сразу после завершения похода, или же появились в более позднее время? Представляется, что сформулировать некоторые суждения по данной проблеме возможно. Следует отметить, что составитель Записей довольно свободно и умело использовал документы XVI в.: опираясь на них, он сообщил целый ряд уникальных сведений, отсутствующих в других памятниках, посвященных Казанскому походу. Многие факты, зафиксированные в Записях, не были широко известны даже в XVI в., а собрать разрозненные документы воедино и сформировать на их основе последовательное изложение событий спустя полтора столетия было бы крайне затруднительно. В этом случае книжнику было бы необходимо не только хорошо ориентироваться в материалах государственного архива, знать «дела старых лет», но и глубоко изучить историю Казанского похода, — выполнить подобную работу в середине XVI в. было куда проще. На основании вышеизложенного мы склонны считать, что Записи были составлены сразу после Казанского похода. Дополнительным свидетельством в пользу этой датировки являются отраженные в

памятнике сведения, которые могли быть зафиксированы только очевидцем описываемых событий или с его слов.

Разрядные записи из рукописи Б-34 являются ценным источником по истории Казанского похода 1552 г. Свободные от беллетристических изысков, они дают цельное и последовательное описание взятия Казани. Текст изобилует уникальными сообщениями, которые позволяют уточнить ход военных действий, а также их подготовку. В Записях в качестве участников Казанского похода упоминаются многие служилые люди, чьи имена в других источниках отсутствуют, — это позволяет уточнить их биографии. Представляется, что публикация данного памятника позволит расширить существующие представления о войне 1552 г.

* * *

Ниже мы публикуем текст Разрядных записей по рукописи Б-34. Фрагменты текста, расположенные в рукописи в неправильном порядке, в публикации помещены в хронологической последовательности, завершение каждого отрывка обозначено знаком «<...>». Текст передается современным шрифтом по следующим принципам. Буквы љ, њ и ѣ сохраняются в соответствии с написанием в рукописи, буква ѣ не используется, диграф оу передается как у. Вышедшие из употребления графемы заменяются на соответствующие им современные символы: ѿ — о, ѡ — я, ѣ — у, ѣ — кси, ѣ — пси, ѿ — ф. Надстрочные знаки (в том числе паерок) при передаче текста не учитываются, титла раскрываются, гласные после выносных букв восстанавливаются в соответствии с современной орфографической нормой. Пунктуация по возможности передается на основе действующих в настоящее время правил расстановки знаков препинания. Характеристики палеографических особенностей, конъектуры и комментарии к тексту помещены в постраничных цифровых примечаниях.

// (л. 579) О взятии казанскомъ и о походе царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в лѣта 7061-го году

Пришли ко царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии с поля вѣсти, что на государевы украины крымскоя царь идетъ Девли Гирѣи со многими людьми. И по тѣм вестямъ царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии против своего недруга крымскоя царя пошелъ с Москвы на Коломну. А на Коломне были з государемъ царемъ и великимъ княземъ Иваном Васильевичемъ всеа Русии бояры⁵ и воеводы по полкомъ.

В большомъ полку бояринъ и воевода князь Иван Федорович Мстиславской да слуга и воевода // (л. 579 об.) князь Михаило Иванович Воротынской.

⁵ Испр. в ркп. бояря.

В передовом полку бояринъ князь Иванъ Иванович Пронской Турантаи да князь Дмитрией Ивановичъ Хильков.

В правои рукѣ бояринъ князь Петръ Михайловичъ Щенятев да князь Андрѣи Михайловичъ Курбской.

В сторожевомъ полку бояринъ князь Дмитрией Ивановичъ Немой Оболенской.

В лѣвои рукѣ князь Дмитрией Михайловичъ Микулской Бунсловъ⁶ да Дмитрией Михайловичъ Плещѣв.

А в Колуге были воеводы по полкомъ.

В большомъ полку бояринъ князь Юрье Ивановичъ Темкин-Ростовской.

В переводовом полку князь Иванъ Михайловичъ Троекуров.

В сторожевом полку князь Иван Васильевичъ Порѣтцкой.

А правыя // (л. 580) и лѣвыя руки не было.

А по украиным городам были воеводы.

В Пронскомъ князь Михаило Петрович Репнинъ.

На Михайлове городе воевода Федор Игнатьев сынъ Салтыков.

На Туле воевода князь Григорей Темкинъ-Ростовской.

Во Мценском⁷ воевода князь Данило Семенович Одоевской да Василией Петров сынъ Михаил Карпов.

В Карачеве городе воевода Захарей Ивановичъ Очинъ-Плещѣв.

В Белеве намѣстникъ князь Андрѣи Григорьевъ сынъ Борятинской.

В Путивле намѣстникъ князь Федор Ивановичъ Кашин да Григорей Нагово, да Бахтеаръ Зюзинъ.

В Рыльском намѣстникъ князь Иванъ Александровичъ Стригинъ.

В Новѣгородѣ в Сѣверскомъ намѣстникъ князь Семень Иванов сынъ // (л. 580 об.) Гундоров.

Да изю Брянску намѣстникъ Григорей Михайловъ сынъ Шестов.

В Стародубѣ князь Петръ князь Даниловичъ Щепин.

В Чернигове намѣстникъ князь Андрѣи Жеря, князь Федоровъ сынъ Окинин.

Въ Ярославле намѣстникъ Иванъ Игнатьевъ сынъ Яхонтовъ.

В Трибчески князь Семен Ивановичъ Трубецкой.

А в Муромѣ были воеводы для Казанского походу по полком.

В большомъ полку бояринъ князь Василией Семеновичъ Серебряново.

В передовомъ полку Семень Васильевичъ Шереметевъ.

В сторожевом полку князь Давыдъ Федоровичъ Палетцкой.

Из Коломны писал ко государю к Москвѣ с Тулы воевода князь Григорей Ивановичъ Темкин-Ростовской, что пришли // (л. 581) к Туле многие люди крымские и посад на Туле пожгли, и город осадили⁸.

⁶ Так в ркп.

⁷ Испр. в ркп. мценском.

⁸ Отписка Г. И. Темкина о нашествии крымского хана упоминается в «Летописце начала царства» («Месяца июня 21. Против среды, пригони к государю гонец с Тулы, а сказывает, пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле, а чают царевича и не со многими людьми» [ПСРЛ 29: 83]), а также в официальной

И царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии послалъ к Туле на Крымские люди бояръ и воеводъ своих князя Петра Михайловича Щенятева да князя Ивана Ивановича Пронского да воевод своих князь Ивана Михайловича Воротынского да князь Андрѣя Михайловича Курбского со многими людьми. Да к Туле же государь велѣл с Михайлова города князю Михаилу Ивановичу Репнину, а ис Пронска Федору Игнатьеву сыну Салтыкову со многими людьми.

И после того писал ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии князь Григорей Темъкин, что царь Крымской Девли Герей со многими людьми пришел к Туле и город осадил, // (л. 581 об.) приступати к городу велѣл, ис пушек по городу стреляють. И великий царь государь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии положи упование на Бога, пошел с Коломны к Туле на своего неприятеля на крымского царя, да с ним брат ево князь Володимер Андрѣевич. И царь крымской Девли-Гѣрей слышал то, что к Туле на него идетъ царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии, от города от Тулы побегал. И из города воевода князь Григорей Темкин зелье и наряд поимал и крымских людей у наряду побили.

А бояра и воеводы царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, которых государь отпустил от себя с Коломны, князя Петра Михайловича Щенятева князя Ивана Ивановича Пронского, князя // (л. 582) Михаила Иванович Воротынского с товарищи, на Туле многих людей побили, 50 человекъ ко государю царю живых послали. А крымской царь от Тулы бегучи, вельбуды порѣзалъ, а иные вельбуды у телѣгъ пометалъ⁹. И царь Иван Васильевичъ всеа Русии воротился на Коломну, не доходя Коширы за тридцать верстъ. И пришед на Коломну, царь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, писал ко отцу своему Макарию митрополиту с Воикою Соболевымъ июля въ 2 день¹⁰.

Разрядной книге 1475–1598 гг. («Того же лета июня, как царь и великий князь был на Коломне, а крымской царь приходил к Туле, а по прежней отписке с Тулы от князя Григорья Темкина ко царю и великому князю, что пришли к Туле многие люди» [Разрядная книга 1475–1598 гг.: 136]).

⁹ Текст публикуемых записей оригинален, почти не имеет соответствия в других источниках. Исключение составляет «Летописец начала царства», в котором читается: «И угонили царя побитые его на Шевороне речке, и царь побегал, телеги пометал и вельбуды многие порезал, а иные живы пометал» [ПСРЛ 29: 84]. Других дословных совпадений между двумя памятниками нет. Поэтому полагаем, что в указанном известии оба произведения восходят к общему источнику. В «Летописце начала царства» сообщается, что известие о «пометании вельбудов и телег» содержалось в отписке, которую привез от воевод к государю некто Бебех Глебов [ПСРЛ 29: 84]. Вероятно, данный документ был привлечен составителем Разрядных записей из сборника Б-34. В их тексте даются отсылки к другим воеводским отпискам.

¹⁰ Сведения об отписке Ивана Грозного митрополиту Макарию приводятся в «Летописце начала царства» [ПСРЛ 29: 85] и «Последовании древним» [ПСРЛ 6: 305], однако имя гонца Войки Соболева в них отсутствует. Принимая во внимание это обстоятельство, можно предположить, что в Записях отписка была использована независимо от двух указанных памятников.

И июля въ 3 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на Коломне в соборной церкви у Пресвятой Богородицы молебную вершивъ и обѣдни слушав, и благословение у епископа коломенъского у Феодосия взял, и пошел на свое дѣло // (л. 582 об.) х Казани на Муром. А из Мурома итти ему х Казани поемъ. А с ним пошел с Коломны брат ево князь Володимер Одрѣвичъ.

А воеводамъ своимъ большово полку боярину князь Ивану Федоровичю Мстисловскому да князь Михаилу Ивановичю Воротынскому, правой руки воеводамъ боярину князь Петру Михайловичю Щенятеву да князю Андрѣю Михайловичю Курбскому, а передовому полку воеводамъ боярину князь Ивану Ивановичю Пронскому да князю Дмитрею Ивановичю Хилкову, а с ними многимъ людям и новгородскимъ помѣщиком велѣл ити х Казани на Рязань.

А с Рязани велѣл ити на Тульцу и стати на¹¹ Вижасе¹². // (л. 583) А срокъ имъ учинин стати на Ужасе¹³ и с людьми збиратися в третей четвергъ по Петрове дни, а на Коломне царь Иван Васильевич всеа Руси оставил для крымского царя приходу боярина своего князя Юрья Михайловича Булгакова со многими людьми, а в Колуге боярина своего князя Юрья Ивановича Темкина-Ростовского со многими же людьми¹⁴.

Царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси прииде в Муромъ-град июля въ 11 день¹⁵.

И того же дни писал ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси из Гороховца Федор Абрамов сынъ Палетцкой, что

¹¹ *Испр. В ркп. не.*

¹² Определить, о каком географическом пункте идет речь, не удалось.

¹³ *Так в ркп.*

¹⁴ «И июля въ 3 день царь и великий князь Иван Васильевич [...] а в Колуге боярина своего князя Юрья Ивановича Темкина-Ростовского со многими же людьми». В «Последовании древним» пребывание великого князя в Коломне описано довольно подробно. Сообщается о его переписке с митрополитом Макарием, великим князем Юрием и великой княгиней Анастасией. Они просят государя вернуться в Москву («И тако вскоре посылает великая княгини къ великому князю, и князь Юрьи братъ его, такоже и митрополить съ грамотами посылаетъ, дабы великому князю возвратитися въ царствующий град Москву» [ПСРЛ 6: 305]), однако царь отказывает им в этой просьбе («Он же не усумневся, ни послушав моления их, елико умыслив то и сотвори, Божия бе благодать на нем начат помышляти в который день ему поити с Коломны в Муром» [ПСРЛ 6: 305]). В «Летописце начала царства» пребывание государя в Коломне также описано более детально по сравнению с Записями. Сначала сообщается о встрече царя с владыкой Феодосием и освященным собором, затем приводится описание военного совета, на котором было принято решение о дальнейшем движении войск к Казани [ПСРЛ 29: 84–85]. При этом и в «Последовании», и в «Летописце» отсутствуют росписи воевод по полкам, читающиеся в Записях.

¹⁵ В «Последовании древним» в качестве даты прибытия в Муром указано 13 июля [ПСРЛ 6: 305]. Прояснить ситуацию с датами позволяет текст «Летописца начала царства», в котором читается: «А сам государь пошел из Володимеря июля 10, в неделю, к Мурому, и прииде в Муром того же месяца 13, в среду» [ПСРЛ 29: 85]. Таким образом, в Записях произошла ошибка: в качестве даты прибытия в Муром указана дата выдвижения войск из Владимира.

писал к нему из Нижнево Новагорода князь Григорей Мещерской, что Казаньские // (л. 583 об.) многие люди приходили к Нижнему Новугороду и языки поимали, а иных казнили люди, чають воровския мѣста¹⁶. И по тѣм вестямъ послал царь Иван Васильевичъ для Казанскихъ людей за Тетюши воевод своихъ Семена Васильевича Шереметева со многими людьми. За Тетюшею жъ в Волосове велѣлъ стояти Михаилу Иванову сыну Воронову со многими же людьми.

А самъ царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии пошел из Муромъ июля въ 20 день х Казани, а с нимъ братъ ево князь Володимеръ Андрѣвичъ, а передъ первою Данило да Василией Григорьевы дѣти Фомина, мещанинъ Костентинъ Костентиновъ сынъ Дмитреевъ, Иванъ Андрѣевъ сынъ Годуновъ, // (л. 584) Иван да Федоръ Григорьевы дѣти Беклемишевы, Федоръ Берсеневъ сынъ Беклемишев. <...>

// (л. 591) А у судовыхъ дворянъ, которые были на Свияге-рекѣ у царя и великого князя въ ясулахъ князь Андрѣи князь Ивановъ сынъ Нохтевъ, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Микульской, Юрьи Михайловъ сынъ Воронцовъ, Иванъ Федоровъ сынъ Воронцовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинь, Дмитрей Андрѣевъ сынъ Бутурлинь, Семень Александровъ сынъ Улинъ, Михайло Михайловъ сынъ Тучковъ, // (л. 591 об.) князь Иван да князь Григорей Голова, князь Петровы дѣти Звенигородцко, Федоръ Андрѣевъ сынъ Карповъ, князь Григорей князь Федоровъ сынъ Мещерско, князь Дмитрей князь Семеновъ сынъ Шестовъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Хворостининъ.

У стана были царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии из Муромъ ѣдучи х Казани полемъ 22 стана¹⁷. А стерегли, идучи х Казани, по станомъ у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии шатра головы, а с ними князи и боярские дѣти, дворовые столники, и стряпчие, и жилцы по статьямъ.

1-я статья. Князь Иванъ Васильевичъ Пенков¹⁸. Князь Иванъ разболѣлся, пришедъ х Казани. И въ его мѣсто велѣлъ стати и стереги государь князю Петру Андрѣевичу¹⁹ // (л. 592) Булгакову, а с нимъ стольники князь Микита князь Ивановъ сынъ Шемяковъ, князь Григорей Андрѣевичъ Куракинъ, князь Василии да князь Александръ Ивановы дѣти Прозоровского. Стряпчие государевы Андрѣи Посниковъ сынъ Сатинъ, Иванъ Ивановъ сынъ Образцовъ, Федоръ Федоровъ сынъ Волинской, Михайло Васильевъ сынъ

¹⁶ «И того же дни писал ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии из Гороховца Федоръ Абрамовъ сынъ Палетцкой [...] чають воровския мѣста». Обнаружить отсылку к этой отписке в других источниках не удалось.

¹⁷ Росписи дежурных по станам отсутствуют в других источниках. Стоянки войска Ивана Грозного во время пути из Муромъ к Казани расписаны в «Летописце начала царства» (в отличие от Записей упомянута 21 стоянка). Однако в нем указаны места остановок и события, произошедшие во время отдыха. Росписи дежурных в нем отсутствуют [ПСРЛ 29: 92–93].

¹⁸ Испр. в ркп. Песков.

¹⁹ Испр. в ркп. Андрѣевичу написано дважды.

князь Яковлева, князь Самсон княж Иванов сынъ Туренин, Фома Иванов сынъ Третьяков, Иванъ Юрьев сынъ Грязново, князь Федоръ Пенинъской. Жильцы государевы Федоръ Андрѣев сынъ Писемской²⁰, князь Михаило княж Федоров сынъ Бахтеяровъ, Иванъ Андрѣевъ сынъ Лодыгинъ, Ивашко Дмитриев сынъ Михаилова, Борисъ Иванов сынъ Слизовъ²¹, князь Никита княж Иванов сынъ Власов Мезетцкой, Тимофѣи да Яковецъ Давыдовы // (л. 592 об.) дѣти Мансурова²², Иванецъ да Семейка княж Ивановы дѣти Гагарина.

2-я статья. Стерегли князь Степанъ да князь Александръ Ивановичи Воротынские, а с ними столники князь Михаило княж Федоров сынъ Прозоровской, князь Федоръ княж Васильевъ сынъ Сисеевъ, князь Андрѣи княж Михайловъ сын Ромадановской, князь Петръ княж Никитин сынъ Щепинъ, князь Дмитрией княж Федоров сынъ Овчиникъ. Стряпчие государевы князь Дмитрией Шевырев, Андрѣи Иванов сынъ Сабуров, Василии Петровъ сынъ Кутуков. Дворяня большие Худякъ Игнатѣевъ сынъ Салтыков, Андрѣи Володимировъ сынъ Мансуров, Михаило Матвѣевъ сынъ Лысков, Алексѣи Андрѣевъ сынъ Годунов. Жилцы великого князя Тимоха Пуховъ сынъ // (л. 593) Тетеринъ, Васка да Иевка Гударовы дѣти Терина, Ивашко Федоров сынъ Мишуринъ, князь Федоръ княж Андрѣевъ сынъ Мещерской, Илеика Челищев, Андрюшка Борисов сынъ Ступишинъ, Федор Данилов сынъ Зезевитов, Андрѣи да Михаило да Никита Ивановы дѣти Еропкина.

3-я статья. Стерегли князь Юрьи Ивановичъ Кашин, стольники и воеводы Василии Андрѣевъ сынъ Бутурлинъ, Андрѣи Иванов сынъ Шеин, Иванъ Иванов сынъ Чюлков. Стряпчие великого князя Никита Иванов сынъ Овцын, князь Иван княж Григорьевъ сынъ Гунторов, Борисъ Иванов сынъ Желябинъ. Жильцы великого князя князь Андрѣи Тимофѣевъ сынъ Кропоткин, Богдан Васильевъ сынъ Заболотцкой, Степан // (л. 593 об.) Васильевъ сынъ Белеутов, Иванъ Иванов сынъ Клушинъ, Федко Мучанов сынъ Дементьев, Василии Григорьевъ сынъ Колычовъ, князь Давыд княж Васильевъ сынъ Гундоров, Елька Девятого сынъ Ржевского, да Замятня Сабуров Иванов сынъ, Левка Григорьевъ сынъ Карпымазов, Иванъ Поярков сынъ Ивакъшинъ, Алешка Писемской, Тихон Терентьевъ сынъ Заболотцково, Игнатеи Ушаков сынъ Заболотцково, Дмитрией Иванов сынъ Чюлков, Михаило Дмитриевъ сынъ Ржевской.

4-я статья. Стерегли князь Михаило Андрѣевичъ Трубецкой, а с нимъ стольники Василии Петровъ сынъ Яковлев, Федор Васильевъ сынъ Шереметев, князь Василии княж Михайлов сынъ Глинъского, Левонтеи Федоров сынъ Волинской. Стряпчие // (л. 594) великого князя Иван Федоров сынъ Очин. Григорей Иванов сынъ Вельяминовъ, Иванъ Яковлевъ сынъ Мансуровъ. Дворяня князь Никита княж Андрѣевъ сынъ Трубецково, князь

²⁰ Испр. в ркп. Песемской.

²¹ Испр. в ркп. Слитнев.

²² Испр. в ркп. Масурова.

Роман да князь Василей Семеновы дѣти Трубецково²³, князь Александръ княж Богданов сынъ Трубецково. Жильцы великого князя Григорей Федоров сынъ Колычов, князь Иванъ княж Петров сынъ Охлебенин, Семен да Михаило Федоровы дѣти Колычовы, Ивашко Ишаков сынъ Бухарин, Дмитрией Иванов сынъ Годунов, Григорей Федоров сынъ Перепелицын²⁴, Борис Нармацкой²⁵, Афонасей Кузьминской.

5-я статья. Стерегли князь Андрѣи Иванович Ногтевъ, а нимъ стольники князь Петръ да князь Андрѣи да князь Федор княж Ивановы // (л. 594 об.) дѣти Татева, князь Семень да князь Иван Дмитриевы дети Палецково, князь Иванъ Юрьевъ сынъ Голицынъ, стряпчие великого князя князь Иванъ Васильевъ сынъ Волинского, князь Василей княж Юрьевъ сынъ Ситцкой, Иванъ Селиванов Шеина. Жильцы великого князя Андрюшка Яковлев сынъ Щелканов, Богдан Шелонин, князь Июда да князь Василей княж Ивановы дети Отцкого, Михаилецъ Лундуровъ сынъ Тетеринъ, Гришка Ракитинъ, князь Федор княж Иванов сынъ Хворостин, Богдан Семенов сынъ Замытцкой, Гришка Борисовъ сынъ Ярцовъ. Гришка Борисов сынъ Ступишин, Васка Яковлевъ сынъ Щетин, Петръ Павликов, Иван да Федор Микитины дети // (л. 595) Дубенъского.

6-я статья. Стерегли князь Андрѣи Васильевичъ Нохтевъ Оболенской, а нимъ стольники князь Федор княж Ивановъ сынъ Немой, Федоръ Иванов сынъ Сабуровъ. <...> // (л. 584)

8-я статья. Стерегли князь Иванъ Иванович Буинов Ростовской, а с нимъ стольники князь Михаило Иванов сынъ Стригинъ, князь Дмитрией Иванов сынъ Хворостинин, стряпчей князь Богдан князь Петров сынъ Ромодановской, Никита Федоров сынъ Плещѣев, Андрѣи Иванов сынъ Бухаров, Никита Григорьевъ сынъ Плещѣев. Жильцы с Козлина князя Ивана Тростинского, князь Никита Немов сынъ Лобанов, князь Василей Волчекъ-Ростовской. Гвозды князь Федоров сынъ Приимков Ростовской, братъ ево Иосиф, Андрюшка Григорьевъ сынъ Севинско Годунов, Левка Иванов сынъ Осаковъ, Михалко Чертов. Дворяне: князь Юрьѣ // (л. 584 об.) да князь Василей Токмачовы.

А на Стороже назирали у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси шатра, идучи х Казани, и по дорогамъ сторожи ставили Иванъ Ивановъ сынъ Слизневъ Мятлев, Григорей Злобин сынъ Петров, Яковъ Остафьев сынъ Андрѣев, Алексѣи Борисов сынъ Блудовъ, Федоръ Игнатеи Грязной Загряцкие, Федор Беднинъ сынъ Олферева, Петръ Протасьевъ сынъ Акинфеевъ, Назар Семенов сынъ Глѣбовъ, Василей Федоров сынъ Елизаров, князь Григорей Мороз, князь Яковлев сынъ Мещерской, Сава Левонтьевъ сынъ Степанов, Григорей Серце Наумов, Никита Голохвастов, Андрѣи Федоров сынъ Степотов, Микула Яковлев сынъ Бровцев, Юрьѣ да

²³ Испр. в ркп. Требецково.

²⁴ Испр. в ркп. Пелепелицын.

²⁵ Испр. в ркп. Нармцкой.

Михаило Андреевы дети // (л. 585) Левкина, Иван Григорьевъ сынъ Коробьинъ, Василеи Меньшей Иванов сынъ Коробьинъ, Михаило Федоров сынъ Сунбуловъ, Андрѣи Татинов, Булгакъ Каркадамов сынъ Пантыковъ, Федор Гаврилов сынъ Кобяков Ширяевъ Иванов сынъ Кобяков и братья его Тирон Григорьевъ сынъ Кобяковъ.

Августа въ 14²⁶ день царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси пришесть на Свиягу реку да стоял на Свияге 4 дни.

Августа въ 18²⁷ день на Свиягу пришли многие люди Горныя страны черемиса государю царю и великому князю бити челомъ и кормы всякие ко государю привезли. А до Свияги царя и великого князя встрѣтили горные люди на Сурѣ, а иные на реках на ржавдах и на брезех, мосты // (л. 585 об.) царю и великому князю мостили черемиса же от Суры и до Свияги.

А на Волге царю и великому князю из города ис Казани приѣхалъ служити Комаи мурза, а с нимъ казанцов десять человекъ²⁸.

Августа въ 19 день царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, а с нимъ братъ его князь Володимер Андрѣевичъ и со всеми людьми пришесть на реку на Волгу против устья Свияжского, на Луговой сторонѣ стоял два дни <...>

// (л. 595) От сторожевого полку вверхъ по Булаку и до большово полку у царя и великого князя воеводы полки по мѣстамъ стали, и того же дни город осадили, и воду на Казани-рекѣ указал отнять.

Августа въ 25 день царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси велѣл воеводамъ князю Михаилу Ивановичю Воротынскому изо всеѣх

²⁶ В «Последовании древним» прибытие государя на Свиягу отнесено к 12 августа, после чего говорится, что окончательно войско было размещено на лугу у Вязовых гор [ПСРЛ 6: 306]. В «Летописце начала царства» сообщается, что царь прибыл в Свияжск 13 августа, совершил молебны, однако потом отправился «на луг и ста в шатрах на лузех» [ПСРЛ 29: 93–94]. Возможно, в Записях отмечена дата, когда Иван IV окончательно расположился лагерем под Свияжском, т. е. уже после непродолжительного пребывания в городе.

²⁷ В «Последовании древним» к 18 августа приурочено начало перемещения войск под Казань. О заключении союза с горными черемисами в данном памятнике не сообщается [ПСРЛ 6: 306]. В «Летописце начала царства» сообщается, что послы от горных черемисов пришли к царю, когда он находился в пути к Свияжску (17 стан), т. е. до 13-го августа [ПСРЛ 29: 93]. К 18 августа приурочены молебны государя в Свияжске и отправление на Волгу [ПСРЛ 29: 94]. Сложно определить, почему в Записях посольство горных черемисов отнесено к 18 августа.

²⁸ «А на Волге царю и великому князю из города ис Казани приѣхалъ служити Комаи мурза, а с нимъ казанцов десять человекъ». В «Последовании древним» читается: «Того же дни к нему в понедельник из города Казани приехал мурза, Камаем зовут, и с ним 7 человек, служити царю и великому князю, и поведи государю подлинную весть и все помыслы царевы» [ПСРЛ 6: 306]. В «Летописце начала царства» также сообщается о прибытии мурзы Камая: «И туто к государю приехал служити Камаи мурза княж Усеинов сын, а с ним 7 казаков» [ПСРЛ 29: 94]. Тексты «Летописца» и «Последования» не зависят друг от друга, хотя, вероятно, восходят к общему источнику. В них сообщается, что в свите Камая было семь человек. В Записях же сообщается о десяти спутниках мурзы.

полковъ воеводам, чтобы онѣ велѣли дѣтемъ боярскимъ катить туры к городу. И того же дни изо всѣхъ полковъ туры // (л. 595 об.) к городу прикатали к большимъ воротам, что у них большие ворота царевы от Мотякова городища, от Кабана-озера возле Булакъ лугомъ, из города на туры вылезли многие люди и пѣшие, а голова у них Ислам Нарыков. И воевода князь Михаилу Иванович Воротынской Казанскихъ люди побили и голову у них Ислама Нарыкова убили, и туры к городу подкатали против царевых воротъ больших, что у Булака, и до башни Казаньские, что повыше Збоиливых ворот, туры поставили.

А назавтрее царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии за туры наряд велѣл поставить, а у снаряду велѣл поставить бояромъ и воеводам Михаилу Яковлевичю да Петру Васильевичю // (л. 596) Морозовымъ да князю Михаилу Ивановичю Воротынскому со многими людьми велѣл стояти за туры, наряду велел стеречь. А передовому полку воевода князь Иван Ивановичъ Пронской Турунтай²⁹ да князь Дмитрей Хилков. А ертаулъ и воевода князь Юрье Шемякин да князь Федоръ Троекуровъ с Арского поля против города прикатали туры против Збоиливых воротъ, Елбугиных ворот, у правые руки Григорей Григорьев сынъ Плещѣвъ, Афонасей Григорьев сын Колычовъ. Стряпчей великого князя Федоръ Услюмов, Степан Путилов, Иван Дмитриевъ сынъ Плещѣвъ, Дмитрей Андрѣевъ сынъ Замыцкой, жилцы великого князя Иванъ з грамотами, чтобы они ко государю // (л. 596 об.) царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии били челомъ и город здали, а государь их пожалует казнити их не велитъ³⁰ <...>

// (л. 585 об.) Августа въ 26 день царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии пошел х Казани возле Волги реки берегомъ, в полки пришел х Казани августа въ день у Турчевья мечети Кабану озеру, и воеводы з государемъ царемъ и великимъ князем Иваномъ Васильевичемъ // (л. 586) всеа Русии по полкомъ.

В большемъ полку бояринъ Иванъ Федоровичъ Мстиловской да слуга и воевода князь Михаилу Иванович Воротынской.

²⁹ *Испр. в ркп.* Туранта.

³⁰ «Августа въ 25 день царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии велѣл воеводамъ князю Михаилу Ивановичю Воротынскому [...] били челомъ и город здали, а государь их пожалует казнити их не велитъ». В «Послдовании древним» данное известие читается в другой редакции: «Того же месяца в 25 день на память святаго апостола Варфоломея, царь государь повеле обступити град Казань и прикаташа туры и щиты со всех стран граду, из города же Казани вылезоша Казанские люди пешие, христианстии же людие ту бишася с ними и втопташа во град. И тако же прикаташа за туры снаряды, великия пуски, на разбитие града, и огненныя пушки и пищали и башню великую поставиша против ворот Арских, выше города Казани, и на неи уготоваша пушки и пищали многия, и биша день и ночь безпрестани» [ПСРЛ 6: 307]. В «Летописце начала царства» под 26 августа помещено более пространное известие о данном событии («И в пятницу, того же месяца 26, повеле государь большую крепость делати против Царевых ворот [...] Также и стрелцы пред турами в закопех не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побивша» [ПСРЛ 29: 93–94]).

А в передовом полку боярин князь Иван Иванович Пронской Турун-
тай³¹ да князь Андрѣи Михайловичъ Курьбской.

В лѣвои рукѣ князь Дмитрей Ивановичъ Микулской да Дмитрей Миха-
иловичъ Плещѣвъ.

В сторожевомъ полку бояринъ князь Василей Семеновичъ Серебряной
Оболенской да Семенъ Васильевичъ Шереметев.

А въ ертоуле былъ у царя и великого князя воевода князь Юрье Ивано-
вичъ Шемякинъ Пронской да князь Федор Иванович Троекуров.

А под Казанью государь стояти у Казани полкомъ по мѣстомъ. //
(л. 586 об.)

А большого полку да нарядовому³² до яртаульского полку воеводамъ
стати с Арскаго поля от старого городища к Поганому озеру до Казани-реки.

А в правой рукѣ воеводамъ велѣл государь стати за Казанью-рекою на
Луговой сторонѣ.

А сторожевого воеводамъ от рускаго кладбища противъ города от Ка-
зани реки вверхъ по Булаку и до большово полку.

От лѣвые руки воеводам, воеводы князь Петръ Щенятев да князь Ан-
дрѣи Курьбской туры поставили за Казанью-рекою на берегу на Луговой
сторонѣ против башни, что въ Елбугиных воротъ и до мосту, что на Казани
по Галетцкой дороге. Сторожевого полку воеводы князь Василей Семено-
вичъ // (л. 587) Серебряного да Семен Шереметев.

У лѣвои руки воеводы князь Дмитрей Микулской да Дмитрей Пле-
щѣвъ.

Против города поставили туры по Булаку и до Казанки-реки, и наря-
ды за туры поставили и по городу, ис пушекъ и ис пищали почали бить со
всѣхъ сторон день и ночь бес престани, а туры к городу прикатали и всѣ
воеводы во единъ день. И казанцы сѣли крѣпко в городе, из города билися
день и ночь.

Царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси велѣл бояромъ
около города ѣздить для береженья и над воеводами, и наряду, и за туры
смотреть по ночамъ, переменяяся, чтобы за туры у снаряду стояли бережно.

Первая ночь. Боярин князь Иванъ Ивановичъ Шуиской да окольничей
Алексѣи Ивановичъ Плещѣвъ // (л. 587 об.)

Вторая ночь. Князь Михаило Васильевич Глинъской да окольничей
Иванъ Ивановичъ Умнои.

Третью ночь. Иванъ Ивановичъ Хабаровъ да казначѣи Иванъ Петро-
вичъ Головинъ.

Четвертую ночь. Иванъ Семенович Воронцов да окольничей Иванъ Ми-
хаилович Воронцовъ.

Пятую ночь. Князь Дмитрей Ивановичъ Микулинской да окольничей
Долмать Федоровичъ Карповъ.

³¹ Испр. в ркп. Туранта.

³² Испр. в ркп. нарядовому.

Шестую ночь. Князь Дмитрией Семенович Серебряной да окольничей Федоръ Одашев.

Седьмую ночь. Окольничей Семен Иванович Морозов Пешков³³ да Иванъ Яковлевичъ Чеботов.

А царь Шигалѣи стоял за Булаком у Кабана-озера у Момотякова городища.

И казанские многие люди учали приходить с Арского поля на станы большово полку да на передовой // (л. 588) полкъ, на ертаульной полкъ. И царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси послал на них воевод своих боярина князя Александра Борисовича Горбатова да боярина князя Петра Семеновича Серебряного, да ертаульного полку воеводу князя Юрья Ивановича Шемякина Пронского со многими людьми, да и стрельцовъ. И Божиим милосердиемъ и Пречистые Его Матере и святых чудотворцов молитвами царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии воеводы князь Александръ Борисовичъ Горбатой с товарищи на Арскомъ поле казанских людей много побили, тритцать пять человекъ живых взяли, ко царю и великому князю их прислали. И после того казанские многие люди, // (л. 588 об.) черемиса и чуваша собрався, стали в Остроге у Высокой горы от города Казани 15 верстъ. В головах у них князь чувашской да Епанчя-князь, да Кебеньякъ-князь. И учали приходить еже дни на боярских людей, которые боярские люди ходили в улусы кормовъ для.

Сентября въ 4 день царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии осадилъ городъ Казань, послал на Арское поле к засекѣ и Высокой горѣ воевод своих.

В большомъ полку князь Александръ Борисовичъ Горбатова да Захарья Петровича Яковлева.

В передовомъ полку бояринъ князь Семен Ивановичъ Микулинъской да боярина // (л. 589) и дворецкого Данила Романовича Юрьева.

В сторожевомъ полку бояръ князя Петра Андрѣевича Булгакова да князь Давыд Федоровичъ Палитцкой. А с ними дети боярских московские земли да новгородцы многие люди да и стрельцов и боярских людей пѣших, бояре и воеводы.

Князь Александръ Борисовичъ Горбатой с товарищи пришел на Высокую гору, Острогъ взяли. И в Остроге многих казанских людей побили, и живых взяли 140 человекъ, и ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии прислали. А руския мѣста за Казанью на Луговой стороне и по Нагаиской дороге и по Чувашской многие улусы повоевали, // (л. 589 об.) села и хлѣб жгли и полону русково много отполонили³⁴.

³³ Испр. в ркп. Пешаков.

³⁴ «И казанские многие люди учали приходить с Арского поля [...] села и хлѣб жгли и полону русково много отполонили». Известие о битве на Арском поле читается также в «Последовании древним» и «Летописце начала царства», однако представлено оно в других редакциях. В обоих памятниках отсутствует характеристика событий, предшествовавших битве у Высокой горы. Кроме того,

Сентября въ 9 день выбежала ис Казани-города ко царю и великому князю полонянка жонка Иванова города и сказала, что казанцомъ истома великая: на Казани у них люди московские отняли воду и они емлютъ ис таиника. А таиникъ у казанцов против устья Булацкого х Казани-рекѣ, а царевы мыльны блиско, а мыльня царева каменная под стеною у Королевых воротъ. И царь и великий князь Иванъ Васильевичъ велѣл под мыльны мастеромъ подкопъ учинить под таиникъ и зелья у таиника поставили³⁵.

Сентября въ 17 день царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси приѣхал против таиника к Булаку и велѣл в подкопе у таиника // (л. 590) зелье зажечь. И мастера в подкопе зелье зажгли, и таиникъ вырвало. Да в таинике многих людей казанских, которые воду имали, побило. И после того царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси из-за туров велѣл учинить башню против больших воротъ. Поставили выше стены городовые, из башни почали стрѣлять в город по улицамъ, и на царевъ двор нельзя было явитца.

И царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Руси, не хотя пролити крови бусурманские, послал к городу Камая мурзу, меньшия Васильевы дети Шереметевы, Юрьи да Василии княж Ивановы дѣти Токмаковы, князь Михайло Матвѣев Салтыков, Худякъ Игнатѣев сынъ Салтыков, // (л. 590 об.) Иван да Алексѣи Андрѣевы дѣти Годунова, Андрѣи Володимиров сынъ Манъсуров, а в околничих были у государя Дмитреи Григорьевичъ Плещѣвъ, князь Василии Андрѣев сынъ Ситцково, Михайло Иванов сынъ Воронова, стольники великого князя князь Никита Иванов сынъ Шемякинъ Пронской, князь Иванъ княж Михайлов сынъ Курбской, князь Василии да князь Алексанръ княж Ивановы дети Прозоровского, князь Михайло княж Федоров сынъ Прозоровской, князь Василии княж Васильевичъ, Степанъ Семеновъ сынъ Морозовъ, Алексѣи Иванов сынъ Скрябин, Андрѣи Иванов Шеинъ, Федоръ Васильевъ сынъ Шереметев, Афонасеи Григорьев сынъ Колычов, Федор Ивановъ сынъ Сабуров, князь Дмитреи княж Ивановъ сынъ // (л. 591) Хворостинин, Федоръ Иванов сынъ Умнои Колычов, Василии Петров сынъ Яковлев, князь Петръ да князь Андрѣи да князь Федор княж Ивановы дѣти Татеева, Михайло Ивановъ сынъ Колычов, Семен Васильевичъ Яковлевъ Бутурлинъ, князь Антон Рамановской, стряпчей великого князя Семен Ярцов Нармацкого, Алексѣи Посников сынъ Сатин. <...>

в «Последовании древним» сообщается о захвате 740 пленных [ПСРЛ 6: 307], в «Летописце начала царства» говорится, что в плен были взяты 340 человек [ПСРЛ 29: 100].

³⁵ В «Летописце начала царства» также содержатся сведения о тайнике, из которого казанцы черпали воду: «Призывает государь к себе Камая-мурзу нововыежжево ис Казани и рспрашивает, отколя воду емлют в городе, Казань бо реку уже у них отняли. Также и полоняников, которые в те дни выбегали ко государю. И сказывали государю, что есть у них таиник от Казани от реки, у Муралеевых ворот, ключ в берегу, а ходят к нему по подземелию» [ПСРЛ 29: 100]. Известие в Записях содержит отсутствующие в «Летописце» детали. В частности, указано, что информацию о тайнике московским войскам предоставила перебежчица из Казани.

И князь Камаи мырза к городу з грамотами ѣздилъ, и великому князю приѣхав, сказал, что казанцы царя и великого князя жалованья не послушали, сѣли в городе насмерть, а государю царю и великому князю не хотѣли бити челомъ³⁶.

Сентября въ 22 день царь и велики князь Иван Васильевич всеа Руси, возьмъ Бога на помочъ, велѣл боярину своему князю Михаилу Ивановичю Воротынскому да боярину Михаилу Яковлевичю Морозову, да окольничему Петру Васильевичю Морозову туры прикатить к городу к стенѣ ко рву, да и снаряд большой велѣл уставити и къ городу туры³⁷ прикатити ко рву и наряды уставити³⁸. // (л. 597)

Того же дни казанцы наряд из города вывезли, и многие люди вышли, и туры и шие посметали в ров, и людей многихъ ранили.³⁹ И Божиимъ милосердиемъ бояринъ и воевода князь Михаилу Ивановичъ Воротынскои да воевода князь Юрьи Ивановичъ Кашин у туровъ Казаньскихъ людей побили, а иные в город втоптали, и туры опять на рву и станы поставили и землю посыпали. А на том бою убит одинъ Степан Суворов сынъ Путилов, а околничево Петра Васильевича Морозова ранили. А бояринъ Михаилу Яковлевичъ Морозов после того разболѣся. И царь и великии князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси велѣл быть въ ево мѣсто за туры у наряду окольничему Алексѣю Даниловичю Басманову-Плещѣву да казначѣю Ивану Петровичю, Фомѣ Головину⁴⁰. // (л. 597 об.)

³⁶ «И царь и великии князь Иван Васильевичъ всеа Руси, не хотя пролити крови бусурманские, послал к городу Камаю мурзу [...] а государю царю и великому князю не хотѣли бити челомъ». Сообщения о посольстве в Казань во главе с мурзой Камаем, предшествующее штурму города, присутствуют в «Летописце начала царства» [ПСРЛ 29: 104], однако состав участников переговоров в нем не расписан.

³⁷ *Испр. в ркп. тыры.*

³⁸ «Сентября въ 22 день царь и велики князь Иван Васильевич всеа Руси, возьмъ Бога на помочъ [...] велѣл уставити и къ городу туры прикатити ко рву и наряды уставити». В «Летописце начала царства» известие представлено в другой редакции: «Государь царь благочестивый великий князь повеле князю Михаилу Воротынскому подвигнути тур к их рву против башты Арские и Арских ворот х тарасом против Царевых ворот. И князь Михаилу не по один день подвигая туры и близяя ко рвуе» [ПСРЛ 29: 102].

³⁹ *Так в ркп.*

⁴⁰ «Того же дни казанцы наряд из города вывезли [...] за туры у наряду окольничему Алексѣю Даниловичю Басманову-Плещѣву да казначѣю Ивану Петровичю, Фомѣ Головину». В «Летописце начала царства» известие представлено в более пространной редакции. Сначала говорится о контратаке татар, а после следует чтение: «Воеводы же цареви мужеством охравившася и крепце нападоша на татар, и видев вси крестияне, яко воеводы их быются с татари, и вси устремишася на тотар. Изю всех мест поспешивши и Богу поспешествуящи, православнии одолеваху и вметахуся погании во рвы своя, воини же цареви и во рвах их побиваху, а они же норами своими во град утекаху. И тако стаха православнии и туры укрепиша своя. И на том бою падоша ото обоих, а сами воеводы многие уязвенны: князь Михаилу Ивановичю многими оружии уязвлен, но крепце доспех на нем пробиваху, в лице же немного уязвен околничей и воевода

Сентября въ 30 день по повелѣнню цареву подкопчикъ розмыслил подкопался под тарасы и зелья в бочках устави́лъ. Царь и великий князь зелье велѣ́л в подкопе зажечь, а к городу велѣ́л приступать. И подкопчикъ подкопъ зажечь и тарасы у города вырвало. И царю и великому князю многие люди у казанцов стену отняли и город зажгли. И на стѣны взлезли и башню у них большую отняли, и татар в башне многих побили, а городовая стена горѣла весь день. И царь и великий князь велел подкопщика по розмыслу копаться под стену изо рва. И подкопщики розмыслили, подкопались во единъ день от большого наряду и зелья в подкопъ устави́ли, и царю и великому князю сказали⁴¹.

И октября въ 2 день назавтрее покрова Пресвятѣи Богородицы в первом // (л. 598) часу дни царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велѣ́л Розмыслу в подкопе зелья зажечь. И подкопчикъ того же часу в подкопе зелья зажечь, и у города стѣну вырвало, и стало мѣсто поло. И на город велѣ́л лѣсти головам стрелетцкимъ и стрельцомъ, и дѣтемъ боярскимъ з боярскими и з своими людьми. И головы стрелетцкие, и стрельцы, и дѣти боярские з боярскими и з своими людьми на город взлѣзли. И татаровя учили с ними битися в городе крѣпко. Воеводы большово полку и передового полку с правые и лѣвые руки и сторожевого полку со всѣ стороны пришли в город. И татаровя видя свое изнеможение, побежали из города за Казань-реку на Луговую сторону. И царь // (л. 598 об.) и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал от себя на тѣхъ людей боярина и воеводу князя Михаила Васильевича Глинъского со многими людьми. И князь Михаил Васильевич за Казанью-рекою на Луговой сторонѣ многих людей казанцов, которые побежали из города, побил. А иные ушли пѣши. И на тот день Богъ даровал царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси Казанское царство поручено бысть на память святых мученикъ Киприяна и Устины въ 3-м часу дни. И царя казанского Едигеря⁴² в городе поимали и ко государю привезли. И царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси во взятѣе у города стоял на Арскомъ поле от лѣса для казанских людей.

Петръ Морозов уязвен болно в лице, отнесоша его з бою, да после оздраве воевода князь Юрьи Иванович Кашин в перси ранен такоже и головы стрелецкие и дети боярские многие ранены» [ПСРЛ 29: 103]. Выше в Записях сообщается о гибели Степана Суворова сына Путилова. Информации о нем обнаружить не удалось, однако в Дворовой тетради упомянут Богдан Суворов сын Путилов, дворовый сын боярский по Костроме [ТК: 149, 382].

⁴¹ «Сентября въ 30 день по повелѣнню цареву подкопчикъ розмыслил [...] подкопался во единъ день от большого наряду и зелья в подкопъ устави́ли, и царю и великому князю сказали». В «Летописце начала царства» известие читается в другой редакции: «И по государеву велению уготовятся на брань тех полков воеводы, которые были у тех тур, по иным же полком заповеда царь никакоже не приступати к городу. И зажгоша зелье, и взорвало тарасы и с людьми Казанскими на высоту великую, и с высоты бревна падоша во град и побиша множество Татар. Грабяном же страху и ужасу наполнишася, на мног час стрелы от них не летаху» [ПСРЛ 29: 103].

⁴² *Испр. в ркп.* Ефигеря.

Приходит царь Шигалѣи, а с нимъ царя и великого князя воевода большево // (л. 599) полку князь Иванъ Федоровичъ Мстиславской, да с нимъ дѣти боярские многие люди да стрельцы, да стерегли Казани у Поганской дороги, стоялъ за царя и великого князя станом и станов берегли князь Григорей князь Федоров сынъ Мещерского да князь Володимер Андрѣевичъ, да бояринъ князь Юрь Андрѣевич Пенинъские, да с ними же многие люди. А на Галетцкой дороге стоят Михаило Ивановичъ Воронов да князь Иванъ князь Борисов сынъ Ромодановской, да Иванъ Угримов сынъ Заболотцкой, да с ними многия люди, а в Остроге у судовъ на рекѣ на Волге князь Василии князь Семенов сын Мезенской, а с нимъ дети боярские.

А во взятыи убитъ ис пушки у Булаковских ворот лѣвые руки Дмитрей Ивановичъ Микулской. А с нимъ тут же // (л. 599 об.) убитъ голова стрелетцкой Василии Фуников сынъ Проньчишов, а в городе убитъ князь Петръ князь Андрѣевъ сынъ Щепинъ.

Октября въ 3 день назавтрея казанского взятыи многие руския люди полоненики из улусовъ, Арские страны и головные пришли со всем животомъ.

Октября въ 6 день после казанского взятыи в среду царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии велѣл на кол посадить Костю Булгакова за то, что он до взятыи метал на стрѣле казанцом грамоты, чтобы города не здавали и сидѣли в городе крѣпко⁴³.

Октября въ 7 день после казанского взятыи ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичу // (л. 600) всеа Русии прислали бити челом арские люди, казаковъ побили Ардулинана да Шаисупа Раманова, чтобы их царь государь пожаловал, вины имъ отдал и велѣлъ себѣ служить, а з черных людей велѣл есаки имати и воевати бы их не велѣлъ. А онѣ всѣ от царя государя неотступны до своего живота. И царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русиии людей всѣхъ пожаловал, послал к нимъ с отпискою и з грамотою Камае мурзу да Микиту Казаринова сына Голохвастова, чтобы руския люди шли ко государю безстрашно. И государь пожаловал, опалы

⁴³ Об этом предательстве и последовавшей за ним казни сообщается в Казанском летописце: «Ис тех же един бе некто от приставник дела того, воин полку царева, родом Колужеского, именем Юрьи Булгаков, лют сы и неправеден, яко во отечестве своем сожитствующих ему сосед насильствоваше, и грабляше, и озлобляше, и землю у них отводяше, к своей земли прилогаше, его же за злонравие не любляше самодержец, многожды смиряше сеи же незаконны за нелюбие то гневашеся на господина своего и царя, и хоте, аки неверный, злое прелогати сотворити: и написав грамоту на стреле, и пусти ю в Казань ко царю, да град и люди своя крепити и сам не страшится, сказа и места подкопные» [ПСРЛ 19: 140]. Поскольку обстоятельства данного события изложены в обоих памятниках сходным образом, можно предположить, что говорится об одном человеке. Однако если в записях предателем назван некий Костя Булгаков, то в Казанском летописце имя изменника — Юрий. Имя Кости Булгакова в источниках обнаружить не удалось. Юрий Булгаков, напротив, был одним из воевод, возглавлявших Казанский поход 1552 г. Однако никаких сведений о его предательстве не сохранилось. Более того, он благополучно пережил Казанский поход, был назначен наместником в Псков, где умер в 1561 г. [РБС 1908: 468]. Возможно, в Казанском летописце указано ошибочное имя.

свои отдал, воевати не велѣлъ, ясаки имати по тому же, какъ было при Ахмире царѣ. И арские люди многие у государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси правду давали на том, что имъ государю царю // (л. 600 об.) и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси безотступно до своего живота и в Крымѣ, и в Нагаи, и в Астараханѣ, и в Сибирь не ссылаться ни человекѣмъ, ни грамотами и никуды не отѣзжати, и ясаки имъ давати черные люди потому же, какъ было при Махмеди Аминѣ царѣ. И государь царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси их всѣхъ пожаловал.

А в городе государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велѣлъ церковь поставити большую на площади Благовѣщение пресвятыя Богородицы предѣл Бориса и Глѣба, и за городом большихъ ворот поставил церковь преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и церкви в городе поставлены, и при себѣ их государь свещалъ, да государь в городе ворота тутъ учинил Спаские, // (л. 601) гдѣ были ворота Елбугины, учинил Воскресенские. И велѣлъ государь царь у тѣхъ ворот поставити церковь Воскресение Христово. А гдѣ были Збоиливые ворота, тут велѣлъ учинить Дмитриевские ворота. И поставити велѣлъ в городе у техъ ворот церковь святого мученика Димитрия. А гдѣ были Збоиливые ворота, и тѣ к Булаку к Муралѣвымъ воротам тут велѣлъ учинить Сергиевские ворота, и поставити велѣлъ у тѣхъ ворот церковь Сергия Чюдотворца. А гдѣ были Муралѣвы ворота, тут велѣлъ учинить Никольские ворота, а поставити велѣлъ в городе церковь Николы Чюдотворца в Казани. Государь тѣ все церкви с ряду велѣлъ устроити всякимъ церковнымъ строением, а паникадила и свѣчи мѣсные и с книгами и з звономъ и с попы и дьяконы и со всѣми служебники церковными. И ругу имъ // (л. 601 об.) государь царь пожаловал велѣлъ давати⁴⁴.

И после государь себя велѣлъ в Казани то давати бояромъ и воеводамъ своимъ, князю Александру Борисовичю Горбатову да князю Василию Семеновичю Серебряного Оболенскому, да окольничему Ивану Яковлевичю Чеботову да Алексѣю Даниловичю Басманову-Плещѣву, да казначею Фомѣ Петровичю Головину, да дьяку своему Ивану Васильевичю Безсонову, да с воеводами оставил в Казани многихъ людей боярскихъ двора своего людей резанцов, коломничъ, коширенъ, серпуховичъ, торушан, колужан, козличъ, мещерян, воротынцов, вязмич, да стрельцовъ головы со многими людьми, да атаманов со многими казаки.

Октября въ 11 день царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси ис Казани пошел к Нижнему Новгороду // (л. 602) Волгою в судах, а из Нижнево Новагорода поехал к Москве на подводахъ, государь царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Руси пришелъ октября въ 26 день на Дмитреевъ день Селунского.

⁴⁴ В Записях из рукописи Б-34 помещен наиболее полный список церквей, построенных в Казани после взятия города. В «Последовании древним» упоминаются Благовещенская и Спасская церкви [ПСРЛ 6: 314], а в «Летописце начала царства» — только Благовещенская [ПСРЛ 29: 110].

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург

РС НИА СПб ИИ РАН — Русская секция Научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, С.-Петербург

Библиография

Источники

Б-34

БАН, ф. 16, оп. 17, № 34; описание: [Копанев et al. 1965: 220–224].

ПСРЛ 6

Полное собрание русских летописей, 6: *Софийские летописи*, С.-Петербург, 1853.

ПСРЛ 19

Полное собрание русских летописей, 19: *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, С.-Петербург, 1903.

ПСРЛ 29

Полное собрание русских летописей, 29: *Летописец Начала Царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись*, Москва, 1965.

Разрядная книга 1475–1598 гг.

Разрядная книга 1475–1598 гг., подготовка текста, вводная статья и редакция в. И. Буганова, отв. ред. М. Н. Тихомиров, Москва, 1966.

ТК

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., подготовил к печати А. А. Зимин, Москва, Ленинград, 1950.

Литература

Анхимюк 2005

Анхимюк Ю. В., *Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков*, Москва, 2005.

Волкова 1988

Волкова Т. Ф., *Казанская история, Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2 (вторая половина XIV–XVI в.), 1: А–К, Ленинград, 1988, 450–458.

Копанев et al. 1965

Описание Рукописного Отдела Библиотеки Академии наук СССР, 3/2: *Исторические сборники XV–XVII вв.*, сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская, Москва, Ленинград, 1965.

Насонов 1962

Насонов А. Н., *Новые источники по истории Казанского взятия, Археографический ежегодник за 1960 год*, Москва, 1962, 3–26.

РБС 1908

Русский биографический словарь, 3, С.-Петербург, 1908

References

Ankhimuk Yu. V., *Chastnye razriadnye knigi s zapisami za posledniuiu chetvert' XV – nachalo XVII vekov*, Moscow, 2005.

Buganov V. I., Tikhomirov M. N., eds., *Razriadnaia kniga 1475–1598 gg.*, Moscow, 1966.

Kopanev A. I., Kukushkina M. V., Pokrovskaya V. F., eds., *Opisanie Rukopisnogo Otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR, 3/2: Istoricheskie sborniki XV–XVII vv.*, Moscow, Leningrad, 1965.

Nasonov A. N., *Novye istochniki po istorii Kazanskogo vziatiia, Arkheograficheskii ezhegodnik za 1960 god*, Moscow, 1962, 3–26.

Volkova T. F., *Kazanskaia istoriia, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2 (vtoraia polovina XIV–XVI v.), 1: A–K, Leningrad, 1988, 450–458.

Zimin A. A., ed., *Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad' 50-kh godov XVI v.*, Moscow, Leningrad, 1950.

Артём Евгеньевич Жуков,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей,

Библиотека Российской академии наук,

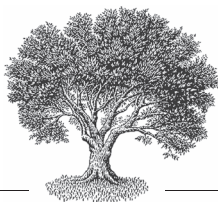
199034 С.-Петербург, Биржевая линия, д. 1

Россия/Russia

artemnovgor@inbox.ru

Received September 26, 2018

Об источниках «Похвального слова Иоанну Новому»

**Александр Дмитриевич
Паскаль**

Российская государственная библиотека
Москва, Россия

On the Sources of “The Eulogy of John the New”

Alexander D. Pascal

Russian State Library
Moscow, Russia

Резюме

Похвальное слово Иоанну Новому, составленное игуменом молдавского Нямецкого монастыря Феодосием в 1534 г., известно в единственном списке 1574 г. из молдавского монастыря Путна. На основе результатов кодикологического, палеографического и текстологического анализа славянских рукописей молдавского происхождения, содержащих тексты о житии Иоанна Нового, автором высказано предположение о существовании неизвестной ранее сокращенной редакции жития Иоанна Нового, текст которой частично реконструируется в статье. Именно эта выявленная сокращенная редакция стала главным источником «Похвального слова» Феодосия, а вовсе не непосредственно житие Иоанна Нового, написанное Григорием Цамблаком, как принято считать в современной историографии. В работе также установлен еще один источник «Похвального слова» Феодосия — «Похвальное слово великомученице Неделе» (Кириякии) Евфимия Тырновского.

Ключевые слова

похвальное слово Иоанну Новому, Феодосий, сокращенная редакция жития, Григорий Цамблак, Молдавия, мучение Иоанна Нового, монастырь Нямц, монастырь Путна, монастырь Хомор, кодикология, палеография, текстология

Цитирование: Паскаль А. Д. Об источниках «Похвального слова Иоанну Новому» // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 429–466.

Citation: Pascal A. D. (2019) On the Sources of “The Eulogy of John the New”. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 429–466.

DOI: 10.31168/2305-6754.2010.8.1.16

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

The Eulogy of John the New was composed by Theodosius, Abbot of the Moldovan Neamț monastery, in 1534. Its only copy dates back to 1574 and comes from the Moldovan monastery of Putna. Based on the results of the codicological, paleographic and textual analysis of the Slavic manuscripts of Moldovan origin containing texts about the Life of John the New, it is suggested in the paper that there is a previously unknown abridged version of the Life of John the New, the text of which is partially reconstructed in the article. It is concluded that the main source used by Theodosius was not the Life of John the New written by Gregory Tsamblak, as is accepted in modern historiography, but instead this abridged version. It was also found that Theodosius borrowed the material for the conclusion of his Eulogy from the Eulogy to the Great Martyr Nedelya (Kiriakia) by Euthymius Turnovsky.

Keywords

Eulogy of John the New, Theodosius, abridged version of hagiography, Gregory Tsamblak, Moldova, martyrdom of John the New, Neamț monastery, Putna monastery, Homor monastery, codicology, paleography, textual criticism

В 1402 г. при участии молдавского воеводы Александра Доброго и митрополита Иосифа из Белгорода были торжественно перенесены мощи мученика Иоанна Нового в столицу княжества Сучаву. В связи с этим, как полагает большинство исследователей¹, Григорием Цамблаком, «игуменом обители Пантократоровой и пресвитером Великой церкви Молдовлахийской», и было составлено житие (Мучение) Иоанна Нового, ставшего национальным святым Молдавского государства, память которого стали отмечать 2 июня [Бегунов 2005: 70–72; Иванова 2008: 539–540].

В это же время Григорий Цамблак создает краткое житие «Афлисис» с проложным стихом в начале текста, которое читалось по 6-й песни канона во время богослужения, и службу Иоанну Новому, в которой он «одним из первых в славянской гимнографии применил принцип перекрещивающегося акростиха: текстового (фразового) по тропарям (Новомоу мжченикж новж приношж хвалж) и именного — “подписи” (Гріґоріе) по богородичнам» [Турилов 2010: 462] (см.: [Темчин 1997: 146, прим. 12] — подробная библиография о произведениях Григория Цамблака).

Недостающее же в классическом агиографическом цикле, обычно посвященном святому (житие — служба — похвальное слово), «Похвальное

¹ Высказанное Ф. Томсоном мнение, что автором Мучения был не Григорий Цамблак [Томсон 2001], было аргументированно опровергнуто в работах Ю. К. Бегунова [2005: 70–72] и А. А. Турилова [2010].

Эта служебная минея на апрель была написана дьяконом Никодимом в 1467 г. для монастыря Путна², возведенного в 1466–1470 гг. по повелению воеводы Стефана Великого, в присутствии которого, а также и при участии митрополита сучавского Феоктиста, епископа Тарасия и игуменов всех обителей княжества там же был освящен главный храм Богородицы [Nicolescu 1958: 309–310; Grigoraș, Caproșu 1968: 63, 64, 69, 70; Славяно-молдавские летописи 1976: 63, 64, 69, 70].

Оба эти прибавления написаны соответственно двумя различными писцами, один из которых — иеромонах Калист, выходец из монастыря Хомор³, о чем свидетельствует запись 1574 г.⁴ на л. 208об.:

² Maria Magdalena Székely вслед за предшественниками ошибочно считает эту рукопись созданной в монастыре Нямц [Székely 2007: 163 (№ 2)], но она написана в Путне, о чем свидетельствует запись на л. 133об, выполненная рукой монаха этого монастыря Геннадия, который оставил подобную запись в рукописи *Овч.157*.

³ А. И. Яцимирский справедливо отметил, что оба прибавления в рукописи написаны в 1574, а не в 1534 году, как считал ее владелец В. М. Ундольский [Яцимирский 1898а: 64–65]. Однако при обращении к кодексу очевидно, что мнение А. И. Яцимирского о том, что и служба, и «Похвальное слово» написаны одной рукой, ошибочно: оба прибавления написаны двумя различными почерками. Какой из них принадлежит Калисту, уверенно сказать трудно: указанная выше запись на л. 208об. выполнена мелким полууставом с элементами скорописи.

⁴ Филиграны листов с прибавлениями не противоречат этой дате: 1) лл. 188, 190, 191, 194, 197, 198, 200, 203, 205 — кабан, очень близок [Mařeš 1987: № 377] (1579 г.); 2) л. 208 — кабан, очень близок [Mařeš 1987: № 372] (1574 г.).

Переплет рукописи — доски в коже с тиснением — впоследствии был еще раз обновлен около 1826 г.⁵, когда она, видимо, находилась в собрании рукописей известного собирателя и основателя российской филигранологии Ивана Петровича Лаптева [Андрюшайтите 2001: 190–191]. Факт нахождения рукописи в собрании И. П. Лаптева подтверждается также наличием на л. 145об. оттиска личного штампа слепым тиснением с инициалами «ИЛ» в рамке⁶. После смерти собирателя в 1838 г. началась распродажа его коллекции, часть ее приобрел на аукционе ярославский купец А. К. Кочуев, у которого В. М. Ундольский и купил эту рукописную книгу вместе с другими служебными минеями XV–XVII вв., также молдавского происхождения (№№ 76–80, 82–83).

А. И. Яцимирский, впервые опубликовавший сведения об этом списке «Похвального слова» Иоанну Новому, а также частично его текст (вступление и заключение) [Яцимирский 1898а: 63–66, 71–73], заметил, что «середину Слова занимает Житие св. влмч. Иоанна Нового, представляющего пересказ того же Жития, написанного Григорием Цамблаком» [Ibid.: 64]. Позднее, публикуя уже полный текст «Похвального слова», славист также отмечал, что основным источником для Слова послужило житие, созданное Григорием Цамблаком:

Несмотря на то, что Феодосий ни разу не ссылается на Цамблака — его источник можно определить без особенного труда. Кроме «Мучения», он пользуется еще Словом Цамблака похвальным влмч. Георгию и в общих мыслях, и в отдельных выражениях. Слово состоит из трех частей — кратких вступления и заключения и пространного пересказа Жития. Оригинальных мыслей мы не найдем... Целый ряд выражений, восхваляющих Иоанна, целиком взяты из упомянутой Похвалы Георгию. Переработка же «Мучения» Иоанна состоит в прибавлении к подлинным выражениям Цамблака таких фраз, которые не дают ничего нового в смысле реальном и представляют собой лишь риторические распространения [Яцимирский 1906б: LXX].

Он же добавлял:

Общее впечатление от Слова Феодосия таково, что он распоряжался со своим источником совершенно так же, как и Цамблак с греческими — и вся его работа падает исключительно на стилистические амплификации — типичное «плетение словес» по старинной славянской терминологии [Яцимирский 1906б: LXXI].

⁵ Бумага припереплетных листов в начале и в конце рукописи имеет «белую дату» — 1826 г. Эта же бумага использована и при реставрации рукописных миней служебных №№ 76–80, 82–83, 85 из того же собрания В. М. Ундольского.

⁶ Аналогичный штамп обнаружен нами и на листах рукописей №№ 76–80, 82–83, 85 в собрании В. М. Ундольского, а также в рукописи ОИДР.337.

Впоследствии А. И. Яцимирский еще раз повторил:

В 1534 году Житие было распространено нямецким игуменом Феодосием, причем в начале и в конце его прибавлено вступление и заключение, давшая автору возможность назвать свой труд «Словом похвальным». Вполне естественно, что Феодосий не только построил свое Слово по образцу Цамблакова, но повторил почти все более интересные в историческом и литературном отношении отдельные выражения, ни разу, впрочем, не сославшись на своего предшественника и не упомянув прямого и единственного источника» [Яцимирский 1904: 456–457].

Необходимо также отметить, что при публикации полного текста «Похвального слова» А. И. Яцимирский не отметил специально два случая пропущенных писцом строк текста, вынесенные на поле рукописи, и внес их в текст публикации. Между тем, эти два перескока строк⁷ свидетельствуют о том, что Калист, переписавший текст «Похвального слова» в 1574 г., имел под рукой какой-то список сочинения Феодосия, по которому и был сверен в монастыре Путна неизвестным лицом результат переписки⁸.

О самом Феодосии известно немного. Как игумен Нямецкого монастыря он упоминается в 1527 и 1531 гг. [Яцимирский 1898а: 65]. В 1531–1536 гг. он состоял в переписке с романским епископом Макарием, известным книжником и автором славяно-молдавской летописи 1504–1551 гг. [Bogdan 1891: 48–64; Яцимирский 1909: 134–167; Cronicile 1959: 103; Руссев 1982: 60–65; Славяно-молдавские летописи 1976: 18–20]⁹.

Таким образом, автором «Похвального слова» Иоанну Новому со времен А. И. Яцимирского считается игумен Феодосий, указанный в заголовке памятника, а время его написания — 1534 год, отмеченный в конце переписанного текста. Трудно сказать, по какой причине Феодосий именно в это время решил составить «Похвальное слово»: в известных нам источниках об этом нет никаких сведений¹⁰.

Далее для удобства анализа сам текст «Похвального слова» разделен на три части в соответствующих приводимых далее Таблицах № 1, 3, 4: введение, центральная часть, заключительная часть. Тексты публикуются буква в букву, с разделением на слова. Вынесенные над

⁷ Выделены нами в Таблице 3 между знаками + +.

⁸ Внесенные на поля указанные исправления на л. 201 и л. 203 выполнены более светлыми чернилами и почерком, отличным от почерков обоих прибавлений.

⁹ Имя нямецкого игумена Феодосия отсутствует в своде И. Р. Мирчи среди известных в славяно-румынской книжности авторов [Mircea 2005].

¹⁰ Возможный «юбилейный» характер причины не подтверждается имеющимися общепринятыми в историографии данными о годе мученической смерти Иоанна Нового — ок. 1330 г.

строкой буквы, под титлом или без него, сохраняются над словом. Номер листа дается в круглых скобках и предшествует тексту. Опушенный нами при публикации текст отмечен двумя точками, просветы (визуальные разрывы) в публикации текста условны и приведены исключительно для удобства сопоставления совпадающих фрагментов.

Как уже было справедливо замечено А. И. Яцимирским, во введении Феодосий практически без изменения цитировал фразы из Второго слова похвального вмч. Георгию Григория Цамблака (общий текст подчеркнут):

Таблица 1

Список У (Введение)	Второе слово похвальное вмч. Георгию Григория Цамблака ¹¹
<p>(л. 200) Θεοδοσία мниѡа и презвитера. игоумена ωεντѣли Пантократорови. Похвалное сѣмѸ и славному великомѣноу, ΙωαννѸ НовомѸ. Блѣви ωѣ. Что же величаниши и славѣиши. воинствоѡ на бѣсѡѡ ωплѣченіе. въ тѣѡ зрѣще сѣщеѡ бесплѣтного. побѣжѣніе. Ѱкѣдоу истече. сѣ нетлѣнѡи истоѡник. бесѣмртное пиво. не Ѱ камене чюдоѣма. нѣ Ѱ истынный къ Боу любве. Ѱ вѣры раждаемыѡ. оуказаніе еѣ извѣстнѡ. вѣра невеждѣнѣ нѣ непрістѣпна. Ѱ древниѡ познасѡ. добрѣ же и височаниши вѣровати бгомѣнѡмоу въ мирѣ жителства слова. въ трѣѡ постасѣѡ, не прѣсѣкомоу бжѣтво. сѣ стѣжаѣ древный ωнѣ. Снѡѡѡ, бгочѣтеѡ, и любоѣродѣтѣленѣ свѣѣтѣствова сѡ. Сѣа по снѡ стажателѣ Ба почѣтаашѣ. оу(л. 200 об.)кланѣжсѡ прѣмѣдро Ѱ злѡѣ. и въ цѣломѣ дрѣ ωблѣчишѡ</p>	<p>..еже <u>истынный</u> <u>аже</u> <u>къ</u> <u>Боу</u> <u>любве</u>, <u>Ѱ</u> <u>вѣры</u> <u>раждаемыѡ</u>. <u>оуказаніе</u> <u>еѣ</u> <u>извѣстнѡ</u>. <u>сѣ</u> <u>стажаѣ</u> <u>древный</u> <u>ωнѣ</u> <u>Снѡѡѡ</u>, <u>бгочѣ</u>теѡ и <u>любоѣ</u>родѣтѣленѣ, <u>свѣѣ</u>тѣствова <u>сѡ</u>. <u>внѣ</u>кѡмѣ <u>тааже</u> <u>оставѣ</u>, <u>къ</u> <u>тѣмѣ</u>же <u>блгоу</u>хвалѣніемѣ. <u>сѣ</u> и <u>ωнѣ</u> <u>имѣ</u>лѡ, <u>Ба</u> <u>почѣ</u>таашѣ. <u>оу</u>кланѣжсѡ <u>прѣмѣ</u>дро <u>Ѱ</u> <u>злѡѣ</u>..</p>

¹¹ Текст приводится по изд.: [Яцимирский 1906б: 15–31], осуществленному по списку БРАН.165 руки известного книжника и писца Нямецкого монастыря Гавриила Урика [Паскаль 2016а; Idem 2018]. Рукопись представляет собой минейный Торжественник, включающий жития, похвальные слова и поучения, среди которых: похвальное слово вмч. Георгию (лл. 158–170об.), слово на Вербницу (лл. 299–307об.) — произведения Григория Цамблака; житие св. Филофеи (лл. 189об.–204об.) — сочинение патриарха Евфимия Тырновского. Не исключено, что Феодосий, будучи игуменом Нямецкого монастыря, мог использовать в качестве непосредственного источника именно этот список Похвального слова вмч. Георгию, созданный и ранее хранившийся в том же монастыре [Panaïtescu 1959: 248–250].

Список У (Введение)	Второе слово похвальное вмч. Георгию Григория Цамблака
<p><u>сїе проходѣ Ное вторїи родоначалъни^к</u> <u>оустрон сѧ. и свѣре^м же и гаде^м</u> <u>и птица^м спѣ и съхранитель. и</u> <u>помощникъ повелѣвшоу вл^ацѣ</u> <u>показавсѧ. си^м велїкынънъ патріархъ</u> <u>опоасав сѧ. прѣселни^к въ землѧ</u> <u>тоуждѧ ѿ домоу ѿца оустрон</u> <u>сѧ. и дроутъ бжїи наречесѧ. вѣрож</u> <u>извѣщенїе прїе^м іако сѣмѧ его свѣз^аа^м</u> <u>не^сны^м и морѣ пѣскоу съчѣтено вжде^т.</u> <u>и црїе ѿ него изыджѣ. іако жъ великын</u> <u>съсж^а избра^м ѿ вѣра въ свои^м, кѣ</u> <u>евреѡмъ посланїи изгаснѣ, си^м и мон</u> <u>вѣнечни^к вѣать бывѣ, и кѣ ны^м</u> <u>прѣжѣ закона и въ законѣ. и по</u> <u>законѣ ѿ бсѣ мжжѣствовавшѣхъ, и кѣ</u> <u>естѡу крѣпко ставшѣхъ, многостра^лно</u> <u>сѣ ни^м ставшоу прѣвын^м оупо^лви</u> <u>сѧ въ различни ѿ вѣсѣ^м мжкы. ими</u> <u>же постра^л и ими же искоусисѧ. сице</u> <u>и сѣи по проповѣди сп^снои. ими же</u> <u>проповѣда. ими же наоучи. ими же</u> <u>исповѣда. ими же любовомждѣрѣствова.</u> <u>вѣсѧ^х кѣ^мно стра^л.¹² и м^нкѣ</u> <u>доблестѣвны^х, проавленѣишїи є^с, и</u> <u>высочанїи. и кто сѣ.</u></p>	<p><u>..сїе прохода Нѡе вторын рѡдоначалникъ</u> <u>оустрон сѧ. кѡвчегѣ оустронѣ</u> <u>повелѣвшѣ вл^ацѣ. не тѣкмо рѡдѣ члѣчъ.</u> <u>нж и скѡтѣ и гадѡвѣ и птицѣ спѣ и</u> <u>съхранитель. и помощникъ показа сѧ</u> <u>исхытивъ лютаго оногѡ. ..симъ великын</u> <u>онъ патріархѣ опоасав сѧ. прѣселникъ</u> <u>въ землѧ тоуждѧ ѿ домоу ѿца</u> <u>оустрон сѧ. и дрѡгѣ бжїи наре^с сѧ.</u> <u>вѣрож извѣщенїе прїе^м, іако сѣмѧ его</u> <u>свѣздамъ не^сным и морѣ пѣскѣ</u> <u>съчѣтено вждетѣ, и црїе ѿ него изыджѣ.</u> <u>..симъ и мон вѣнечникъ вѣать бывѣ,</u> <u>и нынѣ оубѡ мжжѣствовавшѣхъ, и кѣ</u> <u>естѣствѣ крѣпко ставшѣхъ вѣсѣхъ</u> <u>прѣтече далече оставѣ. многостра^лномѣ</u> <u>семѣ въ нынѣ оубѡ оупо^лви сѧ, въ</u> <u>нынѣ же того прѣвѣзѣде. и іакоже ни</u> <u>древнїи^х мжжїи прѣжде закона и въ</u> <u>законѣ сжїи^х проавленѣишїи быстѣ.</u> <u>ими же постра^л и ими же искоусисѧ.</u> <u>сице и сѣи по проповѣди сп^снои. ими же</u> <u>проповѣда. ими же наоучи. ими же</u> <u>исповѣда. ими же любовомждѣрѣствова.</u> <u>имиже подсмѣа сѧ мжкамъ іако играмъ.</u> <u>имиже чюдѡдѣствова, вѣсѣхъ кѣ^мно</u> <u>стра^лецѣ и м^нкѣ доблестѣвны^х,</u> <u>проавленѣишїи є^с, и высочанїи. и кто сѣ.</u></p>

Следует отметить, что после работ А. И. Яцимирского история текста «Похвального слова» Феодосия не была предметом специального исследования современных славистов, которые обычно повторяют его наблюдения о том, что написанное Феодосием «Похвальное слово» Иоанну Новому представляет собой переделку Мучения или само Мучение [Turdeanu 1942: 50; Бегунов 2005: 575; Турилов 2005: 161, прим. 41; Петков 2016: 670; Pelin 2017: 131].

Между тем, достаточно давно известен небольшой текст о мучении Иоанна Нового с утраченным началом и концом, сохранившийся на последних шести листах в конце рукописи *Маз.728* из 58 листов и

¹² Затерты две буквы.

определяемый в литературе как фрагмент Мучения (список *М*) [Constantinescu 1976: 16–17; Constantinescu 1986: 93 (№ 462); Pelin 2017: 132 (№ 107)].

Рукопись *Маз.728* какое-то время бытовала в составе объединенного в один переплет кодекса, в который ранее также входила рукопись *Маз.579* на 64-х листах, выполненная рукой монаха Неофита из монастыря Хомор¹³, о чем свидетельствует поздняя сохранившаяся нумерация тетрадей, сделанная во время нового переплетения рукописи [Constantinescu 1976: 13–16; Idem 1986: 93 (№ 461); Pelin 2017: 130–131 (№ 106)].

Рукопись *Маз.728*, очевидно, существовала первоначально как самостоятельный книжный блок, так как на первых и последних листах ее тетрадей частично сохранилась первоначальная, частично затертая, выполненная еще писцом кириллическая нумерация тетрадей, изначально содержащих по 8 листов, — с 1-й тетради по 4-ю (лл. 1–32). В 5-й тетради (лл. 33–38) утрачены первый и последний листы, за ней оказались утрачены полностью тетради 6–9. Далее идет полная 10-я тетрадь (лл. 39–46), также сохранившая свою первоначальную нумерацию писцом на первом и последнем листах, и следом — снова тетрадь на шести листах (лл. 47–52) с утратой первого и последнего листа. Последняя же тетрадь этого фрагмента (лл. 53–57), написанная другим почерком — беглым полууставом с элементами курсива и содержащая текст об Иоанне Новом, также не сохранила первый и последний лист.

Действительно, при первом взгляде на список *М* очевидны обширные прямые заимствования целых фрагментов текста из Мучения (см. далее текст, выделенный простым и двойным подчеркиванием в Таблице 3), а отсутствие начала и конца текста в списке *М* вполне объясняет до сих пор общепринятую его атрибуцию в литературе как фрагмент Мучения.

Однако сохранившийся текст в списке *М* одновременно характеризуется большим числом текстуальных совпадений с соответствующим фрагментом из центральной части «Похвального слова» Феодосия в списке *У*¹⁴.

¹³ Запись писца на л. 64об.: Исписа сы Правн^а, постничѣскаа ^икъ вѣнѣши^инъ страни. рѣжкожъ многогрѣшна^а та^а монаха новосаж^ена, сирѣ^ѣ Неофит^а ѿ Хомор^аскон монастырѣ: в лѣтѣ ~~ѿ~~п^аз, ѿ Ха, афон, 1578 и съврѣшиса въ днь Іоанна Новаго въ г^а ча^а днь. (Речь, видимо, идет о переписке оригинала канонических текстов, не используемых тогда в Молдавском княжестве. Например, в приписке Устава начала XVII в. (РНБ. Солов. 1129/1239, л. 5) рукой Елеазара Анзерского отмечено: «...писал в Соловецкий монастырь ко игумену Иринарху с братиею, чтобы нам пожаловали дали устав скицкой, как поют на внешней стране в синайской горе и окрест Иерусалима и на афонской горе и у нас на руси староиом ските Ниловском...» [Описание рукописей 1881: 196, отд. 1]).

¹⁴ Эти совпадения послужили ранее причиной ошибочного определения автором данной статьи фрагмента *М* как фрагмента второго, неизвестного списка Похвального слова Феодосия [Паскаль 1991: 19].

Возникающее при этом предположение, что список *М* мог быть оригиналом для списка *У*, опровергается как датами создания указанных списков¹⁵, так и отсутствием соответствия текста одной из пропущенных писцом Калистом строк, внесенных на поле списка *У* (тѣмъ же ѿ мене при помоу твоєи ерєси глїи не надѣиса) с соответствующим местом в списке *М* (тѣмъ же прочее что таково слышати ѿ мене или видѣти не надѣиса).

Наличие же большого количества совпадений текста в списке *У* и списке *М*, которые не находят своего соответствия в Мучении (см. далее выделенный курсивом текст в Таблице 3), позволяют, на наш взгляд, говорить о каком-то общем для этих списков протографе, содержащем неизвестную ранее сокращенную редакцию жития Иоанна Нового, основанную в основном на Мучении.

Судить о имеющихся в списке *М* лексических, грамматических и стилистических разночтениях по отношению к списку *У*, наиболее характерные из которых приведены ниже (подчеркнуты в тексте), можно лишь по той его части, которая сохранилась.

Таблица 2

Список У (Центральная часть)	Список М
ни послоуѣж <u>дѣнѣ</u> того почѣтае ^м , того чае ^м <u>мори пжчини даван</u> <u>ца* въздѣх наплѣнѣаше* каплѣ кръве</u> <u>м'нка. и зємла ѿмакаса</u> моєж кръви <u>второе крѣненіє прїати</u> прѣвыа бо ты рани васнѣ <u>ничтоже</u> <u>въмѣних</u> прострѣти по зємли <u>стго</u> въ тои же ноши <u>свѣтилѣ</u> <u>жидови</u> <u>оутро</u> онѣ въсѣ <u>исповѣда</u> <u>иде хотѣаше въскопавати</u> <u>бистроѣ</u> потеци <u>м'нка</u> <u>повѣда</u> правѣщоу прѣтѣ <u>сѣчав'скон</u> припадае ^м	ни послоуѣж <u>ѿгно</u> <u>то* почитаѣ и исповѣдаѣ</u> того чаѣ <u>водоѣ дави</u> <u>крѣвиѣ же ѿбагритиса въсємоу</u> <u>лицѣ полежащаго мѣста</u> моєж кръвиѣ <u>крѣшаса</u> прѣвыа бо ти рѣни ¹⁶ васнѣ <u>ни въ</u> <u>что* въмѣних</u> прострѣти по зємли <u>м'нка</u> въ ноши же тои <u>ламбады</u> <u>ѿ іоудєи</u> <u>днєви</u> онѣ въсѣ <u>сказовааше</u> <u>хотѣаше възѣати моши</u> <u>въскорѣ</u> теци <u>стго</u> <u>сказавъ</u> <u>архієренство правѣщоу црквиаа правила</u> припадаетѣ

¹⁵ Список У переписан в 1574 г., список М выполнен на бумаге с филигранью «кабан с буквой S на туловище», очень близок [Mareš 1987: № 374 (1578 г.)].

¹⁶ Очевидно, переписчик не понял правильное написание слова раны.

Эти различия свидетельствуют не только о том, что список У не мог быть оригиналом для протографа списка М, но и о существовании фактически двух вариантов этой сокращенной редакции жития Иоанна Нового, так как трудно представить, чтобы один автор — Феодосий — мог составить два столь различающиеся лексически и грамматически текста, если считать, что список М представляет собой фрагмент какого-то списка варианта «Похвального слова», составленного Феодосием.

Первый вариант, сохранившийся частично в списке М, наиболее близок по тексту и по количеству заимствований к Мучению. Второй же вариант, отразившийся в центральной части Похвального слова Феодосия, скорее всего, явился результатом редакторской правки или самим Феодосием первого варианта, или, что вероятнее, — простого копирования им какого-то списка второго варианта сокращенной редакции жития Иоанна Нового, бывшего у него под рукой¹⁷.

Кроме того, указанные ниже в Таблице 3 случаи внесения неизвестным писцом пропущенных Калистом при переписке целых строк текста, не позволяють, на наш взгляд, считать Калиста возможным автором имеющихся разночтений в списке М по отношению к списку У: судя по оставленной им записи, он выполнял поручение настоятеля в качестве послушания лишь как простой переписчик и переплетчик (двойным подчеркиванием выделены все совпадения текста с текстом Мучения, курсивом — совпадения текста в списках У и М, подчеркиванием — совпадения текста в списке М и Мучения).

Таблица 3

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение ¹⁸
<p>Іѡаннь много вѣ́мене^м ѿ прѣ́вы^х прѣ́ше(л. 201)ствѣ́е новѣ́ наре^ннь. вѣ́истинѣ́ новъ дѣ́о^м сѣ́ты^м понове^н. іако же бѣ́гословныи и трѣ́бѣ́</p>		

¹⁷ В пользу последнего предположения говорит свойственная Феодосию манера прямого заимствования практически без редактуры обширных фрагментов текстов из используемых им как источников других произведений (см. Таблицы 1, 4).

¹⁸ Текст публикуется из рукописи Гавриила Урика БРАН.164 (лл. 324–330) по изд.: [Русев, Давидов 1966: 90–108], при этом перед цитируемым фрагментом указываются листы в издании. Рукопись представляет собой минейный торжественник, включающий похвальные слова на сентябрь–июль, среди которых также: житие Иоанна Рильского (лл. 30–43об.), Илариона Мегленского (лл. 73об.–91об.), похвальное слово Михаилу воину (лл. 91об.–97об.), похвальное слово Иоанну Поливотскому (лл. 137об.–150об.), похвальное слово св. Неделе (Кириякии) (лл. 286–301об.) — сочинения Евфимия Тырновского, краткое житие Кирилла Философа («Успение Кириллово») (лл. 221об.–224об.) — анонимное произведение староболгарской литературы XII в. [Panaiteescu 1959: 245–248].

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>поновленїа почътаете рѣ. мы же новаго страѣца слаѣко мнѣ и ве^м и имѣ. великын воннъ великаѣ црѣ. неповѣдимаѣ страѣле^н плѣка, прѣмждрїи крѣмника. ев^лскы^н вѣтїи. новын апѣль. еже Паве^л въ апѣлѣхъ. сїе Іѡаннъ въ мѣникохъ, тако равно съ ними по ни^х троуднѣса. и прѣмирна селенїа въ радости агѣлѣхъ вѣнець себе съплѣтѣ. понеже пама^т правѣнаго съ похвалами тако же рѣ^н мждрен. похвална оубо въса готоваа. и чьсте^м до^с инаа. Ѡчѣство^м славенъ. кто не не вѣстѣ Трапезо^мтъ великѣ же и почъте^н. кѣ <u>Асирїѣ</u> <u>касаѣца</u>, <u>Арменїа</u> <u>великыа</u> <u>блжшии</u>. ра^д многоаго + до^стонинства <u>плавателѣнѣхъ</u> корабѣ^м <u>пристателѣ</u>+ <u>елма</u> въ то^м сѣще^м вещь до^синѣ. <u>въземѣ</u> <u>Іѡанъ</u> <u>пжчинѣ</u> <u>плавааше</u>. врѣхоу безѣны ношааше ненсѣтени влѣни прохожѣаше. млѣтинѣ кѣ нищїи^м тако млѣтївѣ <u>ржкы</u> <u>простирааше</u>. <u>вбидими^м</u> <u>застѣпникѣ</u>. <u>алѣци^м</u> <u>питателѣ</u>. <u>сыры^м</u> <u>застѣпни^к</u>. частво к боу млѣтвы слѣзни^м оче^с исплѣнѣаше. въспоминаѣ рекшаѣ. аще <u>помѣлѣ^м</u> <u>помілова^м</u> <u>бжде^м</u>. <u>и</u> <u>тако оутѣши^м</u> <u>оутѣше^н</u> <u>бжде^м</u>. <u>Сїа</u> <u>злоу</u> <u>хитрец</u> <u>и</u> <u>до(л. 201об.)</u> <u>броненавистни^к</u> <u>и</u></p>		<p>[Русев, Давидов 1966: 91] ..градъ славенъ и <u>великѣ</u>..кѣ <u>Асирїѣ</u> <u>блжшии</u>, <u>великыа</u> же <u>Арменїа</u> <u>касаѣца</u> прѣдѣла^м. не тѣкмо же нѣ и въсѣхъ морскы^н <u>плавателѣны^х</u> сѣсѣдѣ <u>пристателѣнѣ</u>..<u>елма</u> при мори сѣще мѣсто..коупла доволнѣ <u>въземѣ</u>. <u>Іѡаннѣ</u> <u>пжчинѣ</u> <u>плавааше</u>.. [Ibid.: 92] и <u>ржкѣ</u> <u>простираѣ</u>..<u>тако</u> <u>помілоуѣши</u>, <u>помілованѣ</u> <u>бждеши</u> <u>и</u> <u>тако оутѣшиши</u>, <u>оутѣшенѣ</u> <u>бждеши</u>..</p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>кѣзѣношнѣецѣ дѣаволь видѣ. не сътрѣпѣ намноꝑ попира^{нѣ} выти, ѿ славнаꝑ стра^анца. нѣ вѣрѣте себѣ съсѣ^а избрань, <u>началникъ</u> <u>кораблю</u>. латин^нскыа ереси <u>сѣщюу</u> и много соу^орова же и <u>вѣзчлѣчна</u>. и сътвори себе скровище съкрѣвено. и пошептѣ въ оуши его враж^ажъ нанести м^нкоу. и на мнѣшѣ въсполѣвшисѣ. и въ Бѣлыи гра^а сице <u>нарицае^м</u> присташи. иже кѣ <u>въспороу</u>. кѣ епарх^ѣ того града шед. пер^соу сѣщюу вклеветѣет м^ннка. и вѣлѣганіе сицево. хотѣаше врагѣ оученики свои ѣчитѣ. лѣжи ми глѣн оукрати многоцѣ^ннаго вѣра висерь въ сѣтѣ дѣа дв^м. Іѣанновѣ съхране^н. и что. навѣт^нни^к кѣ лѣжакоу глѣтѣ. е^с рѣ^н. ѿ ігемоне съ мноа мѣж^н з^ае прѣиде. ѿчѣскыа ѿстѣпѣти прѣданіа. и хр^стіанскыа ѿтоуждѣтелѣ вѣры. и твоен вѣрѣ приѿвѣщѣникъ быти. ѿ мрѣзѣсти лѣжакоу дроуга прѣдате^аства. добрѣ прѣвѣди прѣркѣ въпѣаше. изми ма ги ѿ чѣла лѣжакоу. многими клѣтвами рѣ^н въ морско^м плаваніи сѣа извѣсти. тѣ^м же таже ѿ се^м много да сътвори^н прошеніе^м. не мнѣете бѣ быти похвала. (л. 202) е^с многослови^н же и многѣмовите^н. ничи^н же вторѣи въ прѣвы^х и</p>		<p><u>..началника кораблю.</u> <u>латинскыа ереси</u> <u>сѣща</u> и много <u>соу^орова же и</u> <u>вѣзчлѣчна</u>..на <u>мнѣшѣ</u> <u>въсполѣвшисѣ</u> іако въ Бѣлыи градѣ сице нарицаемыи присташи. иже кѣ въспороу, кѣ иже тогда ѿпарх^ѣ града шедѣ, оклеветѣетъ мѣнка, персѣ оубѣ томуу сѣщюу. и вѣлѣганіе сицево естѣ рече ѿ игемѣне. мѣжѣ, иже съ мѣж зде прѣиде. ѿчѣскаго оубѣ хотѣа ѿстѣпѣти прѣданіа и хрѣстіанскыа ѿтоуждитисѣ вѣры. твоен же вѣрѣ пристѣпѣти хотѣа и прѣданіемъ вашимъ съѿвѣщѣникъ быти извѣстѣиши; мнѣгыи бѣ мнѣ сѣе клѣтвами въ морскомъ плаванні извѣсти. тѣ^м же о немъ..естѣ бѣ многѣсловни^м же и многѣмовитень и ничимъ же вторымъ въ прѣвы^х велѣмѣжен</p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>Трапезонта града. сѣа</u> <u>слышавъ</u> трѣѡѡаанна она <u>дѣа</u>, вѣзра^агваса доволними глн корабникоу оученіе своемѣ ѡцѣ дѣаѡлѣ. нж влѣкъ вѣсоуе зѣаа ѡвлѣче вѣ ѡвча^х кожа^х. и повелѣ събрати съборъ, паче * сънмище бѣсовѣское. и сѣ^а на сѣдище. сѣ чьстїѣ повелѣ призвати м^нка. да тако прїиде прѣ^а їгемоно^а.</p>		<p><u>Трапезонтѣа града.</u> <u>сѣа слышавъ</u> нечѣстиваа она <u>доуша..</u></p> <p><u>повелѣ сѣ чьстїѣ кѣ</u> <u>немоу призвати</u> <u>м^нка..</u></p>
<p><u>слыша^х ѡ тебе</u>, ѡ вѣ мѣже^х <u>изрѣ^аныи</u> рече м^нте^а. <u>ѣа</u> <u>нашеа вѣры</u> привѣщникъ быти вѣсхоуе^и, и твоеа вѣры <u>ѣако</u> ничтоже сѣще ѡтоуж^аитисѣ вѣсхоуе^и. добръ дрѣже мысль прїаль еси, и сѣ нами сла^ака мира цр^ство насла^ашисѣ. <u>тѣ^а же</u> <u>свѣтлоу гласо^а прѣ^а</u> <u>вѣсѣ^а народо^а вѣрж твоа</u> <u>похоули</u>. сего ра^а вѣ наро^а сѣ жена^а и сѣ дѣтѣ^а слышати блгоухваленіе нашеи вѣры ѡ оустѣ твои ж^аеть. <u>грѣди^а</u>¹⁹ сѣ нами и чѣкы, и прослави свѣтозарное сѣнце. и прѣ^авѣсѣаващїѣ свѣз^аы. и црѣмь познанъ бѣде^и, и на^а дрѣ^а прны^а. вѣ нелико^а пѣстры^а злобож ѡнъ мѣ^а ласкателлини глн ѡглашааше оушн м^нника. ѡ^а сѣкрѣвено скровище вѣ срѣце глѣ сѣсовѣ</p>	<p>(л. 53) <u>ѣаже оубо о тебе^а</u> <u>доволно слыша^х ѡ мѣже^х</u> <u>изрѣ^аныи</u>. <u>ѣако</u> нашеа вѣры привѣщникъ быти вѣсхоуеши. и твоеж вѣры <u>ѣако</u> ничто^а сѣще ѡтѣждитисѣ вѣсхоуеши. добръ дрѣже мысль прїаль еси, и сѣ нами сла^акаа мира цр^ства насладишисѣ. <u>тѣ^а же</u> <u>свѣтлоу гласо^а прѣ^а</u> <u>вѣсѣ^а народо^а вѣрж твож</u> <u>похѣли</u>. сего ра^а вѣ нарѡ^а сѣ женами и дѣтми слышати блгоухваленіе нашеи вѣры ѡ оустѣ твои^а ждеть. <u>гради</u> и прочее ѡ десне^а²⁰, стани сѣ нами чѣкы, свѣтозарное прослави сѣнце и прѣ^авѣсѣаващаа <u>свѣзда</u>, и црѣмь познанъ бѣдеш, и на^а дроу^а пр^аныи и сла^ачанишїи. <u>вѣ</u></p>	<p><u>ѣаже о тебе^а доволно</u> <u>слышахъ ѡ вѣ</u> <u>мѣжехъ изрѣдныи..</u></p> <p>[Ibid.: 94] <u>..тѣхъ</u> <u>свѣтлоу гласомъ</u> <u>похоули прѣд</u> вѣсенарѡдныи сими събѡришомъ. сего бѡ ради коупно вѣси женами же и дѣтми <u>..нашеи</u> и благонарочитыѣ вѣры. <u>гради</u>. прочее. ѡ, чюдесне. стани сѣ нами и чѣкы и свѣтлѣишнми гласомъ свѣтозарное прослави сѣнце и чьстѣ вѣздан и ниже томоу прѣдвѣсѣаващїю.</p>

¹⁹ Вероятно, пропущена одна строка при переписке.

²⁰ Возможно, неправильное прочтение переписчиком, посчитавшим выражение ѡдесне стани — как «станѣ справа».

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>крыше</u>. ег^а ведени бждете. прѣ^а црѣ ре^а (л. 202об.) <u>не прѣ^апоучанте^с</u>, что възг^аете. или что ѿвѣща^ете да^с бо са ва^а глѣ еже глати иже не възмог^жт противжстати противѣ^жщенса ва^а. и чювест^внима очима видѣ^ти²¹ сатана съвѣ^тѹ^жща епарх^ѹ. и ре^а мни^иши ми са слѣгати ѿ игемоне ре^а м^нкѣ. <u>ѿ^а ни въ оумь прѣити ми ѿврѣци^и еже Ха моего вѣрж. нж ѿцѣ твои и оучитель сатана б^ла^а н^а из оусть твои излѣ^е. мнѣ^ѣ же да не бждет^ѣ дх^оу ст^им^ѹ слѣгати. таже поро^а ма банѣкр^ѣщеніе^а. и просвѣ^т ма па^а сн^аца с^ажца. и грѣхы твои аще хоцеш^и боу моему вѣровати па^а л^ана и свѣ^за^аи ноцѣ тѣмж ѿганѣ^е. дшж твоа просвѣща^е. аще ли не въсхоцеш^и съ множ^и снѣ свѣ^та быти. что ма въ малѣ прѣпираеш^и тварь почитати па^а зиж^аителѣ. въ малѣ помрѣк^не^а и въ малѣ па^акы ѿс^аетъ по повелѣніе стронивша^а н^ѣ. с^аа и сицева м^нкоу изрекшоу ѿбрадованно, къ вѣсѣ^а лице^а свѣ^тло^а тавлѣса. и ре^а, да не бждет^ѣ ми ѿврѣциса Ха моего съ безнач^аа^аномуу ѿцоу, и животвораши^а дх^о. ниже поклонѣ^тиса сн^ацоу, ни</u></p>	<p><u>нелко^ж пѣстрын ѿ^а мж^ж злобож ласкате^аними гл^ии глаша^аше оуши м^нника. ѿнѣ съкр^ѣвено скровище въ ср^аце глѣ спс^ѹвъ крыше. ег^аа ведени бждете прѣ^а цр^ии ре^а. не прѣ^апоучанте са что възг^аете, или что ѿвѣща^ете, да^с (л. 53об.) бо са ва^а глѣ ем^ѹж^ж не възмог^жт притивжстати противѣ^жщенса ва^а. и чювест^внима очима възрѣ^въ на мж^нитела, дш^ѣвными очима видѣ сатана съвѣ^тоу^жща епарха, ре^а м^нкѣ мниши ми са лѣгати ѿ игемоне. <u>ѿ^а ни въ оумь прѣити ми ѿврѣциса еже въ Ха моего вѣрж да не бждет^ѣ, нж ѿцѣ твои и оучитель твои сатана б^ла^ади из оусть твои излѣ^а. мнѣ^ѣ да не бждет^ѣ дх^оу ст^им^ѹ слѣгати, таже поро^ади ма банѣкр^ѣщеніе^а. и просвѣ^ти ма паче сн^аца с^ажца, паче * вѣровати по^аба^етъ творцоу въсѣ^амъ неже ли съз^аанію, что ма въ малѣ прѣпираеш^и и тварь почитати паче зиж^аителѣ, въ малѣ помрѣк^не^а и въ малѣ па^акы ѿс^аетъ по повелѣнію стронивша^а н^ѣ. с^аа и сицева м^нкѣ изрекшоу ѿбрадованно,</u></u></p>	<p><u>свѣ^здѣ^ѣ. брат прѣ^аныи и сла^ачаниши^и. въ нелко^ж с^аа пѣстрын онѣ злобож.. егда ведени бждете прѣ^а цр^ии и кн^ази имени моего ради, ре^а. не прѣ^ажде поучанте са что възг^аете, или что ѿвѣща^ете въ онѣ час, дасть бо са ва^амъ глѣ емоу же не възмог^жтъ притивжстати противѣ^жщенса ва^амъ. таже и чювест^внима очима възрѣ^въ на м^нтлѣ ржкж же простеръ бл^аг^ѹдрѣзновенно ѿтвѣща мниши ми са, рече, лѣгати игем^ѹне ..да не бждет^ѣ.. на оумь с^ае когда прѣити ми.. сатанж оца твоего..</u></p> <p>[Ibid.: 96] <u>да не бждет ми ѿврѣциса тебе Хе съ безнач^аа^аным ти ѿцем и Прѣ^аст^ѹм дх^омъ. не поклонса</u></p>

²¹ Зачеркнуто писцом. Вероятно, пропущена одна строка при переписке.

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>послоужжѣ ѡнѣ. ни</u> <u>пожрѣ звѣздамъ.</u> <u>тѣхъ зомени</u>ство (л. 203) <u>бл҃га страсти.</u> <u>сѣа мѣнкоу</u> <u>дрѣзнованнымъ слово</u> <u>глаголю.</u> и <u>прѣжѣ</u> <u>убрадованень мѣтель,</u> <u>нигѣ посрамлѣ.</u> прѣ^ѣ <u>хѣлимаго моего Іса</u> <u>вѣрж, Іванѣ прѣ</u> <u>народѣ похвалимаго.</u> <u>мои вѣнчѣнигѣ исплѣни</u> <u>писаніе прѣ^ѣ цр҃і не</u> <u>стыдѣтсѣ.</u> <u>вѣнчѣтрѣ</u> <u>гнѣва распалѣсѣ епѣхѣ.</u> <u>ничтожѣ сѣровство ѡмѣчи.</u> <u>нж повелѣ</u> вѣставити <u>мѣнка, и скорѣ</u> слова. <u>вѣ</u> <u>Хѣ</u> вѣлѣченныи на^ѣ <u>посрѣ^ѣ ста.</u> та^ѣ и жезлы <u>множества прѣ^ѣставити</u> <u>повелѣ.</u> ты ли еси нашен <u>вѣры обѣщате^ѣ</u> <u>басносказате^ѣ мѣтель,</u> <u>мѣнкоу рече.</u> и твои <u>неполезныи вѣры</u> <u>ѡмѣ^ѣнигѣ.</u> нашен <u>оукраститисѣ законн</u> <u>обѣщасѣ прочее</u> <u>длѣгогланіе вѣстави.</u> и <u>поклонисѣ снѣцѣ, аще ли</u> <u>ни си^ѣ жезде^ѣ раздробѣ</u> <u>тѣло твое.</u> послѣжѣ^ѣ <u>горкожѣ сѣмѣртѣ прѣ^ѣда</u> <u>тѣ.</u> и мѣнкѣ, нѣсѣмъ <u>басносказате^ѣ іако же ты</u> <u>блѣдословыши.</u> <u>ѡ</u> вѣсе <u>скѣрѣне.</u> и помраченѣ <u>лѣстѣж.</u> нж <u>Хѣ</u> моего <u>нигѣ</u> <u>проповѣ^ѣнигѣ.</u> и</p>	<p>къ вѣсѣ^ѣ лице^ѣ свѣтло^ѣ <u>авѣлѣсѣ и рече,</u> да не бѣде^ѣ <u>ми ѡвѣрѣсѣсѣ Хѣ</u> моего <u>сѣ</u> <u>безначѣ</u> (л. 54) <u>аны^ѣ ти</u> <u>ѡцѣмъ и прѣсѣтѣнѣмъ</u> <u>Дхѣмъ.</u> <u>не поклонѣсѣ снѣцоу, ни</u> <u>послоужжѣ ѡгню, не пожрѣ</u> <u>звѣздамъ тѣхъ зомени</u>тон <u>бл҃га страсти.</u> сѣа мѣнкѣ^ѣ <u>дрѣзнованнымъ слово</u> <u>глаголю,</u> и <u>прѣжѣ</u> <u>убрадованень мѣтель,</u> <u>нигѣ посрамлѣ.</u> прѣ^ѣ <u>хѣлимаго</u> <u>моего Іса вѣрж, Іванномъ</u> <u>прѣ^ѣ народѣ</u> похвалимаго. <u>мои вѣнчѣнигѣ исплѣни</u> <u>писаніе глаголющѣ прѣ^ѣ царн</u> <u>не стыдѣтсѣ вѣнчѣтрѣ</u> <u>гнѣвомъ распалѣсѣ епѣхѣ,</u> <u>ничтожѣ сѣровство ѡмаки,</u> <u>повелѣ</u> <u>воинѣмъ ѡ</u> одеждѣ <u>сѣвѣлѣши мѣника, и скорѣ</u> <u>слова вѣ Хѣ</u> вѣ^ѣ <u>вѣлѣченныи нагѣ прѣ^ѣста.</u> <u>та^ѣ и жезлы</u> <u>множество</u> <u>прѣ^ѣставити повелѣ.</u> и <u>вѣзрѣвѣ къ мѣнкѣ рече,</u> <u>басносказате^ѣ быти на^ѣ не</u> <u>вѣщасѣ, нж неполезныи</u> <u>своеи вѣры ѡметнигѣ, и</u> <u>нашими оукраститисѣ</u> <u>законн обѣщасѣ.</u> прочее <u>длѣгогланіе вѣстави.</u> и <u>поклонисѣ снѣцоу, аще ли</u> <u>ни си^ѣ же</u> (л. 54об.) <u>зѣдемъ</u> <u>раздробѣ</u> <u>тѣло твое.</u> <u>послѣжѣ</u> <u>горѣни сѣмѣрти</u> <u>прѣ^ѣда</u> <u>тѣ.</u> и мѣнкѣ, нѣсѣмъ <u>басносказате^ѣ іакожѣ ты</u> <u>блѣдословиши, ѡ</u> вѣсе <u>скѣрѣне и помраченѣ</u> <u>лѣстѣж.</u> нж <u>Хѣ</u> моего <u>нигѣ</u></p>	<p><u>снѣцоу, не послоужжѣ</u> <u>ѡгню, не пожрѣ звѣздамъ</u> <u>тѣхъ зомени</u>тон <u>бл҃га</u> <u>страсти.</u> сѣа мѣнкоу <u>дрѣзнованнымъ</u> <u>словомъ глаголю,</u> и <u>лица</u> <u>убрадованіемъ.</u> <u>мѣтель, иже..</u></p> <p>..вѣнчѣтрѣ гнѣва <u>распалѣемъ..</u></p> <p>..повелѣ <u>воинѣмъ ѡ</u> <u>одежда сѣвѣлѣши</u> <u>мѣника..</u></p> <p>..нагѣ посрѣдѣ стоаше <u>иже вѣ Хѣ</u> <u>вѣлѣченныи.</u> <u>таже и жезлы</u> <u>множество</u> <u>прѣ^ѣставити повелѣ.</u> <u>и вѣзрѣвѣ мѣнкоу</u> <u>рече, басносказате^ѣ</u> <u>быти нам не вѣщасѣ,</u> <u>нж неполезныи</u> <u>своеи</u> <u>вѣры ѡметнигѣ..</u> и <u>нашими [Ibid.: 98]</u> <u>оукраститисѣ</u> <u>законн</u> <u>обѣщасѣ.</u> прочее <u>длѣгаа</u> <u>сѣа лихѣогланіе оставѣ..</u> <u>свѣтозарномуу снѣцоу</u> <u>поклонисѣ, аще ли ни..</u> <u>сими жезлами</u> <u>твои</u> <u>сѣдѣрѣмъ</u> <u>плѣти..</u> и <u>конѣцѣ</u> <u>горчанишѣ</u> <u>сѣмѣрти прѣ^ѣда.</u> и <u>мѣнкѣ, не баснословиши</u></p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>прѣродителѣ</u> не ѿвръгъсѧ <u>вѣрж</u>. еже <u>въ Трѣце славимаго Бга</u>. <u>того почтае</u>^и, и тако <u>мждръствѣи</u>^и. <u>того чае</u>^и <u>сждити живы</u>^и и <u>мртвы</u>^и. и <u>възѣати</u> <u>комоужо по дѣло</u>^и <u>его</u>. <u>иже нбо простеръ</u> и <u>слнце</u>^и и <u>лоунож</u> и <u>звѣзѣа</u>^и <u>оукраси</u>. + <u>тѣ</u>^и <u>же ѿ мене</u> при помоу твою ереси глѧ <u>не надѣисѧ</u>. + <u>иже</u> (л. 203об.) <u>прѣжѣ рѣх</u> и <u>ниѣ рекж</u>. а еже <u>въ тебѣ</u> <u>съкръвенный</u>, <u>и</u> <u>изстави ѿ оустъ аспидъ</u> <u>твое</u>. и <u>оученіе</u> <u>ица</u> <u>твое</u> <u>дѣвола</u> <u>ѿкры</u>. <u>мѣтскыи съсжди</u> <u>приготови</u>. <u>сѣци</u>. <u>заколи</u>. <u>и</u> <u>огне</u>^и <u>попали</u>. <u>мори пжчини</u> <u>даван</u>. <u>въсѣк ѿ тѣла</u> <u>мое</u> <u>сълони</u>. <u>елнко</u> <u>нанесеш ми</u> <u>мжкы</u>, <u>только</u> <u>различными</u> <u>врѣсти</u> <u>оукрасе</u>^и <u>вѣнецъ</u>. <u>сіа</u> <u>въсѣ</u> <u>готовъ</u> <u>есѣ</u> <u>трѣпѣти</u> <u>за любовь</u> <u>Ха</u> <u>мое</u>. <u>сѣровѣство</u> и <u>безчлвѣчны</u> <u>гнѣвъ</u> <u>распалисѧ</u> <u>мѣте</u>. <u>такова</u> <u>ѿ мѣника</u> <u>слыша</u>. <u>повелѣ</u> <u>прострѣти</u> <u>его</u> <u>по земан</u>, и <u>бити</u> <u>немѣтвно</u>. <u>и</u> <u>въздѣх</u> <u>напѣтъбаше</u> <u>каплѣ</u> <u>крѣве</u> <u>мѣнка</u>. и <u>земла</u> <u>шмакаса</u>. и <u>оумнѣи</u> <u>очи</u> <u>свои</u> <u>възведе</u> <u>къ боу</u>, <u>испѣцааше</u> <u>гла</u>. <u>благодарѣ</u> <u>та рѣ</u> <u>влѣко</u> и <u>Бѣ</u>. <u>и</u> <u>спѣви</u></p>	<p><u>проповѣани</u>. <u>его</u> <u>ѿ</u> <u>прѣродителѣи</u> <u>же</u> и <u>родителѣи</u> <u>навику</u> <u>вѣрж</u>. <u>иже</u> <u>въ Тронци славимаго</u> <u>и</u> <u>покланѣмаго</u>. <u>то</u> <u>почитаж</u> и <u>исповѣдаж</u>, и <u>того</u> <u>чаж</u> <u>сждѣа</u> <u>живы</u>^и и <u>мртвы</u>^и. <u>иже</u> и <u>прѣиде</u> <u>въздаж</u> <u>комоужо по дѣло</u>^и <u>его</u>. <u>иже</u> <u>нбо простерѣи</u> и <u>слнце</u>^и и <u>лѣнож</u> и <u>звѣзѣами</u> <u>оукраси</u>. <u>тѣ</u>^и <u>же</u> <u>прочее</u> <u>что</u> <u>таково</u> <u>слышати</u> <u>ѿ мене</u> <u>или</u> <u>видѣти</u> <u>не надѣисѧ</u>. <u>иже</u> <u>прѣжѣ</u> <u>рѣх</u> и <u>ниѣ</u> <u>режж</u> <u>ти</u>. а еже <u>въ тебѣ</u> <u>песѣи</u> <u>нравъ</u> <u>съкръвенный</u> <u>и</u> <u>изстави ѿ оустъ аспидны</u> <u>твое</u>. и <u>оученіе</u> <u>ица</u> <u>твоего</u> <u>дѣвола</u> <u>ѿкры</u>, <u>мѣтскыи</u> <u>съсжди</u> <u>приготови</u>, <u>сѣци</u>, <u>заколи</u>, <u>и</u> <u>огне</u>^и <u>попали</u>, <u>водо</u> <u>ж</u> <u>дави</u>, <u>въсѣк</u> <u>оудъ</u> <u>тѣла</u> <u>моего</u> <u>сълони</u>, <u>елнки</u> <u>нанесеш ми</u> <u>мжкы</u>, <u>только</u> <u>различными</u> (л. 54а) <u>врѣсти</u> <u>оукраситсѧ</u> <u>вѣнецъ</u>. <u>сіа</u> <u>въсѣ</u> <u>готовъ</u> <u>есѣ</u> <u>трѣпѣти</u> <u>за любовь</u> <u>Ха</u> <u>моего</u>. <u>сѣрово</u> и <u>безчлвѣчно</u> <u>гнѣвомъ</u> <u>распалисѧ</u> <u>мѣте</u>, <u>такова</u> <u>ѿ мѣника</u> <u>слыша</u>. <u>повелѣ</u> <u>прострѣти</u> <u>его</u> <u>по земан</u>, и <u>бити</u> <u>немѣтвно</u> <u>жездѣемъ</u>. <u>крѣвѣж</u> <u>же</u> <u>обагритисѧ</u>. <u>въсемоу</u> <u>лицу</u> <u>полежащаго</u> <u>мѣста</u>. и <u>оумнѣи</u> <u>очи</u> <u>свои</u> <u>възведе</u> <u>къ Боу</u> <u>испѣцааше</u> <u>гла</u>, <u>благодарѣ</u> <u>та рѣ</u> <u>влѣко</u> и <u>Бѣ</u> <u>и</u> <u>яко</u> <u>спѣви</u> <u>ма</u> <u>еси</u></p>	<p><u>азъ</u> <u>яко</u> <u>же</u> <u>ты</u> <u>глѣши</u>, <u>и</u> <u>въсѣ</u> <u>кож</u> <u>скверны</u> <u>исплънене</u> <u>иже</u> <u>истиннаго</u> <u>Бга</u> <u>рабъ</u> и <u>ниѣ</u> <u>проповѣани</u> <u>иже</u> <u>въ Тронци славимаго</u> <u>же</u> и <u>покланѣмаго</u> <u>его</u> <u>ѿ</u> <u>прѣродителѣи</u> <u>же</u> и <u>родителѣи</u> <u>навику</u> <u>ѿ</u> <u>ѿровати</u>. и <u>то</u> <u>чаж</u> <u>сждѣж</u> <u>живымы</u> и <u>мртвымы</u> <u>иже</u> <u>прѣиде</u> <u>въздаж</u> <u>комоужо по дѣло</u>^и <u>его</u>. <u>тѣ</u>^и <u>же</u> <u>прочее</u> <u>что</u> <u>таково</u> <u>слышати</u> <u>ѿ мене</u> <u>или</u> <u>видѣти</u> <u>не надѣисѧ</u>. еже <u>бѣ</u> и <u>прѣвѣ</u> <u>рѣхъ</u>. <u>сѣ</u> и <u>ниѣ</u> <u>режж</u>. <u>иже</u> <u>крѣвѣи</u> <u>ѿ</u> <u>тебѣ</u> <u>песѣи</u> <u>нравъ</u>. <u>и</u> <u>аспидъ</u> <u>по</u> <u>устами</u> <u>и</u> <u>хъ</u>. <u>и</u> <u>иже</u> <u>здѣемъ</u>. <u>и</u> <u>огне</u>^и <u>сѣжисѧ</u>. <u>водо</u> <u>ж</u> <u>дави</u> <u>мечемъ</u> <u>сѣдрабѣи</u>. <u>за</u> <u>любовъ</u> <u>Ха</u> <u>моего</u>. [Ibid.: 98] <u>и</u> <u>иже</u> <u>сѣровѣствомъ</u> <u>мжчители</u>. <u>разгорѣсѧ</u> <u>гнѣвомъ</u> <u>повелѣвае</u> <u>въсѣ</u> <u>корѣ</u> <u>того</u> <u>по</u> <u>земан</u> <u>протѣгнжти</u> и <u>жездѣемъ</u> <u>сжкатымы</u> <u>немнѣстивно</u> <u>бити</u>. <u>и</u> <u>крѣвѣж</u> <u>же</u> <u>обагритисѧ</u>. <u>въсемоу</u> <u>лицу</u> <u>полежащаго</u> <u>мѣста</u>. <u>и</u> <u>нбо</u> <u>възведе</u> <u>оумнѣи</u> <u>очи</u>. <u>благодара</u> <u>та</u> <u>рече</u></p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>ма</u> еси <u>моен</u> <u>кръви</u> второе <u>кръшеніе</u> <u>пріати</u> <u>грѣховнымъ</u> <u>скврѣны</u> <u>ѡмытиса</u>. <u>сѧ</u> <u>слышавъ</u> <u>погыбѣлны</u> <u>снове</u>. <u>тарости</u> <u>наскочивши</u> <u>бѣаше</u> <u>толико</u> <u>яко</u> <u>ни</u> <u>гласъ</u> <u>слышатѣ</u> <u>ѡ</u> <u>мѣнка</u>. <u>и</u> <u>повелѣ</u> <u>ѡвести</u> <u>яко</u> <u>мртвоу</u> <u>стѣго</u> <u>и</u> <u>въвръгнѣти</u> <u>въ</u> <u>теѣ</u> <u>нищѣ</u>. <u>въ</u> <u>приходѣ</u> <u>шю</u>, <u>оутро</u> <u>въще</u> <u>нанести</u> <u>емоу</u> <u>томленіе</u>. <u>на</u> <u>оутрѣа</u> <u>звѣровиѣ</u> <u>нынѣ</u> <u>онѣ</u> <u>и</u> <u>злооумныи</u> <u>мѣте</u>, <u>сѣ</u> <u>на</u> <u>сѣдище</u> <u>и</u> <u>сѣ</u> <u>ни</u> <u>трѣплетена</u> <u>зѣмѣ</u>. <u>и</u> <u>привести</u> <u>ѡ</u> <u>теѣ</u> <u>ни</u> (л. 204) <u>цѣ</u> <u>стѣго</u> <u>скоро</u> <u>посла</u>. <u>агглі</u> <u>послѣдоваахѣ</u> <u>пжѣ</u> <u>творяхѣ</u> <u>мѣникоу</u>. <u>шжедаахѣ</u> <u>пострамленѣ</u> <u>быти</u> <u>дѣаво</u>. <u>е</u> <u>ство</u> <u>тѣлѣ</u> <u>бесплѣ</u> <u>ны</u> <u>попрани</u>. <u>да</u> <u>яко</u> <u>видѣ</u> <u>его</u> <u>мѣте</u> <u>обрадованно</u> <u>лице</u>. <u>и</u> <u>радо</u> <u>ножѣ</u> <u>дшежѣ</u> <u>вънѣ</u> <u>трѣ</u> <u>ве</u> <u>ліе</u> <u>стѣго</u> <u>дѣа</u> <u>исплѣ</u> <u>не</u>. <u>видѣ</u> <u>лѣ</u> <u>еси</u> <u>ѡ</u> <u>Іванѣ</u> <u>въ</u> <u>толико</u> <u>вчера</u> <u>раздробленіе</u> <u>твое</u> <u>тѣло</u> <u>достиге</u> <u>непокорство</u> <u>еже</u> <u>въ</u> <u>тебѣ</u> <u>ре</u> <u>мѣте</u>, <u>да</u> <u>аще</u> <u>послоушаешѣ</u> <u>сѣвѣ</u> <u>та</u> <u>моего</u>. <u>и</u> <u>нарочитѣ</u> <u>ни</u> <u>нашен</u> <u>вѣры</u> <u>повынешиса</u> <u>и</u> <u>маши</u>. <u>сжѣ</u> <u>блѣгаразѣ</u> <u>ни</u> <u>зѣ</u> <u>врачевѣ</u> <u>и</u> <u>многохитросни</u>. <u>ѡ</u> <u>Індѣжѣ</u> <u>и</u> <u>Персидѣ</u> <u>прише</u> <u>шѣ</u>. <u>и</u> <u>цѣло</u> <u>въ</u> <u>прѣво</u> <u>бытѣ</u> <u>и</u> <u>зѣ</u> <u>астѣ</u> <u>тѣло</u> <u>твое</u> <u>имать</u>. <u>аще</u> <u>ли</u> <u>и</u> <u>еще</u> <u>въ</u> <u>непокорство</u> <u>и</u> <u>хрѣ</u> <u>тѣ</u> <u>анскыѣ</u> <u>мждрѣ</u> <u>ствоуѣ</u> <u>шѣ</u> <u>и</u> <u>вѣры</u>.</p>	<p><u>моежѣ</u> <u>крѣвѣжѣ</u> <u>крѣ</u> <u>шѣ</u> <u>шасѣ</u>. <u>грѣховнымъ</u> <u>скврѣны</u> <u>чисто</u> <u>ѡмыти</u>. <u>сѧ</u> <u>слышавъ</u> <u>погыбѣлны</u> <u>снове</u> <u>ѡ</u> <u>и</u> <u>хѣ</u> <u>же</u> <u>ре</u> <u>мѣ</u> <u>нкѣ</u> <u>таростіжѣ</u> <u>наскочивши</u> <u>бѣаше</u> <u>толико</u> <u>яко</u> <u>ни</u> <u>гласа</u> <u>слышатиса</u> <u>ѡ</u> <u>мѣнка</u>. <u>и</u> <u>повелѣ</u> <u>ѡвести</u> <u>яко</u> <u>мртѣа</u> <u>стѣго</u> <u>и</u> <u>въвръгнѣти</u> <u>въ</u> <u>те</u> <u>мнищѣ</u>. <u>въ</u> <u>приходѣ</u> <u>шю</u>, <u>оутро</u> <u>въще</u> <u>нанести</u> <u>емоу</u> <u>томленіе</u>. <u>на</u> <u>оутрѣа</u> <u>звѣровиѣ</u> <u>нынѣ</u> <u>онѣ</u> <u>и</u> <u>злооумныи</u> <u>мѣтель</u>, <u>сѣ</u> <u>на</u> <u>сѣдищи</u> <u>и</u> <u>сѣ</u> <u>ни</u> <u>трѣплетенѣ</u> <u>зѣмѣ</u>, <u>и</u> <u>привести</u> <u>ѡ</u> <u>теѣ</u> <u>нищѣ</u> <u>стѣго</u> <u>скоро</u> <u>посла</u>. (л. 54аоб.) <u>агглі</u> <u>послѣдѣ</u> <u>ваахѣ</u> <u>пжѣ</u> <u>творя</u> <u>мѣ</u> <u>никѣ</u>, <u>шжедаахѣ</u> <u>посрамленѣ</u> <u>быти</u> <u>дѣаволѣ</u>, <u>е</u> <u>ство</u> <u>тѣлѣ</u> <u>бесплѣ</u> <u>ны</u> <u>попрани</u>. <u>да</u> <u>яко</u> <u>видѣ</u> <u>его</u> <u>мѣтель</u> <u>обрадоваанно</u> <u>лице</u>, <u>и</u> <u>радо</u> <u>стѣножѣ</u> <u>дшежѣ</u> <u>вънѣ</u> <u>трѣ</u> <u>бо</u> <u>стѣго</u> <u>дѣа</u> <u>исплѣ</u> <u>нень</u>. <u>ре</u> <u>мѣ</u> <u>те</u> <u>видѣ</u> <u>лѣ</u> <u>еси</u> <u>ѡ</u> <u>Іваннѣ</u> <u>въ</u> <u>толико</u> <u>вчера</u> <u>раздробленіе</u> <u>твое</u> <u>тѣло</u> <u>достиге</u> <u>непокорство</u> <u>еже</u> <u>въ</u> <u>тебѣ</u>. <u>да</u> <u>аще</u> <u>послѣ</u> <u>шаешѣ</u> <u>сѣвѣ</u> <u>та</u> <u>моего</u>, <u>нарочитѣ</u> <u>ни</u> <u>нашен</u> <u>вѣры</u> <u>повынешиса</u>, <u>сжѣ</u> <u>блѣгаразѣ</u> <u>мни</u> <u>зѣ</u> <u>врачевѣ</u> <u>и</u> <u>многохитросни</u>. <u>ѡ</u> <u>Індѣжѣ</u> <u>и</u> <u>Персидѣ</u> <u>прише</u> <u>шѣ</u>. <u>и</u> <u>цѣло</u> <u>въ</u> <u>прѣвое</u> <u>бытѣ</u> <u>и</u> <u>възрѣ</u> <u>стѣ</u> <u>тѣло</u> <u>твое</u> <u>бжде</u>. <u>аще</u> <u>ли</u> <u>и</u> <u>еще</u> <u>хрѣ</u> <u>тѣ</u> <u>аннѣ</u> <u>еси</u>, <u>въ</u> <u>ще</u> <u>множааншаа</u></p>	<p><u>влѣко</u> <u>и</u> <u>Бѣ</u> <u>понеже</u> <u>ма</u> <u>моен</u> <u>сподобилѣ</u> <u>еси</u> <u>крѣвѣжѣ</u> <u>крѣ</u> <u>шѣ</u> <u>шасѣ</u>. <u>грѣховнымъ</u> <u>скврѣны</u> <u>чисто</u> <u>ѡмытиса</u> <u>погыбѣлнѣ</u> <u>и</u> <u>же</u> <u>снѣ</u> <u>ве</u> <u>ѡ</u> <u>и</u> <u>хѣ</u> <u>же</u> <u>рече</u> <u>м</u> <u>ч</u> <u>нкѣ</u> <u>таровѣ</u> <u>сти</u> <u>нанѣ</u> <u>исплѣ</u> <u>ншесѣ</u> <u>сице</u> <u>сѣ</u> <u>дрѣ</u> <u>вниша</u> <u>рана</u> <u>ми</u>. <u>въ</u> <u>те</u> <u>мнищѣ</u> <u>яко</u> <u>нѣ</u> <u>кыи</u> <u>мрѣ</u> <u>тъ</u> <u>въ</u> <u>троу</u> <u>пѣ</u> <u>въ</u> <u>мета</u> <u>жѣ</u> <u>тъ</u>. <u>прѣ</u> <u>дѣ</u> <u>сѣ</u> <u>дѣ</u> <u>звѣровиѣ</u> <u>нынѣ</u> <u>онѣ</u>. <u>сѣ</u> <u>вѣ</u> <u>тло</u> <u>мѣ</u> <u>лицѣ</u> <u>мѣ</u>, <u>и</u> <u>радо</u> <u>стѣножѣ</u> <u>дшежѣ</u>. <u>зриши</u> <u>ли</u> <u>Іваннѣ</u> <u>в</u> <u>которое</u> <u>безчѣ</u> <u>стѣ</u> <u>твоимѣ</u> <u>непокорствомѣ</u> <u>приведен</u> <u>выстѣ</u> <u>тъ</u>. <u>сжѣ</u> <u>ѡ</u> <u>у</u> <u>нас</u> <u>врачевѣ</u> <u>многохѣ</u> <u>дѣ</u> <u>жѣ</u> <u>ни</u> <u>ѡ</u> <u>Індѣжѣ</u> <u>и</u> <u>Персидѣ</u> <u>при</u> [Ibid.: 102] <u>шѣ</u> <u>дѣ</u> <u>шѣ</u>. <u>аще</u> <u>ли</u> <u>и</u> <u>еще</u> <u>хрѣ</u> <u>тѣ</u> <u>аннѣ</u> <u>еси</u>, <u>въ</u> <u>ѣ</u> <u>ждѣ</u> <u>яко</u> <u>множааншаа</u> <u>тебѣ</u> <u>шжедажѣ</u> <u>зѣ</u>. <u>и</u> <u>мѣ</u> <u>нкѣ</u>.</p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>вѣще множаншаа ѡжѣдаѣтѣ тебе зла. и смърти не ѡгонежнеи горкыа. и мнѣ. о мысли твоеи таже на ма оумислиа еси нанести ми зла. оученіе сатани ѡца твоего твори. попеченіе о се не има. раздроби истъни тѣло мое тебѣ тако игралице повръгоу.</u></p> <p><u>дѣла моя нынѣ ѡжѣдаѣтѣ вѣкъ его же нѣс кѡца. поелико же вѣнѣшныи члѣкъ растлѣвается, потолкико вѣнѣтрѣ ѡбнавлѣтѣсѣ рече великѣи Павел. аще ли что ново оумислиа еси твори. (л. 204об.) мое же попеченіе нѣс ино развѣ до конца прѣтрѣпѣти, за люба еже въ самоу Хѣ. тако же рече прѣтрѣпѣвыи до конца тѣ спсѣтсѣ. прѣвыи бо ты рани васнѣ ничтоже вѣмѣни.</u></p> <p><u>ѡма тако кова на тебе тѣло мое прѣлеже, почто же късниши. слѣди сатаниноу, сѣ слыша мѣте, вѣмнѣ недѡмѣвса, ѡ прѣмждрости глѣ мѣнка. вѣсопѡтанте в него оустрѣми гнѣвъ вѣнѣтрѣ оума мѣтелѣ. и толико яростѣж исплѣнса. ѡ вѣсады его сътрѣсѣ. и повелѣ слѣга скоро прострѣти по землѣ стго. и тако на мнѣ ча прѣмѣнѣватѣ слѣга быше адаманскыи ѡны оуды. нынѣ же ѡ стго не слышаса. тѣкмо оустнани</u></p>	<p><u>ѡжѣдаѣтѣ тебе зла, и смърти не ѡгонежнеи горкыа. и мнѣ о мысли твоеи таже на ма оумислиа еси нанести ми зла твори, попеченіе ѡ се не има, раздроби истъни тѣло мое тебѣ тако игралице по (л. 55) вѣргоу. дѣла моя нынѣ ѡжѣдаѣтѣ вѣкъ его нѣс конца. поелико вѣнѣшныи члѣкъ растлѣвается, потолкико вѣнѣтрѣнѣшныи ѡбнавлѣтѣсѣ рече великѣи Павел. аще ли что ново оумислиа еси твори. мое попеченіе нѣс ино развѣ до конца прѣтрѣпѣти; о оукрѣплѣжциа ма Хѣ. самъ бо рече. прѣтрѣпѣвыи до конца тѣ спсѣтсѣ. прѣвыи бо ты рѣни васнѣ ни въ что вѣмѣни.</u></p> <p><u>ѡбаче тако кѡвална тебе тѣло мое прѣлежи, почто късниши. сѣ слышавъ мѣтель вѣмноу недѡмѣвса, ѡ прѣмждрости глѣ мѣнка. и толико ярости исплѣнса, и сътрѣсса вѣс гнѣво. и повелѣ слѣга скоро прострѣти по землѣ мѣнка, тако на многы часы прѣмѣнѣватѣ слѣга бѣжце адаманскыи ѡны оуды. ѡ же мѣтѣхъ назнаменавааше шѣптаниѣ оустѣ. тако вѣсѣ зрѣциа народо</u></p>	<p><u>..поеликоу бо вѣнѣшныи нашъ члѣкъ растлѣвается, потолкикоу вѣнѣтрѣни ѡбнавлѣтѣсѣ великѣи рече апѣл. мое же попеченіе не ино развѣ еже прѣтрѣпѣти до конца нанѡсимаа ми ѡ тебе о оукрѣплѣжциа ма Хѣ. самъ бо рече прѣтрѣпѣвыи до конца тѣ спсѣтсѣ.. прѣвыи бо ты рани ни въ что же мнѣ вѣмѣнишасѣ..</u></p> <p><u>и сътрѣсса гнѣво.. паки прострѣта по землѣ мѣнка лютеѣше повелѣ бити.. прѣмѣнѣважце дроугѣ дроуга.. ѡ же мѣтѣхъ шѣптаниѣмъ оустѣнъ назнаменавааше..</u></p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>шепѣжце^м м^твы <u>назnamenъвааше</u>. <u>ѡ</u> в^тсѣ^м <u>зрѣше</u> народо^м оудивлѣхъ^с и уничижаваахъ м^ттелевоу соурос^ство и наглоство. да ѡ видѣ м^тте^а, трѣпѣнїе м^нка, и свое прѣ^а народо^м посрамленїе и надеж^а ѡпаденїе. инж оухитри сѣлнѣнїшж мжжж. и повелѣ привести неоучена конѣ и сверѣпа. и тврѣдо свѣзати нозѣ стго за ѡпа^м конѣ. и по оулицѣ елико мо^мно быстро теци. да ни еди^н сѣставъ съ дрѣго^м сѣсто (л. 205) итсѣ. оухищенїе епархѣ тако. и ѡ^м къ жилища бѣомръскы^м їѡде^м конь съ славно^м їованна достиже нелѣпи на стго гласи вѣзношааше. и еже въ ржка^х имѣше на^м метаахъ. и еди^н ѡ ны^х ѡвнажень мечъ въ ржка^х те^а и ѡсѣче глава стго м^нка. вънезаапж съ глава^м и тѣло раздрѣшисѣ ѡ ѡпа^м конѣ и въ едино мѣсто ста, небрѣго^м и просто ѡ^м ни еди^н хр^тїанъ смѣаше приблизитисѣ тамо. въ тон же ноши свѣтнаѣ свѣто^м свѣтащи, и три нѣщїи свѣтовичны мжжїи павишѣ, ндеже лежа многостра^алноє тѣло. и кажѣнїе на^а него твораще. стѣ^м вгнънын ѡ несѣ на^а тѣло стго оутврѣжаашѣ^с. еди^н же ѡ тѣ блн^з сѣще</p>	<p>оудивлѣхъ^с ѡ^м и 8 (л. 55 об.) ни^нчи^жѣваахъ м^ттелево сѣровство и наглѣство. да ѡко видѣ м^тте^а трѣпѣнїе м^нка, и свое прѣ^а народо^м посрамленїе, и надеж^а амь ѡпаденїе, и оумисли сѣлнѣнїшж мжжж. и повелѣ привести неоуочена конѣ и сверѣпа. и тврѣдо свѣзати нозѣ стго за ѡпашѣ конѣ. и по оулицѣ^х елико мо^мчно бнстро теци. да ни еди^н сѣставъ съ дрѣгъ^м сѣстонтсѣ. оухищенїе епархѣ таково, да ѡко же прохождаа нже стго вѣлачн сквозѣ ноуденскаа жилища. еди^н же ѡ нн^х въ храмннж вътекъ, и ме^а извѣкъ и ѡсѣче главж стго. и тако и прочее тѣло ѡрѣшише. вѣтавиша небрѣгома, никому^ж ѡ блгочестивы^х семоу прикоснжтисѣ смѣавшѣ. въ ноши же тон ламбады многы павишѣ^а горѣща. и три нѣщїи свѣтовидны мжжїе нде^ж (л. 56) лежа^{ше} многостра^алноє тѣло, и кажѣнїа на^а него твораще. стѣ^мпъ вгнень съ несѣ на^а тѣлесѣ стго оутврѣжаашѣ^с. еди^н же ѡ іоуден емоу^ж и храмина блнзѣ бѣше.</p>	<p>повелѣ привести кннѣ неоумжчена и сверѣпа и нозѣ м^нка о того ѡпашѣ крѣпко привѣзати.. по стѣгнамъ града елика сила теци кнню.. да ѡко же приходяаше нже стго вѣлачн сквозѣ ноуденскаа жилища, въпѣахъ.. [Ibid.: 104] и съ нже въ ржкѣ ѡбрѣтшїимсѣ метаахъ на стго.. еди^н же ѡ нн^х, въ храмннж вътекъ и мечъ извѣкъ.. его главж ѡсѣче. и тако и прочее тѣло ѡрѣшише. вѣтавиша небрѣгома, никому^ж ѡ блгочестивы^х семоу прикоснжтисѣ смѣавшѣ. въ ноши же тон ламбады многы павишѣ^а гвораще над мнчнее тѣло и три нѣщїи свѣтовиднїи мжжїе неизреченна нѣкаа сценнославствоущїе и кажѣнїа твораще. стѣ^мпъ вгнень съ несѣ на^а тѣлесѣ стго оутврѣжаашѣ^с.. еди^н же ѡ іѡден емоу^ж же и храмина блнзѣ</p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>домовъ жидови^и бывшее видѣ, мнѣшася емоу <u>сѣнници</u> нѣци^и хр^от^иани обычно на^а гробное служажѣ. <u>яко</u> и гла^а бѣголѣпѣнь слышаахѣ. и въз^а въ ржкѣ^ѣ ажкѣ. и хотѣше стрѣлѣти ѿ мнимых^х сѣнниковъ. и вънезаапж ѿ чюдо елико до врѣх желѣзо стрѣла^а на намѣреніе протѣже^е, тѣтнѣа прилѣпе прѣсть де^а на^а ржка. кѣ лѣвое же длана^а ажкѣ. и прострѣ^т до оутрѣ окааннын томле^и ста. оутро же сви (л. 205об.) тажѣ, видѣше же въси жидовина ѿцѣпенена, и въпрашажѣ бывшее. несоуменно ѿнь въсѣ исповѣда и явленіе аггло^и и свое бѣборствіе въкоупѣ же и прощеніе проса. иже и свободж казнѣ^и полуѣни ра^и незлопама^и наго мѣника. епархъ же сѣа слышавъ много^и страхомъ ѿбѣать бывѣ. повелѣ хр^от^ианомъ^и съ чьстѣж погребсти тѣло слабѣаго мѣника. еже и възе^ише до^инолѣпнѣ почѣтше въ нарочитѣ^и мѣстѣ^и ста погребше. тѣло мѣре земли прѣдаде по съз^аателю слово. земля еси и въ землѣ пондешин. ахъ же въ прѣмирнаа селеніа. въ радости аггло^и.</p>	<p>мнѣвъ <u>яко</u> сѣнници христ^ианст^ии прѣдоша то въз^ати и обынѣ прѣдати погребенію. <u>яко</u> и гла^а бѣголѣпѣнь слышаашѣ. и въз^а въ ржкоу ажкѣ и хотѣше оустрѣлѣти ѿ мнимых^х сѣнник^и. да <u>яко</u> оубо протѣже елика емоу сила бѣше, прѣбы^и стрѣла оубо съ тетивож прилѣпши кѣ десных^х его ржкы прѣсто^и. ажкѣ же въ лѣвон. и прострѣ^т до ѣтра окааннын томлен^и ста. днѣви же свитажѣ, видѣше * въси жидовина ѿцѣпенена, и въпрашажѣ бывшее, несоуменно онъ въсѣ сказоваашѣ и явленіе аггль, и свое бѣборствіе въкоупѣ же и прощеніе (л. 56об.) проса. та^и свободж казнѣ^и полѣни. епархъ же сѣа слышавъ много^и страхомъ ѿбѣать бывѣ. хр^от^ианомъ^и повелѣвае^и погребсти тѣло. еже въз^иемше до^инолѣпнѣ почѣтше въ нарочитѣ^и мѣстѣ^и погребше. тѣло мѣри земли прѣдати по съз^аателю слово, земля еси и въ землѣ пондешин, ахъ же въ прѣмирнаа селеніа. въ радости аггло^и. въ чьстѣ</p>	<p>бѣше. <u>мнѣвъ</u> <u>яко</u> сѣнники христ^ианст^и прѣдоша то въз^ати и обынѣ прѣдати погребенію. <u>възем</u> ажкѣ съ стрѣлож и много приблизивса хотѣ оустрѣлѣти единого ѿ мнимых^х ѿнѣхъ сѣнник^и, да <u>яко</u> оубо протѣже елика емоу сила бѣше, прѣбы^истѣ стрѣла оубо съ тетивож прилѣпши кѣ десных^х его ржкы прѣстомъ. ажкѣ же въ лѣвон. лютое оно томленіе прѣзъ въса ноцѣ прѣтрѣпѣ.. днѣви же свитажѣ.. он же потенкоу въсе сказоваашѣ. таже овъ оубо <u>свободж казнѣ</u> примлетъ.. ..хр^от^ианомъ^и повелѣвае^и погребсти тѣло. еже въз^иемше достойнолѣпно почѣтше, въ чѣстнѣм полужница мѣстѣ^и..</p>

²² Зачеркнуто киноварью.

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p><u>въ чьсть м'никѡ^и. въ вєсѣѣ правє^ины^х. въ похвалѣ прп^ибны^х. идеже гла^с чисть празноужин^х. немноги же днє</u> мимоше^ише. фрж^и ѡнѣ иже на стра^иніє м'нка прѣдаде. оукрасти вьсхотѣ^и моши стго и въ своа ѡнести. въ еди^и же ѡ ношен блгополѣ^ично вєрѣте врѣмѣ. и съ свон^и ємоу на гробъ стго иде хотѣаше вьскопавати. <u>Хвѣ же воинь Івань авлѣтсѣ въ сѣнѣ презвитероу тож цркве. въ стани ре^и вистрѣ потєи къ моему гробѣ хотѣ^и ма оукрасти.</u> презвитер же елико моцно къ стмѣ гробѣ (л. 206) тече. и вєрѣте без мала не ѡнесе^и стго. въ тѣ ча^с сѣзва блгочьстивы^х людѣи и бывшаго повѣда н^и. и вьси прославиша Бга прославѣщаго сты^х свон. и съ страхом^и и радостіж изаша и ѡнесоша моши стго и положиша по^и трапезож стож и до ѡ нѣгѣ лѣта прѣбы^и въ то^и мѣстѣ и множицеж авлѣсѣ стын въ дѣлѣ^и чуде^и. вѡгда свѣ^и вьсѣа на^и трапезож, и паханіє чю^ино и блгоовно. вѡгда сыи нѣкыи и бж^итвныи сѣходѣше. хотѣаше на свѣ^и произвести своего прѣ^и члкъ проповѣдате^и. и</p>	<p><u>м'никомъ. въ вєселіє правє^ины^х. въ похвалѣ прп^ибны^х. идеже гла^с чисть праз^инѣжин^х. днєм же немногымъ прѣше^иши^и. фржгъ ѡнѣ иже стго на м'ніє прѣда^с. вьсхотѣ^и єго оукрасти и въ своа ѡнести. и въ єдинѣ ѡ ношен и блгополѣ^ично вєрѣте врѣмѣ. и съ своими прише^и на гробъ стго хотѣаше вьзѣти моши. Хвѣ же воинь Івань авлѣтсѣ въ сѣнѣ презветороу тож цркве (л. 57) вь стани гла^с вьскорѣ теци къ моему гробу хотѣ^и ма оукрасти. презвитер же елико моцно къ стмѣ гробу тече. и вєрѣте тѣло стго без мала не ѡнесено. въ тѣ^и ча^с сѣзва блгочьстивы^х лю^ии и бывшее сказавъ. прославиша Бга стыж свож прославѣщаго. и съ страхомъ и радостіж изе^ише и ѡнесоша моши стго и положиша по^и трапезож стож, и до ѡ, нѣгѣ лѣ^и прѣбы^и. и множицеж авлѣжсѣ стын и вь р^изличны^х ношѣ^и въ то^и мѣстѣ. вѡгда свѣ^и вьсѣа на^и трапезож, и паханіє чю^ино и блгоовно, вѡгда сыи нѣкыи бж^итвѣнишѣ сѣходѣшѣ. и повѣсѣдѣ</u></p>	<p><u>днєм же немногымъ мимошедшимъ фржгъ онѣ иже стго на м'ніє прѣдасть. вьсхотѣ^и єго оукрасти и въ своа ѡнести. и въ єдинѣ ѡ ншшен, благополѣ^ично врѣмѣ вєрѣте и съ своими прише^идъ, вьскопаваше, хотѣ^и изѣти моши. в тѣи же час авлѣтсѣ</u> Х[Ibid.: 104] <u>въ воинь презвитороу цркве онож спаиоу. вьставъ, гла^с, вьскорѣ теци к цркви се бѡ оукрасти ма хѡтѣ^итѣ.. и на мѣстѣ бывъ вєрѣте гробъ раскопанъ и тѣло без мала не ѡнесено. сѣзавъ оубо блгочьстивыи лю^ии и бывшее сказавъ прославиша Бга стыи своа прославѣщаго. чѣныи же ѡны моши изе^имше, въ стомѣ жрѣтвеницѣ полѡжиша близѣ стыж трапезы. и тако прѣвыстѣ ѡ и мнѡжає нѣгдѣ лѣтѣ.. нѣкаа авленіа частѡ авлѣтисѣ въ р^изличныи ншшехъ.. вѡгда же сыи нѣкыи бж^истѣвѣнишѣ сѣхѡдѣшѣ, вѡгда свѣ^иты нѣкыи и</u></p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>повѣсѣдоу прослаѣсѣ. бл҃гочѣтивыи" шерадоваше ср҃ца. такоже и до самого Алѣѣа"дра воево҃ство правѣщиѣ Мо҃давлахію въниде въ ѣши. въ всемъ бл҃гочестіе оукрашенъ. и мѣнколюбиѣ, и посла мнѣ нарѣсѣ съ вѣмѣжѣи" и съ сѣвѣто" Іулифо" тог҃да архіереіство правѣщоу прѣтѣ Ѣѣчавскон.прѣне҃ти до҃ино славное мѣнкѣ тѣло. и тако слыша: прихожѣніе сѣго кѣ свои" цр҃тво". изыдоша на сѣтеніе мѣнка, са" Алѣѣа"дрѣ и съ архіе҃гкпѣ Іулифо" и въсе҃моу синклитоу. и сѣенники" и діако", и мно҃ство народа. съ свѣщамн свѣтлыми, и мирн и кадиан бл҃говон"ни. (л. 206об.) припадае" кѣ рацѣ сла҃ковоннаго мѣнка. и шблѣнѣааше тѣло его. и ѡ радѣсти очн слѣзѣ испѣнѣаше. вѣліе шбдрѣжаа ср҃ца нѣ. нѣо въздѣх аще моцно би прѣлѣтали. застѣпника нашен цр҃тво рекоша. и хранитѣлѣ топлаа Бѣ ѡ Трапѣзѣнта невиди"м посрѣдѣ на ѣ вышнѣго Іер҃лма посла. ра҃ѣжѣсѣа и красѣшѣсѣа многоцѣнное видѣще богатѣство землѣ Мо҃давскаа шбогачѣна. свѣтѣо въ славнѣ" постави свои" столѣ Ѣѣчавѣ въ</p>	<p>прослоу҃сѣ. бл҃гочѣтивыи" шбладавааше ср҃ца. тако҃ до самого Алѣѣан҃ра воево҃ство правѣщиѣ Мо҃довахіею въниде въ оуши. бл҃гочѣтивъ сын, и (л. 57об.) мѣнколюбиѣ. посилае"тѣ вѣмѣжѣа съ дово҃ныи" воннство". съ сѣвѣто" Іулифово" тог҃да архіереіство правѣщоу цр҃квнаа правнла. и тако слышаша прихожѣніе сѣго кѣ свои" цр҃твомѣ, изыдоша на сѣтеніе мѣнка. Алѣѣа"дрѣ съ архіе҃гкпѣ Іулифо" и въсѣ" синклито". и съ сѣенники" и діаконы, и мно҃жѣство" народа. съ свѣщамн свѣтлыми и мѣри и кадиан бл҃говонными. припадае"тѣ кѣ рацѣ сла҃ковоннаго мѣнка. и шблѣнѣааше тѣло его. слѣзѣ изливаетѣ ѡ радѣсти дово҃ны. вѣліе шбдрѣжааше ср҃ца нѣ. ра҃ѣжѣсѣа и красѣшѣсѣа многоцѣнное видѣще богатѣство земла Мо҃давскаа шбогачѣна. свѣтло въ славнѣ"м постави своѣ" столѣ Ѣѣчавѣ въ митрополь вели</p>	<p>бл҃гѣхѣніе нѣкаа шттѣдоу шсѣодашѣа. таже и въ слоу҃ха прѣндоша нѣже тог҃да бл҃гочѣтива҃о господѣствоу҃що҃моу въсѣж Молдовахіѣ и Поморѣѣ, хр҃истѣ шлюбѣзѣнѣшѣмоу и вели҃ко҃моу швѣводѣ Іу Алѣѣандроу..нѣже тог҃да цр҃ѣквнаа правѣщаго сѣеннѣшѣаго архіе҃пска Іулифа посилае"тѣ вели҃жѣа съ дово҃ными воннствомѣ.. съ свѣщамн и кади҃лы и мѣры бл҃говонными. припадае"тѣ кѣ рацѣ сѣго швѣемлетѣ многоцр҃да҃нное оно тѣло.. слѣзѣ изливаетѣ ѡ радѣсти дово҃ны [Ibid.: 108] ..въ сѣтѣшѣон митрополи полагае"тѣ чѣтно въ свѣтлѣмѣ своѣмѣ градѣ Ѣѣчавѣ, швѣемѣ столѣ..</p>

Список У (Центральная часть)	Список М	Мучение
<p>минтропо⁴ велицѣи цркви. чюде⁵ны разл⁶ни тог⁷а быва⁸щи⁹ самого народа мно¹⁰ство свѣ¹¹те¹²ствовати встави¹³хо¹⁴. <u>Сицево Іванови</u> <u>м¹⁵нїе концеъ. сице врага</u> <u>попра, і епарха посрами.</u> <u>сице Ѡ по¹⁶вигополо¹⁷ника</u> <u>вѣнцѣ¹⁸ вѣнчасѧ. сице</u> <u>доброк¹⁹ѣплѣство Іванново.</u> вѣда²⁰ красота мира тлѣнна. и при²¹т нетлѣнна и мно²²жиша не иж²³иваема. вѣда²⁴ и стѣ²⁵жателе дѣша²⁶ <u>іако брѣма до²⁷ грѣховныи</u> <u>тѣло встави²⁸. не к томоу</u> <u>въ вѣство Трапезонтѣ,</u> <u>нж къ вы²⁹шнем³⁰ Іер³¹лмоу</u> <u>оустрѣмисѧ. въ свое чаанїе</u> <u>въ Бжіе жилище. въ</u> <u>Аврамово нѣдро. въ стѣх</u> свѣтлости. въ е³²ство не видѣщи³³ нетлѣ³⁴на вна и не изречена свѣтло³⁵. хва³⁶(л. 207)нїи же м³⁷нкъ и бгопохва³⁸ныи.</p>		<p>Обаче <u>сицевъ имѣ м³⁹нїа</u> <u>конецъ Іваннѣ. сице</u> <u>нечѣстиваго посрами</u> <u>упархъ.. сицевыми и</u> <u>вѣнцы вѣнчасѧ Ѡ</u> <u>по⁴⁰вигополо⁴¹ника ржкы.</u> <u>сице доброк⁴²ѣплѣство</u> <u>Іванново.. навѣтникуу</u> <u>тѣло іако же брѣма</u> <u>оставѧ. не к томоу въ</u> <u>Трапезонтѣ, нж къ</u> <u>вышнемуу Іер⁴³лмоу</u> <u>оустрѣмисѧ..въ</u> <u>Аврамово нѣдро..</u></p>

Говоря о содержании заключительной части «Похвального слова» Феодосия, тот же А. И. Яцимирский, отмечая почти полностью заимствованный характер произведения Феодосия из сочинений Григория Цамблака, тем не менее, не смог указать точно его источник:

Наконец, заключение Слова Феодосия представляет распространение более краткой похвалы первоисточника, причем все прибавления в первом представляют собой или готовые выражения Цамблака, вставленные в заключение механически из самого «Мучения», или же типичные фразы из акафистов другим мученикам [Яцимирский 1906б: LXXI]²³.

Нам удалось определить прямой источник для заимствования Феодосием при написании им послесловия «Похвального слова» — это Похвальное

²³ Приводимый там же А. И. Яцимирским пример все же относится не к окончанию Похвального слова, а к заключительным словам центральной части памятника.

слово великомученице Неделе (Кирияки) Евфимия Тырновского, из которого Феодосий и заимствовал почти без изменений исходный текст, изменив только в нем принадлежность рода слов, относящихся к великомученице — к великомученику (общий текст подчеркнут):

Таблица 4

<p>Список У (Заключение)</p>	<p>Похвальное слово великомученице Неделе (Кириякии) Евфимия Тырновского²⁴</p>
<p>хва⁴(л. 207)нїи же м⁴нкъ и бѣпохва⁴нын гла⁴ въкѣпѣ же и дхъ. въскочи ѿ бѣоух⁴наго мзыка шного. прѣскочи на нбса. прѣиде нѣо нѣсь. видѣша того агглан и оуклониша⁴. архагглан. и прѣоудивиша⁴. херѣвїми и иныа слыи того наставиши горѣ. и непрѣвѣе ѿстѣпи⁴. дондеже къ самомоу приведоша прѣтолѣ црѣкомоу. в блжена ти славне дшж. в доблестѣвны⁴ по⁴ви. в оусрѣдїа блгааго. въ малѣ скончав са, и исплѣни лѣта дѣтѣга. оуто⁴на во бѣи дша его. оуто⁴ны бѣи по⁴виши. оуто⁴на стрѣанїа. оуто⁴ны крѣви. въсѣславномѣ м⁴нкѣ оуто⁴на бѣи. начинанїа мл⁴тнѣ къ морю плаванїа. за любѣ Хѣ заточенїе. поржганїе. раны. къ м⁴теле⁴ дръзость. безбоазны ѿвѣты. в снх оудивиша⁴ агглан. посрамиша са бѣси. м⁴нци въсплескаша. въсхвалиша прѣрици. срѣтаахѣ агглы. архагглан по⁴емаѣхѣ. власти проваж⁴аахѣ. силы по⁴дрѣжаахѣ. правены⁴ въсѣ⁴х дси радоваахѣ. дрѣголюбе⁴ Геш⁴гѣ²⁵ славнѣ, и съ нини великом⁴ци. лнкѣ сѣчетавшѣ веселѣхѣ. влѣка почѣсти.</p>	<p>..мжченицѣ же глас, искоичившїи ѿт свѣтаго мзыка оногѣ, прѣскочи на небеса. прѣиде небо небесѣ. видѣша тѣ аггелїи, и оуклониша са, архаггелїи. и прѣоудивиша са. хероувїми и иныа силы наставиша тѣ горѣ и непрѣвѣе ѿстѣпиша. дондеже къ самомоу приведѣша прѣстѣлоу царскомоу. в блаженыѣ доушѣ. в доблестѣвны⁴ подвигѣ, в оусрѣдїа благаго. въ малѣ скончав са, исплѣни лѣта дѣтѣга, оугодна бѣ бѣ господевн доуша еѣ, оугодна чистѣта, оутѣдни пшдвнзи, оутѣдна страданїа, оутѣдни крѣви, въсѣ тоѣ оутѣдна господевн начинанїа, хожденїа, затѣченїа, поржганїа, раны. къ мжчтелемѣ дрѣзость, безбоазни ѿвѣты. в снх оудивиша са аггелїи, оужасѣша са праведнїи, бѣси посрамиша са. мжченици въсплескаша, въсхвалиша прорѣци, срѣтаахѣ аггелы, архаггелїи подемаѣхѣ, власти проваждаахѣ. силы поддрѣжаахѣ, праведныхѣ въсѣхѣ доуши радѣваахѣ са, мждрѣ дѣвы, лнкѣ сѣчетавшѣ, веселѣхѣ са, владыка, почѣсти, дрѣжа. вѣнчаваашѣ.</p>

²⁴ По изд.: [Калужняцкий 2010: 199–200]. Текст издан по рукописи БРАН.164 руки Гавриила Урика. Также не исключено, что Феодосий, будучи игуменом Нямецкого монастыря, мог использовать в качестве непосредственного источника именно этот список Похвального слова св. Неделе (Кириакия) по данной рукописи, созданной Гавриилом Уриком и ранее хранившейся в том же монастыре.

²⁵ Очевидно, описка Феодосия, использовавшего для написания введения к своему Похвальному слову заимствования из Второго Похвального слова великомученику Георгию Григория Цамблака.

Список У (Заключение)	Похвальное слово великомученице Неделе (Кириякии) Евфимия Тырновского
<p>дрѣжа. вѣнчавааше. тѣм же пророкъ глаголаше. Бѣ прославлѣнъ въ свѣтъмъ сѣмъ своимъ. велен и страшенъ еси на вѣсѣмъ окрестными (л. 207об.) его. и паки сѣмъ ниже сѣмъ на земли его. оудиви Гѣ въ сѣмъ хотѣніа своа въ нихъ. хощеть бо Гѣ на подражателѣ добродѣтелемъ быти. ревнителѣ бѣгымъ дѣломъ. и въ сѣмъ бѣи ѿ себе вѣносити. милостивѣ. вѣрж. любовь. надеждѣ. чистота. сѣмъ бо наипаче стрѣтотръпецъ радуетъ сѣмъ. сѣмъ красуетъ сѣмъ. прочее оубо мнѣмъ любяци възревнуйте мнѣмъ. не яко шны на скорадѣхъ и различни мѣжъ. нѣмъ не сънѣдѣнѣса дроу дрѣго клеветами и лѣжамъ. и любве Хѣмъ и вѣрж не ѡмѣжнѣнѣса. подражантѣ подвигомъ. пѣмъ почитантѣ. въспонте пѣмъ новѣмъ. въспонте и радуите сѣмъ и поите яко дивна сътвори Гѣ. яко славна мѣмъ сѣмъ прослави. въ сѣмъ лежатѣ рѣжамъ анкъ съчетае. ѿ земи възвѣсите. на нѣса мыслѣ прѣидѣте. съзрѣцѣмъ мнѣмъ свѣтломъ. и свѣтоносѣмъ ѡдѣанъ и прѣмъ краше. ѡдѣнѣмъ сѣмъ прѣмъ стоиши и ѡ въ сѣмъ мирѣ мѣмъ сѣмъ. изрѣмъ еже о еже днѣмъ въ того именѣ сътекиши сѣмъ. вѣроуемъ бо и сѣмъ нѣмъ съ нами прѣмъ стоати. въ сѣмъ по дѣмъ въ змѣрѣнѣмъ мѣмъ. и незавѣстно подати томоу застѣпленію. имѣмъ бо благоу источникъ. исцѣленію давъ (л. 208) разрѣшенію дѣмъ. недѣмъ ѡмъ дѣмъ (м) вра. таково оубо топаго застѣпника стѣмъ. въ зрѣмъ сѣмъ и въ звѣмъ сѣмъ ѡмъ днѣмъ. такомъ оусрѣдѣмъ и мы спѣмъ желѣмъ. таковымъ почьстѣмъ. таковымъ</p>	<p>въведѣмъ въ ѡмъжнѣмъ.. тѣмъ же пророкъ глаголаше. Богъ прославлѣнъ сѣмъ въ свѣтъмъ свѣтлымъ своимъ. велен и страшенъ еси на вѣсѣмъ окрестными его. и паки свѣтлымъ. ниже сѣмъ на земли. оудиви господь въ сѣмъ хотѣніа своа въ нихъ. хощеть бо господь нас подражателѣ добродѣтелемъ быти. ревнителѣ благымъ дѣломъ и въ сѣмъ ѡмъ себе вѣносити молитвы. милостивѣ. вѣрж. любовь. надеждѣ. чистотѣ. сѣмъ бо наипаче стрѣтотръпница радуетъ сѣмъ. сѣмъ красуетъ сѣмъ. прочее оубо. дѣмъ. възревнуйте дѣмъ. и подражантѣ подвигомъ. пѣмъ съчетантѣ. въспонте пѣмъ новѣмъ. въспонте и радуите сѣмъ и поите. яко дивна сътвори господь. яко свѣмъ прослави. въспѣмъ рѣжамъ. анкъ съчетантѣ. ѡмъ земныхъ възвѣсите сѣмъ. на нѣса мыслѣ прѣидѣте. съзрѣцѣмъ мѣмъ свѣтломъ и свѣтоносѣмъ. ѡдѣанъ и прѣмъ краше. одѣмъ спаса прѣмъ стоиши и о въ сѣмъ мирѣ мѣмъ. изрѣмъ еже о еже днѣмъ о тожъ имени сътекиши сѣмъ. вѣроуемъ бо и тѣмъ нѣмъ съ нами прѣмъ стоати и въ сѣмъ по дѣмъ въ змѣрѣнѣмъ мѣмъ и незавѣстно подати тожъ застѣпленію. имѣмъ бо благоу источникъ. исцѣленію даръ. разрѣшенію дѣмъ. недѣмъ ѡмъ врачеванію доуши. таково оубо топаго застѣпника стѣмъ. въ зрѣмъ сѣмъ сѣмъ и въ звѣмъ сѣмъ ѡмъ днѣмъ. такомъ оусрѣдѣмъ и мы спѣмъ сѣмъ желѣмъ. таковымъ почьстѣмъ. таковымъ славы.</p>

<p style="text-align: center;">Список У (Заключение)</p>	<p style="text-align: center;">Похвальное слово великомуучение Неделе (Кириякии) Евфимия Тырновского</p>
<p><u>славѣ. таковыи^{мъ} вѣнцѣ^{мъ}. Ѡ</u> <u>въздлюбѣша^а нас^я. и своєю прѣч^юнож</u> <u>крѣви^ю весь искупѣша^а мирь. и</u> <u>своими стрѣ^лами въсѣ^{хъ} оживившаго.</u> Ѡнѣждѣ не ходатанствѣѣ. тристѣ^{ти} и прѣбѣ^жтвеннишои прѣ^дстож трѣ^{хъ}ци. ен же слава дрѣжава. чѣсть. великолѣпїе же. и покланѣніе нѣ^{тъ} же и въ бе^зконечныя вѣкы. амин^и. в лѣто ꙗ^{ко} мѡв, амин^и. мѣца мана, ѿ.</p>	<p><u>таковыми вѣнцемъ ѡт</u> <u>въздлюбѣшаго нас и своєю прѣчестнож</u> <u>крѣви^ю весь искупѣшаго миръ и</u> <u>своими страсти^{ми} въсѣа оживившаго</u> самого владыкы нашего, бога господа Ісоуса Христа. емоу же подобаетъ въсѣ^{хъ}ка слава, чѣсть и покланѣніе ѡт въсѣ^{хъ} твари съ безначальнымъ его ѡтцемъ и прѣсвятымъ и благымъ и животворящимъ его доухомъ нѣ^{тъ} и присно и в вѣкы вѣкомъ. аминь.</p>

Таким образом, основным источником при написании Феодосием «Похвального слова» (кроме Второго похвального слова великомученику Георгию Григория Цамблака и Похвального слова великомученице Неделе (Кириякии) Евфимия Тырновского) послужило не непосредственно само житие Иоанна Нового, написанное Григорием Цамблаком, как принято считать в современной историографии, а выявленная неизвестная ранее Сокращенная редакция жития, фрагментарно сохранившаяся в списках У и М.

Содержание архетипа Сокращенной редакции жития Иоанна Нового частично может быть реконструировано — фактически это общий текст, присутствующий как в первоначальном источнике, Мучении, так и в списках *У* и *М*, с добавлением к нему общего текста, наличествующего как в списке *У*, так и в списке *М*. Другими словами, *это весь текст, выделенный двойным подчеркиванием и курсивом* в Таблице 3.

Предварительно временные рамки создания этой Сокращенной редакции жития Иоанна Нового могут быть ограничены достаточно широким интервалом: нижняя временная граница — после 1402г. (общепринятого времени написания Мучения), верхняя — не позднее 1534 г. (времени включения ее Феодосием в центральную часть своего Похвального слова). Уверенно же определить автора, место и причины создания выявленной Сокращенной редакции жития Иоанна Нового в настоящее время на основе имеющихся данных пока не представляется возможным.

Можно лишь предположить, что местом ее написания мог бы быть монастырь Нямц, с которым связаны наиболее ранние списки Мучения (основного источника Сокращенной редакции), сохранившиеся в

рукописях Гавриила Урика *Лих.364, БРАН.164*, или монастырь Путна, в котором также сохранился один из старейших списков Мучения в рукописи *Путн.31/44*, имеющей в своем составе также Второе Похвальное слово великомученику Георгию Григория Цамблака [Иванова 2008: 111, 516–517; Стойкова 2016: 266, 306].

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что и список *У*, и список *М* были переписаны выходцами из монастыря Хомор, что также не исключает эту обитель из перечня возможных мест написания (или хранения) общего протографа Сокращенной редакции жития Иоанна Нового.

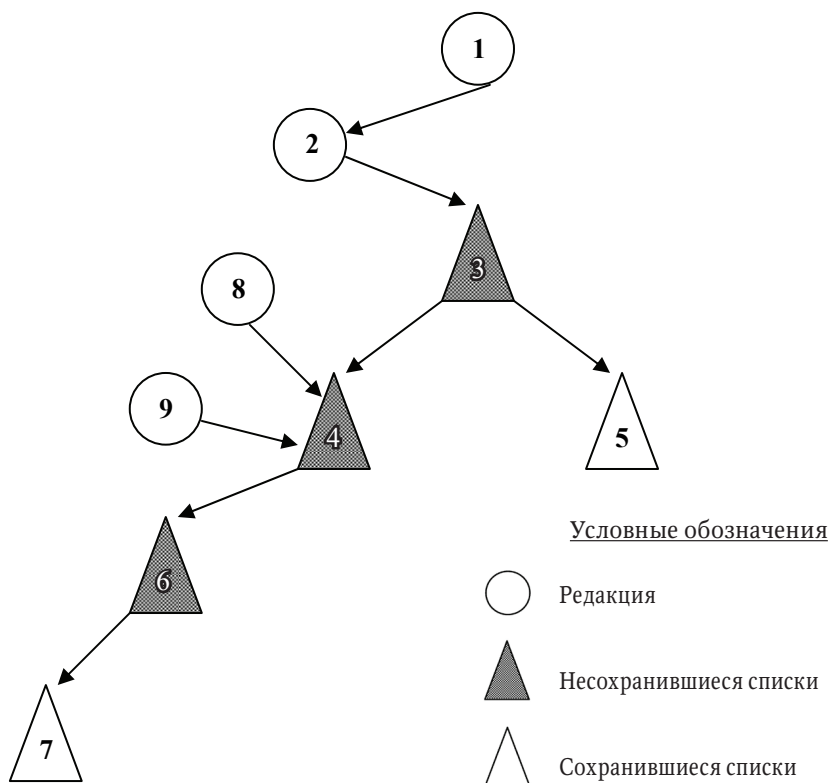
Возможно, что при подготовке критического издания Мучения, необходимость которого давно назрела [Петков 2016: 675], и детальном текстологическом анализе многочисленных списков этого произведения, могут быть получены дополнительные сведения о наличии среди них возможного протографа (или копии с него), использовавшегося при составлении реконструируемого автором архетипа Сокращенной редакции²⁶.

Отсутствие же в явном виде текста Сокращенной редакции в известных автору сохранившихся на сегодняшний день рукописях может быть объяснено как особенностью славяно-молдавской книжности (крайняя немногочисленность списков текстов с четкой локально-этнической окраской и их малая распространенность в общем массиве славяно-молдавской рукописной книжности XV–XVI вв. [Паскаль 1991: 17–20; Турилов 2005: 142]), так и многочисленными утратами рукописных книг в ходе реформ 60-х гг. XIX в. в объединенных Дунайских княжествах, предусматривавших, кроме национализации монастырского имущества, переход от кириллического алфавита к латинскому с изъятием и частичным уничтожением славянских богослужебных книг²⁷.

---

²⁶ Указанные случаи «перескока» строк (гаплографии) Каллистом при переписке им «Похвального слова» могут послужить дополнительным инструментом при поиске такого протографа (или списка с него). См., напр.: [Паскаль 2016б].

²⁷ Кроме того, например, большая часть рукописного собрания библиотеки того же Нямецкого монастыря погибла при пожаре 1862 г. [Яцимирский 1905: 608–609].

- 1 – Мучение (Житие) Иоанна Нового Григория Цамблака, ок. 1402 г.
- 2 – Архетип Сокращенного жития Иоанна Нового
- 3 – Общий протограф Сокращенного жития Иоанна Нового, включенный в списки *М* и *У*
- 4 – Список Феодосия 1534 г.
- 5 – Список *М*, фрагмент Сокращенного жития Иоанна Нового, ок. 1578 г.
- 6 – Возможный промежуточный список с рукописи Феодосия 1534 г.
- 7 – Список *У*, копия 1574 г. Калита с указанием на Феодосия, как автора Похвального слова 1534 г.
- 8 – Второе Похвальное слово великомученику Георгию Григория Цамбака (список *БРАН.165?*)
- 9 – Похвальное слово св. великомученице Неделе (Кириякии) Евфимия Тырновского (список *БРАН.164?*)

Рисунок 1. Взаимоотношения Мучения, Сокращенного жития Иоанна Нового, «Похвального слова» Иоанну Новому и его источников²⁸

²⁸ Автор благодарит А. Е. Соболеву за ценные советы и помощь при анализе взаимоотношения списков.

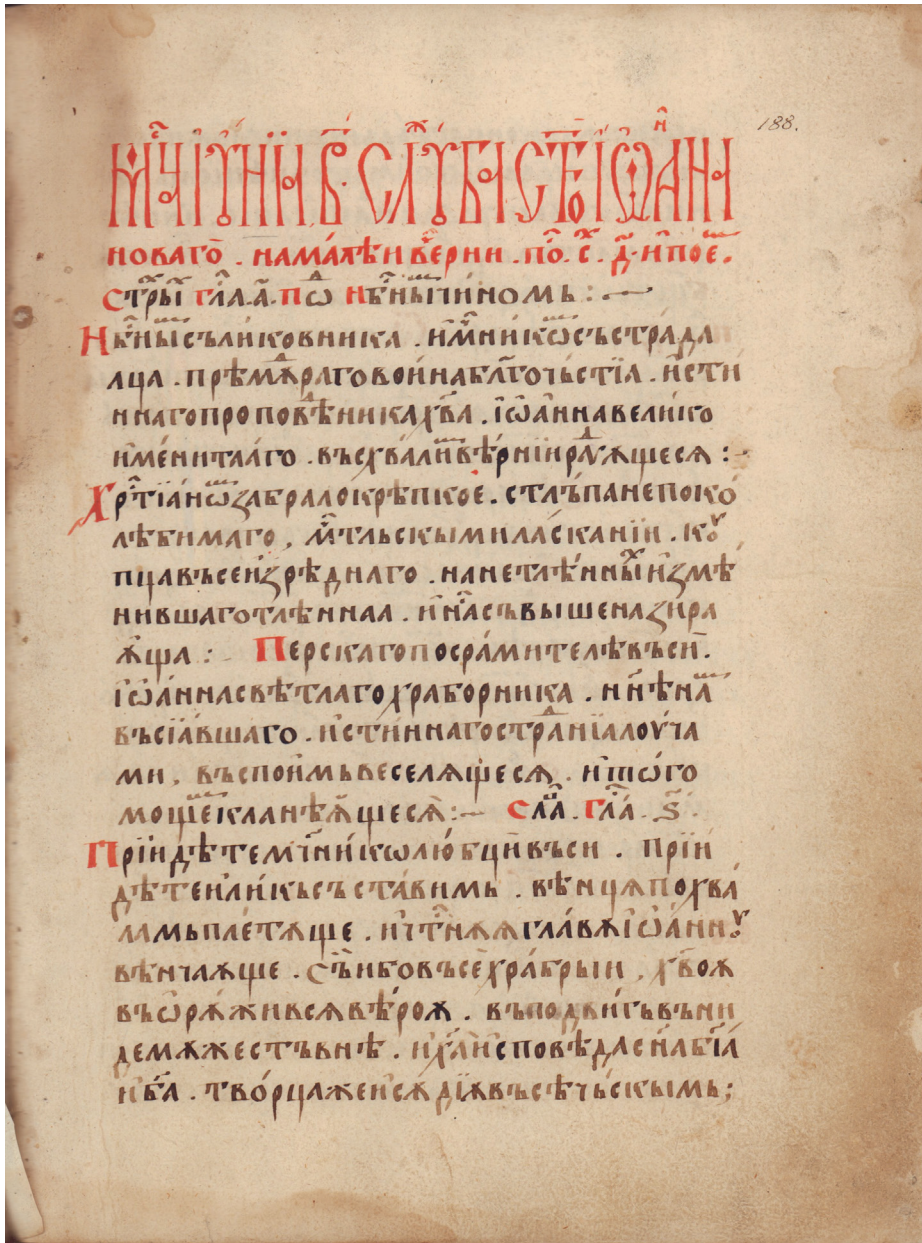

Рисунок 2. Миней служебная, апрель 1467 г., с дополнительными статьями 1574 г. РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 81, л. 188. Первый почерк в первой дополнительной статье

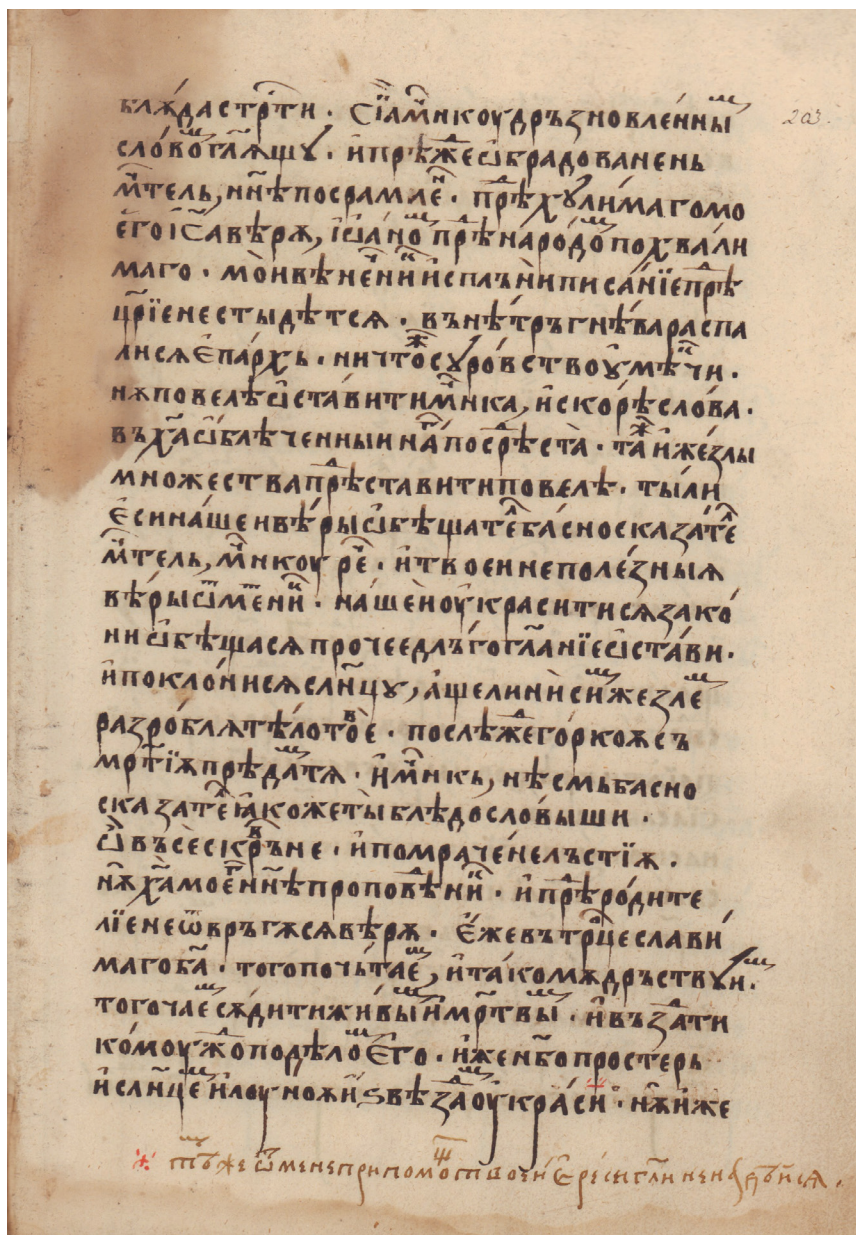

Рисунок 3. Миней служебная, апрель 1467 г., с дополнительными статьями 1574 г. РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 81, л. 203. Второй почерк во второй дополнительной статье с текстом пропущенной строки Калистом при переписке

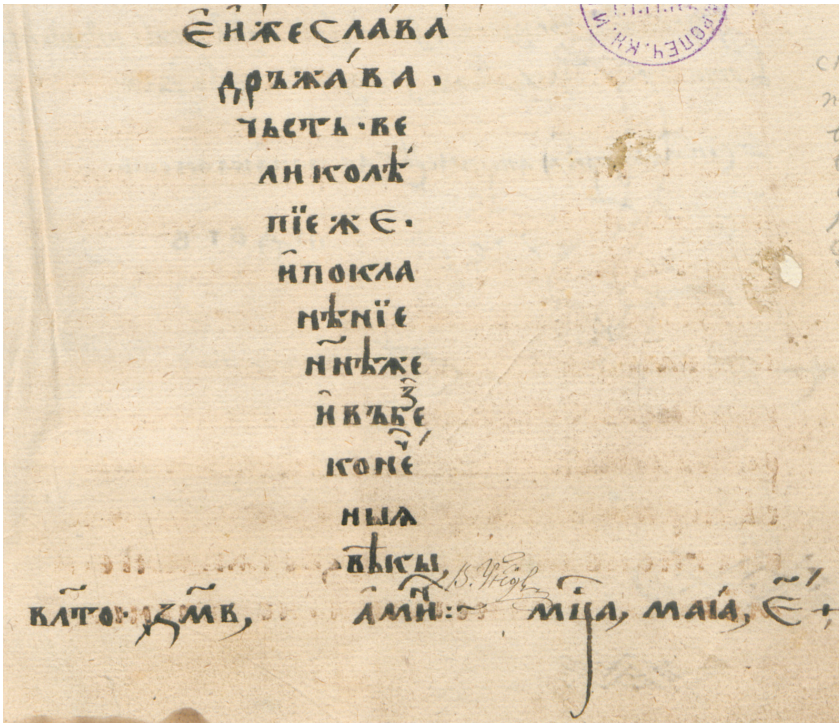

Рисунок 4. Миней служебная, апрель 1467 г., с дополнительными статьями 1574 г. РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 81, л. 308. Окончание второй дополнительной статьи

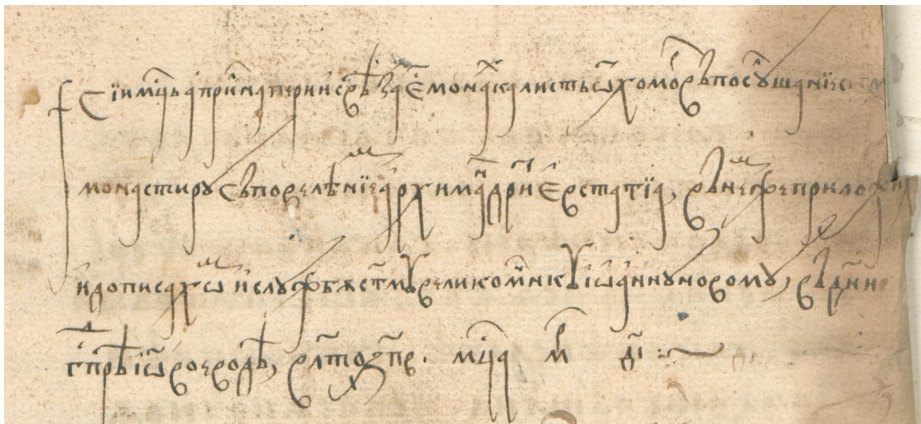

Рисунок 5. Миней служебная, апрель 1467 г., с дополнительными статьями 1574 г. РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 81, л. 308об. Запись Калиста

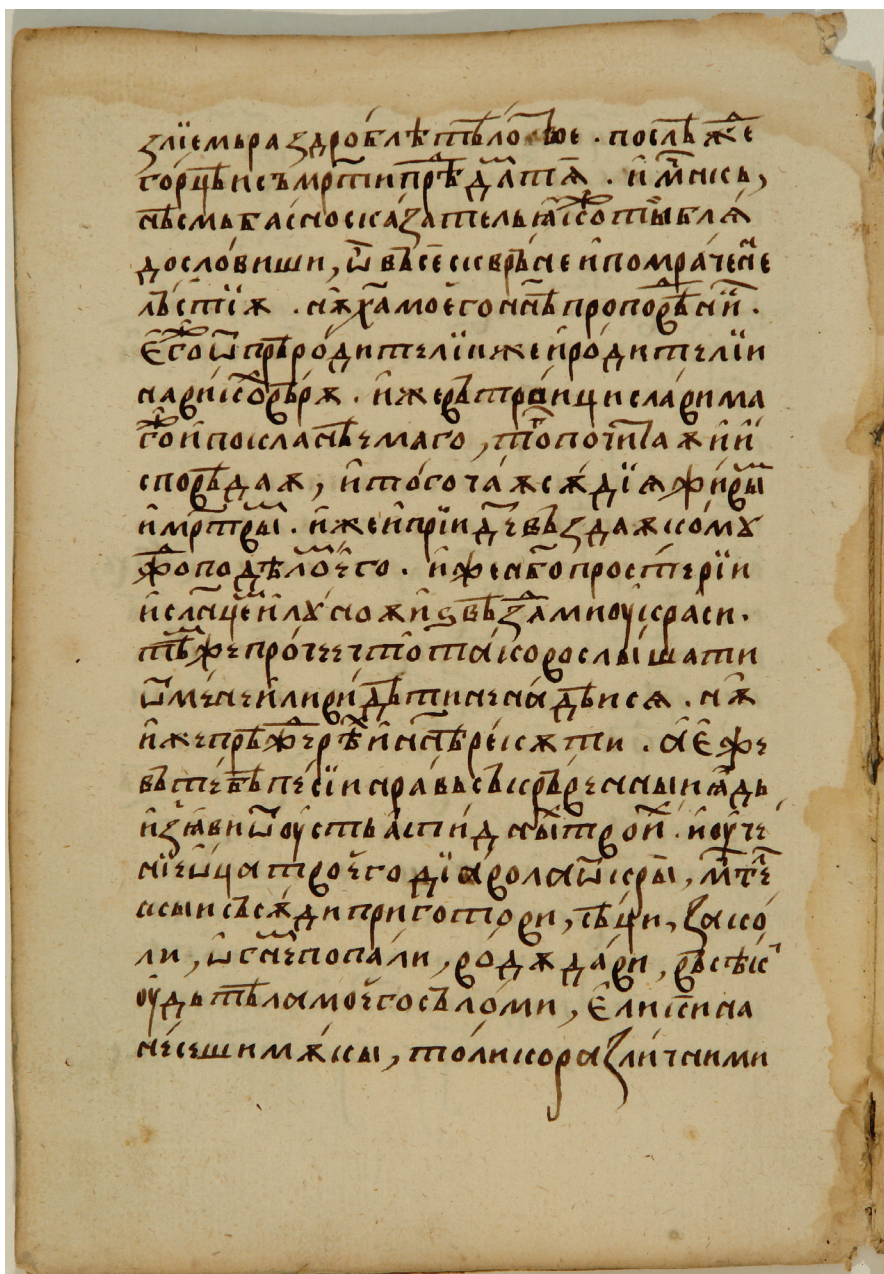

Рисунок 6. Сборник аскетический и полемический, ок. 1578 г. РГАДА, ф.196 (собрание Ф. Ф. Мазурина), оп. 1., № 728, л. 54об. Почерк последних шести листов рукописи

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БРАН — Библиотека Румынской академии наук (Бухарест)

РАН — Российская академия наук

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

СПБII РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН (С.-Петербург)

Библиография

*Славянские рукописи***БРАН.164**

БРАН, № 164, Сборник 1438 г.

БРАН.165

БРАН, № 165, Сборник 1441 г.

Лих.364

Архив СПБII РАН, Русская секция, Колл. 238 (коллекция Н. П. Лихачева), № 364, Сборник 1-й трети XV в.

Маз.579

РГАДА, ф.196 (собрание Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 579, Сборник аскетический 1578 г.

Маз.728

РГАДА, ф.196 (собрание Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 728, Сборник аскетический и полемический, ок. 1578 г.

Овч.157

РГБ, ф. 209 (собр. П. А. Овчинникова), № 157, Октоих, 1492 г.

ОИДР.337

РГБ, ф. 205 (собр. Общества истории и древностей российских), № 337, Миния служебная на ноябрь–декабрь, кон. XIV века.

Путн.31/44

Румыния, монастырь Путна. № 31/44, Сборник 1474 г.

Солов.1129/1239

РНБ, собрание Соловецкого монастыря № 1129/1239, Устав нач. XVII в.

Унд.81

РГБ, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 81, Миния служебная, апрель 1467 г., с дополнительными статьями 1574 г.

Литература

Андрюшайтите 2001

Андрюшайтите Ю. В., И. П. Лаптев: *у истоков отечественного филиграноведения*, Москва, 2001.

Бегунов 2005

Бегунов Ю. К., *Творческое наследие Григория Цамблака*, Велико Тырново, 2005.

Иванова 2008

Иванова К., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, София, 2008.

Калужняцки 2010

Калужняцки Е., *Съчинения на Българския патриарх Евтимий* (= *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius*), Велико Търново, 2010.

Калужняцкий, Соболевский 1916

Калужняцкий Е., Соболевский А. И., Альбом снимков с кириллических рукописей румынского происхождения, *Энциклопедия славянской филологии*, 4/2, приложения к вып., Петроград, 1916.

Описание рукописей 1881

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, Казань, 3, 1881.

Паскаль 1991

Паскаль А. Д., «Источники по истории славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.: (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда)» (автореферат диссертации кандидата исторических наук, Московский государственный историко-архивный институт, Москва, 1991).

——— 2012

Паскаль А. Д., Значение рукописных собраний РГБ для изучения славяно-молдавской книжности XV–XVI вв., *Румянцевские чтения—2012: материалы Всероссийской научной конференции (17–18 апреля 2012)*, 2, Москва, 2012, 108–113.

——— 2016a

Паскаль А. Д., Новые данные о рукописном наследии Гавриила Урика в славяно-молдавской книжности первой половины XV в., *Румянцевские чтения — 2016: материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки (12–13 апреля 2016)*, 2, Москва, 2016, 31–36.

——— 2016b

Паскаль А. Д., Изучение гаплогрфии как один из методов локализации средневековой рукописной книги (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.), *Современные проблемы археографии*, 2, С.-Петербург, 2016, 94–110.

——— 2018

Паскаль А. Д., О новых автографах молдавского книжника Гавриила Урика из собрания Рогожского кладбища Отдела рукописей РГБ, *Румянцевские чтения — 2018: материалы международной научно-практической конференции (24–25 апреля 2018 года)*, 2, Москва, 2018, 246–252.

Петков 2016

Петков г., Още един препис от XVIII в. на Мъчението на Йоан Нови Сучавски от Григорий Цамблак (Значението на късните преписи за критическото изследване и издание на текста), *Vis et sapientia: studia in honorem Anisavae Miltenova. Нови извори, интерпретации и подходи в медиевистиката*, София, 2016, 668–684.

ПС XV 1986

Турилов А. А., сост., *Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР)*, Москва, 1986.

Русев, Давидов 1966

Русев П., Давидов А., *Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература*, София, 1966.

Русев 1982

Русев Е. М., *Молдавское летописание — памятник феодальной идеологии*, Кишинев, 1982.

Славяно-молдавские летописи 1976

Грекул Ф. А., сост., *Славяно-молдавские летописи*, Москва, 1976.

Стойкова 2016

Стойкова А., *Свети Георги Победоносец. Агиографски произведения в южнославянската средновековна традиция*, София, 2016.

Темчин 1997

Темчин С. Ю., Гимнографическое творчество Григория Цамблака: вильнюсский список службы с житием Иоанну Новому Сучавскому, 2 VI, *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim*, 2, Kraków, 1997, 143–203.

Томсон 2001

Томсън Ф., Погрешно ли е приписвано на Григорий Цамблак Мъчението на св. Йоан Нови, *Старобългарска литература*, 32, 2001, 63–74.

Турилов 2005

Турилов А. А., Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв., *Хризотроф*, 2, Москва, 2005, 139–168.

— 2010

Турилов А. А., *Иоанн Новый Сочавский. Агиография*, Православная Энциклопедия, 24, Москва, 2010, 460–461.

Ундольский 1870

Ундольский В. М., *Славяно-молдавские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания (с № 1 по № 579). С приложением очерка собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе, написанного А. Е. Викторовым*, Москва, 1870.

Ухова 1956

Ухова Т. Б., Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В. М. Ундольского, *Записки Отдела рукописей библиотеки им. В. И. Ленина*, 18, 1956, 64–141.

Яцимирский 1898a

Яцимирский А. И., *Из славянских рукописей. Тексты и заметки*, Москва, 1898.

— 1898b

Яцимирский А. И., Рукописи, хранящиеся в Ново-Нямецком монастыре в Бессарабии, *Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии*, Москва, 1898, 81–105.

— 1904

Яцимирский А. И., *Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*, С.-Петербург, 1904.

— 1905

Яцимирский А. И., *Славянские и русские рукописи румынских библиотек*, С.-Петербург, 1905.

— 1906a

Яцимирский А. И., *Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV–XVII вв. (Введение к изучению славянской литературы у румын. Тырновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним)*, С.-Петербург, 1906.

— 1906b

Яцимирский А. И., *Из истории славянской проповеди в Молдавии. Незвестные произведения Григория Цамблака*, С.-Петербург, 1906.

— 1909

Яцимирский А. И., Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541–1551 годов, *Журнал Министерства Народного Посвещения*, 21 (май), 1909, 133–167.

Bogdan 1891

Bogdan I., *Vechile cronice moldovenești pîna la Ureche*, București, 1891.

Cândea 2012

Cândea V., *Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate*, Serie nouă, IV, Polonia — Rusia, București, 2012.

Constantinescu 1976

Constantinescu R., Manuscrisele slavo-române de la Arhivele Centrale din Moscova C.G.A.D.A., *Revista Arhivelor*, 53/1, 1976, 10–18.

——— 1986

Constantinescu R., *Manuscrise de origine românească din colecții străine: Repertoriu*, București, 1986.

Cronicile 1959

Cronicile slavo-ronaine din sec. XV–XVI, publicate de Ioan Bogdan, editie revazuta completata de P. P. Panaïtescu, București, 1959.

Grigoraș, Caproșu 1968

Grigoraș N., Caproșu I., *Biserici și manastiri vechi din Moldova. Pînă la mijlocul secolului al XV-lea*, București, 1968.

Însemnări 2008

Însemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Țara Moldovei, corpus editat de I. Caproșu și E. Chiaburu, 1, Iași, 2008.

Mareș 1987

Mareș A., *Filigranele hârtiei întrebuințate în Țările Române în secolul al XVI-lea*, București, 1987.

Mircea 2005

Mircea I. R., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie: auteurs byzantins et slaves*, Sofia, 2005.

Nicolescu 1958

Nicolescu C., Arta în epoca lui Ștefan cel Mare, *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*, București, 1958.

Panaïtescu 1959

Panaïtescu P. P., *Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR*, 1, București, 1959.

Pascal 2012

Pascal A., Din istoria scrierii de carte în Mănăstirea Putna în secolele XV–XVI, *Analele Putnei*, 8, 2012, 63–110.

Pelin 2008

Pelin V., Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare, II, *Analele Putnei*, 4/2, 2008, 249–326.

——— 2017

Pelin V., *Manuscrise românești din secolele XIII–XIX în colecții străine (Rusia, Ucraina, Bielorusia)*, Catalog, Chișinău, 2017.

Repertoriul 1958

Repertoriul monumentelor și obiectelor de artă din timpul lui Ștefan cel Mare, București, 1958.

Székely 2007

Székely M. M., Manuscrise răzlețite din scriptoriul și biblioteca Mănăstirii Putna, *Analele Putnei*, 3/1, 2007, 153–180.

Turdeanu 1942

Turdeanu E., Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare, *Cercetări literare*, București, 5, 1943, 101–240.

——— 1960

Turdeanu E., L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Étienne le Grand (1457–1504), *Revue des études roumaines*, 5–6, Paris, 1960, 21–66.

References

- Andryushajite Yu. V., I. P. Laptev: *u istokov otechestvennogo filigranovedeniia*, Moscow, 2001.
- Begunov Ju. K., *The creative heritage of Gregory Cambalak*, Veliko Tarnovo, 2005.
- Berza M., ed., *Repertoriul monumentelor și obiectelor de artă din timpul lui Ștefan cel Mare*, București, 1958.
- Bogdan I., Panaitescu P. P., eds., *Cronicle slavo-romaine din sec. XV-XVI*, București, 1959.
- Cândea V., *Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate*, Serie nouă, IV, Polonia – Rusia, București, 2012.
- Caproș I., Chiaburu E., *Însemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Țara Moldovei*, 1, Iași, 2008.
- Constantinescu R., *Manuscrise de origine românească din colecții străine: Repertoriu*, București, 1986.
- Constantinescu R., Manuscrisele slavo-române de la Arhivele Centrale din Moscova C.G.A.D.A., *Revista Arhivelor*, 53/1, 1976, 10–18.
- Grekul F. A., ed., *Slaviano-moldavskie letopisi*, Moscow, 1976.
- Grigoraș N., Caproșu I., *Biserici și manastiri vechi din Moldova. Pînă la mijlocul secolului al XV-lea*, București, 1968.
- Ivanova K., *Bibliotheca Hagiographica Balcanoslavica*, Sofia, 2008.
- Kažuňiacki E., *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius*, Veliko Tarnovo, 2010.
- Mareș A., *Filigranele hârtiei întrebuințate în Țările Române în secolul al XVI-lea*, București, 1987.
- Mircea I. R., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie: auteurs byzantins et slaves*, Sofia, 2005.
- Nicolescu C., *Arta în epoca lui Ștefan cel Mare, Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*, București, 1958.
- Panaitescu P. P., *Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR*, 1, București, 1959.
- Pascal A. D., New Data on the Handwritten Heritage of Gavriil Urik in the Slavonic Moldovan Literacy of the First Half of the 15th Century, *The Rumyantsev Readings – 2016. Proc. of the International Scientific and Practical Conference*, (April, 12–13, 2016), 2, Moscow, 2016, 31–36.
- Pascal A. D., On the New Autographs of the Moldavian Scribe Gabriel Uric from the Collection of the Rogozhskoye Cemetery of the Manuscripts Department of the RSL Department of Manuscripts, *The Rumyantsev Readings – 2018. Proc. of the International Scientific and Practical Conference*, (April, 24–25, 2018), 2, Moscow, 2018, 246–252.
- Pascal A. D., The Study of Haplography as a Method of Localization of the Mid-century Manuscript Book (based on materials from Slavic-Moldavian literature of the 15th–16th centuries), *Sovremennye problemy arkheografii*, 2, St. Petersburg, 94–110.
- Pascal A. D., Znachenie rukopisnykh sobraniï RGB dlia izucheniia slaviano-moldavskoi knizhnosti XV–XVI vv., *The Rumyantsev Readings – 2012: All-Russian Scientific Conference Proceedings* (April, 17–18, 2012), 2, Moscow, 2012, 108–113.
- Pascal A., Din istoria scrierii de carte în Mănăstirea Putna în secolele XV–XVI, *Analele Putnei*, 8, 2012, 63–110.
- Pelin V., Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare, II, *Analele Putnei*, 4/2, 2008, 249–326.
- Pelin V., *Manuscrise românești din secolele XIII–XIX în colecții străine (Rusia, Ucraina, Bielorusia)*, Catalog, Chișinău, 2017.
- Petkov G., Oshte edin prepis ot XVIII v. na Machenieto na Yoan Novi Suchavski ot Grigoriy Tsamblak (Znachenieto na kasnite prepisi za kriticheskoto izsledvane i izdanie na teksta), *Vis et sapientia: studia in honorem Anisavae Miltenova. Novi izvori, interpretatsii i podhodi v medievistikata*, Sofia, 2016, 668–684.
- Rusev P., Davidov A., *Grigoriy Tsamblak v Rumaniya i v starata rumanska literatura*, Sofia, 1966.
- Russev E. M., *The Moldavian chronicle as a monument of feudal ideology*, Kishinev, 1982.
- Stoykova A., Sveti Georgi Pobedonosets. Agiografski proizvedeniya v yuzhnoslavianskata srednovekovna traditsiya, Sofia, 2016.
- Székely M. M., Manuscrise răzlețite din scriptoriul și biblioteca Mănăstirii Putna, *Analele Putnei*, 3/1, 2007, 153–180.
- Temčinas S., Gimnograficheskoe tvorchestvo Grigoriia Tsamblaka: vil'niusskii spisok sluzhby s zhitiem Ioannu Novomu Suchavskomu, 2 VI, *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim*, 2, Kraków, 1997, 143–203.
- Thomson F. J., Pogreshno li e pripisvano na Grigoriy Tsamblak Machenieto na sv. Yoan Novi, *Starobalgarska literatura* 32, 2001, 63–74.
- Turdeanu E., L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Étienne le Grand (1457–1504), *Revue des études roumaines*, 5–6, Paris, 1960, 21–66.
- Turdeanu E., Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare, *Cercetări literare*, București, 5, 1943, 101–240.
- Turilov A. A., Criteria for determining Slavonic Moldavian Manuscripts of the 15th–16th Centuries, *Chrysograph*, 2, Moscow, 2005, 139–168.
- Turilov A. A., ed., *Predvaritel'nyi spisok slaviano-russkikh rukopisnykh knig XV v., khраниashchikhsia v SSSR (dlia Svodnogo kataloga rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v SSSR)*, Moscow, 1986.

Turilov A. A., Ioann Novyi Sochavskii. Agiografiia, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 24, Moscow, 2010, 460–461.

Ukhova T. B., Miniatiury, ornament i graviury v sobranii V. M. Undol'skogo, *Zapiski Otdela rukopisei biblioteki im. V. I. Lenina*, 18, 1956, 64–141.

Александр Дмитриевич Паскаль,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник.

Российская государственная библиотека,

119019 Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5, стр. «Пашков Дом»

Россия / Russia

finvest3@gmail.com

Received September 23, 2018

Исследование календаря в славянских апостолах: лингвистические комментарии

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
Казанский научный центр РАН
Казань, Россия

Study of the Slavonic Apostolos Calendar: Linguistic Comments

Maria O. Novak

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences, Moscow,
Kazan Scientific Center of RAS
Kazan, Russia

Резюме

В заметке рассматривается языковой материал тропарей праздникам и святым, представленный во втором томе исследования Искры Христовой-Шомовой, посвященного славянской традиции служебного Апостола. В книге анализируется типология и история менология и синаксаря в составе соответствующих источников, репертуар славянских календарей и их связи с различными типами византийского богослужения, а также язык тропарей праздникам и святым. По сравнению с первым томом расширен круг рукописных и старопечатных источников. Основную часть книги занимают фрагменты синаксарей, сопровождаемые лингвотекстологическими комментариями. Также в издании присутствует обширный справочный аппарат, включающий индекс славяно-греческих лексических параллелей, списки имен святых, инципиты славянских тропарей и тексты греческих тропарей в алфавитном порядке. Автор статьи обсуждает возможности дальнейшего

Цитирование: Новак М. О. Исследование календаря в славянских апостолах: лингвистические комментарии // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 467–476.

Citation: Novak M. O. (2019) Study of the Slavonic Apostolos Calendar: Linguistic Comments. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 467–476.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.17

лингвистического анализа, предоставляемые опубликованным в монографии материалом, и комментирует некоторые лексические и грамматические особенности тропарей.

Ключевые слова

Апостол, календарь, богослужение, история, тропарь, лексика

Abstract

The research note reviews the second volume of Iskra Hristova-Shomova's study, which focuses on the Old Slavonic tradition of the Praxapostle. It analyzes the typology and history of the menology and the synaxarion, the repertoire of Slavonic calendars, and their connections with various types of the Byzantine rite, as well as the language of the troparia. The author expands the number of handwritten and early printed sources as compared to the first volume. The core of the book represents synaxaria fragments, accompanied by linguistic-textual comments. Also, there is an extensive reference apparatus, including a Slavonic-Greek lexical index, lists of saints' names, incipits of Slavonic troparia, and texts of Greek troparia in alphabetical order. The author of this research note discusses the possibilities of further linguistic analysis provided by the published material, and comments on some lexical and grammatical peculiarities of troparia.

Keywords

Apostle, calendar, church service, history, troparion, lexis

Капитальный труд Искры Христовой-Шомовой о синаксарях славянского Апостола [Христова-Шомова 2012] ни в коем случае не потерял своего значения для исследователей *Pacis Slaviae Orthodoxae*, хотя после выхода обсуждаемой книги прошел не один год и ее автор успела опубликовать еще ряд монографий [Христова-Шомова 2016, Eadem 2017, Eadem 2018]. Согласно первоначальному замыслу, во втором томе, посвященном славянскому служебному Апостолу, должны были быть исследованы все небиблейские тексты, входящие в состав рукописей Апостола, как служебного, так и четьего типа; однако синаксарный материал оказался столь объемным и сложным, что поглотил все внимание автора (с. 9). Эта сосредоточенность на синаксаре тем более понятна, что по сравнению с первым томом, где рассматривались тексты Деяний и Посланий [Христова-Шомова 2004], круг источников был расширен: в их число входит не только большее число южно- и восточнославянских апостольских рукописей XI–XVI вв., но также славянские и греческие рукописи и издания Минеи, Устава, Псалтири с последованием и Пролога (с. 30–36).

Сама автор определяет свой труд как справочник: «... книгата [...] е справочник и вие ще я ползвате по предназначение, т.е. за справки за някои дати, за конкретни ръкописи или за определени светци и

праздники» (с. 1019). Это, с одной стороны, справедливо, поскольку объемистый том действительно содержит всевозможные справочные материалы — начиная перечнем имен римских и византийских императоров (с. 63–65) и заканчивая схемой истории синаксаря в составе Апостола (с. 1018) и целым рядом указателей. Так, в составе приложений опубликованы индекс имен святых, таблица редких памятней (с указанием их присутствия или отсутствия в славянских и греческих источниках), славяно-греческий инципитарий тропарей, указатель тропарей по рукописям и алфавитный перечень греческих текстов тропарей (с. 1031–1115). Также следует отметить индекс славяно-греческих лексических параллелей, обнаруженных в богослужебных указаниях (с. 1006–1009), который позволяет вписать синаксарные тексты в контекст древнеславянских переводческих практик с их системными решениями, напр.: **миро — масть — хризма** : *μύρον*, **вьсь миръ — миръ** : *κόσμος*, **напастъ — искоушеник** : *πειρασμός*, **добръ — благъ** : *ἀγαθός* и т. п.

С другой стороны, определение «справочник» звучит чересчур скромно. Болгарские коллеги [Димитрова 2014, Йовчева 2015] отмечали в своих рецензиях серьезный вклад И. Христовой-Шомовой как в историю рецепции византийского богослужебного устава на славянской почве, так и в историю Минеи. Приоритетом ее исследования является не только типология и эволюция менология и синаксаря (которые она предпочитает называть, соответственно, минейным синаксарем и триодным синаксарем), но и лингвотекстологический анализ малых гимнографических форм — тропарей святым в составе календарных указаний. Так, в монографии представлен детальный разбор тропарей Иоанну Крестителю (с. 171), Илариону Великому (с. 217), Димитрию Солунскому (с. 231–233), Клименту Римскому (с. 316–317) и многим другим святым с тех же методологических позиций, что и в первом томе: оценивается точность соответствия греческому тексту, зависимость того или иного лексического выбора от предпочтений переводческой школы; также фиксируются случаи «импорта» тропарей из рукописей Апостола в уставы и прологи.

Во введении автор раскрывает логику исследования, подсказанную источниками и определившую структуру книги: «Разбрах, че за да добия адекватна представа за источниците на славянските синаксари [...] за редакциите им и за взаимните влияния, трябва да екскерпирам пълните указания да ги съпоставя» (с. 9). Основной объем тома занимают поэтому календарные указания на каждый день года, извлеченные из славянских источников, в сопровождении параллельных греческих текстов. Это в целом повторяет «архитектуру» первого тома, где текстологические выводы следуют за краткой характеристикой источников

и репрезентацией контекстов Деяний и Посланий с комментариями. Во втором томе, однако, материал подан в развернутом виде — один фрагмент за другим. Это обосновывается двумя причинами: пестротой показаний рукописей и желанием автора продемонстрировать графико-орфографические принципы различных источников (с. 11).

Полноте текстологической и агиологической информации в каждой «статье», описывающей праздники либо памяти святых, а также концепции монографии в целом отдала должное в своей рецензии Мария Йовчева [Йовчева 2015: 213]. Мы совершенно согласны с рецензентами книги в том, что труд И. Христовой-Шомовой поражает своим энциклопедическим размахом и чрезвычайно полезен текстологам и всем интересующимся историей славянского богослужения. Нас заинтересовала, прежде всего, его лингвистическая сторона. Цель данной статьи — поделиться наблюдениями над фактами, оставшимися в монографии без комментариев по естественной причине, которую назвала сама автор: «Непълната и недостатъчна информация в нея отдайте на слабите и ограничени човешки възможности да бъде обхванато необхватното» (с. 1019), — и наметить возможности дальнейших исследований¹.

1. Представляется плодотворным сопоставление тропарей общих служб, которые могут повторяться в памятях разным святым. Обнаружить такие тексты несложно благодаря указателю инципитов тропарей, расположенному в монографии на с. 1081–1090. Результаты могут оказаться особенно интересными благодаря тому, что малые гимнографические формы нередко цитируют апостольские послания и книгу Деяний; тропари в составе календарей Апостола, таким образом, перспективно сопоставить не только друг с другом, но и с цитируемым новозаветным текстом.

Так, целый ряд памятей — сщмч. Анфима (3 сентября, с. 83–84), сщмч. Фоки (22 сентября, с. 137–140), сщмч. Климента Римского (25 ноября, с. 314), сщмч. Игнатия Богоносца (20 декабря, с. 377–379) — содержит различные версии общего тропаря священномученику. Помимо разночтений, рассмотренных И. Христовой-Шомовой, вызывают интерес следующие варианты: *словеси истинномоу правѣ ѿча / словоу истинномоу оуча / словоу истинноу оучж право / слово исправляе истинно / слово истин(ьн)о(к) исправляа* (греч. *τὸν λόγον τῆς ἀληθείας ὀρθοτομοῦν* ‘слово истины правильно распространяя’). Данное выражение представляет собой преобразованную цитату из послания ап. Павла Тимофею (2 Тим 2:15: *ὀρθοτομοῦντα τὸν λόγον τῆς ἀληθείας* ‘правильно

¹ При цитировании источников указываются те страницы монографии, где представлены соответствующие текстовые фрагменты; датировки и сиглы рукописей даются так же, как у автора. Источники, приведенные Христовой-Шомовой, не перечисляются в библиографии статьи. Новый Завет цитируется по [GNT⁴].

Второй общий тропарь священномученику, с инципитом *Благости навикъ*, представлен в памятниках сщмч. Дионисия Ареопagitа (3 октября, с. 174–175), сщмч. Власия (11 февраля, с. 516–517), св. ап. Тита (25 августа, с. 881). Он также содержит цитату из апостольского послания, 2 Тим 4:7: τὸν δρόμον τετέλεχα, τὴν πίστιν τηρήρηχα ‘я совершил течение (= завершил дистанцию), сохранил веру’. В тексте тропаря подвиг святого («течение») приравнивается к подвигу апостола Павла, в связи с чем закономерно появляется форма второго лица перфекта, предваряемая аористным причастием: τὴν πίστιν τηρήρησας, τὸν ἴσον δρόμον τετέλεχας ‘веру сохранив, равное течение ты совершил’. В славянских версиях активно варьируются финитные и нефинитные формы. Напр. (в соответствии с приведенными греческими словоформами): **сѣблюдь — скончѣа, сѣблюде — скончавъ, сѣблюль кси — скончѣа, сѣблюдь — скончавъ, сѣблюль еси — скончавъ, сѣблютъ — скончѣа, сѣблюды еси — скончѣа**. Таким образом,

2019 №1 Slovëne

вместо ожидаемого причастия могут появляться аорист либо перфект, а вместо перфекта — причастие либо аорист. Ситуацию замены финитной формы нефинитной и наоборот можно объяснить их семантической и, следовательно, синтаксической равноценностью, при которой любая из форм может занять позицию как сказуемого, так и второстепенного сказуемого. На общем фоне выделяется контаминированная форма **сѣблюды еси** (С882 — среднеболгарский краткий апракос начала XIV в.), отразившая процесс контекстуальной мены причастия и перфекта.

Заслуживает внимания лексическое и грамматическое варьирование в типовом тропаре мученице с инципитом Ἡ ἀγνὴς σου Ἀγνίца Твоя, который представлен в памятниках св. Евфимии (16 сентября, с. 123–125), св. Феклы (24 сентября, с. 144–145), св. Петки (14 октября, с. 198–199), св. Варвары (4 декабря, с. 341–342). Среди лексических вариантов: **въпниктъ — зоветъ** : κράζει ‘вопиет’, **люблю — желаю** : ποθῶ ‘желаю’, **бѣ — женишѣ** : νυμφίε ‘жених’. На наш взгляд, первые две вариации можно объяснить переводческими предпочтениями, а третью — расхождениями внутри греческого источника. Также имеет место разночтение **илюци(и) — нцюци(и) (искоци(и))** : ζητοῦσα ‘ищущая’, в котором первая форма может быть признана результатом ошибки писца.

С точки зрения структуры интересны славянские параллели греческих глаголов совместного действия с префиксом συν-: **съпропноу се — сѣраспънж сѧ — пропнж сѧ** : συσταυροῦμαι ‘распинаюсь вместе’, **сѣпогревоу се — погребж сѧ** : συνθάπτομαι ‘погребаюсь вместе’. Следует отметить, что варианты на сѣ- преобладают по источникам.

На грамматическом уровне нуждаются в комментарии следующие факты. Во-первых, это мена славянских глагольных и причастных форм при наличии финитных форм в греческом: **желаю — желаючи, люблю — любяци** : ποθῶ, **страж(д)оу — стражючи** : ἀδελῶ ‘совершаю подвиг, состязаясь’. Во-вторых, замена ожидаемой формы 3 ед. ч. **въпниктъ** на 1 ед. ч. **вопию** в списке *Tun24* (древнерусский краткий апракос XIV в.) приводит к переходу от модели с прямой речью, вводимой нарратором, к цельному высказыванию от первого лица.

Также можно поставить вопрос о причинах преобладания в синаксарях перфективов **сѣраспънж сѧ, сѣпогревоу се, оумроу**. Только в дополнительных источниках — списках следованной Псалтири XIV–XV вв. — представлены имперфективы **сѣраспинаю сѧ, сѣпогребаю сѧ, оумираю**.

2. Большой интерес вызывают тексты тропарей широко известным святым, представленные в целом ряде источников. Так, широкое лексическое и синтаксическое варьирование наблюдается в тропаре свт. Николаю Мирликийскому с инципитом Κανὼνα πίστεως καὶ εἰκόνα πραότητος ‘Правило веры и образ кротости’ (6 декабря, с. 347–348; тропарь также

используется в службах другим святителям, однако в монографии лучше всего представлен материал памяти свт. Николая). Некоторые лексические замены древнеславянских версий (**нищета** — **оубожество**, **наставникъ** — **наслѣдникъ**) уже прокомментированы И. Христовой-Шомовой. Наше внимание привлекла передача предикативного центра тропаря (точнее, части группы сказуемого и группы подлежащего): *ἀνέδειξέ σε τῇ ποίμνῃ σου, ἣ τῶν πραγμάτων ἀλήθεια* ‘**явила** тебя стаду твоему деяний (вещей) **истина**’. В различных рукописных источниках XII–XIV вв. обнаруживаются следующие параллели:

- ѦВН ТѢ... ЛЮДЕМЪ СВОИМЪ. ДѢАНІЕ БО ТИ ИСТИНА**
(C508 — среднеболгарский краткий апракос конца XIII в.);
- ѦВН ТѦ ЛЮАМЪ СВОИМЪ. ДѢАНИЕМ БО ИСТИНѢ**
(Xл31 — среднеболгарский краткий апракос начала XIV в.);
- ѦВН ТѦ ЛЮАЕМЪ ТВОИМЪ. ДѢАНИЕМ ИСТИН’НЫМЪ**
(C882 — среднеболгарский краткий апракос начала XIV в.);
- ТЕ ѦВН ЛЮАМЪ ТВОИМЪ. ДѢАНИМЪ БО ТИ ИСТИНОУ**
(C883 — сербский краткий апракос начала XIV в.);
- ѦВН ТѦ ЛЮДЕМЪ СВОИМЪ. ДѢАНЫМЪ ТИ ИСТИНА**
(Tun23 — древнерусский краткий апракос XIV в.);
- ТѦ ЛЮДЕМЪ ТЪВОИМЪ. ДѢАНЫМЪ ТИ ИСТИНЫА**
(Tun24 — древнерусский краткий апракос XIV в.);
- ѦВН ТЕБЕ ГѢ ЛЮДЕМЪ СВОИМЪ**
(Пог26 — древнерусский полный апракос 1391 г.);
- ѦВН ТѦ ЛЮДЬМЪ ТВОИМЪ. ДѢАНИИ ТИ ИСТИНА**
(САУ — Студийско-Алексеевский устав, 70-е гг. XII в.);
- ѦВН ТѦ СТАДУ ТВОЕМЪ. ВЕЩЕМЪ ИСТИНА**
(Й13 — Иерусалимский устав начала XIV в.).

Как видим, не во всех источниках подлежащим является существительное истина. В C508 его статус получает существительное **дѢаник** (притом что **истина** становится сказуемым и весь контекст, таким образом, приобретает иной смысл), а в ряде случаев подлежащее вообще отсутствует и синтагмы **дѢанием истин’нымъ**, **дѢанымъ ти истинныа** представляют, таким образом, продолжение характеристики святого. В связи с этим вызывает вопрос присутствие энклитик **бо** и **ти**, не поддерживаемых греческим текстом. Не исключено, что они появились под влиянием другой его версии; однако в случае интерпретации «истины» и «деяний» как атрибутов самого святителя возможно и намеренное включение в контекст дополнительных элементов.

Также обращает на себя внимание переводческое решение, отраженное в древнерусском списке Пог26: там предложена лаконичная

экзегетическая передача перифразы ἡ τῶν πραγμάτων ἀλήθεια словом **гѣ**. Единственным источником, отражающим греко-славянскую лексическую корреляцию τῶν πραγμάτων : **вещемъ**, является Иерусалимский устав XIV в., который И. Христова-Шомова связывает с афонской традицией перевода [Христова-Шомова 2012: 32].

На с. 277–288 монографии приводится и анализируется тропарь Иоанну Златоусту (13 ноября). Статус данного текста в богослужении достаточно высок: он воспроизводится, помимо самой службы святому, на пасхальной утрени, после чтения «Слова огласительного на святую Пасху» Иоанна Златоуста, а также в составе молитв после причащения (если совершается литургия с соответствующей атрибуцией). В монографии довольно подробно обсуждаются лексические варианты (по-) **цадѣти** / **събирати** / **съискати**; **наказати** / **наставляти**; **покорение** / **съмѣреномъдріе**. Однако стоит также обратить внимание на следующие структурные и синтаксические вариации славянских источников.

В греческом тексте тропаря присутствует выражение: ἀφιλαργυρίας τῷ κόσμῳ θησαυροὺς ἐναπέθετο, τὸ ὕψος ἡμῖν τῆς ταπεινοφροσύνης ὑπέδειξεν — ‘ты нашел для мира сокровища бескорыстия, показал нам высоту смирения (смирennemудрия)’. Легко заметить, что существительное ἀφιλαργυρία, предсказуемо калькированное в славянском переводе как **несребролюбие**, синтаксически не противопоставлено в греческом первоисточнике «высоте смирения». Однако в ранних кодексах (Охридском, Драгомином, Струмицком, Карпинском, C508, *Пог26*, *Tun24* и др.) возникает антитеза, которая поддерживается союзом **нѣ** (**нѣ**, **нж**, **но**), не имеющим коррелята в греческом. Это провоцирует интерпретацию **нѣ**- уже не как приставки в слове **несребролюбие**, но как отрицательной частицы. Напр.: **не сребролюбива мирови скровище съискавъ. но высоту намъ покорения показа** (*Пог26* — древнерусский полный апракос, 1391 г.) — ‘ты не нашел для мира сребролюбия, но показал высоту смирения’. Это чтение существенно отличается от смысла, представленного в греческом тексте тропаря. Очевидно, переосмыслению контекста способствовала синтаксическая инверсия, столь характерная для произведений византийской гимнографии.

Формат небольшой статьи не предполагает обсуждения широкого материала, однако и прокомментированные случаи позволяют убедиться в том, что обширное цитирование источников в энциклопедическом труде Искры Христовой-Шомовой дает лингвисту богатую пищу для размышлений. Автор монографии отвечает не на все возможные вопросы, но именно эти умолчания создают почву для дальнейших исследований.

Библиография

Рукописи и издания

Толстовский апостол

Толстовский апостол. Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Q.п.1.5.

GNT⁴

Aland B., Aland K., et al., eds., *The Greek New Testament*, 4th rev. ed., Stuttgart, 1998.

Литература, словари и базы данных

Alpha 3.8

Древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого, Version 3.8. Release: 1 May, 2005 (<http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>, последнее обращение: 08.03.2019).

Димитрова 2014

Димитрова М., Християнските празници на българите според средновековни ръкописи [рец.: Искра Христова-Шомова. *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция, 2: Изследване на синаксарите (Християнските празници в славянските апостоли)*, София, 2012, 1133 с.], *Език и литература*, 1–2, 2014, 168–172.

Йовчева 2015

Йовчева М., [Рец.: Искра Христова-Шомова. *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция, 2: Изследване на синаксарите*, София, 2012, 1133 с.], *Старобългарска литература*, 51, 2015, 211–224.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>; дата последнего обращения: 08.03.2019).

Христова-Шомова 2004

Христова-Шомова И., *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция, 1: Изследване на библейския текст*, София, 2004.

——— 2012

Христова-Шомова И., *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция, 2: Изследване на синаксарите*, София, 2012.

——— 2016

Христова-Шомова И., *Бог бе слово. Етюди върху християнството, видяно през призмата на езика*, София, 2016.

——— 2017

Христова-Шомова И., *Песни от Климент. Служби от св. Климент Охридски за пророк, апостол, отец, мъченик и мъченица*, София, 2017.

——— 2018

Христова-Шомова И., *Драготин миней. Български ръкопис от началото на XII в.: запазен като палимпсест в Драготиния апостол*, София, 2018.

References

Dimitrova M., Christian Holidays of the Bulgarians as Medieval Manuscripts [rev. of: Iskra Hristova-Shomova. *Sluzhebniiat apostol v slavian-skata rukopisna traditsiia. 2: Izsledvane na sinaksarite (Khristiianskite praznitsi v slavianskite apostoli)*. Sofia, 2012, 1133 pp.], *Ezik i literatura*, 1–2, 2014, 168–172.

Hristova-Shomova I., *Bog be slovo. Etiudi vrkhku khristiianstvoto, vidiano prez prizmata na ezika*, Sofia, 2016.

Hristova-Shomova I., *Dragotin minei. Bulgarski rukopis ot nachaloto na XII v.*, Sofia, 2018.

Hristova-Shomova I., *Pesni ot Kliment. Sluzhbi ot sv. Kliment Okhridski za prorok, apostol, otets, muchenik i muchenitsa*, Sofia, 2017.

Hristova-Shomova I., *Sluzhebniiat apostol v slavianskata rukopisna tradiciya, 1: Izsledvane na bibleiskiia tekst*, Sofia, 2004.

Hristova-Shomova I., *Sluzhebniiat apostol v slavianskata rukopisna traditsiia. 2: Izsledvane na sinaksarite*, Sofia, 2012.

Jovcheva M., [Rev. of:] Iskra Hristova-Shomova. *Sluzhebniiat apostol v slavianskata rukopisna traditsiia. 2. Izsledvane na sinaksarite*. Sofia, 2012, 1133 pp., *Starobalgarska literatura*, 51, 2015, 211–224.

Мария Олеговна Новак,

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник

Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа
и когнитивной филологии

Казанского научного центра РАН

420111 Казань, ул. Лобачевского, 2

Россия / Russia

ведущий научный сотрудник

отдела исторической лексикографии ИРЯ РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

mariaonovak@gmail.com

Received March 8, 2019

О хронологии
русских
митрополитов
XI в. (по поводу
новой гипотезы
А. П. Толочко)*

On the Chronology
of the 11th-century
Russian
Metropolitans.
An Answer to
A. P. Tolochko

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

В статье разбираются поправки А. П. Толочко к традиционной хронологии киевских митрополитов XI в., сформулированной А. Поппэ, и показываются слабые стороны обеих хронологий. На основании новейших эпиграфических находок предлагается новая хронология митрополитов до последней четверти XI в: Феофилакт был переведен на Русь с Севастийской митрополичей кафедры до 1015 г.; Феопемпт стал митрополитом не позднее 1039 г.; Иоанн I вззошел на престол после 1039 г. и правил до 1051 г.; Иларион сделался митрополитом в 1051 г. (вероятно, после 24 июля) и перестал быть им в

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Цитирование: Виноградов А. Ю. О хронологии русских митрополитов XI в. (по поводу новой гипотезы А. П. Толочко) // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 477–485.

Citation: Vinogradov A. Yu. (2019) On the Chronology of the 11th-century Russian Metropolitans. An Answer to A. P. Tolochko. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 477–485.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.18

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

1052 г. (до 4 ноября); Ефрем получил митрополичество в 1052 г. (до 4 ноября) и закончил его не ранее 1055 г.; Георгий, упоминаемый под 1072 г., стал митрополитом не ранее 1055 г.

Ключевые слова

Русская митрополия, XI в., хронология, митрополит Иларион

Abstract

The article deals with the amendments made by A. P. Tolochko to the traditional chronology of the Russian metropolitans of the 11th cent., compiled by A. Poppe, and shows the weaknesses of both chronologies. Based on the latest epigraphic finds, a new chronology of the Metropolitans until the last quarter of the 11th cent. is proposed: Theophylact was transferred to Russia from the Metropolitan see of Sebasteia sometime before 1015; Theopempt became the Metropolitan no later than 1039; John ascended the throne after 1039 and reigned until 1051; Hilarion became the Metropolitan in 1051 (probably after July 24) and ceased to be in 1052 (before November 4); Ephraim received the Metropolitan see in 1052 (until November 4) and retained it at least until 1055; George, mentioned under 1072, could have become the Metropolitan as early as 1055.

Keywords

Metropolitans of Rus', 11th century, chronology, Hilarion of Kiev

В одной из недавних работ А. П. Толочко [Толочко 2018] подверг критике общепризнанную хронологию русских митрополитов 2-й трети XI в., окончательно сформулированную А. Поппэ [Поппэ 1989; Поппэ 1996] (принята в [Назаренко, Флоря 2013; Древняя 2014]):

Иоанн I (до 1018 — не позднее 1035);
 Феопемпт (после 1030 — после 1039);
 Иларион (1051–1054/5)
 Ефрем (1054/5 — ок. 1065);
 Георгий (ок. 1065 — ок. 1076).

Киевский исследователь исключил из этого списка Ефрема и переставил Иоанна на более позднее время:

Феопемпт (упом. 1039);
 Иларион (пост. 1050);
 Иоанн I (пост. 1052);
 Георгий (упом. 1072).

В гипотезе Толочко вызывают возражения сразу несколько моментов.

1. *Иоанн*. Вызывает сомнение попытка отнести к более позднему времени правление митрополита Иоанна, который упоминается в анонимном «Сказании о свв. мучениках Борисе и Глебе» и в несторовом «Чтении о свв. Борисе и Глебе» [Абрамовичъ 1916: 18–19, 53–55] в связи с постройкой Ярославом Владимировичем сначала «клети» над могилой святых в Вышгороде, а затем и полноценного храма: он мог быть митрополитом при Ярославе только до 1051 г., поскольку в 1051–1052 гг. митрополичью кафедру в Киеве занимал Иларион, а с 1052 г. — Ефрем (см. ниже). Два вышеописанных борисоглебских торжества состоялись в два следующих друг за другом года, и очень вероятно, что незадолго до 1051 г., в пользу чего свидетельствуют два факта. Во-первых, между вторым торжеством и смертью Ярослава в «Чтении...» Нестора упомянуто только одно чудо (а в «Сказании...» — ни одного). Во-вторых, согласно «Сказанию...», через 20 лет после освящения ярославовой церкви его сын Изяслав задумал поставить новую, которая и была освящена в 1072 г. Поскольку же на 1052 г. приходится митрополичество Илариона и Ефрема (см. ниже), а 20 лет «Сказание...» отсчитывает не от даты освящения нового храма, но от его задумки Изяславом («и минувъшемъ лѣтомъ 20, и църкви уже обетъшавъши, и умысли Изяславъ возградити църковь нову»), то постройка Ярославом храма и конец правления Иоанна должны относиться ко времени около 1051 г. В таком случае создание Ярославом борисоглебской традиции вписывается в его программу «русификации» Киевской митрополии, завершившуюся поставлением Илариона; более того, если освящение церкви состоялось 24 июля 1051 г., то Иларион стал митрополитом не ранее этой даты.

2. *Иларион*. Дата поставления Илариона — 6558 г. от сотворения мира, — которая зафиксирована и всеми древними летописями [ПСРЛ, 1: 155; Ibid., 2: 144; Ibid., 3: 181], и ставленнической записью самого Илариона (*Син*591, л. 203)², произвольно сдвигается Толочко с 1051 на 1050 г. Как мы увидим ниже, 4 ноября 1052 г. митрополитом Киевским был уже Ефрем, так что все правление Илариона оказывается очень коротким:

² Важным свидетельством в пользу аутентичности этой записи считается именование в ней Ярослава Владимировича архаичным титулом «каганъ». Следует отметить, что титул «каганъ/коганъ» не применяется к русским князьям начиная со второй половины XI в. (исключение — его упоминание в «Слове о полку Игореве», не поддающееся однозначной интерпретации (44) [Каган 1995]). В древнерусских текстах этот титул отмечен только в середине XI в.: помимо ставленнической записи митрополита Илариона, это его же «Слово о законе и благодати», где данный титул приложен к Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу. Это слово может быть таким же «маркером» языка митрополита Илариона, как и «настолование/настоловати» [Виноградов, Желтов 2019]. Соответственно, к этому же времени следует, вероятно, отнести и граффито № 13 из Св. Софии Киевской (вопреки [Высоцкий 1966: 49–52]).

вероятно, после 24 июля 1051 г.³ — до 4 ноября 1052 г., т. е. около 1 года, а то и менее. Причиной столь краткого митрополичества Илариона Русина, как теперь стало очевидно, была оценка Константинополем его выбора и поставления как неканоничного, что привело не только к соглашению с Ярославом о замене его на Ефрема, но и к переосвящению Св. Софии Киевской (см. ниже). За отказ от Илариона Ярослав получил, по всей видимости, возможность заключить не позднее 1053 г. брак своего сына Всеволода с «царицей-грекиней» [Приселков 1913: 110–111], а также иммунитет для русских епископов — сторонников Илариона (так, новгородский епископ Лука Жидята был наказан митрополитом Ефремом только после смерти Ярослава, в 1055 г.; см. ниже). Однако в свое очень краткое правление — возможно, осознавая шаткость своего положения — Иларион развил бурную церковно-политическую деятельность, направленную на создание «русской» Церкви. В этом смысле «краткая» хронология митрополичества Илариона позволяет точно датировать ряд его деяний. Во-первых, митрополит и князь вместе ввели написанный на древнерусском языке «Церковный устав Ярослава» (см. его преамбулу [Щапов 1976: 76]), призванный заменить собой греческий Номоканон. Во-вторых, согласно проложному сказанию под 26 ноября, Иларион освятил в Киеве церковь св. Георгия [Жуковская 1987; Лосева 2009: 154–163⁴], посвященную небесному патрону князя, ввел в месяцеслов память этого события и, возможно, даже сам составил проложное сказание о данном освящении, которое произошло, соответственно, 26 ноября 1051 г., так как 4 ноября следующего года в Киеве митрополитом был уже Ефрем (см. ниже). В-третьих, согласно тому же сказанию, Ярослав «створи въ неи настолование новоставимымъ епископомъ», т. е. вместе с Иларионом провел в киевском храме св. Георгия интронизацию нескольких новых епископов для Руси [Кабанец 2003] — возможно, ради увеличения численности епископата в целях дальнейших масштабных преобразований в Русской Церкви. Соответственно, создание епископий во Владимире-Волынском, Переславле Русском, Ростове, Турове и Юрьеве, которое А. В. Назаренко приписал Ярославу и отнес к 1040-м гг. [Назаренко 2009: 172–206], может быть точнее локализовано в 1051 г.

³ Попытка В. В. Корниенко прочесть граффито № 1168 из Св. Софии Киевской как «М(ѣ)с(ѡц)а феврара [въ] VI дѣнь Іа[ро]сла[въ] поставиша м[ит]роп[ол]итомъ [І]лариона» [Корниенко 2010: 19–20, табл. XXIV] — несостоятельна, так как хорошо читаемый плуралис *поставиша* никак не мог быть приложен в древнерусском языке к единственному числу *Іа[ро]славъ*.

⁴ Мы не согласны с ее рассуждениями об этапах формирования проложной статьи, как основанных на личных догадках. Более ранние даты, упоминающиеся в поздних источниках (1045 или 1049 г. [см.: Кабанец 2003]), исключаются из-за поставления Илариона только в 1051 г.

3. *Ефрем*. Митрополита Ефрема Толочко считает персонажем, сконструированным в «сочинении новгородских летописцев начала XV в. [...] в русле общего стремления к изобретению новгородской государственной и церковной истории» [Толочко 2018: 78]. В рамках общей позиции киевской школы летописеведения касательно позднего происхождения НПЛ (Новгородской первой летописи), неоднократно подвергавшейся критике [см.: Гиппиус 2012], автор приводит два аргумента против подлинности рассказа НПЛ под 1055 г. о суде Ефрема над новгородским епископом Лукой Жидятой, оклеветанным своим холопом Дудикой [ПСРЛ, 3: 182–183]. Во-первых, это ссылка на Т. Л. Вилкул [Вилкул 2003], которая «пришла к выводу о поздней и инвентивной природе всего рассказа» [Толочко 2018: 77], хотя единственным аргументом самой Вилкул оказывается присутствие сюжета «вреда от холопов» в поздних летописях [Вилкул 2003: 22–23]. Такой довод вряд ли можно считать весомым. Во-вторых, это сомнение в том, что новгородец середины XI в. мог «убежать в немцы» [Толочко 2018: 78], однако автор не принимает во внимание работу Назаренко, показавшего, что этот новгородец Дудика сам был нижненемецкого происхождения [Назаренко 2015]. Главным же камнем преткновения для Толочко становится перечтение А. А. Гиппиусом граффито № 1541 из Св. Софии Киевской [Гиппиус 2016], совпадающего с записью в месяцеслове Мстислава Евангелия (где нет только указания года):

(Въ) лѣ^(т) сѣѣ свѣ|ще(н)[а] стая С(о)[ф](и)я Е(фрем)омъ ми(т)р(опо)-
литъмъ ----- [но](я)бря въ д

С одной стороны, киевский исследователь не оспаривает такого перечтения, но, с другой стороны, не принимает во внимание этот решающий аргумент в пользу подлинности Ефрема, ссылаясь лишь на сомнительность нового освящения недавно освященного храма. Здесь следует отметить, что Толочко игнорирует факт подтверждения традиционной даты освящения Св. Софии — 1037 г., находкой на фреске ее лестничной башни греческого граффито, датированного 6547 г. от сотворения мира (1 сентября 1038 г. — 31 августа 1039 г. по Р. Х.) [Евдокимова 2008: 493–494, № 51]. Но тогда нет и оснований сомневаться в том, что граффито № 1541, подлинность которого не вызывает вопросов, говорит не о первом освящении, а о *переосвящении* Св. Софии Киевской в 1052 г. митрополитом Ефремом, причина чего очевидна: служение в храме поставленного неканонично — с точки зрения Константинополя — митр. Илариона (см. выше). Поэтому нет оснований сомневаться и в том, что в 1055 г. Ефрем произвел суд над новгородским епископом Лукой Жидятой и заточил его в Киеве, тем более что тот был, по всей видимости, в

числе поставивших Илариона русских епископов: задержка с расправой над Лукой была вызвана тем, что Сообщение летописи под 1058 г. об освобождении Луки Жидяты из Киева и его возвращении на престол после трехлетнего заключения [ПСРЛ, 3: 183] могло бы косвенно свидетельствовать в пользу окончания митрополичества Ефрема в этом году. Однако возможно, что Лука был освобожден в 1058 г. в согласии с византийскими каноническими нормами, которые предполагали трехлетнее запрещение и заточение в монастырь (Юстиниан, *Новеллы* 123, 10), т. е. вне зависимости от конца правления Ефрема.

С учетом этих фактов вся хронология Киевских митрополитов до последней четверти XI в. может быть реконструирована следующим образом: Феофилакт был переведен на Русь с Севастийской митрополичьей кафедры где-то до 1015 г. [Назаренко 2017: 174–175]; Феопемпт стал митрополитом не позднее 1039 г.; Иоанн I вззошел на престол после 1039 г. и правил до 1051 г.; Иларион сделался митрополитом в 1051 г. (вероятно, после 24 июля) и перестал быть им в 1052 г. (до 4 ноября); Ефрем получил митрополичество в 1052 г. (до 4 ноября) и закончил его не ранее 1055 г.; Георгий, упоминаемый под 1072 г., стал митрополитом не ранее 1055 г.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей

Библиография

Источники

Абрамовичъ 1916

Житія святыхъ мучениковъ Бориса и Гльба и службы имъ, изд. Д. И. Абрамовичъ (= Памятники древнерусской литературы; 2), Петроград, 1916.

ПСРЛ

Полное собрание русских летописей, Москва, С.-Петербург, 1841–.

Син591

ГИМ, Синодальное собр., № 591, Сборник XVI в.

Литература

Вилкул 2003

Вилкул Т. Л., Новгородская первая летопись и Начальный свод, *Palaeoslavica*, 11, 2003, 5–35.

Виноградов, Желтов 2019

Виноградов А. Ю, Желтов М. С., Порядок вступления иерархов на кафедру в домонгольской Руси и вопросы хронологии первых митрополитов Киевских, *Богословские труды*, 49, 2019, 155–169.

Высоцкий 1966

Высоцкий С. А., *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Выпуск 1*, Киев, 1966.

Гиппиус 2012

Гиппиус А. А., До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции, *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, Макаров Н. А., ред., Москва, Вологда, 2012, 37–63.

——— 2016

Гиппиус А. А., К прочтению надписи № 1541 Софии Киевской, *Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*. Москва, 20–22 апреля 2016, Москва, 2016, 79–81.

Древняя 2014

Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия, Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, ред., Москва, 2014.

Евдокимова 2008

Евдокимова А. А., Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа, *Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год*, Москва, 2008, 465–518.

Жуковская 1987

Жуковская Л. П., Двести списков XIV–XVII вв. небольшой статьи как лингвистический и исторический источник (статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым), *Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность*, Киев, 1987, 33–62.

Кабанець 2003

Кабанець Є. П., До історії «Проложного сказання про освячення церкви святого Георгія в Києві», *Нові дослідження давніх пам'яток Києва: Матеріали наукової конференції Національного заповідника «Софія Київська»* (Київ, 22–23 листопада 2001 р.), Київ, 2003, 110–121.

Каган 1995

Каган М. Д., Каган, *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, 3, СПб., 1995, 3–4.

Корнієнко 2010

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Частина II: Приділ св. апостолів Петра і Павла*, Київ, 2010.

Лосева 2009

Лосева О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков*, Москва, 2009.

Назаренко 2009

Назаренко А. В., *Древняя Русь и славяне*, Москва, 2009.

——— 2015

Назаренко А. В., Дудика, Негварь: два германских антропонима в новгородских памятниках, *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 4, 1, 2015, 323–333.

——— 2017

Назаренко А. В., О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы), *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура (Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. Москва, 14–16 октября 2015 г.)*, Н. А. Макаров, А. В. Назаренко, ред., Москва, Вологда, 2017, 130–175.

Назаренко, Флоря 2013

Назаренко А. В., Флоря Б. Н., Киевская епархия. К[иевская] е[пархия] в кон. X – сер. XIII в., *Православная энциклопедия*, 33, Москва, 2013, 151–155.

Поппэ 1989

Поппэ А., Митрополиты киевские и вся Руси (988–1305 гг.), Щапов Я. Н., *Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв.*, Москва, 1989, 191–206.

 1996

Поппэ А., Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305 гг.), Подскальски Г., *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, 2-е изд., С.-Петербург, 1996, 446–471.

Приселковъ 1913

Приселковъ М. Д., *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.*, С.-Петербургъ, 1913.

Толочко 2018

Толочко А. П., Замечания о первых митрополитах киевских, *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори*, Москва, 2018, 73–90.

Шапов 1976

Шапов Я. Н., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

References

Evdokimova A. A., Korpus grecheskikh graffiti Sofii Kievskoi na freskakh pervogo etazha, *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2005 god*, Moscow, 2008, 465–518.

Gippius A. A., Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniia letopisnaia istoriia Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii, *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaiia panorama*, Makarov N. A., ed., Moscow, Vologda, 2012, 37–63.

Gippius A. A., K prochteniiu nadpisi № 1541 Sofii Kievskoi, *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXVIII Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moskva, 20–22 aprelia 2016, Moscow, 2016, 79–81.

Kabanets E. P., Do istoriit «Prolozhnogo skazannia pro osviahennia tserkvy sviatogo Georgiia v Kyevi», *Novi doslidzhennia davnikh pam'iatok Kiev: Materialy naukovoii konferentsiit Natsional'nogo zapovidnyka "Sofiiia Kyiivs'ka" (Kyiv, 22–23 lystopada 2001 r.)*, Kyiv, 2003, 110–121.

Kagan M. D., *Entsiklopediia «Slova o polku Igo-reve»*, 3, St. Petersburg, 1995, 3–4.

Kornienko V. V. *Korpus graffiti Sofii Kyiivs'koi (XI — pochatok XVIII st.). Chastyna II: Prydil sv. apostoliv Petra i Pavla*, Kyiv, 2010.

Loseva O. V., *Zhitiia russkikh sviatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII — pervoi treti XV vekov*, Moscow, 2009.

Melnikova E. A., Petrukhin V. Ya., eds., *Drevniaia Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediia*, Moscow, 2014.

Nazarenko A. V., *Drevniaia Rus' i slaviane*, Moscow, 2009.

Nazarenko A. V., Dudika, Negvar: Two German Anthrononyms in Texts from Novgorod, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 4, 1, 2015, 323–333.

Nazarenko A. V., O vremeni uchrezhdeniia Kievskoi mitropolii (sovremennoe sostoianie problemy),

Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura (Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsiit v pamiat' tysiacheletiia konchiny sviatogo ravnopostol'nogo kniazia Vladimira i muchenicheskogo podviga sviatykh kniaziei Borisa i Gleba. Moskva, 14–16 oktiabria 2015 g.), Makarov N. A., Nazarenko A. V., eds., Moscow, Vologda, 2017, 130–175.

Nazarenko A. V., Florya B. N., *Kievskaiia eparkhiia. K[ievskaia] e[parkhiia] v kon. X — ser. XIII v., Pravoslavnaia entsiklopediia*, 33, Moscow, 2013, 151–155.

Poppe A., Mitropolity kievskie i vseia Rusi (988–1305 gg.), Shchapov Ya. N., *Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi XI–XIII vv.*, Moscow, 1989, 191–206.

Poppe A., Mitropolity kievskie i vseia Rusi (988–1305 gg.), Podskal'ski G., *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)*, 2nd ed., St. Petersburg, 1996, 446–471.

Shchapov Ya. N., *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.*, Moscow, 1976.

Tolochko A. P., Zamechaniia o pervykh mitropolitakh kievskikh, *Vertograd mnogotsvetnyi. Sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori*, Moscow, 2018, 73–90.

Vilkul T. V., Novgorodskaiia pervaiia letopis' i Nachal'nyi svod, *Palaeoslavica*, 11, 2003, 5–35.

Vinogradov A. Yu, Zheltov M. S., Poriadok vstupleniia ierarhov na kafedru v domongol'skoj Rusi i voprosy khronologii pervykh mitropolitov Kievskikh, *Bogoslovskie trudy*, 49, 2019, 155–169.

Vysockii S. A., *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi XI–XIV vv. Vypusk 1*, Kiev, 1966.

Zhukovskaya L. P., Dvesti spiskov XIV–XVII vv. nebol'shoi stat'i kak lingvisticheskii i istoricheskii istochnik (stat'ia Prologa o postroenii tserkvi vo imia Georgiia Iaroslavom Mudrym), *Istoricheskie traditsii dukhovnoi kul'tury narodov SSSR i sovremennost'*, Kyiv, 1987, 33–62.

Андрей Юрьевич Виноградов,

кандидат исторических наук,

доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук,

старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории

медиевистических исследований факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

105066 Москва, Старая Басманная, 21/4

Россия / Russia

auvinogradov@hse.ru

Received January 25, 2019

Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения*

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Светлана Михайловна Толстая

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Lexis of the Russian North: State and Prospects of Study

Elena L. Berezovich

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Svetlana M. Tolstaya

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье анализируется современное состояние изучения лексики говоров Русского Севера. Раскрывается понятие *Русский Север*, кратко характеризуется севернорусская диалектная зона в свете ее языковых особенностей, объема

* Авторская работа С. М. Толстой выполнена в рамках проекта «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», поддержанного Российским научным фондом (проект № 17-18-01373). Авторская работа Е. Л. Березович выполнена за счет средств проекта 34.2316.2017/4.6 «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

Авторы выражают благодарность Е. П. Андреевой, Т. Н. Бунчук, Н. В. Кабининой, И. Б. Качинской, И. А. Кюршуновой, А. А. Макаровой за ценные консультации при подготовке статьи.

Цитирование: Березович Е. Л., Толстая С. М. Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 486–525.

Citation: Berezovich E. L., Tolstaya S. M. (2019) Lexis of the Russian North: State and Prospects of Study *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 486–525.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.19

лексического массива севернорусских говоров в сравнении с южнорусскими, принципиальной важности ее изучения для славянского языкознания в целом. Представлен обзор основных словарей севернорусских говоров со времени появления лексикографии Русского Севера по сегодняшний день. В него вошли словари разного охвата территории: макрорегиональные (включающие лексику всего Русского Севера), посвященные отдельным зонам (Архангельской, Вологодской, Карельской и др.), микротерриториальные (вплоть до словарей отдельных населенных пунктов); разного типа и предмета изучения: лексические, фразеологические, ареально-тематические, ареально-этимологические, словари языковой личности. Отдельное внимание уделено любительской лексикографии. Представлен также обзор монографий, диссертаций, статей, посвященных севернорусской лексике и фразеологии. Эти исследования рассматриваются по тематическому принципу: сгруппированы работы, в которых проводится семантико-мотивационный анализ разных групп конкретной и абстрактной лексики; осуществляется этимологическая интерпретация лексем; сквозь призму языковых фактов изучаются верования, традиционная обрядность, фольклор; выделены этимологические труды, работы по грамматике и мн. др. В обзоре сформулированы аргументы в пользу необходимости продолжения сбора севернорусской диалектной лексики и ее словарного представления, обозначены перспективы и задачи ее изучения. Самостоятельной ценностью для исследователей-диалектологов, этимологов, историков языка и др. обладает пристатейный список литературы — обширная библиография, в которой собраны лексикографические и лексикологические труды, посвященные говорам Русского Севера.

Ключевые слова

русская диалектология, ареальная лингвистика, лексика, Русский Север, севернорусские говоры, словари говоров Русского Севера, библиография по Русскому Северу

Abstract

The article analyzes the current state of the studies on the vocabulary of the Russian North dialects. The concept of *the Russian North* is discussed, the Russian North dialectal zone is briefly characterized in light of its linguistic features, of the Northern Russian dialectal vocabulary size in comparison with the Southern Russian dialects, and of the fundamental importance of its study for Slavic linguistics in general. The article also presents a review of the main dictionaries of the Northern Russian dialects since the appearance of the Russian North lexicography to the present day. It includes dictionaries of different coverage of the territory: macro-regional (the ones including vocabulary of the whole Russian North), the ones dedicated to certain zones (Arkhangelsk, Vologda, Karelian regions, etc.), micro-territorial (including dictionaries of certain settlements); of different types and subjects of study: lexical, phraseological, areal-thematic, areal-etymological, dictionaries of personal linguistic identity. Special attention is paid to non-professional lexicography. The review of studies (monographs, dissertations, articles) on the Northern Russian lexicon and phraseology is also presented. They are considered from a thematical

point of view: these are works where the semantic and motivational analysis of different groups of concrete and abstract lexis is carried out, etymological interpretation of lexemes is given; works where beliefs, traditional rituals, folklore are considered through the prism of linguistic facts; etymological works, works on grammar, etc. The arguments in favor of the need to continue the collection of the Northern Russian dialects vocabulary and its dictionary representation are given, prospects and objectives of its study are formulated. A list of references is of high importance for researchers — dialectologists, etymologists, historians of language, etc. — it is an extensive bibliography, which contains lexicographical and lexicological works on the dialects of the Russian North.

Keywords

Russian dialectology, areal linguistics, lexis, Russian North, Northern Russian dialects, dictionaries of Russian North dialects, bibliography on the Russian North

Изучение Русского Севера (далее — РС) в совокупности его исторических, этнокультурных, языковых, фольклорных характеристик в наше время составляет особую гуманитарную область со своими специфическими задачами и источниками. В языковом отношении РС с самого начала понимался как типологически значимый в общеславянском масштабе регион, характерные черты которого (оканье, рефлекс *ять*, закрытое *о*, взрывное *з*, цоканье, постпозитивное местоимение-член, некоторые лексические показатели и др.) не только выделяют севернорусские диалекты на великорусской и восточнославянской карте, но и одновременно объединяют их с другими языками славянского мира. Эти типологические черты севернорусской диалектной зоны давали основание многим ученым (А. А. Шахматов, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Дурново, Т. Лер-Сплавинский, Г. А. Хабургаев и др.) рассматривать ее как отдельный восточнославянский языковой идиом, наравне с белорусским, украинским и южнорусским (см. подробнее [Толстая 2018]).

Термин *Русский Север* имеет разное понимание: чисто географическое (северная часть Европейской России), историческое (применительно к периоду XIX — нач. XX в. это Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии [Пашков 2018: 683]), административное (пять субъектов Российской Федерации: Архангельская, Вологодская и Мурманская области и две республики — Карелия и Коми). При узкой трактовке термина в границы РС не включаются республики Карелия и Коми (кроме Низовой Печоры), а также Ненецкий автономный округ. В этом случае под РС понимается Архангельская (без Ненецкого АО), Вологодская, Мурманская области, а также Низовая Печора, равная по

территории бывшему Печорскому уезду Архангельской губернии. При еще большем сужении термина исключаются Мурманская область и Припечорье, географически изолированные от основной территории РС и имеющие более неоднородное в этническом плане население; из этой — наиболее узкой — трактовки исходят, к примеру, составители «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС]. Об истории и содержании термина *Русский Север*, а также о динамике соответствующего понятия см. подробнее [Калуцков 2010; Idem 2011]. Общие вопросы этнической и языковой истории РС и его границ освещаются в работах [Веденин et al. 2004; Дерягин 1966; Образование севернорусского наречия 1970; Комягина 1972; Чайкина 1976; Судаков 1979; Герд et al. 1985; Очерки исторической географии 2001; Пожарицкая 2002; Ильина 2012; Притяжение Севера 2018], см. также статьи [Зорина 1995; Герд 1987; 1991; Гецова 1997; Михайлова 1999; Нефедова 2016].

РС часто и с полным основанием рассматривается как заповедник общеславянской и восточнославянской архаики. Это касается не только фонетических и грамматических черт, которые более или менее изучены, но и лексических особенностей севернорусских говоров, которые изучены в меньшей степени. До сих пор лексика совершенно недостаточно использовалась в изучении вопросов славянского этноглотогенеза, несмотря на то что, по словам В. Н. Топорова, наибольший прогресс в реконструкции праславянского языка «связан с изучением тех языковых элементов, которые с преимущественной непосредственностью отсылают (и потому могут рассматриваться как своего рода индексы или — при другом подходе — как тексты) к особенностям структуры пространства, времени, типа культуры, — словарь, особенно топонимастиические элементы, “культурные” слова, заимствования и т. п. Именно в этой перспективе находит объяснение то особое значение, которое придается теперь составлению словарей (этимологических, исторических, диалектных) и собиранию топонимастического материала, решительно потеснившим “грамматические” исследования (включая, разумеется, и фонетические), преобладавшие в течение длительного предыдущего периода» [Топоров 1988: 265]¹.

¹ В настоящем обзоре, вынужденно (из-за ограниченного объема статьи) неполном, речь будет идти в основном об изучении нарицательной лексики. Исследования по ономастике говоров РС нуждаются в отдельном обзоре, поскольку эта особая область разрабатывалась и разрабатывается детально и мощно, ср. труды (циклы статей, диссертации, монографии, словари) таких авторов, как Ю. В. Алабугина, О. В. Атрошенко (Моргунова), Е. Л. Бerezovich, Ю. Б. Воронцова, М. Л. Гусельникова, Н. В. Кабинина, Т. И. Киришева, А. А. Макарова, А. К. Матвеев, Э. Ю. Попова, И. С. Просвирина, М. Э. Рут, Л. А. Субботина, Л. А. Феоктистова (Екатеринбург), Д. В. Кузьмин, Е. В. Захарова, Г. М. Керт, О. Л. Карлова, И. А. Кюршунова, Н. Н. Мамонтова,

Объем лексики говоров Русского Севера

Нетрудно заметить, что говоры РС представлены в сводном «Словаре русских народных говоров» (далее СРНГ) более объемно, чем южнорусские. Если подсчитать, сколько раз в отдельных томах СРНГ фигурируют пометы, указывающие на три области РС (пометы «Арх.», «Волог.», «Олон.») и три южнорусские области — центральную, восточную и западную (пометы «Курск.», «Ворон.» и «Смолен.»), то можно получить представление о доле севернорусской лексики относительно южнорусской². Подсчеты велись с «шагом» примерно в 5 томов СРНГ (по 11 томам из 50 вышедших). В результате установлено, что пометы, указывающие на говоры РС, встречаются вдвое (в 1,9 раза) чаще, чем пометы, маркирующие лексику, записанную на юге.

	Говоры Русского Севера			Южнорусские говоры		
	Арх.	Волог.	Олон.	Смол.	Ворон.	Курск.
Том 1	287	270	131	218	125	310
Том 5	1119	742	411	436	199	424
Том 10	1211	710	876	664	506	491
Том 15	1083	615	487	566	342	400
Том 20	1482	631	338	870	219	366
Том 25	1408	868	479	592	202	342
Том 30	1329	493	528	621	243	347
Том 35	353	142	148	137	62	58
Том 40	986	364	327	457	137	193
Том 44	1017	586	391	414	207	211
Том 50	601	612	123	635	103	151
	10876	6033	4726	5610	2345	3293
	21635			11248		

И. И. Муллонен (Петрозаводск), А. С. Герд, А. И. Соболев (Санкт-Петербург), Е. Н. Варникова, С. Н. Смольников, Ю. И. Чайкина (Вологда), Г. И. Глебо, А. Г. Мусанов, А. И. Туркин (Сыктывкар), Н. А. Волкова, Н. П. Тихомирова (Череповец), Р. А. Агеева, А. Л. Шилов (Москва), Я. Саарикиви (Хельсинки) и др.

² Следует иметь в виду, что помета «Олон.» сразу ограничивает возможности учета лексики дореволюционными данными. Кроме того, архангельские говоры не представлены пока в СРНГ самым масштабным региональным сводом диалектной лексики из существующих — картотекой АОС (и вышедшими томами АОС); вологодские и архангельские совокупно — обширной картотекой СГРС (и вышедшими томами); не включена в наши подсчеты и значительная часть материалов СРГК.

Безусловно, на такие результаты существенно повлияли субъективные факторы: на РС много ездили диалектологи прошлого, а также представители сильнейших университетов нового времени — МГУ, СПбГУ, УрФУ и др. (хотя результаты их сборов как раз минимально были учтены при подсчетах). Но и объективных причин такого положения дел много и они нуждаются в отдельном изучении, хотя некоторые из них ясны априори. Во-первых, на сохранность лексики РС благотворно влияет консервирующая сила маргинального расположения, удаленность от основных торговых путей и пр. Во-вторых, здесь меньше городов и миграций населения. В-третьих, на севере русским пришлось встретиться с большим количеством таких реалий (относящихся как к ландшафту, климату, флоре, фауне, так и к сфере материальной культуры — промыслов, строительства и пр.), для которых не было лексики в исконном фонде — и ее пришлось создавать заново и заимствовать из языков аборигенных и соседних народов (в первую очередь финно-угорских). Разумеется, новации исконного происхождения и заимствования были и в лексике южнорусских говоров, но на юге — по экстралингвистическим причинам — в целом проявлялась меньшая потребность в новых словах, чем на севере. Наконец, существенно и такое обстоятельство. Те три области РС, по которым велись подсчеты, занимают площадь, в 6,4 раза превышающую площадь трех южнорусских областей (при населении, которое меньше южнорусского в 1,6 раз). Получается, что северные говоры «растянуты» на гигантские расстояния, при этом населенные пункты гораздо сильнее изолированы друг от друга, чем на юге. Это создает практически идеальные условия для развития «диалектности» и консервации говора. По сути, говоры РС вместе с дочерними говорами Урала и Сибири ставят невиданный эксперимент над языком: именно здесь один и тот же язык покрывает огромные территории, давая изумительное языковое разнообразие. По количеству диалектных лексических данных (даже без учета огромных материалов АОС, СГРС и ряда томов СРГК) Архангельская область является абсолютным лидером среди всех областей России.

Словари говоров Русского Севера

Лексикография говоров РС берет свое начало от словаря поморской речи англичанина Ричарда Джемса начала XVII в. (издан Б. А. Лариным [Ларин 1959]; см. также статью С. С. Волкова «Русский быт и культура в словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619)» [Волков 1993]).

Затем словарный состав говоров РС попадает под пристальное внимание как лексикографов XIX в. (в том числе В. И. Даля), так и собирателей и исследователей XX–XXI вв. Перечень словарей говоров

РС целесообразно представить не в хронологическом порядке, а территориально, чтобы более наглядной была степень обследованности различных регионов. Из **макротерриториальных** словарей надо назвать 6-томный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» под редакцией А. С. Герда [СРГК], собранный и составленный преимущественно диалектологами Санкт-Петербурга и Петрозаводска, а также Череповца, Вологды, Сыктывкара и др. Этот словарь включает, помимо карельских диалектов, лексику Мурманской области, частично Архангельской и Вологодской (западные районы), Ленинградской, Новгородской и Тверской областей. Другой крупный диалектный свод, включающий результаты фронтальных сборов на территории Архангельской и Вологодской областей, — «Словарь говоров Русского Севера» [СГРС] — составляется в Уральском университете под редакцией А. К. Матвеева и М. Э. Рут; к 2019 г. вышли 7 томов (А–М); коллектив авторов планирует издать два тома дополнений к этим буквам, а затем продолжить выпуск словаря.

Переходя к словарям, описывающим отдельные области (губернии) и районы РС, остановимся сначала на **Архангельской области**. Наиболее известен самый фундаментальный из русских (мировых?) диалектных словарей — «Архангельский областной словарь» [АОС], который составляется сотрудниками кафедры русского языка МГУ (автор идеи и редактор первых 12-ти выпусков — О. Г. Гецова; в настоящее время словарь редактирует Е. А. Нефедова). За период с 1980 по 2019 г. опубликованы 19 томов (А–ЗАРЯЧКАТЬСЯ); поскольку сбор материала продолжается, ясно, что нужны будут дополнения — и словарь в его полном виде может достичь объема в сотню томов. Из дореволюционных особо значим «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого [Подвысоцкий 1885], ставший первым в России полным словарем по одному областному наречию. Эта книга стоит в ряду знаменитых словарей прошлого, авторы которых были особо внимательны к народной культуре — как материальной (земледельческой, промысловой и др.), так и к духовной (верованиям, обрядам, паремиологии)³. Словарь «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор» А. Н. Грандиловского [Грандиловский 1907] написан на материале диалекта Куростровской волости Архангельской губернии, которая входит в современный Холмогорский район. В настоящее время готовится словарь говоров Пинежья, в основе которого лежит диалектная

³ О словаре А. И. Подвысоцкого в свете русской и славянской этнолингвистической традиции XIX — нач. XX в. и других подобных словарях (в том числе — и главным образом — по территории Русского Севера) см. в [Плотникова 2000: 56–79].

картотека, собранная студентами ЛГУ в 1958–1979 гг. под руководством Г. Я. Симиной⁴; вышел подробный проспект с историей вопроса и многочисленные пробные статьи [Левичкин, Мызников 2014]. Некоторые лексические единицы «диалектного происхождения» помещены в «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска» [СНРАрх].

Лексика архангельских говоров на небольшой территории современного Каргопольского района стала объектом описания в «Словаре областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского [Куликовский 1898] — в составе более широкого региона — **Олонецкой губернии** (современный Вытегорский район Вологодской области, а также бывшие Олонецкий, Лодейнопольский, Петрозаводский, Повенецкий, Пудожский уезды, распределенные теперь между Карелией (преимущественно) и Ленинградской областью). Говоря о русских говорах Карелии, следует упомянуть и словарь И. М. Дурова [Дуров 2011], который посвящен карельскому (точнее, Кемско-Сорокскому) **Беломорью**⁵. Этот последний из серии словарей говора «в его бытовом и этнографическом применении» представляет особый интерес потому, что он составлялся в то время, когда диалектные словари в стране практически не создавались — примерно с 1912 по 1932 г. (в 1937 г. автор был репрессирован и погиб в печально известном урочище Сандармох). Говоры Беломорья стали объектом описания и в словаре С. А. Мызникова [Мызников 2010]. Автор выборочно обследовал населенные пункты (около 60) в нескольких районах Архангельской области, Карелии и Мурманской области, прилегающих к Белому морю. Отдельно говорам **Мурманской области** посвящен краткий словарь (5000 слов) И. С. Меркурьева «Живая речь кольских поморов» [Меркурьев 1979]. Таким образом, русские говоры Мурманской области, как представляется, получили пока недостаточно полное освещение: помимо трех мурманских районов, описанных в СРГК, есть только выборочные записи (что не снижает, а увеличивает их ценность) в словарях И. С. Меркурьева и Мызникова. Судя по «любительскому» словарю Н. Д. Кушкова [Кушков 2011] (о нем см. ниже), в Мурманской области сохранилось еще прекрасное поле для деятельности диалектологов.

Что касается говоров **Вологодчины**, то есть «Словарь вологодских говоров» [СВГ] в 12 выпусках, издававшийся Вологодским педагогическим институтом (университетом) под редакцией Т. Г. Паникаровской и Л. Ю. Зориной в 1983–2007 гг.; вышла и сокращенная («школьная»)

⁴ Следует упомянуть и книгу самой Г. Я. Симиной, куда вошел богатый лексический материал по пинежским говорам [Симиная 1976].

⁵ Словарь интересен и тем, что его автор совмещает две позиции: внутреннюю — носителя описываемого говора (он родился и долгое время жил в селе Сумский Посад на Поморском берегу Белого моря) и внешнюю — этнографа и лексиколога.

версия этого словаря — «Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики» [ВС]. Более 100 лет назад был составлен «Словарь областного вологодского наречия», автор которого, П. Я. Дилакторский, задумал его в духе Подвысоцкого, Куликовского и др.; эта книга была подготовлена к изданию А. Н. Левичкиным и С. А. Мызниковым и опубликована только в 2006 г. [Дилакторский 2006]. К числу дореволюционных принадлежит также «Словарь уездного череповецкого говора» М. К. Герасимова [Герасимов 1910], работавшего фельдшером в Уломской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии (территория этого уезда в настоящее время входит в состав Кадуйского, Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской области). Эта же зона — с расширением до 10 западных районов Вологодчины (территория Белозерья) — описывается в «Словаре западных говоров Вологодской области», который начал выпускаться в Череповецком университете в 2016 г. (вышел 1 том: А–Б) [СЗГВО].

Что касается русских говоров **республики Коми**, то их лексическое своеобразие отражено в двухтомном «Словаре русских говоров Низовой Печоры» [СРГНП] под редакцией Л. А. Ивашко: в центре внимания лексикографов Усть-Цилемский район республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области. Материалы для словаря собирались экспедициями Ленинградского университета и Коми пединститута. Большое внимание лексикографы Коми уделили фразеологии (см. ниже).

Все названные словари являются дифференциальными и толковыми. Безусловно, каждый из них имеет свою специфику, о которой, к сожалению, здесь нет возможности говорить подробно. Например, составители АОС обращают особое внимание на семантику общерусского слова в говоре (см. об этом специальные исследования, связанные с практикой составления словаря [Ильинская 2001; Пак 2010]), детально разрабатывают подачу служебных слов и др., в то время как в СГРС большую роль играют те терминологические группы, в которых наиболее вероятно появление заимствований: лексика рыбалки и охоты, судостроения, метеорологическая лексика, географическая терминология (последняя группа разработана наиболее обстоятельно, поскольку диалектологи УрФУ параллельно занимались фронтальным сбором топонимии). Это лишь один пример расстановки лексикографических акцентов, говорящий о том, что все перечисленные словари дополняют друг друга⁶. Осмыслению особенностей формирования словника словарей,

⁶ Ряд толковых словарей говоров Русского Севера будет продолжаться (АОС, СГРС, СЗГВО), а кроме того, будут создаваться новые словари. Так, сотрудники кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ более 40 лет собирают диалектный материал на территории Костромской

подачи слов, иллюстративного материала в ведущих словарях говоров РС посвящены работы А. С. Герда, О. Г. Гецевой, Е. А. Нефедовой, М. Э. Рут и др.

Необходимо отметить и **«аспектные»** словари. Среди них выделяются **тематические**, в которых описана рыбацкая лексика Поморья [Дуров 1929], промысловая лексика Северной Руси [СПЛСР] (этот словарь является одновременно историческим, поскольку основан на памятниках письменности XV–XVII вв.), лексика народной духовной культуры (игры, верования, обряды и др.) [Морозов et al. 1997]⁷. Готовится «Этнокультурный словарь русских говоров Карелии» (о нем см. в [Михайлова, Рутт 2013; 2014]. Этнолингвистическим по способу представления материала станет и словарь «Пища Русского Севера», который составляется К. В. Осиповой; принципы его составления описаны в [Осипова 2017в].

Заметное место занимают **фразеологические** словари, написанные на материале вологодских говоров [ЗР] и говоров республики Коми [Кобелева 2004; Ставшина 2008]⁸.

Если названные словари фокусируются на отдельных пластах лексического материала, то есть и такие, которые задают определенный угол его анализа. Особо следует выделить опыты словарей, связанных с решением **ареально-этимологических задач**. Один из них предложен А. С. Гердом [Герд 1995–2009], определившим задачи своего словаря так: «Предлагаемые ниже очерки географии севернорусских слов направлены на реконструкцию истории Ладого-тихвинской группы говоров юго-восточного Приладожья, но одновременно они могут рассматриваться и как материалы для этимологического словаря севернорусских диалектов» [Герд 1995: 85]. Если иметь в виду узкую трактовку термина *Русский Север*, то в указанную группу входят только юго-западные говоры Вологодчины, но многие из попавших в поле зрения автора слов имеют более широкую географию на РС. Собственно этимологический жанр выдержан в первом выпуске «Материалов для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» (А–И) под редакцией А. К. Матвеева [МФУЗ]; хочется выразить надежду, что

области, при этом особое внимание уделяется Вологодско-Костромскому пограничью, главным образом — северо-восточным районам Костромской области, которые входили когда-то в Никольский уезд Вологодской губернии (Вохомский, Октябрьский, Павинский). На основе полевых карточек будет создан «Словарь говоров Костромской области».

⁷ Материал, оформленный в виде статей этнолингвистического словаря, щедро включается и в книгу И. А. Морозова и И. С. Слепцовой «Круг игры» [2004].

⁸ Автор одного из названных словарей — И. А. Кобелева — написала важную монографию, в которой осмысливаются проблемы диалектной фразеологии именно на материале словарей РС [Кобелева 2007].

работа над этим словарем будет продолжена. С. А. Мызников подготовил «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [Мызников 2002], который, по сути, представляет собой свод наиболее важных и вариативно воплощаемых идеограмм (например, ‘молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь’, ‘небольшой лещ’, ‘мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой’, ‘спутанные, всклокоченные волосы’, ‘приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке’ и т. п.), которые «заполняются» (преимущественно или исключительно) лексикой финно-угорского происхождения, нанесенной на карту и снабженной этимологическими комментариями. Отметим, что кроме этого труда и атласа Л. П. Комягиной [Комягина 1994], в котором даны 198 карт, посвященных не только финно-угорской, но и исконной лексике Архангельской области (см. рецензию в [Вендина 1997]), других лексических атласов РС, кажется, нет, что составляет явную лакуну в ареальном изучении рассматриваемых говоров. К этимологическим словарям близок мотивационный, который сделан на материале наречий архангельских говоров [МСНАГ]. Решению этимолого-словообразовательных задач способствуют также «Обратный словарь Архангельских говоров» [ОСАГ], созданный на материале вышедших к 2006 г. томов АОС и его картотеки, и «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л. П. Михайловой [Михайлова 2013a], составленный на общерусском материале, но с особым вниманием к говорам РС.

Имеются также словарные опыты описания **микротерриторий**: работа над ними позволяет отслеживать полноту записи отдельных тематических групп и подтверждать единичные и редкие свидетельства. Среди них «Словарь вологодского режского говора» [СВРГ], основанный на многолетних сборах в Режском сельском поселении (в бассейне реки Режи на территории Сямженского района). Профессор Вологодского университета Л. Г. Яцкевич составила словарь говора своей родной деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области [Яцкевич 2011: 97–153]. Коллектив кафедры русской филологии Сыктывкарского университета под руководством Т. Н. Бунчук готовится издавать «Словарь говора с. Лойма Прилузского района Республики Коми» (об этом проекте см., например, в [Бунчук 2014]).

«Минимальный» объект словарного описания — **языковая личность**. Героем такого словаря ожидаемо стал писатель В. И. Белов, родившийся и долгое время живший в деревне Тимониха Харовского района Вологодской области [Яцкевич 2004]. Другой словарь языковой личности посвящен А. И. Пономаревой, жительнице д. Судрома Вельского района Архангельской области; при этом для представления в

словаре избран не весь лексикон, но весьма яркая и характерная для диалектного тезауруса его часть — экспрессивная лексика [Нефедова 2001]. В Сыктывкарском университете готовится также словарь «Бабушка Марика говаривала», составляемый Т. Н. Бунчук и Л. В. Куликовой, см.: [Бунчук 2018].

Наконец, нельзя не упомянуть такое значимое явление, как **«любительская»** лексикография. Не будем затрагивать здесь проблему непрофессиональной лексикографии XIX в., поскольку в то время грань между нею и профессиональной лексикографией была гораздо более тонкой, чем 100–150 лет спустя⁹. В настоящее время любительских словарей говоров РС немало. Во-первых, есть словари, которые публикуют сами авторы — будь то целые коллективы местных краеведов (как в случае со словарем говоров Устьянского района Архангельской области [УНС]) или — что бывает чаще — один энтузиаст-любитель. Это, например, словари Н. Ф. Аннина [Аннин 2001] (говор Каргополья), В. Куковеровой [Куковерова 2016] (Кичменгско-Городецкий район Вологодской области), Н. Д. Кушкова [Кушкова 2011] (село Варзуга Мурманской области), С. М. Мишнева [Мишнева 2013] (Тарногский район Вологодской области), З. А. Морозковой [Морозкова 2017] (Усть-Кубинский район Вологодской области), Н. Ф. Шутовой [Шутова 2009] (куст деревень Лиходеево в Вельском районе Архангельской области) и др. Во-вторых, любительские словарики комментируются и публикуются профессиональными лингвистами (см. словарь М. С. Устиновой, жительницы беломорской деревни Летняя Золотица, который она передала нам для публикации [Березович 2003]). В-третьих, есть перечни слов, которые составляются диалектоносителями по собственному желанию или по просьбе профессионалов, при этом изначально они не нацелены на издание. Сбором и анализом любительских словарей (преимущественно из второй и третьей групп) занимается Е. Д. Бондаренко, которая посвятила им ряд своих публикаций и раздел в кандидатской диссертации (например, [Бондаренко 2014; Eadem 2015: 155–214]), а также готовит сводный словарь, учитывающий данные всех доступных источников такого рода по территории РС. Любительские словари — пока недооцененный источник, они представляют большой интерес в разных аспектах (в первую очередь для изучения наивного языкового сознания и метаязыковой рефлексии, для обнаружения социолингвистических акцентов в лексиконе носителя говоров). Особо интересны опыты лексикографии, осуществленные известными писателями или

⁹ Ряд любительских словариков и перечней слов учтен при составлении СРНГ (ср., например, [Певин 1896]), но многие источники еще не введены в широкой научный оборот (см., к примеру, авторские словари Н. К. Отто, И. Н. Муромцева, ставшие известными по публикации Л. М. Козневой [Кознева 2013]).

учеными. Скажем, Б. В. Шергин составил небольшой «Словарь поморских специальных слов и выражений» [Шергин 2014], который содержит любопытные наблюдения и записи редких слов, не учтенные, к сожалению, в «большой лексикографии» (как не «оприходованы» лексикографами и те слова, которые не попали в словарь, но рассыпаны по текстам писателя: так, шергинская фиксация слова *б́ишка* ‘сухое печенье’ имеет решающее значение для его этимологизации [Березович (в печати)]). Недостаточно введены в научный оборот и результаты лексикографической работы столь яркой исследовательницы РС, как К. П. Гемп, составившей «Словарь поморских речений» на основе картотеки, которую пополняла на протяжении всей своей долгой жизни (1894–1998) [Гемп 2004]. Будучи биологом-альгологом, изучавшим в том числе лечебное применение водорослей, она посвятила один из разделов словаря народной медицине Беломорья, включив в него не только специфические слова-термины, но и ключевые речевые обороты и даже рецепты.

В контексте нашей статьи существенна собственно лексикологическая значимость материала любительских словарей, его способность пополнить диалектный лексический фонд, доступный исследователям-языковедам. Она несомненна — как несомненна и важнейшая задача верификации тех данных, которые приводятся в любительских словарях (корректировка дефиниций, грамматических форм, запись иллюстративных контекстов, уточнение географии и пр.). Важнее всего установить, насколько аутентична сама запись той или иной словоформы как лексической единицы. К примеру, в словаре И. И. Мосеева «Поморська говора», который пользуется относительной известностью в кругу диалектологов, есть значительное число лексем-гапаксов, которые не подтверждаются никакими другими источниками, а среди них, в свою очередь, ряд слов, вызывающих сомнения¹⁰: *а́нёва* ‘длинная полоса зари вдоль горизонта, предвещающая ветер и перемену погоды’, *гарьё* ‘пустынный берег с песчаными дюнами’, *ноцимёржа* ‘мартовский тонкий и гибкий лед, образующийся ночами и тающий днем’, *та́йма* ‘ботва растений’, *юрмолы* ‘урмолы — заливные луга в низинах, по берегам рек и островов: «О Колмогорьё этта Ракульска Юрмола да Батьурмола» (топоним?) [Мосеев 2005: 36, 52, 85, 114, 127] и мн. др. В целом не менее половины лексических фиксаций из словаря Мосеева должны подвергнуться корректировке либо проверке на достоверность. Таким образом, для профессиональных «полевиков», занимающихся лексикой РС, стоит

---

¹⁰ Проверка затруднена и тем, что словарные фиксации не снабжены никакими географическими пометами, а территория, занимаемая говорами Поморья, огромна.

задача не только «собственного» дальнейшего сбора, но и верификации «темных» фактов¹¹, имеющихся в любительских словарях¹².

Богатый лексический материал, во многих случаях не отраженный в диалектных словарях, содержится в севернорусских фольклорных текстах, заслуживающих специального изучения и включения в лексический корпус РС¹³. В частности, обращалось внимание на недостаточную изученность и представленность в словарях лексики севернорусских причитаний из сборника Е. В. Барсова [Толстая 2012; Сурикова 2017; Eadem 2019]. Отдельной важной задачей надо считать составление специальных словарей причитаний и других фольклорных жанров.

Качественная и количественная оценка лексики, зафиксированной основными словарями говоров Русского Севера

Посмотрим теперь, как соотносятся между собой данные, зафиксированные различными словарями севернорусских говоров. Для сравнения взяты слова на букву «А»: этот лексический массив более или менее компактен, имеется во всех словарях (в том числе продолжающихся) и позволяет (разумеется, весьма приблизительно) разделить «старые» словари от «новых» (соответствующий том СРНГ вышел в 1965 г. и включает в себя преимущественно дореволюционные материалы). На «стороне» архангельских говоров представлены 4 базовых словаря, на «стороне» вологодских — 5 словарей, при этом 3 словаря (АОС, СЗГВО и СВГ) специализируются по говорам одной области — Архангельской (АОС) или Вологодской (СЗГВО, СВГ), а остальные словари включают две (СГРС) и более областей (СРГК, СРНГ); при этом для СРГК архангельские и вологодские говоры не являются «приоритетными».

¹¹ К сожалению, слова ряда тематических групп в настоящее время уже практически не поддаются проверке. Так, в 2018 г. сотрудники ТЭ УрФУ пытались проверить в Онежском районе Архангельской области слово *лая* 'вечеринка для подростков (девочек) 10–12 лет', записанное (без примеров употребления) в ходе экспедиций историков и этнографов в эту же зону в 1987–2001 гг. [НКОП: 385]. Никто из информантов по всему району не знал ни слово, ни стоящую за ним реалию. Возможно, ошибочна сама запись.

¹² Имеются единичные, но важные примеры совместной работы профессионалов и любителей. Так, в Карелии по инициативе диалектологов и фольклористов проводился конкурс «Край родной — родное слово», участники которого (непрофессиональные) записывали лексику говоров, приметы, поговорки и проч. (один из наиболее активных организаторов конкурса со стороны диалектологов — Л. П. Михайлова), ср. [Край родной 2015].

¹³ Невнимание к материалу фольклора нередко мотивируется особым статусом фольклорной лексики, ее «наддиалектным» характером. Между тем в большинстве случаев это как раз лексика региональная и диалектная, хотя и стилистически и поэтически окрашенная, и ее полноценное изучение возможно только в контексте диалектной лексикологии.

Выбирались только пометы «Арх.» и «Волог.»; не учитывалась, скажем, помета «Сев.-Двин.».

	Арх.				Волог.				
Словарь	АОС	СРНГ (Арх)	СГРС (Арх)	СРГК (Арх)	СГРС (Волог)	СРНГ (Волог)	СЗГВО	СРГК (Волог)	СВГ
Общее количество лексем	198	134	113	38	121	88	54	33	27
Всего по Арх., Волог.	483				323				
Вклад каждого словаря в общее количество зафиксированных лексем	41%	28%	23%	8%	37,5%	27%	16,5%	10%	9%
Количество оригинальных лексем, зафиксированных в словаре	45	84 (из них 40 со знаком ?)	44	7	48	42	15	6	6
Общее количество оригинальных лексем	180 (без недостоверных – 140)				117				
% оригинальности относительно всей лексики в одном словаре	23%	63% (без недостоверных – 33%)	39%	18%	40%	48%	28%	18%	22%
% оригинальности относительно всей совокупности лексических данных	25% (33%)	47% (32%)	24,5% (32%)	4% (5%)	41%	36%	13%	5%	5%

Краткий комментарий к представленной таблице.

Среди словарей, фиксирующих, соответственно, архангельскую и вологодскую лексику, лидирует не СРНГ, а «новые» словари — АОС и СГРС. Каждый из них содержит около 40% всей лексики, отмеченной на исследуемых территориях. СРНГ дает менее трети лексики и в той, и в другой области. Однако СРНГ лидирует по числу оригинальных лексем. Если говорить о вологодских говорах, то в СРНГ 48% «эксклюзивных» слов, а у идущего следом СГРС — 40%. Что касается архангельских говоров, то здесь складывается ситуация, непростая для интерпретации: СРНГ дает 63% оригинальных слов, но среди них половина гапаксов, которые даны в словаре В. И. Даля со знаком «?»: *agáč* 'полуторный или двойной пай при дележе на промысле', *ákosь* 'свойство неуязвимости', *аремá* 'раковина, выбоина в стволе ружья' [СРНГ 1965, 1: 201, 226, 273]

и т. п. Разумеется, гапаксы есть и в новых словарях. Если не учитывать гапаксы, то вновь современные словари опережают старые¹⁴.

Для того чтобы проиллюстрировать необходимость новых сборов на территории РС, приведем выборочные примеры слов, которые были собраны сотрудниками ТЭ УрФУ в ходе полевой работы в Архангельской (Онежский район, далее *он.*) и Вологодской областях (Кичменгско-Городецкий, далее *к.-г.*), Никольский — *ник.*, Тотемский район — *тот.*) в последние три года (2016–2018) и не фиксировались ни в одном из ранее опубликованных словарей. Выбирались только те слова, которые имеют устойчивые фиксации, достоверны — и не являются словообразовательными и фонетическими вариантами лексем, представленных в уже опубликованных словарях: к.-г. *ахма́й* ‘вздорный, сварливый человек’, к.-г. *бада́рик* ‘разгильдяй’, он. *бологу́шки* ‘шмотки, манатки’, он. *вальжа́* ‘рыба подкаменщик’, к.-г. *вла́сота* ‘запас сил, бодрости, здоровья’, ник. *воротя́та пошли* ‘пришла отдача (обычно как позитивная реакция на вложенные усилия)’, он. *долоне́с, долупе́ст* ‘высокий человек’, ник. *дрозду́ха* ‘пищевые отходы’, ‘древесная труха’, к.-г. *зы́ля* ‘ком земли, льда’, он. *кала́хтальник* ‘плохо выпеченный хлеб’, он. *каля́ли* ‘старая, изношенная обувь’, ник. *ко́тик* ‘верхняя часть оконного или дверного проема’, тот. *лабазга́* ‘заросли бурьяна’, ник. *оло́пом* ‘гурьбой (идти, бежать)’, он. *опере́с* ♦ *наесться до опере́са* ‘наесться до отвала’, он. *оси́ндонь* ‘одряхлеть, состариться’, к.-г., ник. *остради́м* ‘тот, кто приносит вред, пакостничает’, тот. *пе́ндрики* ‘жерди в изгороди’, он. *пи́райдать* ‘с трудом тащить что-либо’, ник. *пона́зориться* ‘вдуматься во что-л.’, ник. *прихала́бок* ‘временный пристрой к дому (например, для детских игр)’, он. *ра́пка, ра́пушка* ‘игра в ляпки’, к.-г., ник. *у́тлина* ‘пропуск при тканье от обрыва нити основы’, ‘утрата’, ‘болезнь у человека или у скотины, навлеченная «вернувшимся» покойником», ник. *ухоме́нье, ухоми́нье* ‘дальний край деревни, захолустье’, он. *хаба́р, хаба́рник* ‘заросли мелкого кустарника’, он. *чи́нка* ‘сладость (любая)’, к.-г. *чич-мара́ч* ♦ *пойти на чич-мара́ч* ‘пойти насмарку’, он. *чу́кча* ‘болотное растение’, ник. *шанга́* ‘брага’, он. *шара́куша* ‘вид ловушки на рыбу’, он. *шмычо́к* ‘самая высокая точка на возвышенном морском берегу’ etc. Это лишь отдельные примеры, но и они могут служить дополнительным аргументом в пользу того, что сборы на территории РС доказали свою неизменную продуктивность и должны быть продолжены¹⁵.

¹⁴ При этом, конечно, старые словари содержат бесценные слова, которые обозначают — в числе прочего — те реалии, которые вряд ли были памятны информантам второй половины XX в. (например, арх. *арча́* ‘плата за езду на оленях’ [СРНГ 1965, 1: 281]).

¹⁵ Еще один весомый аргумент. Лексика, опубликованная в СГРС, содержит материалы сборов до 2000 г., но работы на архангельской и вологодской

Лексикология говоров Русского Севера

Разным тематическим группам севернорусской лексики посвящены многочисленные монографии, диссертации, а также статьи и серии статей в специальных или общих периодических изданиях и сборниках, см. прежде всего «Севернорусские говоры» (Л., СПб., 1969–2018–, вып. 1–17–); «Ономастика и диалектная лексика» (Екатеринбург, 1997–2007, вып. 1–6); серия коллективных монографий «Народная речь Вологодского края» (Вологда, 2012–2017), «Системные отношения в лексике севернорусских говоров» (Вологда, 1982); серия сборников «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования» (СПб., 1994–2019), «Материалы и исследования по русской диалектологии» (новая серия) (М., 2002–2008, вып. 1–3) и др. Одни из них рассматривают лексику разных территорий РС (или даже с учетом общерусского контекста), другие посвящены отдельным региональным или локальным традициям. Богатая коллекция Архангельского словаря, хранящаяся в МГУ, позволила создать несколько масштабных монографических исследований архангельской лексики в тематическом и проблемно-лингвистическом аспекте. В монографии Е. А. Нефедовой «Многозначность и синонимия в диалектном пространстве» рассматривается лексика тематических групп «Время», «Погода», «Жизнь», «Круговое движение» [Нефедова 2008]. Географической терминологии архангельских говоров посвящена кандидатская диссертация Л. О. Чернейко «Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров) [Чернейко 1980]; эта же тема в более узком территориальном охвате (Каргополье) исследуется в диссертации Л. Г. Гусевой [Гусева 1974]. Географическая терминология (тема, ставшая популярной не только в русской, но и в славянской лексикологии с 1960-х гг.) на материале севернорусских говоров стала объектом разработки еще в нескольких диссертациях [Дерягина 1985; Мищенко 2000; Павлова 2011; Субботина 1984]; см. также серию работ Ю. И. Чайкиной [Чайкина 1969; Eadem 1989; Eadem 2005 и др.] о географических

территориях продолжались (с перерывами) в 2001–2018 гг. — и готовые к печати дополнения к СГРС будут включать в себя новую в широком смысле лексику (новое слово, новое значение, новая география). Количество этой новой лексики весьма значительно: 2/3 (72%) новых фактов на букву «А», собранных в результате повторных выездов в 10 районов Архангельской (Виноградовский, Ленский, Онежский р-ны) и Вологодской областей (Бабаевский, Грязовецкий, Кадуйский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Тотемский, Шекснинский р-ны). Несмотря на то что меняется идеографический состав лексики (резко уменьшилось количество терминов охоты, лесосплава, подсечно-огневого земледелия и пр., но увеличилось число экспрессивных глаголов, наречий, характеристик человека, слов, связанных с обрядами и верованиями, и т. д.), целесообразность повторных сборов невозможно подвергнуть сомнению.

терминах в составе топонимов, диссертацию по озерной гидронимии Белозерья А. А. Макаровой, в которой также прослеживается функционирование ряда диалектных терминов в составе топонимов [Макарова 2013]. Метеорологическая лексика исследуется в монографии Т. В. Симашко [Симашко 1998] и в диссертации И. Н. Суспицыной [Суспицына 2000]; орнитологическая — в диссертации Е. В. Лысовой [Лысова 2002], ихтиологическая — в работах А. С. Герда (см. словарь [Линдберг, Гerd 1972], а также в диссертации Е. А. Березовской [Березовская 2006]; энтомологическая (на общерусском фоне) — в диссертации Ю. А. Кривошаповой [Кривошапова 2007]; микологическая — в диссертации Е. А. Нефедовой [Нефедова 1977]; лексика природы в ареально-типологическом аспекте — в диссертации Е. В. Демидовой [Демидова 1997].

Тематическая сфера «Человек» привлекала внимание исследователей с разных сторон. Человеку телесному посвящена диссертация Т. А. Бердниковой [Бердникова 2000] «Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров)»; две статьи И. Б. Качинской [Качинская 2018a; Eadem 2018b] о народной эротике; монография А. Б. Коконовой «Рождение и смерть в пространстве диалектов» (на материале архангельских говоров) [Коконова 2011].

Большой интерес вызывает у диалектологов тема пищи. Ей посвящены работы Н. Г. Ильинской [Ильинская 1986; Eadem 1998]; диссертация и большая серия статей о лексике пищи в этнолингвистическом и этимологическом аспекте на общерусском (и славянском) фоне К. В. Пьянковой (Осиповой) [Пьянкова 2008; Осипова 2015; Eadem 2017a; Eadem 2017b; Eadem 2018 и др.]. Лексика одежды и обуви на общерусском фоне исследуется в статьях и диссертации А. В. Тихомировой [Тихомирова 2013].

Человек социальный изучался в разных аспектах его связей с другими людьми. Характеристики человека по его отношению к труду, к собственности, к воспитанию стали объектом изучения в диссертациях екатеринбургских лингвистов, основанных преимущественно на севернорусских материалах, но представленных в общерусском контексте: [Еремина 2003; Леонтьева 2015; Едалина 2016]; работах Ю. И. Чайкиной по вологодским говорам [Чайкина 1995 et al.]; диссертации Ю. Б. Воронцовой [Воронцова 2002] о коллективных прозвищах, отражающих разнообразные свойства и характеристики человека, и т. п.

Производственная деятельность человека и прежде всего рыболовный промысел в его современном состоянии и в его отражении в старорусских письменных памятниках стали темой диссертаций Л. А. Вороновой [Воронова 1968] (Беломорье), Е. П. Андреевой [Андреева 1985] (Белозерье), Л. М. Карамышевой [Карамышева 1988] (Онежское

озеро), Е. А. Березовской [Березовская 2006]; лексике полеводства и ее отражению в топонимии посвящена диссертация О. С. Смирновой [Смирнова 2001].

Абстрактная лексика изучалась в основном в общерусском аспекте; большой севернорусский материал, в том числе собранный в полевых экспедициях, анализируется в нескольких диссертациях екатеринбургских ученых: лексика со значением 'пропасть, исчезнуть' — в диссертации Л. А. Феоктистовой [Феоктистова 2003], лексика с числовым компонентом — в диссертации Е. В. Шабалиной [Шабалина 2011], лексика с семантикой быстроты и медлительности — в диссертации Е. О. Борисовой [Борисова 2016], лексика лжи и обмана — в диссертации В. С. Кучко [Кучко 2017].

Знаком времени можно считать обращение многих диалектологов (прежде всего екатеринбургских) к анализу лексики в широком этнокультурном аспекте традиционной народной культуры, обрядности, верований, фольклора. Одним из первых опытов такого подхода к изучению лексики оказалась книга О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» [Черепанова 1983], продолжением которой стали «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера» [Eadem 1996], где собрана ценная коллекция содержащих эту лексику быличек о персонажах низшей мифологии и предложена их систематизация и анализ. Большое внимание уделяется терминологии народного календаря и календарным представлениям. В диссертации О. В. Атрошенко [Атрошенко 2013] и словаре трех авторов [Атрошенко et al. 2015] представлены хрононимы и связанные с ними обрядовые действия и поверья всех диалектных зон в России, но особенно полно дан материал РС. Архангельской лексике народных праздников посвящена диссертация Ж. А. Паниной [Панина 2015]. Обрядовая лексика исследуется в серии статей Т. Н. Бунчук [Бенчук 2012; Eadem 2017 и др.]; имена библейско-христианской традиции — в диссертации И. В. Родионовой [Родионова 2000]; образы священнослужителей (на широком восточнославянском фоне) — в диссертации Н. А. Синицы [Синица 2018]. Работы Ю. Н. Ильиной посвящены этнолингвистическому исследованию лексики Печоры [Ильина 2015; Eadem 2016; Eadem 2018 и др.]. Недавно вышедшая монография И. Б. Качинской «Термины родства и языковая картина мира» [Качинская 2018в], как и предваряющая ее диссертация [Eadem 2011], исследует архангельскую терминологию родства в очень широкой этнолингвистической перспективе — со стороны народной мифологии, связи лексики родства с народной зоологией и ботаникой, ее участия в формировании образа предметного мира, представлений о земном и космическом пространстве, о времени и болезнях, в топонимических

и антропонимических номинациях. На проблему языкового сознания носителей диалекта и их метаязыковой рефлексии обратили внимание в ряде своих работ Е. Д. Бондаренко [Бондаренко 2015; Eadem 2017] и Е. Н. Пурицкая [Пурицкая 2004; Eadem 2009].

Эти и подобные работы существенно дополняют и уточняют (в содержательном и ареальном отношении) картину народной культуры РС, представленную в обобщающем томе этнографов «Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века» [РС 2001], однако изучение народной традиции РС в ареальном отношении, установление границ распространения отдельных культурных явлений (обрядов, верований, фольклора, обрядовой терминологии и фразеологии и т. д.) остается насущной задачей и требует больших усилий по освоению накопленных в архивах и картотеках материалов, так же как и дальнейших полевых исследований.

Фразеология и паремиология на диалектном уровне остается недостаточно изученной областью. Серьезным шагом в преодолении этого отставания явилась монография Л. Ю. Зориной «Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры» [Зорина 2012], а также небольшая книга Л. Г. Яцкевич, посвященная языку малых форм вологодского фольклора [Яцкевич 2017].

Вопросами происхождения и этимологии севернорусской лексики многие годы занимаются ученые Екатеринбурга, где под руководством А. К. Матвеева сформировалось научное направление по изучению финно-угорского субстрата в топонимии и лексике РС: см. серийные екатеринбургские издания «Этимологические исследования», «Финно-угорское наследие в русском языке», «Ономастика и диалектная лексика», а также работы А. К. Матвеева, О. В. Мищенко [Мищенко 2000], О. А. Кожеватовой (Теуш) [Кожеватова (Теуш) 1997], Н. В. Кабининой [Кабанина 2001, Eadem 2012, Eadem 2019 и др.], О. В. Вострикова [Вострикова 1979] (обзор работ Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, в том числе этого направления, см. в [Березович et al. 2006]; представительный (но, конечно, неполный) свод исследований этой школы можно увидеть на сайте Academia: <https://urfu.academia.edu/EthnolinguisticsOnomasticsEtymologyDepartmentofRussianLanguageandGeneralLinguistics>).

Субстратная лексика в русских говорах Северо-Запада исследуется в фундаментальных работах С. А. Мызникова [Мызников 2003; Idem 2004]; иноязычным (финно-угорским и балтийским) влияниям посвящена также серия статей Л. П. Михайловой [Михайлова 2004; Eadem 2007; Eadem 2008; Eadem 2015], работа А. И. Соболева [Соболев 2010]. См. обстоятельный обзор исследований, связанных с финно-угорским

субстратом (на топонимическом материале) в [Кабинина 2015]. Помимо финно-угорского и балтийского элементов, исследуются германские, романские, западнославянские заимствования в говорах РС [Ивашова 1999; Березович 2017; Березович (в печати)]; начинается изучение тюркизмов (например, [Михайлова 2013б]). Этимологизации славянской лексики на общерусском и общеславянском фоне с преимущественным вниманием к севернорусскому материалу посвящены диссертации Н. В. Галиновой [Галинова 2000] (гнезда со значением 'гнуть', 'вертеть', 'вить'), И. Е. Колесовой [Колесова 2009] (гнездо **-lei-*). В монографии Е. Н. Шабровой [Шаброва 2002] рассматриваются особенности анализа диалектного корневого гнезда. Серия работ Е. Л. Березович¹⁶, М. Э. Рут и их учеников (Е. О. Борисовой, К. С. Верхотуровой, Е. С. Коган, Ю. А. Кривошаповой, В. С. Кучко, Т. В. Леонтьевой, Н. А. Синицы, О. Д. Суриковой, Л. А. Феоктистовой и др.) посвящена семантико-мотивационной интерпретации и этимологизации лексики РС (преимущественно исконной и нередко впервые вводимой в научный оборот).

Большое значение для диалектной лексикологии имеют работы по грамматике, грамматической семантике и словообразованию разных разрядов севернорусской лексики:

- глаголы: [Шаброва 1997; Eadem 1998; Eadem 2003] (непроизводные и производные глаголы, морфемика глагола); [Пак 1993] (многократные глаголы в архангельских говорах); [Закревская 2002] (приставочные глаголы);
- существительные: [Хаджаева 1979] (уменьшительно-оценочные существительные в архангельских говорах), [Сурикова 2016] (лексические единицы с приставкой и предлогом *без* в русских говорах и фольклоре);
- наречия: диссертации [Первухина 2002] (наречия времени и пространства в архангельских говорах), [Глущенко 2001; Eadem 2006] (наречия образа действия в архангельских говорах), [Драчева 2011] (наречия в вологодских говорах);
- союзы: [Гусева 2009].

Историческая лексикология севернорусских говоров представлена отдельными монографиями, диссертациями и статьями, далеко не исчерпывающими возможности изучения письменных памятников РС. Еще в середине прошлого века вышла книга И. А. Елизаровского «Лексика беломорских актов XVI–XVII вв.» [Елизаровский 1958], позже появилась большая серия работ Г. В. Судакова (см. библиографию его

¹⁶ Так, монографии [Березович 2007; Eadem 2014], выполненные на общерусском диалектном материале (с вниманием к славянскому фону), включают в себя преимущественно севернорусские лексические факты.

трудов [Судаков 2000]), труды А. С. Герда (см. библиографию его трудов [Герд 2016]), Ю. И. Чайкиной [Чайкина 2005] и др.

Перспективы и задачи

В лингвогеографическом плане оказались наиболее полно изученными (прежде всего благодаря екатеринбургским исследователям, а также работам С. А. Мызникова, И. И. Муллонен и др.) субстратные элементы в проприальной (главным образом) и апеллятивной лексике севернорусских говоров. Славянская лексика этой территории пока не получила столь же систематического изучения. Вопрос о внутреннем членении севернорусских говоров и соотношении их западных и восточных (или юго-восточных) черт и их связей с другими русскими и инославянскими диалектами пока еще не поставлен в лингвогеографическом плане, хотя для истории русского языка и типологии диалектных ареалов Славии он имеет первостепенное значение. Актуальным является и систематическое ареалогическое изучение традиционной народной культуры — обрядности, верований, мифологии, фольклора, стереотипов поведения, которые столь же «диалектны», по выражению Н. И. Толстого [Толстой 1995: 15–26], как и язык, и потому столь же нуждаются в географическом изучении и сопоставлении. Элементы традиционной культуры так же, как и элементы языка, могут свидетельствовать о глубинных этногенетических процессах, приведших к известным нам состояниям языка и культурной традиции. Сегодняшняя оснащенность севернорусских исследований богатыми материалами — этнографическими, фольклорными, лингвистическими, а также историческими трудами и антропологическими наблюдениями — ставит перед исследователями дальнейшие задачи более дифференцированного и более подробного, в том числе ареалогического (картографического) изучения культуры РС во всех ее формах и аспектах. Нужны новые словари (общие и частные, идеографические и специальные — диалектные, ономастические, фразеологические, этимологические, терминологические, этнографические, обрядовые, мифологические, фольклорные) и новые атласы — региональные, локальные, всякие. Только на их основании наука о РС обретет свой прочный фундамент как ветвь общеславянского гуманитарного знания.

Библиография

Источники

Аннин 2001

Аннин Н. Ф., *Словарь каргопольского говора*, Москва, 2001.

АОС

Архангельский областной словарь, 1–, Москва, 1980–.

Атрошенко et al. 2015

Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В., *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*, науч. ред. Е. Л. Березович, Москва, 2015.

ВС

Андреева Е. П. et al., сост., Зорина Л. Ю., отв. ред., *Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики*, изд. 2-е, испр. и доп., Вологда, 2011.

Гемп 2004

Гемп К. П., *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*, вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова, науч. ред. В. Н. Булатов, подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер, изд. 2-е, доп., Москва, Архангельск, 2004.

Герасимов 1910

Герасимов М. К., *Словарь уездного череповецкого говора (Новгородской губернии)*, Сб. ОРЯС, 87, 3, 1910, 1–111.

Дилакторский 2006

Левичкин А. И., Мызников С. А., подгот. изд., *Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г.*, С.-Петербург, 2006.

Дуров 1929

Дуров И. М., *Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья*, Соловки, 1929.

— 2011

Дуров И. М., *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении*, Петрозаводск, 2011.

ЗР

Андреева Е. П. et al., сост., *Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах*, Вологда, 2014.

Кобелева 2004

Кобелева И. А., *Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми*, Сыктывкар, 2004.

Край родной 2015

Михайлова Л. А., Приображенский А. В., Гусева Е. Р., Илгунова Е. А., Алексеева Е. В., сост., *Край родной — родное слово*, Петрозаводск, 2015.

Куковерова 2016

Куковерова В., *Старинные слова, диалекты и выражения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Словарь*, Кичменгский Городок, 2016.

Куликовский 1898

Куликовский Г. И., *Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, С.-Петербург, 1898.

Кушков 2011

Кушков Н. Д., *Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика*, Варзуга [Мурманская обл.], 2011.

Ларин 1959

Ларин Б. А., *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса*, Ленинград, 1959.

Левичкин, Мызников 2014

Левичкин А. Н., Мызников С. А., *Словарь пинежских говоров: проект. Пробные словарные статьи*, С.-Петербург, 2014.

Линдберг, Герд 1972

Линдберг Г. У., Герд А. С., *Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран*, Ленинград, 1972.

Меркурьев 1979

Меркурьев И. С., *Живая речь кольских поморов*, Мурманск, 1979.

Михайлова 2013а

Михайлова Л. П., *Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах*, Петрозаводск – Москва, 2013.

Мишнев 2013

Мишнев С. М., *Тарногский говор* [словарь], с. Тарногский Городок [Вологод. обл.], Вологда, 2013.

Морозкова 2017

Морозкова З. А., сост., *Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области*, изд. 3-е, [с. Устье, Вологод. обл.], 2017.

Мосеев 2005

Мосеев И. И., *Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка*, Архангельск, 2005.

МСНАГ

Мотивационный словарь наречий архангельских говоров, Даугавпилс, 1990.

МФУЗ

Матвеев А. К., ред., *Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера*, 1–, Екатеринбург, 2004–.

Мызников 2002

Мызников С. А., *Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада*, С.-Петербург, 2002.

——— 2010

Мызников С. А., *Русские говоры Беломорья: мат-лы для словаря*, С.-Петербург, 2010.

Нефедова 2001

Нефедова Е. А., *Экспрессивный словарь диалектной личности*, Москва, 2001.

НКОП

Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций), изд. 2-е, испр., доп., Онега – Архангельск – Москва, 2011.

ОСАГ

Артамонова О. А., Гецова О. Г., Качинская И. Б., Малышева А. В., Маховая О. А., Нефедова Е. А., Николаева О. Н., *Обратный словарь архангельских говоров*, Москва, 2006.

Певин 1896

Певин П., сост., *Слова из народной речи (Кондопож., Великогуб., Толвуйская волости Петрозавод. уезда, Олонец. губ.): словарь Заонежья*, Петрозаводск, 1896.

Подвысоцкий 1885

Подвысоцкий А. И., *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, С.-Петербург, 1885.

СВГ

Словарь вологодских говоров, Паникаровская Т. Г., ред., 1–12, Вологда, 1983–2007.

СВРГ

Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области), Андреева Е. П., авт.-сост., Зорина Л. Ю., науч. ред., Вологда, 2017.

СГРС

Словарь говоров Русского Севера, 1–7–, Екатеринбург, 2001–2018–.

СЗГВО

Словарь западных говоров Вологодской области, 1: А–Б, Череповец, 2016.

Сими́на 1976

Сими́на Г. Я., *Пинежский говор: материалы по русской диалектологии*, Калининград, 1976.

СНРАрх

Словарь народно-разговорной речи города Архангельска, 1: Городское просторечие, Архангельск, 2013.

СПЛСР

Словарь промысловой лексики Северной Руси. XV–XVII вв., 1–3, С.-Петербург, 2003–2015.

СРГК

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.

СРГНП

Словарь русских говоров Низовой Печоры, 1–2, С.-Петербург, 2003–2005.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–, Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–.

Ставшина 2008

Ставшина Н. А., *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры*, 1–2, С.-Петербург, 2008.

УНС

Устьянский народный словарь, пос. Октябрьский [Архангельская обл.], 2013.

Черепанова 1996

Черепанова О. А., сост. и автор комментариев, *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера*, С.-Петербург, 1996.

Шергин 2014

Шергин Б. В., *Словарь поморских специальных слов и выражений, объяснение собственных имен и названий, Отцово знание. Поморские были и сказания*, Москва, 2014, 667–684.

Шутова 2009

Шутова Н. Ф., *Словарь говоров Лиходеевских деревень*, Вельск, 2009.

Яцкевич 2004

Яцкевич Л. Г., авт.-сост., Судаков Г. В., науч. ред., *Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь*, Вологда, 2004.

——— 2011

Яцкевич (Калачёва) Л. Г., авт.-сост., *Слово о родной деревне*, Вологда, 2011.

Литература

Андреева 1985

Андреева Е. П., *Формирование промысловой терминологии в старорусском языке: рыболовецкая лексика Белозерья XV–XVII вв.* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Вологда, 1985).

Атрошенко 2013

Атрошенко О. В., *Русская народная хрономимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2013).

Бердникова 2000

Бердникова Т. А., *Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2000).

Березович 2003

Березович Е. Л., Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя), *Актуальные проблемы полевой фольклористики*, 2, Москва, 2003, 267–277.

——— 2007

Березович Е. Л., *Язык и традиционная культура*, Москва, 2007.

——— 2014

Березович Е. Л., *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция*, Москва, 2014.

——— 2017

Березович Е. Л., К изучению западнославянских заимствований в русских народных говорах, *Etymological Research of Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017* [= *Studia etymologica Brunensia* 22], Brno, Praha, 11–25.

——— (в печати)

Березович Е. Л., К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов, *Антропологический форум*, 2019 [в печати].

Березович et al. 2006

Березович Е. Л., Варбот Ж. Ж., Гусева Л. Г., Рут М. Э., Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя), *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 258–271.

Березовская 2006

Березовская Е. А., *Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2006).

Бондаренко 2014

Бондаренко Е. Д., Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект, *Антропологический форум*, 21, 2014, 37–48.

——— 2015

Бондаренко Е. Д., *Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2015).

——— 2017

Бондаренко Е. Д., Диалектные различия в языковом сознании жителей Русского Севера (на материале оппозитивных контекстов), *Известия Урал. федер. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки*, 19, 4 (169), 2017, 47–62.

Борисова 2016

Борисова Е. О., *Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2016).

Бунчук 2012

Бунчук Т. Н., Обрядовая терминология в говоре села Лойма Республики Коми, *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы междунар. науч. конф. (26–28 апреля 2012 г., Псков): в 2-х частях*, 1, Псков, 2012, 66–72.

 2014

Бунчук Т. Н., «Лоемчка говоря»: диалект как выражение самосознания языкового коллектива, *Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков и культур в истории и современности: Материалы международной научной конференции (19–22 сент. 2014)*, Ставрополь, 2014, 36–43.

 2017

Бунчук Т. Н., Протосемантика обрядового термина в «тексте» народной культуры: наименования мужа, принятого в дом жены, *Созвездие слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут*, Екатеринбург, 2017, 387–401.

 2018

Бунчук Т. Н., Говоря бабушки Марики: к вопросу об отражении диалектной личности в слове, *Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.)*, Ярославль, 2018, 233–239.

 Веденин et al. 2004

Веденин Ю. А., Гудима Т. М., Шульгин П. М., Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера», *Наследие и современность. Информационный сборник*, 12, Москва, 2004, 22–40.

 Вендина 1997

Вендина Т. И., Рецензия на: Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Арх., 1994, *Вопросы языкознания*, 1997, 4, 153–159.

 Волков 1993

Волков С. С., Русский быт и культура в словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619), *Вопросы теории и истории языка*, С.-Петербург, 1993, 72–78.

 Воронова 1968

Воронова Л. А., *Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград, 1968).

 Воронцова 2002

Воронцова Ю. Б., *Коллективные прозвища в русских говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2002).

 Востриков 1979

Востриков О. В., *Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Свердловск, 1979).

 Галинова 2000

Галинова Н. В., *Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2000).

 Герд 1987

Герд А. С., К истории образования говоров Беломорья, *Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии*, Вологда, 1987, 94–103.

 1991

Герд А. С., К истории диалектных границ вокруг Онежского озера, *История русского слова: проблемы номинации и семантики: межвузовский сборник научных трудов*, Зорина Л. Ю., отв. ред., Вологда, 1991, 54–61.

 1995–2009

Герд А. С., Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров, *Севернорусские говоры*, 6: А, Б, В, Г, 6, С.-Петербург, 1995, 85–107; 7: Д, Е, Ж, З, С.-Петербург, 1999, 117–140; 8: И, К, Л, М, С.-Петербург, 2004, 173–235; 9: Н, О, П, Р, С.-Петербург, 2008, 209–263; 10: С–Я, С.-Петербург, 2009, 144–176.

——— 2016

Список научных трудов А. С. Герда (1959–2016), *Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора А. С. Герда. 1936–2016*, С.-Петербург, 2016, 103–147.

Герд et al. 1985

Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. И., Рождественская Т. Б., Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза, *Советская этнография*, 1985, 6, 28–37.

Гецова 1997

Гецова О. Г., Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика, *Русские диалекты: история и современность*, К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева, ред., Москва, 1997, 138–197.

Глушенко 2001

Глушенко О. А., *Наречия образа действия в архангельских народных говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2001).

——— 2006

Глушенко О. А., *Наречия образа действия в классификационном и сопоставительном аспектах (на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка)* (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва, 2006).

Грандильевский 1907

Грандильевский А. Н., Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор, *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 83, 5, С.-Петербург, 1907, 1–304.

Гусева 1974

Гусева Л. Г., *Географическая терминология Каргопольского края* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Свердловск, 1974).

Гусева 2009

Гусева Е. Р., *Союзы севернорусских говоров (состав, семантика, структура)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск, 2009).

Демидова 1997

Демидова Е. В., *Лексика природы говоров Поморья в ареально-типологическом аспекте (к истории формирования говора)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, С.-Петербург, 1997).

Дерягин 1966

Дерягин В. Я., Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области, *Этимология*, 1966, 166–188.

Дерягина 1985

Дерягина З. С., *Гидрографическая терминология в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Свердловск, 1985).

Драчева 2011

Драчева Ю. Н., *Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах* (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Вологда, 2011).

Едалина 2016

Едалина А. А., *Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2016).

Елизаровский 1958

Елизаровский И. А., *Лексика беломорских актов XVI–XVII вв.*, Архангельск, 1958.

Еремина 2003

Еремина М. А., *Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2003).

Закревская 2002

Закревская В. А., *Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2002).

Зорина 1995

Зорина Л. Ю., К лингвогеографическому изучению лексики вологодских говоров, *Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. И. Чайкиной*, Вологда, 1995, 149–152.

——— 2012

Зорина Л. Ю., *Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры*, Вологда, 2012.

Ивашова 1999

Ивашова Н. М., *Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 1999).

Ильина 2012

Ильина Е. Н., *Основы лингвистической географии Вологодской области*, Вологда, 2012.

Ильина 2015

Ильина Ю. Н., Вербальные средства реализации пищевого кода в усть-цилемских похоронно-поминальных причитаниях, *Рябининские чтения–2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации традиционного культурного наследия Русского Севера*, Петрозаводск, 2015, 298–300.

——— 2016

Ильина Ю. Н. «Боелись праздников беда стары люди»: этнолингвистическая характеристика календарных терминов (на материале печорских говоров), *Традиционная культура*, 1, 2016, 67–74.

——— 2018

Ильина Ю. Н., Диалектная лексика в речи носителя печорских говоров: этнолингвистический аспект, *Слово и текст в контексте культуры*, 3: *Говоры Республики Коми и сопредельных областей*, Сыктывкар, 2018, 47–55.

Ильинская 1986

Ильинская Н. Г., *Лексика, обозначающая выпечные изделия (на материале архангельских говоров)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1986).

——— 1998

Ильинская Н. Г., *К проблеме системных отношений в лексике: лексико-семант. группа «Выпечные изделия» в арханг. диалекте (семант. и лингвогеогр. аспекты)*, Москва, 1998.

——— 2001

Ильинская Н. Г., *Общерусское слово в архангельских говорах (глагол)* (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва, 2001).

Кабинина 2001

Кабинина Н. В., *Промысловая лексика в топонимии дельты Северной Двины*, *Известия Уральского государственного университета*, 2001, 20, 85–87.

- 2012
Кабинина Н. В., К этимологии беломорского ягра 'отмель', *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной конференции: Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 частях*, Березович Е. Л., ред., 1, Екатеринбург, 2012, 186–188.
- 2015
Кабинина Н. В., Проблемы изучения финно-угорского топонимического субстрата на территории Русского Севера, *Linguistica. LV. Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled*, Ljubljana, 2015, 207–228.
- 2019
Кабинина Н. В., Этимологический комментарий к русским географическим терминам *тундра и рада*, *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, 2019, 1, 47–54.
- Калуцков 2010
Калуцков В. Н., Русский Север и его вековые геополитические тренды, *Трансграничное сотрудничество. Изменение климата и защита окружающей среды в Арктике. Материалы Пятого Северного социально-экологического конгресса*, Москва, 2010, 91–96.
- 2011
Калуцков В. Н., О геоконцепте Русского Севера, *Рябининские чтения–2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*, Петрозаводск, 2011, 69–71.
- Карамышева 1988
Карамышева Л. М., *Русская лексика рыбаков Онежского озера (к истории формирования диалекта)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград, 1988).
- Качинская 2011
Качинская И. Б., *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2011).
- 2018a
Качинская И. Б., Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Часть 1. Женские половые органы, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 25, 2, 2017, 109–137.
- 2018b
Качинская И. Б., Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Часть 2. Мужские половые органы, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 25, 1, 70–85.
- 2018в
Качинская И. Б., *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)*, Москва, 2018.
- Кобелева 2007
Кобелева И. А., *Русская диалектная фразеография: грамматический аспект (на материале говоров Русского Севера)*, С.-Петербург, 2007.
- Кожеватова (Теуш) 1997
Кожеватова О. А., *Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 1997).
- Кознева 2013
Кознева Л. М., публ., *Источники XIX в. для изучения истории вологодских говоров, Словесность Русского Севера: лингвистические источники*, Вологда, 2013, 80–152.

Коконова 2011

Коконова А. Б., *РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2011).

Колесова 2009

Колесова И. Е., *Функциональная и семантическая дивергенция в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем *-lei-* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Вологда, 2009).

Комягина 1972

Комягина Л. П., *Лексические диалектные различия в говорах Архангельской области* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1972).

——— 1994

Комягина Л. П., *Лексический атлас Архангельской области*, Архангельск, 1994.

Кривошапова 2007

Кривошапова Ю. А., *Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2007).

Кучко 2017

Кучко В. С., *Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2017).

Леонтьева 2015

Леонтьева Т. В., *Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции* (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Екатеринбург, 2015).

Лысова 2002

Лысова Е. В., *Орнитонимия Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2002).

Макарова 2013

Макарова А. А., *Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2013).

Матвеев 2001, 2004, 2007, 2015

Матвеев А. К., *Субстратная топонимия Русского Севера*, 1, Екатеринбург, 2001; 2, Екатеринбург, 2004; 3, Екатеринбург, 2007; 4, Екатеринбург, 2015.

Михайлова 1999

Михайлова Л. П., *Внутрирегиональные лексические различия русских говоров Карелии, Севернорусские говоры*, 1999, 7, 11–22.

——— 2004

Михайлова Л. П., *История края в народном слове: рус. говоры Карелии*, Петрозаводск, 2004.

——— 2007

Михайлова Л. П., *Балтизмы в лексике севернорусских говоров, Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст.*, Стариченок В. Д., отв. ред., Минск, 2007, 111–113.

——— 2008

Михайлова Л. П., *Особенности префиксальной системы русских глаголов, обусловленные прибалтийско-финским влиянием, Севернорусские говоры*, 9, 2008, 55–69.

——— 2013б

Михайлова Л. П., *Тюркский след в лексике севернорусских говоров (чужовина), Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 19 (1), 2013, 71–75.

——— 2015

Михайлова Л. П., К проблеме славяно-финского симбиоза (по данным топонимии и лексики Русского Севера), «Свое» и «чужое» в культуре: материалы X Международной научной конференции (г. Петрозаводск, 16–17 марта 2015) (= “Our” and “Alien” in Culture), Петрозаводск, 2015, 101–104.

Михайлова, Рутт 2013

Михайлова Л. П., Рутт Т. Е., Об источниках этнокультурного словаря русских говоров Карелии, *Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича (1838–1923): материалы Международного научного семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск)*, Петрозаводск, 2013, 59–62.

——— 2014

Михайлова Л. П., Рутт Т. Е., Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии, *Севернорусские говоры*, 13, 2014, 3–16.

Мищенко 2000

Мищенко О. В., *Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2000).

Морозов et al. 1997

Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б. et al., *Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь*, Москва, 1997.

Морозов, Слепцова 2004

Морозов И. А., Слепцова И. С., «Круг игры». Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.), Москва, 2004.

Мызников 2003

Мызников С. А., *Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения*, С.-Петербург, 2003.

——— 2004

Мызников С. А., *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ*, С.-Петербург, 2004.

Нефедова 1977

Нефедова Е. А., *Микологическая лексика архангельских говоров* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1977).

——— 2008

Нефедова Е. А., *Многозначность и синонимия в диалектном пространстве*, Москва, 2008.

——— 2016

Нефедова Е. А., О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 4, 2016, 38–46.

Образование севернорусского наречия 1970

Орлова В. Г., отв. ред., *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии*, Москва, 1970.

Осипова 2015

Осипова К. В., Коллективные трапезы как воплощение ценностей крестьянского общеджития (на материале диалектной лексики Русского Севера), *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре*, Толстая С. М., отв. ред., Москва, 2015, 187–202.

——— 2017a

Осипова К. В., Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект, *Славянский альманах*, 3–4, 2017, 463–478.

——— 2017b

Осипова К. В., Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект, *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*, 48, 2017, 57–73.

——— 2017в

Осипова К. В., О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша», *Традиционная культура*, 4 (68), 2017, 111–123.

——— 2018

Осипова К. В., Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ, *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*, 56, 2018, 146–165.

Очерки исторической географии 2001

Герд А. С., Муллонен И. И., Кондратенко М. М., Седов В. В., Шангина И. И. et al., *Очерки исторической географии: северо-запад России. Славяне и финны*, С.-Петербург, 2001.

Павлова 2011

Павлова А. В., *Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Мурманск, 2011).

Пак 1993

Пак М. К., *Многократные глаголы в архангельских говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1993).

——— 2010

Пак М. К., *Общерусское слово в диалектной системе (имя существительное)* (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва, 2010).

Панина 2015

Панина Ж. А., *Семантическое поле «ПРАЗДНИКИ» в говорах Архангельского региона* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2015).

Пашков 2018

Пашков А. М., Ментальность жителя Русского Севера: историко-культурный контекст, *Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: Материалы I Международной научно-практической конференции: научное электронное издание*, 1, Петрозаводск, 2018, 683–690.

Первухина 2002

Первухина Е. В., *Наречия времени и пространства в архангельских говорах (семантический аспект)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2002).

Плотникова 2000

Плотникова А. А., *Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии*, Москва, 2000.

Пожарицкая 2002

Пожарицкая С. К., Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка, *Исследования по славянской диалектологии*, 8: *Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст*, Калнынь Л. Э., отв. ред., Москва, 2002.

Притяжение Севера 2018

Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: Материалы I Международной научно-практической конференции: научное электронное издание, Петрозаводск, 2018.

Пурицкая 2004

Пурицкая Е. В., Вербализация представлений о языке в речи носителей диалекта, *Севернорусские говоры*, 8, С.-Петербург, 2004, 252–260.

——— 2009

Пурицкая Е. В., Внутренняя форма речевых глаголов в псковских говорах: народные образы языка, *Севернорусские говоры*, 10, С.-Петербург, 2009, 98–109.

Пьянкова 2008

Пьянкова К. В., *Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2008).

Родионова 2000

Родионова И. В., *Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2000).

РС

Власова И. В., отв. ред., *Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века*, Москва, 2001.

Рут 2016

Рут М. Э., Мотивационные парадоксы: заметки диалектного лексикографа, *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*, 2, 2016, 221–234.

Симашко 1998

Симашко Т. В., *Денотативный класс как основа описания фрагмента мира*, Архангельск, 1998.

Синица 2018

Синица Н. А., *Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2018).

Смирнова 2001

Смирнова О. С., *Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2001).

Соболев 2010

Соболев А. И., Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских андомских говорах, *Вытегра: краеведческий альманах*, 4, Вологда, 2010, 253–296.

Субботина 1984

Субботина Л. А., *Заемствования в географической терминологии Белозерья* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Свердловск, 1984).

Судаков 1979

Судаков Г. В., К вопросу о роли севернорусских говоров XVII в. в складывании общерусского лексического фонда, *Вопросы формирования русского национального языка*, Вологда, 1979, 66–75.

——— 2000

Судаков Гурий Васильевич (к 60-летию со дня рождения): список научных трудов, Вологда, 2000.

Сурикова 2016

Сурикова О. Д., *Лексические единицы с приставкой и предложом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2016).

——— 2017

Сурикова О. Д., К изучению архаической лексики в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова, *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 9, 4, 2017, 73–82.

——— 2019

Сурикова О. Д., Архаичная социальная лексика в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова, *Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 21, 2 (187), 2019, 227–240.

Суспицына 2000

Суспицына И. Н., *Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2000).

Тихомирова 2013

Тихомирова А. В., *Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2013).

Толстая 2012

Толстая С. М., Заметки о языке севернорусских причитаний, *Язык и прошлое народа: сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Александра Константиновича Матвеева*, Рут М. Э., отв. ред., Екатеринбург, 2012, 464–475.

——— 2018

Толстая С. М., Говоры Русского Севера на общеславянском фоне, *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 6 (175), 2018, 53–59.

Толстой 1995

Толстой Н. И., *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва, 1995.

Топоров 1988

Топоров В. Н., К реконструкции древнейшего состояния праславянского, *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации*, Москва, 1988, 264–292.

Феоктистова 2003

Феоктистова Л. А., *Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением 'пропасть, исчезнуть')* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2003).

Хаджаева 1979

Хаджаева Л. В., *Уменьшительно-оценочные существительные в архангельских народных говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1979).

Чайкина 1969

Чайкина Ю. И. Из истории слов *починок* и *хутор*, *Очерки по русскому языку и истории его развития: уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена*, 37, 1969, 169–186.

——— 1976

Чайкина Ю. И., Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси, *Вопросы языкознания*, 2, 1976, 106–120.

——— 1989

Чайкина Ю. И., Административно-территориальная лексика и микропонимия старорусского города, *Севернорусские говоры*, 5, 1989, 102–115.

——— 1995

Чайкина Ю. И., Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора, *Севернорусские говоры*, 6, 1995, 43–49.

——— 2005

Чайкина Ю. И., *История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье)*, Вологда, 2005.

Черепанова 1983

Черепанова О. А., *Мифологическая лексика Русского Севера*, Ленинград, 1983.

Чернейко 1980

Чернейко Л. О., *Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров)* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1980).

Шабалина 2011

Шабалина Е. В., *Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2011).

Шаброва 1997

Шаброва Е. Н., *Структура производных глаголов в вологодских говорах* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Вологда, 1997).

——— 1998

Шаброва Е. Н., *Производные глаголы в русских говорах*, Вологда, 1998.

——— 2002

Шаброва Е. Н., *Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания*, С.-Петербург, Вологда, 2002.

——— 2003

Шаброва Е. Н., *Морфемика диалектного глагола* (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, С.-Петербург, 2003).

Яцкевич 2017

Яцкевич Л. Г., *Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора*, Вологда, 2017.

References

Andreeva E. P. et al., eds., *Zolotyie rossypi: slovar' ustoichivyykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh govorakh*, Vologda, 2014.

Andreeva E. P., Zorina L. Yu. et al., eds., *Vologodskoe slovechko: shkol'nyi slovar' dialektnoi lek-siki*, 2nd ed., Vologda, 2011.

Andreeva E. P., Zorina L. Yu., eds., *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsii v Siamzhenskom raione Vologdskoi oblasti)*, Vologda, 2017.

Annin N. F., *Slovar' kargopol'skogo govora*, Moscow, 2001.

Artamonova O. A., Getsova O. G., Kachinskaya I. B., Malysheva A. V., Makhovana O. A., Nefedova E. A., Nikolaeva O. N., *Obratnyi slovar' arkhangel'skikh govorov*, Moscow, 2006.

Atroshenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V., *Russkii narodnyi kalendar'. Etnolingvisti-cheskii slovar'*, Berezovich E. L., ed., Moscow, 2015.

Berezovich E. L., *Dialektnyi slovar' M. S. Ustinovoi (Leksika dialekta glazami dialektonositelia), Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*, 2, Moscow, 2003, 267–277.

Berezovich E. L., Varbot G. G., Guseva L. G., Rut M. E., *Chto takoe nauchnye shkoly i kak oni rozhdaitsia (Ural'skaia toponimicheskaia shkola: k*

80-letiiu ee osnovatelii, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (12), 2006, 258–271.

Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura*, Moscow, 2007.

Berezovich E. L., *Russkaia leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia*, Moscow, 2014.

Berezovich E. L., K izucheniiu zapadnoslavianskikh zaimstvovaniy v russkikh narodnykh govorakh, *Etymological Research of Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017 [= Studia etymologica Brunensia 22]*, Brno, Praga, 11–25.

Bondarenko E. D., *Avtorskii slovar' dialektonositelia: pragmaticeskii aspekt, Antropologicheskii forum*, 21, 2014, 37–48.

Bondarenko E. D., *Dialektnye razlichia v iazykovom soznanii zhitelii Russkogo Severa (na materiale oppozitivnykh kontekstov), Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 19, 4 (169), 2017, 47–62.

Bunchuk T. N., *Obriadoviaia terminologiya v govore sela Loima Respubliki Komi, Russkii iazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (26–28 apreliia 2012 g., Pskov): v 2-kh chastiakh*, 1, Pskov, 2012, 66–72.

Bunchuk T. N., "Loemchka govoria": dialekt kak vyrazhenie samosoznaniia iazykovogo kolektiva, *Lingvisticheskaia ekologiya: sokhranenie ischezaiushchikh iazykov i kul'tur v istorii i sovremennosti: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (19–22 sentyabrya 2014 g.)*, Stavropol', 2014, 36–43.

Bunchuk T. N., Protosemantika obriadovogo termina v "tekste" narodnoi kul'tury: naimenovaniia muzha, priniatogo v dom zheny, *Sozvezdie slov i imen: sb. nauch. st. k iubileiu Marii Eduardovny Rut*, Ekaterinburg, 2017, 387–401.

Bunchuk T. N., Govoria babushki Mariki: k voprosu ob otrazhenii dialektnoi lichnosti v slovakh, *Iaroslavskii tekst v prostranstve dialoga kul'tur: materialy Tret'iei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Iaroslav', 10–11 aprelia 2018 g.)*, Yaroslavl, 2018, 233–239.

Chaikina Yu. I., Iz istorii slov *pochinok* i *khutor*, *Ocherki po russkomu iazyku i istorii ego razvitiia: Uch. zap. LGPI im. A. I. Gertsena*, 37, 1969, 169–186.

Chaikina Yu. I., Iz istorii dialektnykh granits v svyazi s zaseleniem Severnoi Rusi, *Voprosy iazykoznaviia*, 2, 1976, 106–120.

Chaikina Yu. I., Administrativno-territorial'naia leksika i mikrotoponimiia starorusskogo goroda, *Severnorrusskie govory*, 5, 1989, 102–115.

Chaikina Yu. I., Semantika ekspresivov so znacheniem lichnostnoi kharakteristiki v leksiko-semanticheskoi sisteme govora, *Severnorrusskie govory*, 6, 1995, 43–9.

Chaikina Yu. I., *Istoriia leksiki Vologodskoi zemli (Beloz'er'ie i Zavoloch'ie)*, Vologda, 2005.

Cherepanova O. A., *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa*, Leningrad, 1983.

Cherepanova O. A., ed., *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*, St. Petersburg, 1996.

Deryagin V. Ya., Iz istorii leksicheskikh izogloss v govorakh Arkhangel'skoi oblasti, *Etimologiya*, 1966, 166–188.

Durov I. M., *Opyt terminologicheskogo slovaria rybolovnogo promysla Pomor'ia*, Solovki, 1929.

Durov I. M., *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii*, Petrozavodsk, 2011.

Elizarovsky I. A., *Leksika belikhorskikh aktov XVI–XVII vv.*, Arkhangel'sk, 1958.

Gemp K. P., *Skaz o Belomor'ie. Slovar' pomorskikh rechenii*, vstup. st. D. S. Likhacheva, F. A. Abramova, Bulatov V. N., Kosukhin S. Ia., Skepner L. S., eds., 2nd ed., Moscow, Arkhangel'sk, 2004.

Gerd A. S., Lutovinova I. S., Mikhailova L. I., Rozhdestvenskaya T. B., Etnicheskaya istoriia Russkogo Severa v trudakh iazykovedov i nekotorye voprosy teorii etnogeneza, *Sovetskaya etnografiia*, 1985, 6, 28–37.

Gerd A. S., K istorii obrazovaniia govorov Belomor'ia, *Dialektnoe i prostorechnoe slovo v sinkhronii i diakhronii*, Vologda, 1987, 94–103.

Gerd A. S., K istorii dialektnykh granits vokrug Onezhskogo ozera, *Istoriia russkogo slova: problemy nominatsii i semantiki: mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, Zorina L. Iu., ed., Vologda, 1991, 54–61.

Gerd A. S., Materialy dlia etimologicheskogo slovaria severnorusskikh govorov, *Severnorrusskie govory*, 6: A, B, V, G, 6, St. Petersburg, 1995, 85–107; 7: D, E, Zh, Z, St. Petersburg, 1999, 117–140; 8: I, K, L, M, St. Petersburg, 2004, 173–235; 9: N, O, P, R, St. Petersburg, 2008, 209–263; 10: S – Ia, St. Petersburg, 2009, 144–176.

Gerd A. S., Mullonen I. I., Kondratenko M. M., Sedov V. V., Shangina I. I. et al., *Ocherki istoricheskoi geografii: severo-zapad Rossii. Slaviane i finny*, St. Petersburg, 2001.

Getsova O. G., Dialektnye razlichia russkikh arkhangel'skikh govorov i ikh lingvogeograficheskaya kharakteristika, *Russkie dialekty: istoriia i sovremennost'*, Gorskova K. V., Remneva M. L., eds., Moscow, 1997, 138–197.

Iljina E. N., *Osnovy lingvisticheskoi geografii Vologodskoi oblasti*, Vologda, 2012.

Iljina Yu. N., "Boelis' prazdnikov beda stary liudi": etnolingvisticheskaya kharakteristika kalendarnykh terminov (na materiale pechorskikh govorov), *Traditsionnaya kul'tura*, 1, 2016, 67–74.

Iljina Yu. N., Verbal'nye sredstva realizatsii pishchevogo koda v ust'-tsilemskikh pokhoronno-pominal'nykh prichitaniiakh, *Riabininskie chteniia–2015. Materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii traditsionnogo kul'turnogo nasledii Russkogo Severa*, Petrozavodsk, 2015, 298–300.

Iljina Yu. N., Dialektnaya leksika v rechi nositelia pechorskikh govorov: etnolingvisticheskii aspekt, *Slovo i tekst v kontekste kul'tury*, 3: Govory Respubliki Komi i soprodel'nykh oblastei, Syktyvkar, 2018, 47–55.

Iljinskaya N. G., K probleme sistemnykh otnoshenii v leksike: leksiko-semant. gruppа "Vypechnye izdeliia" v arkhangel'skikh dialektakh (semant. i lingvogeogr. aspekty), Moscow, 1998.

Kabinina N. V., Promyslovaia leksika v toponimii del'ty Severnoi Dviny, *Izvestia. Ural Federal University Journal*, 2001, 20, 85–87.

Kabinina N. V., Etimologicheskii kommentarii k russkim geograficheskim terminam *tundra* i *rada*, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2019, 1, 47–54. Kalutskov V. N., O geokontsepte Russkogo Severa, *Riabininskie chteniia–2011. Materialy VI konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo nasledii Russkogo Severa*, Petrozavodsk, 2011, 69–71.

Kabinina N. V., K etimologii belomorskogo iagra 'otmel', *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii: Ekaterinburg, 8–10 sentyabrya 2012 g.: v 2 chastakh*, Berezhovsk E. L., ed., 1, Ekaterinburg, 2012, 186–188.

Kabinina N. V., Problemy izucheniia finno-ugorskogo toponimicheskogo substrata na territorii Russkogo Severa, *Linguistica. LV. Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled*, Ljubljana, 2015, 207–228.

Kachinskaya I. B., Narodnaia erotika v evfemizmakh (po materialam arkhangel'skikh govorov). Chast' 1. Zhenskie polovye organy, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 25, 2, 2017, 109–137.

Kachinskaya I. B., Narodnaia erotika v evfemizmakh (po materialam arkhangel'skikh govorov). Chast' 2. Muzhskie polovye organy, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 25, 1, 70–85.

Kachinskaya I. B., *Terminy rodstva i iazykovaia kartina mira (po materialam arkhangel'skikh govorov)*, Moscow, 2018.

Kalutskov V. N., Russkii Sever i ego vekovye geopoliticheskie trendy, *Transgraničnoe sotrudnichestvo. Izmenenie klimata i zashchita okruzhaiushchei sredy v Arktike. Materialy Piatogo Severnogo sotsial'no-ekologicheskogo kongressa*, Moscow, 2010, 91–96.

Kobeleva I. A., *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi*, Syktyvkar, 2004.

Kobeleva I. A., *Russkaia dialektnaia frazeografiia: grammaticheskii aspekt (na materiale govorov Russkogo Severa)*, St. Petersburg, 2007.

Komyagina L. P., *Leksicheskii atlas Arkhangel'skoi oblasti*, Arkhangel'sk, 1994.

Kozneva L. M., ed., *Istochniki XIX v. dlia izucheniia istorii vologodskikh govorov, Slovesnost' Russkogo Severa: lingvisticheskie istochniki*, Vologda, 2013, 80–152.

Kukoverova V., *Starinnye slova, dialekty i vyrazheniia Kichmengsko-Gorodetskogo raiona Vologodskoi oblasti. Slovar'*, Kichmengskii Gorodok, 2016.

Kushkov N. D., *Pomorskii govor. Poslovitsy, pogovorki, priskazki, leksika*, Varzuga [Murmanskaia obl.], 2011.

Larin B. A., *Russko-angliiskii slovar'-dnevnik Ri-charda Dzheyma*, Leningrad, 1959.

Levichkin A. I., Myznikov S. A., eds., *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiia. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.*, St. Petersburg, 2006.

Levichkin A. N., Myznikov S. A., *Slovar' pinezhskikh govorov: proekt. Probnye slovarnye sta'i*, St. Petersburg, 2014.

Lindberg G. U., Gerd A. S., *Slovar' nazvanii presnovodnykh ryb SSSR na iazykakh narodov SSSR i evropeiskikh stran*, Leningrad, 1972.

Matveev A. K., *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa*, 1, Ekaterinburg, 2001; 2, Ekaterinburg, 2004; 3, Ekaterinburg, 2007; 4, Ekaterinburg, 2015.

Matveev A. K., ed., *Materialy dlia slovaria finno-ugro-samodiiskikh zaимstvovaniy v govorakh Russkogo Severa*, 1–, Ekaterinburg, 2004–.

Merkuriev I. S., *Zhivaia rech' kol'skikh pomorov*, Murmansk, 1979.

Mikhailova L. A., Preobrazhenskii A. V., Guseva E. R., Ilgunova E. A., Alekseeva E. V., eds., *Krai rodnoi — rodnoe slovo*, Petrozavodsk, 2015.

Mikhailova L. P., Vnutriregional'nye leksicheskie razlichii russkikh govorov Karelii, *Severnorusskie govory*, 1999, 7, 11–22.

Mikhailova L. P., *Istoriia kraia v narodnom slove: rus. govory Karelii*, Petrozavodsk, 2004.

Mikhailova L. P., *Baltizmy v leksike severnorusskikh govorov, Iazyk i mezhkul'turnye kommunikatsii: sb. nauch. st.*, Starichenok V. D., ed., Minsk, 2007, 111–113.

Mikhailova L. P., Osobennosti prefiksial'noi sistemy russkikh glagolov, obuslovlennye pribaltiisko-finskimi vliianiami, *Severnorusskie govory*, 9, 2008, 55–69.

Mikhailova L. P., *Slovar' ekstentsial'nykh leksicheskikh iedinit' v russkikh govorakh*, Petrozavodsk — Moscow, 2013.

Mikhailova L. P., Tiurkskii sled v leksike severnorusskikh govorov (chezhovina), *Vestnik of Kostroma State University*, 19 (1), 2013, 71–75.

Mikhailova L. P., K probleme slaviano-finskogo simbioza (po dannym toponimii i leksiki Russkogo Severa), "Svoe" i "chuzhoe" v kult'ure: *materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Petrozavodsk, 16–17 marta 2015 g.) (= "Our" and "Alien" in Culture)*, Petrozavodsk, 2015, 101–104.

Mikhailova L. P., Rutt T. E., Ob istochnikakh etnokul'turnogo slovaria russkikh govorov Karelii, *Voprosy russkoi istoricheskoi grammatiki i slaviano-vedeniia: k 175-letiiu so dnia rozhdeniia Vatroslava Iagicha (1838–1923): materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (19–20 sentiabria 2013 g., g. Petrozavodsk)*, Petrozavodsk, 2013, 59–62.

Mikhailova L. P., Rutt T. E., Sostav i printsipy postroeniia etnokul'turnogo slovaria russkikh govorov Karelii, *Severnorusskie govory*, 13, 2014, 3–16.

Mishnev S. M., *Tarnogskii govor [slovar']*, s. Tarnogskii Gorodok [Vologod. obl.], Vologda, 2013.

Morozkova Z. A., ed., *Slovar' dialektnykh slov Ust'-Kubinskogo raiona Vologodskoi oblasti*, 3rd ed., [S. Ust'ie, Vologod. obl.], 2017.

Morozov I. A., Sleptsova I. S., "Krug igry". *Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)*, Moscow, 2004.

Morozov I. A., Sleptsova I. S., Ostrovsky E. B. et al., *Dukhovnaia kul'tura Severnogo Beloz'er'ia: etnodialektnyi slovar'*, Moscow, 1997.

Moseev I. I., *Pomorskaia govor: kratkii slovar' pomorskogo iazyka*, Arkhangel'sk, 2005.

Myznikov S. A., *Atlas substratnoi i zaимstvovannoi leksiki russkikh govorov Severo-Zapada*, St. Petersburg, 2002.

Myznikov S. A., *Russkie govory Obonezh'ia: areal'-no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiiskofinskogo proiskhozhdeniia*, St. Petersburg, 2003.

- Myznikov S. A., *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz*, St. Petersburg, 2004.
- Myznikov S. A., *Russkie govory Belomor'ia: mat-ly dlia slovaria*, St. Petersburg, 2010.
- Nefedova E. A., *Ekspressivnyi slovar' dialektnoi lichnosti*, Moscow, 2001.
- Nefedova E. A., *Mnogoznachnost' i sinonimii v dialektnom prostranstve*, Moscow, 2008.
- Nefedova E. A., O meste arkhangel'skikh govorov v dialektnom chlenenii russkogo iazyka, *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*, 4, 2016, 38–46.
- Orlova V. G., ed., *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov: po materialam lingvisticheskoi geografii*, Moscow, 1970.
- Osipova K. V., Kollektivnye trapezy kak voploshchenie tsennosti krest'ianskogo obshchestva (na materiale dialektnoi leksiki Russkogo Severa), *Kategorii otsenki i sistema tsennosti v iazyke i kul'ture*, Tolstaia S. M., ed., Moscow, 2015, 187–202.
- Osipova K. V., Leksika pivovarenii na Russkom Severe: etnolingvisticheskii aspekt, *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya*, 48, 2017, 57–73.
- Osipova K. V., O printsipakh sostavleniia etnolingvisticheskogo slovaria "Pishcha Russkogo Severa": na primere stat'i "Kasha", *Traditsionnaia kul'tura*, 4 (68), 2017, 111–123.
- Osipova K. V., Traditsii upotrebleniia piva na Russkom Severe: etnolingvisticheskii aspekt, *Slavianskii al'manakh*, 3–4, 2017, 463–478.
- Osipova K. V., Nazvaniia spirtnykh napitkov na Russkom Severe: etimologo-etnolingvisticheskii analiz, *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya*, 56, 2018, 146–165.
- Panikarovskaya T. G., ed., *Slovar' vologodskikh govorov*, 1–12, Vologda, 1983–2007.
- Pashkov A. M., Mental'nost' zhitelia Russkogo Severa: istoriko-kul'turnyi kontekst, *Pritiazhenie Severa: iazyk, literatura, sotsium [v 2 ch.]: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: nauchnoe elektronnoe izdanie*, 1, Petrozavodsk, 2018, 683–690.
- Plotnikova A. A., *Slovari i narodnaia kul'tura. Ocherki slavianskoi leksikografii*, Moscow, 2000.
- Pozharitskaya S. K., Severnye govory za chertoi DARIA. K voprosu o dialektnom chlenenii russkogo iazyka, *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 8: *Vostochnoslavianskaia dialektologiya, lingvogeografiia i slavianskii kontekst*, Kalyn' L. E., ed., Moscow, 2002.
- Puritskaya E. V., Verbalizatsiia predstavlenii o iazyke v rechi nositelei dialekta, *Severnorusskie govory*, 8, St. Petersburg, 2004, 252–260.
- Puritskaya E. V., Vnutrenniaia forma rechevykh glagolov v pskovskikh govorakh: Narodnye obrazy iazyka, *Severnorusskie govory*, 10, St. Petersburg, 2009, 98–109.
- Rut M. E., Motivatsionnye paradoksy: zametki dialektnogo leksikografa, *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2, 2016, 221–234.
- Shabrova E. N., *Proizvodnye glagoly v russkikh govorakh*, Vologda, 1998.
- Shabrova E. N., *Dialektnoe kornevoe gnezdo: problemy i printsipy opisanii*, St. Petersburg, Vologda, 2002.
- Shergin B., Slovar' pomorskich spetsial'nykh slov i vyrazhenii, ob'iasnenie sobstvennykh imen i nazvanii, *Otsovo znan'ie. Pomorskie byli i skazaniia*, Moscow, 2014, 667–684.
- Shutova N. F., *Slovar' govorov Likhodeevskikh dereven'*, Vel'sk, 2009.
- Simashko T. V., *Denotativnyi klass kak osnova opisanii fragmenta mira*, Arkhangelsk, 1998.
- Simina G. Ya., *Pinezhskii govor: materialy po russkoi dialektologii*, Kaliningrad, 1976.
- Sobolev A. I., Leksika pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia v russkikh andomskikh govorakh, *Vytegra: kraevedcheskii al'manakh*, 4, Vologda, 2010, 253–296.
- Stavshina N. A., *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory*, 1–2, St. Petersburg, 2008.
- Sudakov G. V., K voprosu o roli severnorusskikh govorov XVII v. v skladyvanii obshcherusskogo leksicheskogo fonda, *Voprosy formirovaniia russkogo natsional'nogo iazyka*, Vologda, 1979, 66–75.
- Surikova O. D., K izucheniiu arkhaischeskoi leksiki v "Prichitaniakh Severnogo kraia" E. V. Barsova, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 9, 4, 2017, 73–82.
- Surikova O. D., Arkhaichnaia sotsial'naia leksika v "Prichitaniakh Severnogo kraia" E. V. Barsova, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 2019, 227–240.
- Tolstaya S. M., Zametki o iazyke severnorusskikh prichitanii, *Iazyk i proshloe naroda: sbornik nauchnykh statei pamiati chlena-korrespondenta RAN, za sluzhennogo deiatelia nauki RF, professora Aleksandra Konstantinovicha Matveeva*, Rut M. E., ed., Ekaterinburg, 2012, 464–475.
- Tolstaya S. M., Govory Russkogo Severa na obshcheslavianskom fone, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 6 (175), 2018, 53–59.
- Tolstoy N. I., *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*, Moscow, 1995.
- Toporov V. N., K rekonstruktsii drevneishego sostoianiia praslavianskogo iazyka, *Slavianskoe iazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Sofia, sentiabr' 1988 g. Doklady sovet'skoi delegatsii*, Moscow, 1988, 264–292.
- Vedenin Yu. A., Gudima T. M., Shulgin P. M., Kontseptual'nye polozheniia formirovaniia gosudarstvennoi tselevoi programmy "Kul'tura Russkogo Severa", *Nasledie i sovremennost'. Informatsionnyi sbornik*, 12, Moscow, 2004, 22–40.

Vendina T. I., Retsenziia na: Komiagina L. P. Leksicheskii atlas Arkhangel'skoi oblasti. Arkh., 1994, *Voprosy iazykoznanii*, 1997, 4, 153–159.

Vlasova I. V., ed., *Russkii Sever: etnicheskaia istoriia i narodnaia kul'tura XII–XX veka*, Moscow, 2001.

Volkov S. S., Russkii byt i kul'tura v slovarenne Richarda Dzhemsa (1618–1619), *Voprosy teorii i istorii iazyka*, St. Petersburg, 1993, 72–78.

Yatskevich (Kalachova) L. G., ed., *Slovo o rodnoi derevne*, Vologda, 2011.

Yatskevich L. G., *Kvasiuninskaia pogovorochka: iazyk malykh zhanrov fol'klora*, Vologda, 2017.

Yatskevich L. G., Sudakov G. V., eds., *Narodnoe slovo v proizvedeniiakh V. I. Belova: slovar'*, Vologda, 2004.

Zorina L. Yu., K lingvogeograficheskomu izucheniiu leksiki vologodskikh govorov, *Voprosy regional'noi leksikologii i onomastiki: mezhvuz. sb. st., posv. 70-letiiu prof. Iu. I. Chaikinoi*, Vologda, 1995, 149–152.

Zorina L. Yu., *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniia v kontekste traditsionnoi narodnoi kul'tury*, Vologda, 2012.

Елена Львовна Березович,

доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
зав. кафедрой русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации
Уральского федерального университета
620000 Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51, ком. 306
Россия / Russia
berezovich@yandex.ru

Светлана Михайловна Толстая,

доктор филологических наук,
профессор, академик РАН,
зав. Сектором этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32 А
Россия / Russia
smtolstaya@yandex.ru

Received May 26, 2019

**«По тем вестям, которые
приходят ис...»: о новом
томе Вестей-Курантов**

[Рец.: *Вести-Куранты: 1671–1672 гг.* / Подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. Москва, 2017, 806 с., илл., 27 см]

**«According to the News that
Come from...»: About the New
Volume of Vesti-Kuranty**

[Rev. of: *Vesti-Kuranty: 1671–1672*, preparation, research, commentary by I. Maier, S. M. Shamin, A. V. Kuznetsova, I. A. Kornilaeva, V. B. Krysko with contribution of E. V. Amanova, ed. by V. B. Krysko, I. Maier, Moscow, 2017, 806 pp., illustr., 27 cm]

Ольга Сергеевна Сапожникова

Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

Olga S. Sapozhnikova

Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензия посвящена очередному тому большого проекта Института русского языка им. В. В. Виноградова, который выполняется коллективом авторов уже почти полвека, — изданию Вестей-Курантов. Вести-Куранты — это русские сводки иностранной печати, своеобразные средневековые дайджесты новейших и главных событий политической жизни XVII в., составлявшиеся столичными чиновниками-дипломатами (дьяками и переводчиками Посольского приказа) и предназначенные для избранного круга — исключительно для ознакомления русского правительства, т. е. царя и Боярской думы. Седьмой том позволяет проследить

Цитирование: Сапожникова О. С. «По тем вестям, которые приходят ис...»: о новом томе Вестей-Курантов // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 526–542.

Citation: O. S. (2019) «According to the News that Come from...»: About the New Volume of Vesti-Kuranty. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 526–542.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.20

развитие издательских методик для передачи текстов этого типа документов. Со времени выхода первого тома в 1972 г. принципиально изменилась структура издания, поскольку теперь вместе с русскими текстами реферативного характера публикуются выявленные иностранные первоисточники, подробно комментируются приемы рецензирования и создания сообщений на основе разных сведений — в т. ч. отсутствующих в оригиналах, но известных русским дипломатам. Вести-Куранты являются ценнейшим источником по истории внешней политики России, по литературному, политическому языку образованных слоев московского общества и по восприятию артефактов иных культур. По мнению автора рецензии, методы издания Вестей-Курантов еще будут совершенствоваться, поскольку каждый новый этап работы с увеличивающимся от года к году объемом материала заставляет апробировать разные способы передачи текстов.

Ключевые слова

Вести-Куранты, средневековые дайджесты, переводные памятники, внешняя политика Московской Руси, методы издания древнерусских текстов

Abstract

The article is devoted to the discussion of the new issue of *Vesti-Kuranty*, a large project of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, spanning almost half a century and performed by a whole team of authors. *Vesti-Kuranty* are Russian foreign press reports, a sort of medieval digests from the most recent publications about the main events in the political life of the 17th century. The content of the seventh volume allows one to trace the development of publishing techniques of this special type of documents compiled by the diplomatic workers of the capital (government officials of the Ambassadorial Order) and intended for the chosen audience – only the Russian government, that is, the Tsar and the Boyars дума. Since the publication of the first volume in 1972, the structure of the work has fundamentally changed, since the Russian digest texts are now published side-by-side with their identified foreign sources; the researchers go to the finest detail to explain all the different methods of message composing, which have been based on a vast amount of information (including that which was missing in the originals, but was well-known by the Russian clerks). *Vesti-Kuranty* is one of the most valuable sources on the history of Russian foreign policy, the literary and political language of the educated segment of Moscow society, their perceptions and attitudes towards the artifacts of foreign cultures. The author of this review thinks that the methods of publication of *Vesti-Kuranty* will continue improving. The publishers are forced to test different ways of presenting the text to their readers, because each new issue of *Vesti* contains more and more material from year to year as new facts are uncovered.

Keywords

Vesti-Kuranty, medieval digests, translated works, the foreign policy of Moscow Russia of the 17th century, methods of publishing old Russian text

В 2017 г. вышел седьмой том Вестей-Курантов (далее В-К) за 1671–1672 гг. Издание Института русского языка им. В. В. Виноградова можно считать серийным (несмотря на то что таковым оно не значится в отечественных каталогах), поскольку это последовательное издание в хронологическом порядке одного типа материалов — русских сводок иностранной печати о политических событиях в мире, предназначенных для чтения русскому правительству. Содержание

каждого нового тома неразрывно связано с предыдущим и продолжает его, что позволяет проследить развитие жанра В-К. Все тома имеют одинаковое название (кроме указания хронологических рамок), сквозная нумерация томов изначально не подразумевалась [Вести-Куранты 1972–2017]. Семь томов В-К являются итогом многолетней, трудоемкой и кропотливой работы многих ученых с источниками разной степени сохранности, рассеянными по хранилищам и собраниям, имеющими зачастую спорную датировку. На примере седьмого тома В-К можно наблюдать традицию и эволюцию изучения и издания этого особого типа документов, который хоть и оказался в поле зрения ученых уже в XIX в., все же редко привлекается в исследованиях по истории и культуре XVII в.

Седьмой том состоит из исследовательской [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 3–48], эдичионной [Ibid.: 51–598] частей, указателей [Ibid.: 601–752], черно-белого воспроизведения некоторых фрагментов русских В-К и их иностранных оригиналов [Ibid.: 755–803]. Исследовательская часть содержит традиционное для издания В-К «Историко-археографическое введение», в котором дается краткая историческая справка об особенностях издаваемых материалов данного периода, работы над ними в Посольском приказе и хранении, распределении материалов по единицам издания. Введение включает «Описание архивных дел», оформленное в виде таблиц, где даны краткие сведения о содержании публикуемых единиц, кодикологические сведения и датировки. В исследовательской части помещены также привычные «Принципы воспроизведения и комментирования текста». На этом традиционность исследовательской части седьмого тома заканчивается, и начинаются отсутствовавшие в предыдущих томах разделы, раскрывающие новый этап изучения языка В-К и способов его публикации. Что же касается эдичионной части, то ее принципы были апробированы в предыдущем томе, который, на наш взгляд, стал событием не только для истории изучения данного жанра, но и для отечественной медиевистики в целом. На новаторстве шестого тома и его отличиях от предыдущих пяти выпусков В-К стоит остановиться подробнее, поскольку авторы седьмого тома их продолжают и развивают.

С 1972 г. — времени выхода в свет первого тома В-К — полностью сменился коллектив авторов, произошли существенные изменения принципов публикации русских материалов, а в 2008–2009 гг. (т. 6, ч. 1, 2) была решена задача, сформулированная для издания этого жанра документов еще в 1902 г. Императорской археографической комиссией. Тогда, несмотря на положительные отзывы ведущих отечественных историков (например, Н. П. Лихачева и С. А. Белокурова), издание подготовленных Н. В. Голицыным к печати курантов 1621–1646 гг. было отложено в связи с мнением Комиссии о необходимости публикации русских переводов совместно с их иностранными оригиналами. По объективным причинам максималистская и преждевременная задача не могла быть выполнена в течение всего XX в. и надолго лишила специалистов по международным связям и вообще истории и культуре Московской Руси XVII в. интереснейших источников. В итоге мнение о слабой осведомленности русского правительства в делах европейских государств, незаинтересованности в налаживании контактов с протестантскими странами, малограмотности государственных служащих до реформ Петра I надолго стало общим местом в отечественной историографии. Только в шестом томе В-К (2008 г.), более чем через сто лет после отказа Голицыну в публикации,

впервые состоялось издание русских сводок и их первоисточников. Начиная с первого тома, авторы, как будто оправдываясь, сообщали вновь и вновь, что «работа по подысканию иноязычных оригиналов к публикуемым текстам еще впереди» [Вести-Куранты 1972–2017, 5: 5]. Несомненно, что опубликованные русские сводки ценны даже вне контекста иностранной прессы, однако идентификацию оригиналов можно считать знаменательной вехой для источниковедения. Сопоставление иностранных новостных изданий и их переводов позволяет теперь исследователям увидеть «кухню» русской внешней политики, составить представление об интересе русского двора к событиям религиозной и культурной жизни Европы, снять вопросы об оригинальном или переводном характере ряда текстов, которые органично вошли в древнерусскую книжность, но получили в ряде случаев ошибочную атрибуцию.

Введение рядом библиотек Европы в открытый доступ периодических и прочих изданий, интенсивность отечественной и зарубежной каталогизации, оперативность обмена информацией в XXI в. сделали выявление и атрибуцию иностранных документов, с которыми работали служащие Посольского приказа, более вероятными. Но даже современные технологии никогда не заменят мастерство и научную интуицию исследователя. Участие в издании В-К профессора Упсальского университета, слависта Ингрид Майер стало поворотным для этого многолетнего проекта. В 2008 г. вышла подготовленная ею часть, содержащая исключительно публикацию идентифицированных иностранных источников курантов и комментариев к ним (ч. 2. Вести-Куранты за 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.). Часть 1 с русскими текстами увидела свет в 2009 г. Приоритеты внешней политики России в XVII в., обусловленные расширением границ, в т. ч. воссоединением с Украиной (1653 г.), а значит, и столкновением с интересами нескольких больших государств на западных рубежах, стимулировали правительство и дипломатов к сбору и анализу информации о военных союзах, вооруженных конфликтах, к изучению родственных связей правящих особ и определению основных идеологов европейской политики. К 1670-м гг. поток печатных изданий из-за рубежа становится регулярным и все более интенсивным. Как показали авторы шестого тома, сводки и их оригиналы — яркие образцы сознательного отбора служащими Посольского приказа материала по основным направлениям русской внешней политики. Методы же отбора и избирательность при составлении сводок для чтения царю и Боярской думе — свидетельства самостоятельной и высокопрофессиональной работы переводчиков приказа, на которых возлагалась ответственность за объективное, оперативное и доступное для правительства отображение материала политического характера.

Подготовленный И. Майер труд можно назвать новаторским монографическим исследованием, поскольку издание текстов предваряется подробным анализом таких тем, которые лишь изредка освещаются отечественными учеными: периодическая печать XVII в. в Европе, иностранные газеты в Московском государстве, — а также вопросов, касающихся конкретных приемов при составлении сводок в Посольском приказе: избирательность при выборе информации, основные интересы, техника перевода. Изданные коллективом авторов русские тексты и обнаруженные и прокомментированные Майер тексты иностранной периодической и непериодической печати, послужившие источниками для русских

сводок, оказались в параллельном изложении ценнейшим источником для изучения развития переводческой техники в XVII в., а также по истории русского литературного языка, в первую очередь — языка политиков, государственных служащих (приказных), образованных слоев московского общества.

Отдельные разделы работы Майер [Вести-Куранты 1972–2017, 6, 1: 153–190] посвящены вопросам, представляющим для специалистов интерес не только лингвистического характера, но и мировоззренческого, поскольку служащие Посольского приказа, пересказывая прессу, вынуждены были передавать и сообщения об отсутствующих в России традициях или явлениях в тех выражениях и категориях, которые должны были быть понятны русскому человеку:

«Ис Царягорода к намъ пишутъ, что салтанова мат[ъ] зело ищетъ того, чтоб самого салтана и всѣхъ начальныхъ его отставить и того ради всѣхъ янычар к себе приговорила» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 76].

«В цесарскихъ отчинныхъ земляхъ ныне указъ никакихъ венгровъ безъ пасовъ / безъ проѣзжихъ/ нигдѣ пропускать не велено» [Ibid.: 130].

«Ис Полши пишутъ, что тамо многихъ робятъ крадутъ, а сказываютъ, что то чинять избавления ради нѣкоторого великого человѣка сына в вязении у турка, или на продажу туркомъ»¹ [Ibid.: 182].

«[...] Да издѣс же прислано ис Полши нѣкоторые чюдные характары, начертания для показания Афонасию Кирхерию, мужу зѣломудрѣйшему в науке математической, емуже чають нигде подобного не обрѣтается, и о томъ смотря тѣ характары, сказал, что тѣ суть начертания могоцийския², но что толкуют, того ему неизвѣстно» [Ibid.: 194].

Майер останавливается на адаптации ономастической лексики, переводах названий, передаче топонимов, антропонимов, географических названий, анализирует подход при переводе имен политиков, часть которых входила в число приоритетных, требующих фокусировки внимания, а другая вообще могла не упоминаться в сводке как неизвестная или малозначительная для Московской Руси. Сводки В-К представляют собой итог не только переводческой работы, но и тщательного рецензирования и творческого реферирования «курантальщика-ми» материалов зарубежной прессы [Крысько, Maier 1997: 304].

Нельзя не отметить, что многолетнее последовательное научное издание В-К позволило ученым перейти к обстоятельному анализу и систематизации богатейшей информации, в них содержащейся. С. М. Шамин, непосредственный участник издания В-К, в ряде работ и в монографии 2011 г. «Куранты XVII столетия» [Шамин 2011] дал ответы на многие вопросы о зарождении, эволюции, содержании и функционировании русских сводок иностранной печати, а также сформулировал дальнейшие задачи их изучения. Исследования Майер и

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация при цитировании приближены к современным нормам.

² Авторы издания предполагают, что слово происходит от лат. *magici* — ‘магические’.

Шамина восполнили существовавшую в науке лауну в изучении информационного пространства России XVII в.

В 2010 г. на шестой том издания В-К вышла обстоятельная рецензия Л. И. Сазионовой [Сазонова 2010], в которой нашлось место обсуждению как достоинств, так и недочетов издания. Сазонова отметила, что куранты — это совершенно новый для древнерусской письменности жанр XVII в., методы изучения и описания которого только еще вырабатываются, а потому для работы с ним «потребовалось создание специальной текстологической методики, в частности для идентификации источников-оригиналов» [Ibid.: 43]. Сазонова подробно рассматривает, в чем именно состоит новизна этих методик. Поскольку сводки с 1668 г. составлялись сразу из нескольких источников на разных языках, а европейские печатники заимствовали материал друг у друга, то зачастую определить с большой долей вероятности конкретный источник сведений для русского текста сложно. В таких случаях Майер определяла два-три потенциальных «оригинала», а затем сопоставляла используемые в этой же сводке уже атрибутированные источники или ориентировалась на наличие газеты в московских архивах и изучение на них помет переводчиков. Поиск источников затрудняется тем, что в близком к тексту оригинала русском переводе-пересказе могло использоваться сразу несколько статей. Подобную трудоемкую работу, фактически — текстологию иностранной прессы и сопоставление разноязычных источников одинакового содержания с русскими переводами-рефератами, можно назвать текстологией «в квадрате», поскольку подразумевается многократная сверка одних и тех же материалов на нескольких языках.

Не имеет смысла пересказывать все достоинства параллельного издания текстов русских курантов и западной печати в шестом томе, подробно проанализированные Сазоновой, интереснее рассмотреть в связи с выходом в свет седьмого тома, насколько для авторов оказались важными ее рекомендации.

Основное замечание исследовательницы к эдизионной части касалось способов передачи на печати графем буквы «я», а также ее предложения касались Указателей. Сазонова отметила, что в рукописях XVII в. встречаются четыре способа или четыре графемы для передачи буквы «я»: **ѧ**, **ѡ**, **ѣ**, «особый знак типа прописного Е, переходящего в 'а'», — и отметила в качестве недочета, что авторы передают указанные графемы непоследовательно, преимущественно как **ѧ**. По ее мнению, желательно воспроизводить первые три графемы, а для передачи «особого знака» использовать букву «я» [Сазонова 2010: 44–45]. Стоит отметить, что в классических работах по палеографии «особый знак» традиционно рассматривается как скорописный вариант йотированной «а», — поэтому встает вопрос, имеет ли смысл вообще обращать внимание на способы написания скорописной **ѧ** (тем более что «особых знаков» для этой буквы было несколько³) и таким образом отделять полууставную **ѧ** от других графем для «я»? Тем не менее, авторы

³ Как отмечают Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин, разные варианты в скорописи для «я» получаются «в результате ломки мачты и перекладины у буквы **ѧ**» [Чаев, Черепнин 1947: 150]. Е. Ф. Карский приводит несколько вариантов скорописной «ѧ» и объясняет появление «особых знаков»: «В великорусской скорописи с я произошла та же перемена, что и с ю: левая сторона постепенно утратилась, обратившись лишь в росчерк [...]» [Карский 1901: 214].

нового тома добросовестно приняли это замечание Сазоновой и последовательно передали «особый знак» как «я». Насколько последовательно передана была полууставная графема **ѧ**, сказать сложно, потому что для сравнения необходимо обратиться к оригиналам сводок: в нескольких приведенных черно-белых фотокопиях она нам не встретилась.

Вслед за В. Г. Демьяновым, подготовившим впервые Указатель *всех слов В-К* [Вести-Куранты 1972–2017, 5: 160–208], авторы шестого и седьмого томов снабдили их таким же справочным аппаратом (в седьмом томе — под названием «Указатель апеллятивной лексики»). Таким образом, подобный тип Указателя уже стал хорошей традицией при издании текстов курантов и может послужить образцом для Указателей к древнерусским памятникам XVII в. Критика Сазоновой «Указателя слов» к шестому тому касалась «отсутствия строгой установки на обобщение вариантов слова — орфографических, фонетических, фonomорфологических, морфологических и др.» [Сазонова 2010: 45] и непоследовательности редких обобщений. Например, такие лексемы как «ишпанцы» и «гишпанцы», отражающие разное произношение одного и того же слова, следовало бы поместить в Указателе в качестве фонетических вариантов в одном лексическом гнезде. Такие же доводы относятся к словам «агличаня» и «англичаня», «винецьяне» и «виницеене», а также «генварь» и «январь», которые вообще оказались в разных частях алфавита [Ibid.]. В то же время, как отметила Сазонова, «одмиральский» в Указателе совмещен с «адмиральский». Как показывают материалы «Указателя апеллятивной лексики» седьмого тома, авторы отказались от предложенной идеи обобщения слов по разным признакам, и с ними в этом стоит согласиться, так как подобная работа не имеет отношения к Указателю слов к текстам документов и требует дополнительного лексикографического и словообразовательного исследования, необходимого при составлении, например, словообразовательных словарей. В то же время для указания вариантов слов авторы Указателя (Е. В. Аманова, А. В. Кузнецова, В. Б. Крысько) прибегли к системе отсылок от варианта слова к лемме (нормализованной, основной формы слова), например: «козак см. казак», «одмирал, см. адмирал» и т. д., при этом, отметим, обратных отсылок нет (от леммы к варианту), то есть от слова «казак» к слову «козак» отсылки нет, нет ее и в случаях «адмирал»/«одмирал» или «многожды»/«многажды» и т. д. При этом два варианта одного слова, из которых невозможно было, по-видимому, выделить основную форму, например «гишпанский»/«ишпанский», перекрестных отсылок не имеют вообще. В XVII в. литературная норма еще не является устоявшейся и закрепленной словарями, поэтому ориентироваться на нее не представляется возможным (орфографическая вариативность остается все той же, что и в предыдущие периоды древнерусской письменности), и перекрестные отсылки были бы желательны во всех указанных и других подобных случаях. Непоследовательное применение системы отсылок затрудняет, на наш взгляд, поиск по Указателю, поскольку читатель не может быть заранее осведомлен обо всех вариантах разыскиваемой лексемы и не всегда может догадаться, разыскивая, например, «адмирал», что в другом конце Указателя находится лексема «одмирал». Стоит отметить, что число примеров подобной вариативности в В-К не так велико, поэтому ценность «Указателя апеллятивной лексики» не умаляют указанные частные недоработки.

Сазонова указала на желательность факсимильного воспроизведения текстов курантов, которые в шестом томе отсутствуют. В рецензируемом томе черно-белые образцы сводок, а соответственно, и выявленных почерков помещены в разделе «Иллюстрации», подраздел «Русские источники» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 755–775]. Авторы поместили и черно-белые изображения нескольких листов цитируемых европейских газет, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (подраздел «Иностранные источники» [Ibid.: 775–803]).

Остановимся на ряде формальных изменений при изложении материала в седьмом томе по сравнению с шестым:

1. Седьмой том В-К не разделен на две отдельные книги подобно шестому, он включает в себя и русские сводки, и иностранные первоисточники. Материала он содержит меньше, нежели предыдущий, что исходит, по-видимому, из рациональных соображений. Подготовка к изданию большего числа текстов В-К следующих лет существенно задержало бы выход тома. Издание же такого важного материала более дробными частями вполне оправдано, тем более что последний выпуск представляет собой объемный, но тем не менее удобный в использовании однотомика.

2. Увеличен шрифт. Стоит согласиться, что кириллический шрифт шестого тома труден для чтения, но, по-видимому, в таком масштабе он был использован для того, чтобы уместить в одну книгу материал большого объема. Новый шрифт увеличен, в том числе благодаря тому, что было принято решение публиковать текст с надстрочными знаками. И это делает чтение более комфортным.

3. Оглавление перенесено в конец тома.

Отметим принципиальные нововведения и изменения. «Указатель личных имен» шестого тома превратился в «Указатель личных имен и притяжательных от личных имен» [Ibid.: 722–732], что представляется удачным решением, поскольку не всегда возможно систематично и логично осуществить разделение личных имен и производных от них названий объектов, явлений, мест, а затем без отступлений последовательно распределить материал по разным указателям, преумножение же указателей не всегда оправдано. Например, производные от имен Дорошенко («Дорошенкова сторона» в значении «сторонники гетмана Петра Дорошенко», «Дорошенков сын») или Магомет («Магметов гроб», «Магметева мечеть») находились в предыдущем томе в перечне «Наименований, не вошедших в указатели личных имен и географических названий» [Вести-Куранты 1972–2017, 6–1, 853–855], которого нет в новом томе. Приведенные в качестве примеров слова перенесены в «Указатель личных имен и притяжательных от личных имен», что облегчает обнаружение искомой лексики.

Еще один небольшой «Указатель иных имен собственных» включает слова и словосочетания, служащие названиями органов власти, организаций, воинских подразделений, государственных договоров, священных мест и т. д., типа: «Гроб Господень», «Дума тайная», «Пасха», «Оттоманская порта» и др. [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 752].

Русские тексты подготовлены к изданию С. М. Шаминым и А. В. Кузнецовой, которые сохранили принятые предыдущей редакцией принципы передачи текста. Самое главное новшество седьмого тома — воспроизведение надстрочных знаков при передаче русского текста, также впервые передается знак переноса

(графически =). А. И. Корнилаева воспроизвела надстрочные знаки по оригиналам и сверила тексты. Как сообщает исследовательница в обстоятельной вводной статье «Передача акцентных и прочих диакритических знаков» [Ibid.: 32–46], «в совокупности куранты 1660–1680-х гг. могут считаться, очевидно, самым значительным по объему скорописным акцентологическим источником» [Ibid.: 32]. По мнению исследовательницы, тексты курантов в седьмом томе «воспроизводятся существенно ближе к оригиналу, чем в предыдущих выпусках» [Ibid.], поскольку сохраняются все три знака ударения: оксия (в т. ч. в составе иктусного исо), вария (только иктусная) и камора (в курантах она неиктусная). Также в издании воспроизводятся паерок, краткая, простое титло. Анализ употребления надстрочных знаков исследовательница соотнесла со сведениями о четырех выявленных почерках, которыми переписывались куранты в 1671–1672 гг., и пришла к выводу о том, что, следуя в основном древнерусской, в т. ч. старопечатной традиции знаков акцентуации, писцы достаточно индивидуальны в их использовании. При этом исследовательница отказывается от воспроизведения всей системы диакритики: «Поскольку употребление спиритуса есть лишь дань греческой традиции, принято решение не передавать его при публикации...», «Не воспроизводится и оксия в сочетании со спиритусом », если она входит в состав неиктусного исо, т. е. не передает ударения [...]» [Ibid.: 34]. Интересны наблюдения Корнилаевой о восприятии надстрочных знаков в качестве элемента украшения: «Декорирование курантов знаками ударения, усердно практикуемое первым писцом (вопреки традициям скорописного письма вообще), проявляется особенно ярко в его работе над подносными экземплярами, т. е. предназначенными для личного просмотра царем Алексеем Михайловичем и боярами из ближайшего окружения» [Ibid.: 43]. Отмечает исследовательница и очевидную работу редактора, проставлявшего надстрочные знаки, и ученические почерки, что заставляет задуматься о преемственности в профессии. Редакторы, скорее всего, из приказных Посольского приказа, вводили в курс дела новых специалистов и тренировали, надо думать, их навыки не только в переписке, но и в вопросах внешней политики. Изучение акцентуации текстов В-К — новый этап в исследовании, свидетельствующий, что теперь, когда русские тексты и первоисточники введены в научный оборот и доступны для дальнейшего изучения, ученые приступают к изучению лингвистических нюансов и апробируют более совершенные Указатели.

Стоит остановиться также на некоторых традиционных принципах издания текста В-К. Отметим, что в шестом, а затем и в седьмом томе было принято упрощение, никак не оговоренное в «Принципах воспроизведения и комментирования текста» [Вести-Куранты 1972–2017, 6, 1: 62]: авторы отказались от графемы **м** и оставили только **т**, в то время как в предыдущих пяти томах использовались обе. Но в предварительной статье все так же сообщается, что текст русских сводок «воспроизводится “буква в букву”» [Ibid.] Надо отметить, что на передаче смысла и качестве издания отказ от **м** никак не сказался и неизвестно, заметили ли читатели В-К это «отступление». На наш взгляд, не пострадало бы издание и при отказе от ряда других графем. Как сообщают Крысько и Майер в качестве рецензентов 5 тома В-К, «принятые в отделе лингвистического источниковедения ИРЯ РАН правила публикации *древних* [курсив мой. — О. С.] письменных источников дают возможность, не усложняя чтение сложными шрифтами и вместе

с тем не искажая текст современной пунктуацией, вполне адекватно передать орфографические особенности оригинала, не говоря уже о фонетических и грамматических» [Крысько, Maier 1997; переиздание см.: Крысько 2007: 75]. Хочется возразить авторам рецензии, что речь идет вовсе не о «древнем письменном памятнике» и никакой смысловой нагрузки при передаче текста позднего памятника использование графем, стилизованных под начертания славянских букв, не несет, более того, символы из «сложных» шрифтов все же встречаются. В седьмом томе особенно удивляет использование графемы для славянской буквы «ук» в самом редком ее варианте, по типу парадного инициала, в то время как с первого издания «ук» передавалась самой распространенной формой Ѹ. Но какой бы графемой буква «у» ни передавалась, она всегда в текстах В-К обозначает только самое себя. Лишь изредка в деловой письменности этого времени Ѹ коррелирует с диграфом **ou** и в редчайших случаях с ижицей **v** (при этом ни ижица, ни диграф не встречаются в седьмом томе). Насколько важно присутствие этой графемы в издании текстов XVII в.? То же самое можно сказать и об **w** «омега», которая обозначает только букву «о». Буква **з** «зело», характерная, по-видимому, только для одного писца курантов (речь о томе 7), всегда передает букву «з». Отказались издатели и от вариантов для и десятеричного (**ī**, **i**), сохранив, тем не менее, **i**. В русском языке XVII в. не так много слов, значения которых кардинально бы различались в зависимости от написания и/и в корне слова, — к тому же при ненормированной орфографии и здесь возможны варианты. Так, классический пример для различения слов — *міръ* (вселенная, народ и т. д.) и *миръ* (отсутствие войны) — не будет актуальным для текстов В-К: лексема «мир» употребляется здесь, как кажется, только в значении «отсутствие войны», а во-вторых, в текстах XVII в. в данном случае имеет место орфографическая вариативность. Остальные случаи — написание союза через «и» или «і», индивидуальное употребление «і» в окончаниях (Антиохіі, оні, хотѣлі) или орфографические варианты «имяни»/«імяни» — не являются принципиальными и интересными для представления о языке памятника. Возникает вопрос, почему издатели посчитали возможным отказаться от **m**, отказались от скорописной **ia** (передав ее как «я»), от **ī**, но сохранили, например, **з**, **i**, **Ѹ**, **w**, **ѡ** и т. д. Таким образом, избирательность при передаче графем присутствует, но на чем она основана, авторы не объясняют. Передача ряда букв устаревшими графемами и сохранение многих особенностей орфографии представляется неоправданным усложнением, которое приемлемо, например, при издании Азбуковников, где упрощение приведет к нарушению алфавитного принципа, или при издании алфавитных указателей, которыми древнерусские книжники в XVII в. начинают снабжать оригинальные и переводные сочинения. Конечно, некоторый «аромат истории» при подобной стилизации чувствуется, но как его будут сохранять исследователи при цитировании издания В-К? Такой же вопрос возникает в связи с сохранением пунктуации сводок XVII в. или с отказом раскрывать прилагательные и местоимения **m** и **ср.** рода в **P** и **V**. п. с выносным **r** (тог, ег, чег, всяког и т. д.), с отсутствием мягкого знака в инфинитивных формах. При составлении же Указателей авторы В-К вынуждены были прибегать и к реконструкции слов, и к упрощению орфографии, например, унифицировать разные написания, избрав наиболее близкий современному (передать **з**, **z** как **з**; **n**, **i** как **n**). Приведем пример из текста В-К (не самый сложный для

воспроизведения по принципу «знак в знак», но все же помещаем его копию [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 239]):

| числа х королевскому величеству | пришли хъдые вѣсти из Украи|ны, и тог
ради королевское вели|чество хочет послат в Украинѣ⁵ | своег надворного
воиска пѣшого | и драгѣнского строю,, |

Очевидно, что при цитировании В-К часть исследователей откажется от надстрочных знаков, часть — от оригинальной пунктуации (две запятые в конце предложения вряд ли одобрит какой-либо редактор), часть предпримет реконструкцию слов: «тог» — тог[о], «своег» — своег[о], «хочет послат» — хочет послат[ь] (в первых томах издания такая реконструкция имела место!), часть упростит графику: «ис» — из.

Некоторые слова, переданные сокращенно в рукописной традиции и не раскрытые в издании В-К, могут быть понятны только прошедшим курс палеографии. Так, не всякий специалист по Новому времени сможет в ряде случаев отделить «де» («день») от частицы «де» и верно процитировать, например, следующий текст: «Июля въ .Д. де в Гагу приѣхали» [Ibid.: 330]. Допустим, это вопрос внимания читателя к научной сопроводительной части и к «Списку сокращений, употребляемых в текстах», но для понимания текстов В-К тогда должна, по-видимому, прилагаться и таблица буквенной цифири, поскольку в издании В-К все даты и числа переданы славянскими буквами (эта традиция сохраняется с самого первого тома В-К). Не всякий читатель — даже историк — сможет верно прочесть славянскую цифирь. Читатели вряд ли поймут без специальной подготовки и верно передадут при цитировании следующие тексты:

В розных морских пристанищах на смотре объявилос | ЧА, карабль
воинских, а на них ратныхъ | людеи .К.ΘУ, Θ да .ЕРПС, | пушекъ, и послан
к нимъ ѡкажь | чтоб они всегда готовы были, итить | на море, а сверхъ
[Ibid.: 173].

еѡимков, такъж шваицары, | пѣшие и конные приѣзжают. | многие а въ
.KS, де генваря | досталных ѡранцѣзов .Г. Θ | конных да .Д.І, Θ пехоты
[Ibid.: 321].

Возможно предположить, что даты и числа станут ясны читателям при обращении к иностранным оригиналам, где они даны арабскими цифрами, однако не для всех фрагментов определены источники — и они редко переводились дословно. Например, для данных отрывков оригиналы не обнаружены: «...и собирает .И.І. члѣвкъ» [Ibid.: 307], «...и здѣс турских вязней з члѣвкъ» [Ibid.: 309]. Обратите внимание, что издатели В-К отказались от передачи традиционного титла над цифирью, позволяющего различать буквы и обозначаемые ими числа. Читатель, не имеющий опыта работы с рукописными источниками (а комментариев в данных случаях нет), может принять в последнем примере з «землю» (т. е. 7) за

цифру 3. На с. 163–164 седьмого тома приведен на основании сообщения из Амстердама от 14–15 июля 1671 г. интереснейший перечень товаров, привезенных на одиннадцати кораблях из «восточной Индѣи». Количество товаров — а их экзотических наименований более пятидесяти («хиндось», «гинга», «матопс», «полотна донгрисъ», «связокъ эбнового дерева», «алмазов недѣланных» и т. д.) — указано для каждой позиции цифирью [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 163–164]. Если бы не публикация оригинала на с. 548–550 и комментарии Майер [Ibid.: 548–550], работа с этим списком отняла бы немало времени даже у специалиста, тем более что речь идет о больших числительных и в ряде случаев используются дробь:

АЦМИ.² каты. /каты вѣсом | еунть съ .Е.ю | долюю/ тонъквинского
шолку |
Р.ПР.КИ.³ еунтов краски крѣтикъ⁴. |
ИХЧД. еунта бенъюна. |
Р.О.ДУІ. еунтов малакъского олова. |
два милиона, и, Р.Ч.ЕЛГ. еунта. | чистые селитры.
| л. 172 | Ψ.З.ДХП. еунтов. розных сахаров. |
С.ІСЗ. фѣнтов. гвоздики, |
Р.К.ΘΩМИ. еунтов. орешков мѣшкатныхъ. |
З.ДХП, еунтов цвѣтъ⁵ мѣшкатного. |
У.К.ИТΘІ. еунтов цеилонской ко|рицы. |
З.SP. орѣховъ мѣшкатных в патоке. |
ДФЗΘ. связокъ эбнового дерева. |
С.ЕХПВ. еунта сандалѣ. |
Р.В.ІЦГ, еунта сапанова дерева. |
ВФИ. алмазов недѣланных,

[Ibid.: 164].

Возникает вопрос, почему издатели отказались, например, от титла над буквенной цифирью (сохранив его при этом при написании ряда существительных и прилагательных), от реконструкций формы слов (прилагательных и местоимений) с выносным *z* в случаях, когда она очевидна? Такой же вопрос встает в связи с отказом от современного написания числительных, современной пунктуации, хотя подобные принципы уже апробированы в изданиях поздних летописей, житий, документов XVI–XVII вв.: в Полном собрании русских летописей (по сформулированным А. А. Шахматовым принципам), «Летописце Еллинском и Римском» [Творогов, Давыдова 1999–2001], «Степенной книге» [Покровский, Ленхофф 2007], Библиотеке литературы Древней Руси⁴, многочисленных в последнее время изданиях документации монастырей, архиерейских домов, приходных и других хозяйственных книг. Показательно, что С. М. Шамин в своей

⁴ Издание Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), выходит с 1997 г.

монографии, посвященной В-К, цитирует тексты русских сводок по традиционным для публикации памятников XVII в. правилам, а не по принципам, предложенным в издании В-К. Несмотря на то что жанр курантов — особый, новый для древнерусской книжности, его язык, графика, орфография, синтаксис не являются уникальными и находятся в русле процессов, характерных для всей письменности указанного периода, когда не имеет принципиального значения различие при написании одной буквы разными способами, кроме редких исключений, так же как и индивидуальные особенности пунктуации писцов.

Аудитория читателей В-К, не ограничивающаяся только исследователями русского языка XVII в., будет вынуждена заниматься интерпретацией этого издания В-К, т. е. производить работу, во многом подобную обработке рукописного текста: передача цифири арабскими эквивалентами, упрощение графики и орфографии, раскрытие слов, расстановка знаков препинания. Интерпретации не будут одинаковыми, в результате при цитировании появятся разночтения. Представляется, что задача научного издания — дать такую интерпретацию текста компетентными специалистами, на которую можно было бы ориентироваться как на образец. В противном случае цитирование на усмотрение исследователя и в зависимости от разных задач приведет к неоднозначной передаче текста издания. Так, например, сами рецензенты пятого тома при цитировании текста В-К оговариваются: «[...] ради наглядности [курсив мой.—О. С.] орфография и пунктуация приближены к современной норме» [Крысько, Maier 1997: 302]. Цитирование издания В-К «буква в букву» сложно даже для специалистов и требует использования дополнительных шрифтов.

Второй раздел эдиционной части седьмого тома «Иностранные оригиналы к русским текстам» подготовлены Майер [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 339–560]. Принципы издания воспроизводят уже апробированный в шестом томе способ передачи фрагментов из европейских печатных изданий, реферируемых русскими переводчиками. Публикация каждого текста сопровождается указанием на место нахождения атрибутированного источника, в комментарии дается его название и объяснение характера работы с ним служащих Посольского приказа: сознательные изменения, уточнения, сокращения, более или менее точные пересказы, возникшие недоразумения от неправильно истолкованной информации, противоречия в датировках в связи с использованием разных стилей и перепечаток известий разными европейскими типографиями с опозданием или опять-таки с ошибками. Майер показывает, как приказные, регулярно анализирующие сведения одной тематики, на свое усмотрение снабжают время от времени перевод отсутствовавшими в источнике уточнениями и разъяснениями, в результате чего русский текст становился более ясным и точным, нежели оригинал. Комментарии Майер — одна из ценнейших частей издания, потому что они раскрывают все переводческие приемы при работе с иноязычными текстами и делают их доступными для дальнейших исследований лингвистов, историков, культурологов.

К сожалению, материал предварительных статей седьмого тома не дает сведений об общем количестве опубликованных текстов, русских и иностранных. В шестом томе приведены внушительные цифры выявленных и атрибутированных для русских сводок источников, об этом стоит напомнить: «[И]з приблизительно 1600 микротекстов, опубликованных в русской части данного издания, примерно

700 однозначно (или с большой долей вероятности) переведены с немецкого языка, а 650 — с нидерландского. Для оставшихся микротекстов (около 300) нельзя сказать, с какого языка они переведены [...]» [Вести-Куранты 2008, 6, 2: 210]. Подобные статистические данные были бы весьма полезны и в седьмом томе, поскольку они дают представление об объеме материала, вводимого в научный оборот, а также демонстрируют соотношение между сводками, составленными «посольскими» приказными, и привлеченными ими источниками.

Отметим, что во введении к седьмому тому не обозначено, как авторский коллектив определяет тип нового тома В-К, и не сообщается, на кого в большей степени он ориентировался при выборе достаточно сложных эдиционных принципов. При издании В-К, на наш взгляд, от ряда элементов вполне обоснованно можно было бы отказаться. Решение не включать все надстрочные знаки очень показательно, по тем же соображениям возможно отказаться от славянизированной графики, от достаточно индивидуальной пунктуации каждого из писцов. Новое издание (седьмой том) в чем-то будет достаточным для исследователей-лингвистов, а в чем-то и нет: исследователи акцентуации вынуждены будут все же заглядывать в оригиналы, так как принцип воспроизведения надстрочных знаков избирательный. Для историков же цитирование будет представлять некоторую сложность: неизбежно придется исключать надстрочные знаки, модернизировать написание дат, приближать орфографию и пунктуацию к современным, раскрывать написания типа «тог», «святго», «великог», «нне», «ннешняг времена», «гсдина Беницког» и др. — то есть привносить, как уже говорилось, свою интерпретацию в уже изданный текст. Последовательно придерживаться принципа «буква в букву» при издании позднего памятника сложно и не всегда необходимо, поскольку несущественных, традиционных и уже не несущих семантической нагрузки элементов в этот период много, к тому же проявляются индивидуальные пристрастия переписчиков, очевидно влияние украинской писцовой школы. Отметим, что оригиналы этого же времени на европейских языках переданы Майер без сохранения надстрочных знаков, сокращений, каких-либо особенностей графики и орфографии, что не мешает их использованию с текстологическими и источниковедческими целями. Вопрос публикации средневековых памятников — один из самых сложных в усвоении исторического наследия, и история издания В-К тому доказательство. По-видимому, эдиционные принципы В-К еще будут развиваться и совершенствоваться. Высказанные замечания находятся в поле вечной дискуссии о принципах передачи рукописного текста и несколько не умаляют значения издания и заслуг ученых, тщательно работавших над изданием В-К, апробирующих разные методы интерпретации и способы комментирования текстов.

Настоящее издание предоставляет возможность ознакомиться с жанром, предназначенным для «избранных» и не тиражируемым, а потому стоящим особняком в книжности XVII в. и требующим еще специального изучения. Трудно переоценить его значение для изучения приоритетов русского правительства во внешней политике допетровского времени, истории дипломатии, истории взаимоотношений со странами Европы и Азии и даже более широко, как уже говорилось, — мировоззренческого аспекта: В-К убедительно демонстрируют избирательность государственных служащих при отборе тем, стран, персон, слухов.

Хочется добавить, что чтение В-К представляет не только научный интерес, но является и захватывающим занятием. Нетрудно представить себе чувства и реакции государственного деятеля XVII в., слушающего пересказ иностранной прессы о событиях в своей стране, например, о восстании Степана Разина, или о том, как интерпретируются политическими противниками те или иные решения московского правительства, о надвигающихся эпидемиях, новых военных союзах, торжественных церемониях, чудесах от мощей святых или необычных явлениях, имевших место в европейских городах, известных современным читателям [подробно см.: Шамин 2011: 210–280]. Приведем примеры подобных сообщений:

«Из Амбурка мая 8 дня. С нѣкоторыми прише́льцами чрез Любо́къ вѣдо́мость, что в московских странах о Разине воре еще имѣютъ промышление, а что сказываютъ, будто ево людей побито много, и то не истинна, потому что побито деревенских мужиков множество, а с нынешними московскими грамотками марта 28-г дня вѣдомость к нам, что Разина опасны и паки собираются, и силу свою болше укрепил, нежели умалил, и о том опасны, чтоб не учинил великого скока, и на Москвѣ противъ него крѣпко вооружаются» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 130].

«Из Рима сентября въ 12 день. Истечение крови от руки чудотворца Николая истинно было, потому что по свидѣтельству объявилось тако, и ковчег указали затворить и впредь никому не казать» [Ibid.: 207].

«Такъж в Венгерской Вышней землѣ видели на небе комету в 11 числе, которая естеством своим являетъ на Полшу войну» [Ibid.: 207].

«На галанском караване, которой из Индѣи приѣхал, имѣет бога[...]»⁵ 80 бочек золота, а иные говорятъ 12 миллионов» [Ibid.: 207].

Язык сводок — это не казенный или макаронический язык документов XVIII в., а очень точный, логичный язык, хоть и преднамеренно лишенный стилистических украшений, но отражающий политическую терминологию, фразеологию, идиоматику, которую использовали государственные служащие XVII в. для передачи важных для правительства сведений: «[...] Куранты предоставляют в распоряжение исследователей, можно сказать, высшую письменную форму обиходного языка своего времени, практически свободную от архаизмов, избегающую явных диалектизмов и ориентирующуюся на повседневную речь образованных слоев русского общества, которые не чуждались заимствований, естественных при описании иноземных реалий, но отнюдь не злоупотребляли ими — не даром иноязычные вкрапления в тексте В-К порой сопровождаются глоссами [...]» [Крысько, Maier 1997: 302].

Издание В-К является плодом долгого добросовестного труда, тонкой археографической, кодикологической, палеографической работы. Введенный в научный оборот огромный пласт информации существенно обогатил источниковую

⁵ Несколько букв утрачено.

базу для исследований русского XVII века. Хорошо структурированное серийное издание В-К, несомненно, будет востребовано очень широким кругом читателей – как специалистов, так и любителей.

Библиография

Источники

Вести-Куранты 1972–2017

- 1: *Вести-Куранты. 1600–1639 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова, Москва, 1972.
- 2: *Вести-Куранты. 1642–1644 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова, Москва, 1976.
- 3: *Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, под ред. С. И. Коткова, Москва, 1980.
- 4: *Вести-Куранты. 1648–1650 гг.*: [Тексты], изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина, под ред. С. И. Коткова, Москва, 1983.
- 5: *Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.*: [Тексты], изд. подгот. В. Г. Демьянов, отв. ред. В. П. Вомперский, Москва, 1996.
- 6: *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.*, Ч. 2: *Иностранные оригиналы к русским текстам*, исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер; [отв. ред.: В. Б. Крысько], Москва, 2008; *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.*, Ч. 1: *Русские тексты*, изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой, завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована и И. Майер, Москва, 2009.
- 7: *Вести-Куранты. 1671–1672 гг.*, подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер, Москва, 2017.

Литература

Карский 1901

Карский Е. Ф., *Очерк славянской кирилловской палеографии: Из лекций, читанных в Императорском Университете, Варшава, 1901.*

Крысько 2011

Крысько В. Б. Пятый том Вестей-Курантов, *Очерки по истории русского языка*, Москва, 2007, 71–80.

Крысько, Maier 1997

Крысько В. Б., Maier I., Рец.: Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. Издание подготовил В. Г. Демьянов. Москва, 1996, *Russian Linguistics*, 1997, vol. 21 (3), 301–310. [Переиздано: Крысько 2011]

Сазонова 2010

Сазонова Л. И., [рец. на:] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.; Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам. М.: Языки славянских культур, 2008. 700 с.: илл., *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2010, 69 (4), 40–47.

Покровский, Ленхофф 2007

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарий: в 3 т., отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф, Москва, 2007.

Творогов, Давыдова 1999–2001

Летописец Еллинский и Римский: [В 2 т.], подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой, вступ. ст. О. В. Творогова, С.-Петербург, 1999–2001.

Чаев, Черепнин 1947

Чаев Н. С., Черепнин Л. В., *Русская палеография*, Москва, 1947.

Шамин 2011

Шамин С. М., *Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, Москва, С.-Петербург, 2011.

References

Chaev N. S., Cherepnin L. V., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1947.

Krisko V. B. Piatyi tom Vestei-Kurantov, *Ocherki po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2011, 71–80.

Krisko V. B., Maier I., [rev. of:] Vesti-Kuranty. 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. V. G. Demianov. ed., Moscow, 1996, *Russian Linguistics*, 1997, 21 (3), 301–310.

Pokrovsky N. N., Lenhoff G. D., eds., *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: teksty i kommentarii: v 3 t.*, Moscow, 2007.

Sazonova L. I., [rev of:] Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg., *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2010, 69 (4), 40–47.

Shamin S. M., *Kuranty XVII veka: Evropeiskaia pressa v Rossii i vzniknovenie russkoi periodicheskoi pechaty*, Moscow, St. Petersburg, 2011.

Tvorogov O. V., Davydova S. A., eds., *Letopisets Ellinskii i Rimskii*, St. Petersburg, 1999–2001.

Ольга Сергеевна Сапожникова,

кандидат филологических наук,

научный сотрудник

Научно-исследовательского отдела рукописей

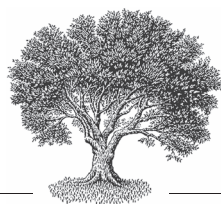
Библиотеки Российской академии наук

199034 С.-Петербург, Биржевая линия, 1

Россия / Russia

olsapoj@mail.ru

Received October 27, 2018

Многоязычие в Европе эпохи Просвещения

[Рец.: Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018, 233 pp.]

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Multilingualism in Enlightenment Europe

[Rev. of: Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018, 233 pp.]

Gleb P. Pilipenko

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В рецензии рассматривается англоязычная коллективная монография «Выбор языка в Европе эпохи Просвещения: образование, общение и власть» о языковом выборе в европейских странах в XVIII в. (авторы из Италии, Нидерландов, России, Эстонии, Хорватии; издатели — Владислав Ржеуцкий и Виллем Фрейхофф). Издание является шестым по счету в серии «Языки и культуры в истории». Книга включает введение, восемь статей международного авторского коллектива, алфавитный указатель языков, имен и географических названий. В Европе период Просвещения ознаменован постепенным отказом от латинского языка в сфере образования и государственного управления и переходом на современные языки. Вместе с тем наблюдается специфика по отдельным странам, в частности, в Российской империи и в Хорватии. Привлечение архивного материала (частные письма, мемуары, анкеты чиновников, статистические данные) делает это издание особенно ценным. География рассматриваемых регионов весьма обширна: авторы анализируют языковую ситуацию во Франции, Нидерландах, Центральной Германии, Эстляндской губернии, Хорватии, Венгерском королевстве,

---

Цитирование: Пилипенко Г. П. Многоязычие в Европе эпохи Просвещения // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 543–553.

Citation: Pilipenko G. P. (2019) Multilingualism in Enlightenment Europe. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 543–553. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.21

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Российской империи. Исследуется выбор языка на микро- (в рамках одной семьи) и на макроуровне (напр., в системе образования, в государственном управлении, в среде аристократии или духовенства). Рецензируемая книга будет интересна историкам, лингвистам, социологам, антропологам, специалистам по международным отношениям.

Ключевые слова

эпоха Просвещения, выбор языка, латинский язык, местные языки, Европа, образование, духовенство, аристократия, многоязычие

Abstract

The book under review is an English-language collective monograph called "Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance", written by authors from the Netherlands, Italy, Russia, Estonia, and Croatia (edited by Vladislav Rjéoutski and Willem Frijhoff). The subject of the monograph is the language choice in the European countries of the 18th century. This is the sixth book in the Languages and Cultures in History series, and it includes an introduction, eight articles by the international team of authors, and an alphabetical index of names and places mentioned. The Enlightenment was marked in Europe by the gradual abandonment of Latin in education and public administration and its replacement by vernaculars. At the same time, there are peculiarities in every country, particularly in the Russian Empire and Croatia. Archival materials (private letters, memoirs, official questionnaires, statistics) make this book extremely valuable. The authors analyse the linguistic situation in France, the Netherlands, Central Germany, the Estonian Governorate, Croatia, the Hungarian Kingdom, and the Russian Empire. Language choice is discussed at the micro-level (e.g. within one family) as well as at the macro-level (e.g., in education, public administration, among the nobility or clergy). The book will be of great interest to historians, linguists, sociologists, anthropologists, as well as to specialists in international relations.

Keywords

enlightenment, language choice, Latin language, vernaculars, Europe, education, clergy, nobility, multilingualism

В издательстве Амстердамского университета в 2018 г. вышла книга «Выбор языка в Европе эпохи Просвещения: образование, общение и власть» под редакцией Владислава Ржеуцкого и Виллема Фрейхоффа [Rjéoutski, Frijhoff 2018b]. Это сборник исторических, антропологических и лингвистических работ, объединенных общей проблематикой использования языков в европейских странах в период Просвещения. Данное издание публикуется в серии «Языки и культуры в истории», редакторами которой являются Виллем Фрейхофф и Карен Санчес-Суммерер и в которой вышло уже семь работ, в том числе: «Мультилингвизм, национальное самосознание и культурная идентичность: Северная Европа в XVI–XIX вв.» [Frijhoff, Kok Escalle, Sanchez-Summerer 2017]; «Французский как язык интимности в современную эпоху» [Strien-Chardonneau, Kok Escalle 2017]; «Языковая и культурная внешняя политика европейских государств в XVIII–XX вв.» [Sanchez-Summerer, Frijhoff 2017]; «Франкофония на Востоке: на пересечении Франция–Азия (1840–1940)» [Kang 2018]; «Язык, литература и конструирование голландской национальной идентичности» [Honings, Rutten, Kalmthout

2018]. Работы, опубликованные в данной серии, обсуждают роль иностранных языков в лингвистическом и культурном наследии Европы, авторами используется междисциплинарный подход [Rjéoutski, Frijhoff 2018a: 2].

Рецензируемая книга является шестой по счету в данной серии и включает введение, восемь статей ученых из Италии, Нидерландов, Хорватии, России и Эстонии, в конце помещен алфавитный указатель имен и географических мест.

Открывает издание введение, написанное ответственными редакторами *Владиславом Ржеуцким* и *Виллемом Фрейхоффом*. Авторы пишут, что три века национализма в Европе привели к тому, что сейчас мы воспринимаем европейские нации более монолингвальными, чем они есть на самом деле [Rjéoutski, Frijhoff 2018a: 7]. Европа же интересна ситуациями многоязычия. Так, в XVIII в. французский становится языком многих европейских элит, латынь постепенно сдает свои позиции в области образования, а немецкий, итальянский, английский языки часто используются в качестве второго языка. В центре внимания авторов коллективного издания — проблема выбора языка и то, как конкретный язык позиционировал индивида в социально-культурном контексте того времени. В предисловии дан краткий обзор статей и выделены некоторые общие для всех авторов положения. Один и тот же язык не имел идентичных функций и общественного значения в разных европейских странах: ср., напр., положение латыни в Хорватии, России и Франции. Кроме того, процессы языкового развития в разных странах не были синхронными. Также для многих сообществ того времени был характерен поиск культурной легитимности, осуществляемой через выбор языка. Отмечается, что латынь заменяется в сфере образования на национальные языки, и тут же авторы говорят о позиции английского языка как универсального в данной области на современном этапе (тем самым, видимо, сравнивая его с позицией латыни в рассматриваемый период).

Первая статья *Андреа Бруски* (Университет Вероны, Италия) посвящена изучению национального языка французским дворянством в XVII и XVIII в. («Изучая национальные языки, обучаясь на национальных языках. Роль современных языков в дворянской академии Николя Ле Гра и в практиках обучения для знати (Франция 1640 — ок. 1750)») [Bruschi 2018]. Автор обращается к использованию французского языка для обучения в проекте школы в городе Ришелье (1640–1644), который составил Николя Ле Гра, французский священник и доктор. В начале исследования подробно описываются разные учебные заведения, существовавшие во Франции в то время: *collèges*, *petites écoles*, *maisons particulières*. Ранее считалось, что изучение современных языков предназначено для развлечения, а не для науки [Ibid.: 17]. Однако национальные языки со временем утверждаются в качестве языков преподавания, что находит отражение в проектах по образованию. Так, Франсуа де ла Ну (1531–1591) в своем проекте предложил, чтобы все главные книги по военному делу, истории, политике изучались во французском переводе. А Николя ле Гра в письмах к Ришелье писал, что дети учатся на мертвых языках впустую и что необходимо изучать современные языки, напр., итальянский и испанский нужно изучать в сравнении с французским. Он предлагал сократить срок обучения, но не стремился совсем исключить древние языки, а хотел оставить их как предмет изучения. Уже в этих планах заметен постепенный переход от образования на латыни во Франции к образованию на современных

языках. Будучи языками обучения, они становились также объектом изучения и инструментом передачи и усвоения культурных знаний.

Следующая статья «Использование иностранных языков в Нидерландах и образование после 1750 года. Традиционные практики и инновации» написана Виллемом Фрейхоффом (Университет Эразмуса, Роттердам, Нидерланды) [Frijhoff 2018]. Автор исследует распределение французского и латинского языков в учебных заведениях Нидерландов, где уже в то время господствовало многоязычие (напр., французский язык широко использовался в торговле, а также иммигрантами из Франции). Иммигрантами и купцами создавались частные школы, в которых занятия велись на французском языке. Фрейхоффа интересует, как иностранные языки проникали в голландское общество. К XVIII в. французский язык стал уже элементом глобального ландшафта. Отмечено и двойственное положение этого языка в Нидерландах: с одной стороны, это язык врага и вражеской страны, с другой — язык культуры и науки, с доминантной позицией в этой области (автор упоминает Республику ученых). Со временем в голландском обществе приобретают вес другие иностранные языки, так, все больше студентов выбирают немецкие университеты для обучения, некоторые отдают предпочтение итальянским учебным заведениям. Тем не менее французский язык в XVIII в. все еще использовался в качестве языка переписки, дипломатии и торговли. Знание французского было более распространено, чем знание латыни: в XVIII в. латынь была рабочим языком для 3–5% мужчин, в XVIII в. это соотношение сократилось вдвое, доля французского составляла 10% для мужчин и 5% для женщин; среди женщин знание латыни было редкостью [Ibid.: 53–54]. Как и в предыдущей статье рецензируемой книги, автор анализирует образовательные проекты. Первый проект всеобщего образования в Голландии составил Ян Виллем Шомакер, который предложил создать военную школу для мальчиков, где классические языки были признаны ненужными. Принимали туда представителей любой религии. Проект Геррита Ватербендера предполагал создание школы только для национальной элиты, эта школа должна была быть как гражданской, так и военной. Французский язык там должен был быть предметом изучения и языком коммуникации (напр., на уроках рисования). По плану Комитета образовательной реформы, составленному в 1809 г., видно, что классические языки остаются в учебных планах, но их преподавание ограничено и ведется с использованием голландского языка. Латынь и греческий были оставлены только для высших классов, больше внимания было уделено точным наукам и современным языкам.

Статья *Маделен ван Стриен-Шардонно* (Университет Лейдена, Нидерланды) «Применение и функции французского языка как второго в голландской аристократической семье. Семья ван Хогедорп (XVIII — начало XIX века)» продолжает исследование проблемы языкового выбора в Нидерландах, на этот раз на микроуровне — на примере одной аристократической семьи [Strien-Chardonneau 2018]. На основе архивных документов автор показывает роль французского и голландского языков в социальной жизни членов семьи ван Хогендорп, архив которой хранится в Гааге. Прослеживается использование этих языков на протяжении нескольких поколений семьи и делается вывод о том, что двуязычие первых поколений в данной семье сменилось впоследствии многоязычием.

Устанавливается, что при выборе языка значение имеет и гендерная специфика: автором были проанализированы письма, написанные женщинами. В начале статьи дана характеристика общей языковой ситуации в Нидерландах. Следует сказать, что в работе представлен действительно уникальный материал: переписка между членами семьи и их высказывания по поводу конкретных языков. Так, Каролина ван Харен пишет своему сыну Гейсберту Карелу, что нужно знать три языка — латынь, французский и голландский. Французский был языком переписки матери с сыном во время его обучения в военной школе в Берлине в 1773–1781 гг. Братья Виллем и Франц писали друг другу по-французски, но в их письмах встречаются вставки на голландском. Именно они представляют чрезвычайный интерес: можно назвать их разновидностью переключения кода в письменном варианте. Например, Антье ван Хогендорп в своем путевом журнале использует голландский язык, когда описывает работу ветряной мельницы [Ibid.: 73], поскольку французская терминология в данной сфере была незнакома писавшей и в конкретный момент она не могла узнать эти термины. Кроме того, для обозначения напитков и блюд голландской кухни также используются слова родного языка, поскольку они не имели французского эквивалента: напр., *kou-deschaal*, *koek op de ketel* [Ibid.]. Еще одной причиной перехода на голландский язык была возможность выразить на нем большую экспрессию. Так, Гейсберт Карел, когда упоминает свою младшую дочь, пишет по-голландски, поскольку он испытывает к ней особые нежные чувства [Ibid.: 74]. Автор приходит к выводу, что на выбор языка влияет гендерный аспект, политический контекст (напр., отношение к французскому языку из-за революционных событий конца XVIII в.) и вопросы идентичности. Постепенно в письмах появляются и другие языки — и в XIX в. комбинация французского, английского и немецкого станет вполне нормальной и более распространенной.

Ольга Хаванова (Институт славяноведения, Москва, Россия) назвала свою статью «Мультилингвизм versus знание немецкого языка среди административной элиты Венгерского королевства в XVIII в.» [Khavanova 2018]. Речь идет о языковой ситуации в Венгерском королевстве, когда венский двор предпринимает попытки заменить латынь в качестве официального языка на немецкий язык. На основе архивных материалов — описаний чиновниками собственной языковой компетенции — показана реакция государственных служащих на эти устремления правительства в 1770-х — 1780-х гг. Известно, что в общественной сфере (законодательство, образование) в многоязычном Венгерском королевстве доминировала латынь [Ibid.: 88]. Так, в университете в Надьсомбате (совр. Трнава в Словакии) преподавание велось на латыни. Полагали даже, что если перевести законы на немецкий или венгерский, то они утратят свою обязательную силу. Рассматривается и система образования в Венгерском королевстве. Хотя латынь была широко распространена среди чиновников, они владели еще несколькими языками, напр., Янош Тагани знал латинский, немецкий, венгерский и еще один славянский язык — подобные комбинации были вполне типичны для того времени [Ibid.: 89]. Мария Терезия предпринимает попытки введения немецкого языка вместо латыни уже с 1760-х гг. Среди чиновников королевства в 1773 г. проводился опрос, целью которого было выяснение их уровня владения немецким языком. Многие признавали, что не владеют им на необходимом уровне, так как

росли в такой среде, где этот язык невозможно было выучить (из 70 опрошенных 45 оценили свое знание немецкого как неудовлетворительное) [Ibid.: 94]. Хотелось бы отметить достоинство исследования, поскольку для анализа привлекается уникальный архивный материал — самооценка языковой компетенции. В документах, в которых приводятся достаточно объемные цитаты на латинском и немецком языках, виден не только языковой и культурный уровень выходцев из разных частей Венгрии, но и — что особенно ценно — личность каждого чиновника, его особый стиль, индивидуальность, а все вместе это позволяет составить весьма полное представление об употреблении языков в изучаемую эпоху. С целью улучшения ситуации с образованием на немецком языке было основано учебное заведение в городе Сенц (совр. Сенец в Словакии), а также разработан специальный университетский курс.

Далее в статье подробно рассматривается использование языков в области Спиш на востоке современной Словакии. Хотя там существовали значительные поселения колонистов еще со Средних веков, после восстания Ракоци немецкие чиновники были постепенно вытеснены со своих должностей венграми, которые не владели немецким. В статье также приводятся ценные данные опроса чиновников в 1788 г., нацеленного на выяснение их языковых практик. Из 223 опрошенных один человек знал только немецкий, 27 могли читать и писать по-немецки и по-латински, 39 заявили, что владеют венгерским, немецким и латынью, и более 30 — латинским, немецким, венгерским и одним из славянских языков [Khavanova 2018: 105]. Степень владения языком различалась: так, опрошиваемые часто отмечали, что могли говорить и понимать на каком-то языке, но не писать на нем, признавая таким образом свою ограниченную языковую компетенцию. Постепенно молодое поколение чиновников, получивших образование в новых учебных заведениях, поступает на службу со знанием немецкого. Автор приходит к выводу, что, сделав немецкий язык обязательным для чиновников, венский двор стремился таким образом привлечь на службу людей с более широким кругозором, имеющих лучшее образование и навыки.

Ивана Хорбец и Майя Матасович (Хорватский институт истории, Загреб, Хорватия) в статье «Голоса в разделенной стране. Лингвистический выбор в Хорватии раннего нового времени» анализируют языковую ситуацию в хорватских землях в XVIII и XIX вв. [Horbec, Matasović 2018]. Авторы исследуют, как использовались в Хорватии различные языки, прежде всего — латынь, немецкий, итальянский и французский. Изучается, как многоязычие отражало социальные и политические взгляды индивидов. Особое внимание уделено латыни, поскольку она сохранялась в качестве официального языка до 1847 г., что является уникальным случаем для Европы. Однако и в частной сфере латынь также доминировала, на этом языке велась переписка между хорватами. Данное исследование проводилось на архивном материале, изучались переписка, мемуары того периода. Причина сохранения латыни столь длительное время в качестве официального языка заключается в том, что она была для хорватов интегрирующим фактором. Юрист Йосип Кушевич обосновывал легитимность использования латыни у хорватов тем, что она была распространена на данной территории еще со времен римлян [Ibid.: 119]. Хорватский язык долгое время не был упорядочен, существовала литература на нескольких диалектах, язык также

назывался по-разному (славонский, иллирийский, хорватский). Многие поэты писали на латыни, использовали этот язык и в частной переписке. Хорватским банам письма направляли также на латинском. Однако постепенно в переписке он уступает место немецкому языку, в Далмации и Дубровнике в этой функции выступал итальянский язык (иногда в сочетании с французским в Дубровнике и на севере Хорватии). В некоторых городах этнический состав населения влиял на распространенность языка: в Осиеке и Петроварадине говорили по-немецки, в Риеке — по-итальянски. Интересно, что вставки на хорватском иногда использовали, чтобы скрыть какую-либо информацию [Ibid.: 124]. Очень часто определенные сферы были закреплены за конкретным языком: на хорватском обычно читались проповеди, граф Янко Драшкович писал о военных и частных делах по-немецки, а о политике — на латыни, Титуш Брезовачки писал по-хорватски для народа, а свои политические взгляды излагал по-латински [Ibid.: 134]. Причины устойчивости латинского в хорватском обществе авторы видят в том, что он был нейтральным языком и не имел национальной окраски [Ibid.: 135]. Добавим, что интересно было бы узнать о функционировании венгерского языка в хорватских землях, в статье, к сожалению, об этом нет информации.

Михаэль Рохер (Эстония) представил для рецензируемой книги статью «Введение обучения иностранным языкам в школах. Сравнение Священной Римской империи с Эстляндской губернией» [Rocher 2018]. Автор сравнивает школы в Центральной Германии и в Ревеле (Таллин), выявляет сходства и различия в подходах к изучению языков в двух регионах. В XVIII в. во всей Европе падает популярность латинского и греческого языков, изучение французского и других живых языков, наоборот, набирает популярность. В статье дается обзор только некоторых школ Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Бранденбурга. Основной характеристикой их выпускников было то, что они после получения образования оставались работать в своем регионе [Ibid.: 148]. По школам приводится подробная статистика в виде диаграмм. Автора интересует, из каких слоев общества преобладали учащиеся. В результате реформы образования Эрнста II в Саксен-Готе и Альтенбурге количество занятий по латыни и греческому уменьшилось, а в XIX в. латынь стала преподаваться наряду с французским языком как иностранный язык, так как было признано, что она не понадобится ученикам в будущем, роль немецкого языка, наоборот, возросла [Ibid.: 155]. Что касается Таллина, то там попыткам создать систему образования, как в Германии, мешала Северная война. В отличие от Германии, которая расположена в центре Европы, Эстония находится на периферии. Идеи об изменении в системе образования зарождались в Германии и распространялись далее на восток, где большая часть знати была немецкоязычной. В статье делается вывод, что Эстонию не затронули изменения в области образования, которые были приняты в Германии, поскольку эти земли по результатам Северной войны оказались в составе Российской империи. Автор также с сожалением признает, что в статье не удалось показать значение русского языка в школах Эстляндской губернии. Здесь можно согласиться с Рохером, статья в этом случае тематически охватывала бы такой важный компонент местной языковой ситуации, как русский язык.

Владислав Ржеуцкий (Германский исторический институт в Москве) в статье «Латынь в образовании знати в России: история поражения» продолжает тему

использования латинского языка [Rjéoutski 2018]. Латынь не была частью культурной традиции в России, хотя она изучалась в учебных заведениях в допетровскую эпоху, число знающих этот язык было очень небольшим. Утверждается, что история изучения латыни среди дворянства показывает культурные и социальные стратегии данной группы. Автор исследует преподавание латыни в школах при Академии наук и в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, а также в школах при Московском университете. Отмечается, что в учебных заведениях при Петербургской Академии наук латынь изучали через немецкий язык; это приводило к тому, что русские учащиеся отставали, а немецкоязычные учащиеся добивались больших успехов [Ibid.: 173]. В статье приводится статистика изучающих латынь, а также записи в журналах о достижениях учеников по этому предмету. Однако латынь не была в XVIII в. популярна среди дворянства в России: известно, что будущий император Александр I не учил ее, так как его учитель считал это занятие потерей времени [Ibid.: 178]. Ученики заучивали по-французски цитаты из латинских и греческих авторов. Знакомство с античной литературой происходило через французский язык по французским переводам. Именно этот язык становится главным культурным маркером идентичности российского дворянства. Но в XIX в. латынь возвращается в систему образования — с учреждением гимназий, после окончания которых можно было попасть в университет, что, в свою очередь, было условием для поступления на государственную службу [Ibid.: 184]. Автор полагает, что это была реакция российских властей на распространение идей французского образования, особенно в период революций 1830 и 1848 гг.

Статья *Екатерины Кисловой* (Московский государственный университет, Москва, Россия) «Латынь как язык православного духовенства в России в XVIII в.» завершает рецензируемый сборник [Kislova 2018]. Автор детально анализирует использование латыни в среде российского духовенства. Вопрос о лингвистических практиках этой социальной группы до сих пор оставался в стороне, хотя каждый из языков, которым владели представители церкви (церковнославянский, русский, украинский, польский, латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий), был социокультурным маркером и свидетельствовал об уровне образовании. Кроме того, в миссионерской деятельности использовались такие языки как татарский, киргизский, чувашский, монгольский. В статье речь идет только о языках, которые духовенство использовало в образовании: русский, церковнославянский, греческий и латинский. Автора, в частности, интересует, каким было отношение духовенства к латыни, каков был статус русского и церковнославянского языков. Знаковым событием визуального разделения церковнославянского и русского языков стала реформа алфавита в 1710 г. Если через знание греческого языка устанавливалась связь с другими православными церквями, с этого языка выполнялись переводы, то отношение к латыни до Петра зависело от идеологических установок духовенства. Латынь вытеснила греческий в семинариях к концу 1730-х гг., многие курсы преподавались уже только на этом языке (напр., по поэтике и риторике). Знание латыни в петровскую эпоху было более значимым, чем знание греческого [Ibid.: 200]. На утверждение латыни в российских семинариях повлияли украинцы, выходцы из Киевской духовной академии, в которой преподавание латыни имеет долгую традицию. Петр I видел в них опору

в борьбе с «непросвещенным» русским духовенством [Ibid.: 202]. Латынь стала в XVIII в. «корпоративным» языком образованного духовенства и имела для него тот же статус, что и французский язык для дворянства (которому, как мы видели, латынь была практически незнакома) [Ibid.: 218]. Очень часто латынь использовалась духовенством и в переписке: так, письма риторической направленности написаны именно на этом языке, дружеские письма неофициального характера писали по-латински еще в первой половине XVIII в. (частные письма официального характера писали по-русски), тогда как во второй половине XVIII в. в них уже преобладает русский язык, но с многочисленными латинскими вставками [Ibid.: 214]. В российском обществе часто можно было найти критику пристрастия духовенства к латыни, поскольку дворяне этого языка не понимали. Автор приводит ценные архивные документы, иллюстрирующие использование латыни и русского языка в среде духовенства.

Все разделы рецензируемой книги так или иначе посвящены переходу от латыни к современным языкам в публичной и частной сферах в разных слоях общества: в среде знати, духовенства или чиновников (стоит однако отметить специфику применения латинского языка в среде Российского духовенства и в хорватских землях: в России латынь стала «корпоративным» языком духовенства, в Хорватии же вплоть до середины XIX в. она сохраняла статус официального языка). Можно сказать, что речь идет о диахронной социолингвистике, рассматриваемой авторами на микро- и макроуровнях. Очевиден и междисциплинарный подход, сочетающий анализ архивных документов (многие из которых впервые вводятся в научный оборот), изучение компонентов языковой ситуации, социологической структуры общества. Особый интерес представляют примеры языковых контактов в письменной коммуникации, когда приводятся факты переключения кода (статьи [Strien-Chardonneau 2018; Horbec, Matasović 2018; Kislova 2018]). Привлекают внимание также уникальные метаязыковые комментарии, приводимые в статье [Khavanova 2018], когда дается оценка языковой компетенции самими носителями. Ценность этих высказываний состоит в том, что мы можем увидеть и оценить проходящие изменения в языковой ситуации XVIII в. глазами обычных людей. Обширна и география рассматриваемых европейских ареалов. Думается, что для российской научной аудитории было бы целесообразно издать эту книгу в русском переводе, таким образом она будет более доступна научным центрам, библиотекам (тем более что в ней речь идет также о ситуации в Российской империи). Несомненно, рецензируемое издание будет интересно широкому кругу читателей, прежде всего, историкам, лингвистам, этнологам, антропологам, социологам, специалистам по международным отношениям.

Библиография

Bruschi 2018

- Bruschi A., Learning Vernaculars, Learning in Vernaculars. The Role of Modern Languages in Nicolas Le Gras's noble academy and in teaching practices for the nobility (France, 1640–c. 1750), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 15–38.

Frijhoff 2018

Frijhoff W., Dutch foreign language use and education after 1750. Routines and innovations, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 39–64.

Frijhoff, Kok Escalle, Sanchez-Summerer, 2017

Frijhoff W., Kok Escalle M.-Ch., Sanchez-Summerer K., eds., *Multilingualism, Nationhood, and Cultural Identity: Northern Europe, 16th–19th Centuries*, Amsterdam, 2017.

Honings, Rutten, Kalmthout, 2018

Honings R., Rutten G., Kalmthout T., van, eds., *Language, Literature and the Construction of a Dutch National Identity (1780–1830)*, Amsterdam, 2018.

Horbec, Matasović 2018

Horbec I., Matasović M., Voices in a country divided. Linguistic choices in early modern Croatia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 111–142.

Kang 2018

Kang M., *Francophonie en Orient: Aux croisements France–Asie (1840–1940)*, Amsterdam, 2018.

Khavanova 2018

Khavanova O., Multilingualism versus proficiency in the German language among the administrative elites of the Kingdom of Hungary in the eighteenth century, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 87–110.

Kislova 2018

Kislova E., Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 191–224.

Rjéoutski 2018

Rjéoutski V., Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 169–189.

Rjéoutski, Frijhoff 2018a

Rjéoutski V., Frijhoff W., Introduction, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 7–13.

Rjéoutski, Frijhoff 2018b

Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018.

Rocher 2018

Rocher M., Introducing the teaching of foreign languages in grammar schools. A comparison between the Holy Roman Empire and the Governorate of Estonia (Estonia), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 143–167.

Sanchez-Summerer, Frijhoff, 2017

Sanchez-Summerer K., Frijhoff W., eds., *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th centuries*, Amsterdam, 2017.

Strien-Chardonneau 2018

Strien-Chardonneau M., van, Practice and functions of French as a second language in a Dutch patrician family. The van Hogendorp family (eighteenth – early nineteenth centuries), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 65–85.

Strien-Chardonneau, Kok Escalle M.-Ch., 2017

Strien-Chardonneau M., van, Kok Escalle M.-Ch., eds., *French as Language of Intimacy in the Modern Age / Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine*, Amsterdam, 2017.

References

Bruschi A., Learning Vernaculars, Learning in Vernaculars. The Role of Modern Languages in Nicolas Le Gras's noble academy and in teaching practices for the nobility (France, 1640–c. 1750), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 15–38.

Frijhoff W., Dutch foreign language use and education after 1750. Routines and innovations, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 39–64.

Frijhoff W., Kok Escalle M.-Ch., Sanchez-Summerer K., eds., *Multilingualism, Nationhood, and Cultural Identity: Northern Europe 16th–19th centuries*, Amsterdam, 2017.

Honings R., Rutten G., Kalmthout T., van, eds., *Language, Literature and the Construction of a Dutch National Identity (1780–1830)*, Amsterdam University Press, 2018.

Horbec I., Matasović M., Voices in a country divided. Linguistic choices in early modern Croatia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 111–142.

Kang M., *Francophonie en Orient: Aux croisements France–Asie (1840–1940)*, Amsterdam, 2018.

Khavanova O., Multilingualism versus proficiency in the German language among the administrative elites of the Kingdom of Hungary in the eighteenth century, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 87–110.

Kislova E., Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 191–224.

Rjéoutski V., Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 169–189.

Rjéoutski V., Frijhoff W., Introduction, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 7–13.

Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018.

Rocher M., Introducing the teaching of foreign languages in grammar schools. A comparison between the Holy Roman Empire and the Governorate of Estonia (Estonia), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 143–167.

Sanchez-Summerer K., Frijhoff W., eds., *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th centuries*, Amsterdam, 2017.

Strien-Chardonneau M., van, Practice and functions of French as a second language in a Dutch patrician family. The van Hogendorp family (eighteenth – early nineteenth centuries), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 65–85.

Strien-Chardonneau M., van, Kok Escalle M.-Ch., eds., *French as Language of Intimacy in the Modern Age / Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine*, Amsterdam, 2017.

Глеб Петрович Пилипенко, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания

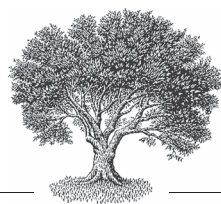
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Россия / Russia

glebpilipenko@mail.ru

Received February 1, 2019

Контрастивный анализ особенностей болгарского и русского синтаксиса

[Рец.: Градинарова Алла
Анатольевна, *Очерки по
сопоставительному синтаксису
болгарского и русского языков*,
София: Изток-Запад, 2017, 500 с.]

Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Syntax Peculiarities

[Rev. of: Gradinarova Alla A.,
*Essays on Comparative Syntax
of Bulgarian and Russian*, Sofia:
Iztok-Zapad, 2017, 500 pp.]

Елена Юрьевна Иванова

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Elena Yu. Ivanova

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В настоящей работе предлагается рецензия на книгу известного болгарского русиста, профессора Софийского университета имени Св. Климента Охридского Аллы Анатольевны Градинаровой, основной сферой интересов которой являются проблемы сопоставительного синтаксиса болгарского и русского языков. В ее новой монографии основное внимание обращено на те явления анализируемых языков, формальные несоответствия между которыми являются следствием типологических различий: сфера пассива и синтаксической безличности, порядок слов, коммуникативно-маркированные фразеосхемы, разные типы полипредикативных структур (от деепричастия до сложноподчиненных и бессоюзных предложений) и др. Контрастивный анализ языкового материала вскрывает важнейшие особенности анализируемых явлений. Это позволяет читателю-лингвисту использовать полученные результаты не только в типологических и сопоставительных работах, но и в исследованиях по русскому языку.

Цитирование: Иванова Е. Ю. Контрастивный анализ особенностей болгарского и русского синтаксиса // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 554–563.

Citation: Ivanova E. Yu. (2019) Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Syntax Peculiarities. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 554–563.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.22

Книга является важным вкладом в изучение сопоставительного синтаксиса славянских языков.

Ключевые слова

русский синтаксис, болгарский синтаксис, контрастивный анализ, модели простого предложения, компоненты простых и сложных предложений, бессоюзное сложное предложение, порядок слов, пунктуация

Abstract

This article presents a review of the book by a major Bulgarian researcher of Russian, professor of Sofia University "St. Kliment Ohridski" Alla Gradinarova, whose scholarly interests focus mainly on the contrastive syntax of Bulgarian and Russian. In the new monograph, the author concentrates largely on the points of divergence in these languages stemming from their typological differences: passive voice and syntactic impersonality, word order, communicatively marked phrasal templates, various types of multi-clause structures ranging from verbal adverb phrases to complex and asyndetic sentences, etc. The contrastive analysis of the language data helps to reveal significant characteristics of the studied phenomena. This allows the use of the obtained results and data not only in typology and contrastive linguistics, but also in the study of the Russian language, as the approach of the author in her studies is based on a profound analysis of Russian data. The book constitutes a major contribution to studies in contrastive syntax of Slavic languages.

Keywords

Russian syntax, Bulgarian syntax, contrastive analysis, models of simple sentence, components of single-clause and multi-clause sentences, asyndetic multi-clause sentence, word order, punctuation

В 2017 г. в издательстве «Изток-Запад» (София, Болгария) вышла книга «Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков» известного болгарского русиста Аллы Анатольевны Градинаровой, профессора кафедры русского языка Софийского университета имени Св. Климента Охридского. Работы этого автора хорошо знакомы отечественным синтаксистам. Ее наблюдения и выводы нашли отражение в таких важных для русистики синтаксических и типологических исследованиях, как [Летучий 2011, 2017; Стойнова 2016; Циммерлинг 2013, 2018] и ряде других. А. А. Градинарова является также автором нескольких глав книги [Иванова, Градинарова 2015], вышедшей в издательстве «Языки славянской культуры».

В предлагаемой читателю новой монографии основное внимание уделено тем синтаксическим явлениям болгарского и русского языков, формальные несоответствия между которыми являются следствием типологических различий. Книга содержит как новые материалы, так и в той или иной степени переработанные тексты предшествующего периода. Включение этих исследований наряду с новыми представляет несомненную ценность, поскольку они были опубликованы в труднодоступных для отечественных лингвистов изданиях и потому оставались малоизвестными в России. Между тем особенность исследовательского подхода А. А. Градинаровой состоит в том, что болгарские конструкции описываются, как правило, на фоне подробного рассмотрения и анализа русских конструкций или

параллельно с ними. Этот анализ неизменно производится с высокой степенью глубины, тщательности и с учетом достижений отечественной русистики и славистики в целом. Контрастивный аспект обнаруживает важнейшие особенности болгарской и русской грамматических систем. Это позволяет читателю-лингвисту использовать материалы и полученные результаты не только в типологических и сопоставительных работах, но и в исследованиях по русскому языку — как, например, в упомянутых выше трудах.

Источниками языкового материала для представляемой книги служат Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), Корпус параллельных русских и болгарских текстов (Успореден корпус на руски и български текстове, Великотърновски университет им. Св. Кирилла и Мефодия — <http://rbcorpus.com/index2.php>) и авторская подборка русских и болгарских художественных произведений и их переводов на болгарский и русский языки соответственно (общий объем этих текстов превышает 22000 страниц). Используются также материалы русскоязычных и болгароязычных сайтов.

Книга состоит из четырех крупных частей. Первый раздел посвящен моделям простого предложения, во втором рассматриваются не только вопросы, специфические для полипредикативных структур, но и общие для простого и сложного предложений. В третьем разделе содержатся наблюдения над порядком слов в болгарском и русском языках. В четвертом представлены основные отличия болгарской и русской пунктуационной системы.

В первом разделе «Модели простых предложений» [Градинарова 2017: 9–137] в сопоставительном плане описываются русские и болгарские конструкции пассива, неопределенно-личная модель, некоторые бытийные предложения и целый ряд конструкций, представляющих хотя бы в одном из сопоставляемых языков сферу синтаксической безличности, в том числе субъектный имперсонал, причастный имперсонал и безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о.

Остановимся на некоторых из этих тем. Формы возвратного перфективного пассива, широко распространенные в болгарском языке (*Решението трябва да се завери от нотариус* ‘Решение должно быть заверено нотариусом’, букв. ‘Решение должно завериться нотариусом’), в русском языке заметно ограничены в употреблении. В то же время А. А. Градинарова оспаривает мнение о полной невозможности в современном языке пассивной интерпретации для русских возвратных глаголов совершенного вида, подтверждая корпусными данными, что возвратный перфективный пассив в современном русском языке не является устаревшей моделью, он продолжает соответствовать потребностям говорящих и в определенных функциональных сферах (прежде всего в Рунете) используется довольно активно: *Зверь поймался мной с третьей попытки, а котами, к счастью, не поймался.* <https://julia-elvin.livejournal.com> [Градинарова 2017: 17]. Здесь предлагается подробный экскурс в историю русского литературного языка — в тот период, когда русский возвратный перфективный пассив представлял собой живую грамматическую категорию; в частности, рассматриваются причины архаизации страдательных предложений с рефлексивными глаголами совершенного вида.

Как отмечает А. А. Градинарова, дискуссионность вопроса о (не)допустимости пассивной интерпретации русских возвратных глаголов совершенного вида

обусловлена во многом тем, что в русском языке часть таких глаголов на -ся не различают пассивное и декаузативное употребление. Между тем в болгарском языке потеря актантом агентивности маркируется сменой предлога. Например, предложение *Залата се препълни от здрави момчета и от двата лагера* 'Зал наполнили крепкие парни из обоих лагерей', букв. 'Зал переполнился крепкими парнями из обоих лагерей', содержит форму возвратного перфективного пассива *препълни се*, агенс выражен именем с предлогом *от* (*от момчета* 'парнями'), а в предложении *Залата се препълни с малки, големи и още по-големи деца* 'Зал наполнился маленькими, большими и совсем уже большими детьми' при декаузативе *препълни се* используется именная форма с предлогом *с* (*с деца* 'детьми'). Поэтому перевод на болгарский язык может служить для русских глагольных образований своеобразным тестом на агентивность [Градинарова 2017: 12]. Так, в болгарском переводе предложения *Даль окуталась туманом* не будет именной агентивной формы с предлогом *от*, характерной для пассива, ср. возможные переводные варианты с формами декаузатива: 'Хоризонтът се обви в мъгла / се покри с мъгла'. Далее в этой части представлено подробное описание условий и сферы употребления болгарского возвратного перфективного пассива, приводятся и его русские функциональные соответствия.

В подразделе, посвященном неопределенно-личным предложениям, показано, что ограничения в использовании болгарской неопределенно-личной модели обусловлены в первую очередь именным аналитизмом болгарского языка, в определенных условиях препятствующим тематизации прямого дополнения. Например, при переводе русских неопределенно-личных конструкций с препозитивным рематическим прямым дополнением (в том случае, если неопределенно-личная модель вообще сохранена) последнее обычно располагается болгарскими переводчиками в постпозиции: *Ну, он немножко удивился, но потом решил, что это просто новое оформление сделали, и стал смотреть дальше* (В. Пелевин) — 'Е, той малко се учудил, но после решил, че просто са направили **ново оформление**, и продължил да гледа нататък' (пер. И. Попова).

Активное использование в болгарском языке конструкций безагенсного пассива и субъектного имперсонала (см. далее) сужает сферу распространения неопределенно-личных предложений. Вместе с тем тексты переводов с русского языка показывают, что болгарские неопределенно-личные конструкции могут быть выбраны переводчиком как функциональное соответствие русским синтаксическим моделям других типов [Градинарова 2017: 27–30], например, безличным конструкциям с модальными словами *надо*, *трудно*, *легко* и инфинитивом: *С дороги его, конечно, трудно было заметить* (Б. Полевой) — 'От пътя, разбира се, беше трудно да го **забележат**' (пер. К. Георгиевой).

В этом же разделе подробно рассмотрена проблема безличности в синтаксических системах обоих языков. Не соглашаясь с распространенным мнением о более узкой сфере синтаксической безличности в болгарском языке по сравнению с русским, А. А. Градинарова доказывает, что безличные конструкции в болгарском довольно активны, причем некоторые из них значительно превосходят по употребительности аналогичные русские. В первую очередь это касается таких моделей, как субъектный имперсонал (*На масата не се пее* 'За столом не поют / не положено петь', букв. 'не поется'), аффективный имперсонал (*Работи ми се*

‘Мне хочется работать’), причастный имперсонал (безличный пассив) (*В морето е плувано, букв. ‘В море плавано’*) и дативная конструкция с предикативом на -о (*Тъжно му е ‘Ему грустно’*). Межъязыковые различия в составе и частотности безличных структур, как показывает автор, непосредственно связаны с типологическими особенностями двух сопоставляемых славянских языков. Приводятся и другие виды синтаксически безличных конструкций, которые не могут быть продуктивными в болгарском языке из-за его именного анимализма; при каждой разновидности объяснены конкретные причины ограничений на воспроизводимость.

Важнейшие для сопоставительной лингвистики наблюдения предлагаются в подразделе, посвященном тому, как в болгарском языке передаются русские безличные конструкции с переходными глаголами и эксплицированным семантическим объектом. Особенности болгарской грамматики не допускают подобной модели. Автор анализирует возможные функциональные соответствия с учетом семантики глагола и коммуникативной структуры предложения: пассив, конструкцию с агентивным подлежащим или декаузатив, как в: *Две лампочки разорвало* (М. Булгаков) — ‘Две крушки се пръснаха’ (пер. Л. Минковой), букв. ‘Две лампочки разорвались’, см. об этом и в типологическом аспекте в [Циммерлинг 2018: 19]. Подобным же образом рассматриваются соответствия русским безличным конструкциям с непереходными глаголами (*В воздухе зашумело; В трубах звенело; Рядом грохнуло*).

В рамках раздела о безличности значительное внимание уделено субъектному имперсоналу — высокопродуктивной в болгарском языке модели, служащей для выражения генерализованного или неопределенного субъекта: *Никога не забравяйте — в секта се бяга. От какво бяга детето ви?* (газ. «Сега») ‘Никогда не забывайте: в секту убегают (букв. убегается). От чего убегают ваш ребенок?’ [Градинарова 2017: 89]. Описаны структурно-семантические особенности этой конструкции, ее деривационная база, назначение, контекстное окружение. Приводятся современные русские функциональные эквиваленты болгарских конструкций. И в этой части имеются экскурсы в историю русского литературного языка, в частности сведения из истории русского субъектного имперсонала.

На фоне сопоставлений с болгарским субъектным имперсоналом рассматривается специфика русских конструкций типа *В статье сообщается о...; Легко работается; С трудом дышится*. Многоаспектному анализу подвергаются конструкции типа *Мне легко дышится*. В поисках ответов на ряд вопросов, связанных с описанием семантики славянского рефлексивного имперсонала, русская модель рассматривается и на фоне русского языкового материала XIX в., и в сопоставлении с болгарским рефлексивным имперсоналом — как с моделью без указания носителя состояния (*Тук се спи добре ‘Здесь спится хорошо’*), так и с моделью, включающей обязательный местоименный датив носителя состояния (*Спи ми се ‘Мне хочется спать’, букв. ‘Мне спится’*), т. е. с болгарской «желательной» конструкцией. Эти перекрестные внутриязыковые и межъязыковые сопоставления позволили А. А. Градинаровой сформулировать основные специфические черты русской модели. Показано, что значения, выражаемые семантически емкой русской конструкцией, в болгарском языке распределяются между формально различными структурами.

Отдельный подраздел посвящен причастному имперсоналу (рус. *В комнате убрано*, болг. *В стаята е подредено*). Механизм его образования, как доказывается в работе, является общим для сопоставляемых языков. Непереходность глагола не составляет препятствия для образования от него предиката данной модели; не имеют принципиального значения для производства конструкции также количество и состав актантов у производящего глагола, поскольку основное ее назначение — фокусирование внимания на семантике результативного состояния. Автор высказывает предположение и приводит доказательства того, что русская безличная модель теснее, чем болгарская, связана со структурой канонического пассива. Различия между болгарским и русским языками обнаруживаются также в объеме производящей базы и в функциональной закреплённости безличных структур с причастным предикатом. Так, в болгарском языке причастные формы от глаголов с делиберативным значением могут образовываться и от непереходных глаголов: *Защо толкова дълго е мълчано за раскрытието* (газ. «Дневник») 'Почему так долго молчали (букв. молчано) о раскрытии'. В тех случаях, когда причастные предикаты могут образовываться в обоих языках, не всегда совпадает область их применения и стилистическая окраска, ср. окказиональное употребление русского причастия *стреляно* от глагола действия несовершенного вида и стилистически нейтральное болг. *стреляно* (е): *Значит, създадено было стреляно, свои стреляли* (Л. Леонов). — *Стреляно е с пистолет със заглушител, който е бил изхвърлен от убиеца до близката бензиностанция* (газ. «Труд») 'Стреляли из пистолета с глушителем, который убийца выбросил у находящейся рядом автозаправки'.

Отметим здесь же, что сопоставительные исследования А. А. Градинаровой в области возвратности и безличности недавно пополнились и еще одним большим исследованием [Градинарова 2019], посвященным «антипассивным» конструкциям, таким как рус. *Иван запасся товаром; Петр бросается камнями; Крапива жжется; Маша красится; Ира обожглась; Он печатается в известном журнале* и др.; болг. *Той се заяжда с нас* 'Он пристаёт к нам'; *Моята котка се окоти с две котета* 'Моя кошка окотилась двумя котятками'; *Той се докопа до парите* 'Он добрался до денег'; *Той се запретна* 'Он засучил рукава'; *Той се намръщи* 'Он нахмурился'; *Той се издължи* 'Он вернул свой долг' и др. В этой новой работе на обширном языковом материале убедительно доказывается, что в основе несоотнесенности русских и болгарских антипассивных конструкций (или, по крайней мере, несовпадения в их продуктивности) лежат особенности русской и болгарской языковых систем (именной аналитизм болгарского языка и синтетизм русского) и связанные с ними различия в количественном соотношении переходных и непереходных глаголов и в деривационной сфере. Важнейшим фактором различий является высокая продуктивность болгарской клитики *се* при производстве собственно рефлексивных и реципрокальных глаголов, а также использование в болгарском языке для выражения посессивного и бенефактивного значения другой возвратной клитики, а именно посессивного и бенефактивного *си*.

Второй раздел «Компоненты простых и сложных предложений. Сложное предложение» [Градинарова 2017: 138–376] начинается с анализа конструкций с описательными предикатами типа *(с)делать выговор / обобщение / предложение* и т. п. Обсуждаются их отличия в сопоставляемых языках при образовании

пассива, декаузатива, рефлексивной конструкции с дательным субъекта, а также возможности номинализации, атрибутивизации и адвербиализации глагольного компонента. В подразделе «Фразеосхемы-тематизаторы» рассматриваются болгарские фразеологизированные конструкции, вводящие тему высказывания, напр. *Що се отнася до N, Колкото до N, Ако (като) е за P* (ср. рус. *Что касается / Относительно N*), а также фразеосхемы, включаемые в условные и уступительные конструкции: *За ходене — ходя, но...* (ср. рус. *Ходить-то хожу, но...*), причем в сопоставляемых языках имеются и грамматические, и функциональные отличия для большинства фразеосхем-тематизаторов.

Особый подраздел [Градинарова 2017: 186–196] отведен широко распространенной в болгарской речи фразеосхеме *X (P)(не) е за P: Това не е за описване* ‘Это невозможно описать’; *Не е за вярване* ‘Прямо не верится’. Показано, что при выборе русского эквивалента необходимо учитывать семантику варьирующегося компонента, структуру высказывания, а также шаблонизацию некоторых комплексов в научной речи: *За забелязване е, че...* ‘Следует заметить, что / Заслуживает внимания тот факт, что...’

Здесь нашли свое место и известные специалистам, но малоизвестные широкому читателю наблюдения А. А. Градинаровой над специфическими формами представления субъекта восприятия в болгарском языке [Градинарова 2017: 196–206]. Так, кодируемый дативом болгарский субъект восприятия, являющийся и субъектом ментального состояния, может входить в актантную структуру глаголов, не имеющих ни в одной из своих диатез ни агенса, ни номинативного экспериенцера: *Тази бира ми горчи* ‘[Мне кажется, что] это пиво горчит’, букв. ‘Это пиво мне горчит’. Как правило, это предложения с глаголами обонятельных, вкусовых и зрительных проявлений, в том числе в их переносных употреблении: *Та тая новина в «24 часа» по-скоро ми жълтее, отколкото да е достоверна* (www.dnevnik.bg) ‘Да эта новость в «24 часа» скорее, **мне кажется, желтая**, чем достоверная’ [Ibid.: 200]. Такой дативный экспериенцер обоснованно рассматривается автором одновременно как субъект восприятия и как «доксический субъект» — субъект мнения, «субъект недостоверного знания» [Ibid.: 196].

Несколько подразделов этой части посвящены проблемам полипредикативных структур болгарского и русского языков. Прежде всего, представлена развернутая картина системы деепричастий и их функциональных аналогов в аспекте двуязычных параллелей [Градинарова 2017: 222–267]. Показано, что ограниченное употребление болгарского деепричастного оборота объясняется отсутствием в болгарском языке деепричастия совершенного вида, функции которого распределены между придаточными предложениями, действительными и страдательными причастиями, предложно-именными сочетаниями, а также особенностями болгарских причастий, которые, в сравнении с аналогичными русскими формами, передают гораздо более широкую гамму качественно-характеризующих, таксисных и обстоятельственных значений.

Переходя к области сложного предложения, автор обращается к комплексу моделей со значением цели в болгарском и русском языках. Впрочем, набор целевых конструкций в данной монографии предлагается в сжатом виде, с акцентом лишь на целевую *да*-конструкцию. Для интересующихся этой темой можно порекомендовать работы [Градинарова 2010; Иванова, Градинарова 2015: 312–322].

Далее в разделе представлены последние по времени разработки автора, посвященные конструкции с союзом *стига да*, многозначность которого показана через семантический анализ и подбор русских эквивалентов, а также предложениям со значением ограничения (союзные комплексы с компонентом *освен* 'кроме': *освен ако*, *освен когато*, *освен да*, *освен че/дето*). Этой теме посвящен самый крупный подраздел [Градинарова 2017: 276–338], поскольку каждый из вариантов союза обладает своей спецификой и требует различных русских функциональных эквивалентов.

Заметим, что представленное исследование семантики болгарских подчинительных союзов, дополненное сопоставлением последних с их русскими функциональными соответствиями и вводящее не описанный ранее языковой материал, представляет особую ценность для практики перевода и лексикографических описаний.

Завершает второй раздел книги сопоставление структурно-семантических типов болгарских и русских бессоюзных сложных предложений.

Третий раздел книги [Градинарова 2017: 377–419] посвящен описанию порядка слов в болгарском и русском языках. Дано лингвистическое объяснение различиям между русским и болгарским языком, касающимся позиции прямого дополнения, взаиморасположения подлежащего и сказуемого, компонентов составного сказуемого, позиции обстоятельства образа действия. Особое внимание уделяется тем правилам словорасположения, которые определяются структурными ограничениями, обусловленными именным аналитизмом болгарского языка. Здесь читатель найдет не только описание кодифицированных правил болгарского порядка слов, но и тех достаточно многочисленных случаев, когда установленные для письменной нейтральной речи нормы не подтверждаются существующей языковой практикой.

В последнем, **четвертом разделе** [Градинарова 2017: 420–470] описаны теоретические основы русской и болгарской пунктуационных систем, сопоставлены русские и болгарские пунктуационные правила. Автор приходит к выводу, что различия между системами связаны прежде всего с теми отступлениями от синтаксического принципа пунктуации, которые лежат в основе многих болгарских правил. В своем развитии болгарская система пунктуации все более и более удаляется от построенных на грамматической основе систем немецкого типа, к которым принадлежит русская пунктуационная система. В настоящее время болгарская система в целом характеризуется высокой степенью эклектизма и является объектом критики со стороны некоторых болгарских лингвистов. Автор высказывает предположение, что движение болгарской системы пунктуации в сторону сближения с системами французского типа будет продолжаться.

В конце книги, вслед за обобщающими и заключительными замечаниями, предлагается обширный список цитируемой литературы, сам по себе имеющий значительную ценность для отечественного читателя.

Вызывает сожаление, однако, отсутствие предметного указателя, который был бы особенно полезен в данной монографии, поскольку в разных разделах книги имеются тематически соотнесенные части. Так, конструкции с устраненным или пониженным в ранге субъектом рассматриваются не только в первой части

книги как модели простых предложений, но и в части, посвященной порядку слов в болгарском и русском языках. Предметный указатель мог бы сделать более наглядной эту соотнесенность.

Обратим внимание читателя также на то, что в книге изобильно представлен иллюстративный материал, прежде всего примеры из художественной речи, которые, как правило, даны с параллельным переводом. В то же время некоторые группы примеров как русского, так и болгарского языков, иллюстрирующие язык форумов и блогов, оставлены без переводов. Впрочем, значительный объем книги (500 с.) делает это решение понятным.

В заключение подчеркнем, что данная монография предполагает широкую читательскую аудиторию: она предназначена не только исследователям, работающим в области славистики, болгаристики и русистики. Книга будет полезна преподавателям болгарского языка в России и русского языка в Болгарии, студентам-филологам старших курсов, а также, безусловно, переводчикам с болгарского языка на русский и с русского на болгарский. В данной работе содержится ценный сопоставительный материал с глубокими теоретическими выводами, продуманным анализом фактов, щедрыми языковыми иллюстрациями. Новая монография А. А. Градинаровой, представляющая в контрастивном плане наиболее значимые особенности синтаксической системы болгарского и русского языков, несомненно, будет востребована в отечественной и — шире — славистической аудитории.

Библиография

Градинарова 2010

Градинарова А. А., *Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса*, София, 2010.

——— 2017

Градинарова А. А., *Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков*, 2017.

——— 2019

Градинарова А. А., Антипассив в русском и болгарском языках, *ACTA LINGUISTICA*, 10, 2019, 3–52.

Иванова, Градинарова 2015

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А., *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*, Москва, 2015.

Летучий 2011

Летучий А. Б., *Безличность*, Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, Москва, 2011 (<http://rusgram.ru>; последнее обращение: 27.10.2018).

——— 2017

Летучий А. Б., *Предикатив*, Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, Москва, 2017 (<http://rusgram.ru>; последнее обращение: 27.10.2018).

Стойнова 2016

Стойнова Н. М., Контроль бессоюзного целевого инфинитива при глаголах каузации движения в русском языке: данные НКРЯ, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016»*, Москва, 1–4 июня 2016, Москва, 2016, 733–745.

Циммерлинг 2013

Циммерлинг А. В., *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*, Москва, 2013.

——— 2018

Циммерлинг А. В., Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке, *Вопросы языкознания*, 5, 2018, 7–33.

References

Gradinarova A. A., *Fragmenty bolgarsko-russkogo sopostavitel'nogo sintaksisa*, Sofia, 2010.

Gradinarova A. A., *Očerki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo iazykov*, Sofia, 2017.

Gradinarova A. A., Antipassiv v ruskom i bolgarskom iazykakh, *ACTA LINGUISTICA*, 10, 2019, 3–52.

Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A., *Sintaksicheskaia sistema bolgarskogo iazyka na fone russkogo*, Moscow, 2015.

Stoinova N. M., Kontrol' bessouzного tselevogo infinitiva pri glagolakh kauzatsii dvizheniia v rus-

skom iazyke: dannye NKRIA, *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2016"*, Moskva, 1–4 i iunia 2016 goda, Moscow, 2016, 733–745.

Zimmerling A. V., *Sistemy poriadka slov slavianskikh iazykov v tipologicheskom aspekte*, Moscow, 2013.

Zimmerling A. V., Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2018, 7–33.

Елена Юрьевна Иванова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии С.-Петербургского государственного университета 190034 С.-Петербург, Университетская наб., 7–9 Россия / Russia
e.y.ivanova@spbu.ru

Received October 27, 2018

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 8. № 1

Институт славяноведения РАН, 2019

Подписано в печать 25 • VII • 2019 г. Формат 70 × 100 / 16.
Объём 35,25 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.